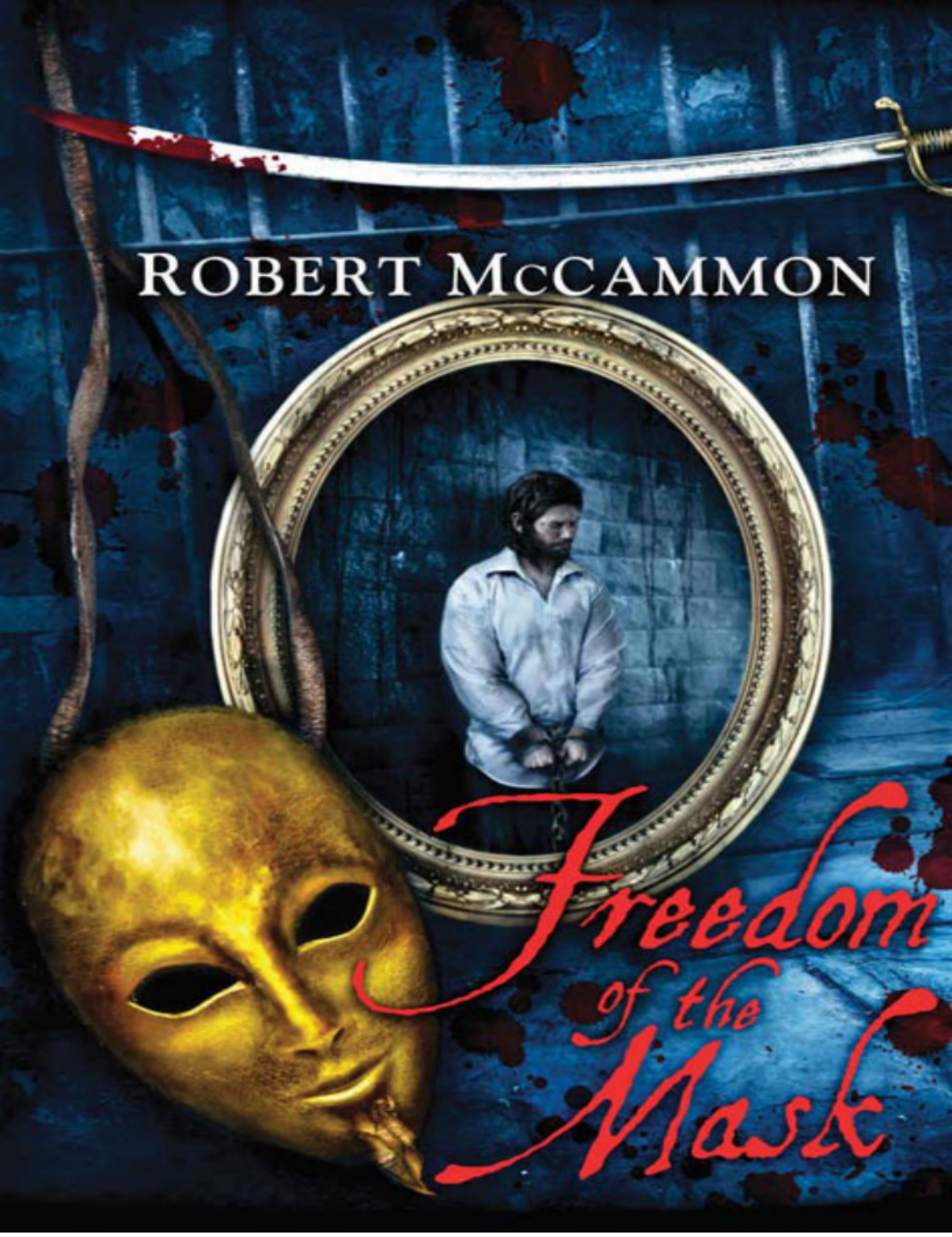
ROBERT McCAMMON
Freedom of the Mask

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Год 1703, Мэтью Корбетт, профессиональный решатель проблем числится пропавшим. Последний раз его нью-йоркские друзья видели его перед тем, как он отправился по, казалось бы, пустяковому заданию от агентства «Герральд» в Чарльз-Таун. Оттуда Мэтью не вернулся. Его старший партнер по решению проблем Хадсон Грейтхауз, чувствуя, что друг попал в беду, отправляется по его следам вместе с Берри Григсби, и путешествие уводит их в Лондон, в город, находящийся под контролем Профессора Фэлла и таящий в себе множество опасностей…

Тем временем злоключения Мэтью продолжаются: волею обстоятельств, он попадает Ньюгейтскую тюрьму — самую жуткую темницу в Лондоне. Сумеет ли он выбраться оттуда живым? А если сумеет, не встретит ли смерть от меча таинственного убийцы в маске, что уничтожает преступников, освободившихся от цепей закона?..

Файл содержит иллюстрации. Художник Vincent Chong.

- Часть первая. Пробуждение
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Часть вторая. Веселый город и его черные грехи
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая
- Глава пятнадцатая
- Часть третья. Враги — старые и новые
- Глава шестнадцатая
- Глава семнадцатая
- Глава восемнадцатая
- Глава девятнадцатая

- Глава двадцатая
- Глава двадцать первая
- Глава двадцать вторая
- Часть четвертая. На что мы готовы ради любви
- Глава двадцать третья
- Глава двадцать четвертая
- Глава двадцать пятая
- Глава двадцать шестая
- Глава двадцать седьмая
- Глава двадцать восьмая
- Часть пятая. Прекрасная могила
- Глава двадцать девятая
- Глава тридцатая
- Глава тридцать первая
- Глава тридцать вторая
- Глава тридцать третья
- Глава тридцать четвертая
- Глава тридцать пятая
- Глава тридцать шестая
- Часть шестая. Одержимый
- Глава тридцать седьмая
- Глава тридцать восьмая
- Глава тридцать девятая
- Глава сороковая
- Глава сорок первая
- Глава сорок вторая
- Глава сорок третья
- От переводчика
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Часть первая. Пробуждение

Глава первая

Взволнованный мужчина сошел по трапу с корабля «Анна-Мария» и ступил на причал Чарльз-Тауна.

Некоторое время Хадсон Грейтхауз стоял на блестящих в лучах солнца досках, изучая раскинувшийся перед ним город с его каменными домами — белыми, светло-зелеными, лавандовыми и голубыми. Буйство красок смешивалось в причудливый, вдохновенный карибский коктейль и терялось в городской пыли последней недели августа. Соленый запах моря, коим он вдоволь надышался за последнюю неделю, пока добирался сюда из Нью-Йорка, окутал его, тут же смешавшись с характерным ароматом болота — царством мха и тины, на котором был выращен этот благородный городок и которое все еще властвовало здесь, растягиваясь на много миль вокруг.

Мужчина надеялся, что это болото не присвоило себе тело Мэтью Корбетта…

Это было единственное течение, по которому плыли его мысли во время всей поездки. Капитан «Анны-Марии» был приветливым господином и держал на своем судне приличный запас бренди, которым с радостью готов был поделиться с тем, кто умеет прясть нить интересных историй. Пряжа Хадсона сплошь состояла из нитей истины, учитывая его почти смертельное приключение в прошлом сентябре, в месте, которое он сам для себя окрестил «Домом на Краю Мира». Однако ни увлеченные рассказы, ни крепкий напиток не сумели отвлечь Хадсона от основных его размышлений: он не сомневался, что что-то плохое — возможно, не приведи Господь, даже жуткое, со смертельным исходом — приключилось с его юным другом и младшим партнером по решению проблем. Именно поэтому он и прибыл в Чарльз-Таун с вопросами, на которые этот город должен знать ответы.

Под чарующими лучами утреннего солнца порт полнился людьми, собравшимися здесь, чтобы поприветствовать пассажиров «Анны-Марии» и, так же, как в Нью-Йорке, распродать свои товары, предложить вновь прибывшим разные безделушки, потанцевать под непринужденную музыку с дружелюбно протянутой рукой, в которую местные попрошайки надеялись получить звонкую монетку. По морю от причала скользили рыбацкие лодки, небольшой флот маленьких шхун и больших океанских бригов скрипел на канатах, удерживавших их; повсюду — там и тут — загружали на судна необходимый груз, который

уже скоро отправится в морское путешествие. Наблюдать за этой работой было интересно, однако у Хадсона не было времени бездельничать. Он перекинул свой холщовый мешок через плечо и устремился вперед с решительным, почти яростным видом, и все, кто замечал его, расступались, чтобы не попасться на пути. Дамы всех возрастов при этом оглядывали чужака заинтересованно, а мужчины нарочито внимательно начинали разглядывать грузы и корабли, с усилием забивая свои трубки и выпуская облака дыма сквозь стиснутые от раздражения зубы. Можно сказать, это играло на руку Хадсону Грейтхаузу, обладавшему внушительными физическими данными, при том, что на лице отражалась печаль интеллигентности и сочеталась с незыблемой привлекательностью бывалого фехтовальщика — с такой внешностью он словно бы посылал предупреждения всем напрасно желающим встать на его пути.

Сейчас его лицо было устремлено на запад с намерением посетить три учреждения, в которых, по словам капитана «Анны-Марии», с радостью принимают щедро платящих гостей. Хотя бы в одном из них должны что-то знать о Мэтью, рассудил Хадсон. Если только мальчишке не подрезали крылья, даже *не дав* добраться до Чарльз-Тауна.

Прекрати это! — скомандовал Грейтхауз сам себе и, похоже, сделал это так энергично, что уже навострившийся в его сторону торговец поспешил ретироваться — осторожно и медленно, будто бы этот грозный незнакомец мог броситься на него, как разъяренная пантера. Затем, более или менее взяв под контроль направление своих мыслей, человек, которого Мэтью Корбетт называл *Великим* прошел мимо тонкого дрожащего попрошайки и уже подумал опустить монету в его оловянную чашу, но в последний момент решил, что не сильно расположен к благотворительным делам сегодня. Как и в любой другой день, пожалуй.

В свои сорок восемь лет Хадсон уже был уже далеко не в такой хорошей форме, как раньше, однако будь он проклят, если позволит кому-то кроме себя узнать об этом! В былые дни многое пыталось сломить его: драки в тавернах, подпольные поединки, нападки наемных убийц, но ничему из этого — даже трем его бывшим женам — не удалось этого сделать. Он был все еще жив и все еще топтал ногами землю. А также — все еще привлекал внимание — если, конечно, верить, что привлекательная и жизнерадостная светловолосая вдова Донован, которая стала для него уже просто Эбби, увлеклась им всерьез. А он хотел верить, что так оно и было.

Хадсон на фоне других мужчин выглядел внушительной

башней при своем росте в шесть футов и три дюйма, в свете чего — он помнил — отец называл его быком, а мать — принцем, да упокоятся их души на Небесах. Сейчас ему казалось, что в нем соединяются оба этих образа. Его густые железно-серые волосы были зачесаны назад, у затылка их перехватывала черная лента. Одет Грейтхауз был в кремовую рубашку с закатанными рукавами, на ногах сидели темно-синие штаны и неполированные темные ботинки из мягкой кожи. Его мощный квадратный подбородок и глубоко посаженные задумчивые глаза, темные, как два непроглядных омута, наводили на мысль об опасности. Неровный шрам пересекал его угольно-серую левую бровь. Единственное, чему он сдался в своей жизни, приняв сокрушительное поражение, это бритье: он отрастил бороду в угоду вкусам Эбби, ей очень понравилось, как борода выглядела на лице Мэтью, когда мальчик вернулся с Острова Маятник в апреле, а Хадсон как раз оправлялся от плачевных последствий встречи с убийцей Тиранусом Слотером, случившейся в октябре. Борода, как говорила Эбби, выглядит мужественно и очень приятно колется, хотя сам Грейтхауз чувствовал лишь то, что она чешется. И если в более юные годы «приятно колется» могло одержать победу над «чешется», то в нынешнем возрасте это лишь делало его раздражительным и с легкостью превращало «принца» в «быка».

Трости при Хадсоне больше не было: от нее начинало слишком многое зависеть, и такой слабости он себе позволить не мог. Да, иногда ему все еще приходилось ухватиться за что-то, чтобы сохранить равновесие, но для этого рядом всегда была Эбби.

Самое худшее во всей этой истории со Слотером было то, что впервые в жизни Хадсон Грейтхауз почувствовал себя абсолютно беспомощным; а также ясно ощутил, как холодная рука Смерти сжимается на его горле, ласково обещая прекратить боль и суля долгожданный отдых. Если бы не усилия Мэтью, он бы, пожалуй, поддался этому зову. Да, без этого мальчика, вытащившего его из колодца, Хадсон знал, что он пошел бы ко дну, и на том все было бы кончено.

Мальчика? Мэтью в свои двадцать четыре года — эту дату он отмечал в мае в кругу друзей в таверне «С Рыси на Галоп» — уже давно не был мальчиком, однако Хадсон невольно продолжал его таковым считать.

Если так, то зачем ты позволил ему отправиться в этот город в одиночку, дурак? — спрашивал он сам себя, когда понуро шагал по причалу, лавируя между модниками, девицами, грузчиками, нищими и, похоже, индейскими вождями. В конце

причала, когда он вышел на улицу, усыпанную раздавленными устричными ракушками, его настиг аромат свежеприготовленной выпечки. Невдалеке у вагончика, загруженного шкурами аллигаторов, стояли торговцы — мужчина и женщина в потрепанной одежде. За свой товар они явно просили слишком много. Эта парочка присоединилась к желающим поприветствовать пассажиров и накрыла свой вагон тентом, чтобы защитить драгоценные аллигаторовы шкуры от коварных солнечных лучей.

Возможно, в любой другой день пассажир из Нью-Йорка не отказался бы подойти и послушать различные истории о том, как эти зубастые монстры были пойманы и освежеваны, но сегодня его срочным делом было поскорее достичь первого из трех мест, которые описывал ему капитан «Анны-Марии» — то была гостиница Каррингтон-Инн, которой владели супруги Каррингтон. Находилось это место ближе всего к набережной.

***

— С Мэтью что-то случилось.

— Что? О чем ты говоришь? Хадсон, вернись в кровать.

— Я говорю, — повторил он для Эбби едва слышно в одно очень тихое утро неделю назад, когда легкое постукивание капель дождя по стеклу вкупе с призрачными солнечными лучами, светившими будто из иного мира, пробудило его. — Что с Мэтью что-то случилось, и будь я проклят, если не отправлюсь за ним в этот чертов Чарльз-Таун, потому что *я* сам втянул его в это. После всего, что ему и так пришлось пережить… я отправил его туда, как улыбчивый дурень! Я сказал, что ему *неплохо бы* уехать из Нью-Йорка, отдохнуть. Вся эта история с Пандорой Присскитт… я думал, что это его отвлечет, успокоит, иначе он просто прозябал здесь, в самом деле! Мы оба это знали: я и мадам Герральд.

— Хадсон… вернись в постель, успокойся.

— *Успокоиться*? Я уже четвертую ночь вскакиваю из-за этого посреди ночи! Я сижу здесь, вот в этом стуле, и смотрю, как ты спишь, а сам думаю о том, что мой друг лежит где-то мертвый! Эбби… он уже должен был вернуться. Одному Богу известно, почему он решил остаться там так надолго без какой-то… если только что-то не….

— А как долго его уже нет? В самом деле, *настолько* долго?

— Больше чем два месяца прошло с момента его задания. Исключая путь туда и обратно, ему бы потребовалось не более

пяти дней, чтобы обойти там все кофейные дома и таверны — чего бы он, зная его, делать все равно не стал — и… ты ведь сама видишь?

— Я *вижу*, к чему ты клонишь, но нельзя исключать возможности.

— Возможности *чего*?

— Что, мой дорогой Хадсон, потеря бороды, похоже, забрала с собой и часть твоей чувствительности, и тебе в голову не приходит, что он мог повстречать девушку и влюбиться. Может быть, это та самая Пандора Присс и была. Возвращайся в постель, мне не терпится обвиться вокруг тебя.

Но Хадсон был полон решимости на этот раз не дать столкнуть свой вагон с дороги. Он сказал:

— Мэтью Корбетт влюблен только в одну девушку: в Берри Григсби. О, ему не удалось провести меня ни на одну чертову секунду! Ни одна женщина, какая бы красивая ни была, не сможет сбить его с ног и поставить перед собой на колени, потому что у Берри Григсби он уже сидит на заднице перед ее любовным заборчиком. И никак не может собраться с мыслями и перепрыгнуть. Но… я думал об этом последние несколько ночей и не хотел преследовать его. Я думал, дам ему еще пару дней. А потом еще и еще, но хватит. Я собираюсь навестить Берри завтра и узнать, не слышала ли она от него что-нибудь. Если нет, я спрошу в «Галопе». Если действительно никто ничего не знает, я сам отправлюсь в Чарльз-Таун на следующем же корабле, найду этого мальчишку и обучу его писать письма даже с сапогом в заднице! Черт, почему я не поехал с ним, Эбби? *Почему?*

— Потому что, — сказала она, и голос ее звучал освежающим лимонадом в душную ночь. — Мэтью может приходиться тебе кем угодно: другом, партнером по работе, но он не твой сын, и ты никак не можешь уберечь его от опасности. Ни ты, ни мадам Герральд. Мэтью гордится тем, что он профессионал. И ты тоже должен оказать ему эту честь. А теперь иди в постель, я настаиваю на твоей компании на полсвечи перед рассветом.

Она была достаточно настойчива, чтобы победить в этой схватке, но основного вопроса это не решило. С первыми лучами утреннего солнца Хадсон был одет и, оставив Эбби за завтраком в настроении, походящим на тропическую бурю за то, что он пренебрег ее мнением, вышел за дверь и отправился по Куин-Стрит к дому Мармадьюка Григсби, городского печатника и родного деда Берри.

Его мощный стук в дверь был настолько громким, что из-за него переполошились и залаяли собаки. На реке позади него господствовал легкий туман, в котором мелькали маленькие

рыболовные суда, перемещающиеся назад и вперед, как старые вдовствующие дамы в белых вуалях в поисках женихов.

Круглолицый и большеглазый вестник последних новостей в городе — в этом месяце его газета все еще называлась «Уховерткой», однако в следующем могла сменить название в угоду очередной прихоти своего хозяина — появился на пороге в своей полосатой ночной сорочке, его странное, непропорционально круглое лицо с сильно выдающимся вперед лбом, все еще было примятым от сна. Пожилой джентльмен начал сутулиться так сильно, что вскоре без труда сумел бы уткнуться зубами в коленную чашечку Хадсона, его водянистые глаза, казалось, готовы были недопустимо далеко вылезти из глазниц — словно это был некий прибор для измерения расстояния, расположенный под густыми белыми бровями.

— Божья милость, Грейтхауз! — послышался голос, скрипучий, но громкий. — С чего так молотить в мою дверь с утра пораньше?

Единственный клок волос, венчавший его лысую голову, поднялся дыбом, как струйка дыма от пожаров в войне с ирокезами.

— Мне нужна информация. Ты или Берри слышали что-нибудь от Мэтью в последнее время?

— От Мэтью? Грейтхауз… нет… о, Господи, петухи-то хоть уже кричали, или все еще зевают на заборах?

— Уже не *настолько* рано. Так что вытряси сон из своего мозга. Мэтью нет уже больше двух месяцев. Я не слышал от него ни слова, и я хотел бы знать, может…

— Мы тоже не слышали, — ответила молодая девушка, появившаяся в коридоре, и стала в дверном проеме комнаты прямо за спиной своего деда. — А должны были? — в ее голосе было слишком много холода для столь теплого летнего утра, и Хадсон знал, что, что бы ни произошло между Берри Григсби и Мэтью после их злоключения на Острове Маятнике, это было явно не к добру.

— Я полагаю, нет, — ответил Хадсон после недолгой паузы. — Просто Мэтью уезжал отсюда по весьма пустяковому делу. Это не должно было занять так много времени.

— Хм, — только и сказала она. На вид девушка была все еще далека от беспокойства, когда приблизилась к входной двери и показала себя во всей красе в сероватых лучах утреннего солнца.

Хадсон не имел понятия, как это прекрасное существо могло ходить в родственниках у столь непривлекательного Мармадьюка Григсби. Она была высокой и держалась горделиво. Румяная, голубоглазая. Прекрасные медно-красные локоны фигурно

падали на плечи, щеки были припорошены россыпью веснушек. Хадсон припоминал, что ей недавно исполнилось двадцать лет, то есть, она была в самом подходящем возрасте для женитьбы, и он знал, что эксцентричный коронер — король костей на чердаке Сити-Холла Эштон Мак-Кеггерс — явно рассматривал ее в таком качестве. Все вопросы, которые Хадсон задавал Мэтью по поводу Берил Григсби оставались без ответа, и Грейтхауз решил, что своим мрачным молчанием его друг показывает, что тема эта — запретна. Неважно, что Мэтью и Берри вместе несколько раз обманывали смерть, стороннему наблюдателю могло теперь показаться, что они расквитались друг с другом. *Должно быть, щекотливая ситуация для этой девушки*, подумал Хадсон, *учитывая, что после всего, что случилось, Мэтью продолжает жить от нее всего в двух шагах.*

Раньше жил, тут же подумал он. А затем: *Хватит.*

— Что-нибудь еще? — поинтересовалась Берри, оттеснив деда от входа и положив руку на входную дверь.

Хадсон не знал, почему, но каждый раз, когда он оказывался в присутствии этой юной дамы, он задумывался об особенном времени года, которое в народе называлось «индейским летом» — то была интересная комбинация солнечного тепла и бодрящей прохлады, которые приходили и уходили, предвещая друг друга. Что-то в том, как смотрели ее глаза, как поблескивали красные яркие ленты в волосах, похожие на первые яркие осенние листья на Манхэттене… наводило на мысль об этом времени — слегка тоскливом, но дающим множество надежд и одновременно напоминающем о том, сколько всего уже миновало и сколько было упущено. В голосе девушки сейчас был холод, который прикрывал сломленный дух. Она не хотела больше иметь никаких дел с Мэтью, и даже последний тупица мог бы почувствовать это по тому, как она держалась.

— Больше ничего, — ответил Хадсон.

— Тогда хорошего вам дня, — сказала она. Он решил, что даже справляться о благополучии Мэтью или о возможных новостях о нем было выше сил этой девушки.

Грейтхауз кивнул и направился прочь, а Берри уже начала закрывать дверь, когда вдруг остановилась и сказала тем же замораживающим тоном:

— Когда найдете мистера Корбетта, можете передать ему, что я и Эштон обсуждали свадьбу.

— Хорошо, — ответил Хадсон, снова разворачиваясь, чтобы показать ей во всей красе выражение своего лица, которое было таким кислым, как будто ему пришлось жевать лимон. — Я уверен, что вы будете очень счастливы вместе среди всех этих…

Дверь жестко закрылась.

— … скелетов, — закончил Хадсон.

Конечно же, подумал он, шагая в сторону трактира «С Рыси на Галоп», чтобы подождать владельца Феликса Садбери, эта девушка не будет счастлива замужем за коронером. Почему Мэтью позволил ей вот так уйти, Хадсон не знал. Разумеется, с тем, какая у Мэтью работа… это было опасно, особенно когда речь заходила о Профессоре Фэлле. При мысли об этом его сердце словно пронзало острое лезвие: ведь это он толкнул Мэтью в эту проклятую поездку!..

В голову вдруг пришла идея, что Салли Алмонд будет открываться чуть раньше со своими специальными предложениями для завтрака, поэтому к ней следует зайти в первую очередь, чтобы спросить, не слышал ли кто что-нибудь от Мэтью, а также утолить и собственный голод. Жаль, в наборе блюд больше не появлялось колбасок миссис Такк — словно единственное постоянное явление в мире пошатнулось.

***

Сейчас, в это августовское утро в Чарльз-Тауне, Хадсон продвигался вдоль Фронт-Стрит, на которой раздавленные устричные раковины уступили место цивилизованному образцу белого и серого камня, обозначающего, что этот город стремится иметь свой определенный статус среди колоний. Кусты карликовых пальм и их более величественные собратья, соседствуя с подстриженными живыми изгородями, раскидывались по обеим сторонам улицы, отбрасывая приятную тень на дорогу, по которой изредка проезжали запряженные вагоны, однако с лошадиным пометом здесь дела обстояли еще не так плохо, как в Нью-Йорке. Хадсон заметил, что некоторые магазины уже открылись, несмотря на ранний утренний час, и хорошо одетые мужчины и женщины под своими роскошными зонтиками неспешно прогуливались по тротуарам.

Каррингтон-Инн представляла собой двухэтажный дом, очень аккуратный, выкрашенный в белый и темно-зеленый цвета. Хадсон вошел через парадную дверь и поднялся по трем ступеням, чтобы оказаться внутри, где он нашел обоих хозяев — мужчину и его жену, застав их за чаепитием в приемном зале и просматриванием записей посетителей.

На вопрос от опрятно одетого мистера Каррингтона о том,

чем они с супругой могут помочь посетителю, Хадсон ответил:

— Я ищу своего друга. Его зовут Мэтью Корбетт, он мог останавливаться здесь…

— О, да, — протянула миссис Каррингтон, перевернув журнал записей на несколько страниц назад, и показала Хадсону знакомую подпись Мэтью. — Он здесь останавливался в конце июня. Собирался отправиться на бал Дамоклова Меча. Вы говорите… он был вашим другом?

— Да, — Хадсону страшно не понравилось, как прозвучало это «*был*».

— Что ж, жаль, — сказала миссис Каррингтон. — Подумать только! Погибнуть в столь юном возрасте!

— *Погибнуть*… — повторил Хадсон и вдруг почувствовал, что в этот жаркий тропический день ему стало очень холодно. — Давайте вернемся немного назад… — он попытался собраться с силами, голос его звучал напряженно. — Что с ним произошло?

— Он был участником той истории об убийстве дочери четы Кинкэннонов, Сары, — ответила женщина. — На плантации Грин Си. О, это была жуткая история! Сару очень любили…

— Мэтью тоже… довольно высоко ценят в Нью-Йорке, так что… не могли бы вы рассказать подробнее про *него*? Продолжайте, пожалуйста.

— Ох, да. Что ж… печально это говорить, но, похоже, молодой человек расстался с жизнью в болотах реки Солстис. Но правосудие свершилось, могу я вам сказать. Ваш юный друг раскрыл настоящего убийцу Сары и погнался за ним — я бы даже сказала, погнался за *обоими* этими негодяями. Но ему пришлось заплатить за это самую высокую цену.

Хадсон не понял, когда успел сесть в кресло: история настолько ошеломила его, что он несколько минут не мог воспринимать окружающую действительность. И теперь — эта самая действительность, собранная по кусочкам, казалась ему не настоящей. Он посмотрел в окно и увидел в порту корабли, а на причале старались заработать свою звонкую монету хозяева послушной ручной обезьянки.

— Не хотите ли кусочек пирога? — предложила миссис Каррингтон. — Правда, я боюсь, это все, что я могу вам пока предложить. У нас все комнаты заполнены в последние дни…

— Нет, — отозвался Грейтхауз, чувствуя себя так, будто в него со всего размаху врезалась огромная морская волна. Тело разбила непреодолимая усталость. — Спасибо, — добавил он. Судя по своему состоянию, Хадсон мог бы просидеть здесь до следующего приглашения на завтрак, но идея провести ночь в гостинице, послужившей последним пристанищем Мэтью на

земле… нет.

Думай! — приказал он самому себе. — *Я что-то упускаю! Думай, ради всего святого!* Но мозг по-прежнему вел себя, как яма, полная бесполезной густой грязи. Ему с трудом удалось хоть как-то расшевелить его, чтобы заставить работать и задать вопрос:

— А где он похоронен?

— Тысяча извинений. Мы — как жители христианского города — выражаем вам свои искренние соболезнования, — сказал хозяин дома. — Мистер Корбетт не был похоронен, его тело так и не было найдено.

— *Не было найдено?* — Хадсон резко распрямился в своем кресле. — Тогда как вы можете быть уверены, что он мертв?

— Сэр, он не вернулся из болот реки Солстис. Не вернул свою арендованную лошадь в загон и даже не заплатил нам по счету. Все эти формальности улаживал после его смерти мистер Магнус Малдун. Именно от него мы и услышали, что ваш друг погиб.

Хадсон встал: кресло ему более не требовалось — появилось срочное дело, срочное путешествие, которое нужно было поскорее совершить.

— Этот человек. Малдун. Где мне его найти?

И вот тяжелые ботинки Грейтхауза уже уверенно вышагивали по Фронт-Стрит, направляясь к небольшому магазину, витрина которого была занимательно украшена, а над входной дверью — весьма лаконично — висела вывеска: «*Интересные украшения. Магнус Малдун. Стеклодув*». Итак, на витрине виднелось несколько его работ — причудливых форм, разных окрасов и размеров. Это были необычные стеклянные бутылки, стаканы и вазы. На некоторых были сделаны даже рисунки: всадник на лошади, уходящий вдаль корабль, дерево, ветви которого трепал ветер…

Хадсон был не особенно впечатлен талантом художника, считая, что чем-то подобным может заниматься только человек небольшого ума. Через витрину он никого не увидел, но почему-то представил этого Магнуса Малдуна эдаким пижоном. Он уже собирался взяться за дверную ручку, как вдруг услышал позади себя чей-то шепот и обернулся на звук, тут же заметив двух чудесных созданий невдалеке от себя — одну в розовом платье, а другую в фиолетовом. Так про себя Хадсон их и окрестил: мисс Пинк и мисс Вайолет. Итак, мисс Пинк что-то воодушевленно шептала мисс Вайолет, а та, в свою очередь, заинтересованно глядела прямо на Грейтхауза.

Даже в этот ужасный день, глядя на них, Хадсон невольно испытал возбуждение, однако сегодня на заигрывания не было

времени — стоило лишь порадоваться, что среди таких девушек он все еще…

Очаровательные леди вдруг приблизились и заглянули в витрину так, будто бы стоящий на их пути Грейтхауз и сам был сделан из стекла — причем, из стекла, вовсе не стоящего внимания. Мисс Вайолет спросила свою собеседницу:

— Ты его видишь? Он там?

— Нет, — ответила мисс Пинк. — Я его не вижу. Я не смогу туда войти, у меня руки будут дрожать! Давай попробуем позже, Фрэн! — и, не уделив посетителю из Нью-Йорка ни секунды, ни взгляда, эта милая парочка чарльз-таунских ромашек поспешила прочь, продолжая хихикать и переговариваться, оставив Хадсона наедине со своими мыслями о том, насколько поверхностно молодое женское поколение и как хорошо, что он не представляет для них интереса.

Так или иначе, Хадсон вошел в магазин, и над ним раздался приятный звон дверного колокола. Именно колокола — нисколько не походящего на маленькие дверные колокольчики других магазинов. Эта громадина висела прямо над дверью и была примерно одного размера с головой Грейтхауза. Звук она издавала такой, что услышать его могли, пожалуй, даже в Каррингтон-Инн.

Не прошло и десяти секунд, как занавески за прилавком разверзлись, впуская в помещение хозяина этого магазина, и Хадсон увидел мужчину, сильно превосходящего его в размерах. В росте — уж точно. Черт, да этот человек был просто гигантом! Его густые волосы были аккуратно причесаны назад, нос был острым и длинным, а подбородок — сильным, квадратным и гладко выбритым. Хадсон прикинул, что этой громадине на вид лет двадцать пять или двадцать шесть… тридцати точно не было. Хозяин лавки однозначно был красивым молодым человеком, но при этом пижоном или щеголем назвать его было нельзя — одет он был весьма просто — в белую рубашку и обычные темно-синие штаны.

— Вам помочь? — глубокий грудной голос, чем-то напоминающий рычание, как ни странно, звучал вежливо.

— Малдун?

— Да, — в железно-серых глазах мужчины мелькнул отблеск любопытства. — А кто вы? Мы знакомы?

— Меня зовут Хадсон Грейтхауз. Я был… я *друг* Мэтью Корбетта, — он заметил, что лицо Малдуна помрачнело и исказилось, как только упомянули это имя. Хадсон невольно напрягся, прикинув, как обезвредить эту громадину одним ударом, если придется. Хотя вряд ли это возможно: скорее кулак

сломается об этот подбородок, чем наоборот… — Я приехал из Нью-Йорка и не уеду, пока не узнаю каждое слово о том, что случилось… и, пожалуй, вы можете мне в этом посодействовать.

Малдун некоторое время не отвечал. Он смотрел прямо в глаза Хадсона, словно пытаясь оценить, что он собою представляет, затем посмотрел на свои руки, огрубевшие от тяжелой работы.

— Ох… — тихо выдохнул он. — Я знал, что это лишь вопрос времени. Что кто-нибудь обязательно явится, чтобы найти его, — он вновь посмотрел в глаза Хадсона. — Кто направил вас сюда? Хозяин конюшни или Каррингтоны?

— Каррингтоны.

— Да. Я оплатил у них счет Мэтью. Вы с ним выполняете одинаковую работу?

— Какую работу вы имеете в виду?

Рот Малдуна едва тронула улыбка.

— Суете свой нос туда, куда не следует. О, не обижайтесь на это, мистер. Я знаю, что Мэтью явился на тот бал с Пандорой-Ее-Величество-Присскит из расчета на *меня*. Он должен был стать очередной моей жертвой дуэли или сбежать, но… все пошло немного не так. А затем… он навестил меня, чтобы помочь мне превратиться — можете себе представить? — в *джентльмена*. В такого, каким был он сам. Ну, я попытался от него отвязаться, но он был упрям, говорил, что его работа состоит в том, чтобы совать свой нос туда, куда не следует, — Малдун обвел благодарным взглядом свой небольшой магазинчик. — И теперь я даже зарабатываю неплохие деньги. Мой Па никогда бы не поверил, что это возможно. По крайней мере, не в этом городе.

— Я понятия не имею, о чем вы говорите, — сказал Хадсон. — Но, я так понимаю, рано или поздно вы перейдете к тому, что случилось с Мэтью. Я готов выслушать это прямо сейчас.

Гигант кивнул. Его улыбка исчезла, а глаза вновь стали печальными.

— Что ж, хорошо. Возьмите стул, — он указал вперед на другую сторону прилавка. — Будет непросто рассказать это. Рассказать, как Мэтью погиб, я имею в виду.

Хадсон предпочел бы стоять, но он понял, что, вероятно, эту трагическую историю и впрямь нужно выслушивать сидя, поэтому он последовал совету, взял себе стул и сел на него, чувствуя тяжесть, давящую на сердце с южной стороны от его совести.

Теперь Грейтхаузу пришлось терпеливо ждать, пока Малдун начнет свой ломаный рассказ. Хадсон решил, что если этот человек скажет хоть слово неправды, он это почувствует, и ради

правды поломает этому человеку не только его жалкие стекляшки, но и каждую кость, пока не выяснит все, что произошло.

— Эта история началась с нашей дуэли на балу, — начал Малдун. — И закончилась в лодке на реке Солстис, среди болот. А то, что было между этими двумя точками… это был ад.

Хадсон ничего не сказал. Он решил позволить этому человеку рассказать свою историю, пусть это займет столько времени, сколько нужно. Пусть опишет и вспомнит каждую деталь спуска в упомянутый ад… или, возможно, Грейтхауз просто хотел оттянуть неизбежное. Или узнать какие-то детали, которые *позволят* усомниться в том, что смерть действительно настигла молодого человека, которым он гордился настолько, что, без сомнения, назвал бы в его честь своего сына.

Глава вторая

— Я до сих пор не могу поверить, — пробормотал Хадсон, отгоняя облако назойливых комаров от лица. — Что вы не вошли в ее дом. Как вы могли так просто поверить сумасшедшей девчонке?

— Как я сказал уже пять или шесть раз, — ответил Магнус с ноткой легкого раздражения в голосе. — Она пригласила меня внутрь, но я счел, что лучше позволить ей переживать свое горе в одиночестве. У меня не было причин думать, что Мэтью находится там. С чего бы мне так считать? А если он и *был* внутри, почему решил остаться? Да и к тому же… она *пригласила* меня — значит, ей нечего было скрывать. В этом смысла ни на шиллинг!

Хадсон лишь хмыкнул в ответ и сосредоточился, направляя своего арендованного скакуна по кличке Гелиос по неровной дороге, ведущей через болотистую пустыню вокруг реки Солстис. Он не стал подливать масла в медленно горящий огонь и объяснять, в чем принципиальная разница между профессиональным решателем проблем и простым стеклодувом, корчащим из себя оного. А ведь заключалась она в том, что стеклодув может делать красивые бутылки и быть совершенно пустоголовым — настолько, чтобы ветер гулял в его голове, беспрепятственно проскакивая через уши — и его соображения не хватает, чтобы рассмотреть проблему со всех сторон. Если бы Малдун попробовал пораскинуть мозгами, он бы вошел в дом, *именно* потому что сумасшедшая девчонка *предложила* это сделать — ведь человек, которому *есть*, что скрывать, вполне мог, рассчитывая на вежливость и простодушие визитера, пригласить его к себе в дом. Смысла в этом было куда больше, чем на шиллинг! Эта Куинн Тейт, живущая в болотном городке Ротботтоме, была, если верить словам Малдуна, последним человеком, кто видел Мэтью живым. Она совершенно помешалась, вообразив, что Мэтью является вторым жизненным воплощением ее погибшего мужа Дэниела — именно такую безумную историю поведал молодой гигант. На самом деле, от Малдуна не потребовалось бы много рассудительности для осознания, что во всем этом деле что-то не так… поэтому к черту версию о том, что Мэтью упал в реку и был растерзан аллигаторами! К черту ее!

Оставалось лишь одно «но», в котором гигант был прав: если Мэтью и вправду находился в доме Куинн Тейт, почему он

остался там?

Что ж… скоро они это выяснят.

Полуденный жар, наконец, достиг своего пика, превратив каждое движение в изнуряющий взрыв. Перед тем, как путники выехали из Чарльз-Тауна и приступили к переправе через реку Солстис, Хадсон почувствовал необходимость приобрести широкую соломенную шляпу — такую же, как носил Малдун — чтобы спасти свой мозг от кипения. Он чувствовал зловонный запах перегноя, тины и ила и не представлял себе, как кто-то может жить здесь, постоянно вдыхая вонь этого Богом забытого места. Затем он вспомнил тех негодяев — «приспособленцев», мог бы поправить его Мэтью — которые продают шкуры аллигаторов в гавани, а ведь кто-то должен был *ловить* этих монстров здесь, потрошить и продавать за ничтожную цену торгашам, которые делали на этом куда бóльшие деньги. Аллигаторов на своем пути Хадсон пока не встретил, однако нескольких черно-коричневых змей, прячущихся в зарослях и сворачивающихся клубком на камнях, греясь в лучах палящего солнца, видел, поэтому решил, что когда найдет своего друга, устроит ему приличную выволочку за то, что пришлось отправляться за ним в эту изнурительную дорогу. *Например, заставлю его в течение месяца вычищать мою одежду,* хмыкнул про себя Хадсон. *А что,* решил он, *вполне подходит в качестве платы за то, из какой дыры мне придется вытаскивать тебя, Мэтью*.

Малдун обернулся на Хадсона, опередив его на лошади на несколько шагов.

— Я проплыл мимо всего Ротботтома несколько раз в попытках найти… — он сделал паузу, подбирая слова. — Хоть что-то, что могло остаться, — закончил он фразу. — Я не хотел верить, что он погиб. Как и вы не хотите верить в это сейчас.

— Покажите мне тело, — прозвучал твердый ответ. — Когда я увижу тело, я поверю.

— Здесь водятся очень большие аллигаторы. Они почти ничего не оставляют, чтобы…

— Просто ведите меня, — перебил Хадсон, вынужденный снова отмахиваться от множества москитов, нещадно норовящих атаковать его лицо. Не приведи Господь еще свалиться с лихорадкой после этого! Возможно, Мэтью придется даже два месяца брать на себя обязанности прачки.

Два всадника продолжали путь под сжигающим солнцем, каждый из них был занят своими мыслями. Еще час или больше пришлось пробираться через бесчисленные рои летающих кровососов, пока первые лачуги Ротботтома не показались впереди. Ветер, повеявший оттуда, принес с собой тошнотворный

запах освежеванных аллигаторов и их шкур, подогретых солнцем, и Хадсон мучительно сморщился, понимая, что запах конского навоза, часто встречающийся на улицах Нью-Йорка, теперь кажется ему настоящим ароматом Райского Сада.

Магнус вспомнил, какой из домов принадлежал Куинн Тейт, и указал направление: это был маленький домик, стоящий среди других таких же маленьких ветхих деревянных хижин, как сорняки, растущих среди болота, хотя гигант и помнил, что жилище девушки отличается относительной аккуратностью и порядком. Девчонка Тейт, возможно, и тронулась умом, но домом своим, похоже, гордилась. Когда Малдун и Хадсон достигли нужного дома на своих лошадях, они привлекли внимание нескольких неопрятно одетых местных жителей, чинивших рыболовные сети, коловших дрова, чистивших рыбу и занимавшихся другими хозяйственными делами. Беловолосая сухопарая женщина, сидящая на крыльце с маисовой трубкой в зубах и стаканом с каким-то напитком в руке, прокричала незнакомцам приветствие голосом, который, похоже, позаимствовала у болотной жабы. Когда Магнус кивнул в ответ, она подняла стакан и проглотила явно жгучее пойло.

Вокруг доносился резкий, как пистолетные выстрелы, собачий лай, пугающий лошадей. Лошади готовы уже были поддаться испугу и начать брыкаться, когда тонкий человек с серой бородой, доходившей ему до пупка, отогнал псов, заорав на них дурным голосом и угрожающе помахав вилами.

Хадсону и раньше доводилось видеть бедные деревеньки, но это место касалось самым убогим из всех. Он подумал, что даже жалкие куски краски, все еще держащиеся на деревянных стенах домов, выглядели печально, и одежда, свисающая с натянутых для сушки веревок, напоминала, скорее, большие изношенные заплатки. Несколько лошадей угрюмо свешивало голову в попытках найти в этой болотистой пустыне свежую траву. Куры бродили по двору, как беспризорники, свиньи лежали неподвижно и дремали, а пара коз оскорбительно мотала головами. При этом везде витал запах разделанных аллигаторовых туш, превращающий воздух в зловонный газ, непригодный для дыхания. Хадсон начинал понимать, что Малдун пытался сказать ему, когда задавал вопрос «*почему* Мэтью решил остаться здесь?» — это и в самом деле было загадкой… если мальчик, конечно, был еще жив.

Это был вопрос, который Грейтхауз не мог позволить себе пустить на самотек. Если Куинн Тейт была последним человеком, кто видел Мэтью живым, значит, есть пара вопросов, на которые ей придется ответить, и Хадсон готов был поклясться перед

Богом, что в противном случае не оставит в этом городишке с гнилым дном камня на камне. [1]

Когда путники приблизились, то уткнулись взглядами в спину женщины, подметающей крыльцо. Она была невысокой и худой, но работала с ожесточенной интенсивностью, как если бы ей необходимо было закончить уборку до захода солнца, чтобы выжить. Пожалуй, ее отчаянный труд был единственным, что удержало Хадсона от того, чтобы требовательно окликнуть ее и вывалить на нее вопрос «*где мой друг Мэтью?*».

Видимо, она услышала стук лошадиных копыт по земле или уловила на себе чужой взгляд, поэтому повернулась к путникам и изучила их глазами, опершись на свою метлу.

— Это она? — спросил Хадсон.

— Нет, — ответил Магнус. — Не она.

Он был весьма озадачен: в прошлый раз, когда он был здесь, он отметил за Куинн привычку плотно закрывать окна ставнями. Теперь — все они были распахнуты.

Массивный человек с лысиной и рыжевато-коричневой бородой вышел из дома — похоже, чтобы поговорить с женщиной, либо с целью поддержать ее в разговоре с неизвестными чужаками. Он упер руки в свои широкие бедра и кивнул приближающимся всадникам.

— Доброго дня! Хотите купить аллигаторову кожу? Недавно освежевали парочку этих тварей, из которых можно сделать неплохие ботинки для джентльменов вроде вас.

— Это нас не интересует, — сказал Хадсон, остановив свою лошадь перед самым крыльцом. Он устремил взгляд на женщину, у которой был широкий подбородок и опасные глаза, напоминающие злобную собаку, готовую броситься на любого неугодного человека и перекусить ему глотку. — Я ищу Куинн Тейт.

— Ее здесь больше нет, — ответила женщина, едва шевельнув губами, чтобы произнести эти слова.

— И где мне ее найти?

— Возвращайтесь обратно на дорогу, — заговорил мужчина. — Поверните налево и пройдите четыре или пять прутиков, воткнутых в землю. Там разберетесь: кладбище у нас небольшое и простое, вокруг него стена стоит, чтобы туда аллигаторы не забрались…

— *Кладбище?* — нахмурился Хадсон, и один его взгляд мог заставить любого человека задуматься о сохранности своей жизни. — Это плохая шутка, сэр, а я не в настроении.

— Это не шутка, — сказала женщина. — Мы с Клемом были следующими в очереди на дом. Неважно, как мы его получили, но

теперь у нас есть крыша над головой. Есть, где растить ребенка. Жаль, что предыдущая хозяйка была убита, но такова уж жизнь.

— *Убита?* — теперь пришла очередь Магнуса быть ошеломленным. — *Когда*? И *кто* это сделал?

— К чему вы, господа, беспокоите дух Куинн Тейт? — послышался голос седовласой старухи, сошедшей со своего крыльца с трубкой в зубах и стаканом в руке. Она подошла к хижине, у которой остановились путники. — Оставьте эту девочку в покое, дайте ее духу найти мир хотя бы в могиле.

— У меня к ней было одно дело, — сказал Хадсон, почувствовав себя изнуренным от жары. Ему показалось, что солнце уже насквозь пропекло ему череп, несмотря на соломенную шляпу.

— Ни у кого больше не может быть с ней никаких дел! Послушайте, я поселилась в этом городке на пятнадцатый год своей жизни и видела все, что мог только видеть человеческий глаз! И самым печальным из того, что я видела, было то, как эта бедная девушка лишилась рассудка после того, как умер ее Дэниел. Ее мужа убил Плачущий Дух. Аxx, вы, дураки из Чарльз-Тауна, ничего не знаете ни о чем! — она махнула рукой с отвращением, и Хадсон заметил, что из пальцев у нее остались целыми только большой и указательный.

— Так просветите нас, — раздраженно настоял Грейтхауз. Он опасался, что голос этой женщины привлечет сюда других жителей Ротботтома и поднимет ненужный шум. А ведь мужчины, женщины и дети всех возрастов уже стекались отовсюду, точно грязные призраки, восставшие прямо из земли. Некоторые из них выглядели настолько хрупкими и тонкими, что, казалось, уже вполне готовы к отходу в мир иной.

— Я вас еще как просвещу, сэр! — она гротескно склонилась и запнулась в конце. Чтобы сохранить равновесие, она качнулась и набрала в грудь воздуха, намереваясь продолжить свою обличительную тираду. — Когда Куинн вернулась сюда с каким-то юношей, которого она считала Дэниелом, никто ничего не сказал, поэтому мы *все* в этом замешаны! Да-да, *все!* — она свирепо огляделась вокруг, испепеляя взглядом собравшихся. — О, мы не раз обсуждали это между собой, но у всех кишка тонка оказалась пойти к девочке и сказать ей, что она сбилась с пути и привела в свой дом чужака, которого надо выгнать, пока… ну…. В общем, что-то плохое *должно* было случиться! И оно случилось! Видит Бог, оно случилось!

— Осадите-ка, мамаша, — настоятельно посоветовал Хадсон. — Я здесь, чтобы разобраться…

— Да *не в чем* тут, черт возьми, разбираться! — эта старуха,

больше похожая на кожаный мешок с морщинами, вышла из себя настолько, что, казалось, может призвать сюда целый отряд фурий… если, конечно, предположить, что ей понадобилась бы такая поддержка. — У меня было три сына и дочка — все погибли явно раньше, чем было положено. Я была замужем за двумя мужчинами, и оба они пропали в пасти аллигаторов, и ни кусочка от них не осталось, чтобы закопать под могильным камнем! Я видела и делала много неправильного в своей жизни, но *самым* неправильным было то, что я так и не поговорила с этой девчушкой, пока этот парень, которого она с упоением называла Дэниелом, делил с ней дом и постель! И *нннишшикккто* из наших «*хороших*» людей не сказал ни одного проклятого слова! Ясное дело, что этот парень и сам с головой не дружил — никто в здравом уме никогда не взял бы имя Дэниела! Он какое-то время жил с ней и прикидывался тихоней, а в один прекрасный день убил ее, перерезав ей глотку! — она сделала паузу, чтобы чуть смочить пересушенное горло. Глаза ее стали черны, как две злобные бездны. — Ее похоронили во вторник, неделю назад, можете посмотреть на крест, который *я* сделала для ее могилы. Я, которая считает, что у Бога для этого мира не осталось ни кусочка сострадания и ни тени сердца! Что ж, теперь Куинн лежит в земле, а ее убийца разгуливает на свободе, вот и вся история. Так что идите и решайте свои дела на ее могиле, детки! И скажите, что это Мау Кэтти послала вас побеспокоить ее кости!

Все это ударило Хадсона и Магнуса каменной бурей. Грейтхауз вдруг вновь почувствовал себя слабым — старые раны, нанесенные Тиранусом Слотером резко дали о себе знать, и наездник едва не соскользнул со своего седла в лужу грязи.

— Ее убийца… *сбежал?* — с трудом сладив с собой, спросил Магнус.

— Испарился сразу, как все случилось, — Мау Кэтти сделала глубокую затяжку. — Его заметили, когда он садился в повозку с тем иностранным джентльменом. Грубияном, который крутил с нашей Аннабель Симмс и сильно избивал ее. Я спросила ее, почему она связалась с таким… и та лишь сказала, что он был *королевских* кровей, какой-то граф, что ли. Похоже, это дало ему какое-то право разбивать ей нос и ломать руку. Божья милость, как же эти дети легко обманываются!

— *Граф,* — повторил Хадсон, собирая воедино свой мозг и свою речь, заставляя их работать единым механизмом, что потребовало огромных усилий. — Как его звали?

— Не помню, но это не отменяет того, что по нему петля плачет.

— Я помню, — сказал загорелый мужчина, вышедший из

толпы. — Его звали Дальгрен. Задолжал мне денег за азартные игры. Его английский был совсем плох, но он сказал, что сможет расплатиться со мной уроками по фехтованию. Я не согласился.

— То есть, он был фехтовальщиком?

— Полагал себя им, но у него левое запястье было искривлено. Он сказал, что это мешает ему балансировать. Какой уж из него теперь фехтовальщик с такой рукой?

Хадсон вспомнил прошлый октябрь и расследование, связанное с «Королевой Бедлама», которое вел Мэтью и которое столкнуло его с прусским так называемым графом — и впрямь опасным фехтовальщиком. Этот пруссак едва не порубил мальчика на куски во время их схватки в особняке, принадлежавшем злодею Саймону Чепелу, члену преступной организации Профессора Фэлла. Хадсон воскресил в памяти то, как Мэтью рассказывал ему, что левое запястье графа было серьезно сломано в этой драке. А еще Грейтхауз помнил, что этот человек — похоже, собрав для спасения жизни все остатки сил, — каким-то образом сбежал из особняка, избежав встречи со спасательным отрядом во главе с главным констеблем Гарднером Лиллехорном, на данный момент принявшим должность помощника главного констебля в Лондоне. С собой в Англию Лиллехорн, к слову сказать, увез и свою сварливую жену Принцессу, и хулигана Диппена Нэкка, который собрался работать там уже в должности *помощника помощника* главного констебля.

Наряду с воспоминаниями и сторонними мыслями Хадсона все еще шокировали слова Мау Кэтти об этом графе Дальгрене… могло ли выйти так, что *тот самый* Дальгрен, сбежавший из особняка, нашел убежище в этом убогом месте? Судя по историям Мэтью, от которых волосы вставали дыбом, Профессор не принимает отказов и не прощает подручных, которые разрушают его планы, поэтому Дальгрен, возможно, очень тщательно разыскивал место, в котором мог бы залечь на дно и скрыться и от Профессора, и от закона.

Но теперь… что могло такого случиться, что заставило бы Мэтью вместе с Дальгреном покинуть Ротботтом… да еще и в качестве *убийцы* Куинн Тейт?

— Просто чтобы понять, что мы говорим об одном и том же человеке… — вновь обратился Хадсон к пожилой женщине. — Вы можете мне описать того, кого Куинн называла Дэниелом? Если это тот, о ком я думаю, то его настоящее имя — Мэтью Корбетт.

— Лучше *вы* его опишите. А я скажу, он это, или нет.

Когда Хадсон завершил свое краткое описание, Мау Кэтти нахмурилась и сказала:

— У него была черная борода, и он выглядел очень худым и изможденным, но это он. У него был шрам на лбу, и я до сих пор вижу его так же ясно, как вас сейчас. Это тот самый человек, который больше недели назад сбежал с тем иностранным ублюдком после того, как зарезал бедняжку Куинн!

Магнус больше не мог сдерживаться.

— Я не верю в это ни на минуту! Мэтью *не был*… то есть, он *не убийца*!

— Тогда подойди и посмотри на мои половицы, — сказала новая хозяйка дома, который когда-то принадлежал убитой Куинн Тейт. Лицо женщины было угрюмым. — Эти пятна крови никогда не ототрутся. Когда тело нашли, девчонка была белой, как задница Снежной Королевы!

— *Черт,* — только и сумел сказать Хадсон, потому что, несмотря на то, что он испытал огромное облечение от мысли, что Мэтью еще жив (по крайней мере, он точно не остался там, где должен был остаться по рассказу Магнуса), все равно эта история оставляла за собой огромное количество неразрешенных вопросов. И самым важным из них был: «У вас есть хоть малейшие предположения, куда они могли отправиться?»

Когда старуха покачала головой, Хадсон адресовал тот же вопрос уже большей группе собравшихся здесь людей, однако никто не сумел дать ответа.

— Сынок, вам похоже, не помешает выпить, — сказала Мау Кэтти и, сделав пару шагов к старшему партнеру агентства «Герральд», предложила ему стакан.

Он взял его. Кукурузная настойка была не самым крепким напитком, который ему доводилось пробовать, но была достаточно сильной, чтобы заставить Грейтхауза почувствовать себя так, будто маньяк схватил его за горло, вследствие чего черные пятна закружились у него перед глазами. Тем не менее, это было тем самым, что требовалось, чтобы очистить голову.

— Вы тоже можете выпить, если хотите, — Мау Кэтти предложила стакан Магнусу, который без колебаний принял напиток из рук Хадсона и сделал внушительный глоток этого жидкого огня, стараясь отогнать прочь мысли о том, как он ушел от этого дома в прошлый раз, когда ставни его были плотно закрыты, а Мэтью находился внутри. Огненная вода не могла излечить эти болезненные раздумья, но на момент она послужила облегчением для Магнуса, чуть притупив осознание своей ошибки и заставив уже не так горько жалеть о том, что он не вошел в этот дом после приглашения Куинн. В конце концов… ну *как* ему могло прийти в голову, что Мэтью находится внутри? Девочка, несмотря на свое безумие, говорила вполне здравые вещи,

сумевшие ввести Малдуна в заблуждение и убедить в том, что Мэтью сгинул на Реке Духов. Но все же…

Хадсон озвучил эту мысль до того, как Магнус успел даже сформировать ее в своей голове.

— Что-то должно было быть не так с этим мальчиком. Я не знаю, что именно… не могу этого понять, но… что могло заставить Мэтью остаться здесь и бросить свою жизнь в Нью-Йорке? *Почему* он это сделал? В здравом уме он никогда бы так не поступил!

Магнус вернул стакан Мау Кэтти, которая сощурилась, глядя на выжженное жарой небо сквозь нависающие ветви дубов.

— Можно с тем же успехом спросить, почему солнце светит и почему ветер дует. Спросить змей, почему они сворачиваются на камнях, а аллигаторов — почему они спят в грязи. Есть вещи, которые нельзя понять и познать, да и, в конце концов, не так уж это и важно. Иногда что-то случается просто… так, как случается.

— *Нет,* — отрезал Хадсон.

— Что? — переспросила она.

— Если мой друг все еще жив, я собираюсь найти его, куда бы его ни забрали. И *я выясню точно*, что здесь случилось, кто убил девочку и почему. Так что премного благодарен за ваше время, за информацию и за выпивку. Нам пора.

— Если вы найдете убийцу Куинн, вы должны передать его в руки закона, — сказала другая женщина в толпе, выглядевшая на несколько десятков лет моложе Мау Кэтти, но при этом казалась не менее потрепанной. — Только у закона есть право повесить его за убийство.

Хадсон кивнул Магнусу, подавая знак, что им пора отправляться. Магнус развернул свою лошадь, и они начали медленно удаляться из поселка, с трудом пробираясь через толпу. Через несколько минут их вновь окружал лишь влажный лес, полный пронзительного пения птиц, гула армии жуков и тонкого писка тучи кружащих повсюду комаров.

Магнус неловко заговорил:

— Я…

— Помолчите немного, — перебил Хадсон. — Мне нужно подумать.

Он посмотрел на своего спутника, сокрушенно опустившего голову и явно пересмотревшего свои недавние твердые убеждения.

— Ваши действия понятны, — вздохнул Хадсон. — Откуда вам было знать, что Мэтью выжил, если эта девушка сказала, что видела, как он утонул в реке? Я хочу сказать… *я* — мог бы начать задавать вопросы и сомневаться, но с чего *вам* это делать? Я

профессионал в таких вещах, ведь это моя работа. Поэтому я *никогда* не верю так просто тому, что мне рассказывают, пока не увижу доказательств своими глазами. Я все еще с трудом верю во *все это*, но… та часть рассказа, что говорит об иностранном графе и о том, что Мэтью уехал с ним… Господи, как же мне это все не нравится!

Магнус молчал несколько дольше, чем его просили, и лишь, выдержав томительную паузу, сумел собрать мысли в кучу и заговорить:

— Что вы собираетесь делать дальше?

— Я предполагаю, что в Чарльз-Тауне есть печатник?

— Да.

— Можно сказать, что он — надежный человек, который работает быстро?

— Да. Я просил его напечатать некоторые объявления.

— Вот то же самое потребуется от него и мне. Напечатать объявления с именем и описанием Мэтью. А также с упоминанием о вознаграждении за информацию. Я развешу эти объявления по городу и посмотрю, клюнет ли на них кто-нибудь.

— Я помогу вам их напечатать, — сказал Магнус. — Похоже, это меньшее, что я могу сделать.

— Спасибо, — поблагодарил Хадсон и вновь затих, задумавшись об этом деле с графом Дальгреном, которое тяжело давило на него. Ну почему… *почему* Мэтью решил куда-то отправиться с *этим* человеком? И убитая девочка… что ж, пока вся эта история никак не складывалась в цельную картину. Похоже, только время поможет что-то прояснить.

Сразу же по возвращении в Чарльз-Таун Хадсон покинул Магнуса и снял комнату в Бревард-Хаус на Брод-Стрит, после чего он в спешке направился к лавке печатника и буквально за шиворот поймал ее хозяина, готового закрыть дверь до самого утра. Силой воли и золота он сумел заставить его исполнить заказ и напечатать двадцать объявлений, содержащих имя Мэтью, его описание, упоминание о награде в одну гинею за любую полезную информацию, которая поможет прояснить обстоятельства исчезновения мальчика, и в две гинеи — за сведения, которые сумеют привести к его непосредственному местонахождению. Грейтхауз жалел, что не взял с собой больше монет, чтобы подсластить этот чай, но от того, чтобы назвать себя богачом он был далек, поэтому пока что только такое вознаграждение, учитывая деньги, которые пришлось потратить на услуги печатника и номер в гостинице, он мог себе позволить. В самом конце объявления Хадсон дал адрес, по которому можно было найти его самого в Бревард-Хаус, и сообщил собственное

имя. Когда печатник пообещал, что в течение двух дней работа будет выполнена, все, что оставалось Грейтхаузу, это отправиться поужинать, а также заказать себе кружку или две чего-нибудь горячительного и, возможно, насладиться музыкой, звучащей в местных тавернах. Что угодно, лишь бы хоть ненадолго забыть, что — пусть он и был вне себя от радости, когда выяснил, что Мэтью, по крайней мере, жив — пару недель назад он даже не предполагал, что мальчик мог угодить в коварные лапы врага.

Через два дня Хадсон и Магнус получили готовые объявления и принялись развешивать их по городу. После этого бывалому человеку из Нью-Йорка оставалось только затаиться, ждать и надеяться.

Во второй половине второго дня томительного ожидания, когда все объявления уже были развешены, миссис Бревард постучала в дверь Хадсона и сказала, что к нему пришел посетитель. Сообщая об этом, она неприязненно сморщила нос. В гостиной он несколько часов к ряду развлекал одного болтливого пьяницу, который утверждал, что не только видел Мэтью Корбетта этим утром, но и уверял, что сэр Мэтью Корбетт — это его давно потерянный сын, которого забрали индейцы далеким летом восемьдесят девятого. Да, разумеется… молодого человека видели среди попрошаек на Набережной Смита, и он не знал ничего о своем отце, потому что разум его был измучен и запутан. Итак… не соблаговолит ли добрый джентльмен отдать обещанную гинею, а лучше и обе, в помощь страждущему отцу, который мечтает по-христиански помочь своему потерянному чаду побороть языческое зло?

— Нет, — ответил Хадсон. — Но за выдуманную историю могу выразить восхищение тем, что позволю вам *убраться* отсюда куда подальше, пока я не вытолкал вас пинком за дверь!

В ответ на это пьяница несколько мгновений сидел неподвижно, а затем, когда слезы начали медленно смачивать его пожелтевшие глаза и сбегать по шелушащимся щекам, он поднялся на ноги и с тихим и чинны достоинством покинул Бревард-Хаус.

Это, подумал Хадсон, будет не просто.

На следующий день с ним говорили только гром и молния, а дождь лил до самого вечера. С улиц и крыш поднимался пар, и Хадсон в это время, расположившись в гостиной Бревард-Хаус, старался скоротать время за партией в шашки с путешественником из Балтимора, который гостил в Чарльз-Тауне проездом и надеялся купить здесь краситель — в частности, цвета индиго, который был хорошо известен и пользовался популярностью в колониях. В этот день никто не явился, чтобы

поделиться информацией. Монеты Хадсона прожигали дыру в его кармане, и час от часа старший партнер агентства «Герральд» становился все раздражительнее, не в силах выносить это ожидание.

Вечером Бреварды подали к ужину отменного сига с отварным картофелем, кукурузным хлебом и луковым супом. А вскоре после ужина Хадсон снова был вызван хозяйкой гостиницы, потому что новый посетитель пришел, чтобы дать показания.

Этот джентльмен был высоким и худым, у него была длинная козлиная бородка и усы, чуть тронутые сединой. Грива струящихся каштановых волос — также чуть поседевшая — была аккуратно расчесана. На незнакомце красовался дорогой винно-красный плащ. В одной руке он держал одну из копий объявления о Мэтью, а в другой нес коричневую трость с большим резным набалдашником. Как только Хадсон вошел в комнату, джентльмен окинул его оценивающим взглядом с ног до головы:

— Черт побери! — воскликнул он. — А вы большой!

— У вас есть информация для меня? — с нажимом спросил Хадсон.

— Ох… ну… я был…

— У вас *есть* информация, или *нет?* — Грейтхауз демонстративно опустил руку в карман и показал незнакомцу блестящую гинею. Глаза посетителя лихорадочно блеснули. Хадсон заметил, что почти на каждом пальце его странного визитера было по кольцу, что казалось неприятной демонстрацией тщеславия.

Джентльмен некоторое время колебался, взгляд его не отрывался от золотой монеты.

— Я полагаю, что есть.

— Тогда я слушаю.

История была следующей: молодой человек, описанный в объявлении, в этот самый момент сидел в таверне «Пять Полных Саженей» через две улицы от этой гостиницы. Молодого Корбетта часто видели там — всегда в подпитии, — и откликался он на имя Тимоти.

— Отведите меня туда, — сказал Хадсон.

— Ну… я хочу сказать… это может прозвучать нескромно, но меня выбрали из всех завсегдатаев «Пяти Саженей», чтобы я пришел сюда и все вам рассказал, и остальные не обрадуются, если я вернусь без оплаты.

— Я ничего вам не заплачу, пока не увижу мальчика.

— Да, разумеется, но я просто предлагаю вам взять с собой достаточно монет, чтобы вознаградить меня и шестерых моих

друзей.

— У меня с собой достаточно, — Хадсон прикоснулся к другому своему карману, где лежала горстка монет. Это мероприятие хорошенько его обчистит, но если Мэтью действительно находится в той таверне, сделка стоит того, а о том, как вернуться на пакетботе в Нью-Йорк, можно будет подумать позже. Он потратил несколько минут, чтобы сообщить миссис Бревард, куда он направляется, если кто-то еще будет спрашивать его, и затем вернулся к своему посетителю. — Идем.

На улицах было тихо и все еще мокро после дождя. Во множестве окон, мимо которых они проходили, горел мягкий свет свечей. Где-то аккордеон играл задорную мелодию, слышался хриплый мужской голос и женский смех, однако облаченный в винно-красный плащ джентльмен уводил Хадсона все дальше от празднеств и веселья.

Когда незнакомец повернул на узкую тихую улочку и заговорщицки прошептал: «Сюда, сэр, так быстрее», Грейтхауз уже почуял запах скунса и узнал знакомую игру.

Двое мужчин, что скрывались в темноте витрины магазина, набросились на Хадсона с поднятыми дубинками. Третий человек (точнее сказать, четвертый в этой банде разбойников), похоже, решил, что лучше всерьез подумать, прежде чем связываться с кем-то такого размера, и отступил, притворившись, что ему камень попал в ботинок.

Джентльмен в плаще набросился на Грейтхауза со своей тростью, внезапно извлекая спрятанный в нем тонкий стилет. Хадсон парировал удар левой рукой, сделал шаг в сторону этого вычурного любителя клинков до того, как тот успел даже сделать замах, и ударил его в челюсть с такой силой, что козлиная бородка и усы едва не разлетелись в разные стороны от тела, которое рухнуло безвольным пудингом прямо в кучу лошадиного навоза. Второй человек скользящим ударом попал Хадсону в плечо своей дубинкой, а в следующий момент уже лишился передних зубов, его нос при этом приобрел новую геометрическую форму. Четвертый человек, справедливо опасавшийся за сохранность своей шкуры, уже уносил ноги прочь, независимо от того, сколько камней угодило в его ботинок.

Третий потенциальный грабитель попытался нанести удар дубинкой, но Хадсон попросту возвысился над ним:

— Тебе на вид лет шестнадцать, — хмыкнул он. — Неужели ты бросишь глупую затею лезть ко мне, только если я тебя покалечу?

Ответ последовал незамедлительно: «Н-н-нет, сэр», после чего юнца и след простыл.

Хадсон расстегнул штаны и демонстративно помочился на лежащих без сознания бандитов: джентльмена в плаще и парня с новой формой носа. Затем он вдохнул влажный ночной воздух и чуть потер ушибленное плечо. Он чувствовал себя одновременно печальным и полным энергии, поэтому решил не тратить эту вечернюю прогулку впустую. Грейтхауз повернулся и направился туда, откуда слышал звуки аккордеона и смеха, решив выпить кружку эля и, возможно даже провести время с какой-нибудь милой девушкой после столь печального приключения.

Разумеется, звуки доносились из той самой таверны «Пять Полных Саженей», в которой веселье шло полным ходом. Появление Хадсона в прокуренном, шумном, тускло освещенном, обветшалом и удивительно грязном заведении осталось совершенно незамеченным остальными посетителями — они были слишком заняты своей болтовней, заменой осушенных кружек на полные и тем, чтобы подавальщица вовремя вытирала их столы. Также без внимания не оставалась рыжеволосая женщина, весившая не менее трехсот фунтов, игравшая на аккордеоне мелодию, без труда могущую принадлежать самому Дьяволу. Хадсон оглядел местное колоритное общество и усмехнулся: такие сборища были ему по вкусу и сильно напоминали о Нью-Йорке.

Он уселся за небольшим столиком, и к нему ураганом подлетела девушка, которая, казалось, раньше слишком часто подмигивала посетителям, и теперь ее правый глаз был обречен дергаться вечно. Грейтхауз заказал свой эль и получил в ответ яркую улыбку светловолосой девушки, которая в таком освещении могла бы показаться Герцогиней Желания — такой хорошенькой, что хотелось зажать эту сестричку в уголке и хорошо провести время!

Вскоре Хадсон обзавелся кружкой эля, сделанного на яблочной браге, от которой могли расплавиться волосы на груди, быстро влил в себя напиток и потребовал вторую порцию. Прислуживающая девушка принесла ему наполовину сожженные колбаски на тарелке, когда он попросил что-нибудь на закуску. Властительница аккордеона закончила последнюю мелодию, вразвалку прошлась, собирая монеты, и направилась восвояси. Некоторые посетители тоже поспешили уйти, и место слева от Хадсона освободилось. Возвращаться в Бревард-Хаус ему совершенно не хотелось, потому что в его комнате, где было больше теней, чем света, он мог снова начать верить в то, что Мэтью никогда не найдется, и от одной этой мысли желудок печально скрутило узлом. Он уже готов был продолжать молча сетовать на Судьбу и обстоятельства, распаляя свой гнев

яблочным элем, когда кто-то слева от него вдруг спросил:

— Мистер Хадсон Грейтхауз?

Он посмотрел в лицо человека, который казался, скорее, куском чернослива, чем мужчиной — столько на нем было морщин. Белый порошок макияжа припорошил щеки этого господина, что делало его внешность только более броской и почти пугающей. Человек был длинным и худым, возраст невозможно было определить из-за грима, но молодым цыпленком его назвать было трудно. Боевым петухом, возможно, подумал Хадсон… или, возможно даже, спящей змеей. Эта неприятная карикатура на аристократа носила дорогой серый костюм с чистой и явно очень недешевой рубашкой, голубым жилетом и серой треуголкой, под которой торчал парик с, наверное, тысячей локонов — достаточно густой, чтобы головной убор солидно приподнимался на макушке.

— Вы — Хадсон Грейтхауз, не так ли?

— Он самый, — был ответ. — А кто меня спрашивает?

— О, Боже, столь неприветливы прямо сразу? Леди Бревард сказала мне, что вы будете здесь и, похоже, не зря упомянула, что вы… как же она выразилась?.. *Резковаты*.

— Я родился резковатым. А скоро стану очень злым. Кто вы, черт возьми?

— Граф Томас Каттенберг, к вашим услугам, — человек слегка кивнул, и это движение грозило окончательно сбросить треуголку с его головы. Хадсон почувствовал, что напрягается, готовый поймать несчастный головной убор. Чересчур сдобренное гримом человеческое недоразумение обвело взглядом помещение, и его темные глаза, утопающие в складках плоти, странно сверкнули, затем человек сфокусировал все свое внимание на Хадсоне и заговорил. — Мэтью знал меня под именем Исход Иерусалим в небольшом городке Фаунт-Ройале, да простит Господь тамошним людям их дурь, — он пожал плечами, и рот его сжался плотно, как кошелек скряги. — Еще одна страница, перевернутая в книге моей жизни.

Хадсон потянулся за кружкой, но замер, стоило незнакомцу произнести имя его молодого друга. Он так и остался сидеть без движения, боясь, что единственная зацепка может снова ускользнуть от него.

— Вы… *знаете* Мэтью?

— Знаю. Я увидел объявление сегодня после полудня и решил, что лучше всего будет отыскать вас лично.

— Ох… Боже, приятель, присаживайтесь!

— Присяду, спасибо, — Томас Каттенберг, знатный господин из провинции, которую никто не смог бы отыскать ни на одной

карте мира, опустился на шаткий стул, как будто опускался, как минимум, на золотой трон. Его улыбка в свете свечей выглядела откровенно пугающей. — Давайте обговорим финансовую сторону вопроса, прежде чем двинемся дальше по этой дороге. Сколько денег вы принесли?

— У меня… — Хадсон пришел в себя, словно в мозгу его пронеслась вспышка. Он ударил кулаком по столу. — А теперь придержите-ка лошадей на минутку! Вы хотите сказать, что *продаете* мне информацию?

— Не *просто* информацию. А именно *ту*, которую вы так ждете. Вы хотите знать, куда направился Мэтью, верно? Я могу рассказать вам это.

Хадсон, наконец, добрался до кружки и сделал большой глоток. Его злость на исчезновение Мэтью, вымогательство этого Джонатана-Рока — или как он там себя называл? — вскоре могла заставить Великого вскипеть и устроить здесь беспорядок. Грейтхауз почувствовал, как лицо его раскраснелось от гнева.

— Слушайте сюда! — прорычал он, схватив графа Каттенберга за кружевную манжету. — Я предлагаю вам вот, что: или вы *сейчас же* расскажете все, что знаете, или…

Господин рассмеялся, и это пугало еще больше, чем его улыбка.

— Дорогой мистер Грейтхауз, — спокойно произнес он под аккомпанемент далекого громового раската, и глаза его отразили красный огонек свечи. — Угрозы насилия и насильственных *действий* не помогут вам ничем, они лишь встряхивают мозг и ухудшают память. Вы из Нью-Йорка, поэтому должны *разбираться* в таких вещах. Увы, — сказал он, мягко высвобождаясь из хватки Хадсона. — Я, похоже, полагал вас полезным пшеничным зерном, а не сорняком. Впрочем, может, я поспешил с выводами? Итак, мой вопрос остается прежним, сэр: сколько денег вы с собой принесли? — затем он тут же отмахнулся от собственного запроса. — А неважно! Так или иначе, я хочу всё.

— Сначала информация.

— Исключено. Деньги вперед.

— У меня восемь гиней.

— О, уверен, вы можете лучше.

— Хорошо. Десять.

— Продолжайте поднимать, самый пик уже в поле зрения.

— Вы были другом или врагом Мэтью? — спросил Грейтхауз, и глаза его сузились в тонкие щелочки.

— Мы с ним *поняли* друг друга, — сказал Каттенберг, и легкая улыбка пересекла его лицо в скользком ожидании взятки. — Как, я надеюсь, и *мы с вами* понимаем друг друга

сейчас. Итак, ваше следующее предложение?

Хадсон решил, что этот человек — петух, змея или кем он там еще был — мог читать его мысли.

— Двенадцать гиней, — сказал он и извлек из кармана кожаный мешочек, поболтав его перед лицом так называемого дворянина. — Это все. Все, что я принес. Я отдам вам это и не представляю, как буду платить по счету здесь.

— Я уверен, — сказал Каттенберг, грациозно принимая предложение. — Что умный и образованный человек, вроде вас, сумеет что-нибудь придумать.

Он открыл мешочек, и лицо его исказила гримаса жажды золота.

— Должен заметить, это не так много, как я рассчитывал получить, но…

Рука приблизилась к его подбородку и сжала угрожающе крепко, а затем похлопала его по щеке, припудрив ее самой нежной из смертельных угроз.

— Где Мэтью Корбетт? — спросил Хадсон, наклонившись вперед. На вид он сейчас был опасен, как водяная буря.

— Действительно, где же, — сказал человек, который когда-то звался Исходом Иерусалимом, но на самом деле заключал в себе несколько личностей, которые соответствовали его цели на данный момент. Он облизал пересохшие губы. — Я скажу вам, что увидел в порту чуть больше недели назад, и будем надеяться — милостивый Иисус, будем надеяться, — что кости юного Мастера Корбетта не нашли последнее прибежище в коралловых рифах, что он не сгинул в морских пучинах, что морские нимфы не пробили по нему похоронный звон и что он не спит теперь на глубине полных пяти саженей.

Глава третья

Крепнущий ветер. Зловещий занавес облаков, простирающийся от горизонта до горизонта. Закручивающееся море, отбивная из белых барашков, развивающиеся паруса и постоянный топот блока и снасти от ветра, не знающего сна и неустанно сражающегося со своим противником-кораблем. Затем, когда чернильные тучи обволакивали серые небесные просторы, гром взрывался повсюду своим могучим басом, и вилы молний рассекали воду, дельфины покидали свои излюбленные позиции у самого носа двухмачтовой бригантины «Странница», связывающей Чарльз-Таун и порт Плимут, и уплывали, предупреждая членов команды о большой беде.

«Странница», будучи старым кораблем, избитым уже не одним штормом и натерпевшимся пренебрежительного отношения от своих владельцев и капитана, сейчас переживала свой самый рискованный час. Из черноты облаков, пронизанных сердитыми прожилками фиолетовых зарниц, вылетали банши, сотканные из ветра и брали море под свой контроль, готовые взбить его в пену и довести до исступления. В одно мгновение «Странница» взбиралась по зеленым горам, а в следующее — уже скользила по жидким утесам и вот-вот могла переломиться на две части, однако удачная волна подбирала судно и толкала его вверх своими белыми водными кулаками, насильно сохраняя ветхие половины вместе и демонстрируя изъеденному паразитами корпусу силу Природы.

По мере того, как носовая часть корабля спускалась вниз под углом, заставлявшим женщин кричать от ужаса, детей выть, а мужчин молча промачивать свои брюки, бушприт разреза́л море, и то — в своей ярости и негодовании — взрывалось над «Странницей», сотрясая ее древесный корпус, и выбивало из старых мачт жалостливые стоны, вторящие голосам перепуганных пассажиров. Все присутствующие молились о выживании, осознавая, что, на самом деле, Ад был мокрым, соленым и неумолимым. И пусть раскрытые паруса неистово сражались со стихией, вся возможная мощь Нептуна обрушивалась на корабль, а «Странница» явно не была подготовлена к такой схватке, которая, по правде говоря, могла считаться самым сильным штормом, который доводилось встречать любому судну военного флота, не говоря уж о такой деревянной безделушке.

Воистину, стихия была в самом разгаре…

— Где капитан? Во имя Господа, где капитан? — кричал тощий мужчина в мокром-мокром черном костюме с налетом желтой плесени, когда глаза его от ужаса практически сделались размером с целую голову. Он держал грязную масляную лампу, выхватывающую своим слабым светом из прохода одного из членов экипажа, который, похоже, уже несколько раз за это путешествие успел проклясть и само судно, и всех его немногочисленных пассажиров, которых насчитывалось четырнадцать. Вода плескалась высоко, волны поднимались из

самой глубины, неся с собой мусор, когда-то уплывший с причалов.

— Мистер Роксли! — закричал держащий лампу, когда корабль поднялся на пугающую высоту. Его Преосвященство Енох Феннинг на всякий случай схватился за веревку, привязанную в проходе, и понадеялся, что его не вышибет из сапог морским потоком, когда «Странница» вновь начнет опускаться. Опасения оправдались: обувь, сбитая волной, послушно соскользнула с него, однако сохранить пламя лампы получилось. А Роксли, который, похоже, уже получил травму головы в прошлом столкновении с переборкой, был сметен свежим потоком зеленой воды, которая залилась через открытый люк.

— Капитан Пеппертри! Капитан Пеппертри! — закричал Феннинг со всей силой своих легких, хотя его проповеднический голос не мог идти ни в какое сравнение с силой ветра. — Святой Боже, кто-нибудь, возьмите на себя командование кораблем! — завопил он.

Почти рыдая, он постарался взять себя в руки и пробить себе путь на корму через порочные маленькие волны, а вокруг него прыгали выброшенные на борт серебряные рыбы.

Вход в кают-компанию был взломан в этой суматохе, поэтому, когда Феннинг пробирался вперед в каюту капитана, одного из трех козлов вынесло на борт, и тело с переломанной спиной перекрыло проход, когда «Странница» исполнила очередной элемент своего насильственного танца на волнах. Мертвая курица, которую вынесло оттуда же, теперь стала похожа на неясное месиво.

Сморщившись, Феннинг снова закричал:

— Капитан Пеппертри! — но голос его достиг только собственных ушей. А затем корабль начал подниматься… подниматься… подниматься… древесина закричала, заскрипела и начала трещать, как трещат от разрыва суставы… И внезапно судно опустилось так резко, что руку Феннинга почти вырвало из плечевой сумки, когда он попытался удержаться за веревку. Труп козла ударился о переборку с такой силой, что спина его треснула снова. Феннинг и сам едва избежал подобной участи. Труп животного проплыл мимо него по проходу, царапая мертвыми копытами стены. Другая атлантическая волна прокатилась по кораблю, прогнав по нему новый ураган дрожи.

Феннинг продолжал идти. Дверь в капитанскую каюту была открыта — помещение представляло собой маленький неприглядный отсек, превращенный океаном в хлюпающее месиво, заваленное мусором и промокшими бумагами. Внутри не было ни малейшего признака света. Море тем временем

продолжало бить своими кулаками по обеим сторонам корпуса корабля и, казалось, использовала таран размером с лондонский Тауэр. Феннинг направил свою лампу в темноту, и там… там, за своим столом — который явно должен был быть прибит к полу — в рваном кожаном кресле сидел капитан Габриэль Пеппертри, сжимая в руке наполовину осушенную бутылку рома. Его серобородое лицо было полностью лишено каких-либо красок, покрасневшие глаза не выражали ничего, плечи были опущены, спина ссутулилась, и в целом этот человек производил впечатление того, кто сидит на краю собственной могилы.

— Капитан! — прокричал священник, удерживая себя в вертикальном положении в дверном проеме ходившего ходуном корабля. — Судно вот-вот развалится на кусочки! Прошу вас, примите командование и *сделайте* что-нибудь!

Капитан Пеппертри посмотрел на него… ну, или, по крайней мере, в *его направлении*. Веки его были наполовину опущены. Рот дернулся в тщетной попытке что-то произнести, но… больше ничего не произошло.

— Я умоляю вас! — призывно обратился Феннинг. — У вас есть команда и пассажиры, вы за них в ответе! Пожалуйста, придите в себя и выполните свой долг!

Капитан Пеппертри, похоже, сейчас предпочел бы прирасти корнями в земле и остаться в таком положении на протяжении всей жизни. Он приподнял бутылку с ромом, сделал долгий глоток и начал вставать, сопротивляясь качке своего судна, в которое, не переставая, со всех сторон врезáлось море.

Он начал сомневаться где-то в середине процесса.

Затем желудок капитана извергнул свое содержимое прямо на стол, сам мужчина упал и потерял сознание, приземлившись лицом в остатки вчерашней каши и сегодняшнего напитка из сахарного тростника.

Феннинг позволил себе издать отчаянный плачущий стон, ибо Роксли был травмирован, а капитана, считай, уже не было, и никто не мог принять на себя командование кораблем. Остальная часть экипажа зарылась на корабле в уголки, еще более потаенные, нежели пассажиры. Ничего невозможно было сделать. Священник отвернулся от одного трагичного зрелища, чтобы тотчас уставиться на другое: утонувшая свинья с потоком воды безвольно плыла по проходу. Животное захлебнулось, как, должно быть, в конце захлебнутся все, потому что этот забытый Богом и бесхозный корабль вскоре развалится на куски… и, судя по вою ветра, стуку волн и скрипу древесины, играющей свою Дьявольскую мелодию, ждать осталось недолго.

У Феннинга не было выбора, кроме как пуститься в новый

путь — в трюм, где ютились его попутчики, насквозь промокшие и дрожащие, ожидая обнадеживающих слов о состоянии капитана, который, как они думали, еще мог спасти судно от погибели.

Бушующий океанский простор поднимался до самой палубы «Странницы», волны обдавали женскую деревянную фигуру, что была вырезана на носовой части и когда-то казалась безмятежной, как луна, чей лик был безразличен к насильственному воздействию шторма.

Тринадцать других пассажиров собрались в трюме и держались за канаты, чтобы качка не разбросала их в стороны. Изекия Монтгомери, бизнесмен из Ливерпуля, держал масляную лампу, то же делал и кузнец Курт Рэндольф, имевший несчастье разделить смерть со всей своей семьей: женой и двумя дочерями — одна из которых едва выросла из пеленок. Также здесь присутствовал фермер Нобл Янс вместе со своей женой и маленьким сыном, а также родителями: матерью и одноногим отцом. Компанию несчастных дополнял юрист из Чарльз-Тауна Грэнтхем Брайерфилд — модник со звонким голосом, неимоверно спешивший достичь Лондона ради деловой встречи, поэтому он не стал дожидаться более надежного судна и сел на борт «Странницы». А также…

…а также в этой компании смертников присутствовал прусский граф Антон Маннергейм Дальгрен и его черноволосый чернобородый молодой спутник — молчаливый и решительно странный слуга, которого он называл Мэтью.

— Все пропало! — отчаянно выкрикнул священник этому сборищу бедолаг. — Роксли ударился головой и не сумеет ничего сделать, а капитан… совершенно бесполезен!

Словно насмехаясь над будущими покойниками, океан вновь поднял и опрокинул корабль. Море прорвалось внутрь через тысячу трещин в трюм, а канаты, за которые цеплялись люди, едва не вырвало из стены, что могло похоронить их всех в этом мокром Аду.

— Давайте помолимся! — сказала жена Рэндольфа, крепкая женщина, прижимающая к себе младенца свободной рукой, в то время как ее старшая дочь хваталась за толстое предплечье отца, стараясь удержаться. — Прошу, преподобный! Ведите нас в последний путь молитвой, и тогда хотя бы наши души и души наших детей будут спасены!

— Да, да! — согласился Феннинг, хотя последний насильственный подъем и спуск под постоянными морскими атаками с трудом позволял его голосу звучать достаточно уверенно. — Господь помилует наши души, если мы помолимся!

— *Ха! Что за тупое терьмо?*

То было наполовину гаркающее, наполовину придавленное восклицание, пришедшее от пруссака, стоявшего в самом неосвещенном углу со своим слугой. Оба они хватались за канаты: слуга — обеими руками, а граф — только здоровой, потому что левое запястье у него было сильно искривлено давним переломом и не функционировало должным образом. Грязные светлые волосы Дальгрена тонким слоем прилипли к черепу, в бороде запутались морские водоросли, зеленые глаза сияли отчаянным блеском, а серые зубы оскаливались в волчьей улыбке.

— Мы быть фсе мертвы! И тфой Бог над этим хорошо посмеется! — сказал он. — Ты мошешь услышать ефо смех!

— *Пожалуйста,* — повторила женщина, обратившись к священнику. — Для тех из нас, кто *верит*.

— Да… конечно. Давайте склоним головы.

Все исполнили указание, за исключением графа и его слуги. А затем, когда Феннинг уже собрался начать, слуга тоже опустил голову. Вода бежала по его волосам, огибая кривой шрам на лбу, и капала с носа.

— Милостивый Боже, — начал священник. Море и ветер продолжали атаковать с прежней громкостью, поэтому Феннингу пришлось собрать остатки сил и направить их в голос, чтобы перекричать бурю. — Милостивый Боже, — повторил он, вдруг поняв, что впервые после бессчетного количества проповедей, он совершенно не знает, что сказать в этот *момент из моментов*. Он барахтался в поисках, а затем нужные слова пришли к нему, будто кто-то выгравировал их на его сердце.

— Мы славим Тебя, — сказал он. — Даже в этот час нашего суда. Мы славим нашего Небесного Отца, поднимаем глаза наши в доверии к Тебе, ибо знаем мы, что жили в *Великом Доме Господнем*! И пусть море может преломить то, что сотворил человек — Божье творение и Божье слово будет идти дальше и дальше…

Морю и ветру, похоже, не понравились эти слова, и они позволили «Страннице» с ее пассажирами почувствовать это на себе, однако священник продолжал, пока Атлантика набирала силу для новой атаки.

— … и мы любим Слово Твое и Дело Твое, потому что связь наша — в жизни вечной, и этот… этот Великий Дом, который создал Господь… мы знаем, что в нем изобилие бурь и страданий, испытаний и невзгод, однако помним мы, что это есть Воля Твоя и Слово Твое, и не дано нам познать этого до конца, хотя мы и продолжаем пытаться познать Тебя и жить в соответствии со Словом твоим, чтобы творить добро для ближних наших.

— *И быть смытыми, как сфиньи!* — поглумился Дальгрен, однако никто не оторвался от молитвы.

— И мы славим Тебя сейчас… на все Воля Твоя. Мы просим Тебя о милости, молим не оставить страдать души тех, кто погибнет здесь… особенно молим Тебя забрать к себе на Небеса души невинных сих детей… этих ангцев, что так нуждаются в Пастыре. Мы предаем себя в руки Твои и веруем, что Ты заберешь нас в Царствие Небесное, где мы могли бы найти покой… как верующие, так и *неверующие*. Об этом молю тебя *я*, как Твой верный слуга, Твой грешный сын на этой земле… как раб Твой покорный. Да восславишься Ты вовеки веков, Аминь.

— *Аминь,* — произнесли некоторые.

Дальгрен издал резкий смешок.

Его слуга вдруг проговорил:

— *Великий* Дом…

Он произнес эти два слова ошеломленно, пораженно, как будто они нанесли ему удар. Казалось, до этого он беспрерывно бродил в перелесках сознания, а теперь вдруг увидел вспышку среди запутанных, плотно растущих деревьев.

Мэтью Корбетт прикоснулся свободной рукой ко лбу, как будто мозг в его голове был болезненным, пульсирующим синяком. Корабль вновь поднялся на волнах и тяжело опустился, но молодой человек превратился в неподвижный объект, свой конец веревки он удерживал твердо и где-то внутри себя ухватил куда более важный канат, по которому мог выбраться из темноты.

Он задавался огромным количеством вопросов с самого начала этого путешествия бок о бок с монстром, убившим его жену Куинн… или… женщину, которая *называла* себя его женой. Так или иначе, этот человек, этот прусский граф, перерезавший Куинн горло прямо на глазах молодого человека, сообщил, что страдающего потерей памяти юношу никогда не звали Дэниелом Тейтом — на самом деле он был кем-то по фамилии *Корбетт*, и, разумеется, он никогда не жил в Ротботтоме. При этом этот человек… Дальгрен… назвал имя некоего Профессора Фэлла в Англии, который примет юношу с распростертыми объятиями и исполнит едва ли не любой его каприз. Что все это значит? Почему Куинн должна была умереть ради этого? А если Мэтью никогда не был ее мужем Дэниелом, как же он оказался в Ротботтоме? Все было так запутанно, и разбираться в этом было мучительно больно — во всех смыслах. Молодой человек до сих пор не понимал, почему утерянная память периодически подбрасывает ему столь болезненные вспышки, которые тут же ускользают и растворяются в темноте, стоит лишь попытаться ухватиться за них.

Кем была красивая женщина, видевшаяся ему посреди грязной тюремной камеры в тот момент, когда она сбрасывала с себя грубую мешковатую одежду на пол и вызывающе глядела на мир, когда кто-то говорил: «*Вот она, ведьма!*»?

Что это была за девушка по имени Берри, чье имя продолжало приходить к нему снова и снова и приносить с собой расплывчатые образы ее лица, как если бы приходилось разглядывать его через матовое стекло? А еще там было что-то про птиц… ястребов, возможно. Это было странное и пугающее воспоминание, как-то связанное с Берри, но, похоже, не имеющее никакого смысла.

А кто был тот человек, с которым Мэтью находился в холодной воде на дне колодца, когда второй человек с грязной лоскутной бородой стоял и смотрел вниз, и смех его напоминал медленный похоронный звон?

Девушка — а ведь он каким-то образом знал, что она принадлежит к племени ирокезов — сидящая обнаженной на скале в море… два рыжеволосых брата, оба настоящие Дьяволы, но их имена… пропали, не вспомнить.

А еще был какой-то мощный взрыв, горящие обломки, падающие чуть ли не с неба… смертельное болота… и люди, которые словно бы… играют с человеческими отрубленными головами.

Что все это значит?

А самое странное, что он очень много знал о том, как работать на парусном судне. Он знал разницу между крамболом и брам-реем, знал, как надо драить палубу, знал, что такое блинда-гафель… он знал систему звонков, знал, как надо отсчитывать нужное время и звонить в колокол, в чем капитан Пеппертри полностью провалился, в то время как у капитана Фалько с этим дисциплина была сродни военной. В этом молодой человек отчего-то был уверен… но *что* это был за капитан Фалько? Имя, пришедшее к нему из тумана тогда же, когда и имя девушки Берри. Мэтью не помнил, чтобы когда-либо раньше бывал в море, поэтому… все это было лишь очередной загадкой среди миллиарда таких же.

Но сейчас был не тот момент, чтобы отвечать на эти вопросы. Проблема, которая требовала быстрого решения, состояла в том, чтобы удержать «Странницу» на плаву.

Великий Дом Господень, продолжало звучать в мозгу.

Великий Дом…

Великий… человек…

Великий…

Грейтхауз…

Почему эти слова, произнесенные в такой последовательности, привели к этому результату? Почему заставили думать, что Мэтью может как-то спасти судно и оставшихся на нем людей? И не только это… но… молодой человек понимал, что некто *Великий* одобрил бы его выбор — пытаться сделать что-то, даже когда все шансы сводятся к нулю.

Думай! — приказал себе Мэтью, когда корабль вновь поднялся на волнах и рухнул, закрутился, застонал, и вода полилась сверху. Но при этом… эти слова… это… что это было? Прозвище? *Великий… Грейтхауз.* Ох… почему так больно вспоминать это?

Думай!

Это не просто слова и не прозвище, это *имя*!

— Если этому кораблю суждено спастись, — вдруг заговорил молодой человек, произнося, пожалуй, самую долгую свою речь за все это путешествие. — Мы должны всё для этого сделать.

— *Мы?* — переспросил одноногий отец Нобла Янса. — Я ничего, черт возьми, не знаю о мореплавании!

— Никто из нас не знает! — пронзительный голос Брайерфилда сделался еще более резким от нахлынувшего на него ужаса. — О чем вы, тут же одни сухопутные крысы!

— Мы должны подняться на палубу! — сказал Мэтью. — Связать все тяжелые веревки, которые сможем найти и выбросить их за борт! Позволить им тянуться за кораблем в воде!

— Зачем? — спросил кузнец.

— Это замедлит корабль. Веревки в этом помогут и дадут нам некоторую стабильность. Если сможем сбросить якорь с левого и правого бортов, будет намного… — его перебил новый залп волн, обрушившийся на нос корабля, свист ветра, несущегося через коридоры, и новый всплеск воды, затопившей помещение. — Лучше, — закончил он, когда снова смог дышать.

— Никто туда не пойдет! — сказал Брайерфилд, чье лицо с острым подбородком приобрело оттенок испорченного сыра. — А *ты…* ты никто, просто *слуга*! Ты ничего не можешь знать о кораблях! Господи Боже, то, что ты предлагаешь, нас *потопит!*

— Я знаю, что эта посудина больше не выдержит! Мы не можем просто оставаться здесь и ждать, пока корабль разобьется! — когда никто не ответил, Мэтью решительно заявил. — Что ж, ладно, я сделаю это сам!

— О-о-о-о-о, нет! — послышался грубый голос графа Дальгрена. — Ты никуда не пойтешь! Ты есть слишком ценный для меня, чтобы потеряться в таком безумии!

Мэтью презирал этого человека. Дальгрен был не только убийцей, он был гадким в своих привычках и ожидал, что его

«слуга» поможет ему подняться до статуса императора. Мэтью же поклялся, что когда-нибудь убьет Дальгрена за то, что он сделал с Куинн, но ему пришлось удержаться от этого и позволить отвезти себя в Англию, чтобы выяснить, что за загадочной фигурой был этот Профессор Фэлл и что ему было известно из его утерянной истории.

Сейчас у молодого человека не было никакого желания ждать здесь, как захваченная стихией в заложники сухопутная крыса. Корабль круто накренился, и женщины с детьми закричали, но даже их крики были не такими дикими, как у Грэнтхема Брайерфилда. Это был страшный момент, потому что Мэтью показалось, что волны достигли верхушек мачт, и «Странница» отбивалась от моря из последних своих сил. Когда следующая волна схлынула, Мэтью взял лампу у Изекии Монтгомери.

— Я пойду, — сказал он, но прежде чем ему удалось сделать два шатких шага в этот морской кошмар, граф Дальгрен ухватил его.

— Я гофорю, *найн!* — пруссак здоровой рукой ухватил слугу за горло. — Ты можешь быть смыт! И где *я* тогда окажусь?!

— Отпустите его.

— *Ч-што?*

— Отпустите. Его, — повторил Рэндольф. — Если *у него* достаточно мужества, чтобы выйти на эту палубу… Богом Клянусь, я тоже пойду! Этот трюк с веревками… возможно, он спасет нас!

— Он есть моя сопстфенность! Я гофорю ему, что ему делать, а что нет!

От волнения акцент пруссака становился все резче и неприятнее.

— Я пойду, — сказал Монтгомери. — Если я утону, то, по крайней мере, не *внутри* корабля.

— И я пойду, — с жесткой решимостью вдруг сказал одноногий старик, однако Нобл Янс покачал головой.

— Нет, лучше я. — сказал фермер Рэндольфу. — Па, останься-ка здесь и присмотри за семьей. Не до споров!

— Да, — сказал Феннинг, передавая свой фонарь отцу Янса. — Вот, держите мой фонарь.

— Или отпустите его, или идемте с нами, — сказал Рэндольф Дальгрену. — Нам понадобятся все руки, что у нас есть! — он посмотрел на Брайерфилда, который, в свою очередь, отодвинулся как можно дальше от света.

— Я говорю снофа… *найн*! Я не позфолю… *о, майн Гот!*

Следующее леденящее кровь падение «Странницы» заставило Дальгрена ослабить захват на шее Мэтью, и этого было

достаточно, чтобы слуга расстался со своим хозяином.

— Давайте, за работу! — сказал Рэндольф Мэтью, когда снова обрел дар речи. Он повел всех к выходу из трюма, молодой человек держался прямо позади него, за ними шли Янс, Феннинг и Монтгомери.

Среди утонувших кур и свиней, из которых редкие особи даже все еще пытались бороться со стихией за свою жизнь, люди пробирались по пропитанным водой доскам, стараясь как можно быстрее добраться до палубы. Люк был для надежности перехвачен веревкой, но море наступало со всех сторон. Мэтью вдруг пришло в голову, что ни капитан Пеппертри, ни его команда никогда не слышали о смоле или дегте. Нож, извлеченный из ножен на поясе Рэндольфа, сделал работу быстро, и, толкнув люк вперед, кузнец первым выбрался наружу. Ветер практически выдул его из сапог. Было совершенно непонятно, идет ли дождь, или резкие капли, колющие лицо, были лишь брызгами от волн. Так или иначе, похоже, стихия Атлантики набирала силы, поэтому сейчас смельчакам требовалась вся их выдержка, присутствие духа и удача, чтобы не пойти ко дну.

Когда Мэтью выбрался, ветер ударил и его, и молодому человеку с трудом удалось преодолеть несколько ярдов и схватиться за веревку. Палуба была испещрена загадочными линиями водорослей и мусора, поднятого из глубин, и оборванных канатов.

Смельчакам удалось открыть коробку с инструментами и бегло изучить ее содержимое: несколько молотков, пара ручных пил, топор и его уменьшенные копии — мужчины взяли все, что могло бы пригодиться им для спасения корабля от гибели. Внимание же Мэтью привлекло к себе и удержало страшное зрелище: огромные горы черных волн, движущиеся и вздымающиеся под пронизанным фиолетовыми зарницами небом, через которое, казалось, может прорезаться целая армия плетей молний в любую секунду. В первый момент судно с пугающей скоростью поднималось в направлении вершины «горы», а в следующий — бушприт уже скользил в бездонные каньоны между волнами, разбивающиеся над носом, вызывая прерывистые и жуткие стоны древесины и парусов. Трудно было поверить, что мачты все еще выдерживают этот натиск, и вода разбивается о них на мелкие фигурки, падая на палубу.

Мэтью нервно вздрогнул. Он осознал, что стоит на коленях посреди этого безумия, отчаянно сжимая канат, за который держится. Стена морской пены, которая ударила его в лицо тяжестью церковного кирпича, едва не раскроив ему череп, погрузила мир в черно-фиолетовый ажиотаж визга бури и стонов

судна. Лишь тогда пришел настоящий страх. *Я не могу! Я не могу это сделать!* — подумал молодой человек, чувствуя, как ужас сжимает его внутренности. — *Нет… нет… я не могу!*

Но потом в его разуме снова зазвучало это имя: *Грейтхауз*. О, да, он был уверен, что это именно *имя*. И кому бы оно ни принадлежало, этот человек был явно очень силен духом, подумал Мэтью. Кому бы оно ни принадлежало… мужчине… да… оно, определенно, принадлежало настоящему мужчине, который ни за что не одобрил бы этого стояния на коленях и сам бы на них никогда не встал! А значит — нужно подняться, и неважно, чего это будет стоить, пусть даже и само́й жизни. И, кто бы ни бы этот человек, он *ожидал* бы, что Мэтью именно так и сделает. Это не значило, что у Грейтхауза не было страхов, нет. Они были. С той лишь разницей, что страх не управлял им, и, как бы ни было трудно, этот человек боролся до конца. В этом — Мэтью не сомневался.

Он не был Грейтхаузом, но кем бы Мэтью ни был — мужем Куинн, слугой Дальгрена, потерянной душой, которой суждено сгинуть в морской пучине или все же добиться аудиенции у Профессора Фэлла в Англии — он *должен* был встать, заставить напуганного мальчика внутри себя влезть во взрослые сапоги и сделать то, что нужно.

Он заметил, что размытые фигуры Рэндольфа, Феннинга и Янса продолжают пробивать себе путь на корму, опасно пошатываясь из стороны в сторону. Из люка показалась голова Монтгомери, но присутствие духа, похоже, изменило ему, потому что уже через несколько секунд он вновь исчез, закрыв за собой люк, чтобы запечатать свой позор вместе с собой.

Мэтью встал. Ветер толкнул его и потянул одновременно, поймав за коленки и ударив в грудь. Молодой человек прильнул к какой-то доске — к единственной опоре, которую смог найти — и принялся пробивать себе путь к корме через стихию, сначала стараясь удержаться, пока судно резко поднималось на водяную гору, а затем, силясь не соскользнуть в морской обрыв. Когда он догнал остальных, то обнаружил, что Рэндольф взломал и открыл один из ящиков с канатами, и теперь они вместе с Янсом извлекли наружу толстые швартовы. Другие веревки различной толщины все еще были свернуты в клубки и ждали своего часа. Феннинг уже работал, привязывая одну к рейке, пока шторм толкал его в спину. Мэтью пробрался к нему сквозь волны и помог сбросить эту шестифунтовую громадину за борт, так что первая стабилизирующая линия была в воде. Рэндольф и Янс вытащили один из тросов, связали его, как полагалось, застав ужасающий момент, когда сильнейшая волна врезалась в правый

борт «Странницы» и едва не скинула смельчаков за корму, однако силы кузнеца хватило, чтобы удержать обоих. Трос ушел в море, и двое смельчаков принялись привязывать вторую тяжелую веревку, в то время как Мэтью и Феннинг сосредоточились на безопасности и продолжали сбрасывать за борт множество более мелких канатов, которые они могли собрать.

— *Ты идешь со мной!* — рука с искривленным запястьем ухватила Мэтью за ворот рубашки. Вода брызнула с лица Дальгрена на его лисьи скулы. — Пошли! — закричал он и потянул своего слугу прочь от веревок, над которыми тот работал с преподобным Феннингом.

— Оставьте меня в покое! — закричал Мэтью в ответ. — Мы обязаны здесь закончить!

— Ты *закончил!* — отрезал Дальгрен. Затем он поднял дубинообразную деревяшку рядом с канатами и нанес юноше удар по левой стороне головы недалеко от виска.

Мэтью рухнул, как подкошенный, голова его взорвалась огнем. Темнота охватила его.

— Вы *с ума сошли?* — заорал Феннинг. — Он пытается спасти этот…

— Закрой сфой рот, ты блаженый свиньеёб! — Дальгрен своей искалеченной рукой схватил Мэтью за грудки и потащил его к открытому люку, но до того, как он успел добраться туда, шипящий яркий удар молнии, разделившийся на шесть копий перед погружением в море, показал ему гигансткую волну, надвигающуюся на незадачливую «Странницу». Это был черный монстр, левиафан среди волн, увенчанный белым гребнем кипящей пены и пронизанный радужными, темно-зелеными, синими и серыми прожилками. Дальгрен понял, что люка ему не достичь. Он бросил Мэтью и пополз по палубе, стараясь найти что-нибудь достаточно прочное, чтобы удержаться. В то же время волну увидел Феннинг и крикнул остальным, предупреждая, чтобы они держались крепче.

Водный монстр поднял корабль на огромную высоту и балансировал его там в течение нескольких секунд, заставляющих сердце замереть… а затем опрокинул судно вниз в кипящую долину. Море с демонической силой врезалось в нос «Странницы», расколов бушприт и разорвав большую часть резной деревянной фигуры на части. Верхняя треть одной из мачт откололась и рухнула за борт. Вода подняла тело потерявшего сознание молодого человека, и, возможно, именно то, что он находился вне границ этого мира, спасло его шею от смертельного слома. В следующее мгновение его отшвырнуло в другую сторону палубы, как тряпичную куклу, и ударило левым

плечом и левой стороной головы о деревянную поверхность правого борта, прямо рядом с тем местом, где нашел свое убежище граф.

Едва не утонув, Дальгрен прорвался к Мэтью, который лежал без движения, словно мертвец.

— Фставай! — скомандовал пруссак, заметив, что его едва живая награда, по крайней мере, все еще дышит. Он и сам поднялся на ноги и потянул Мэтью за руку. — Поднимайся, черт фозьми!

Реакции не последовало. Дальгрен обернулся через плечо, в ужасе думая, что очередной водный монстр вот-вот поглотит его. Краем глаза он заметил, что Мэтью закашлялся, затем дернулся в конвульсиях и попытался подняться на колени, и его вырвало целым ведром морской воды.

— Фстань! — снова рявкнул Дальгрен, но не сумел добиться никакой реакции, кроме кашля и рвоты. Он наклонился, чтобы обхватить юношу рукой и перетащить его к люку. И тогда голова Мэтью повернулась, глаза открылись, а из носа побежали струйки крови. Глаза его тоже покраснели, а лицо приняло мертвенно-бледный оттенок, губы посерели. Одна рука потянулась к левому виску, тщетно пытаясь успокоить боль, пульсирующую под кожей.

— *Ты…* — произнес он, хотя это больше походило на хрип, чем на членораздельную речь. Совершенно неожиданно внутри него будто рассеялся туман, и острой болезненной вспышкой принес с собой все воспоминания… не только те, что скрывались от него с момента, как убийца Гриффин Ройс ударил его веслом по голове — нет, вернулись *все* воспоминания о прошлом и настоящем… Хадсон Грейтхауз… Берри Григсби… капитан Фалько и его «Ночная летунья», доставившая Мэтью и Берри с Острова Маятника, где правил свой бал Профессор Фэллл… Минкс Каттер… Мадам Геррaльд… агентство… *все вернулось*. И несмотря на то, что боль в голове была чудовищной, а зрение плыло, он теперь знал *точно*, кем был этот оборванный дворняга подле него. Знал, *кто* он и *почему* находится здесь.

— Ты не… — он постарался заговорить снова, хотя речь все еще давалась ему тяжело. — Ты не… доставишь меня Профессору Фэллу, тупой кусок дерьма!

Глава четвертая

В центре шторма угрожающе разворачивалась другая буря.

— Я *помню*… — ахнул Мэтью, все еще не пришедший в себя от двух ударов по голове. Следующие его слова, однако, были способны перекричать даже вой ветра. — Я знаю, кто я!

Возможно, это были самые важные четыре слова, которые он когда-либо произносил в своей жизни. Он подтянулся, цепляясь за свисающий канат, и вызывающе вгляделся в лицо Дальгрена.

— Я сказал, что убью тебя. Так, что… как только прибудем в Англию, первое, что я собираюсь сделать, это убедиться, что тебя арестуют за убийство Куинн Тейт! А после — повесят!

Дальгрен также поднялся, поддерживая себя на висящих канатах, пока корабль содрогался под его ногами, а дождь нещадно врезался острыми каплями в лицо.

— *Это есть так?* — нервничая, он начинал говорить с бóльшим акцентом. — Это есть печальная ситуация, — сказал граф, бросив быстрый взгляд на корму, где остальные продолжали сбрасывать за борт веревки. «Странницу» все еще подкидывало на волнах по прихоти моря, однако судно все же чуть стабилизировалось благодаря идее Мэтью, поэтому теперь на нем хотя бы возможно было устоять. Дальгрен одарил юношу тонкой напряженной улыбкой, хотя глаза его были мертвы. — Мне больше нет от тебя пользы, так ведь?

— Улыбайся, сколько хочешь! Я запру тебя в камере, как только…

Рука метнулась к горлу Мэтью и сдавила с ужасающей силой. Пруссак вложил всю свою мощь в попытку сбросить молодого решателя проблем за борт.

«Странница» пару секунд балансировала почти на гребне волны, а затем начала быстро погружаться в зеленую яму. Но не вода, ударившаяся в поврежденный нос корабля и накрывшая палубу, послужила Мэтью спасением — им послужили десятки серебряных рыб, которыми взорвалась волна и которых отправила прямо в лица сражающимся мужчинам, окатив их шквалом вибрирующих плавников и хвостов.

В этом миниатюрном серебряном урагане Мэтью сумел освободиться. Он поскользнулся на одном из скользких тел и свалился на палубу, а Дальгрен повернулся к нему с искаженным от ярости лицом: в тот самый момент рыба врезалась ему в лицо и принялась биться плавниками, запутавшись в его бороде. Тогда Дальгрен увидел нечто подходящее для своей цели — то был

топор, выпавший из коробки с инструментами — и пруссак бросился за оружием.

— *Ты умрешь!* — прокричал он. Ветер унес эти слова от Мэтью, поэтому он сумел услышать лишь нечленораздельный рев, однако по губам противника все прочитал отчетливо и прекрасно понял, что топор будет явно использован не для стрижки.

Дальгрен, продвигаясь, давил ботинками рыбу. Он занес топор над собой и принялся опускать его вниз с яростной силой.

Мэтью успел нашарить расколотый брус, лежащий рядом с ним в куче мусора, и поставить его горизонтально перед собой, едва успев перехватить летящее на него лезвие топора. Еще бы мгновение, и взбешенный пруссак разрубил бы голову юноши пополам. Топор застрял в брусе, и Дальгрену требовалась дюжая сила, чтобы вырвать его оттуда, поэтому Мэтью знал, что не может отпустить этот кусок, пока находится в таком положении. Что было сил, он пнул противника в правое колено. Дальгрен вскрикнул от боли, но шторм заглушил этот звук. Топор граф не выпустил — он отступил и рванул его на себя с такой силой, что сумел высвободить свое оружие из куска дерева.

Мэтью поднялся с палубы, поскользнулся снова на неловко попавшей под ногу рыбе и едва не проехался по деревянным доскам, однако на этот раз ему удалось удержать равновесие. Дальгрен набросился на него, вновь замахиваясь топором для смертельного удара. Мэтью остановил лезвие своим брусом. На это раз его импровизированное защитное оружие треснуло на две части. Топор графа поднялся снова, как поднималась и «Странница» — на ужасающую высоту. Молнии вспыхнули в небе, полдюжины белых плетей разорвало черные облака и потянулось к спине чернильно-черного моря. Мэтью сжал зубы до скрипа и двинулся на Дальгрена, пока топор еще поднимался, и поочередно нанес пруссаку удар в челюсть с левой и с правой сторон теми короткими кусками бруса, которые до сих пор сжимал в обеих руках. Голова Дальгрена откинулась назад, но он все еще удерживал контроль над топором, а затем «Странница» рухнула в море, лопнувшее над ее разбитым носом. Волна обрушилась на сражающихся мужчин с одинаковой силой и увлекла их в своем изощренном акробатическом номере в сторону кормы.

Мэтью натолкнулся на Еноха Феннинга и едва не столкнул за борт и себя, и его. Сила Рэндольфа послужила благословением ему самому и Ноблу Янсу — она уже дважды спасала их от падения в открытое море, пока они бросали в него канаты для стабилизации. Как только Мэтью пришел в себя и сплюнул воду, он увидел, что Дальгрен тоже поднимается из пены и — будь

проклята та его рука, что волею Дьявола имела достаточно крепкую хватку — топор *все еще* был у него!

Мэтью потерял оба куска бруса, а пруссак, хромая, приближался к нему, пока утекала с палубы вода. Феннинг ошеломленно смотрел, как Дальгрен замахивается топором на молодого человека. Тот уклонился в сторону, и лезвие врезалось в транец. Мэтью снова нанес Дальгрену удар в лицо — такой, что едва не сломал себе костяшки пальцев, и, разумеется, сломал врагу нос. Кровь брызнула из обеих ноздрей графа.

Пруссак потянул на себя топор, но на этот раз Мэтью не собирался позволять ему завладеть оружием снова. Он ударил еще раз — прямо в разбитый нос врага, и Дальгрен с ревом боли выпустил рукоять, тут же бросившись на молодого человека с душераздирающей яростью.

— Прекратите это! — закричал Феннинг. — Вы двое, что, с ума посходили?

Мэтью и Дальгрен продолжали бороться на корме. Кузнец и фермер прекратили свою работу и принялись с недоверчивым изумлением наблюдать за тем, что, они понимали, было боем не на жизнь, а на смерть. Дальгрен постарался попасть Мэтью в глаза, но промахнулся и тут же обвил руки вокруг его горла. Мэтью снова нанес удар в окровавленное лицо, но граф явно был настроен вытерпеть все, чтобы убить своего врага, и ничего не замечал вокруг. Они сильно перегнулись через палубу. Рэндольф вмешался, чтобы разнять этих двоих, а корабль тем временем снова начал подниматься… подниматься со страшной скоростью на жуткую высоту. Руки Дальгрена с нечеловеческой силой сжимали горло молодого человека, кровь бешено застучала в пульсирующей болью голове, перед глазами закружились в причудливом танце темные пятна.

«Странница» провалилась в очередную водяную впадину, стены океана начали возвышаться над ней с обеих сторон. Измученная древесина вновь издала жалобный стон, содрогнувшись, когда судно достигло дна этой ямы, и тогда же Рэндольф ухватил Мэтью за рубашку и сбросил руки Дальгрена с горла молодого человека, а волна в тот же момент со всей своей насильственной мощью снова обрушилась на корабль.

В этом взрыве моря Мэтью подумал, что он, должно быть, все-таки упал за корму, потому что вода окружила его полностью, и твердой поверхности он под собою не почувствовал. Рэндольф, наверное, упал вместе с ним, потому что Мэтью все еще ощущал, как жилистые руки этого человека держат его за рубашку — с такой силой, что вот-вот могут попросту оторвать от нее кусок. Но затем ботинки вновь коснулись палубы, а по телу звоном

разнесся сильный удар — должно быть, это было столкновение с кормовым транцем, которое выбило из него и без того скудные остатки воздуха. Легкие взрывались огнем, перед глазами темнело, но вдруг лицо оказалось над водой, и он жадно вдохнул из последних сил. Ноги его подкосились от слабости, и он рухнул на транец, как безжизненный мешок с мокрой одеждой.

— Ты в порядке? — вопрос звучал от Рэндольфа, но адресован он был явно не молодому решателю проблем, а Янсу, который дрожащим голосом ответил, что, хвала Господу, он сумел остаться на борту целым.

Феннинга тошнило морской водой, он усиленно пытался отплеваться от нее, стоя на коленях. Его, похоже, хорошенько приложило во время последней атаки волны. Рэндольф держал Мэтью за рубашку, пока тот лихорадочно пытался восстановить дыхание: легкие его работали, как меха в горне.

— Граф упал за борт! — закричал Янс. — Я вижу его! Он ухватился за веревку!

Сквозь завывания ветра и шум дождя Мэтью показалось, что он слышит, как Дальгрен отрывисто кричит о помощи, хотя все это могло быть лишь игрой звуков во время бури. Молодой человек посмотрел за корму и увидел безумие бьющихся волн и летающей пены, где на расстоянии примерно сорока ярдов барахтался светловолосый человек, держащийся за веревку так, как будто она была самым ценным предметом в его жизни.

— Янс! Феннинг! Помогите мне втянуть его! — закричал Рэндольф, выяснив, за какую именно веревку хватается Дальгрен, и начал втаскивать его наверх. Янс вложил всю свою силу в эту задачу, как и священник.

Мэтью Корбетт, однако, не принял участия в этой попытке спасти жизнь. Он вспоминал тот момент, когда нож Дальгрена перерезал горло бедной, убитой горем девушке, которая и так толком не жила даже, а имитировала какое-то болезненное подобие жизни, обитая в мире своих фантазий. Он вспомнил выражение шока на ее лице, вспомнил свое собственное бессилие, вспомнил, что мог лишь смотреть, как жизнь утекает из нее, пропитывая деревянные половицы. Ох, сколько же там было крови… сколько боли было в этой комнате… хижина, которая — Куинн надеялась — должна была стать домом, полным любви для нее и для ее милого Дэниела.

Это было неправильно, думал Мэтью. Это было нечестно.

Он стоял один и с трудом мог двигаться, когда следующая волна напала на корабль, смыла молодого человека с ног и заставила распластаться на спине.

Трое мужчин продолжали делать замечательную работу,

втаскивая графа Дальгрена в этот единственный оплот безопасности. Они скоро поднимут его на палубу. Веревка протягивалась от трех Добрых Самаритян к Сыну Сатаны.

Ладно, подумал Мэтью.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, он обнаружил, что поднялся, поставил ногу на транец и принялся с силой тянуть топор за рукоять, высвобождая его из древесины. Он ждал, когда корабль начнет подниматься и опускаться снова, и разгневанная вода потечет по его спине. Затем над ним взял контроль некий хладнокровный инстинкт, подсказывающий, что, как только Дальгрен окажется на борту, он тут же вновь попытается убить его. И, если это не удастся сделать здесь и сейчас, он предпримет еще не одну поездку до прибытия в Англию. Мэтью зашагал по палубе в сторону бушующего шторма и трех мужчин на корме.

Его лицо было маской, не показывающей никаких эмоций. Все они были заперты внутри и, возможно, это было свободой маски… возможность показать миру фальшивое лицо, держа мучение глубоко в себе… способность показать миру ложное лицо, сконструированное под обстоятельства.

Кто бы поверил ему из всей этой корабельной компании, если бы он вдруг потребовал, чтобы Дальгрена посадили под замок и продержали так до самого порта? Кто бы это поддержал? Пьяный капитан? Эти благонамеренные, ничего не подозревающие мужчины? Проклятье, да на этой раскуроченной посудине хотя бы клетка была?

Нет, решение нужно было принимать сейчас.

Он достиг кормы. Веревка была натянута. Дальгрена уже почти втащили.

Мэтью поднял топор и с максимальной силой, которой только могла его наделить холодная ярость, опустил оружие на то место, где канат крепился к кормовому транцу.

Удар не полностью перерезал веревку, потому что она была толстой, как кулак Магнуса Малдуна, но это помогло ослабить три мужские хватки, потому что они втроем изумленно посмотрели на Мэтью, и, когда молодой человек поднял топор снова, Феннинг упал, подняв руки вверх, как будто боялся удара безумного юноши. Рэндольф и Янс могли лишь тупо смотреть на него.

Второй удар… и веревка почти оторвалась, но не до конца.

— Прошу! Вытаскифайте меня! — Дальгрен болтался рядом с кормой, его рот был полон воды. Ничего, подумал Мэтью, еще немного, и этот прусский гад хорошенько искупается.

— Что ты творишь? — воскликнул кузнец. Янс отвлекся от задачи, и теперь только Рэндольф держал канат, который с

трудом удерживал собственный вес.

— Я творю справедливость, — ответил молодой человек очень спокойно и с ничего не выражающим лицом опустил топор в третий раз. Лезвие глубоко ушло в дерево и полностью рассекло веревку. Рэндольф отшатнулся, потому что в следующее мгновение он мог рассчитывать только на поддержку воздуха.

Послышался резкий, высокий крик, когда так называемый хозяин понял, наконец, что его ботинки не будут более топтать палубу «Странницы». Мэтью было интересно, хватит ли у этого человека присутствия духа ухватиться еще за одну веревку. Он отпустил топор, оставив его торчать там, куда тот врезался, подошел к корме и посмотрел, как судно удаляется от графа Антона Маннергейма Дальгрена, которого подняла на плечи Атлантика — сильная и мощная, как проснувшийся ото сна гигант. Мелькнул ли в море последний проблеск светлых волос пруссака, или это была лишь кучка водорослей, поднятых со дна?

А затем корабль соскользнул вниз под громовым ударом, водные стены выросли вокруг него, но теперь толкали с заметно меньшей силой, хотя были все такими же вспененными и яростными.

Мэтью вдруг понял, что нос у него кровоточит. Крови набежало уже много — он мог даже попробовать ее на вкус. Молодой человек приложил руку к лицу, затем посмотрел на то, как дождь обмывает его испачканные красным ладони.

— Мы сделали это! — крикнул кто-то позади них.

Все повернулись на голос. Там стоял Изекия Монтгомери, напоминая по красоте наполовину утонувшую крысу, а сзади него в изломанной носовой части корабля маячили и другие фигуры, хотя их было очень тяжело разглядеть, даже несмотря на свет масляных ламп, которые они держали. Четыре фигуры двигались так, как будто прекрасно знали, что надо делать.

— Я пошел вниз! — выдохнул Монтгомери. Похоже, ему в носовой части корабля досталось даже сильнее, чем здешним, кормовым смельчакам. — Сообщил экипажу о том, что мы пытаемся сделать! И четверо из них согласились помочь!

— Что они сделали? — просил Янс.

— Бросили якоря! Усилили лобовое сопротивление корабля и сказали, что это удержит нас от крена!

— Совершенно верно, — сказал Мэтью. Хотя на деле не сказал, а едва слышно пробормотал, поэтому не был уверен, что его кто-нибудь услышит. Впрочем, разве это важно? Нет.

— Что здесь произошло? — спросил Монтгомери. Он увидел обрезанный канат, отметил выражение лица Рэндольфа и воткнутый в транец топор, на основе чего понял, что произошло

что-то неладное. — Граф! Где Дальгрен?

— За бортом. Уже утонул, вероятнее всего, — сказал кузнец. — Его слуга убил его.

— *Что?*

— Я все видел! — воскликнул Феннинг. — Они начали драться друг с другом, как два разъяренных зверя. У Дальгрена был топор… может, он забрал его у своего слуги, я не знаю. Выглядело это так, как будто он изо всех сил старался убить юношу… но я не знаю, кто все это начал! А потом… ну… граф выпал за борт, а этот, — и палец обличительно указал на Мэтью Корбетта. — Оборвал его жизнь, обрезав веревку! Это было хладнокровное убийство! Это не будет признано самозащитой ни в одном уголке Англии!

— Мой Бог! — воскликнул Монтгомери. — Слуга убил своего господина? Но, Боже, мальчик, зачем ты совершил такое преступление?

У Мэтью не было ответа. По крайней мере, никому из этих людей не доведется узнать ответ на практике.

Голова все еще болела, в ушах стоял звон, и юноша был очень слаб. И все же он знал, что ответа от него *ждут*, поэтому сказал:

— Я подумал, что этой поездке не хватает впечатлений.

Кузнец раскрыл рот, не поверив своим ушам.

— Что ж, посмотрим, как ты будешь впечатлен после того, как проведешь следующие две недели в цепях! Тебя нельзя оставлять с остальными без присмотра! Давайте, ведите его вниз! — он обратился к остальным и снова перевел взгляд на молодого человека. — Сам пойдешь или заставишь тебя тащить?

— Я пойду сам, благодарю, — отозвался Мэтью и пошел.

***

В яркий сентябрьский полдень в Нью-Йорке, когда птицы пели на деревьях, а домашний скот пасся на пастбищах на склонах холма, лодки курсировали вверх и вниз по течению рек, вагоны катились по улицам города, и всё с миром, казалось, было в порядке, Берри Григсби со страхом собиралась дать важный ответ.

Она прибыла в кофейню Роберта Деверика на Краун-Стрит в назначенный час, заняла столик, заказала легкий отвар со сливками. Его подавал ей не сам Роберт, который зарабатывал с этим заведением достаточно денег, чтобы нанять помощь и найти

еще одно место в Филадельфии, полной амбициозных молодых людей. Похоже, в этот город стекались все, кто искал самостоятельной жизни без родителей. Сегодня напитки подавала веселая девушка лет семнадцати с каштановыми локонами и игристо-светлыми голубыми глазами. Глядя в ее персиково-свежее лицо, Берри захотела сказать ей: *Наслаждайся всем, что жизнь может предложить тебе, но, ради всего святого, береги свое сердце!*

Но она не сказала этого, понимая, что такой совет от человека ее возраста будет попросту проигнорирован и сброшен, как ветер теперь сбрасывает листья с деревьев. С семнадцати до двадцати проходит не так много времени, но мир за это время может перевернуться.

Поэтому Берри просто улыбнулась этой девчушке, положительно мягко отозвалась о красивых лентах в ее волосах и заставила себя успокоиться в ожидании Эштона Мак-Кеггерса, который вот-вот должен был прийти.

Дорогой, милый Эштон. Он был немного странноват, конечно… жил на чердаке Сити-Холла со своей коллекцией скелетов и других загадок природы, но… как коронер, он принимал свою работу очень серьезно, и Берри понимала, что вряд ли кто-либо осмелится сказать хоть слово против этого. Это был своеобразный молодой человек — красивый, соблюдающий моду, очень умный… иногда даже забавный в минуты шутливого настроения, которое приходило к нему каждое полнолуние. А еще ему было немного одиноко теперь, когда его надежный немой помощник Зед уехал. Но… вот, где следовало отделять одно от другого…

Были ли эти аргументы достаточными, чтобы стать его женой?

Берри потягивала свой кофе. Она слушала стук конских копыт по брусчатке и остальные звуки городской жизни, долетающие до ее столика. Девушка приходила сюда несколько раз в неделю после того, как заканчивала свои дела в школе, и знала, что в этот час здесь немного посетителей — максимум, пара знакомых лиц. Сегодня Ефрем Оуэлс со своей нареченной Опал уже сидели здесь, когда Берри зашла. Они обменялись несколькими любезностями, однако говорили отвлеченно — никто не затронул тему дня. Затем Ефрем и Опал ушли рука об руку, и в своем сердце Берри пожелала им удачи и долгих лет счастья.

Вот, что бы еще она могла сказать юной девушке в качестве совета в любовных делах: никогда, слышишь, никогда не влюбляйся в того, кто не может — или *не хочет* — полюбить тебя

взаимно. Эта дорога ведет не к горам счастья, а лишь к долинам сожалений.

Сегодня она надела голубино-серое платье, украшенное бледно-зелеными лентами, с перчатками того же оттенка зеленого и серую шляпку с небольшим коричневым пером. Таковой она почему-то полагала траурную одежду…

Эштон прибыл, как всегда, вовремя. Это был худой молодой человек двадцати семи лет со светло-каштановыми волосами и темными карими глазами. На нем, как обычно, были очки из тонкой проволоки и его любимый коричневый костюм — точнее сказать, один из *четырех* любимых костюмов, абсолютно идентичных друг другу. За последний год, в течение которого Берри стала часто видеться с ним вне его орлиного гнезда, эта эксцентричная птица улучшила свои привычки в части чистки перьев — к мисс Григсби он всегда являлся аккуратно причесанный, в безупречно свежей одежде и гладко выбритый. Берри была уверена, что он специально мылся перед встречей с ней, дабы смыть с себя запах смерти, который, как правило, намертво прицеплялся к коронеру, и иногда даже пробивался сквозь ароматы пачули и душистого мыла. Он был очень опытным в своей работе и любил быть полезным для города, поэтому в том, что этот молодой человек работает недостаточно усердно, его никто упрекнуть не смел — Эштон мог отправиться выполнять свой долг в любое время дня и ночи. Берри никогда не видела, как он работает, но Мэтью рассказывал ей, что, несмотря на весь интерес молодого коронера к скелетам, он не мог выносить запаха и вида крови и органов, поэтому ему приходилось держать рядом ведро, в которое он выражал свой своеобразный протест. Мэтью говорил, что был свидетелем того, как Зед держал ведро и прислуживал Эштону во время процесса вскрытия, и Берри предположила, что теперь для одного из молодых амбициозных людей с крепкими нервами, которые прибывают в Нью-Йорк день ото дня, освободилось перспективное рабочее место, хотя Эштон никогда не говорил с ней об этом.

Мэтью.

Это имя, образ его лица и звук его голоса всегда были такими близкими. Иногда девушку пугало то, насколько они были близки. Настолько, что последние слова, которые они сказали друг другу тогда, на Бродвее, в апреле, все еще болезненно отдавались в сердце. *Я думала, что мы друзья*, произнесла она. *Я думала, что мы… не знаю, как назвать.*

И его ответ: *Я тоже не знаю.*

Не понимаю… не могу понять, отчего…

Ох, Берри, холодно прервал ее он, *перестань уже лепетать.*

Я приходила к тебе на помощь, когда была нужна. И ничего не просила взамен, Мэтью! Лишь помогать тебе! Как ты не понимаешь?

Именно это я пытаюсь довести до твоего сознания, отозвался он тогда, тем самым вонзив нож ей в сердце словами, которые она никогда не сможет забыть. *Я был неправ, когда исповедовался тебе на корабле. Это была слабость, и я о ней сожалею. Потому что на самом деле ты никогда не была мне нужна. Вчера не была, сегодня не нужна, и завтра не будешь*.

Отлично, ответила тогда Берри. Осознание того, что Мэтью только что ей озвучил, практически раздавило ее, мир висел для нее на тонкой ниточке и должен был вот-вот рухнуть, но она заставила себя поднять подбородок, сопротивляясь судьбе и обстоятельствам, и повторила: *Отлично,* — если, конечно, это слово было уместно тогда в своем привычном значении. Она даже сумела выдавить из себя: *Удачного тебе дня.* А затем отвернулась от него и поспешила удалиться домой, шагая по Бродвею, и ей едва удавалось удерживать равновесие и не падать от горя. Сделав шесть беспомощных шагов, утопающих в злобе на Мэтью — на этого глупого, слепого идиота — она поняла, что он только что выбросил их дружбу, как клочок ненужного мусора. Решил за них обоих. От этой мысли слезы побежали по ее щекам. Она повернулась к нему снова, чтобы встретиться с ним взглядами в последний раз, и заключила: *Между нами все кончено*.

После этого она не разговаривала с ним и не видела его, хотя ей хотелось, чтобы он просил — умолял — ее о прощении и старался исправить все, что натворил, чтобы вернуть то, что между ними было. Лично она именно так и поступила бы, когда сочла, что прошло достаточно времени — однако он даже не попытался. Поэтому она стала лишь хладнокровнее и старалась избегать встреч с ним даже тогда, когда он выходил из небольшой молочной позади дома Григсби.

Скатертью ему дорога, думала она много раз, когда расчесывала волосы перед зеркалом и готовилась двигаться в жизни дальше, находить новые интересы. Скатертью ему дорога милостью Девы Марии.

Но теперь… теперь не только она, но и весь Нью-Йорк избавился от него… не такой милости Девы Марии она ему желала.

Эштон улыбался, приближаясь к ней. У него была милая улыбка, но он нечасто демонстрировал ее. Тем не менее, с *ней* он был улыбчивее, чем с кем-либо другим. И это был еще один пункт, по которому Берри воздействовала на него. А еще у них было кое-что общее: пусть он и не разделял ее любимых ярких

цветов, он тоже имел свою собственную манеру наслаждаться жизнью. Сегодня он надел галстук, который был светлее, чем его коричневый костюм, и был украшен маленькими черными квадратами.

— Боже! — воскликнул он, подойдя. — Ты прекрасно выглядишь сегодня!

Это была одна из вариаций того, что он говорил каждый раз, когда они встречались, и она тоже отвечала нечто, вроде: «Благодарю, ты тоже выглядишь отлично». Сегодня вышло так же. Затем он сел за стол, и ей вдруг стало безумно трудно смотреть ему в глаза, потому что она знала, что собирается в каком-то смысле убить его в этот день, и для Берри это будет не меньшей печалью, чем для него самого. Именно поэтому она и надела свой траурный наряд…

Эштон заказал чай у прислуживающей девушки. Кофе ему не нравился, но нравилось само место, которое Роберт Деверик выбрал для своего заведения, показав свои большие амбиции и управленческие способности после того, как в прошлом году был жестоко убит его отец. В том же запутанном деле Берри и Мэтью попали в передрягу, в которой едва не лишились глаз посредством острых когтей и клювов ястребов.

Несколько минут Берри с Эштоном говорили о ее преподавании, об успехах учеников в школе. Она довольно подробно рассказывала о некоторых особенно способных детях и упомянула, что один из мальчиков даже поклялся, что в будущем станет губернатором колонии. От темы работы коронера девушка обыкновенно держалась в стороне, если только не случалось чего-то по-настоящему интересного, чем он хотел бы поделиться с ней. Также оба они старались избегать темы дня.

Эштону принесли его чай. Он поднял чашку, и вдруг ручка треснула, а на колени вылился горячий круг из улуна, немного приправленного лимоном. К счастью, температура чая была недостаточной, чтобы обжечь, поэтому после небольшой спешной чистки Эштон уже сидел с новой чашкой в руке, качал головой и криво улыбался.

— Похоже, *это* — никогда не промахивается, — хмыкнул он. — Всякий раз, когда я с тобой, со мной случается какая-нибудь несуразица! То каблук сломаю, то наступлю в лужу, которая казалась только пылью… а на прошлой неделе, когда подо мной сломался стул у Салли Алмонд? Искренне надеюсь, что моя неудача не перекинется на тебя.

— Ох… — выдохнула Берри после молчаливого раздумья. — Нам стоит поговорить об удаче, Эштон.

То, как она произнесла его имя, тут же заставило его улыбку

испариться, потому что в ее голосе слышалось: *грядут перемены*. Правда, он пока не мог точно понять, какие. Эштон поставил чашку и принялся ждать объяснений с той терпеливостью, с которой коронер исследует мертвое тело.

— Невезение, — начала она с мягкой улыбкой. — К сожалению, это моя вина. Это то, что случается с другими *из-за меня*. Я всю свою жизнь так влияю на людей, как будто при мне их фортуна… заболевает, но… как бы это сказать… так происходит с людьми только рядом со мной. Я словно… человек-черная-кошка, которая переходит дорогу десяткам ничего не подозревающих граждан каждый день, и случается что-то плохое.

— Ох, это бессмыслица! Серьезно! Кто, скажи на милость, вбил тебе это в твою хорошенькую головку?

— Мои собственные наблюдения, — ответила она. — И… возможно… мои родители указали мне на это после пары случаев.

— Но это же смешно! Им следовало бы постыдиться говорить такое!

— Пожалуйста, — продолжила она. — Выслушай меня.

Она сделала глоток кофе, стараясь собрать воедино все, что намеревалась сказать. И пусть она уже не раз репетировала каждое слово, это все равно было трудно, потому что Эштон ей нравился, он был хорошим человеком, и она знала: он предполагает, что между ним и Берии происходит нечто похожее на то, что девушка озвучивала сэру Мэтью Корбетту.

— Я верю, — сказала девушка. — Можно даже сказать, я всегда подозревала, что мой дурной глаз был — *и есть* — на самом деле… ну… своеобразной дорожной картой. Курс, которого необходимо придерживаться. И если я ему не последую… то стану настоящим несчастьем для того, за кого выйду замуж.

— *Что*? Берри, но в этом же нет никакого смысла!

— Я еще не приступила к здравомыслящей части, — ответила она. — Теперь… это будет очень трудно выразить, Эштон, но ты должен поверить, что это правда. У меня было несколько женихов… несколько заинтересованных молодых людей, еще в Англии. И в течение нескольких дней они были поражены различными скорбями: один сломал ногу, другого сбросила с себя лошадь… тот бедняга не мог сидеть на протяжении недели. Были и другие неурядицы: встречи с барсуками или укусы ядовитого плюща…

— О, Господи, ты ведь это просто надумываешь! — сказал Эштон.

— Нет, не надумываю, — когда ему было стало ясно, к чему

ведет ее лекция, он понял, что все уже решено, и пристально уставился на нее. — Ты должен знать, что у меня когда-то… когда-то был интерес к Мэтью.

— Ах, да. Тема дня. Не твой интерес к нему, разумеется, но сам факт, что его похитили и увезли в Англию, судя по тому, что рассказал Хадсон Грейтхауз, — и Эштону не нужно было уточнять, что об этом говорили по всему городу: среди завсегдатаев таверны «С Рыси на Галоп» эта история разнеслась по всему Нью-Йорку, как только Хадсон Грейтхауз вернулся из Чарльз-Тауна три дня назад.

— Я испытала Мэтью, — сказала она. — Как раз из-за своего интереса к нему. А еще потому, что я думала, что и он… чувствует что-то ко мне. Поэтому я решила провести эксперимент, чтобы посмотреть, как мое невезение ударит по нему.

— Ты испытала его? Как?

— Я села рисовать в своем альбоме в конце худшего пирса, который только смогла найти, потому что не хотела беспокоить кого-то. Он пришел поговорить со мной. И вместо того, чтобы подойти самой, я заставила его пройти по всей длине пирса туда, где я сидела. Доски были гнилыми и хрупкими… любой шаг мог отправить Мэтью прямиком с пирса в грязь. О, это не должно было быть долгим и опасным падением, он бы ничего себе не повредил. Ну… я думаю. Я продолжала рисовать, но ждала, что он вот-вот вскрикнет, когда сорвется, — она опустила глаза, потому что искренне сожалела о том, как жестоко это звучало, но для нее это был единственный способ выяснить, сработает ли на нем ее невезение, или нет.

— И вдруг, — продолжила Берри. — Он оказался рядом со мной. Он прошел все это расстояние, от начала до конца. Я… я была удивлена, потому что… ну, я всегда верила, что когда я найду того, кто *создан* для меня… назови это Судьбой или Божьей Волей, если хочешь… я знала, что для *него* — я буду *удачей*, а не несчастьем, — она допила свой кофе, поставила чашку и вновь подняла взгляд на Эштона. — Ты понимаешь, что я имею в виду?

Ему потребовалось мгновение, чтобы ответить. Он несколько раз моргнул, ошеломленный этим откровением, глаза его блеснули за линзами очков.

— Ты хочешь сказать… что из-за того, что Мэтью не свалился с прогнивших досок старого пирса, ты поверила, что он тот самый человек, что предназначен тебе Судьбой?

Раздумывать или отрицать не было никакого смысла. Она сказала:

— Да. И кроме того, несмотря на все его… всю его *резкость*…

я влюблена в него. И я просто не могу это отпустить.

— Хм… — только и выдал Эштон, после чего некоторое время молчал. Берри заметила, что городской шум сейчас кажется ей недостижимо далеким, как будто она и молодой коронер находились где-то на другой равнине.

Эштон прокашлялся.

— Ты хочешь сказать, — рискнул предположить он. — Что ты была *удачей* для Мэтью, несмотря на все те передряги, в которых он побывал, и, несмотря на то, что сейчас он похищен опасным преступником и направляется с ним в Англию?

— Да, — твердо ответила она.

— Но как же?

Девушка одарила его легкой улыбкой и сказала:

— Он все еще жив.

— Ты *надеешься* на это.

Она кивнула.

— Да, я надеюсь. Но не только. Когда мистер Грейтхауз отправится в Англию на корабле «*Счастливый Случай*» через два дня, я поеду вместе с ним.

— Нет! Ты же не можешь говорить это всерьез! — когда она не ответила, Эштон осознал, что она уже приобрела себе билет и собрала вещи. Он некоторое время пытался собраться с мыслями. — Я… ну… я не совсем… послушай, а что Грейтхауз об этом думает?

— Он долго сопротивлялся, — это было сказано мягко и со снисхождением. У нее были свои деньги, и она могла тратить их так, как ей заблагорассудится. Этим утром она обратилась к одному из вновь прибывших, которые искали работу в школе, и попросила временно поработать на ее месте. — Мой дед тоже спорил, но оба они уже начали понимать, что из этого ничего не выйдет.

— Серьезно? Пожалуйста, просвети меня, почему ты хочешь пойти на эту… очень дикую и, я уверен, опасную авантюру? Которая может оказаться абсолютно бесполезной, и, я думаю, ты об этом знаешь.

— Вполне может быть, — призналась она. — Мистер Грейтхауз и я можем никогда не найти его. Но… *я люблю* его, Эштон. Почему? Я знаю, кто он и кем может быть. Я выслушала от него очень много обидного тогда, в апреле, но я думаю, что поездка на Остров Маятник повлияла на него так сильно, что он даже сам этого не понял. Он слишком хорошо играл свою роль там…. Знание о том, что он попал в беду, лишило меня и сна, и аппетита. В таком состоянии я была совершенно бесполезна своим ученикам. Я не могу сидеть без дела, Эштон, я должна что-

то сделать!

— Например, отправиться на ту сторону Атлантики в штормовой сезон? Вы с Грейтхаузом оба рискуете своими головами, а при этом сама возможность, что Мэтью *еще жив*, ничтожно мала! Он, возможно, даже не уплыл на этом корабле в Англию, эту информацию же нельзя проверить, — Эштон говорил это, но понимал, что вряд ли добьется результата и сумеет ее вразумить. Она зашла уже достаточно далеко и теперь не отступится. Как и Грейтхауз.

Однако коронер решил задать следующий вопрос — на этот раз тише.

— Как вы собираетесь его искать?

— Давай для начала надеяться, — отозвалась она. — Что удача будет ему сопутствовать.

— *Удача…* — повторил Эштон, по-прежнему тихо. Он снял очки и, не найдя ничего, чем можно было бы протереть линзы, снял галстук и использовал его. Молодой человек был потрясен и разбит. Этот солнечный день превратился в темную ночь, как в кошмаре. Он снова надел очки с отполированными линзами, сумев разглядеть Берри более четко, и вздохнул. — Ну… я верю, что Грейтхауз присмотрит за тобой. А также Господь, — он посмотрел через стол в ее прекрасное лицо, стараясь запомнить каждую черту, запечатлеть удивительную Берри Григсби в своей памяти. Он никогда не скажет ей, что в этот самый день планировал просить ее руки, а в его кармане лежало золотое кольцо, на котором была гравировка: две руки и между ними одно сердце.

— Мне остается надеяться, — сказал эксцентричный коронер города Нью-Йорка, на чьем чердаке наличествовала внушительная коллекция скелетов и других причуд, которые и составят ему компанию несколько дольше, чем он предполагал. — Что когда-нибудь я встречу добрую и прекрасную женщину, которая готова будет пересечь океан, чтобы найти меня, если я потеряюсь.

— Спасибо тебе, — сказала Берри, накрыв его руку своей.

— Отправляйся. Отыщи Мэтью и верни его, — сказал ей Эштон. И больше здесь было нечего говорить.

Глава пятая

На рассвете красная полоса пробежала по облачному небу, петухи закричали, приветствуя первые нерешительные солнечные лучи, собаки залаяли, чтобы успокоить петухов, а корабли на причале приготовились к отплытию. Здесь, в большом доке судно «Счастливый Случай» принимало на борт последний груз, экипаж проверял обеспечение безопасности пассажиров и количество припасов, а рядом сгруппировались небольшие баркасы, готовые ловить попутный ветер.

Кораблем командовал активно дымящий трубкой шотландец Мак-Клендон, компанию которому составлял маленький пятнистый терьер — собака, издающая, пожалуй, самый громкий лай, который Хадсон Грейтхауз когда-либо слышал. Старший партнер агентства «Герральд» стоял на палубе, отойдя с пути носильщиков, а Мак-Клендон отдавал приказы своему экипажу, делая это так громко, что запросто заглушал петухов и собак по всему острову, а также, наверное, до самых зеленых холмов Нью-Джерси. Грейтхауз поднялся на борт за час до того, как потускнел свет звезд, а маленькие радужные рыбки выпрыгнули из рыболовных сетей. Он поднял свой багаж по трапу и занес его в каюту, на фоне которой молочная за домом печатника, в которой жил Мэтью, показалась королевскими хоромами, при этом отдать за эту каюту пришлось приличную сумму — все равно что башмаки с золотыми каблуками купить — однако Хадсон желал, чтобы во время этого плавания у него был свой личный уголок. Мадам Герральд любезно утолила эту его прихоть. Она и Минкс Каттер вчера ужинали с ним и Эбби Донован у Салли Алмонд. И Хотя Эбби всячески демонстрировала искреннюю любовь к Хадсону и утверждала, что будет с тревогой ждать его возвращения, он сомневался, что такое жизнелюбивое создание, полное похотливых и игривых желаний в действительности проведет так много времени, наблюдая, как сгорает свеча в подсвечнике. Что ж, будь что будет. Он не любил, когда кто-то держит его самого на коротком поводке — так не стоит в таком случае удерживать на коротком поводке и кого-то другого.

Молва об этой поездке быстро распространялась. Казалось, их стол за ужином прошлым вечером стал настоящим памятником того, как Мэтью повлиял на жителей этого города — настолько много людей пришло к Салли Алмонд, чтобы пожелать Хадсону удачи в поисках и выразить искренние надежды, что мистер Корбетт в скором времени вернется целым и невредимым. Сама

Салли в первую очередь пообещала, что будет молиться за успех этого мероприятия, и, чтобы доказать свою искренность, сказала, что весь ужин этим вечером будет списан на счет заведения. Затем явился торговец сахаром Соломон Талли, очень хорошо обеспеченные владельцы гончарной мастерской Хирам и Пейшиенс Стокли, главный прокурор Джеймс Байнс, доктор Артемис Вандерброкен, прачка и королева сплетен вдова Шервин, Роберт Деверик, Гиллиам Винсент — довольно чопорный хозяин «Док-Хауз-Инн» и последней, но не менее важной персоной среди посетителей выступила пышногрудая блондинка Полли Блоссом, чье положение хозяйки самого известного публичного дома Нью-Йорка нисколько не умаляло ее финансовой состоятельности и высокой манеры держаться. Эта женщина считала, что занимается честным и тяжелым трудом, работает, как землеройка и вполне может вышагивать с гордо поднятой головой.

В последнее время Хадсон начал лучше ладить с Минкс Каттер, хотя до сих пор не мог сказать, что до конца доверяет ей, потому что не знал ее мотивов. Тем не менее, она, похоже, отлично показала себя в бостонском деле по поиску похищенной броши скорпиона в июне. По крайней мере, она не украла украшение и не сбежала с ним к Профессору Фэллу. Но… забавная вещь… принцесса клинков заметно изменилась после поездки в Бостон. Что-то в ней стало… другим… более *темным*, возможно. Так или иначе, подробностями этого приключения она предпочла не делиться ни с Грейтхаузом, ни с Кэтрин Геррaльд. На нескончаемый поток вопросов она отвечала очень просто: *работа сделана*. Впрочем, учитывая щедрое вознаграждение, выплаченное новому агенту семейством Саттон после возвращения скорпиона, никаких вопросов более задавать и не требовалось.

В некотором смысле Хадсон был рад присутствию Минкс Каттер. Он понимал, что у Мадам Геррaльд есть планы отправлять ее на задания, где требуются особые навыки этой девушки, способной перерезать кому-нибудь глотку с той же легкостью, с какой Грейтхауз отрезал себе кусок персика. Что ж, отчаянные времена требуют отчаянных мер. Мадам Геррaльд самолично была заинтересована в том, чтобы применить к решению проблем и свои собственные таланты, поэтому горе ожидало всех злодеев, шарлатанов, мошенников, воров, убийц и других личностей, которые дерзнут разгуливать по колонии в отсутствие Хадсона. Он не прочь был почитать о подвигах своих коллег, пока сам будет находиться далеко за океаном… и, разумеется, он надеялся, что леди Каттер и Кэтрин справятся с тем, чтобы их собственные шеи и сердца остались целыми и

невредимыми, и избежали злых клинков, владельцы которых только и ждут момента, чтобы перехитрить назойливых решателей проблем.

Посадка быстро заканчивалась.

Как только рассвет окреп, прибыли остальные пассажиры — их было около двадцати человек, в числе которых находилось несколько семей и несколько одиночек, а также чернокожие рабы и белые слуги, несущие сумки и другие предметы багажа своих хозяев. Волынщики, жонглеры, скрипачи, нищие и танцоры прибыли на причал в условленный час, надеясь выжать звонкую монету из толпы доброжелателей, родственников, провожающих и других лиц, которые всегда любили наблюдать за отбытием корабля. Среди прибывших Хадсон увидел Берри Григсби в ярко-желтом платье и желтой шляпке, из-под которой виднелись ее рыжие локоны. Позади нее с внушительным багажом шествовал Мармадьюк Григсби — шел печатник нарочито медленно, словно таким образом хотел задержать свою внучку. Хадсон, сколько ни пытался, так и не сумел отговорить девушку от ее безумной затеи отправиться вместе с ним: она оплатила свой билет и готова была довольствоваться тем, чтобы в течение всего путешествия жить в трюме с большинством других пассажиров, где в качестве призрачной границы личного пространства будут лишь развешенные полотенца, которые в скором времени поразит плесень. Однако Грейтхауз не мог не восхититься смелостью Берри, и сейчас он невольно задумывался над тем, как Мэтью повезло иметь рядом кого-то, кто бы заботился о нем столь самозабвенно, что готов был пуститься на его поиски через Атлантику и терпеть все неудобства путешествия в трюме корабля.

Хадсон решил, что, как джентльмен, обязан помочь ей. Он протиснулся вниз по трапу против потока пассажиров, экипажа и слуг и почти достиг Берри, когда рослый молодой человек со светлыми вьющимися волосами и ангельским лицом вмешался и грациозно поднял весь багаж девушки на свое мускулистое плечо. Берри поблагодарила друга Мэтью Джона Файва, который работал кузнецом. Ему не составило никакого труда помочь девушке, в то время как Мармадьюк, чьи попытки задержать отбытие внучки не увенчались успехом, остановился на причале, утер платком свой огромный лоб, затем поднял платок и горько высморкался, издав при этом свист ветра, который, пожалуй, мог бы привести «Счастливый Случай» в движение.

Хадсон вдруг понял, что в этой толпе собрались все, кто когда-либо имел дело с Мэтью Корбеттом. Пришел Ефрем Оуэлс со своей невестой Опал Дилайлой Блэкерби и со своим отцом

Бенджамином, Феликс Садбери, владелица пекарни мадам Кеннеди, ювелир Израиль Брандьер, необъятная Мамаша Мунтханк и двое ее незадачливых сыновей Дарвин и Дэви, констебль Джайлс Винтергартер, хазяйка своего собственного пансиона Мэри Беловэр, держатель магазина париков Джейкоб Вингейт, владелец конюшни Тобиас Вайнкуп, поднявшаяся в этот ранний час Салли Алмонд, все завсегдатаи «С рыси на галоп» и нескольких других таверн, преподобный Церкви Троицы Уильям Уэйд, его дочь Констанс, сочетавшаяся браком с Джоном Файвом, а также одна из куколок Полли Блоссом, которую Мэтью знал под именем Мисси Джонс. И это были лишь те лица, которые Хадсон сумел разглядеть в этой толпе — многих других он попросту сразу не опознал. Казалось, что Нью-Йорк закашлялся и выбросил всех этих горожан на причал в столь ранний час: никогда раньше корабль, наверное, не провожало такое количество народу.

В этом водовороте зевак кто-то дернул Грейтхауза за рукав. Он повернулся и увидел обветренное лицо Хупера Гиллеспи, чьи дикие белые волосы стояли торчком и напоминали огромные ватные клоки, которые слишком давно не видели гребня.

За последнее время старый Хупер потерял еще несколько своих и без того немногочисленных зубов, что сделало его речь еще более загадочной и почти не поддающейся расшифровке. Однако сегодня он произнес три слова, которые, похоже, долго репетировал и доводил до того состояния, чтобы все могли легко разобрать его речь. Хупер взглянул на Грейтхауза проникновенно и многозначительно, а нужные слова произнес с красноречием оксфордского лингвиста:

— Верните мальчика домой.

А затем он исчез, скрылся в толпе.

Другие подались вперед, чтобы пожать Хадсону руку или похлопать его по плечу и передать примерно такое же сообщение. От тяжелого хлопка Мамаши Мунтханк у Хадсона едва глаза не выскочили из глазниц. Берри, ее дед, Констанс и Джон Файв, несущий на плече багаж, прошли мимо него по трапу.

— Поскорее там! На нас идет отличная волна, которую можно поймать! — заорал Мак-Клендон, зажимая в зубах трубку и держа на руках своего тигрового терьера. — Дайте им разместиться!

— Я желаю вам удачи, — сказал Хадсону преподобный Уэйд. — Я буду молиться за ваш успех и о том же попрошу моих прихожан.

— Спасибо, сэр. У меня такое ощущение, что любая помощь нам не помешает.

Толпа внезапно расступилась, как воды Красного моря, давая

дорогу высокому полному человеку в бледно-голубом костюме и рубашке с оборками на манжетах. Он носил такую же светло-голубую треуголку и черную тонкую трость. Его лицо, обмазанное белой пудрой, возможно, пришлось бы по вкусу лошадям в конюшне Вайнкупа — они могли бы счесть его неким лошадиным чудом, разгуливающим на двух ногах. Этот человек прошел через толпу, не глядя ни вправо, ни влево, и держался он так, будто владеет в этом городе каждой семьей, каждым домом и каждым кирпичиком. Таким сегодня предстал перед всеми достопочтенный Лорд Корнбери, Эдуард Хайд, губернатор Нью-Йорка и Нью Джерси, двоюродный брат самой Королевы Анны. Его редко можно было увидеть без его обыкновенного женского наряда и макияжа, но сегодня он, как ни странно решил сыграть мужчину.

Лорд, которого в большинстве случаев легче было именовать Леди, поднялся и остановился так близко к Хадсону, что их разделяло расстояние, не превышающее волос из носа.

— Я так понимаю, — заговорил Лорд Корнбери, выбрав самый мрачных тон из всех, когда-либо используемых. — Что мистер Корбетт попал в некие… трудности, и вы обязались, скажем… *спасти* его?

— Я планирую *отыскать* его, да.

— Хм, — протянул Корнбери, кивнув. Он не проявлял никакого интереса к толпе, его внимание сосредотачивалось исключительно на Хадсоне. — Этот молодой человек частенько попадает в беду, не так ли?

— Как правило, это беды не его собственного изготовления.

— Справедливо. Хотя, похоже, господину Корбетту доставляет определенное удовольствие баламутить илистое дно темных вод. Главный констебль Лиллехорн много раз говорил мне, что гордыня этого молодого человека приведет его к катастрофе, — Корнбери сделал паузу, ожидая, что Хадсон ответит, однако ответа не последовало.

— Корабль должен отправиться с минуты на минуту, — сказал Грейтхауз. — Поэтому прошу меня простить, вынужден откланяться.

— Да, конечно. Отправляйтесь по своим делам. И позвольте сказать: что бы из себя ни представлял мистер Корбетт, он — один из *нас*… поэтому я надеюсь, вы найдете его и вернете назад. Хотя у меня есть предчувствие, что вам самому может потребоваться спасатель, прежде чем вы его отыщите.

— Я буду иметь это в виду, сэр. И, могу я спросить — просто из любопытства — почему вы не…

— Одет по своему обычному великолепию? Ох… вопрос. Я

скажу вам, — здесь он понизил свой голос так, чтобы никто, кроме Хадсона, его не услышал. — Те письма, что я послал своей кузине год назад, так и не удостоились ответа, так почему я должен представлять Ее Величество так, будто она присутствует на этих улицах? — его верхняя губа дернулась вверх, на лицо наползла уродливая гримаса. — С этого момента, мистер Грейтхауз — по крайней мере, пока я не услышу личного одобрения от *этой* персоны — я намереваюсь ходить по городу в собственных туфлях.

Хадсон опустил взгляд и наткнулся на то, что источало неприятный запах от Корнбери с самого начала этого разговора.

— Боюсь, вы уже *наступили* ими во что-то, — сказал он.

— Ох, проклятье! О, будь оно неладно! Что за беспорядок! — последовала реакция Корнбери и, возможно, так он нашел ответ на вопрос, почему толпа столь спешно расступилась, чтобы дать ему дорогу. С прежней чинностью этот человек, не сумевший и дня прошагать без происшествий в собственных ботинках, повернулся и прошествовал назад по причалу, оставляя за собой неприглядные следы.

Колокол прозвонил несколько раз.

— Всем сойти на берег, кто не хочет провести семьдесят шесть дней на «Счастливом Случае»! — прогремел с юта капитан Мак-Клендон. В предыдущем разговоре с Хадсоном Мак-Клендон признался, что его последнее путешествие составило семьдесят восемь дней, но на этот раз он был полон решимости проделать тот же путь на сорок восемь часов быстрее. Надеясь на удачу, настрой и умения капитана, Хадсон взмолился, что они не слишком отстанут от «Странницы» и сумеют расспросить в Плимуте экипаж этого судна, который, должно быть, задержится там на несколько дней и не будет вылезать из таверн.

Время покажет.

Прошло еще некоторое время, прежде чем организовался соответствующий порядок. Мармадьюк Григсби остановился, чтобы попросить Хадсона приглядывать за его своевольной внучкой, которая — он искренне надеялся — доживет до двадцати одного года. Хадсон пообещал сделать все возможное, после чего Марми ушел. Несколько друзей Мэтью и других пассажиров остались в доках, когда баркасы приступили к тому, чтобы вывести «Счастливый Случай» из гавани. Грейтхауз остался на палубе, полагая, что он должен привыкнуть к тому, что его личное помещение ближайшие семьдесят шесть дней будет таким маленьким. Гамак, раскинутый в каюте занимал почти все расстояние от стены до стены и даже не раскачивался.

Он смотрел, как город уменьшается в размерах, пока баркасы

тянули корабль прочь, и у него возникло странное чувство, что это *Нью-Йорк уходит от него*, а не наоборот. Грайтхаузу казалось, что городок становился все меньше и меньше, как будто должен был освободить место для большего и более цивилизованного — и во много крат более опасного — мира за Атлантикой. За океаном скрывался целый мир, в котором люди долгое время строили свои массивные каменные империи уродства, насилия и жестокости. Хадсон понадеялся, что найти Мэтью — это реальная возможность, а не поручение для шута. Впрочем, он готов был бы стать шутом, если бы это дало хоть какую-то надежду на успех.

Вскоре «Счастливый случай» выбрался в открытое море. Магазины, таверны и дома на зеленых холмах Манхэттена теперь казались игрушгками, с которыми играла рука Господа. Парусные корабли с их высокими мачтами стали миниатюрными. И все люди в городе… сотни людей, как муравьи в своем муравейнике, который никогда не засыпал, нынче были и вовсе невидимыми.

Берри присоединилась к нему, подойдя с левой стороны. Она сняла шляпку, и освежающий ветер игриво раскинул ее локоны. Она не заговорила, но приподняла свою руку к глазам, заслоняясь от солнца, и всмотрелась в серый утренний туман над городом, который все еще виднелся в золотых бликах на воде.

— Вы не сможете увидеть его отсюда, — сказал Хадсон.

— Простите? — она опустила руку и вопросительно посмотрела на него.

— Я уверен, что он приходил проводить корабль. Возможно, он стоит там до сих пор, но отсюда вы не сможете его увидеть, — разумеется, Хадсон знал, что Эштон Мак-Кеггерс выбрался из своего чердачного мира над Сити-Холлом, чтобы проследить, как судно — и Берри — отчалит из Нью-Йорка, так же как знал он и то, что Кэтрин Герральд и Минкс Каттер смотрели на это со своего балкона.

— Да, — ответила девушка тихо. — Он, наверное, приходил. Просто я… хотела посмотреть.

— Послушайте, — сказал Грейтхауз и его суровый взгляд опустился на нее тяжело, как дубинка. — Я сказал Мармадьюку, что присмотрю за вами, так что…

— Вы совершенно не обязаны это…

— Нет, *обязан,* — сказал он с нажимом. И этого было достаточно, чтобы заставить ее замолчать. — Если вы настояли на поездке, несмотря на мои предостережения и увещевания Марми, вы, по крайней мере, должны слушаться меня, — он сделал паузу на несколько секунд, чтобы позволить ей все осознать, и, похоже, она осознала, потому что глаза ее стали огромными, и девушка вся обратилась в слух.

— Когда мы достигнем Плимута, — продолжил он. — Вы не отойдете от меня ни на шаг. Первое, что мы сделаем, это проверим доки и найдем, куда прибыла «Странница». Будем надеяться, что все же *прибыла,* — он не стал говорить ей все то, что услышал в Чарльз-Тауне об этом судне и о том, что только чудо все еще держит вместе его шаткие доски.

— А до тех пор, — он не знал, что еще сказать, потому что она должна была провести все это время внизу с другими пассажирами, которые могли позволить себе только такое сырое и мрачное пристанище на эти семьдесят шесть дней. И хотя пока что команда работала исправно, подчинялась каждому приказу капитана, и все на корабле было ладно, через несколько недель в открытом море ситуация могла сильно измениться. Хадсон был жителем большой земли, но он прошел не одно морское путешествие, чтобы знать наверняка: команда может позволять себе всякое… если не укротить ее вовремя железной рукой, потому что в противном случае остерегаться стоит даже козами коровам.

— Да? — подтолкнула Берри.

Хадсон увидел, как город сжался до размеров гравировки на карманных часах.

— Черт, — буркнул он, потому что у него был только один способ исполнить просьбу Марми, как следует.

— Это комментарий или пункт назначения? — спросила девушка.

Грейтхауз испустил тяжелый вздох, прежде чем снова посмотреть на нее.

— Я хочу, чтобы вы заняли мою каюту. Там тесно, но, по крайней мере, воздух там свежее, а дверь запирается изнутри.

— Абсолютно исключено. Я заплатила за то, что получу.

— И вы можете заплатить немного больше, когда окажетесь с мужчинами в долгом морском путешествии. Мне не хочется, чтобы вы были так близко к экипажу или… В общем, довольно скоро внизу будет не…

— Я прекрасно добралась из Англии в Нью-Йорк, — отозвалась она, явно забыв тот эпизод, как она уронила мыло на борту «Сары Эмбри», и то, к чему это привело. Хадсон применил всю свою суровость и уставился на девушку так, будто объявлял ей войну. Когда он заговорил, его голос, казалось, звучал из глубокой пещеры, из самых его кишок.

— Это *не просьба*, мисс. Вы *забираете* мою каюту. Так вы будете в большей безопасности, и я смогу спать спокойно. Там, в трюме. Вы меня поняли?

Нет, хотела ответить она, но как можно было отказать

надвигающейся буре? На самом деле, ему удалось остудить ее пыл и даже порядком напугать ее. Огоньки гнева до сих пор плясали в его глазах, и лишь теперь начали понемногу рассеиваться.

— Хорошо, — сказала она. — Но у меня есть возражения…

— Они учтены и отклонены. Я принесу ваш багаж.

Баркасы сбросили канаты. Паруса опустились и судно пошло дальше, подгоняемое ветром. Перед тем, как спуститься, Хадсон и Берри снова оглянулись через серые воды на Нью-Йорк, и каждый пытался увидеть что-то свое. Ни один из них не поделился своими мыслями, но у обоих было ощущение, что в их жизни начинается совершенно новая глава, и кто мог знать, как долго она продлится, прежде чем им снова удастся ступить на землю Нью-Йорка. И какие изменения произойдут в городе к моменту из возвращения? Если, конечно, им удастся вернуться…

Сверху, на юте Мак-Клендон объявил рулевому курс, и голос его звучал оглушительно громко, хотя рулевой стоял в нескольких футах от него. Открытое море протягивалось вперед, дельфины поднимались из глубин и радостно сопровождали «Счастливый Случай».

Время шло, и история продолжалась.

Продолжалась она для «Странницы», ведущей свое странствие под бледным светом звезд и черствым солнцем. У капитана Пеппертри было все, но он бросил свою команду в пользу теплоты и ромового забытья — сей напиток он считал себя обязанным защитить от обозленного экипажа даже под пистолетным прицелом.

В конце концов, в его каюту ворвались, ром отобрали, и капитан Пеппертри для своего судна стал не более чем записью в судовом журнале. За поведение во время шторма его следовало повесить на рее, но преподобный Феннинг рассудил, что за такое преступление этого человека должен судить Господь. Так Пеппертри присоединился к Мэтью Корбетту, связанному по рукам и ногам веревками и заточенному в недрах самого низкого и сырого трюма корабля, где свободно перемещались, пищали и кусались крысы, увидеть которых можно было лишь тогда, когда их выхватывал свет единственной тусклой керосиновой лампы, раскачивающейся взад и вперед по тысяче раз на дню. Мэтью представлял, какой день сегодня — с момента своего заключения он продолжал считать, хотя судить, что пришел новый день, можно было лишь по тому, как в трюм спускался угрюмый матрос с первыми лучами солнца и выдавал узнику скудный паек из хлеба и воды. Что ж, думал молодой человек, по крайней мере,

веревки позволяют отгонять крыс от бесценных краюх черствого хлеба.

Вскоре после своего заточения в эту импровизированную темницу Мэтью услышал наверху стук молота и шуршание пилы и рассудил, что плотник судна и экипаж, похоже, решились хотя бы частично отремонтировать сломанную мачту, чтобы хоть как-то приладить паруса и суметь поймать попутный ветер. Кто бы ни взял сейчас на себя роль капитана, ему придется постараться выяснить, сколько припасов и чистой воды уцелело во время бури, а также подсчитать оставшееся время в пути и постараться сделать все, чтобы добраться до пункта назначения живыми. «Странница» качалась на волнах, и Мэтью представлял себе, что ужас поражает в самое сердце каждого, кто находится наверху, при виде любого, даже самого маленького темного облачка на горизонте.

В целом это испытание действительно можно было счесть печальным прохождением через Преисподнюю, которое запросто могло превратить цивилизованное человеческое существо в опасное животное. Решив более не падать в ту пропасть, из которой он сумел выбраться, Мэтью продолжал тренировать свой мозг, разыгрывая мысленные партии в шахматы. Он вспоминал, как играл в «Галопе» с Ефремом Оуэлсом, а попутно пытался придумать, как бы выбраться из этой передряги и вернуться обратно в Нью-Йорк. Пеппертри, к сожалению, в этом вопросе собеседником или слушателем послужить не мог — через несколько дней после своего заточения он мог лишь невнятно бубнить что-то, а через две недели и вовсе замолчал и выглядел едва живым. Жизненные силы его просыпались, лишь когда приносили ежедневный паек, и бывший капитан с безумным остервенением бросался на него, пытаясь отвоевать свои жалкие крохи у крыс.

Настало утро, когда люк открылся, и преподобный Феннинг в компании Курта Рэндольфа спустился по лестнице с масляными лампами и дневным пайком для узников.

Пусть Мэтью заметно ослаб и отощал, он сохранял присутствие духа и понимал, что нельзя сразу съедать и выпивать все, что ему приносят в эти отчаянные минуты. Он делил хлеб на несколько приемов и съедал его маленькими порциями в течение всего дня. Так же поступал и с водой. Увидев посетителей, молодой человек заметил, что у обоих весьма изможденный и грязный вид, а одежда их, свисающая, как лохмотья с пугал, покрылась зеленой плесенью. Скулы обоих были очерчены ярче, глаза пожелтели и на фоне исхудавших лиц казались заметно больше, как если бы планировали побег из глазниц. Мэтью счел,

что даже пассажиры, которые обитали наверху, вынуждены были сидеть на голодном пайке, и теперь вода и пища, должно быть, совершенно подходила к концу.

Когда Феннинг достиг последней ступеньки лестницы, его вдруг стошнило, и он вынужден был отвернуться.

Мэтью уже хотел сказать *«прошу простить за наш вид»,* но, к его удивлению, не сумел произнести ни звука. Голос не слушался. На краткий миг им овладел ужас, пришла мысль, что, возможно, его память вернулась к нему, забрав взамен способность говорить. Он попробовал еще раз, и на этот раз ему удалось выдавить из себя квакающее «*Простите*». Оставшаяся фраза отняла бы слишком много сил, и молодой человек отказался от этой затеи.

— Капитан Спрагг говорит, что нам осталось четыре дня, — сказал Рэндольф, и даже его суровая речь звучала ослабленно.

Пеппертри издал какой-то неясный бормочущий звук и произнес что-то, что Мэтью сумел расшифровать как «*УблюдокСпраггукралкорабльпустьегоповесят*», на последнем этапе этого бормотания голос безумца набрал силу настолько, что это было уже почти криком, полным жажды мщения.

— Мы израсходовали почти все запасы еды, которые у нас были, и в последние дни ее едва будет хватать, — продолжил Рэндольф. — Я с сожалением сообщаю, что, согласно приказу капитана, вы не получите больше хлеба. Но ваш рацион воды останется таким же, как прежде.

— Мило с его стороны, — произнес Мэтью. Он хотел сказать, что его уже и так тошнит от хлеба, но вдруг понял, что на лишние слова силы лучше не тратить.

— Вы должны знать, что у нас всех были трудные времена. Жена Янса умерла в прошлом месяце, а мистер Монтгомери скончался меньше недели назад. Большинство пассажиров очень больны.

Мэтью сумел лишь кивнуть, глядя на лампу, которую держал Рэндольф.

— Дела плохи во всем, — закончил кузнец.

Феннинг сумел восстановить самообладание и не позволить своему желудку снова вывернуться наизнанку. Он пошатнулся в сторону Мэтью и едва сумел удержать себя на ногах в условиях сильной качки.

— Мы решили, что с вами делать, — сказал он ослабленным голосом, в котором все еще звучала твердая, непоколебимая вера. — Мы посовещались и все пришли к выводу, что твой хозяин был неприятным человеком и, возможно, между вами была некая кровная вражда, но убить его… когда он был всего в шаге от спасения, это чудовищный поступок, который ты

хладнокровно совершил.

— Я говорил вам, когда мы спустились сюда после шторма, — сказал бородатый и оголодавший решатель проблем из Нью-Йорка, который сейчас мог бы стать перед любым жителем этого города, которого когда-либо знал, и не быть узнанным, потому что напоминал портового нищего. Он был бы чужаком на родной земле. — Дальгрен не был моим хозяином. Я говорил… он обманом увез меня в Англию.

— Да, ты говорил нам, — согласился Рэндольф. — Но это кажется бессмыслицей. Обманом? Он не приставлял пистолета к твоей голове или ножа к твоей спине, когда вы вместе поднимались на борт. Ты явно поднимался вместе с ним по собственной воле, а не был приволочен сюда силой.

УблюдокСпраггукралкорабль, прохныкал Пеппертри, свернувшийся в клубок на полу и напоминавший ныне маленький шарик страданий.

— Я очень устал, — вздохнул Мэтью. — Я не могу объяснить вам всего. Просто позвольте сказать… Дальгрен не позволил бы мне добраться до Плимута живым.

— Вы не можете называть это самозащитой, — сказал священник, цепляющийся за все, чтобы удержать свое ослабевшее тело на ногах в условиях качки. Ему казалось, что корабль вот-вот снова попадет в новый шторм, хотя он знал, что снаружи светило солнце, и нежный попутный ветер подгонял «Странницу» к Плимуту. — Я… *все мы* — не в состоянии понять, почему твой хозяин набросился на тебя с топором и почему вы боролись с ним так яростно, но… убийство есть убийство, и ты его совершил. Я видел это своими собственными глазами и ввиду моей клятвы перед Господом Богом, я не могу оставить это так.

— И я не могу, — добавил Рэндольф. — Мы решили — то есть, все пришли к единодушному решению, включая капитана Спрагга — что как только мы достигнем порта, тебя передадут в руки закона. Пусть граф и был чужестранцем, а убийство было совершено в открытом море, за поступок предстоит ответить. И учесть все обстоятельства.

На это Мэтью ничего не ответил, да и что он мог сказать? У него будет шанс объяснить свою ситуацию представителям закона в Плимуте, в этом состояло его благословение. А еще — оно состояло в том, что, несмотря на ужасающее состояние тела и духа, ему *удалось* пережить это плавание, а ведь многим другим этого сделать не посчастливилось. Когда он сойдет на берег и сможет поговорить с представителем закона, который его выслушает, все беды, наконец, отступят. К тому же, подумал молодой человек, если бы он оказался в положении Феннинга

или Рэндольфа — не знал всей картины и видел лишь жестокую схватку на палубе — ему бы тоже пришло в голову передать «убийцу» в руки закона. И он подчинится этой воле. Поэтому он ничего не сказал, даже тогда, когда священник начал свое шаткое шествие к лестнице и принялся взбираться наверх к люку.

— Уверен, мы все будем рады ступить на твердую землю, — сказал Рэндольф. Он поднял свою лампу немного выше, чтобы отчетливее разглядеть лицо Мэтью. — Послушай, я думаю, я могу дать вам обоим по глотку рома, если хотите.

Пеппертри издал звук, похожий на тот, что издает собака, пуская слюну и обгладывая кость.

— Спасибо, — ответил Мэтью. — Буду очень признателен.

Рэндольф кивнул и затем тоже поспешил убраться из этой вонючей камеры.

Мэтью остался наедине со своими мыслями и с мягким, трагичным нытьем Пеппертри. Разумеется, представители закона в Плимуте должны были слышать о Профессоре Фэлле, подумал молодой человек. Как только он назовет это имя и обрисует некоторые подробности дела, никто не станет его задерживать за смерть прусского убийцы. Поэтому осталась лишь одна проблема: как вернуться в Нью-Йорк и, возможно, связаться с членами агентства «Герральд» в Лондоне, которые смогли бы помочь ему. Название этого агентства тоже должно было быть известно лондонским законникам.

Обстоятельства принимали положительный оборот. Мэтью будет пить свой жалкий глоток рома, празднуя победу. Вскоре веревки будут сняты, он сможет отмыться, сбрить бороду — а, возможно, даже отдохнет несколько дней и порадует свой желудок хорошей едой — а потом вернется к тому, что Великий сможет назвать «боевой формой».

А затем… каким-то образом… нужно добраться до Нью-Йорка. И после всего, что ему пришлось пережить, он готов будет ползти к входной двери Берри Григсби и просить у нее прощения. Он объяснит ей, что все это время хотел быть рядом с ней, но думал, что грубо оттолкнуть ее — это единственный способ защитить ее от Процессора Фэлла. Профессор ничего не забывал и имел множество злых рук, как и его символ — осьминог. Мэтью не желал, чтобы хоть одна из этих рук коснулась этой прекрасной девушки.

Что ему было делать? Куда они могли отправиться вместе, чтобы быть в безопасности?

Впрочем, всему свое время. Решать проблемы следует по порядку. Сейчас Мэтью удалось пробудиться от одного испытания — от потери памяти — и теперь он закален и подготовлен к тому,

чтобы справиться с тяготами, ждущими впереди. Поэтому… всему свое время. Сначала — проблемы.

В этот момент принесли ром.

Часть вторая. Веселый город и его черные грехи

Глава шестая

Двери экипажа захлопнулись. Щелкнули двойные задвижки. Четверка лошадей под звонкие щелчки кнута пришла в движение, и Мэтью посмотрел сквозь зарешеченное окно на проносящиеся мимо здания Плимута — как всегда серого, окутанного моросью и клубящимися на небосводе свинцовыми тучами.

Руки и ноги молодого человека, наконец, освободили от веревок, но тут же заковали в цепи. У ступней его лежал внушительный металлический шар размером, наверное, со среднюю сторожевую собаку. Когда Мэтью спросил о своем аресте, офицер сказал ему, что путешествие займет семь дней, плюс-минус. Человек по имени Монкрофф в этот момент сидел на месте возницы, и они с партнером оба зябко кутались в черные плащи с капюшонами, надеясь защититься от сырости, как могли. Подле Монкроффа находился небольшой чемодан, где содержались показания, записанные со слов двух свидетелей — то было описание жестокого убийства графа Антона Маннергейма Дальгрена.

Итак, Мэтью направлялся в Лондон, чтобы предстать перед судом. Как сказал ему главный констебль Плимута, кое-кто с нетерпением будет ждать дня, когда накинет петлю на его шею. Никогда прежде Мэтью не слышал, чтобы работа палача описывалась с таким ликованием. Что ж, надежда все еще оставалась!

Похоже, что, пока он сидел здесь, на жестком дощатом месте и подскакивал на каждом дорожном ухабе, ему не следовало раньше времени думать о возвращении в Нью-Йорк — в ближайшем будущем оно вряд ли планировалось. Но в самом деле его планы начали расстраиваться, когда он впервые предстал перед магистратом в Плимуте, на третье утро после того, как спустился по трапу со «Странницы» в навязанном образе закоренелого преступника.

— Как я уже говорил, — продолжил Мэтью, окончив рассказ о своих отношениях с убитым и о его побеге от Профессора Фэлла. — Дальгрен наверняка собирался убить меня, *прежде* чем мы достигли бы Англии. Я больше не был ему полезен в том, что, он думал, восстановит его доброе имя перед Профессором Фэллом, так что…

— Момент, — сказал магистрат Эйкерс с холодным, как айсберг, лицом и нарисованными на нем тонкими бровями. Он проговаривал свои слова медленно и протяжно, с легким

причмокиванием губ после каждого предложения. — Я внимательно прочитал показания свидетелей, — листы с соответствующими записями лежали на столе прямо перед ним. Бледный свет прохладного ноябрьского утра, падающий из пары высоких окон, освещая Эйкерса, всё помещение и стражей Мэтью, создавал впечатление, что настала суровая зима. — Нигде не указано, — продолжил магистрат. — Что ваш прусский хозяин собирался убить вас на борту «Странницы» после того, как был бы спасен из моря. Я вижу лишь то, что у вас были… серьезные разногласия, которые вы хотели решить насилием… но в итоге мы имеем дело с *его смертью*, не с вашей.

— Он убил бы меня! Я говорю вам, я…

— Убили его первым, опасаясь за свою жизнь? Показания свидетелей говорят о том, что вы обрубили спасительную веревку графа, не находясь при этом в опасности, и это непростительно.

— Но Дальгрен был убийцей! — нотки поднимающейся паники в голосе Мэтью лишь дополнительно встревожили молодого человека. Он понял, что если придет в бешенство, из этого не выйдет ничего хорошего, поэтому постарался взять себя в руки и восстановить дыхание. — Вы ведь услышали то, что я рассказал вам о Профессоре, не так ли?

— Я понимаю, что, как вы считаете, эти подробности могут помочь вашему делу, — сказал Эйкерс. — Но, к несчастью для вас, молодой человек, я никогда не слышал об этом человеке. Он профессор чего? И где он учился?

О, Господи! — подумал Мэтью. И снова пламя паники охватило его. Мэтью стоял с опущенной головой, стараясь найти в себе силы заговорить снова. Он все еще был слаб после поездки, ему не позволили побриться и оставили в старой серой одежде, которую после беглой чистки сырой надели на его тело. Два дня он провел в мрачной плимутской камере, разделяя клетку с морщинистым безумцем, который изнасиловал и убил десятилетнего ребенка. Похоже, спуск с этого проклятого судна не принес желаемого облегчения — все надежды Мэтью разбились о суровую реальность. Молодому человеку так и не дали как следует поесть, продолжая держать его на голодном пайке.

— Прошу вас, — сказал узник своему судье. — Свяжитесь с агентством «Герральд» в Лондоне. Кто-то из его сотрудников, по крайней мере, слышал обо мне.

— Я слышал о вашем запросе от главного констебля Скарборо. Но это вне юрисдикции Плимута, молодой человек. К тому же, никто из нас здесь не слышал об этом вашем агентстве «*Меррел*».

— Не «*Меррел*», - поправил Мэтью. — А «*Герральд*». Это…

— Да, я слышал, что вы рассказывали Скарборо, — бледная, как лилия, рука, украшенная тремя перстнями, жестом заставила Мэтью понизить голос. — Агентство, занимающееся решением проблем людей? — его лицо тронула тень кривой улыбки, которая была адресована лысеющему главному констеблю, сидящему в дальнем углу помещения. — Боже Всевышний, разве это не *наша* ответственность? Я не хотел бы думать, что может случиться с английской цивилизацией, если люди вместо судов кинутся решать свои проблемы в такие вот конторы. Это же будет фактический самосуд! Впрочем, слава Богу, это лишь бред: как я уже говорил, у меня нет никаких записей об агентстве «Меррел», - маленькие глазки магистрата глядели бесстрастно и незаинтересованно. — Конечно, молодой человек, ваша история попахивает безумием. Мое мнение, как судьи, что я говорил с человеком из Бедлама. Вам есть, что еще сказать?

Мозг Мэтью работал… медленно, лишенный твердой пищи и хотя бы короткого отдыха… но все же работал.

Он почувствовал, как невидимая петля затягивается на его шее.

— Позвольте мне задать вопрос, — сказал он, когда яркий луч мысли вдруг прорвался сквозь туман в его мозгу. — Я понимаю, что преступление, которое я совершил, ухудшается тем, что я сделал это, находясь в положении слуги, который убил своего хозяина, так? — он продолжил до того, как Эйкерс заставил его замолчать. — И мой вопрос в том… где *доказательства* того, что я был слугой графа Дальгрена? Где бумаги, подтверждающие мою службу? У вас есть слова пассажиров корабля о графе Дальгрене и их *предположения* о том, что я был его слугой, но как можно эти предположения *доказать*? Если точно так же предположить, что я не состоял у него на службе, разве не меняются обстоятельства? Уроженец Пруссии был убит в открытом море, *не* на территории Британской империи, и это грозит мне *повешением*? Так разве не следует меня доставить в Пруссию для суда? В самом деле, это ведь не входит в юрисдикцию Англии, ведь не английский, а прусский граф был убит мною. В открытом море. И как вы можете даже называть это убийством? Где труп? Возможно, при падении граф Дальгрен запутался в водорослях, а после был съеден акулой, укушен медузой…. что ж, если медузы и акулы у вас тоже считаются убийцами, то их следует немедленно выловить и доставить в плимутскую тюрьму. А еще граф мог *просто утонуть*… что, вероятно, призывает весь океан оказаться на этом суде. То есть, чтобы быть точным, я не *убивал* человека, сэр. Я лишь перерезал

веревку.

— Да, но разрезание этой веревки *послужило причиной* его смерти, — сказал Эйкерс, вызывающе поднимая свой тонкий подбородок.

— А вы можете быть *абсолютно* уверены, что он мертв? — на несколько секунд Мэтью и впрямь почувствовал, что болтается в петле. — А те два свидетеля — они *уверены*? Видели ли они на самом деле, как он *погиб? Я* — не видел. У человека может быть больше жизней, чем у кота самого Сатаны. Он может оказаться здесь в любой день и первое, что он сделает, это убьет кого-нибудь, чтобы завладеть его одеждой и деньгами, поэтому будьте осторожны и следите за порядком на побережье.

Эйкерс соединил подушечки пальцев и приложил их к своим губам, глаза его теперь смотрели на обвиняемого по-новому. Словно бы… с уважением?

— У меня есть решение, — сказал Мэтью. — Я знаю недавно прибывшего в Лондон помощника главного констебля. Его зовут Гарднер Лиллехорн. Вы знаете это имя?

Магистрат выдержал недолгую паузу, прежде чем ответить, однако затем произнес:

— Знаю.

— А помощника Лиллехорна зовут Диппен Нэк. Это имя вам тоже известно?

— Я слышал, как его произносили, — отозвался Эйкерс с любопытством.

— Так попросту избавьтесь от меня: перебросьте ответственность в их лондонский терновник, — продолжил Мэтью. — Вы исполнили свой долг в моем деле перед правовой системой. Здесь имеют место вопросы Прусского государства, недоказанное рабство, а также непроверенное убийство. Такие дела должны решаться лондонским судом. Я думаю, Плимут только и ждет, чтобы сказать мне: «*скатертью дорога*», потому что на очереди куда более насущные дела.

В помещении повисло молчание.

Наконец, магистрат Эйкерс издал неясный звук — возможно, прочистил горло — и тихо произнес «ха» без какого-либо намека на юмор.

Таким образом в течение двадцати четырех часов Мэтью подготовили к переправке в Лондон в тюремном экипаже. Ему, наконец, позволили отведать хороший ужин из тушеной говядины — настоящей говядины, хотя сейчас он не отличил бы ее вкуса даже от мяса больной лошади — дали выпить кружку эля и позволили покинуть дикую клетку, которую он делил с безумцем, после чего выделили одиночную камеру на ночь, где он, наконец,

смог спокойно поспать, не опасаясь, что кто-то перережет ему горло во сне.

Мэтью по-прежнему приходилось расхаживать в костюме плимутского заключенного, в бритье ему было отказано — политика Плимута этого не предусматривала: в конце концов, опасно было позволять заключенному оставаться наедине с бритвой. Но все же основной исход был положительным: его, наконец, вытащили из этой грязной клетки и теперь везли к кому-то, кого он знал. Скажи кто-нибудь молодому решателю проблем год назад, что он будет готов расцеловать Гарднера Лиллехорна и Диппена Нэка при встрече, и Мэтью, возможно, занял бы соседнюю камеру в Бедламе рядом с Тиранусом Слотером и сказал бы хранителю проглотить ключ, потому что *такое* безумие показалось бы ему неизлечимым.

Лошади перешли на рысь. Колеса месили английскую грязь, маленькие деревни проплывали мимо одна за другой, и Мэтью думал, что сумел немного отсрочить свое свидание с петлей. Теперь, чтобы выиграть эту партию, предстояло вывалить всю информационную кашу на Лиллехорна, и вымолить у этого напыщенного… то есть, весьма уважаемого блистательного джентльмена помощь и прощение, чтобы он, раздувшись от самодовольства, пнул Мэтью под хвост и направил через Атлантику обратно в его молочный райский уголок за домом Григсби.

Это была нелегкая поездка. Английские дороги были хуже тех, что окружают Нью-Йорк и, возможно, хуже всех тех, по которым Мэтью когда-либо приходилось ездить. Он, Монкрофф его напарник, с которым он делил поочередно место возницы, останавливались в нескольких придорожных трактирах. В большинстве случаев Мэтью был вынужден спать на полу, но Монкрофф оказался достаточно любезным, чтобы хотя бы кормить исхудавшего пленника, делясь с ним пирогом с почками, копчеными колбасками и прочей снедью, которой обзаводился во время остановок. Пусть отголоски последствий тяжелого плавания на борту «Странницы» все еще давали о себе знать, молодой человек все равно быстро набирался сил, потому что благодаря Монкроффу ему не приходилось почти никогда чувствовать себя голодным. Он начал замечать то, как смотрят на него англичане и англичанки. Они, казалось, искренне наслаждались видом цепей, и были готовы *невзначай* задеть заключенного или даже *случайно* уколоть его столовыми приборами, однако Монкрофф бегло пресекал эти попытки, угрожая, что запишет полные имена хулиганов и призовет их к ответу перед законом. Дети здесь были столь же жестоки, сколь и

взрослые. Впрочем, можно сказать, что они были еще хуже, потому что они двигались быстро и успевали ударить Мэтью под ребра или пнуть по голени, пока добропорядочный Монкрофф не видел. В каждом населенном пункте, где они останавливались в течение этой недели, быстро распространялась молва о том, что осужденный убийца направляется в Лондон, чтобы быть повешенным, и это заставляло множество зевак выглядывать из окон гостиниц и даже подходить совсем близко в попытке лучше разглядеть преступника. К моменту последней остановки Мэтью узнал от Монкроффа, который, в свою очередь, услышал это от хозяина трактира, что слухи говорят следующее: будто бы молодой худой чернобородый убийца обезглавил трех женщин и нескольких детей в Плимуте, насадил их головы на заборы, а после каждого зверства с упоением купался в их крови в комнате, мебель в которой сплошь состояла из человеческих костей. Были в той комнате, якобы, и две козы, которых безумец наряжал в женскую одежду. В ту ночь зеваки были буквально готовы выбить дверь комнаты, чтобы посмотреть на молодого человека, поэтому Монкроффу пришлось разместиться у самой двери с мушкетом и остаться там до прихода утра, окутанного противной моросью.

Теперь, когда экипаж отправился дальше по дороге, которая была еще более ухабистой, чем прежде, Мэтью Корбетт, подпрыгивая на каждой кочке на свое дощатом сидении, выглядывал в зарешеченное окно и рассматривал промозглый и туманный пейзаж, в котором уныло виднелись кривые деревья близ каменных домов с соломенными крышами, а время от времени проплывали зеленые тени холмов. Воздух был не очень холодным, но летающая в нем морось кусалась. Через некоторое время Мэтью отметил, что количество домов с соломенными крышами увеличилось, и они теперь отстояли друг от друга на меньшее расстояние, плотнее располагаясь вдоль дороги. Кроме того повозка вдруг пошла с меньшей скоростью. Вознице пришлось приложить много усилий, чтобы контролировать четверку лошадей, потому что постепенно из тумана появлялись все новые и новые кареты и повозки. Мэтью узнал этот город прежде, чем Монкрофф отодвинул задвижку, разделяющую их, и произнес:

— Подбираемся к Лондону.

Мэтью прижался лицом к прутьям и вытянул шею, чтобы получить как можно больший обзор.

Вокруг витал лишь туман — бледно-серый, в котором мелькали призрачные фигуры других повозок, заставляющих возниц как можно внимательнее следить за дорогой. Впереди дымка приобретала сернисто-желтый, а после и вовсе коричневый

оттенок. Пределы видимости были совершенно ничтожными, и Мэтью понимал, что никак не может оценить размеры Лондона, потому что толком ничего не видит. Во сколько он раз больше, чем Нью-Йорк? В десять? Ох, нет, по меньшей мере, в двадцать. Мэтью знал это из книг. Знал он также, что это был город, основанный римлянами, который пережил историю, полную светлых и темных — как шахматная доска — моментов. Он пострадал от Великого Пожара в 1666 году, и поэтому — согласно статьям, появлявшимся в лондонской «*Газетт*», которую Мэтью читал в Нью-Йорке — большинство зданий здесь теперь строится только из камня и кирпича, но не из дерева. Пристани и склады вдоль Темзы тоже существовали уже не одно столетие — они были разрушены и восстановлены множество раз.

На самом деле, Мэтью встречал и тех наивных людей, кто полагал, что Лондон примерно одного размера с Нью-Йорком. А ведь это был центр Старого Света, на чьем благословении и появились колонии! Англия являла собой самую крупную державу в мире, поэтому, естественно, и столица ее была просто огромной. Она казалась гигантским живым существом, способным пережить любое бедствие и только увеличиться от него в размерах.

Пока, однако, все, что мог увидеть Мэтью — это лишь уродливые изменения цвета тумана, который окутывал сейчас башни Лондона. Но даже несмотря на это он вспоминал, как, живя в комфорте в Нью-Йорке, надеялся когда-нибудь посетить этот великий город и думал, что будет преисполнен воодушевления. Но вот, день, когда он прибыл в Лондон, настал, а внутри у него клубился только страх. Его привезли сюда в цепях под угрозой повешения, если только его серебряный язык не поможет ему выбраться из этой передряги. В Нью-Йорке он был *кем-то*. Он был известен многим и, по большей части, вызывал к себе симпатию… здесь же он был никем — просто тонким бородатым заключенным, чья единственная надежда на выживание зависела от подлой личности, которую он никогда не любил и прекрасно знал, что и этот человек не любит его. Молодому человеку казалось, что он становится все меньше, меньше и меньше по мере того, как их экипаж продвигался в потоке других карет и телег. Темп все замедлялся и вскоре перешел на прогулочный шаг, поэтому еще целый час Мэтью вынужден был напряженно сидеть на своем жестком сидении и нервничать, потому что впереди, оказывается, у одного вагона отвалилось колесо, вследствие чего образовался огромный затор. Пока расчищали дорогу, пришлось надолго задержаться на каменном мосту через грязную реку, куда, похоже, сливали

отходы со скотобойни — Мэтью заметил кровь, плавающую в мутной воде, и почувствовал горький запах страха животных, которых забивали там.

Когда повозка Мэтью, наконец, приблизилась непосредственно к городу, там, казалось, возникло бесконечное сборище маленьких деревень — домов, конюшен, таверн, огромного количества магазинов и прочего — разделенных несколькими деревьями. Здесь виднелись пруды и болота, на которых, как подумал Мэтью, и должен был быть построен этот город, судя по качеству ведущих к нему дорог.

Тогда он осознал две вещи примерно в одно и то же время: запах влажной гнили, который можно было поймать на самом ветхом причале в Нью-Йорке, смешался с запахом пороха и оставил в воздухе странную смесь ароматов, какая остается, к примеру, после чеканки кремня о камень, а вторая вещь… *шум*.

Это началось, как гудение, похожее на звук колес одной из повозок плотного лондонского движения. Однако он нарастал и вскоре начал отдаваться в костях, как только достигал ушей. В течение нескольких минут гул превратился в то, что Мэтью мог бы назвать рычанием невидимого зверя в своем логове.

Он понял, что это был звук города, звук тысяч голосов разной силы и разных высот, и звук этот смешивался со стуком копыт, скрипом колес, визгом шарниров на несмазанных железных воротах, поступью сапог по дереву и камню, гудением реки, шумом судов, звуком того, как местные пьяницы на мостах блюют, срыгивают или пускают ветры, как кто-то кричит от ярости или от радости… и все это смешивалось, смешивалось…

И тогда город вдруг показался из коричневого тумана перед Мэтью и всосал его повозку в себя, затягивая молодого решателя проблем в этот кипящий человеческий водоворот.

Глава седьмая

— Я знал, что этот день настанет, — сказал Гарднер Лиллехорн, одетый в бледно-лавандовый костюм с подобранной треуголкой того же цвета, украшенной фиолетовым пером, которое сочеталось с оттенком его жилета. Он достал свою тонкую лакированную трость и ее серебряным набалдашником и не очень дружелюбно постучал Мэтью по плечу.

— Вот вы и сидите здесь, обвиненный в убийстве, — сказал помощник главного констебля Лондона. — Далековато же вы забрались от дома, как по мне.

— Далековато от дома! Слишком далеко! — хохотал Диппен Нэк. Его маленькие плечи сгорбились, к круглому, пухлощекому лицу прилила кровь, и оно возбужденно раскраснелось. Таким явил себя миру этот маленький, но жестокий хулиган и любитель дубинок. На нем был костюм пыльного цвета — видимо, перепачканный едой спереди — с серебряными пуговицами, а на голове сидела черная треуголка, из-под которой выбивался белый парик с множеством хвастливых локонов. Глаза Нэка, всегда напоминавшие два красных очага гнева, были подведены темно-коричневой краской, которая сейчас превращала их в две безобразные ямы, полные грязи. Но так же, как и раньше он поднимал свою проклятую черную дубинку и ткнул ее тупым концом в подбородок Мэтью, заставив молодого человека поднять голову вверх. — Только гляньте на него! Чье-то печенье изрядно покрошилось!

— Я понятия не имею, что это значит, — сказал Мэтью, отводя голову от поцелуя дубинки.

— Это значит, что теперь у *нас* есть власть, мистер Высокий-И-Могучий! — прозвучал горячий ответ вкупе с капельками слюны, вылетающими сквозь стиснутые зубы. — Теперь никто не вмешается, чтобы спасти твой бекончик!

— От ваших слов у меня аппетит разыгрался.

— *Пожалуйста*, Нэк, будь сдержаннее, — Лиллехорн использовал трость, чтобы отвести дубинку прочь, но в течение нескольких секунд казалось, что между этими двумя инструментами может начаться суровое противоборство.

Нэк позволил трости победить, тут же зашипев:

— Похоже, вы забываете… это не Нью-Йорк, сэр Лиллехорн. Правила здесь другие.

— Я ничего не забываю, дорогой друг. Но давай не будем ломать мистеру Корбетту челюсть, чтобы у него была

возможность говорить.

Возможность у меня есть, о, да, подумал Мэтью. Но что из этого выйдет? Эти двое, даже объединив усилия, не смогут функционировать, как один нормальный человеческий мозг. Но, как говорится в старой пословице, которая сейчас весьма походила к случаю — *нищим не приходится выбирать.*

Они сидели за столом в маленьком и сыром зале совещаний. Масляная лампа освещала помещение, стоя на столе в компании подсвечника с двумя наполовину сгоревшими свечами. За единственной закрытой ставней Мэтью мог слышать, как снаружи идет дождь. Он не видел солнца в течение четырех дней, так как, прибыв в Лондон, тут же был помещен в тюремную камеру, которую делил с тремя другими несчастными людьми. Его сокамерники выглядели совершенно отрешенными и смирившимися с тяготами Судьбы — один из них молча лежал, свернувшись на полу, словно давно принял свой приговор: умереть, как пугало с раскуроченной душой. Монкрофф упомянул, что это здание носит имя Святого Петра перед тем, как передал все документы местному должностному лицу, и пожелал Мэтью удачи. Но называлось ли это место на самом деле в честь Святого Петра, или его бывший конвоир просто решил так пошутить, молодой человек не знал.

Впечатления Мэтью о Лондоне составляли блоки массивных зданий, удушливые улицы, переполненные толпами людей, запахи немытого человеческого тела и то, что казалось кислой выжженной вонью, которая осталась, возможно, от Великого Пожара тридцатисемилетней давности (как бы невероятно это ни было). А еще — вечный, непрекращающийся шум, который здесь называют жизнью города. Существовало ли в Лондоне хоть одно место, где можно было найти тишину? Что ж, если и существовало, то точно не в тюрьме Святого Петра, где крики и плач отчаявшихся людей превратились в своего рода развратную музыку, не замолкающую сутками. Помимо этих беглых впечатлений не было ничего: туман маскировал большинство деталей, уличных транспарантов и дорог, и Мэтью понятия не имел, где находится на карте Лондона, в какой стороне от него располагается Темза или другие значимые городские пункты. Его мир сгруппировался в маленькой камере, где находилась грязная койка и одеяло, которое пахло смертью. Правда, по крайней мере, его избавили от тяжелой гири, и теперь на аудиенции у помощника главного констебля огромный тяжелый шар не волочился за его ногами. Лиллехорн сладостно растягивал время до прихода в тюрьму Святого Петра после ухода Монкроффа, который сделал официальный запрос и сообщил имя Мэтью по

всем каналам, о коих упоминал молодой человек. После всех нужных запросов на юного решателя проблем из Нью-Йорка снова надели кандалы, сковав его лодыжки и запястья одной цепью, что заставляло его спину постоянно пригибаться в знак почтения перед святым законом Лондона.

— Вы, — почти ласково произнес Лиллехорн. — В затруднительном положении.

У него были руки ребенка, и казалось, будто сильный порыв ветра может сломать ему кости. Здесь, в Лондоне, он не изменил своим нью-йоркским привычкам постригать определенным образом свою козлиную бородку и усы. Его волосы, забранные в хвост лавандовой лентой, были заметно подкрашены черным красителем, дававшим ярко-выраженный синеватый отлив. Его нос все еще смотрелся маленьким и острым, а губы выглядели нарисованными, как у куклы. И, разумеется, этот человек продолжал нести себя так, будто он исключительно важен для всего мира. Что ж, для Мэтью сейчас так и было. Молодой человек решил, что Лорд Корнбери явно потянул за нужные ниточки, чтобы добиться для Лиллехорна этого поста, или, возможно у Лиллехорна был какой-то суровый компромат на Корнбери… а присутствие здесь Нэка может означать, что и он принял участие в нахождении или сборе этого компромата. Похоже, нынешний губернатор колоний Нью-Йорк и Нью-Джерси держит пару скелетов в шкафу. А быть может, его шкафы доверху набиты мешками денег или деревянными индейскими жетонами — как знать. Так или иначе, будет, на что посмотреть, когда он вернется домой, решил Мэтью.

— В затруднительном положении, — повторил Лиллехорн. — Я читал показания свидетелей и вашу собственную версию этой неприятной истории, записанную клерком магистрата в Плимуте. Полагаю, этот граф Дальгрен — тот самый человек, который сбежал от правосудия из особняка Саймона Чепела, который мы окружили? И, кстати, спасли вашу жизнь тогда, за что, как я убежден, до сих пор мною не получено соответствующей благодарности.

— Это был тот самый человек, — ответил Мэтью. — Он намеревался доставить меня к Профессору Фэллу, пока я был не в себе. Как я уже сказал, я потерял память, поэтому не представлял себе, кто я или…

— Да, да, — маленькие пальчики отмахнулись от этого, как от дыма. — Я слышал, что такое случается, правда, никогда не видел живьем. Мало кто видел. Это будет весьма трудно доказать в суде.

— Если бы я не потерял память, зачем бы мне было

отправляться куда-то с ним? Чтобы меня отвезли к Профессору и убили? Я уверен, Дальгрен хотел с моей помощью сторговаться с Фэллом, оказать ему моей поимкой хорошую услугу. Возможно, даже попасть обратно в его банду. Послушайте… Гарднер… имя Фэлла здесь совершенно точно известно! И агентство «Герральд» здесь знают тоже! Так почему я сижу в камере, если все это можно было бы объяснить, поработав полдня?

— Потому что, — ответил Лиллехорн, и голос его казался срывающимся и терпеливым одновременно. — Ни у кого нет половины дня, чтобы тратить его на вас. Я здесь нахожусь *неофициально* и отнимаю время у других насущных вопросов, — он склонил голову набок, и его нарисованные губы сжались в тонкую линию, прежде чем он заговорил снова. — Вам необходимо *понять*, где вы находитесь. Лондон — это не Нью-Йорк. Здесь у нас сразу могут произойти несколько ограблений, несколько драк в тавернах, маленькая ссора между любовниками или супругами и убийство. *Здесь*, Мэтью, перед нами предстает веселый город и его черные грехи. Если человек здесь пройдет пару кварталов ночью, и его не ограбят и не убьют, он может полагать свою жизнь зачарованной. Я понимаю, что Профессор Фэлл мог когда-то давно собрать все свои банды вместе и составить из этого то, что вы называете его преступной империей, но время не стоит на месте. Банды возрождаются с куда более молодыми и деятельными лидерами. Они контролируют целые районы города. И убийства… о, Господи Боже! В этом городе ножи чаще используются, чтобы перерезáть глотки, нежели для того, чтобы чистить рыбу. Каждое утро мы загружаем вагон трупами, и ты никогда не знаешь, что можешь найти: обезглавленную маленькую девочку лет восьми-девяти, человека с внутренностями, разбросанными, как драгоценные артефакты, по обе стороны его тела, женщину с отрезанными интимными частями тела… причем, *сами* интимные органы могут и вовсе пропасть без вести и никогда не найтись. Десятки жертв убийств — безымянные, безликие. Буквально. Каждый Божий день, — Лиллехорн сделал паузу, потому что тремор эмоции в его голосе, похоже, удивил его самого не меньше, чем он удивил Мэтью.

Дождь принялся сильнее бить в окно. Одна из свечей зашипела в своем подсвечнике, когда ее расклешенный фитиль поджег особенно маслянистый остаток свиного жира.

После этой недолгой паузы Лиллехорн заставил себя продолжить.

— Некоторые знают имя Профессора Фэлла, — сказал он тихо. — Но большинство — не знает. У него нет цели слыть известным среди толпы людей. Но я вам так скажу, Мэтью… то,

что я слышал… то, что я видел за эти недолгие месяцы… все это гораздо *хуже*, чем все то, что творил Профессор Фэлл. Как я уже говорил, время не стоит на месте. Есть молодые руки, жадные до грязных денег и готовые отнять много невинных жизней, если будет необходимо. В Нью-Йорке присутствует совесть, Мэтью… присутствует уважение к другим людям. Здесь… ну… Нью-Йорк по последним данным населяют шесть тысяч человек. В Лондоне живут *шестьсот* тысяч человек, и все они перемешиваются, желают того, что есть у других, и ведут борьбу за жизнь, стараясь удержаться на этом свете как можно дольше. И огромное количество людей прибывает каждый день со всех направлений. Вы следите за ходом моей мысли?

— Да, — отозвался Мэтью.

— И закон здесь ведет борьбу за выживание, — продолжил Лиллехорн. — Ожесточенную борьбу, будьте уверены. Есть некоторые районы Лондона, куда не сунется ни один человек в здравом уме. Они пригодны только для животных. Здесь есть бордели, где самым старшим девочкам всего годков двенадцать, а младшим — около шести. Есть нищенские кварталы, где оголодавшие мужчины и женщины кидаются друг на друга и могут забить до смерти любого, чтобы добыть краюху хлеба. Есть люди, которые выполняют грязные поручения для каторжников или карманников. Прибавьте к этому уравнению дешевый и разрушающий умы джин, и вы получите Ад Данте прямо на английской земле, — Лиллехорн уставился в пламя масляной лампы, и Мэтью вдруг ощутил холодок, пробежавший по его спине. Понизившаяся температура была здесь ни при чем — всему виной было выражение боли в глазах этого человека. Очевидно, он не был полностью подготовлен к такой работе и к тому, каков на самом деле Лондон в 1703 году.

— Этот город, — вновь заговорил Лиллехорн. — Съедает молодых и слабых. Он отрезает головы детям и колотит лица мужчин и женщин, превращая их в отбитые куски мяса ради нескольких шиллингов. Он развращает разум и убивает душу. И грех его бездонен. Поэтому… некому проводить с вами полдня, молодой человек. К слову, для вас безопаснее находиться здесь, — заключил он. — Всяко лучше, чем, делить мокрую могилу за бортом «Странницы» с графом Антоном Маннергеймом Дальгреном.

Молчание, нарушаемое только шумом дождя, поглотило помещение. Рот Нэка исказился в явном намерении бросить в Мэтью очередное оскорбление, однако Лиллехорн — сухим и далеким голосом — осадил своего помощника:

— Молчи, — и пухлощекий хулиган послушно (что само по

себе непостижимо) остался немым.

Мэтью вдруг стало понятно, что Лорд Корнбери не оказывал никакой услуги ни Лиллехорну, ни Нэку.

Молодой человек глубоко вдохнул и выдохнул. Он задал вопрос, который никогда не предполагал задавать такому человеку, как Гарднер Лиллехорн.

— Вы сможете мне помочь?

Помощник главного констебля рассматривал пламя в течение нескольких секунд, как будто оно затягивало его, или его свет был единственным лучом разума в царстве безумия. Затем он пришел в чувства, вернулся в реальность и ответил без тени иронии в голосе:

— Я обрисую вашу ситуацию генеральному секретарю в Олд-Бейли и попрошу аудиенции у суди Томасона Гринвуда. Судья Гринвуд честный и порядочные человек… *молодой* человек, который известен своей снисходительностью к суровым обстоятельствам. Вопросы, которые вы задали магистрату Эйкерсу, я читал. Их стоит предоставить судье и генеральному секретарю. Думаю, они их заинтересуют. Я буду стоять за вас, а то, как вы отплатите мне за эту услугу, мы придумаем потом.

— Хорошо, — сказал Мэтью с непреодолимым вздохом облегчения. — Могу ли я спросить, как много времени это займет?

— Я свяжусь с клерком судьи утром. А затем… не могу сказать со всей уверенностью. Но, надеюсь, мы сможем доставить вас в Олд-Бейли к концу месяца.

— К концу… *месяца*? Но Ноябрь едва начался! Хотите сказать, мне предстоит провести здесь еще целый месяц?

— Цените то, где находитесь, юный сэр, — сказал Лиллехорн, и голос его показался острым, как лезвие ножа. — Вам повезло, потому что тюрьма Святого Петра — это «Док-Хауз-Инн» для заключенных здесь. Вы читали «Газетт», поэтому знаете, что может быть хуже. Нэк, позови сторожа.

Нэк поднялся и постучал в дверь по команде Лиллехорна. Засов был снят с другой стороны и человек, на фоне которого Магнус Малдун мог показаться ничтожно маленьким, вошел в помещение. Бóльшую часть его тела составлял жир, а голова у него была гладко выбрита — лишь маленький клок волос остался незамеченным бритвой над левым глазом.

— Помните о манерах, пока находитесь здесь, — посоветовал Лиллехорн, когда охранник поднял Мэтью со стула, как если бы он был мешком с картошкой. — Делайте то, что вам говорят, и старайтесь не попадать в неприятности… если это возможно для вас, я имею в виду.

— Я понял, — ответил Мэтью. Руки охранника на его плечах были похожи на две железные наковальни. Никакие кандалы не требуются, когда тебя держит такой Голиаф. Жаль, правда, что интеллект этого человека, похоже, не превосходит интеллекта десятилетнего ребенка. — И спасибо, Гарднер. Я серьезно.

— Ну, разумеется, — за этой репликой последовала небольшая ухмылка. — Тюремная камера многих делает серьезными и более искренними. А также учит смирению. Что ж, будем надеяться, что эти жизненные уроки запомнятся вам надолго.

Последнее слово — последние четыре, если быть точнее, последовали от Диппена Нэка, с угрюмым видом вертевшего своей дубинкой, на которой он, очевидно, был женат: «Слишком далеко от дома!»

Затем охранник повел ковыляющего Мэтью прочь, назад в его холодную пещеру, состоящую из зарешеченных клеток, и два джентльмена из Лондона также удалились — назад в царство серого дождя и огромного Метрополиса серых зданий, серых тротуаров и серых лиц.

***

Как только «Счастливый Случай» причалил к Плимуту и трап был опущен, Хадсон Грейтхауз и Берри Григсби поспешили прочь, чтобы найти начальника порта. Они были утомлены в своей грязной и засаленной одежде и, делая первые шаги по твердой, не шаткой земле, вынуждены были то и дело хвататься друг за друга, стараясь не упасть — будто один волчок мог обеспечить баланс для другого. Так или иначе, проделать путь вниз по трапу без падения им удалось.

Была уже вторая половина дня, когда «Счастливый Случай» вывесил сигнальный флаг, возвещающий о том, что судно стоит на якоре в гавани, но пришлось прождать четыре часа, прежде чем навстречу выслали баркасы. Причал в Плимуте был чрезвычайно многолюден сегодня, поэтому выгрузка занимала гораздо больше времени, случались заминки, которые задерживали все прибывающие суда. Те четыре часа казались самыми долгими в жизни и для Берри, и для Хадсона, которым не оставалось ничего, кроме томительного ожидания. А теперь настало время действия… а также время осознания всей усталости, грязи, зуда отросшей бороды Хадсона — будь она проклята — и прочих

неудобств…

Где был начальник порта в этом смешении грузов, веревок, лошадей, повозок, людей, ругани моряков, криков капитанов и — как и в Нью-Йорке — нескончаемой толпы скрипачей, аккордеонистов, нищих, танцоров, жонглеров и торговцев выпечкой, было неизвестно. В общем… кругом царил хаос, а потом — совершенно неожиданно — из свинцового неба вдруг начал лить сокрушительный дождь, обрушившийся суровыми каплями на всех капитанов и скрипачей.

Вымокшие до нитки и почти ничем внешне не отличающиеся от нищих и оборванцев, Хадсон и Берри, наконец, сумели отыскать начальника порта, застав его в его кабинете с чашкой рома, наполовину поднесенной ко рту.

- «Странница», - сказал Хадсон, поняв, что этот человек собирается сообщить о своей занятости и попросить не беспокоить его. — Посмотрите ваши записи. Такой корабль прибывал в этот порт? Если так — на что я искренне надеюсь — то я хочу знать, когда это было.

Ответ последовал после того, как в ладонь начальника порта упало двадцать шиллингов. Также его разговорчивость была стимулирована сжатым кулаком Хадсона, который явно был готов раскроить ему губы. В книге учета было записано, что «Странница» действительно прибыла две недели назад, но судно должны были конфисковать по причине судебного процесса над капитаном Пеппертри, который пренебрег своими обязанностями и едва не загубил экипаж и всех пассажиров во время шторма. К несчастью, сам корабль затонул на третий день после того, как прибыл в Плимут, и до сих пор представлял собой определенную головную боль для начальника порта. Но что с того?

— У вас есть список пассажиров?

— У меня — нет. Они разлетелись так, будто сам Господь их подталкивал. У меня есть списки только для груза.

— Мы ищем молодого человека по имени Мэтью Корбетт, — сказала Берри в надежде ослабить некоторое напряжение, повисшее в этой комнате. — Он был пассажиром на…

— О! Я помню это имя! — ответил начальник порта. — Было довольно много возни на причале, когда корабль пришвартовался. Не так часто констебля призывают арестовать убийцу, как только тот спускается по трапу. Я знаю, потому что первым сюда явился проповедник, чтобы мне об этом сообщить.

— Убийцу? — нахмурился Хадсон. Сердце его подпрыгнуло. — Кто был убит?

— Иностранный граф, насколько я слышал. Я не знаю всех подробностей. Но этот Корбетт… парень, про которого вы

спрашиваете… совершил убийство.

Хадсон и Берри переглянулись, у обоих на мгновение пропал дар речи.

Берри оправилась первой, хотя в голове ее все еще не могло уложиться это событие.

— Куда его забрали?

— В тюрьму, я полагаю. Я знаю, что констебль Монкрофф приходил сюда, чтобы арестовать его. Погодите-ка! — его глаза сузились до маленьких бусинок. — А к чему все эти вопросы? Вы в этом замешаны?

— Можно сказать и так, — ответил Хадсон. — Отведите нас в тюрьму.

— Это не то место, которое большинство людей хотят посетить у нас, но… так и быть, я вас отведу. У вас найдется еще пять шиллингов?

В течение часа Хадсон и Берри нашли карету и направились по дождливым улицам Плимута в сторону городской ратуши и тюрьмы, расположенной примерно в полумиле от гавани. В этом мрачном здании они выяснили, что констебль Монкрофф отлучился на день, а узника, который их интересует, более не содержат в Плимутской тюрьме. Записи по делу для общественного ознакомления не предназначались, и, *нет*, сказал констебль при исполнении — довольно крепкий человек со шрамом от ножа на подбородке и суровыми глазами, обещающими жесткую перебранку — они не могли здесь узнать домашний адрес Монкроффа. Им придется вернуться завтра утром, на этом — все.

— Хотя бы скажите нам, куда его увезли. — попросила Берри с ноткой мольбы в голосе. Она готова была разрыдаться от досады. — Можете сделать это, *пожалуйста*?

— Прочь отсюда! Монкрофф прибудет в семь часов ровно, — сказал молодой констебль, а дальше челюсти его сомкнулись, и предоставлять Берри никакой дополнительной информации он не собирался.

Хадсон с удовольствием выбил бы дурь из этого парня и покончил бы с этим, но перспектива провести ночь за решеткой его не радовала. Ничего не оставалось, кроме как вернуться в порт, забрать свой багаж и найти гостиницу на ночь. Что ж, думал Хадсон, теперь Мэтью придется *год* стирать его вещи.

Дождь все не прекращался. Темнота начала неспешно опускаться на город. Спутники снова сели в карету, возницу которой Хадсон предусмотрительно попросил дождаться их, и они снова отправились к докам.

Берри понуро молчала, и Хадсон решил приободрить ее:

— Мы зашли так далеко, что еще одна ночь ожидания ничего не изменит.

— *Может* изменить, — ответила девушка и снова замерла. Вся ее одежда была перепачкана после морского путешествия, волосы выглядели мокрыми и грязными, под глазами пролегали темные круги, и она могла поклясться, что в жизни не чувствовала себя такой уставшей. Берри успела забыть, как тяжело приходится человеку во время долгого плавания, даже когда путь проходит спокойно и без происшествий, как это и было на «Счастливом Случае». Благо, на этот раз она не послужила причиной того, что кто-то вывалился за борт, сломал ногу на лестнице или попал в любую другую беду, какую она только могла себе представить. Правда, одна женщина за это путешествие успела разродиться близнецами, и Берри пришлось ассистировать судовому врачу в процессе, но этот опыт нельзя было назвать ни позитивным, ни негативным.

— Мы знаем три вещи, — сказал Хадсон, пока лошади продолжали скакать со своей скоростью, не обращая внимания на удары плетей возницы. — Граф Дальгрен мертв, Мэтью в ответе за это и Мэтью *выжил*, где бы он ни был. Поэтому нам следует держать нос по ветру. Мэтью *жив*. Пока это все, что мне нужно знать, чтобы с чистой совестью захотеть отведать хороший ужин со стаканом лучшего вина, которое только может позволить себе бедный путешественник. А что насчет вас?

— Я могла бы съесть лошадь, даже сырую, — отозвалась она. — И открыть бутылку зубами, чтобы добыть вина. Но… меня не покидает мысль об отсутствии Мэтью в местной тюрьме. Что-то в этой истории мне очень не нравится.

— Что ж, может быть, тюрьма переполнена, и его перевели куда-нибудь. Мы выясним это утром, сейчас волноваться об этом бессмысленно. Стоит пожалеть себя и не тратить нервы. Лично я и так уже достаточно седой, спасибо, с меня хватит.

Она посмотрела на него и увидела серьезное и обеспокоенное выражение на его уставшем, осунувшемся лице с тяжелым взглядом. В ответ на это девушка, вырвавшись из мрачных туч собственных мыслей, одарила его самой лучезарной улыбкой, на которую только была способна. Хадсон был таким на протяжении всего путешествия: когда она нуждалась в сильном плече, на которое могла опереться, он всегда был рядом — истинный джентльмен, а также верный и преданный друг Мэтью. В самом деле, через что бы Мэтью ни пришлось пройти, что бы ни стояло перед ним сейчас, ему повезло, что такой столп мужества, как мистер Грейтхауз, готов прикрыть его спину. Улыбка девушки угасла, потому что, в голове родились новые вопросы.

— У меня есть две вещи, о которых я хотела бы спросить вас, — сказала она. — Первая… вы действительно думаете, что он убил человека?

Хадсон почесал бородатый подбородок и подумал, что если в бороде еще не завелся легион вшей, он готов будет танцевать джигу от радости.

— Убийство, — торжественно повторил он. — Так это можно назвать только с одной стороны. Мэтью, возможно, помог Дальгрену отправиться на тот свет, но убийцей я его за это назвать не могу, — это была скользкая тема для разговора, поэтому Хадсон предпочел перевести ее. — Ваш следующий вопрос?

— Я хотела задать его вам уже несколько недель, — сказала она, и, похоже, вопрос этот рождался у нее не легче, чем близнецы у пассажирки корабля. Наконец, она набрала в грудь воздуха и произнесла: — Мэтью был очень груб со мной, когда мы разговаривали в последний раз. Это было так на него не похоже. Я думала… всему виной то, что ему пришлось пережить на этом гребаном острове, простите за выражение. Я думала, это заставило его запутаться в своих чувствах на некоторое время. Но… тем не менее, он наговорил мне множество страшных и болезненных вещей. Это потому… что у него действительно есть чувства к Минкс Каттер, и он больше не желает меня видеть?

— Господи, нет! — последовал немедленный ответ. — Я не знаю, как насчет вас, но нахождение в одной комнате с Минкс Каттер вызывает у меня желание полностью облачиться в броню. Ну, или хотя бы надеть бронированный гульфик. Нет, думаю, дело совсем не в этом.

— Но в чем тогда? Вы можете сказать?

— Я могу догадываться, — сказал Хадсон. Ему пришлось выдержать небольшую паузу, чтобы сформулировать свою догадку, потому что он понял, что девушка зацепится за его слова. — На месте Мэтью, — решился он. — Я бы тоже попытался оттолкнуть вас.

— Почему?

— А вы не понимаете? Конечно же потому, что Мэтью заботится о вас. Он был бы дураком, если б не делал этого, а наш мальчик не дурак. Его причины очевидны. Чем ближе он позволяет вам подойти к себе, тем большей опасности вас подвергает. Угрозу представляют те, кто угрожает ему самому — я имею в виду Профессора Фэлла, — он сделал паузу, убедился, что она поняла его, и продолжил. — Мы знаем, что он опасен даже на расстоянии. Профессор может натравить целую армию демонов на своих врагов. После того, как Мэтью взорвал часть его

пороха и послужил причиной разрушения всего этого, как вы выразились, гребаного острова, Фэлл использует против мальчика любое оружие, которое будет ему доступно. Мэтью не хочет, чтобы вы стали одним из них.

— Я? Оружие?

— Если вы попадетесь людям Профессора Фэлла, да… станете для него оружием, которое может серьезно ранить Мэтью. И никто не может сказать, *что* с вами сделают, прежде чем Фэлл удовлетворит свои прихоти. Минкс Каттер старается выглядеть бесстрастной и равнодушной, но я убежден, что она видела ужасы, творящиеся в организации Профессора, и многое отдала бы, чтобы иметь глаза на затылке и глядеть во все стороны, опасаясь его мести. А эта месть придет. Минкс об этом знает, я знаю об этом и Мэтью тоже знает. Поэтому он так хочет держать вас на расстоянии, несмотря на то, что, скорее всего, этот план бесполезен.

— Вы правы, — сказала она. — Я не откажусь от него.

— Разумеется, не откажетесь. Поэтому вы и здесь. Поэтому, скорее всего, и отвергли предложение Эштона Мак-Кеггерса и уехали из Нью-Йорка в компании седого грубого мужлана, которого едва знаете, — Хадсон лукаво улыбнулся девушке. — Я не спрашиваю вас, прав ли я насчет Мак-Кеггерса, но я знаю, что прав в остальном.

— Нет, не правы. Я не вижу в вас седого грубого мужлана.

— Моя дорогая матушка всегда говорила, что я должен хорошо вести себя со школьным учителем, — хмыкнул он, выглянув в окно и посмотрев на нескончаемые потоки дождя. — А вот и гавань! Тут везде мокро: и в море, и над ним. Правда, хоть в доках стало не так людно.

Хадсон протянул руку и постучал по задвижке, отделяющей их от возницы.

— Если хотите заработать еще пару пенсов, можете помочь нам с багажом, — предложил он мужчине. — А затем доставить нас в гостиницу, где нам не придется делить комнату с крысами или еще с кем-то в этом роде.

— Да, сэр, хорошо.

Берри не возражала против дождя, дискомфорта или того, что она вымокла до нитки. Ее обеспокоенное выражение было связано с — назовите это женской интуицией — тем, что где бы ни был Мэтью, даже если в руках закона, он все еще был в чудовищной опасности, и пока ни она, ни Хадсон ничего не могли с этим сделать. Но завтра — значит завтра, и, если Небеса не сдвинутся, чтобы найти его, она обыщет все от Земли до Райских равнин. В этом она поклялась себе.

— Готовы? — спросил Хадсон перед тем, как открыть дверь.
Девушка кивнула.
— И помните: подбородок…

Глава восьмая

— Вверх! — заговорил узник с гривой мерзостно спутанных белых волос и одним глазом, затянутым серой пленкой. — Ты, похоже, уже взобрался до тринадцати.

— Простите? — это был первый раз, когда этот человек обратился к нему за четыре дня его пребывания в камере, и Мэтью угодил в вялую пучину непонимания. — До тринадцати чего?

— Он спрашивает, *до тринадцати чего!* — прорычал Беловолосый, ткнув в ребра второго заключенного с искривленным после перелома носом. — Он ничего не знает, так ведь?

— Ты прошел тринадцать шагов к виселице! — осклабился Сломанный Нос. — Где ты был всю свою жизнь?

— Так далеко от палача, как только мог, — сказал Мэтью.

— Ха! Разве с нами не так же было? — ухмыльнулся Беловолосый, обнажив полный рот зеленого бедствия. — Они нас всех поймали так же, разве нет? Но я говорю, подбородок вверх! Потому что у тебя могло сложиться, как у бедного лесника! — он направил кривой указательный палец в сторону пожилого мужчины, который, содрогаясь всем телом, лежал на каменном полу рядом с кучей того, что с трудом можно было назвать едой.

— Он проиграл игру Господу! — сказал Беловолосый. — И совсем скоро они отведут его на плаху! — он сфокусировал свой единственный зрячий глаз на Мэтью. — За что ты здесь?

— За кое-чью ошибку.

Наверное, эти три слова были самыми комичными, что когда-либо звучали в Лондоне, судя по тому, как Беловолосый и Сломанный Нос расхохотались, брызжа слюной и обливаясь слезами от смеха.

— Я полагаю, так все говорят, — поправился Мэтью, выражение лица его было прямолинейным, как путь пахаря.

— А теперь честно! — выдохнул Беловолосый, когда, наконец, смог снова разговаривать. Он отер нос рукавом, на котором уже собралась черная корка от собравшихся там лакомых кусочков, вылетавших их ноздрей. — Что ты натворил?

— Считается, — начал Мэтью с большим достоинством. — Что я совершил убийство.

В следующее мгновение двое мужчин были буквально у его ног.

— Ты убил констебля? — спросил Сломанный Нос.

— Священника? — подтолкнул Беловолосый. — Я всегда хотел прикончить одного из них!

— Ни того, ни другого. Считается, что я убил прусского графа.

Их лица помрачнели и, казалось, осунулись сильнее обычного.

— Ахххххххх, это ничто! — лицо Беловолосого исказилось от отвращения, которое само по себе представляло убийственное зрелище. — Эти иностранные графы — просто мешки с бобами, нет никакой нужды пачкать о них клинок.

— И он пруссак! — добавил Сломанный Нос. — Никто не любит этих свинососов! Ты выйдешь отсюда раньше, чем крапивники прилетят на День Святого Стефана!

— Надеюсь, задолго до того.

— Что ж, есть вещи, через которые надо пройти, как они считают. Называют их «соответствующими каналами», - сказал Сломанный Нос философствующим тоном. — Эй, а знаешь, мы думали, ты голубок, поэтому и не разговаривали с тобой.

— Эм… голубок?

— Ну да! Частый случай, — ответил Беловолосый. — Голубок. Ну, знаешь. Кто-то, кого заносит сюда снаружи, одетым так, будто он из наших. Видишь ли, они не нашли деньги, которые я… гм… позаимствовал себе из дома вдовы Хамм после того, как бедная старая сука упала с лестницы и вскрыла себе башку. Боже, что за зрелище было! Откуда мне было знать, что там так вовремя окажется кирпич? Я не гадалка!

— Они и моих денег не нашли! — сказал Сломанный Нос. — И будь я проклят, если найдут! Этот старый скупердяй грабил меня и всех остальных, кто работал в его магазине, просто только у меня кишка оказалась не тонка, чтобы вышибить ему мозги и забрать все, что мне причитается. Конечно, я забрал и все остальное, но они были желторотыми трусами! Только победитель получает все!

— Поэтому, — продолжил Беловолосый. — Они иногда посылают голубков сюда, чтобы те выяснили, куда мы запрятали деньги. А затем идут и забирают их себе. Но ты здесь уже достаточно давно, а никто из голубков не остается здесь дольше двух дней. Кто пошел бы на это, если бы был невиновен — даже за деньги? Мы подумали, что были правы, когда тебя недавно уводили отсюда, но потом они привели тебя назад, и охранник тебе такого пинка отвесил… голубкам такого не перепадает, нет. Ты обычный парень.

— Но *я все еще* не собираюсь говорить, куда спрятал свою добычу, — упрямо сказал Сломанный Нос. — Или я отсюда

выберусь, или ничего. Знание о том, что денежки ждут меня… заставляет меня подниматься по утрам с солнечными лучами.

Мэтью буркнул себе под нос, что единственный способ, которым солнечные лучи могли попасть сюда, это только если кто-то принес бы их в эту мрачную обитель в бутылке. Липкие стены были пестрыми: коричневыми, черными, с зеленым лишайником. Пол покрывали холодные серые плиты — вероятно, добытые еще римскими рабами. Железные решетки были совершенны в своей жестокости, и единственным правом, которого, слава Богу, не лишали заключенных, было право на одну скудную свечу, прилипшую к глиняной плите на небольшом выступе над вонючей двухъярусной койкой Сломанного Носа. Собственная койка Мэтью пахла ужасно, и молодой человек опасался, что, когда выйдет отсюда, полностью лишится обоняния.

Вдалеке, в коридоре какой-то мужчина закричал так, как будто его сердце только что пронзили ножом. Кто-то отрывисто засмеялся, и это был резкий призрачный звук, а другой голос — еще дальше — произнес какие-то медленные и методичные ругательства, как если бы объяснял их школьникам на уроке.

— Ты, похоже, умный парень, — сказал Сломанный Нос, который не обращал внимания на посторонние шумы и, вероятно, уже давно разучился их слышать. — Знаешь, почему к виселице ведет тринадцать шагов?

— Нет, не знаю.

— Давай просвещу тебя. Каждый шаг — это восемь дюймов. Дает тебе общую высоту всего восемь футов и шесть дюймов. То, что они в своей профессии называют «допустимым броском». Достаточным для того, чтобы сломать шею начисто… ну… *обычно* — достаточным. И неважно, насколько ты при этом высок. А еще высота в восемь футов, шесть дюймов удобна, чтобы обрабатывать труп: подкатить под него тележку, срезать с веревки. Вот, почему тринадцать шагов. Теперь ты стал умнее, чем минуту назад.

— Спасибо, — отозвался Мэтью немного беспокойно. — Я надеюсь, что эти знания мне никогда не пригодятся, но спасибо.

— Погоди-ка! — вдруг воскликнул Беловолосый так, будто его осенило. — Ты умеешь читать, парень?

— Да.

— Дай сюда эту газету! — воскликнул Беловолосый, обращаясь к сокамернику. — Ну же, задница ленивая, пошевеливайся! — он получил потемневший и пожелтевший клочок бумаги, подходивший вполне, чтобы сделать из него заплатку на грязных брюках, и протянул его Мэтью. — Вот. Прочитаешь это для меня? Пожалуйста!

— Ох… — выдохнул Мэтью. — Не уверен, что мне бы хотелось…

— Я тебя *умоляю*, пожалуйста! Моя дорогая Бетси раньше читала мне дважды в неделю. О, газетенка сухая, нечего бояться.

— Я опасаюсь не этого, а того… ладно, *что* это?

- «*Булавка*» Лорда Паффери. Ты еще не слышал?

— Нет…

— Похоже, этот парнишка с луны свалился! — усмехнулся Сломанный Нос. — *Все* знают о «Булавке».

— Выходит дважды в неделю, — объяснил Беловолосый. — Когда охранники уже прочитают, они иногда отдают ее нам… ну, знаешь… чтобы мы подтирались. Но глянь-ка сюда! Ей едва неделя!

— Это… новостная газета, я так понимаю?

— О, гораздо больше! Если бы не было «Булавки», ты бы никогда не узнал, что творится в Лондоне! Это как… как…

— Бальзам для души, — подсказал Сломанный Нос.

— Да! Точно так! — листок потянулся ближе к Мэтью, который сокрушенно понял, что этот грязный клочок бумаги — единственный способ получить расположение двух сокамерников. — Ты умеешь читать! — продолжил Беловолосый с отчаянием в голосе. — Это же просто находка! Я… то есть, *мы оба* просто изголодались по новостям! Видишь?

— Нет, этого я не вижу. Но… хорошо, — Мэтью решил, что обстоятельства могли заставить его делать вещи куда хуже, чем читать газету, покрытую засохшими отпечатками дерьма. А может, и не могли заставить… но это уже тонкости дипломатии. Так или иначе, это был хороший способ показать себя ценным для этих двоих, и, похоже, они оба действительно были возбуждены, как дети в ожидании сладких угощений. Молодой человек протянул руку, немного поморщившись, и взял протянутую бумагу.

— Поднесите свечу ближе, будьте так добры, — попросил он, и просьбу исполнили быстрее, чем он успел договорить.

— Начало сверху, — подсказал Беловолосый, и его единственный глаз засиял. — Моя Бетси всегда читала мне, начиная сверху.

Мэтью начал читать заголовок:

— *Леди Эверласт Родила Двухголового…* — он изумленно поднял глаза. — Что это?

— Я знал, что леди Эверласт родит урода! — взволнованно сказал Беловолосый своему сокамернику. — То, как она выставляла себя напоказ, как пила джин бочками и раздвигала ноги перед каждым мужиком по имени Джек! Я знал! Продолжай!

Это была девочка или мальчик?

Мэтью прочитал еще один отрывок этой так называемой статьи:

— Родила в прошлый четверг, — доложил он. — Двухголового ребенка: одна голова мальчика, а другая голова девочки, с половыми органами, как у… — ох, *серьезно?* — он не мог читать дальше. — Это же абсурд!

— Это Кара Божья для леди Эверласт, вот что это! — сказал Сломанный Нос. — Ты не следил за этой историей, ты не в курсе. Это была ужасная, злая, ненавистная женщина! Так что продолжай! Что там с половыми органами этого уродца?

— Полный набор… — пробормотал Мэтью, и двое мужчин ликующе закричали — так громко, что грустный свернувшийся на полу человек пошевелился и закрыл уши руками.

— Давай следующую историю! — призывно попросил Беловолосый. — Не томи!

— *Огромная Обезьяна Сбежала из Зоопарка и Устроила Буйство в Палате Лордов*… послушайте, вы действительно…

— Держу пари, она им там все парики поощипывала! Разве ты не видишь? — воскликнул Сломанный Нос. — Я бы даже поднял паркетную доску и все деньги свои на это поставил! Вот бы только увидеть… то есть, я хочу сказать… короче, это зрелище стоит того, чтобы за это заплатить!

— Дальше! Давай, давай дальше!

— *Звезда Женской Итальянской Оперы Все Еще Числится Пропавшей Без Вести. Возможно Похищение.*

— О, да, — кивнул Беловолосый. — Это пару недель назад было. Леди должна была петь для графа Кентерберийского, а потом — в театре Кастл Оук. Жаль. Я слышал, что она красотка, и за ней постоянно ухлестывал какой-то поклонник. Видимо, он и похитил ее. И держит где-то. Так, ладно, продолжай, пока свеча не догорела.

— *Альбион Снова Атакует. Убийство Совершено на Улице Кресцент.*

— А, *этот* ублюдок! — прошипел Сломанный Нос. — Здесь говорится, кого он убил?

Мэтью пришлось пробежаться глазами по куску того, где, кажется, овсяная каша прошла свой путь с севера на юг.

— Бенджамин Грир. Похоже, это имя жертвы.

— Только не Бенни Грир! — Сломанный Нос вытянулся так, словно ему в спину воткнули стальной стержень. — Я знаю одного Бенни Грира… но это не может быть он! Наверное, в Лондоне живут десятки Бенов Гриров, так?

— Что там еще говорится? — подтолкнул Беловолосый, не

отвечая на вопрос сокамерника.

— Трудно разобрать, кто-то здесь хорошо потрудился над этим куском, но… — Мэтью сложил лист и поднес его к свету свечи, постаравшись сделать все возможное, чтобы разобрать текст. — Бенджамин Грир, двадцати пяти лет или около того… адрес… неизвестен… недавно освобожден из тюрьмы Святого Петра…

— Боже Всемогущий! Бенни! — ахнул Сломанный Нос. — Он был здесь меньше месяца назад! Неужели они хотят сказать, что это сделал Альбион? Перерезал горло, я полагаю. Именно так он всех и убивает.

— Да, — увидел Мэтью в статье. — Горло было перерезано после полуночи на Улице Кресцент. Похоже, никто не претендовал на то, чтобы забрать тело, — молодой человек окинул взглядом двух заключенных, которые казались очень подавленными. — А кто такой Альбион?

— Спаси тебя Иисус, ты точно не отсюда, — Беловолосый уставился в пол, его интерес к «Булавке» заметно угас. — Об Альбионе твердят по всему Лондону. Этот ублюдок постоянно появляется в «Булавке», убивает то одного, то другого. Бенни… черт, он был хорошим парнем. Сбежал с бандой под названием Черноглазое Семейство и устроил не один беспорядок… может, он и делал кое-что, что нельзя назвать порядочными поступками, но у него было доброе сердце.

— Его выпустили меньше месяца назад, — добавил второй заключенный. — И вот теперь он убит клинком Альбиона. Это несправедливо. Заставляет задуматься о том, куда катится этот мир.

Мэтью был рад найти повод отложить в сторону грязный лист. По его мнению, большинство статей были сделаны из той же субстанции, что перепачкала эту газетенку.

— Альбион, — повторил он. — Этот человек убил уже многих?

— Многих, — кивнул Сломанный Нос. — И потом он всегда исчезал. Как *фантомим*, если предположить, что он вообще реален…

— *Фантом,* — поправил Беловолосый. — Правильно говорить так, — он взглянул на Мэтью для уверенности. — Верно ведь?

Мэтью едва ли расслышал его. Он смотрел на пламя свечи и наблюдал, как оно колыхалось, когда на нее дул ветер из какой-то трещины в этих древних стенах.

— Что было его мотивом? Ограбление?

— Альбион убивает тех, чьи имена не стоят и шиллинга, — ответил Сломанный Нос. Он вернулся на свою койку и свернулся

на ней, уткнувшись спиной в каменную стену. — Нет, дело не в ограблении. Он получает от убийства удовольствие… по крайней мере, похоже на то. Ох, парочка людей говорила, что даже видела его после того, как находили очередной труп. Говорили, он носит черный плащ, капюшон и золотую маску. Да уж… Золотая маска. И меч длинной с твою руку.

— Прямо-таки меч? — удивился Мэтью.

— Меч… длинный нож… неважно, что это, режет он глубоко. Я слышал истории о том, что Альбион может проходить сквозь стены. Твердые стены не остановят фантомима… то есть *фантома*, если угодно. Нет, сэр. Слышал, что он может быть в одном месте, а через минуту уже показаться в точке через полгорода от первой. А еще слышал, что он спрыгнул однажды с крыши… и исчез прямо на глазах. Альбион летает на ветру, вот, что он делает. И если кому-то не повезет оказаться на его пути и попасть под взгляд его золотой маски… они за это умрут, потому что Альбион — это сама Смерть, и под маской его скрывается ухмыляющийся череп.

— А могу я спросить, от кого вы слышали все эти истории?

— Мне их читали из «Булавки», само собой. Так я узнаю все новости.

— Понятно, — Мэтью понял, что Лорд Паффери, кто бы он ни был, мог бы просто придумать персонажа по имени Альбион в золотой маске, точно так же, как он выдумал Леди Эверласт и ее двухголовое чадо. Разумеется, Бенджамин Грир мог и в самом деле быть убит, но убит обыкновенным преступником, ничем не отличающимся от других, а обстоятельства смерти приписали некоему призраку, который может путешествовать по ветру и проходить сквозь стены. Это попросту больше будоражит толпу. — Вы говорите, «Булавка» выходит дважды в неделю? А сколько она стоит?

— Расходится за пять пенсов, — ответил Беловолосый. — И стоит каждой монетки, которую за нее платят, потому что она держит нас в курсе событий. Люди сходят с ума от голода и жажды по новостям без «Булавки». Если бы она не выходила дважды в неделю…

— Дешевый джин для ума, как я полагаю, — сказал Мэтью, и говорил он больше с собой, нежели с сокамерниками. Гарднер Лиллехорн был прав: это был не Нью-Йорк — в Нью-Йорке в «Уховертке» Мармадьюка Григсби никогда нельзя было встретить такой откровенной лжи. По факту, Марми было бы стыдно показать лицо горожанам, напечатай он такую ерунду.

Тем не менее, Мэтью вдруг обнаружил, что снова, словно под гипнозом, тянется к газете, к той части, где было описано

смехотворное появление на свет ребенка Леди Эверласт. Это было абсурдно, но по-своему забавно, потому что могло помочь скоротать тяжелые тюремные часы. Просматривая статьи, он предположил, что Лорд Паффери — если в реальности существовал такой человек — обладал отличным воображением, которое мог выплеснуть в этом тонком куске бумаги, забрызганном экскрементами, за пять пенсов. И, похоже, он был очень богатым человеком. Внизу страницы полужирным шрифтом было написано: *Материалы для печати приобретены в лавке См. Лютера, Печатника, 1229, Флит-Стрит.*

Сэмюэль Лютер? Этот человек держит глаза, уши и голоса сотен тысяч лондонцев в своих руках. Мэтью представил себе, как он нашел бы Лорда Паффери и предоставил бы «Булавке» *реальную* историю, рассказывающую о некоем Профессоре Фэлле, на чьем фоне Альбион просто по-детски развлекается. Сейчас Мэтью был на территории Фэлла. Берри и все остальные, о ком он беспокоился — и кого любил — находились в безопасности вдалеке. Так что, если Профессор так жаждал заполучить юного решателя проблем из Нью-Йорка, стоило сначала наполнить его живот «Булавками».

Что ж, неплохой план. Но сначала нужно было вырваться на свободу. Возможно — оставалось лишь надеяться — прямо завтра.

Глава девятая

Завтра наступило. В Плимуте Хадсон и Берри, наконец, добились аудиенции у констебля Монкроффа ровно в семь часов утра и выяснили, что узник, которого они так истово искали, был перевезен в Лондон, где сейчас содержится в тюрьме Святого Петра, а дело ведет помощник главного констебля многоуважаемый Гарднер Лиллехорн. Монкрофф также подтвердил, что жертва убийства — граф Антон Маннергейм Дальгрен. Убит он был в море во время шторма, и в деле присутствуют некоторые смягчающие обстоятельства. Однако помимо этого он ничего сказать не мог.

Хадсон и Берри направились сразу в контору по перевозке, чтобы обеспечить себе безопасное перемещение в Лондон, однако там им сказали, что все возницы на данный момент заняты, и никто не сможет предпринять такую поездку раньше следующего дня — это если возницы вернутся сегодня и смогут уложиться в свой график. Поездка займет около семи дней, а то и больше, учитывая постоянный адский дождь, который размыл дороги. Поэтому билеты могут быть проданы, но но никаких гарантий, что спутникам удастся попасть в Лондон на этой неделе, не было.

Двое путешественников все же купили билеты, а затем вернулись в Хартфорд-Хауз под мрачным ливнем.

В тот же день в Лондоне ожидания Мэтью слабели. Заключенных выводили, кормили говяжьим бульоном с редкими кусочками мяса, заводили обратно в цепях, но никаких новостей о том, связался ли Судья Гринвуд с Гарднером Лиллехорном, не поступало. Мэтью и другие были возвращены в свои камеры, и там молодой человек понял, что действительно может провести в этом нетерпении целый месяц, это впечатывало его настроение, стремления и надежды в мрачные серые камни.

На следующий день дождь не переставал, доступной кареты для Хадсона и Берри так и не нашлось, а Мэтью пришлось пройти через ту же рутину, что и вчера. С той лишь разницей, что теперь свеча выгорела дотла, и новой узникам не предоставили. Как потом объяснили Мэтью его сокамерники, дело было в том, что они использовали весь свет, что им причитался на неделю.

На следующее утро дождь закончился, но небо по-прежнему казалось низким и угрожающим. В конторе по перевозке на этот раз был достигнут успех. Небольшая остановка в Хартфорд-Хауз для того, чтобы собрать вещи — и двое спутников начали свое путешествие в Лондон вместе с недавно прибывшим

изготовителем париков из Филадельфии и с норвежским торговцем древесиной.

Мэтью казалось, что он полностью потерял счет времени, когда охранник пришел к их камере с цепями наперевес, открыл дверь и сказал ему: «*На выход*».

Мэтью встал и повиновался. Охранник сначала закрыл дверь камеры, а затем позаботился о безопасности, сковав цепями запястья и лодыжки молодого человека. Его сокамерники, которых он в то время развлекал историями о своем детстве в Нью-Йорке в приюте для мальчиков и о деле Рэйчел Ховарт в Фаунт-Ройале, приникли к прутьям решетки. Сломанный Нос, которого, как Мэтью узнал, на самом деле звали Томас Лири, неудачливый борец и бывший плотник, крикнул:

— Спокойно, парень! Уклонись от всего, что они в тебя бросят!

— Шевелись, — скомандовал охранник, толкнув Мэтью в спину.

Пока они шли по коридору, отовсюду раздавались грубые голоса, обрывочные проклятья и ругательства. Из клеток вылетали сочные плевки, нацеленные не на Мэтью, но попадавшие на него точно так же. Охранник использовал свою дубинку, очень похожую на ту, с которой не расставался Диппен Нэк, чтобы отбить наглецам пальцы, обвивавшие прутья. Возможно, ему удалось даже сломать несколько, учитывая то, какие болезненные вопли издавали заключенные. Мэтью с трудом дождался, пока следующая дверь откроется, затем его протолкнули в пахнущее чистотой помещение с зарешеченными окнами, через которые пробивался скудный дневной свет. По его интенсивности молодой человек сделал вывод, что сейчас около полудня. В это время тощий охранник приставил свою дубинку к подбородку Мэтью, и второй страж снял цепи с его лодыжек и запястий.

Затем его повели через длинный проход, украшенный написанными маслом картинами различных известных художников. На портретах были изображены люди с большими головами и осторожными глазами.

Вскоре молодого человека привели в комнату, где за столом сидел чиновник с важным, официальным видом прямо напротив стены, на которой висело множество книжных полок. Там стоял в ожидании Гарднер Лиллехорн, одетый в темно-коричневый костюм, а из его темно-серой треуголки торчало красное перо. За ним находилась пара тяжелых дубовых дверей, через которые Мэтью доставили в это здание, а за далее всего семь ступеней отделяли его от улицы.

— Судья Гринвуд, — сказал Лиллехорн. — Встретится с вами сегодня.

— Удачи тебе, — хмыкнул охранник, подавшись вперед и положив руку на плечо молодому человеку, как будто являлся его заботливым старшим братом.

Слабый лондонский свет был достаточно силен, чтобы ужалить глаза Мэтью, когда он вместе с Лиллехорном вышел из здания тюрьмы. Дождь прекратился, но воздух был холодным и липким, облака темнели над городом, и в своих невольнических лохмотьях молодой человек мгновенно продрог до костей. Экипаж — снова с зарешеченными стеклами — ждал у тротуара, а рядом с ним стоял охранник в шапке из волчьей шерсти, держащий дубинку.

— Это необходимо, — пояснил Лиллехорн, прочитав выражение лица Мэтью. — Полезайте внутрь и молчите.

Молодой человек сделал, как ему сказали, причем, подчинился он с радостью. Охранник сел рядом, а Лиллехорн занял место напротив. Затем помощник главного констебля Лондона постучал по крыше своей тростью с серебряным набалдашником в виде львиной головы, и экипаж тронулся.

Хотя солнце было почти полностью скрыто за потоком облаков, этот день не был ни дождливым, ни туманным. Света было немного, и за счет облачности он казался бледно-синим, но даже при таком освещении Мэтью, наконец, получил возможность рассмотреть город более детально, пока двигался экипаж. Во-первых, здания были большими и стояли друг к другу почти вплотную. В Нью-Йорке такие Колоссы не встречались. Тут располагались предприятия всех видов и подвидов, вписываясь в невероятный, головокружительный пейзаж массивных зданий. Две конюшни в пределах одного квартала? Горны и наковальни двух кузнецов сразу? Тут — загон для скота, здесь — магазин свадебных платьев. Магазин производителя треуголок рядом с лавкой оружейника, рыболовный магазин и бутик товаров с востока, где можно было приобрести веера или кимоно всех мастей и оттенков — поразительное разнообразие необычных вещей манило посетителей витриной. Три таверны стояли в шахматном порядке близко друг другу. Две из них находились через улицу прямо напротив. Мэтью понял, что здесь, наверное, больше сотни таверн на каждом углу со своими звонкими названиями: «Сумасшедший Попугай», «Удовольствие Авраама», «Беспокойная Сова». Молодой человек подумал, что мог по попробовать «Сову», когда выпутается из всей этой истории: судя по названию, место могло прийтись ему по вкусу.

Но сможет ли он найти эту конкретную таверну снова? Даже

с инструкциями? Эти улицы были настоящим лабиринтом: одна перерезала другую, сужалась, потом расширялась и сужалась снова, утопая в тени колонн и башен, изгибаясь, чтобы пересечь очередную улицу, ломала свою брусчатку под копытами проезжающих по ней экипажей, тормозя повозки на пути и заставляя водителя бороться с упрямыми животными, дальше бежала и утыкалась в большую лужу, заполненную мутной водой, как болото, а после и вовсе пропадала из виду. И везде было столько карет, вагонов, повозок — некоторые прочные, некоторые легкие, как тележки для борделей! Мэтью представил себе, что могло бы случиться, окажись хотя бы треть всех этих возниц на Бродвее. В этом случае вся улица рухнула бы к могилам Адама и Евы! В ограниченных пределах видимости молодого человека было различимо, что везут грузовые экипажи: уголь, лесоматериалы, туши скота, кирпич, стройматериалы, какие-то мешки, ткани, гравий и даже массивный церковный колокол.

А люди и их шум, даже — без пьяных криков или дикого смеха — казались такими громкими, что окна должны были вылететь из рам, а стекла разбиться и упасть к ногам нескончаемой армии людей, марширующей по улицам, хотя не одна армия не была бы столь хаотичной. Нищие здесь, нищие там… ноги или руки по какой-то причине отсутствуют — возможно, после реальной войны или страшной болезни. Джентльмены и дамы в своих аккуратных нарядах прогуливались по улицам, хотя в таком людском потоке Мэтью считал прогулку борьбой за возможность перемещаться через людские массы. Двое мужчин с окровавленными кулаками вывалились из таверны «Господин Медведь», и толпа накинулась на них с замечаниями. Какой-то рисковый музыкант дерзнул играть незатейливые мотивчики на улице. Молодая девушка с длинными каштановыми волосами стояла на крыше и смотрела, как река жизни течет внизу.

Наконец, Мэтью окончательно вымотался, пытаясь просто рассмотреть город, и его природное любопытство позволило отвести глаза в сторону и сконцентрироваться красном пере Лиллехорна.

— Я чувствовал то же самое, когда вернулся сюда после столь долгого времени, — сказал Лиллехорн с понимающей полуулыбкой. — Я забыл, что Нью-Йорк — небольшая деревенька по сравнению с этим, — экипаж вдруг резко остановился.

— Ох, Боже милостивый! — воскликнул он с напряженным выражением лица и стукнул тростью по крыше.

— Затор впереди, сэр, — сообщил возница через перегородку. — Похоже, вагон с элем сломался. Люди собираются

вокруг и поднимают бочки.

— Да ради всего святого! — Лиллехорн в смятении снял треуголку с блестящих глянцем волос. — Можно найти другой маршрут?

— Мы встряли. Похоже, надолго.

— Этого я и боялся. Поезжай, когда сможешь.

Возница закрыл перегородку, и Лиллехорн недовольно посмотрел на Мэтью, как будто обвиняя его в этой задержке.

— К сожалению, — сказал он. — Здесь очень много способов потратить время впустую. У меня встреча с главным констеблем Лордом Ривингтоном через час. И я не хочу на нее опаздывать.

— Так же, как и я не хочу опаздывать на встречу с судьей Гринвудом.

— Да, он снисходительный человек, но придает времени большое значение, как и все успешные профессионалы, — он что-то услышал… голос мальчика, который громко кричал. Мэтью тоже услышал и посмотрел на улицу через решетки.

— Лорд Шепсли бросил Леди Кэролайн из-за африканской горничной! — кричал мальчишка. — Таверна «Пьяный Наместник» сгорела дотла, отпрыски богачей берут на себя ответственность за это! Прославленная звезда итальянской оперы похищена своим любовником-пиратом! Свежие новости «Булавки»! Свежие новости «Булавки»!

Крики мальчишки-продавца — возможно, двенадцати лет или около того — заставляли газеты буквально разлетаться с его рук. Карманы на его брюках были полны монет и сильно тянулись к земле.

— Мальчик! — Лиллехорн попытался перекричать шум Лондона. — Иди сюда!

Он выкопал пять пенсов, уплатил их через решетку и взял свой экземпляр, пока другие клиенты роились вокруг. Охранник тоже заплатил за копию. Со сверкающими глазами и вздохом волнения Лиллехорн начал читать так называемые новости дня. Мэтью отметил, что рты обоих его конвоиров чуть приоткрылись во время чтения.

— Новые подробности про двухголового ребенка Леди Эверласт? — спросил Мэтью.

Лиллехорн тут же поднял на него глаза.

— Что? Ох, нет, это старые новости. Я полагаю, ваши сокамерники любят эту газетенку? Как и все здесь.

— Я вижу, — Мэтью смотрел на мальчишку, продающего одну копию за другой, пока тот не исчез из поля зрения, все еще выкрикивая заголовки. — Мне интересно, как отделить факты от вымысла в таких изданиях?

— Это все *основано* на фактах, — сказал Лиллехорн с ноткой защиты в голосе. — Конечно, многое из того, что здесь написано, носит чисто развлекательный характер для среднего человека, но это сделано *гладко*, поэтому различия особенно не бросаются в глаза. А теперь, прошу, помолчите и позвольте мне продолжить.

— Скользкий склон, — буркнул Мэтью.

— Простите?

— Скользкий склон — не видеть разницу между фактами и вымыслом и доверяться безликому Лорду Паффери. Такой человек на самом деле существует?

— Понятия не имею. Разве это имеет значение?

— Я хотел бы быть уверенным, что читаю честного писателя. Вот история о похищении оперной звезды, например. Это правда?

— Правда. Когда мадам Алисия Кандольери прибыла в Портсмут, ее встретил тот, кого, мы полагаем, она сочла возницей от графа Кентерберийского. Оказалось, настоящего возницу подкараулили и убили, как и того, кто должен был сопровождать певицу — их тела нашли в лесу. Мадам Кандольери исчезла, и с тех пор ее никто не видел. Это было две недели назад.

— У нее не было защитника, который бы путешествовал с ней?

— Двое. Ее управляющий и ее служанка. Оба также пропали.

— Каков выкуп?

— Никакого выкупа не назначали, насколько я знаю.

— Хм… — выдохнул Мэтью. — Никакого выкупа в течение двух недель? Убийство возницы графа и сопровождающего говорит о том, что у кого-то были серьезные намерения… но зачем похищать известную оперную певицу, если не из-за выкупа? Я догадываюсь также, что часть с пиратом-любовником здесь является выдумкой, обгоняющей факт?

— Я туда еще не добрался, так что, пожалуйста, дайте мне продолжить.

Мэтью дал ему еще несколько секунд перед тем, как задать вопрос, который интересовал его по-настоящему.

— Альбион снова напал?

Лиллехорн опустил свою «Булавку».

— Что вам об этом известно?

— Только то, что я читал в краткой статье в одном из изданий последних недель, — Мэтью нахмурился, чувствуя определенный дискомфорт Лиллехорна. — Хотите сказать, Альбион… *реален*? Не выдумка?

— Не выдумка, — был ответ. — Правда, я уверен, «Булавка» несколько преувеличивает его… гм… таланты, но достаточно будет сказать, что Альбион реальный человек, и он является

настоящим бельмом на теле закона.

— Черный плащ с капюшоном? Золотая маска? И он убивает мечом? Это все правда?

— Да.

— Это драматическая личность, определенно пытающаяся сделать какое-то заявление, — сказал Мэтью. — Но *что* он хочет сказать?

— Сказать, что он агрессивно не согласен с законодательной властью этого города. Альбион убил шестерых человек, всех после полуночи, на темных улицах, где приличные граждане боятся ходить. Связь между этими жертвами… о, мы, наконец, то движемся! Очень хорошо! — экипаж накренился, начав подниматься вверх. — Связь, — Лиллехорн продолжил отрывисто, потому что он был явно раздражен тем, что ему помешали читать долгожданную «Булавку». — В том, что все шестеро были обыкновенными преступниками, отбывали срок в тюрьме, но были освобождены с помощью махинаций адвокатов — вплоть до взяток.

— Вы говорите это, исходя из личного опыта?

— Разумеется, нет! Я, может быть, и был вознагражден за некоторые свои решения в Нью-Йорке, но здесь я самая прямая стрела. Зарубите себе это на носу, Сатклифф, — сказал Лиллехорн охраннику, губы которого шевелились во время чтения. — К сожалению, многие в залах правосудия готовы открыть и наполнить свои карманы, но я заявляю вам прямо, что не являюсь одним из них. Мы с Принцессой слишком долго ждали, чтобы вернуться сюда, и я не рискну своей должностью ради нескольких гиней.

— Ах, — выдохнул Мэтью. Случаю Лиллехорна помогло то, что отец его сварливой и неприятной жены Мод — которую по ее собственному требованию все называли Принцессой — был обеспеченным хозяином магазина моллюсков на Ист-Чип-Стрит и был известен как «Герцог Моллюсков». Мэтью прислушался к скрипучей музыке города, которая одновременно притягивала и отталкивала. Мысли плавали в его голове и перемещались, как шахматные фигуры, в поисках ответа.

— Интересно, — сказал он.

— Что? — Лиллехорн вновь оторвался от газеты, от которой, похоже, зависел уже весь город. — Интересно, что я выше взяточничества?

— Не это. Я верю в то, что вы сказали. Интересно, что шестеро обычных преступников смогли позволить себе достаточно хороших юристов, чтобы манипулировать судьями. И что шесть обычных преступников стоят взяточничества и усилий.

Неужели нет ничего большего, что объединяло бы этих людей?

— Мэтью, — сказал Лиллехорн с холодным вздохом превосходства. — Вы, возможно, были так называемым «решателем проблем» в Нью-Йорке, но здесь вы просто проблема. Если вы посмотрите глубже в эту ситуацию, вы увидите плоть преступника, освобожденную от цепей, едущую в тюремной повозке *в направлении* суда. И я надеюсь — весьма искренне надеюсь — что судья Гринвуд не страдает сейчас от расстройства желудка, подагры или любой зудящей вещи, которая может причинить ему неудобство, потому что это может сильно повлиять на вашу ситуацию. Теперь вы не возражаете, если я уделю немного времени чтению, пока мы не прибыли? На это у меня есть десять минут, если, конечно, еще один вагон не разбросает тут свои бочки.

— О, нет, я не против, — сказал Мэтью. — Прошу вас.

Через десять минут экипаж повернул в переулок и остановился перед дубовой дверью, установленной в стене из коричневых камней. Дверь была слегка обожжена и вполне могла пережить Великий Пожар. Мэтью заметил, что заключенных — таких же, как он сам, и одетых так же — не пускали в переднюю дверь здания суда, потому что они были грязными и могли все запачкать.

— Выходите и храните молчание, пока вам не позволят говорить, — сказал Лиллехорн. — Они не терпят неуважения здесь.

Мэтью кивнул, хотя ему казалось, что приносить копию «Булавки» в Олд-Бейли тоже являлось некоторой формой неуважения к закону здравого смысла, но ни Лиллехорн, ни охранник, похоже, не разделяли его мнения об этом. Он последовал за стражем через дверь, пропустив перед собой помощника главного констебля, и, оказавшись внутри, остановился в комнате, где цепи и замки висели на настенных крюках. Важного вида офицер сидел за столом в свете масляной лампы, перед ним лежала книга учета с пером и чернильницей. Два других охранника прибыли из коридора. Работа по заключению лодыжек и запястий Мэтью в кандалы была быстро сделана, что заставило его согнуться из-за короткой цепи так, словно у него был зуд в заднице. Он с отвращением уставился в пол: предстать перед судьей в таком виде было настоящим позором. Молодой человек чувствовал, как вши ползают в его волосах, ощущал, как ужасно пахнет его тело, видел, насколько грязна его одежда, и понимал, что одним своим видом может вызвать испуг. Но будь, что будет. У него не было выбора, кроме как довериться Лиллехорну и понадеяться, что скоро это

испытание закончится.

— Вам сюда, — сказал один из вновь прибывших охранников. Мэтью провели по узкой лестнице, по которой, надо думать, поднималось множество неудачников до него.

Они поднялись на третий этаж, прошли через дверь и очутились в коридоре с черно-белым клетчатым полом. Высокие окна впускали много света, однако на стенах все равно висели керосиновые лампы, чуть разбавляющие мрачную атмосферу Лондона. Массивные портреты суровых мужчин в черных одеждах и огромных белых париках, которые с негодованием смотрели на заключенного, висели вокруг. Как только Мэтью удавалось миновать взгляд одного портрета, он тут же попадал в поле зрения другого. Стук ботинок охранников и каблуков Лиллехорна, вкупе с позвякиванием цепей Мэтью эхом отдавались здесь, и, если б не этот звук, здесь было бы тихо, как на кладбище.

— Это здесь, — сказал Лиллехорн, кивая в сторону другого прохода. Они прошли по нему, столкнулись с резной дверью со вставками из цветного стекла, и стражи отступили, чтобы окружить Мэтью, пока помощник главного констебля открывал дверь.

Это был обычный кабинет с одним овальным окном, на полу лежал темно-зеленый ковер. Молодой человек с соломенного цвета волосами и квадратными очками сидел за столом рядом с аккуратными деревянными шкафами. Он что-то записывал, когда в помещение вошли Лиллехорн, Мэтью и охранники. Глаза молодого служащего переместились с Мэтью на всех остальных и обратно, и он отложил перо.

— Доброго дня, господин Лиллехорн. Вам назначена встреча с судьей, как я понимаю?

— Да, Стивен. Он может поговорить с нами?

— Еще не совсем. Судья Арчер просит вас быть терпеливым, он только что вернулся из гимназии.

— Судья… Арчер? Ох… ну, я боюсь, произошла ошибка. Мне назначена встреча с судьей Гринвудом.

— Возникли некоторые изменения, — Стивен поднял бумагу со стола и предложил ее Лиллехорну. — По официальному указу судья Арчер взял на себя это дело.

— Позвольте-ка мне увидеть бумагу! Пожалуйста, — последнее слово он добавил, чтобы не показаться встревоженным. Он взял документ и прочитал его до конца молча, хотя рот его двигался. Он пораженно взглянул на Мэтью, и сердце узника пустилось вскачь, готовое вот-вот подняться к горлу. С планом что-то определенно пошло не так. Лиллехорн вернул документ в

руки клерка. — Я не понимаю. Еще этим утром все было согласовано с судьей Гринвудом. Почему судья Арчер заинтересовался этим?

— Мне очень жаль, сэр. Это вам придется спросить у него, — ответил юноша. Он показал на маятниковые часы в углу, которые показывали восемь минут четвертого. — Сэр Арчер просил вас пройти в зал суда.

— В зал суда? Не в его кабинет?

— Мне сказали проинформировать вас о том, где вы должны с ним встретиться, сэр. Я верю, что выполнил свой долг.

— Да. Отлично. Очень хорошо, — сказал Лиллехорн, который, похоже лихорадочно размышлял про себя. Он шагнул к столу, сделал шаг, и на секунду Мэтью подумал, что он собирается угрожающе нависнуть над клерком. Затем Лиллехорн лаконично сказал: — Пойдемте со мной, — и Мэтью снова испытал дополнительный приступ неудобства — или даже страха — потому что помощник главного констебля Лондона теперь избегал зрительного контакта с ним.

Они вернулись тем же путем. Вновь вышли в коридор под угрюмые осуждающие лица портретов, и там Лиллехорн сказал стражам:

— Отойдите и дайте нам поговорить с глазу на глаз, пожалуйста.

Они подчинились. Мэтью не мог не заметить, что как только они отошли, один принялся читать статью в «Булавке», и второй присоединился к нему с глупой ухмылкой.

— У нас серьезные неприятности, — сказал Лиллехорн. — То есть, я хочу сказать, *у вас* серьезные неприятности.

— Что случилось?

— Случилось то… что по какой-то причине наш снисходительный судья Гринвуд отказался выслушивать ваш случай, и в дело вступил судья Уильям Атертон Арчер.

— Ну… может, судья Арчер тоже сможет справиться с этим делом?

— Мэтью, Мэтью, Мэтью, — сказал Лиллехорн так, словно говорил с глупым ребенком. — Вы не понимаете всей ситуации. Судья Арчер известен как «Вешающий Судья». Говорят, он даже завтрак свой не может проглотить, пока кого-нибудь не повесят по его приказу. И я могу гарантировать вам… он нечасто пропускает завтраки. Вот, кто будет слушать ваши заявления. Вы готовы?

— Нет, — ответил Мэтью.

— Соберитесь, — посоветовал Лиллехорн, который в этот момент казался единственным в мире настоящим другом. — И

ради Бога, не стойте к нему достаточно близко, чтобы он почувствовал запах.

Глава десятая

Мэтью Корбетт раньше никогда не боялся дверей, но *эта* приводила его в настоящий ужас.

Это была глянцевая черная дверь с блестящей медной ручкой, что навело мысли о тисках и спусковом крючке пистолета. На небольшой металлической табличке читалось: *У.А. Арчер*. Дверь располагалась рядом с высоким судейским местом, которое само по себе являлось свидетельством силы английского закона. Сидя там, на возвышении, можно было с высоты птичьего полета обозреть все Соединенное Королевство… или, по крайней мере, глядеть на него, как ястреб на рваных ворон, которые пришли к этому глянцевому, полированному куску дерева, чтобы сорвать с себя цепи.

В любую секунду судья Арчер мог появиться из-за этой двери. Мэтью не мог унять бешеный стук сердца. Дыхание его было прерывистым, и он размышлял, не мог ли ненароком отравиться заплесневелым воздухом тюрьмы Святого Петра. Впрочем, ему казалось, что плесенью был пропитан весь воздух Лондона. Сегодня город пах, как хлеб, который оставили вымачиваться в перебродившем соке, или, может, этот запах источал сам Мэтью? В любом случае, он чувствовал легкое головокружение и почти потерял сознание, когда остановился рядом со скамьей, около которой — в нескольких шагах справа от него — замер и Лиллехорн. Стражи остались в вестибюле. Ни одной живой души более не было в этом большом колонном зале суда с его сводчатым потолком и балконом на верхнем ярусе с рядами зрительских мест. За скамьей расположилась белая настенная скульптура, изображающая героического мужчину, правящего колесницей с запряженной в нее шестеркой лошадей, которые рвались вперед, заставляя мышцы рук, что держали поводья, напрягаться. Мэтью отметил, что героический возница носил нагрудник, зубы его были сжаты, а лицо искажала странная усмешка, которой он отвечал на трудную задачу управления колесницей. Мэтью невольно задался вопросом, не послужил ли прообразом для этой скульптуры судья, аудиенция у которого ему сейчас предстоит.

Послышался звук поворачивающейся дверной ручки. Сердце Мэтью принялось биться в ломанном, рваном ритме. Затем… ничего. Возможно, судья что-то забыл и вернулся за этим… так или иначе, по какой-то причине он помедлил со своим появлением. Несколько невыносимо долгих секунд Мэтью

наблюдал за дверью, которая так и не открылась.

Совершенно неожиданно ручка повернулась, дверь почти рывком распахнулась, и худой человек среднего роста со светлыми волосами, схваченными сзади черной лентой, вошел в помещение. Он был одет в жемчужно-серый костюм и жилет, в руках он держал коричневый саквояж. Мужчина не посмотрел ни вправо, ни влево и не удостоил взглядом двоих посетителей, томительно ожидающих его — судья лишь прошествовал к своему месту и взобрался на него. Движения его были настолько быстрыми, что, казалось, этот человек обладает огромными запасами энергии, которые способны были поджечь все вокруг.

Он расположился, открыл саквояж и достал какие-то бумаги, тут же начав просматривать некоторые страницы. Рот судьи не двигался во время чтения. Мэтью ожидал увидеть человека пожилого, но Арчеру, судя по его виду, едва исполнилось сорок или, возможно, он просто был в очень хорошей форме. Он производил впечатление человека, кто уже насладился здоровым завтраком. У судьи был длинный аристократический нос высокий лоб, который сейчас пересекался суровыми морщинками по мере того, как переворачивались страницы документов. Словом, сэр Арчер был красивым мужчиной, который, определенно, принадлежал к высшим слоям общества, и Мэтью решил, что за плечами этого человека простирается огромный путь обучения всем тонкостям манер, воспитания, образования в Оксфорде или Кембридже, а также жизнь в огромных семейных особняках. Заботливая жена, двое замечательных детишек с чудесными перспективами на будущее — если один из них мальчик, то его явно ожидало будущее в юридической сфере и большая вероятность тоже стать судьей — и весь английский мир простирался перед ним, как огромный банкетный стол, полный денег и крепких семейных связей. Мэтью вдруг почувствовал себя очень, очень незначительным и по-настоящему бедным.

— *Проклятье,* — сказал судья, не поднимая глаз. При том, что всем видом он походил на джентльмена из Оксфорда, голос у него больше напоминал бывалого портового грузчика. — Когда в последний раз вы принимали *ванну*?

— Ваша Честь, — обратился Лиллехорн. — Мистер Корбетт был взят под арест в Плимуте, где непосредственно высадился с…

— Разве я *вас* спрашивал? — тонкое лицо с острыми скулами поднялось. Пронзительные серые глаза под густыми светлыми бровями прострелили Лиллехорна, как стрела лучника пробивает мякоть спелого яблока. — Этот человек может говорить за себя, или он глуп настолько, насколько мне кажется?

Мэтью откашлялся, понадеявшись, что Господь поможет его

голосу не сорваться на перепуганный писк.

— Я могу говорить за себя, сэр. Последний раз мне доводилось принимать ванну…

— Вечность назад, я уверен. Если б я знал, в каком вы состоянии, я бы встретился с вами на улице и покончил бы с этим, — он опустил бумаги на стол с силой, заставившей Мэтью подпрыгнуть, а Лиллехорна почти выронить свою трость. Серые глаза переместились с документов на газету в руках помощника главного констебля. — Это то, о чем я думаю?

— Ваша Честь, это последний вып…

— Ах, *вот*, что я чую! Возмутительная вонь тюремных лохмотьев вкупе с чернилами этой газетенки из нищенских районов! Как вы *посмели* принести *это* в зал суда? Принесите это сюда, я попрошу моего клерка прийти и сжечь это, как только мы закончим.

— Да, сэр, — Лиллехорн беспомощно взглянул на Мэтью, сообщая ему: *мы оба здесь в одинаковой немилости, и да поможет нам Бог, чтобы этот человек сжалился над вашей шеей.* Он достиг места судьи, поднялся на цыпочки так высоко, что у него щелкнуло что-то в спине, однако «Булавка» послушно оказалась в руках судьи, как и было велено. Затем помощник главного констебля попятился, опустив глаза в пол.

— Мистер Мэтью Корбетт, — произнес Арчер, а затем просто сел и посмотрел на пленного, как будто хотел этим взглядом испытать на прочность поводья его собственной колесницы, которая была явно грязной и разбитой.

Молчание затягивалось.

— Ваша история заинтересовала меня, — продолжил он. — Работа в агентстве «Герральд»? Что ж, я бы не стал хвалиться этим, потому что они подрывают правовую систему и *вызывают* гораздо больше проблем, чем *решают*. Дела с Профессором Фэллом? Миф, как я успел убедиться, и никто не сможет заставить меня поверить, что это реальный человек. Если на самом деле «Профессор Фэлл» и существует, то это, должно быть, объединение различных преступников, которые заключили своеобразный союз друг с другом, чтобы причинить Англии больше вреда.

— Ваша Честь, — сказал Мэтью. — Я могу заверить вас, что…

— Не перебивайте, — пламенное выражение этого лица могло бы заставить яички льва сжаться от испуга. — Продолжим: *потеря памяти*? Похищение прусским графом, который, вы говорите, собирался убить вас? И эта история на корабле… как он назывался? — судья нашел нужную строчку в документах. — «Странница». Мистер Корбетт, из того, что я прочел, ясно одно:

вы совершили убийство. Теперь… ваша речь перед магистратом в Плимуте о том, что нет никаких доказательств смерти этого человека ввиду отсутствия тела, несет определенную истину, но позволить вам уйти от наказания за подобный поступок, было бы оскорблением всех моих коллег и моей собственной карьеры. *Вы* знали, что собираетесь совершить убийство. Свидетели это знали, и *я* знаю. Даже Лиллехорн, который весьма недальновидно предпочел встать на вашу защиту, должен это понимать. На этом — все, — Арчер поднял бумаги своей жилистой рукой, а затем позволил им упасть и разлететься, продолжая при этом насмешливо глядеть на узника. — Вы хотели перехитрить суд, мистер Корбетт, но мы не станем вам потворствовать.

Мэтью видел, как его будущее мчится от него прочь с каждым падающим листком, и видел, как черство — даже садистски черство — к этому относится судья. Паника, взметнувшаяся внутри молодого человека, подогрела первые угольки гнева.

— Прошу, выслушайте меня, — сказал он. — Когда я вновь обрел память, я собирался рассказать представителям закона об убийстве Куинн Тейт, но мне не…

— Ах, убийство бедной сумасшедшей девушки в убогой хижине! Как суд может быть уверен, что это правда, а не ложь, учитывая всю ту ерунду, что вы тут наговорили про Профессора Фэлла?

— Вы не слушаете меня! — это прозвучало громче, чем Мэтью хотел, и он почувствовал, как щеки его краснеют от стыда и возмущения. — Я находился в *обществе* Профессора Фэлла! Я *говорил* с ним и знаю часть его истории. Он реален, я уверяю вас! Разве Лиллехорн не рассказал вам об Острове Маятнике и о порохе…

— Для вас он *мистер* Лиллехорн, сэр! — отрезал Арчер. — И воздержитесь от повышения голоса в моем зале суда! Нет, он ничего мне об этом не рассказывал, потому что знает, что я думаю об этой мифической истории! Я искренне сомневаюсь в правдивости вашего рассказа, сэр, как следовало бы и достопочтенному господину Лиллехорну по одной простой причине: *вы еще живы*, хотя не должны быть живы, учитывая все то, через что вы, по вашим рассказам, прошли! А факты остаются фактами, и основной факт состоит в том, что вы перерезали спасительную веревку во время шторма на море, что облекло человека на смерть, и не нужно рассуждать здесь о том, что этот человек мог выжить, и факт его смерти не подтвержден. Я знаю, какую опасность представляет для человека бушующий океан: мой отец был и остается морским капитаном, я и сам родился в море. Поэтому я прекрасно понимаю, что этот удар топором по

веревке был настоящим убийством…

— *Вы должны немедленно показаться врачу!* — вдруг закричал Мэтью, и в зале тут же повисла тишина.

— Мэтью! — Лиллехорн схватил его за руку. — Не надо! Пожалуйста, помните о вашем…

— Тшш! — зашипел Мэтью в ответ, вырывая свою руку из его хватки. Он продолжал буравить взглядом судью Арчера, и в месте, где их взгляды встречались, воздух должен был вот-вот загореться. Молодой человек знал, что ему следовало бы закрыть рот и сжаться, как побитой собаке в своих цепях. Но…

— Вам нужно немедленно показаться врачу, — повторил Мэтью, несмотря на то, что паника била в гонг и звонила в колокола в его голове. — Чтобы вычистить из ваших ушей тот воск, что мешает вам что-либо слышать, — он позволил этим словам кипятить судью на медленном огне в течение нескольких секунд.

Лиллехорн тихо застонал, но Арчер не издал ни звука — он сидел тихо и не двигался.

— Все, что я сказал, это правда! — заверил Мэтью. — Граф Дальгрен собирался убить меня еще до прибытия в порт. Я никогда не был его слугой, я был его обманутым пленником. Мог ли я был сохранить эту веревку целой? Нет, не мог. Потому что в тот момент… во время шторма… после нашей драки, в которой ко мне вернулась память, я потерял равновесие. И я также говорю вам, что Профессор Фэлл — это не выдумка. Если вы так думаете, горе вам и горе всей Англии, потому что вы играете ему на руку. Если бы я сидел на вашем месте, то, по крайней мере, расспросил бы моих констеблей, чтобы проверить…

— На *этом,* — сказал Арчер очень тихим голосом. — Мы заканчиваем.

— О, даже не близко! Я не закончил!

— Нет, — все еще тихо оборвал судья. — Вы *закончили*. Констебль, если заключенный позволит себе еще одну оскорбительную или воинственную реплику в моем зале суда, я требую, чтобы вы ударили его по лицу, — в ответ на явное выражение тревоги Лиллехорна, Арчер добавил. — Или вы тоже хотите понести наказание за неподчинение?

— Вы не можете помешать мне говорить! — возразил Мэтью.

— Простите меня, — прошептал Лиллехорн с тяжелым вздохом, и ударил Мэтью по щеке ладонью.

— И вы называете это *ударом?* — спросил Арчер. — Это какой-то безвольный хлопок.

Мэтью метнул острый взгляд на судью.

— Судья не может помещать человеку…

Его вновь ударили — на этот раз сильнее.

— … *высказаться!* — Мэтью повысил голос до крика. — Вы отказываетесь даже учит…

Следующий удар был намного сильнее, хотя и нанесен он был почти детской рукой помощника главного констебля.

— Я сожалею… — шепотом повторил Лиллехорн. — Прошу… не надо…

— … учитывать мои обстоятельства! — Мэтью продолжил, и голос его эхом пролетел расстояние от балкона до сводчатого потолка, отразившись от героической скульптуры с колесницей, и теперь — сквозь дымку боли — молодой человек подумал, что возница, управляющий шестеркой лошадей, выглядел не настолько уж героическим, когда стискивал зубы, стараясь удержать рвущихся на волю скакунов, которые, похоже, были готовы вырваться любой ценой или умереть, пытаясь.

— Вы представляете опасность, сэр! — взорвался Мэтью. — Человек маленьких мыслей в роли человека на большой…

Не на шутку начав опасаться уже за собственную безопасность, Лиллехорн ударил Мэтью со всей силы, которую только мог собрать, и направил эту силу в заросшую черной бородой челюсть молодого человека.

Мэтью пошатнулся, но не упал. Будет чертовски нелепо, если он позволит себе упасть перед этим судьей. К глазам его подступили слезы, однако он продолжал смотреть на Арчера, который выдавил из себя тонкую улыбку одобрения в ответ на эту сцену.

— … *позиции,* — завершил Мэтью свое предыдущее заявление. Он сплюнул кровь на полированный пол.

— Вот, — хмыкнул он. — Вот этого вы хотите?

Лиллехорн занес свою руку для следующего удара.

— Пожалуй, достаточно, констебль, — сказал судья, и рука Лиллехорна мгновенно опустилась. Он повернулся спиной к судейскому месту и отошел на несколько футов, тяжело опершись на перила. Помощник главного констебля мучительно согнулся и содрогнулся так, будто его вот-вот могло стошнить.

— Соберитесь, — сказал ему Арчер тоном, который требовал послушания. — Я хочу, чтобы вы выслушали ваши инструкции, — он дождался, пока Лиллехорн придет в себя и снова повернется. Мэтью отер кровь с губ и подумал о том, что есть еще сотня аргументов, которые он мог бы — и *должен был бы* — швырнуть в лицо судье, но его время истекло.

Арчер сложил руки перед собой и посмотрел на заключенного. Его улыбка испарилась, а на лице не осталось ни тени эмоций.

— Вы поднимаете интригующие вопросы жизни и смерти, случайностей и ответственности, — сказал он. — Я благодарю вас за сбор этих наблюдений. Но это *все*, за что я могу похвалить вас. Суд не может позволить вам уйти от наказания за ваши действия, мистер Корбетт, но требуется провести некоторое расследование, которое поможет определить, попадает ли это преступление под юрисдикцию Олд-Бейли. Будете ли вы повешены, если вас признают невиновным? Что ж, это будет определено на официальном слушании, которым *это* слушание не является. До той поры…

Он соединил подушечки пальцев, и у Мэтью появилось ощущение, что этот человек получает огромное удовольствие от происходящего.

— До той поры, — продолжил Арчер. — Констебль со всей необходимой осторожностью и с тем количеством стражей, которое сочтет нужным, сопроводит вас в тюрьму *Ньюгейт*, где…

Лиллехорн едва не задохнулся.

— Где, — продолжал Арчер. — Вы будете находиться, пока ваше дело не будет официально рассмотрено, и это может занять… ох… шесть месяцев?

— Ваша честь, — Лиллехорн осмелился рискнуть. — Могу ли я попросить…

— Вы можете сохранить молчание, — был ответ. — И выполнить свой долг по приказу судьи и Короны, если говорить официально… да и неофициально тоже. Соответствующие документы будут подготовлены к концу дня. Вот, что, я считаю, должно быть сделано.

— Да, сэр, — только и сумел сказать Лиллехорн.

Мэтью был ошеломлен, если не сказать больше. Мысли его разбредались. *Тюрьма Ньюгейт*. Худшая из худших. Шесть месяцев в этой адской дыре. А возможно, дольше, если Арчер это устроит — а он *мог* это устроить, на это у него были силы, и окровавленный бородатый решатель проблем из Нью-Йорка ничего не мог ему противопоставить.

— Вы можете доказать, насколько вы полезны, Лиллехорн, — сказал Арчер. — Вместо того, чтобы стоять на грязной земле с обычными преступниками, используйте ваши средства и окажите давление на вашу контору по двум направлениям: поиски мадам Кандольери и пресечение действий этого сумасшедшего, который называет себя Альбионом. Не тратьте время суда и ваше собственное попусту. Это все.

Не говоря больше ни слова, не удостаивая взглядом более никого, высокомерный представитель закона поднялся со своего места, спустился вниз и скрылся за ужасающей черной дверью.

Даже в глубине своего бедствия, Мэтью не мог не заметить, что Арчер захватил с собой «Булавку».

Глава одиннадцатая

— Спокойно, — сказал Лиллехорн, но его ослабевший голос не навевал Мэтью мыслей о спокойствии, потому что через зарешеченное окно экипажа он видел, как приближаются к нему ворота Ньюгейтской тюрьмы.

Темный замок *Ньюгейт*, еще более мрачный от холода и дождливой погоды с нависшими тяжелыми серыми облаками, стоял по соседству от здания суда Олд-Бейли. Они были связаны тяжелой каменной стеной. Мэтью знал из того, что ему удавалось прочесть в «Газетт», что многие тысячи людей проходили по этому пути, который назывался «путем мертвеца», потому что огромный процент этих узников вскоре должен был попасть на свидание с гробовщиком. Также эта твердыня называлась «Птичьей клеткой», потому что даже проходы там перекрывали железные прутья. Лиллехорн организовал для Мэтью экипаж с возницей и двумя стражами, которые сопровождали его на этом коротком пути до тюрьмы и, судя по их поведению, помощник главного констебля не забыл упомянуть, что Мэтью еще не был признан виновным, и пока не следует относиться к нему, как к преступнику.

Молодой человек подумал, что как представитель закона Лиллехорн, возможно, был далеко не самым плохим… равно как и судья Уильям Атертон Арчер явно *был не самым хорошим*.

Помощник главного констебля наклонился к заключенному. Два стражника сидели по обе стороны от Мэтью, еще больше ограничивая свободу его движений, но в их демонстрации силы не было никакой необходимости, так как в своих тяжелых цепях молодой человек и так был практически беспомощен.

— Послушайте меня *внимательно,* — сказал Лиллехорн тихо и многозначительно, когда экипаж под мерное цоканье лошадиных копыт все ближе подбирался к этому памятнику отчаяния. — Я собираюсь поговорить с начальником тюрьмы в ваших интересах. Возможно, с ним и получится договориться, чтобы он не был с вами жесток, но с остальными заключенными вы будете предоставлены сами себе. Разумеется… внутри Ньюгейта находится другой мир… и он не будет добр к вам.

— Потому что в нем нет Санта-Клауса.

— Время острот закончено, начинается время ума. Если вы когда-либо использовали свой здравый смысл и свою осторожность на полную мощность, приготовьтесь делать это снова, — глаза Лиллехорна превратились в две маленьких черных

дыры. — Я не могу в достаточной мере подготовить вас к звериной природе этого…

Экипаж остановился. Возница крикнул:

— Новое топливо для печи!

Затем послышался звук поднимающейся по средневековой моде железной решетки, деревянные зубчатые колеса принялись создавать шум, напоминающий то, как дубинки молотят по плоти.

— … к звериной природе этого места, — продолжил Лиллехорн. — Как я уже говорил… я сделаю для вас все, что смогу, но… я не так давно стал одним из представителей закона в этом городе… надеюсь, вы понимаете, что мои силы и возможности здесь ограничены.

Кнут щелкнул. Лошади вновь начали набирать скорость. Решетка опустилась позади экипажа.

— Я сожалею, — сказал Лиллехорн. Он отклонился назад на сидение, обтянутое потрескавшейся кожей, показывая тем самым, что закончил этот разговор.

Мэтью кивнул. Его сердце колотилось, но он знал, что уже проходил через многое, поэтому не позволит себе лишиться чувств на этой ранней стадии. Как просто было бы, если б можно было воззвать к милосердию, уповая на такого далекого Господа, противопоставляя эти мольбы холодному мрамору закона и бесстрастному игнорированию со стороны высокопоставленных людей! Как просто… но, похоже, Господь уготовил пламени свечи души этого молодого человека лишь новые мучения, коим предстояло открыть себя теперь.

Экипаж снова начал замедляться. Лошади почти остановились, место назначения было достигнуто.

Память утянула Мэтью назад в Фаунт-Ройал, в колонию Каролина 1699 года, в то время, когда Рэйчел Ховарт была обвинена в колдовстве. Тот, кто творил в этом городке истинные злодеяния, рассказывал о том, как сам отбывал срок в тюрьме Ньюгейт, и теперь Мэтью воскрешал в своих воспоминаниях каждое слово отвратительной тирады этого человека, чтобы подготовиться к тому, как выжить в этих стенах.

Дни были достаточно ужасными, сказал он, *но потом наступали ночи! О радостное благословение тьмы! Я его ощущаю даже сейчас! Слушайте! Слышите их? Вот они зашевелились, слышите? Поползли с матрасов, крадутся в ночи — слышите? Вон скрипнула кровать, вон там — и там тоже! О, прислушайтесь — кто-то плачет! Кто-то взывает к Богу… но отвечает всегда Дьявол.*

Даже если там так ужасно, вспомнил Мэтью, что он ответил

тогда почти демоническому убийце, *вы вышли оттуда живым.*

И его ответ: *Да?*

Колеса экипажа скрипнули и замерли. Одна из лошадей фыркнула. Кто-то издал приглушенный гортанный звук.

Новое топливо для печи.

Дверь открылась снаружи. Двое мужчин, одетых в темные плащи и кожаные треуголки стояли, готовясь принять узника, оба имели при себе дубинки, на одной из которых виднелись куски смолы и битого стекла. Не говоря ни слова, два стража стали по обе стороны от Мэтью, практически подняли его с его сидения и вытащили из повозки на голую землю, которая была усыпана галькой и золой. Молодой человек оказался во дворе темного здания с высокими стенами, со всех сторон запачканными копотью.

Из зарешеченных окон выглядывали лица — из *каждого* окна, вплоть до самого верха этой твердыни, в которой было четыре этажа. Башенки с коническими крышами венчали угол каждой стены. В небе черные знамена угольного дыма уносились прочь от труб, которые не входили в состав тюрьмы, но были частью индустрии Лондона, и Мэтью опасался в глубине души, что с этой золой кусочками убитых комет испаряются и множественные души, нашедшие в Ньюгейте свой последний приют.

— Давай, шагай, — сказал мужчина с битым стеклом на дубинке. Его голос был резким и грубым, и Мэтью тут же понял, что любое непослушание будет непростительной и очень кровавой ошибкой. Его толкнули вперед в раскрытый рот тюрьмы, который на самом деле являлся входом в туннель, где несколько факелов горели на стенах. За звоном своих цепей молодой человек услышал резкий звук, напоминающий звериный рев, дрожь земли и гром одновременно. Он понял, когда вошел в туннель, что это звук самой тюрьмы — то есть шум, издаваемый заключенными, поскольку тюрьма была переполнена ими, и узники приникали к прутьям решеток, толкались и боролись, чтобы посмотреть на вновь прибывшее топливо для печи.

— Я пойду вперед, поговорю с начальником, — сказал Лиллехорн Мэтью, пока они продолжали идти по туннелю. Ему пришлось повысить голос, чтобы следующее предложение услышали все, хотя оно и не было адресовано кому-то конкретному. — Я надеюсь, господа стражи не забудут о том, что они здесь для обеспечения *безопасности*, а *не* для наказания, потому что суд еще не вынес официального обвинения этому человеку.

Взгляд Лиллехорна вернулся к Мэтью, и у молодого человека не прибавилось уверенности, когда он увидел, что Лиллехорн

напуган до смерти и готов покинуть это ужасное место вместе с падающей на пол золой печи почти бегом.

— Удачи вам, — сказал помощник главного констебля своему подопечному, затем опустил голову и поспешил вперед. Вскоре он повернул направо и пропал из виду: мерцающий свет факелов скрыл даже его тень.

Один из четырех охранников Мэтью издал короткий, жесткий смешок. Человек с опасной дубинкой сказал:

— Ты, должно быть, попал сюда *за дело*, неважно, что говорит этот напыщенный петух!

А затем:

— Пошевеливайся, *рыбья наживка*! У меня нет времени нянчиться с тобой!

Еще дюжину мучительных шагов Мэтью сопровождали по коридору, периодически подгоняя дубинкой — благо, что не той, которая была усеяна осколками. Массивный уродливый горбыль двери с вырезанными на ней чьей-то извращенной шуткой херувимами, открылся, и за ним оказалась холодная камера с бледно-желтыми стенами. Пол здесь выглядел так, как будто все пятна Лондона решили собраться в одном месте. Человек с носом, напоминающим клюв, одетый в плащ и коричневый галстук поправил парик — примерно одного оттенка со стенами — и уселся поудобнее за столом, на котором лежала большая книга учета, а рядом стояла чернильница и канделябр с двумя горящими свечами. Неизвестный поправил тонкие очки, стараясь найти им лучшую точку опоры на своем клюве.

— Вы Мэтью Корбетт, как сказал Лиллехорн? — спросил мужчина, не поднимая глаз и продолжая смотреть в бумагу. — Два «т» в конце?

— Верно, — очевидно, Лиллехорн прошел этим путем и выполнил свое обещание поговорить с начальником тюрьмы.

— Возраст?

— Двадцать четыре.

— Место рождения?

— Колония Массачусетс.

Это заставило начальника тюрьмы ненадолго приподнять бровь.

— Вас отправили сюда, чтобы вы дождались официального слушания, судя по тому, что сказал Лиллехорн?

— Да.

Боже, как же здесь холодно! Грязный, влажный, могильный холод…

Мужчина записывал, записывал и записывал — все больше и больше. Мэтью заметил, что почерк у него весьма неразборчивый.

— Сосчитайте-ка для меня кое-что, — резко сказал начальник. — Двадцать один плюс десять и минус четыре.

— Двадцать семь, — ответил Мэтью почти тут же.

— Хорошая память и шустрый ум, — мужчина сделал пометку к своим каракулям, которые, похоже, были именем заключенного.

— Я работал над этим.

Дубинка врезалась в основание позвоночника Мэтью — достаточно жестко, чтобы заставить его задохнуться от боли.

— Вам не задавали вопроса, — сказал важный начальник тюрьмы, и в голосе его не прозвучало ни тени эмоций. — Воздержитесь от того, чтобы говорить, если ответа не требуется. Заключенный будет содержаться в зоне… — он сделал паузу, проверяя какую-то информацию. — *Каир*. Господин Лиллехорн согласился оплатить вступительный взнос, а также месяц кормежки и питья.

— *Вступительный взнос?* Вы, верно, шутите! — осмелился высказаться Мэтью, и на этот раз дубинка подошла к делу с бóльшим усилием. Колени Мэтью почти подогнулись от боли, и в следующие несколько секунд он был уверен, что никогда не восстановит дыхание.

— Взносы делаются для каждого процесса, — быстрый взгляд окинул Мэтью с ног до головы. — Ваша одежда ничего не стоит. А вот ваша обувь, такая, какая она есть, представляет определенную ценность из-за ее кожи. Запомните это, если захотите чего-то сверх положенного. Вы свободны, господа, — сказал он двум стражам из четырех. А остальным двум приказал: — Уведите его.

Два обычных слова. Применительно к этой ситуации — ужасных.

В состоянии, близком к шоковому, Мэтью увели из регистрационной комнаты, провели по коридору мимо других различных служебных помещений к узкой железной двери, в которую, казалось, может протиснуться только один человек. Это показалось Мэтью границей между мирами. Шум тюрьмы — медленный животный рокот — здесь был выражен более ярко… и более страшно. Когда один страж приставил дубинку к затылку Мэтью, второй открыл железную дверь с помощью ключа на большом кольце. Мэтью заметил, что ключей было всего четыре, что, вероятно, свидетельствовало о том, что они отпирали множество камер, и замки в дверях не сильно отличались друг от друга. Молодой человек знал из книг, что впервые эта тюрьма была построена аж в 1188 году. И, возможно, структура ее на протяжении веков успела претерпеть немало изменений, но атмосфера страха оставалась прежней.

Железная дверь распахнулась. Петли взвизгнули, словно хор банши. Из открывшегося отверстия вылетел мерзкий запах сырости, гнили, немытых тел и чего-то еще — более тяжелого, гнилого и затхлого в своей сути. Мэтью подумал, что, возможно, именно так может пахнуть отчаяние.

— Заходи, — сказали ему, и продолжением этой фразы вполне могло быть «*добро пожаловать в Ад*». Первый шаг он сделал под давлением дубинки, затем проследовали охранники. Итак, снова коридор со стенами из холодного камня, покрытыми черной плесенью по всей длине. Тусклый серый свет проникал в камеру из одного зарешеченного окна, располагающегося футах в двенадцати над полом. В конце коридора была решетчатая дверь — вход в клетку — и за ней Мэтью мог разглядеть размытые фигуры, наблюдавшие за тем, как он подходит ближе. Несколько слабых свечей горели здесь в темноте, и голоса всех мастей шептали, кричали, рычали и смеялись с безумным весельем или злым умыслом, хрипели, клокотали или болезненно кашляли.

— Новое топливо для печи! — закричал кто-то оттуда. Крик подхватил другой голос, затем новый и еще один, и эти слова эхом разнеслась по всему коридору, приветствуя нового человека, приближающегося к клетке. И лишь его цепи позвякивали в ответ.

— *Стоп!* Не двигайся, пока я не скажу, — приказал охранник с опасной дубинкой, зашипев Мэтью прямо на ухо. Тела в лохмотьях прижимались к решетке. Почерневшие гримасы вместо лиц уставились на Мэтью и охранников своими водянистыми глазами.

— Постучи, Боудри! — сказал второй страж.

Охранник подошел к двери и со свей силы начал молотить по ней так, словно готов был начать кровопролитие прямо сейчас.

Заключенные попятились к стенам, как испуганные мыши. Мэтью заметил, что металлические прутья в нескольких местах прогнулись, учитывая то, сколько дубинок стучало в них за все это время.

— Пошли прочь, псы! — крикнул Боудри. Ключ скользнул в замочную скважину и открыл дверь. Ни один заключенный не решился более приблизиться или поторопить его, хотя десятки людей находились всего в десяти футах от решетки. — *Айра Ричардс!* — громко завопил он. — Тащи свою задницу сюда!

— Да, сэр, да, сэр, да, сэр… — раздался слабый голос, и впереди появилась тонкая фигура с согнутой спиной, которая сейчас больше напоминала краба, чем человека. Этот мужчина держал фонарь с едва тлевшим огарком свечи внутри. Плоть этого человека была такой же серой, как его тюремная одежда. Обувь он не носил, волосы с головы были сбриты, и на лысом

черепе краснело множество укусов паразитов.

— Новый заключенный, — сказал Боудри. — Зовут Мэтти Кубитт. Его в Каир.

— Да, сэр, да, сэр, да, сэр.

— Да не стой ты и не воняй на меня своим дыханием, дворняга! Забирай его!

Мэтью, который едва не терял сознание от видов, звуков и реальности происходящего кошмара, произнес, не помня себя:

— Меня зовут не…

Боудри сжал горло Мэтью волосатой рукой и коснулся дубинкой его губ, угрожая пресечь любую провокацию.

— Твое имя, — прорычал он, его глаза — стеклянные и безжизненные — угрожающе сощурились. — Сэр Дерьмолицый, Лорд Подстилка, Леди Членолизка или все, что взбредет еще в мою проклятую голову. Мне наплевать, что ты там натворил или *не натворил… здесь* вы *всеееееееее* — одинаковый мусор. *Мусор!* — он закричал это всем узникам, и крабоподобный Ричардс отступил назад, безуспешно ища себе нору, в которую можно было бы спрятаться. Боуди толкнул Мэтью вперед, во внутренности Ньюгейта. — Хорошего тебе дня, рыбья наживка! — сказал он, а затем захлопнул дверь, закрыл ее и в компании второго стража удалился прочь, явно чувствуя себя самым благородным представителем закона.

— Сюда, Мэтти, — сказал человек-краб и двинул фонарем в нужную сторону.

— Мэтью, — поправил узник, но никто не слушал его. Большинство людей начали отходить и стекаться в место, которое, возможно, было чем-то наподобие столовой, потому что там находилось множество деревянных столов и стульев, но, правда, ни намека на еду. Грязное сено валялось на влажном каменном полу. Несколько заключенных собрались вокруг Мэтью, тронули его одежду, волосы и бороду. Они не на шутку напугали молодого человека, потому что наклонялись и шептали ему нечто такое, что не каждый самый смелый поклонник может прошептать своему объекту вожделения.

— Не обращай на них внимания, они только наполовину здесь, — сказал Ричардс, явно сочтя это достаточным утешением. — Пойдем, покажу, где тебя поселили.

Мэтью последовал за ним, минуя остальных. Через несколько секунд стало совершенно очевидно, что Ньюгейт действительно построен в стиле средневекового замка, судя по этому запутанному коридору, который извивался внутри и, похоже, проходил через все ответвления этой твердыни. Вонючее сено было разбросано всюду, и некоторые заключенные лежали на нем

или на деревянных каркасах от кровати с совершенно неописуемым подобием постельного белья. Похоже, здесь были только заключенные-мужчины — женщин содержали в другом месте, и Мэтью заметил, что здесь можно встретить любой возраст: от четырнадцатилетних мальчиков (или, скорее, уже мужчин, ведь это место явно заставляет быстро повзрослеть) до восьмидесятилетних стариков. Повсюду были нечистоты, и, чем глубже Мэтью спускался в недра этого кошмара, тем, казалось, хуже становились условия, потому что здесь явно все забывали о том, что такое цивилизация, а внешний мир здесь терял всякий смысл.

В коридоре, который, казалось, был построен по чертежам архитектора, чьей безумной идеей было уничтожить саму душу местных заключенных, молодой человек поднялся по каменной лестнице в темноту, а затем спустился в еще более глубокий мрак. Мэтью едва мог разглядеть железные решетки на двери в верхней части одной из лестниц, и блеск водянистых глаз заключенных замечал лишь тогда, когда проходил совсем близко. Это было необъятное место с огромным количеством уровней, различающихся лишь степенью ужаса.

В свете нескольких свечей и, очевидно, очень ценного фонаря Мэтью стал свидетелем весьма странного набора достопримечательностей, пока следовал за Айрой Ричардсом по коридору и имел возможность бросать взгляды в камеры: двое заключенных в улюлюкающем кругу зрителей боролись друг с другом, уже успев превратить свои одежды в окровавленные лохмотья; в той же камере несколько мужчин сгруппировалось на сене, некоторые дымили глиняными трубками и поддерживали спокойную беседу, будто бы находились в одной из лучших чайных в Лондоне. Здесь же безумец без ног старался забраться на маленькую деревянную тележку, с которой, по-видимому, упал, и кричал Молитву Господню, надрывая легкие. Парочка обнаженных узников яростно занималась сексом, пока их сокамерники со скучающим видом смотрели на чей-то посеревший труп с открытым ртом, лежащий на сене в паре ярдов от них. Другой полностью голый и худой, как скелет, человек стоял на деревянном ящике и с жаром декламировал оттуда какие-то политические речи, хотя никто не уделял ему и толики своего внимания. В углу, сжимаясь и дрожа, рыдал какой-то старик; молодой мужчина с ужасающе обезображенным шрамом лицом с непостижимой жадностью сосал член другого узника, стоявшего с широко расставленными ногами, со звериной яростью входя в окровавленный рот в этом отвратительном акте устрашающего насилия. Хрупкий длинноволосый юноша — на

вид ему было около шестнадцати — игриво прохаживался по комнате в розовой юбочке под крики и свист своих сокамерников.

Каждый раз, едва не теряя рассудок от открывшихся перед ним видов, Мэтью понимал, что угодил не просто в другой мир, а в целую *вселенную* других миров, перемешанных между собой, сосуществующих параллельно и не совпадающих, причем, большинство из них были извращенными, трагическими и попросту злыми. Глаза узников тоже обращались к Мэтью, пока он проходил мимо: некоторые тут же отводили взгляд, а некоторые задерживали с явными враждебными намерениями.

— Вот твое место, — сказал Ричардс. Они подошли к концу коридора. Камера, располагавшаяся шестью ступенями ниже, была такой же грязной, как те, которые они миновали, и столь же густонаселенной. Трудно было сказать, не худшая ли это камера из всех. — Это называется Каир. Я сам — в Картахене. Ты услышишь колокольчик: это сигнал, по которому надо идти есть. Будет четыре звонка. Должен тебя предупредить, что… иногда, когда звонят в *этой* секции, еда уже заканчивается. И не пытайся проникнуть в другую секцию, все знают, кто куда определен. Стражники тебя до слепоты изобьют, если поймают тебя за столом без звонка. А заключенные могут сотворить и чего похуже.

У Мэтью не было комментариев. Судя по тому, как выглядело оголодавшее население этой секции, эта новость не должна была стать сюрпризом.

— Я заметил, что кто-то здесь закован в цепи, а кто-то нет, — сказал он. — На тебе нет цепей. Почему на мне есть?

— Я заплатил взнос, чтобы их сняли, — объяснил Ричардс. — Его нужно платить каждый месяц. Благослови, Боже, мою любящую сестру! О… и вот еще, что… не пытайся ни у кого забрать одеяло, если только это не мертвец. С постельным бельем то же самое. Но даже если заберешь у мертвеца, за это придется побороться. Ну… я тебя привел, мое дело сделано.

Сказав это, человек-краб отвернулся, забрал свой фонарь и своей болезненной походкой удалился по коридору, оставляя эту обитель страданий.

Мэтью спустился вниз. В голове его заворочалась старая поговорка, которую он слышал еще в детстве: *что ж,* нервно подумал он, *коготок увяз — всей птичке пропáсть*. Впрочем то, чего он так опасался не произошло: сокамерники не кинулись на него с целью разорвать на куски. На деле лишь несколько человек окинули его взглядом и снова отвели глаза, а другие, судя по всему, обсуждали его прибытие, заговорщицки прикрывая руками рты, но никто не поднялся со своих одеял, с настилов из сена или с матрасов. В дальнем углу шла карточная игра между пятью или

шестью игроками, а более дюжины узников были зрителями. Игра, вероятно, полностью завладела их вниманием, и им не было никакого дела до новичка. Этому Мэтью был только рад. Он хотел бы и вовсе никакого впечатления не произвести — лишь бы его просто оставили в покое. Ему было нужно время подумать, привести чувства в порядок… и сейчас главной проблемой было найти место в отдалении от этих пугающих тел.

Пока он проходил через камеру в поисках свободного места и — желательно — хотя бы настила из сена, он заметил, что разница между сокамерниками заключалась не только в наличии или отсутствии цепей: не все заключенные здесь носили обувь. Некоторые узники и вовсе были полностью голыми. И снова — здесь были представлены почти все возрасты и разные степени здоровья… правда назвать кого-то в этой клоаке хотя бы *близко* здоровым было чистым безумием. Несколько тонких иссушенных тел выглядели так, будто уже находились на грани отхода в мир иной. *Вряд ли они дождутся своего слушания*, подумал Мэтью, *если только их не приговорили к наказанию в загробной жизни*. Впрочем, увидев *таких* арестантов, даже Господь мог бы потерять равновесие.

— Шевелись! — прозвучал голос человека в лохмотьях, который сидел на потертом грязном одеяле на полу. Мэтью послушался и продолжил свое шествие через камеру, вспоминая то, что слышал от несчастного, но хитрого убийцы, которого разоблачил в Фаунт-Ройале: по трубам в полу движется грязная сточная вода и стекает к дальней стене в дыру, и, само собой, никто не горел желанием располагаться рядом с нею. Не стал и Мэтью. Сделав следующий шаг, он случайно наступил на одного из узников, который, похоже, был при смерти. Бедный мужчина испустил вздох боли, но никто не обратил на это внимания, всех куда больше интересовал шум, который производили игроки в карты, не намереваясь останавливаться.

— Сюда, молодой человек! — истощенный седобородый заключенный с грязными ногтями длиной в три дюйма кивнул ему со своего матраса. — Рядом со мной тебе найдется местечко!

В слабом мерцающем свете огней Мэтью заметил, что не ошибся насчет плесени на стене. Сегодня он понял, что такое быть новичком в этом жутком месте, поэтому, пусть этот седобородый грязный заключенный не производил впечатления надежного человека, упускать возможность обзавестись союзником не стоило. Мэтью направился к узнику, и цепи казались ему тяжелыми, как грехи Лондона.

Кто-то вдруг возник на его пути. Это был человек небольшого роста, который, возможно, прежде был мощным и коренастым, но

местное питание иссушило и его. Голова у него была побрита наголо, и он тоже был в цепях.

— Не ходи туда, — предостерег человек. — Старая Победа кусается.

— Эм… Старая Победа?

— Он был мушкетером в Битве при Данбаре, я слышал, как он рассказывал об этом. Поэтому, как я уже сказал, не ходи туда. Он — настоящая чума: отгрызет от тебя кусок, даже если ты не шотландец.

— Спасибо, — Мэтью заметил, что Старая Победа уже решил, что новый узник не стоит того, чтобы пережевывать его, потому что он снова уселся на своем матрасе и занялся пристальным изучением своих восьми пальцев.

— Я новичок здесь, — осторожно сказал Мэтью. — И не знаю, что к чему.

— Нужно время, чтобы привыкнуть. Но, пока привыкаешь, надо быть осторожным. Ты носишь цепи по собственной воле?

— У меня нет денег, чтобы заплатить взнос.

— Ха! Я не заплатил бы, даже если б они были. Некоторые продолжают носить их добровольно: спустя время это не так уж плохо, — он окинул Мэтью оценивающим взглядом, прежде чем продолжить. — Меня зовут Уинн Уайлер. Торговец лодками.

— Мэтью Корбетт. Я работаю… в смысле, я *был*… — было бы смешно говорить о работе по решению проблем в таком месте. Смерть — единственное решение проблем здесь, и Мэтью понял, что, когда один из этих заключенных умирает, он награждается лишь саваном из плесени, после чего его смывают в мутный сток — вот и все избавление от проблем. — Я был клерком магистрата в колонии Нью-Йорк.

— Ч-черт, далеко же тебя оттуда занесло! Свалился в Преисподнюю, надо думать!

— Боюсь, я еще даже не приземлился.

— Хорошо сказано, — и стоило ему произнести эти два слова, как губы его исказились, и Уайлер кашлянул, затем еще раз. В третий раз более надсадно, в четвертый и пятый — сильнее, а на шестой по его губам потекли струйки темной крови. Содрогнувшись всем телом, Уинн с клокочущим звуком втянул в себя воздух. — Прошу прощения, — проскрипел он. — Ох… не продышаться теперь… дерьмово это… ну, умереть здесь.

— Мне жаль это слышать.

— Почему? Ты не сделал ничего, чтобы этому поспособствовать. Эй, Гимлет! Сдвинь-ка свою задницу и освободи Мэтью Корбетту место! Дэнли, ты тоже! Черт, да вы места занимаете больше, чем у толстосума гордости! Давайте,

давайте, проявите немного… немного… — он посмотрел на Мэтью в поисках помощи, потому что никак не мог подобрать слово.

— Дружелюбия, — предложил молодой человек.

— Да, верно. Я знал, что ты умник, раз работал клерком. Так, давайте, вы, двигайтесь! Сегодня мы подружимся!

Человек, которого Уайлер назвал Дэнли, был полностью голым, тонким, как тростинка, и все его тело покрывали темные струпья, хотя здесь находились люди и в более убогом состоянии. И худшее еще было впереди: когда Мэтью спросил о доступной воде, ему указали вперед на открытую бочку с прикрепленной к ней чашкой на цепи, но от воды исходил такой ужасный запах, а на поверхности плавало так много плесени, что молодой человек тут же потерял жажду.

— Все в порядке, — сказал Уайлер с пониманием. — Мы все были такими. Когда действительно захочешь, и не такое будешь пить. И ожидание не поможет, воду могут не менять в течение месяца.

Мэтью опустился на сено и понял, что сидит бок о бок с обнаженным мужчиной, покрытым струпьями, и примерно в шести футах от потока медленно текущих человеческих испражнений. Дэнли повернулся на бок и заснул, но Уайлер и Гимлет — бледный маленький человек с ярко-зелеными глазами, в которых все еще блестела искра интеллекта — хотели поговорить.

Уайлера посадили за долги, он сильно пострадал осенью и не смог поднять торговлю. Вот уже шесть месяцев он находился здесь. Гимлет с гордостью называл себя профессиональным вором и объявил, что находится здесь уже около года. Уайлер услужливо разъяснил, что камеры в этой части Ньюгейта назывались Картахена, Будапешт, Хельсинки и Каир, причем, последняя является худшей, потому что расположена дальше всех от столового зала. Мэтью также узнал, что были среди сокамерников и те, кто находился здесь десять, двенадцать, пятнадцать лет… как Старая Победа, к примеру.

— Вероятно, хотят, чтобы он сдох здесь, — сказал Уайлер. — Посмотри на нас — бедных и страждущих. Все мы здесь, похоже, для того, чтобы…

Его перебила фигура, возвысившаяся над Мэтью.

— Твои ботинки, — сказал человек низким угрожающим голосом. — Давай их сюда.

Мэтью посмотрел вверх на это устрашающее лицо. У человека был широкий подбородок с серо-черной бородой, низкий и мощный лоб, похожий на могильную плиту, узкие глаза под

густыми темными бровями и только половина носа. Другая половина была отсечена либо мечом, либо кинжалом, либо бритвой, и теперь носовые пазухи у этого человека почти полностью проглядывались со всем непривлекательным содержимым. Пусть этот мужчина, как и все остальные здесь, отощал, он все еще был широкоплечим и имел огромные мощные руки, не обремененные цепями. Мэтью заметил, что в одной руке этот человек держит карты — стало быть, у него закончились деньги на игру.

— Ботинки, — повторил мужчина. — Хочешь, чтоб я их с тебя сам стащил? Чтоб я тебя твои ебаные ноги переломал, пока буду их стаскивать?

— Джерриган, — сказал Уайлер. — У тебя сердце есть? Этот паренек только что…

— Хочешь отдать мне свои вместо его? — воцарилось тугое молчание. — Похоже, нет. Так что закрой свой хренов хавальник.

Мэтью видел, что игроки наблюдают за происходящим, как и все остальные заключенные, даже те, кто был болен или при смерти. Молодой человек понял: это было испытание на прочность, так испытывали любое «новое топливо для печи».

— Я хотел бы помочь вам, — сказал Мэтью. — Но боюсь, что…

Он не закончил. Кулак опустился и ударил его в челюсть с силой летящей наковальни и заставил его лишиться чувств.

Следующим, что он помнил, было то, как он пытался сесть, рот его полнился кровью, и он чувствовал себя так, будто лишился двух или трех зубов. В голове гудело, зрение было размытым, а ноги — босыми.

— Не повезло, — сказал Уайлер, пожав плечами. — Турк Джерриган раньше нанимался вышибалой… перед тем, как убил собственную мать. Поверь, тебе бы не хотелось увидеть его в гневе.

Мэтью сплюнул кровью уже второй раз за сегодняшний день. Ему казалось, будто челюсть у него существует отдельно от лица. Он покачал головой, стараясь привести себя в чувства, и заметил, как Джерриган и несколько других игроков, глядя на него, ухмыляются. Причем, в ухмылках их не было ни намека на юмор. Затем они вернулись к своей игре. Мэтью понял, что его только что пометили как слабака, неспособного защитить себя и открытого для любого, кто пожелает отобрать у него еще что-нибудь… а ведь у него было больше нечего предложить, и в этом была его основная проблема.

— Наслаждайся днем, пока можешь, — сказал Уайлер, словно прочел мысли молодого человека.

Мэтью с трудом мог говорить, его челюсть жутко болела, однако, он произнес:

— Я не думаю, что здесь есть достаточно поводов для наслаждения.

— Увидишь, — ответил Уайлер с выражением тюремной мудрости на лице. — Ночь здесь приходит очень рано.

И это беспокоило Мэтью больше всего. Новое топливо, удерживаемое в цепях, слабое и брошенное в мир, полный хищников…

Негде спрятаться, некуда бежать, и каждый здесь сам за себя.

А ночь и в самом деле опускалась.

Глава двенадцатая

Сон был невозможен. Он знал, что так будет. В своей комнате в Каррифорд-Инн на окраине небольшого городка на площади Хобба Хадсон Грейтхауз сидел в кресле перед окном, по которому спешно сбегали струйки дождя. Было около половины второго ночи, свеча почти догорела, а дождь все продолжал лить. Хорошая новость состояла лишь в том, что его бутылка стаута все еще могла порадовать его парой кружек, и он решил не тратить зря ни капли.

Итак, Великий налил себе свежего напитка. Интересно, дождь действительно начал барабанить в стекло еще сильнее, или это воображение разыгралось? Он задавался вопросом, смогла ли уснуть Берри, живущая от него через стенку, за следующей дверью по коридору. Он сомневался в этом: девушка была настолько же напряжена, сколь и он сам. Они все еще были за сотню миль от Лондона, и дорога к этому проклятому городу превратилась в сплошную трясину под властью непогоды, а в довершение всего судьба любезно сделала так, что во второй половине дня правое заднее колесо кареты отвалилось, и Берри пришлось идти почти милю пешком до этой гостиницы.

За ненадобностью большинство вещей они оставили в карете, потому что возница обещал разобраться с этой проблемой как можно скорее. Второй возница отправился договариваться о помощи, пока первый с мушкетом охранял карету. В итоге удалось договориться о починке колеса на площади Хобба, и вскоре Хадсону и Берри сообщили, что утром они возобновят путь — оставалось только уповать на местного мастера, который починит колесо. Итак, сегодня-завтра карета снова будет на ходу, доставит оставленный багаж к гостинице и подберет пассажиров, которые сумеют хотя бы сменить одежду перед тем, как двинуться дальше в путь.

Думая обо всем этом, Хадсон хотел со злостью швырнуть бутылку своего крепкого эля в стену, закричать от бессилия, выпустить псов войны. Никто не мог точно сказать, когда им со спутницей удастся достигнуть Лондона, и только вечером, когда они ужинали в таверне в деревне Чомфри, Берри высказала свои предчувствия, что Мэтью находится в страшной опасности, и что она опасается, как бы не оказалось слишком поздно…

— Мы либо найдем его, либо нет, — сказал Хадсон, отрываясь от куска пирога с печенью. — Что вы имеете в виду под «слишком поздно»? Считаете, что к моменту нашего приезда его

уже повесят за убийство? Нет, они посадили его в тюрьму, и какое-то время он там просидит. Ему придется предстать перед Королевским Судом на официальном слушании. Во всяком случае, есть много тех, кому явно предстоит угодить в петлю раньше Мэтью, поэтому до лета его могут не…

— Вы не помогаете, — сказала она, отставив тарелку супа в сторону.

— Сожалею. Я просто хочу сказать, что он большой мальчик. Вы знаете, что он *может* о себе позаботиться. Мы найдем его и разберемся со всем этим, не волнуйтесь. И если вы не хотите доедать свой суп, передайте его сюда, пожалуйста.

— Именно о тюрьме я больше всего и беспокоюсь. Что если… что если они поместили его в какое-то ужасное место? Я представить себе не могу, насколько ужасны тюрьмы… но ведь есть *худшие из худших*.

Хадсон сделал глоток крепленого вина, прислушивался к треску поленьев в очаге и в течение нескольких секунд пытался сформулировать свой ответ, а затем сказал:

— Вы же слышали, что говорил нам констебль Монкрофф? Мэтью попросил переправить его в Лондон, чтобы дело вел Гарднер Лиллехорн. Господи, благослови Лондон, потому что Лиллехорн действительно может помочь Мэтью! — он одарил ее быстрой улыбкой, но она была слишком взволнована, чтобы ответить тем же. — Так или иначе, он постарается сделать для него все возможное, потому что Лиллехорн знает историю Мэтью.

— И вы думаете, *это* ему поможет?

— Лиллехорн, возможно… простите за выражение… *дерьмовый* человек, но он не допустит, чтобы Мэтью выпотрошили. Если у него будет возможность потянуть за нужные нити и надавать, куда следует, он это сделает. Он замолвит за него словечко.

Берри на некоторое время затихла, также глядя на трещащие в очаге дрова. Затем она спокойно посмотрела на Хадсона, и тот понял, что это тонкая маскировка, и что на самом деле она все еще была напряжена, как струна. Впрочем, как и он сам.

— Чего я боюсь, — сказала она. — Так это того, что без меня… в какой-то день от него отвернется удача. Я просто надеюсь, что этого не произойдет, пока я не нашла его.

Сейчас, в своей комнате в Каррифор-Инн с залитым дождем окном, пока возможности достигнуть Лондона в кратчайшие сроки таяли с каждым мокрым часом, Хадсон стукнул своей последней чашкой стаута о стол и задумался о словах Берри про удачу.

Пусть Лиллехорн может держать некоторые обиды за

прошлое — мнимые или нет — разумеется, он протянет Мэтью руку помощи. Лиллехорн был неуклюжим хвастуном, но не был злым. А теперь этот человек еще и находился на высоком положении, а, значит, имеет достаточно крепкие связи, и как он их применит… можно было только догадываться. Куда он мог бы поместить человека, обвиненного в убийстве, совершенном в открытом море? В тюрьму, разумеется. Но, явно лучше, чем…

Нет, они не отправят его в Ньюгейт! Нужно гнать от себя эту мысль, заколоть ее, убить ее! Разумеется, ни одну из тюрем нельзя назвать нежным местом отдыха, но Ньюгейт… была хуже всех. Лиллехорн не позволил бы этому произойти.

Хадсон понял, что Берри имела в виду, говоря, что может стать слишком поздно.

В тюрьмах Лондона можно убить человека за очень короткое время. И дело было не только в физической смерти — бóльшую опасность представляла смерть духа и души. Хадсон знал нескольких людей, кто прошел через эту систему как мелкий правонарушитель, но закончил после тюрьмы ничтожеством, у которого уже просто не могло быть ничего общего с внешним миром.

Этого не могло случиться с Мэтью! Он был слишком силен, чтобы позволить разорвать себя так легко.

Не так ли?

Хадсону вдруг захотелось кричать. Он нашел бутылку эля, и рука отклонилась назад, чтобы швырнуть ее в стену… но он глубоко вздохнул и тихо поставил ее на стол, потому что не хотел беспокоить Берри, которая спала прямо за стеной.

Не оставалось ничего, кроме как ждать.

Ждать и надеяться, как и делала Берри, что Мэтью продолжит быть очень удачливым молодым человеком.

***

Из-за того, что он не мог спать в этом гомоне кашля, бормотания и стонов, исходящем от обитателей сего темного царства… из-за того, что он *не хотел* спать после того, как был окрещен слабаком, Мэтью узнал, что они идут.

Он не столько услышал, сколько почувствовал их присутствие. Ему пришло в голову, что ночью узники из других камер выйдут и начнут рыскать в поисках жертвы, и единственной причиной, по которой им так хотелось насилия,

была их собственная история: их терзания и несмываемые грехи, обглодавшие их души настолько, что находили выход только в избиении, удушении или изнасиловании кого-то слабого. Они приближались, и Мэтью чувствовал, что они группируются в темноте вокруг него, как собирались когда-то темные облака вокруг «Странницы».

Молодой человек сел на сене. Его цепи звякнули, но звук растворился в общем хоре гремящих цепей, которые спешили подать голос каждый раз, когда кто-то двигался. Его глаза не были привычны к этой темноте, но он понимал, что *их* глаза — привычны. Мэтью услышал суровое дыхание очень близко от себя. Не клокотание Уайлера, не тихий храп Гимлета и даже не резкие и мелкие глотки воздуха Дэнли. Это было дыхание легких, горящих от страсти… либо страсти к убийству, либо страсти к превосходству в самом худшем смысле этого слова.

Сколько их было? Трое? Четверо? Да, пожалуй, столько. Мэтью понятия не имел, был ли Джерриган частью этой группы, потому что помнил, что его шествие через камеры всколыхнуло всех хищников, желающих принюхаться к новой добыче. Кем бы они ни были, они подходили все ближе… и вот уже кто-то наступил на другого узника в этом тесном пространстве, заставив того отрывисто — подобно побитой собаке — взвыть от боли. Тогда Мэтью начал вставать, готовясь защищать себя, как мог, но цепи помешали ему двигаться быстро, и…

Тогда они навалились на него.

Рука сомкнулась вокруг его горла. Его тянули в разные стороны несколько пар рук. Он попытался закричать, но вышло лишь сдавленно промычать, и попытки позвать на помощь ничего не дали. Заключенный, на которого наступили, все еще жалобно скулил, чем вызвал взрыв криков, проклятий, ругательств, смешивающихся в сплошной гомон. Мэтью попытался зацепиться ногами хоть за что-нибудь, чтобы помешать протащить себя через сено и через других заключенных, но цепи, обвивающиеся вокруг лодыжек, не позволили это сделать. Кулак врезался ему в живот и моментально выбил воздух из легких. Чья-то рука зажала ему рот, другая ухватила за волосы. Кто-то поднял его над землей, как мешок с тряпьем, а другой триумфально захрюкал голосом, мало походившим на человеческий:

— Мы взяли его, мы взяли его!

Его продолжали бить, но он не собирался сдаваться. Кто-то снова ударил его рукой по лицу. Другая рука ухватила его за челюсть, которая все еще болела, и сдавила, как тиски кузнеца.

— Тише, не сопротивляйся, — зашептал чей-то голос рядом с его правым ухом. В то же время кулак врезался ему в спину, а чья-

то пара рук начала яростно стягивать с него штаны. Отчего-то Мэтью в тот момент показалось смешным то, что его хотят одновременно убить и изнасиловать. Впрочем, ни то, ни другое не предвещало для него ничего хорошего.

Он пытался бороться, но неминуемо проигрывал. Он знал, что некоторые заключенные использовали бесценные фонари, чтобы иметь возможность понаблюдать за сценой неминуемой гибели Мэтью. Вдруг ему удалось высвободить руку и — в цепях или нет — он заставил ее сражаться, направив локоть в чей-то бородатый подбородок, тут же услышав шипение боли. Это действие повлекло не очень приятную встречу со стеной: кто-то с размаху швырнул его прочь, да так, что кости его остались целыми только чудом. В свете свечей камера представляла собой мир движущихся теней. Чья-то рука вновь схватила Мэтью за волосы, и рот с потрескавшимися сухими губами прижался к его уху.

— Ну же, мальчик, будь паинькой… — прошептал он, смеясь, и смех его напоминал перекатывающуюся в чьей-то ладони горстку камней.

Его штаны спустились до бедер. Чья-то рука обвилась вокруг его живота, кулак прижался к затылку. Чувства Мэтью рассеялись, все плыло и словно тонуло в тумане и общем гомоне. Его придавили к сену, опустив на колени, и боль из-за цепей прокатилась по всей спине, в тот же момент кто-то навалился сверху, лишь усилив эту пытку. Вдруг этого человека оттолкнул другой заключенный, чтобы занять его место. Мэтью отчаянно пытался встать, но попытки были безнадежными. Оседлавший его человек захохотал и начал легонько шлепать его по спине, плечам и затылку, получая от этого какое-то извращенное, ему одному понятное удовольствие.

И вдруг… шум прекратился.

Послышался звук того, как множество легких единовременно втягивают в себя воздух.

Спина Мэтью освободилась от чужого веса. Рука выпустила его волосы из своей хватки.

Тишина продолжалась.

С огромным усилием Мэтью удалось обернуться. Его собственное дыхание было хриплым и прерывистым, лицо обливалось потом. Нападавшие стояли вокруг него, но никто из них не шевелился.

Золотистый свет свечей выхватил что-то из темноты: новый человек спускался по лестнице и входил в камеру.

Эта фигура была облачена в черный плащ с черным капюшоном, а руки скрывала пара черных кожаных перчаток. На

месте лица была золотистая маска с безмятежными чертами, на которой была вырезана борода. Даже в своем состоянии Мэтью сумел оценить, что на маске не настоящее золото, а лишь золотая краска. В голову молодого человека пришел образ римского бога, спустившегося на землю. Через глазные прорези в маске можно было прочесть историю человека, презирающего саму суть человечества.

Также фигура держала меч, блестевший в слабом свете, и он был направлен на четверых мужчин, напавших на Мэтью.

Узники в камере отступили с пути этой фигуры, как ночь отступает с пути дня, сгруппировавшись, как крысы, и уступив ему все возможное свободное пространство. Свечи в их руках дрожали.

Когда фигура продвинулась на шаг вперед, злодейский квартет вокруг Мэтью рассеялся. Молодой человек посмотрел на них и узнал только одного: мужчину со шрамом на лице, которого он днем наблюдал в ужасном насильственном акте. Теперь это лицо искажалось не только ужасным шрамом, но и страхом перед шагающей в ночи фигурой, которая каким-то образом прошла все контрольные посты, миновала все двери и замки и оказалась в самым недрах Ньюгейтской тюрьмы.

Призрак, подумал Мэтью. Но нет… он осознавал, что смотрит прямо на Альбиона.

Фигура несколько секунд стояла без движения. Затем медленным и царственным взмахом этот человек направил кончик меча на Мэтью Корбетта. Сразу же после этого четыре человека отскочили от своей неудавшейся жертвы, отметая все помыслы, которые только появились у них в стенах Ньюгейта.

Левая рука Альбиона в черной перчатке поднялась, ухватила горсть воздуха, превратившись в кулак, и прижалась к груди.

Сообщение было вполне однозначным.

Этот — принадлежит мне.

Альбион еще несколько секунд оставался на месте. Позолоченная маска древнего бога, похоже, не сводила глаз с Мэтью, голова слегка склонилась набок. И тогда фигура, продолжая держать меч поднятым, вдруг начала отступать. Фантом поднялся по ступеням с неизменной грацией фехтовальщика. Под аркой он замедлился. Лицо в маске изучило молчаливое собрание, предупреждая любого, кто осмелился бы за ним последовать. Никто не двигался. Альбион отступил дальше, пропав из пределов досягаемости свечи. Последний отблеск от лезвия меча мелькнул на стене, а затем исчез.

Долгое время в секции Каир никто, казалось, не мог дышать.

— Чтоб мне провалиться! — воскликнул кто-то, нарушая

тишину.

Два самых смелых — или глупых — узника вышли в коридор со свечами за Альбионом, хотя они явно не спешили. Четверо нападавших на Мэтью попятились к стене. Молодой человек сквозь боль поднялся на ноги и натянул штаны обратно. Как только он столкнулся взглядами с молодым мужчиной с обезображенным лицом, тот сразу же посмотрел в сторону, с явным трудом подавив свои злые намерения.

— *Чтоб мне провалиться!* — снова повторил человек.

— Вы знаете, кто это был, — произнес узник с больными глазами, обращаясь ко всем. — Я хочу сказать, *что* это было! Альбион явился прямиком в Ньюгейтскую тюрьму, это был чертов призрак! Господи, вырви мне глаза, если они обманули меня!

У Мэтью все еще звенело в голове после пережитых ударов, мозг был затуманен, но даже при этом он понял, что копии «Булавки», похоже, регулярно попадают сюда, когда узники могут это себе позволить.

Молодой человек пошатнулся, схватился за стену и тут же понял, что угодил рукой в плесень. Его вот-вот могли покинуть последние резервы сил.

— Альбион стоял прямо здесь, в Ньюгейте! — человек с мутными глазами нашел Мэтью. — Я знаю, что он говорил тебе! Он хотел сказать, что как только ты выйдешь отсюда, он убьет тебя, как убил остальных, кто покинул свои клетки!

Эти слова вызвали волну согласного ропота.

— Ты ошибаешься! — заговорил Уинн Уайлер. — Альбион предупредил, чтобы мальчику не причиняли вреда! — это мнение также встретило ответный гомон голосов. — Думаю, вы должны всерьез об этом задуматься! — сказал он, обратившись к четырем нападавшим, один из которых явно принадлежал к секции Хельсинки и теперь, после появления здесь Альбиона, этот человек не был уверен, что хочет возвращаться тем же коридором назад.

— Он говорил, что собирается убить этого парня, если тот выберется отсюда! — тут же заспорил кто-то.

— Я прекрасно знаю, что это было предупреждением для каждого человека здесь! — не унимался Уайлер. — Зачем, Дьявол его забери, Альбион проник в Ньюгейт, чтобы просто сказать, что убьет кого-то снаружи?! Он даже не знает, суждено ли мальчику отсюда выйти!

— Он знает это, ясно? — ответил серобородый негодяй, держащий свечу. — Альбион не человек… он *все* знает! И он перережет этому парню глотку или пронзит его насквозь, как только он покинет Ньюгейт!

Кто-то соглашался с этим, а кто-то поддерживал точку зрения Уайлера. Мэтью старался не терять рассудок, и, цепляясь за него, понимал, что вскоре обитатели камеры разделятся на два противоборствующих лагеря и, возможно, всерьез разругаются. Однако по-настоящему сейчас молодого человека заботило то, что он был все еще жив, цел и относительно невредим, и четверо гадких злодеев, напавших на него, испуганно отползали в угол и скрывали свои лица в тени.

Люди, которые вышли в извилистый коридор, вернулись с пятью другими обитателями ближайшей камеры.

— Там никого, — сказал человек, держащий фонарь. — В Хельсинки слышали шум… но не видели никого, кто бы прошел мимо.

— Альбион — гребаный призрак! — воскликнул кто-то в камере. — Его не поймать!

— Он может быть духом, — ответил человек, который набил свою трубку и теперь поджигал ее от пламени свечи. — Но его меч вполне реален. Скольких он убил, Симмс?

— Шестерых или больше, — проскрипел узник, который, как понял Мэтью, имел возможность получить снаружи «Булавку», и именно через него новости доходили до всех остальных. — Будет семь точно, когда эта несчастная душа выберется на свободу.

— Это не то, что Альбион *имел в виду!* — настаивал Уайлер с нескрываемым раздражением. Он искал взглядом кого-то в толпе и, наконец, нашел его — прижавшимся к стене и пытающимся прикинуться собственной тенью. — Джерриган! Ты-то сохранил остатки разума! Что ты скажешь?

Матереубийца с половиной носа ничего не сказал, но другие продолжали выжидающе смотреть на него. Мэтью осознал, что у этого человека, похоже, был некоторый авторитет среди этого сброда. Наконец, настал момент, когда Джерриган ответил на все, но прежде чем сделать это, он подошел к Мэтью, и его голова опустилась, словно от тяжелых раздумий.

Он остановился перед молодым человеком и протянул ту пару ботинок, которые отобрал у него для своего выигрыша в карты.

— Возьми их, они твои, — сказал он. — Я чист перед тобой.

Затем он повернулся к Уайлеру и остальным.

— Я не знаю, что пытался сказать Альбион, но я знаю, что я не хочу становиться частью этого. Я не хочу, чтобы меч перехватил мне горло посреди ночи, нет уж! — его полные страха глаза вернулись к Мэтью, который принял назад свою обувь и теперь собирался обуться.

— Мы квиты, верно? — спросил Джерриган тоном

маленького ребенка, которому требовалась поддержка. — Скажи, что мы квиты.

— Мы квиты, — ответил Мэтью еще более хриплым голосом, чем Симмс.

— *Квиты* мы! — прокричал Джерриган на весь коридор, чтобы человек в позолоченной маске — или призрак — мог услышать его с такого расстояния. — Турк Джерриган делает свои дела и никому не причиняет никакого вреда!

— Приятно слышать, — сказал Мэтью, хотя в ушах его все еще звенело от полученных ударов.

Чтобы дополнить свое отпущение, Джерриган хлопнул Мэтью по плечу, как если бы они были близкими друзьями и ели хлеб с одной буханки. Мэтью на мгновение подумал, что Джерриган собирается обнять его, однако тот не стал этого делать, а повернулся к четверым злодеям, напавшим на него.

— Вы все! — проворчал он. — Позор на ваши головы! Особенно на твою, Иона Фалкнер! У тебя жена и трое детей там, снаружи!

— Две жены и пятеро детей, — поправил человек по имени Иона Фалкнер.

— Аххххх, Дьявол со всеми вами! — Джерриган махнул рукой на группу этих людей с нескрываемым отвращением, и особенно исказилось его лицо при виде человека с изуродованным шрамом лицом, когда этот худосочный заключенный попытался выйти из камеры, а Фалкнер и остальные уже расходились по местам.

— Позволь помочь тебе, — сказал Старая Победа, внезапно возникнув рядом с Мэтью, и извращенно облизнул губы, но Мэтью хватило сил и здравого смысла, чтобы отказаться. С ботинками в руке он вернулся на свое место на сене. Люди расступались перед ним, другие же, видя, как он болезненно морщится, готовы были прийти на помощь, но медлили, бросая испуганные взгляды на коридор.

Но если Альбион там и был, он не появился снова.

Уснуть в эту ночь было невозможно. Мэтью снова надел свои ботинки, потому что этот предмет — единственное, что связывало его с внешним миром. Разговоры все продолжались, ощущение времени полностью потерялось, потому что время здесь не имело значения — его определяли только по догорающим свечам.

— Я все еще уверен, что Альбион его пометил! — сказал пучеглазый узник, чье имя Мэтью не расслышал.

— Пометил его для защиты от таких, как вы, — ответил Уайлер. Он сконцентрировал внимание на Мэтью, который устало потирал синяки на шее. Боль в челюсти и ушибленных костях была ужасной, и он чувствовал, что вот-вот может упасть в

обморок, однако образ Альбиона все еще ярко стоял в его голове. Уайлер понизил голос до шепота и спросил: — Что ты сделал там, наверху, чтобы перейти дорогу Альбиону?

— Не имею ни малейшего понятия.

— Вся тюрьма будет знать об этом к рассвету! Возможно, это даже поможет нам раздобыть немного клятой кормежки, — их секция была пропущена этим вечером, столовая была уже пуста. Лицо Уайлера просветлело. — Можем стать теми, кого здесь называют *знаменитториями*.

— Знаменитостями, — поправил Мэтью. Его глаза продолжали смотреть вперед, в коридор, который скрывался во тьме, потому что слабый свет свечей до него не дотягивался. Да и узники старались не подбираться туда со своими фонарями, потому что боялись вновь натолкнуться на призрачную фигуру.

— Да, точно. Ну… говоря по правде, я не знаю, враг тебе Альбион или друг, но стоит прокатиться на этой лошадке, раз уж оседлал ее.

Мэтью кивнул. Весь этот эпизод стал казаться ему кошмарным сном. Что на самом деле он такого сделал, чтобы привлечь к своей персоне внимание Альбиона, он ведь в Лондоне всего несколько дней, и все это время провел в заключении? И главный вопрос: *кто такой этот Альбион, черт его побери?* Не говоря уже о том, как он умудрился пробраться в недра Ньюгейтской тюрьмы — такой трюк нелегок даже для призрака.

— Господи, мне только что пришла в голову мысль! — сказал Уайлер, и его волнение усилилось. — Мы могли бы сделать заявление об этом для «Булавки»!

Затем он лег на матрас и уставился на треснувшие камни над головой, прислушавшись к тому, как умолкает общий гомон. Две свечи уже догорели и теперь зашипели. Уайлера вновь разобрал приступ кашля, он сплюнул кровью и посмотрел на красное пятнышко на своей руке. Затем вдруг слизал кровь со своей ладони, как будто не желал оставлять этому месту ни единой частички себя.

Мэтью лежал на боку на сене. Он понял, сколько всего произошло с тех пор, как он покинул Нью-Йорк, начиная с этого проклятого бала Дамоклова Меча в Чарльз-Тауне, и понял, что если будет думать об этом слишком много, то попросту потеряет рассудок. Агентство «Герральд»… Берри… Хадсон… его друзья в Нью-Йорке… все, что он пережил, все, через что прошел, не сломило его, и он не позволит себе сгинуть от лезвия меча какого-то замаскированного маньяка, который указал на него в жесте дружбы или вражды. Это было слишком для его разума, который и так был травмирован чересчур много раз за это долгое

путешествие…

В какой-то момент он побоялся, что расплачется прямо здесь, в этом логове преступников, но сдержался, понимая, как будет тогда выглядеть.

Шесть месяцев в этом Аду? Как же ему выдержать хотя бы день?

Он услышал рыдания. Сначала молодой человек подумал, что это плачет он сам, и был так встревожен этим, что сжался в комок и прижал колени к подбородку.

Но это был не он — осознание этого пришло еще через минуту. Это был какой-то другой заключенный в соседней камере. Кто-то, кто, похоже, тосковал по своей семье в этих стенах и у кого была причина оставаться здесь многие годы или провести здесь оставшуюся часть жизни.

И все же Мэтью продолжал зажимать себе рот, чтобы не расплакаться. На всякий случай.

Глава тринадцатая

— Мэтью Корбетт! Тащи свою задницу сюда!

Наглый окрик принадлежал стражу Боудри, который стоял под аркой в своей кожаной треуголке, сильно наклоненной набок, и со своей опасной дубинкой, обклеенной битым стеклом. Одним плечом он вальяжно привалился к стене. Позади него маячил второй стражник — худой вытянутый человек, которого Мэтью прежде не встречал за все три дня, проведенные в Ньюгейте.

— Когда зовет *этот*, лучше двигаться быстро, — посоветовал Уайлер, и Мэтью заставил себя подняться. Цепи при этом показались только тяжелее, хотя, возможно, дело было в том, что его рацион теперь состоял из жидкой коричневой кашицы и куска кукурузного хлеба в день. Впрочем, питательности добавляло то, что в кукурузном хлебе можно было найти множество долгоносиков. Уайлер решил, что так, пожалуй, даже лучше, и Мэтью волей-неволей пришлось с ним согласиться, ибо ничего другого все равно не предлагалось. Мэтью попробовал местную воду, его тут же вырвало ею. Попробовал снова — на этот раз от невыносимой жажды, и теперь просто старался не думать о том, что плавает у него внутри.

— Пошевеливайся, рыбья наживка! Я тут состариться успею, пока ты дойдешь!

Мэтью прошел по ступеням туда, где его ожидали двое охранников. Он прекрасно знал, что за ним наблюдают — в последние два дня после появления Альбиона за ним наблюдали постоянно, а также перешептывались и глядели с опаской. Никто не знал, что нужно было сделать этому молодому человеку, чтобы привлечь внимание Альбиона, но новость о том, что он его привлек, уже распространилась по всему Ньюгейту, хотя ни Боудри, ни кто-либо другой из местных стражей об этом не упоминал. Возможно, они придерживались политики умышленного игнорирования или незнания.

— Шевелись! — Боудри толкнул Мэтью, когда он того не ожидал. Мэтью прошагал по запутанному коридору, минуя арку Будапешта. Они подошли к лестнице, ведущей к тяжелой железной двери.

— Стой, — скомандовал Боудри, и Мэтью послушался.

Послышался металлический лязг связки ключей, которая была практически музыкой для ушей молодого человека — пусть и музыкой весьма грубой.

— То, что они заставляют меня тут делать, — проворчал

Боудри, когда один из ключей скользнул в замочную скважину. Послышался щелчок. — Недостойно такого мусора, как этот, — он отдал ключи второму стражнику. — Больно много чести!

Второй страж, вызволив запястья узника, тоже пробормотал какую-то жалобу, однако наклонился, чтобы освободить лодыжки Мэтью от цепей. Когда ноги были освобождены, второй охранник перекинул цепи через плечо, пока молодой человек потирал уставшие запястья.

— За тебя заплатили взнос, — сказал Боудри. — Но если ты сделаешь что-то, что даст повод снова тебя заковать, мы не помедлим с этим.

— Заплатили взнос? — Мэтью почувствовал себя так, будто его мозг стал здесь бесполезным, как брусок мыла. — Кто заплатил?

— Поднимайся по лестнице, — Боудри не ответил на вопрос, а лишь толкнул Мэтью своей злой дубинкой. Затем он взял ключи у другого охранника и провел заключенного через тяжелую железную дверь. — Иди, мы за тобой, — сказал он, но на этот раз обошелся без толчка, только лишь обжег Мэтью взглядом. Молодой человек до сих пор ходил сгорбленно — по привычке.

— То, что они заставляют меня делать… — повторил стражник, покачав головой, затем развернулся к своему компаньону, поднимавшемуся следом, и запер дверь с другой стороны, когда тот поравнялся с ними. — Отвратительно.

— Мистер Корбетт, — прозвучал голос. Имя было произнесено с уважением.

Мэтью повернулся налево. В коридоре, идентичном тому, что был уровнем ниже, стоял человек с высокой шапкой кучерявых темно-каштановых волос, которые не обязательно были париком — трудно было сказать на первый взгляд наверняка. Он был одет в винно-красный костюм, отделанный узором из золотых нитей.

— Меня зовут Даниэль Дефо, — сказал он. — Не доставите ли вы мне удовольствие своей компанией?

— Ну… я… — только и сумел пролепетать Мэтью.

— Обещаю, что вам не причинят вреда. Моя зона находится дальше по коридору. Пройдемте?

Мэтью принял приглашение Дефо. Это был высокий человек, но некрепкий на вид. Возраст, возможно, только недавно миновал четвертый десяток. У Дефо было длинное узкое лицо с тонкими чертами и умные темно-карие глаза, которые с интересом изучали Мэтью. Этот человек был чисто выбрит и пребывал в состоянии, слишком хорошем для этого места, которое способно разрушить здоровье в два счета.

— Прошу простить, — сказал Мэтью. — Но могу я спросить, в

чем дело?

Дефо едва заметно улыбнулся, что смотрелось странно и даже *неловко* на его лице, которое было явно создано только для самых серьезных мин.

— В человеческом положении, — сказал он. Несколько других заключенных — очень хорошо одетых и чистых по сравнению с чернью с нижних уровней, посмотрели на него из-за железных прутьев камер. Один из них сидел и курил трубку, изучая шествующих.

— Это он, Даниэль? — спросил узник, убрав трубку изо рта.

— Да, он, — ответил Дефо. — Пожалуйста, мистер Корбетт… проходите, здесь мы можем рассчитывать на приватную беседу.

Он кивнул налево.

Мэтью сгорал от любопытства. Он всегда думал, что любопытство его погубит, но на данный момент оно просто наслаждалось тем, что скоро будет удовлетворено. Молодой человек последовал за Дефо через открытую дверь, минуя другие, и затем, следуя пригласительному жесту, оказался в комнате если и не полностью равной по условиям номеру в «Док-Хауз-Инн» в Нью-Йорке, то совершенно точно являющейся королевскими хоромами в сравнении с Каиром.

В распоряжении этого человека был письменный стол с кожаным креслом, второй кожаный стул предназначался для посетителей. Также здесь наличествовала настоящая кровать с реальным постельным бельем и подушкой. На полу вместо грязного сена был красный ковер. На комоде стояла горящая свеча, кувшин с водой и небольшое зеркало. Маленькая полка на стене содержала с десяток книг. По сравнению со всеми помещениями, в которых Мэтью оказывался за последние три дня, это — было настоящим Раем. А еще в комнате имелось окно, через которые можно было видеть медленно движущиеся облака черного дыма из котельных, которые чем-то напомнили Мэтью злые щупальца осьминога Профессора Фэлла. И неважно, что на стенах в камере Дефо тоже была плесень, а также здесь было немногим теплее, чем в Каире — все равно, здесь можно было жить в относительном комфорте.

Мэтью не перестал удивляться, когда Дефо извлек из кармана своего костюма ключ и самостоятельно запер дверь.

— Теперь приватность гарантирована, — сказал он. — Прошу, садитесь. Ах… я полагаю, вы не отказались бы от чашки чистой воды? Я говорю *чистой*, но все же не забывайте, где мы находимся.

Мэтью сел.

Боже! — подумал он, понимая, что почти забыл, какими

удобными могут быть стулья. Это было для него слишком, поэтому ему пришлось подняться снова, чтобы попросту не потерять сознание.

Дефо налил из кувшина воды и предложил своему гостю.

— Я хотел бы предложить вам хорошего красного вина, но, боюсь, придется подождать другого раза, — он сам сел в кресло у письменного стола. — У нас есть полтора часа, их отмерят по свече. Я попросил два, мне предложили один, поэтому пришлось сторговаться до полутора. Итак, — сказал он, и глаза его с интересом загорелись. — Расскажите мне о себе.

Мэтью осушил чашку. Вода была не совсем чистая, но явно была привезена из-за тюремных стен и не пахла так, будто в ней вымачивали дохлую лошадь несколько дней, как было в каирской бочке.

— Оххх… как хорошо!

— Хотите еще?

— Чуть позже, благодарю. Никогда не думал, что обычная вода может опьянить, — молодой человек отставил чашку в сторону и снова оглядел эти сказочные хоромы. — Я так понимаю, это вы заплатили за то, чтобы мне сняли цепи?

— Я. Я поинтересовался, закованы ли вы в них, и мне ответили положительно. У меня есть кое-какие деньги, и я решил, что такая блажь стоит того, чтобы на нее потратиться.

— Премного благодарен вам, сэр, но… скажите мне… что все это значит? Я имею в виду… это так…

— Неожиданно? — брови Дефо поползли вверх. — Разумеется. Вы знаете, что часть Ньюгейта не управляется продажными стражами, которые забывают свое место. Есть заключенные, которые могут позволить себе купить место, получить немного уединения, немного… скажем так, *уважения* здесь. Деньги позволяют это, а местные власти *поощряют*. Сам я далек от того, чтобы слыть богачом, но у меня есть влиятельные знакомые. К несчастью, влиятельные недостаточно, чтобы заплатить долг, который бы простил мне подстрекательство к восстанию против Короны, но *здесь* — мне удалось устроиться с максимальным комфортом.

— А чем вы занимаетесь?

— Я писатель. Путешественник. *Мыслитель*. Философ в вопросах равновесия добра и зла в этом мире. Такие занятия не позволяют мне греться в лучах золота, но я доволен своим положением. Теперь ваша очередь. Я хотел бы знать вашу историю, знать, почему вы здесь и, следовательно, почему Альбион решил посетить вас в тюрьме Ньюгейт, чего, насколько я знаю, никогда не случалось раньше.

— Ох… — выдохнул Мэтью, нахмурившись. — Это…

— Разумеется, *это*! Ох, как Лорд Паффери хотел бы заполучить это для своей газеты!

— Лорд Паффери, — повторил Мэтью. — И печатник по имени Сэмюэль Лютер?

— Я никогда его не встречал и не знаю никого, кто встречал бы, — Дефо выжидающе соединил подушечки пальцев. — Меня не удивит, если эта новость появится в следующем выпуске «Булавки». Уверен, кто-то из тюрьмы уже рассказал Лорду Паффери все в подробностях, и история будет приукрашена и подана соответственно. Хотя, должен сказать, что внешний вид Альбиона с этой кучей золота… как его расписывают… не нуждается в приукрашивании, чтобы и без того выглядеть фантастически. Он, я так понимаю, появился лишь на миг? Указал своим мечом на вас и движением обозначил угрозу?

— Кто-то говорит, что угрозу. Другие говорят, что он таким образом сообщил, что я под его защитой от… ну… вы знаете… от других.

— Его методы действенны, — сказал Дефо. — Но до сих пор он славился тем, что убивал бывших преступников после того, как те выходили из тюрьмы. Уже шестерых убил. Все они были людьми с плохой репутацией, но смогли освободиться от наказания силой своих адвокатов, которые пошли на уловки, — он снова одарил гостя намеком на улыбку. — У вас есть способный и хитрый адвокат, Мэтью?

— Совершенно точно нет. Единственный друг, который у меня есть в Лондоне — человек, который ненавидел меня в Нью-Йорке.

— Нью-Йорк? Думаю, самое время начать историю. Расскажите мне все.

С чего начать? — спросил Мэтью самого себя. — С начала, разумеется.

Пока молодой человек рассказывал историю, начиная со своей работы клерком магистрата Айзека Вудворда, упокой Господь его душу, свет, проникающий через окно, переместился. Неизменными остались столбы дыма из котельных, выплевывающих пламенные ритмы на уже кипящие улицы города. Шум Лондона походил на низкий гул, перемежающийся звуком лошадиных копыт и скрипом колес повозок за опущенными решетчатыми воротами Ньюгейта. Мэтью не упустил ни одной детали рассказа о Королеве Бедлама, как не стал воздерживаться и от подробностей дела с колбасками миссис Такк в его расследовании по делу Тирануса Слотера. Он в красках описал Остров Маятник и логово Профессора Фэлла, а затем поведал

печальную историю о своей поездке в Чарльз-Таун, которая должна была стать пустяковым делом, но закончилась она потерей памяти, смертью Куинн Тейт и его попаданием в плен к графу Дальгрену. Кратко молодой человек описал то, что происходило на борту «Странницы», признался в том, что действительно совершил убийство, а затем — поведал о довольно горьком итоге, который подвел судья Арчер, что и привело молодого решателя проблем в это место.

Свет из окна посерел. Облака уплотнились дымом, и за решеткой снова полил дождь. Шум от него приглушался тяжелым сердцебиением Лондона.

— Могу я попросить еще чашку воды? — спросил Мэтью. Даниэль Дефо, похоже, был ошеломлен: его рот был полуоткрыт, и он смотрел на Мэтью так же, как он сам смотрел на камеру в Плимуте, в которой оказался по прибытии в Англию.

— О… да, конечно. Берите, сколько хотите. Угощайтесь, — он посмотрел, как Мэтью наливает себе воду из кувшина. — Вы весьма занятный молодой человек, — заключил он с интересом. — Сколько вам лет?

— Двадцать четыре, но последнее время я чувствую себя на сорок два.

— Сорок два — это практически мой возраст, — сказал писатель. — Я только недавно его пересек. Цените вашу юность и вашу бодрость. Ваш рассказ… ваша история… она удивительная, Мэтью. Разумеется, я слышал об агентстве «Герральд», правда никогда не нуждался в их услугах. А Профессор Фэлл… я слышал это имя, но думал, что это просто миф, которым пугают маленьких детей, когда они плохо себя ведут.

— В таком случае он — самый реалистичный миф, который я когда-либо видел. Интересно… Арчер тоже полагал Профессора выдумкой. Я думаю, за свою карьеру он мог при этом даже судить кого-то из приспешников Фэлла.

— Судьи — это, в первую очередь, люди. Иногда они предпочитают не замечать правды, потому что не имеют никаких возможностей изменить ее. Я просто надеюсь, что моя собственная ситуация переменится к лучшему. Мне выпало несчастье попасть на слушание к судье Салафиэлю Ловеллу, который вырезан из еще более грубой и упрямой ткани, чем Арчер. И вот мы с вами оба здесь, на этом острове, состоящем из обломков кораблей наших жизней и островков надежды. Но скажите мне… у вас есть хоть малейшие представления о том, почему Альбион полагает вас важным человеком?

— Ни одного. Основной вопрос в том… как он попал в Ньюгейт? И… возможно, он *все еще* находится здесь — кто-то из

стражников или узников? Возможно, это кто-то, у кого представления о правде и законности несколько деформированы, и он решил, что эти шестеро освобожденных не должны разгуливать на свободе ни при каких обстоятельствах? Проблема этого сценария заключается в том, — сказал Мэтью. — Что не все шестеро заключенных, убитых Альбионом, отбывали свой срок в Ньюгейте. На самом деле, я не знаю, был ли *хоть кто-то* из них заключен здесь, но я точно знаю, что один был недавно отпущен из тюрьмы Святого Петра.

— Хм… — протянул Дефо с легким кивком. — Вы не в том состоянии сейчас, чтобы решать такие проблемы, не правда ли? Но, гляжу, что остановиться и не думать об этом вы не можете.

— Моя природа иногда вызывает у меня сожаления, но да, это так. Что бы я по-настоящему хотел узнать, так это то, была ли какая-то связь между всеми шестью убитыми? Были ли они освобождены по одному и тому же поводу? Быть может, у них был один и тот же адвокат? Или приговор выносил один и тот же судья? Альбион устроил себе огромные неприятности, вырядившись в эту золотую раскрашенную маску. Он совершенно не стесняется, привлекая внимание. Поэтому… интересно, в чем его цель и какова его история?

— Повесть о горе и безумии, я уверен. Если только Лорд Паффери сам не нанял убийцу и ночного палача, чтобы обеспечить себе доход. Читатели заглатывают эти истории с аппетитом.

— Возможно, это история горя, — согласился Мэтью, глядя на капли дождя, струящиеся по стеклу. — А вот безумия… возможно, и нет. Похоже, что у него есть какой-то четкий план… и я каким-то образом оказался в нем замешан. Я не думаю, что Лорду Паффери есть дело *до меня,* — он повернулся и полностью сосредоточился на хозяине комнаты. — Вы говорите, вы писатель? И вы попали сюда за подстрекательство к мятежу?

— Я написал политический памфлет, который не оценила Корона, — сказал Дефо. — Я хотел лишь пустить ветер обсуждения, но вместо этого всколыхнул бурю, которая едва не изжарила меня самого. Но я думаю, со временем я выберусь из этого затруднительного положения, — на его лице собрались мелкие морщинки, когда он договаривал эти слова. — Лучше быть заключенным тюрьмы Ньюгейт, чем тюрьмы невежества, — хмыкнул он. — Некоторые тюрьмы являются клетками для души, и именно они — наиболее жестоки.

— Согласен. К сожалению, и сама жизнь иногда может обладать жестокой душой.

— Ах! — воскликнул Дефо. Его улыбка стала шире. — Мне

это понравилось, Мэтью! То, как это звучит: *жестокая душа самой жизни,* — повторил он. — Я найду, где это использовать… когда-нибудь, — его улыбка угасла. — Знаете, я ведь не единственный человек пера в этих стенах. Как быстро может подняться и упасть чья-то звезда… но это ведь человеческая природа, не так ли? Здесь есть по-настоящему великие интеллектуалы, запертые в проклятье и прозябающие в бесполезности. Просто навскидку… Эдмунд Криспин, Томас Лав Пикок, Питер Гринавэй, Чарльз Годфри Леланд, Роланд Фирбанк, Макс Эрлих…. все заперты, все забыты и лишены будущего. Как и я буду лишен когда-нибудь… и вы…. и все, кто жил, дышал и боролся за право быть услышанным… быть *узнанным*. Но я думаю, что, если человек сделал себе славу хоть на какое-то время… если его можно узнать, если он был признан душами, обитавшими на земле, и принес кому-то минуты размышления или радости… значит, его жизнь была прожита не зря, — он грустными глазами воззрился на Мэтью. — Вы так не считаете?

— Да, — кивнул он. — Считаю.

— А вы ведь действительно герой, — сказал Дефо, и печаль испарилась с его лица так же быстро, как появилась. Он оценил, сколько осталось времени, по свече и понял, что его совсем мало. — Я получил огромное удовольствие от нашей беседы. Будьте уверены, я продолжу платить взносы за то, чтобы на вас не надевали цепи. Жаль, что у меня не так много денег на такие траты. Как я сказал, не я сам, а мои друзья уберегают меня от подземелья.

— Я понимаю. Спасибо вам большое за то, что вы сделали. Я надеюсь, в один прекрасный день я сумею отплатить вам сторицей.

— Вы уже отплатили! Тем, что умеете так *думать,* и тем, что позволили мне узнать вашу историю. Это очень вдохновляет, и я удивлен, что вы не погибли от рук кого-то из этих ужасных людей, с которыми сталкивались лицом к лицу!

— Я думаю, мне просто везло, — ответил Мэтью. — До сих пор, то есть.

Дефо поднялся на ноги. Мэтью понял, что пора ему возвращаться на нижний уровень.

— Стражи скоро будут у дверей, — сказал писатель. — Я прогуляюсь с вами.

У железной двери, пока они ждали, Мэтью решил спросить о слове, которое привлекло его внимание во время разговора.

— Вы упомянули о подземелье. Я видел несколько лестниц, ведущих вниз. Кого там держат?

— Узников, которые напали на стражей, или тех, кто безумен

и опасен.

— Настолько безумен и опасен, что *не стал* нападать на охранников? — хмыкнул Мэтью.

— Здесь это хорошо различают, — отозвался Дефо. — Но как знать! Еще там держат в последние две недели тех, кого должны повесить. У них из еды только паек из хлеба и воды.

— Своего рода проводы, верно? — сказал Мэтью саркастично. — Но скажите мне вот, что… если знаете… там внизу занята каждая камера?

— Я не знаю. А почему вы спрашиваете?

— Мне интересно… если Альбион — не один из стражей или служащих тюрьмы — а ведь он, определенно, не призрак, который способен проходить сквозь твердые стены — возможно, это человек, который нашел другой вход в Ньюгейт. Могу представить, какие сети простираются под этими старыми зданиями!

— О да! На деле там содержат многих. Но в основном нищих.

— Альбион может быть нищим при свете дня, но мстителем ночью. Или, как минимум, он может выдавать себя за нищего. Я просто интересуюсь, есть ли в подземельях пустые камеры, в которых можно недосчитаться нескольких камней… которых достаточно, чтобы сделать щель, куда способно пролезть тело.

— Даже если б это было правдой, откуда бы Альбион об этом узнал? И как он попал бы в *ту самую* камеру, в которой не хватает камней? Он запросто мог угодить в камеру к какому-нибудь безумцу, с которым и меч-то не справится.

— Хороший вопрос и хорошее наблюдение, — сказал Мэтью. — И это снова наводит на мысль, что у Альбиона есть конкретные сведения о Ньюгейте… или нужные связи здесь.

Дефо спросил:

— Вы ведь знаете значение слова «Альбион», верно?

— Нет, не знаю.

- «Альбион» — это древнее название Англии. Так ее называли еще древние греки за шесть столетий до рождения Христа. Также это является отсылкой к некоей силе — огромной силе, — которая наречена была защищать Англию от зла. Кем бы ни был Альбион, у него есть определенный вкус, и это имя придает ему драматичности. Ах, вот и свет. Кто-то идет. Я могу сказать, что, судя по шагам… это Парментер, не Массенджилл или Боудри. Последних двоих лучше избегать по возможности. Добрый день! — последнее было обращено к стражу, поднимающемуся по лестнице.

— Добрый, если ты — болотная лягушка, — проворчал Парментер, вокруг которого образовался желтый круг от света

фонаря. — Отойдите, — когда узники повиновались, он начал открывать дверь.

— Спасибо, что пришли повидаться со мной, — сказал Дефо, обратившись к Мэтью. — Вы дали мне пищу для размышления, — он протянул молодому человеку руку, и тот пожал ее. — Надеюсь, у вас все сложится хорошо.

— И у вас, сэр.

— Давай, пошли, — сказал Парментер с угрюмым видом. — Время бесед окончено.

По дороге в секцию Мэтью, пока они двигались по запутанному коридору, спросил:

— Не знаете, все ли клетки в подземелье заняты?

— Зачем тебе? Хочешь угодить в одну из них?

— Нет. Мистер Дефо рассказывал мне об узниках, которых там держат. О тех, кто может создать… гм… проблемы. Мне просто стало любопытно.

— Надо же.

Они прошли чуть дальше. Мэтью следовал за стражем. Несколько секунд прошло, прежде чем решатель проблем попытал удачу снова:

— Так все ли камеры в подземелье заняты?

— Несколько пустуют. Я могу устроить так, что ты увидишь их своими глазами и проведешь там парочку милых ночей в темноте и одиночестве.

— Я вполне в состоянии использовать мое воображение. Но еще один момент: есть ли запертая дверь, которую нужно миновать, чтобы достичь тех камер?

— Пройти под аркой через маленький мостик, под который сливают дерьмо. Дальше окажешься у двери. Уверен, что не хочешь сам посмотреть? Там удивительно сладостный запашок, знаешь ли.

— Уверен, так и есть, — сказал Мэтью. Он сложил воедино все известные факты и пришел к еще одному вопросу. — А как долго вы работаете здесь?

— Похоже, что всю жизнь. Это место прирастает к тебе. Я здесь уже восемь лет… в следующем месяце будет, точнее. И не знаю, гордиться этим, или нет.

Мэтью был благодарен хотя бы за то, что Парментер вел себя, как человек цивилизованный. Он мог представить, как на подобные вопросы отвечал бы Боудри.

— А за восемь лет вашей работы кто-нибудь сбегал отсюда?

— Двое, насколько я помню. И одного из них поймали час спустя. Двое — это не так много по сравнению с тем, как много человек провело здесь свой срок до конца, так что… эй, черт тебя

побери, погоди-ка минутку! — он отвесил Мэтью неслабый удар по затылку. — У тебя нет никакого права расспрашивать меня о таком!

— Приношу извинения. Я забыл свое место, — ответил Мэтью. Они прошли по лестнице вниз. — Но еще одно, пожалуйста: хотя бы один из этих двоих сбежал из *подземелья*?

— Прикуси язык, Корбетт, — последовал жесткий ответ. — Больше я отвечать не буду.

— Как скажете. Но это печально, потому что я собирался предложить вам кое-какую информацию взамен. Я собирался задать вопрос, и, получив ответ, рассказать вам, что я видел, взглянув в лицо Альбиона. Об этом *я никому* не говорил.

Впереди посреди коридора на спине лежало тело. Парментер остановился, чтобы посветить на исхудавшего узника. Он отвесил человеку быстрый пинок в ребра, и тот застонал, перевернувшись на бок.

— Поднимайся, Эддингс! — скомандовал Парментер. — Если я вернусь и застану тебя тут, тебе всыплют плетей! — он переступил через тело узника и продолжил путь. Мэтью пришлось сделать то же. Парментер возобновил диалог. — У Альбиона нет лица. Он носит маску. Так или иначе, начальник тюрьмы сказал нам, что мы не должны это обсуждать.

— Жаль, — у Мэтью было чувство, что раковина Парментера была не такой уж крепкой и могла треснуть в одном из своих слабых углов и суставов. — А меня так тянуло поделиться этим с кем-то. Уверен, «Булавка» нашла бы эту информацию крайне интригующей.

— У тебя ничего нет. И я не знаю, что означает это причудливое слово, которое ты только что сказал.

— Оно означает, что, скорее всего, Лорд Паффери неплохо заплатил бы за мою информацию. Не меньше гинеи, я бы сказал.

Парментер не ответил.

Они приблизились к арке Каира. По подсчетам Мэтью оставалось еще пару раз повернуть по коридору, прежде чем они достигнут камеры. Вода капала с треснувшего потолка и сбегала вниз по каменным стенам, образуя грязные лужи под ногами.

Внезапно перед глазами Мэтью возникла рука и ухватила его за ворот тюремной рубашки. Парментер был сильнее, чем казался — или Мэтью просто настолько ослабел от нехватки еды — потому что молодой человек вынужденно замер и не смог двинуться. Парментер оттолкнул Мэтью к правой стене коридора.

— Слушай сюда, — страж поднял свой фонарь так, чтобы полностью осветить лицо узника. — Мне не нравится твой способ заговаривать мне зубы.

Плечо Мэтью отдалось тупой болью в том месте, где он столкнулся со стеной, но это было лучше, чем удар дубинкой, которая оставалась на месте — привязанной к поясу охранника на кожаном шнуре.

— Простите, — сказал Мэтью. — Давайте забудем эту дискуссию. Этот… *разговор,* — он решил подобрать слово попроще. — Хорошо?

Парментер проигнорировал вопрос.

— У меня тоже есть, что у тебя спросить, — он понизил голос почти до шепота, хотя они были в коридоре одни. — Что за дела у тебя с Альбионом? Он никогда раньше своими призрачными ботинками сюда не захаживал. Что ты натворил там, снаружи, чтобы привести его сюда?

— Ничего такого, о чем бы я мог подумать.

— Ты убил кого-то? Ему нет дела до убийц.

— А что с его предыдущими шестью жертвами? Они не были убийцами?

— Не-е. Ну… двое убили. Что до остальных четверых… двое из них были хулиганами, один взломщиком, и еще один похитителем собак.

Мэтью кивнул. Парментер описывал двух убийц, двух обыкновенных головорезов по найму, взломщика и вора, похищающего собак, а после разделывающего их на шкуры для скорняков. Что ж, молодой человек решил попытать удачу и понадеялся, что колесо Фортуны выкинет ему счастливое число.

— Один из тех, кто пытался сбежать из Ньюгейта, все-таки содержался в подземелье?

Парментер посмотрел налево, затем направо, словно боясь, что их кто-то подслушивает. Затем снова перевел взгляд на лицо Мэтью.

— Сначала расскажешь *ты.* Что у тебя есть такого, что можно продать «Булавке»?

Мэтью постарался состряпать что-то на скорую руку.

— Следует отметить вот, что: его глаза сверкнули за этой маской. Они были похожи на два окна в Ад. Я был потрясен до глубины души, когда взглянул в них, и все же не мог не сделать этого. И еще… я слышал, как он говорил. Но слышал не ушами, спешу заметить, но вот здесь, — он постучал по своей макушке. — Я слышал, что в его списке еще три жертвы. И имя одной из них начинается на «А». Я слышал, как Альбион говорил, что уже наточил свой меч и скоро ударит снова. Возможно, завтра ночью, если все пойдет гладко. Но он будет снаружи, будет выслеживать свою жертву. Вот, что я от него услышал.

— Продолжай! — рот Парментера искривился. — Разве мог

ты слышать от него что-то подобное?

— Мог. И слышал. Вы знаете, почему Альбион приходил сюда поговорить со мной? Потому что… я и он связаны убийством. Да, все верно. Человек, которого я убил, был в его смертельном списке. Он сказал мне и это, и приходил он сюда *поблагодарить* меня.

— *Давай дальше!* — на этот раз охранник говорил шепотом. Его глаза-бусинки расширились настолько, насколько могли, Парментер убрал свою руку с воротника Мэтью. — Кого ты убил? Кто это был?

— Пруссак по имени Дальгрен. Почему он был в списке Альбиона, мне не известно, но теперь вы знаете. И попробуйте сказать, что «Булавка» не купит информацию, пришедшую из моих первых уст!

— Христовы кровавые гвозди! — воскликнул Парментер. — Если бы я увидел такое в «Булавке», я бы просто проглотил эту историю!

— Информация ваша. Только не раздавайте ее бесплатно никому… особенно Боудри.

— О, я терпеть не могу этого напыщенного *дристуна,* — прошипел Парментер. — Он, похоже, убил павиана и украл его лицо! И, похоже, иногда он перебирает с «Белым Бархатом». Исчезает на несколько дней, а потом возвращается и не помнит ничего о том, что делал и где был.

- «Белый Бархат»? А что это?

— Дешевый джин, который оставляет человека без чувств. Лучше держаться подальше от этого пойла, мой тебе совет… если ты, конечно, когда-нибудь выйдешь отсюда, я имею в виду.

— Ладно, хорошо. Итак… теперь насчет камер в подземелье и беглецов.

— Если я скажу тебе… ты же не доставишь мне неприятностей, не так ли?

— Буду вести себя так, будто вы ничего мне не говорили. Это просто удовлетворит мое любопытство, — Мэтью решил надавить, потому что Парментер явно колебался. — Ну же, проявите немного милосердия ко мне. Мне нужно что-то, над чем можно подумать!

И снова взгляд налево, затем направо, а потом Парментер сдался.

— Да, один из них выскользнул из камеры в подземелье. Это случилось через год или около того после моего прихода сюда.

— Из какой камеры?

— О-о-о-о-о, нет! Не загоняй коней так далеко! Этого тебе вполне хватит, — Парментер подал знак фонарем.

Мэтью возобновил путь. Без цепей двигаться было намного легче, но Мэтью заметил, что все еще сгибается и шагает той же сгорбленной, хромой походкой, что и раньше. Похоже, ноги привыкли к оковам. Он видел, как быстро человек привыкает к темноте и отчаянию этого места и оставляет надежду когда-либо снова выйти на солнце. Впрочем, эту безнадегу сейчас, пожалуй, разделяет каждый лондонец из-за непрекращающегося ливня.

Молодой человек почувствовал, что Парментер по пути уже подсчитывает, за сколько шиллингов сумеет продать информацию «Булавке». Пожалуй, сведения, полученные из первых уст об Альбионе, заставят Лорда Паффери визжать, как маленькая девочка. И будь прокляты факты! — Паффери раздувает любые фантазии, чтобы накормить свою голодную аудиторию. Можно было поклясться, Лорд Паффери будет благодарен за то, что ему вовремя подадут убийцу Альбиона — как раз к очередному приему пищи.

А Мэтью, в свою очередь, был готов поблагодарить Альбиона. Он понял, как только прошел входную арку в Каир, что появление Альбиона в Ньюгейте и его загадочное поведение — будь то обещанием защиты или смерти — спасло мозг молодого решателя проблем от превращения в чашу пудинга. В таком месте, как Ньюгейт, ничего не стоило потерять всякий смысл жизни, всякий интерес, кроме извлечения вшей из бороды, всякое любопытство, всякие вопросы (к примеру, о том, сколько осталось жить Уайлеру), всякое достоинство, сострадание… да вообще *всё*.

Но теперь для поддержки своего мозга в рабочем состоянии у Мэтью был Альбион и клетка подземелья, откуда однажды одна птичка улетела из Ньюгейтской клетки. У него впереди — не приведи Господь — было еще шесть месяцев, чтобы сгнить здесь, но, по крайней мере, теперь у него появилась проблема, которую надо решить, и в сложившихся обстоятельствах для него эта история была настоящим даром жизни.

Парментер оставил его. Он спустился по лестнице в камеру, где никогда ничто особенно не менялось — разве что отсюда периодически уносили тела…

Один момент особенно обеспокоил его. Хотя Мэтью не верил в приметы, оглядываясь назад, он понимал, что сделал очень плохой выбор. Почему… *почему*… в своем сочиненном на скорую руку рассказе о том, что «слышал» голос убийцы, он решил сказать, что имя одной из будущих жертв Альбиона начинается на «А»? Неужели он был настолько захвачен врасплох, что забыл, как произносить *собственное* имя?

Глава четырнадцатая

— *Мэтью Корбетт! Тащи свою задницу сюда!*

Боудри снова позвал его из входной арки. У этого человека, похоже, был чрезвычайно мизерный запас слов и выражений.

Мэтью не без усилия заставил себя встать со своего крохотного уголка на сене.

— Популярный ты парень, — заметил Уайлер со своего места отдыха. — Ты не сделал ничего такого, о чем бы не мог рассказать своим внукам, не так ли?

— Нет.

— Чего же ему тогда от тебя надо?

— Понятия не имею, — Мэтью предположил, что, возможно, Дефо снова захотел встретиться с ним. Они виделись вчера, и это было единственным светлым пятном в общей мрачной картине. По крайней мере, наверху в комнате Дефо можно было раздобыть себе чашу чистой воды и посмотреть на внешний мир из окна.

— Береги себя, — предупредил Уайлер, затем добавил: — Что бы ты ни собрался делать…

— Мне, что, сюда спускаться, наживка рыбья? — проорал Боудри. — Предупреждаю, тебе это не понравится!

Мэтью прошагал через измученный пейзаж Каира. Карточная игра была в самом разгаре, и узники полностью отдавались процессу — как и всегда — пытаясь хоть как-то скоротать время и чем-то наполнить умы, а иначе они неумолимо приближались к смерти. Пара жалких огарков свечей давала скудное освещение. Боудри стоял в лучах фонаря, который держал, и, по правде говоря, его лицо действительно чем-то напоминало павиана. Мэтью взобрался по ступеням, получив резкий, но несильный удар по затылку за задержку, после чего его вытолкали в коридор.

— Куда мы направляемся? — спросил Мэтью, когда они проделали путь в несколько ярдов.

— Скоро узнаешь.

Молодому человеку не понравилось, как это прозвучало. На самом деле ему не нравилась вся эта ситуация. У него уже появилось чувство времени и понимание о том, как оно отсчитывается в этих стенах — по пробуждениям, еде и отходам ко сну. Обитателей Каира загнали в столовую пару часов назад, если верить внутреннему чувству Мэтью. Там был ужин из черного хлеба и пресного желтого супа, который, если верить словам Парментера, был гороховым — по этому поводу молодой человек решил лишних вопросов не задавать. Раз ужин был два

часа назад, то, вероятно, на улице сейчас часов семь или восемь вечера… может, чуть больше. Так для чего же тогда нужна эта вечерняя экскурсия?

Прошлой ночью он тешил себя мыслью проникнуть в подземелье, прикинувшись простаком, но так как свечи здесь были на вес золота, как и вода, молодой человек понял, что никакого способа осветить себе путь у него не будет. Да и в любом случае… путь будет преграждать запертая дверь, которая не позволит проникнуть в камеры и осмотреть их, поэтому изначально эта затея была обречена на провал. Теория о том, что Альбион пробрался в Ньюгейт тем же путем, которым выбрались отсюда сбежавшие узники, пока вынуждена была оставаться просто теорией. Но если она верна, стало быть, часть стены действительно разрушена — от времени или подземного движения самого города. Но почему же начальник тюрьмы тогда не обеспокоился ремонтом этой камеры? Если через проход в стене может протиснуться тело человека и ускользнуть в подземный мир Лондона, почему так и не составили план ремонтных работ, чтобы такие побеги пресечь? Разумеется, начальник тюрьмы и стражники прошли путем сбежавшего узника и выведали маршрут, которым он двигался… или нет? И если это действительно именно тот путь, которым Альбион пробрался сюда, а затем наружу, откуда он о нем узнал?

Мэтью понимал, что одна из возможностей такова: Альбион и был сбежавшим узником, именно поэтому он знал, в какой камере отсутствуют камни в стене, и знал само устройство Ньюгейта.

Но оставался и другой вопрос: как Альбион прошел через, по крайней мере, одну запертую дверь, чтобы добраться до Каира? На первый взгляд казалось, что он действительно двигался, как призрак. И что было еще важнее для молодого бородатого невольника из Нью-Йорка, так это то, зачем Альбиону понадобилось выходить с ним на контакт.

У Мэтью не было ни одного предположения, но он искренне смаковал эти вопросы, которые теперь стали чуть менее насущными, потому что молодому человеку вовсе не нравилось, что его постоянно толкает вперед Боудри по этому промозглому сырому коридору.

— Я хотел бы знать, куда меня ведут, — осмелился сказать Мэтью, потому что они миновали лестницу, которая вела к секции, где содержится Даниэль Дефо и остальные.

— Будет небольшая поездка, — был ответ.

— *Поездка*? Куда?

— В чертов лазарет, если не заткнешь свой рот. Шагай!

Пришлось переступить через несколько тел, но иначе нужной двери было не достичь. Боудри отпер ее и толкнул Мэтью вперед. По ту сторону было двое мужчин с суровыми лицами в темных плащах и треуголках, поблескивающих от влаги. Оба человека имели при себе фонари.

— Тебя переводят, — сказал Боудри. — Отсюда в тюрьму Хаундсвич в районе Уайтчепел.

— Переводят? Не могу сказать, что я не рад этому, но почему?

— Я не судья, не ко мне вопрос. Пришли бумаги из Олд-Бейли, подписанные главным констеблем, помощником главного констебля и судьей Арчером. Тебя забирают из Ньюгейта, но не думай, что к тебе трепетно отнесутся в Хаундсвиче. Рыбья наживка здесь, рыбья наживка там. Желаете заковать его? — последний вопрос Боудри адресовал двум мужчинам, которые, очевидно, были охранниками, присланными из конторы констебля.

— Да он тонкий, как жердь! — прогрохотал один из встречающих. — Не думаю, что он сможет нам навредить.

— Тогда он ваш, — сказал Боудри и в качестве последнего напутствия щелкнул Мэтью по уху большим и указательным пальцами.

Мэтью вывели из Ньюгейта два стража, ставшие по бокам от него, тем же маршрутом, что он сюда пришел. Во дворе ожидал черный экипаж с зарешеченными окнами. Тусклый вечерний свет был еще сильнее размыт низко стелящимся желтым туманом, который пах угольной пылью и мокрым камнем. Факелы горели вдоль стен, и их свечение причудливо играло в дымке. Воздух был влажным и казался липким, практически непригодным для дыхания.

Мэтью втолкнули в экипаж, и двое стражников сели напротив него. Судя по тому, какой у молодого человека был истощенный вид, охранники, видимо, решили даже не запирать засовы, поэтому решетка в течение поездки была опущена. Последним впечатлением Мэтью о Ньюгейте был звук, напоминавший измученный стон самих тюремных стен, хотя на деле он явно принадлежал заключенным.

— Располагайся, — сказал охранник, обладавший менее массивным телосложением. У него было узкое лицо, которое, казалось, что-то вдавливало внутрь, и началось это с рождения, потому что глаза, нос и рот располагались неестественно близко друг к другу. — Нам предстоит проехать несколько миль.

Что лишний раз говорит о размерах Лондона, подумал Мэтью. Он не мог представить себе, чтобы в черте Нью-Йорка

нужно было проехать несколько миль, чтобы попасть из одной тюрьмы в другую. Впрочем, как можно предсказать будущее? Разумеется, римляне — или любая другая древняя цивилизация, заложившая первые камни на этой земле — не могли даже предположить, что этот город вырастет и станет больше, чем амбиции Цезаря. Стало быть и Петер Минёйт[2] — как и Мэтью Корбетт — не мог даже близко вообразить себе размеры Нью-Йорка через сотню лет. Город, как Мэтью понял для себя, был самостоятельным живым организмом, который мог расти и умирать, и особенной разницы с живыми существами здесь не наблюдалось.

Лошадиные копыта стучали по каменным улицам. В окне Мэтью замечал человеческие фигуры, окутанные покрывалом тумана, слышал крики, смех и грубую музыку. Легкие мазки горящих факелов показывались то тут, то там, масляные лампы давали чуть больше света городу.

— Так ты тот самый, — вдруг заговорил более широкоплечий охранник.

— Простите? — переспросил Мэтью, отрываясь от окна.

— Ты тот, кто говорит, что видел Альбиона. Верно?

— Его видел не только я. Вся камера видела.

— Это самая наглая проклятая ложь, которую я когда-либо слышал, — говоря это, охранник, похожий на борова, искривил губы, как заправский хулиган. — Этого ублюдка не существует. Его придумала «Булавка», чтобы выбивать из дурачья их пенсы! О, эта сказочка о том, как Альбион проник в Ньюгейт, быстро облетела Олд-Бейли, будь уверен, — он наклонился к Мэтью и угрожающе ухмыльнулся. — Но я говорю, что это гребаная ложь, а ты чертов лжец. Что скажешь, Пити?

Пити сказал:

— Гребаная ложь, чертов лжец, — произнесено это было тоном человека, который знает, что для него лучше.

Мэтью натянул на лицо ошеломленную улыбку и направил ее на своего конвоира. Ему показалось, что ни один из этих двоих не собирался причинять ему вред, раз уж сам главный констебль, его помощник и судья Арчер подписали бумаги о его спасении из Ньюгейта. Молодой человек знал, что по гроб жизни будет благодарен Лиллехорну за все те струны, которые тому пришлось потянуть, чтобы вытащить его из этого ада. Мэтью осознавал, что перед этим человеком он в долгу и, видит Бог, он найдет способ отплатить ему. Впрочем, еще предстоит увидеть, что собою представляет Хаудсвич, но эта тюрьма просто физически не может быть такой ужасной, как та, которую он сейчас с радостью покидал.

— Ты хочешь, чтобы твое имя мелькнуло в «Булавке», вот, что я думаю, — сказал тяжеловесный охранник. — В этой газетенке ложь на лжи!

Мэтью предпочел промолчать. Ему больше нечего было сказать этим двоим, и до их глупой болтовни ему тоже не было дела. Молодой человек вновь посмотрел в окно на движущиеся фигуры и блики пламени в тумане, и позволил себе размечтаться о том, что он будет делать, когда вся эта ситуация разрешится, и он вернется домой в Нью-Йорк. Пойдет к Берри и попытается загладить свою вину, если это будет возможно? Попытается объяснить, отчего в тот день был так бессердечно жесток к ней? Он истово желал ее вернуть, но проблема Профессора Фэлла никуда не делась — этот человек, несомненно, не забудет тот факт, что Мэтью взорвал его пороховой склад и практически уничтожил его родной остров. Итак… вернуть Берри, чтобы Профессор использовал ее в качестве орудия мести?

Нет. Он не мог.

Повозка продолжала движение по более грубо вымощенным дорогам. Блоки зданий, казалось, срастались здесь воедино, а улицы сужались. В этой части Лондона правила темнота, изредка нарушаемая случайными бликами света из окон жилых домов или таверн, вывески с названиями которых невозможно было разглядеть в густом тумане. Обитатели этого района тоже, должно быть, были грубее, потому что в переулках, которые миновал тюремный экипаж, периодически звучали выкрикиваемые проклятья, ругательства и крики, в которых не было и намека на любовь к закону. С небольшого расстояния слышались оборванные крики мужчины, слова были нечеткими, но в них звучал такой гнев, что своей мощью они напоминали извержение вулкана. В другом направлении раздался высокий и тонкий крик женщины, быстро оборвавшийся. Где-то в тумане — совсем близко к экипажу — тихо засмеялся какой-то человек, и Мэтью увидел вспышку пламени, поджигающего табак в курительной трубке. Ему пришло в голову, что в Хаундсвиче, может быть, и не так плохо, как в Ньюгейте, но в самом районе Уайтчепел явно жили не святые.

Он не успел как следует оформить свою мысль, когда две руки ухватились вдруг за прутья решетки рядом с Мэтью. Молодая девушка в поношенном тряпье с почерневшим лицом и заплывшим глазом прокричала прямо в окно:

— Отдамся за шиллинг! Всего шиллинг с каждого!

Она попыталась изобразить улыбку, но глина ее лица не была столь послушна, поэтому вышла лишь уродливая щербатая гримаса.

— Или бесплатно, за глоток «Бархата»! — была новая отчаянная попытка. Голос девушки звучал так, будто от этого глотка зависела ее жизнь.

— Проваливай! — сказал большой охранник и грубо хлопнул ей по пальцам, заставив отцепиться от решетки. Девушка изрыгнула поток ругательств, каких не слышно было даже от давних обитателей Ньюгейта, и скрылась в тумане. Экипаж двинулся дальше — в те темные трущобы Лондона, каких никогда нельзя было встретить в Новом Свете.

— Черт возьми, Джонни, — обратился Пити с нескрываемой тревогой. — У меня, кстати, был шиллинг!

Он удрученно насупился и чуть съехал вниз со своего места.

Через несколько минут Джонни выглянул в одно из окна, чтобы сориентироваться. Пусть Мэтью различал только смутные фигуры в тумане, охраннику, должно быть, было ясно, где они находились — возможно, он разглядел очертания вывески знакомой таверны, увидел знакомое окно или какой-то другой ориентир. Так или иначе, он удовлетворенно отметил:

— Мы рядом с воротами. Осталось недолго.

Прошло около десяти секунд после этого высказывания, и что-то врезалось в повозку. Затем в ее крышу. А затем послышался приглушенный крик. Лошади сбавили шаг, весь экипаж содрогнулся.

— Что за херня тут… — начал Джонни.

Экипаж проехал еще несколько футов и остановился.

Во время торможения послышался жесткий *стук*.

— Нельсон! — воскликнул Джонни, стукнув кулаком в потолок. — Чего остано…

…*вился*, явно собирался договорить он, но теперь ему уже не удалось бы закончить свою речь. Дверь слева резко распахнулась. Первым показался клинок, поблескивающий в свете фонаря, и его кончик уткнулся в кирпич подбородка Джонни.

— *Сидите смирно,* — послышался тихий шепот.

Джонни, похоже, запачкал свои штаны. Или Пити. Один из них совершенно точно это сделал, потому что запах долетел до Мэтью. Ему самому стоило больших усилий избежать подобной участи для своих — и без того грязных — штанов.

Фигура позади клинка была облачена в темный плащ с капюшоном, под которым блестела позолоченная маска с декоративной бородой. Цвет глаз было невозможно разглядеть. Черная перчатка держала меч, который медленно переместился, и острый кончик начал смотреть прямо в узкий нос Пити.

Альбион прошептал:

— *Вы.* Отдайте ему свой плащ и шляпу.

— Что? — Пити удивленно моргнул, глаза его увлажнились.

Меч угрожающе дернулся, и кровь заструилась из надрезанной ноздри. Пити вскрикнул, но не смел пошевелиться.

— *Плащ и шляпу,* — прошептал Альбион.

Вещи были немедленно сняты и переданы Мэтью.

— *Ваши деньги,* — последовало новое требование.

Двое охранников отдали деньги, положив два небольших кожаных мешочка на сидение рядом с Мэтью, словно эти мешочки содержали нечто ядовитое и страшное, или нечто, которое слишком бы оттягивало карманы брюк.

Золотая маска чуть повернулась к Мэтью.

— *Забирайте,* — сказал он, и приказ бы отдан столь яростно, что руки Мэтью сами собрали все, как если б он был марионеткой под контролем Альбиона.

А затем последовала команда специально для Мэтью.

— *Выходите!*

На мгновение Мэтью замер, ошеломленный до глубины души. Неужели это создание атаковало повозку, сбросило возницу и убило его прямо на улице?

— *Сейчас же,* — скомандовал Альбион.

Мэтью, наконец, обрел дар речи.

— Если собираетесь убить меня, придется сделать это прямо здесь, — он приготовился пнуть Альбиона в грудь, потому что другого шанса избежать смертельного поцелуя клинка у него не будет, да и этот шанс — мизерный, нужно чудо, чтобы его использовать. И все же, он был.

— *Глупец,* — последовал хриплый шепот Альбиона. — Я *помогаю* вам. Выходите.

— Мне не нужна ваша помощь.

Альбион, похоже, рассмеялся под маской. Или зарычал… трудно было сказать наверняка.

— Мистер Корбетт, — прозвучал голос. — Вы *также* должны будете помочь *мне*. На выход, или… — он сделал паузу, размышляя, а затем… — На выход, или я убью сначала худого.

Меч резко направился к горлу Пити.

— Я так понимаю, вы убиваете только преступников, которым удалось избежать правосудия.

— Так и было. До этих пор, — острие меча надавило на шею Пити. Охранник смертельно побледнел, затрясся и застонал, однако не пошевелился, потому что был парализован страхом. — Решение за вами, — строго сказал Альбион.

Мэтью чуть не сказал: *давайте, убейте его*, но он не мог зайти настолько далеко. Он отчаянно думал, как должен поступить, следует ли ему действительно выйти из экипажа? Может, бросить

переданные охранниками предметы в лицо Альбиона, отвлечь внимание? А затем… сбежать? Но что это создание имело в виду под «Вы также должны будете помочь мне»?

— Пожалуйста… — прохрипел Пити.

Мэтью двинулся к двери. Альбион опустил меч и отступил. Когда ботинки Мэтью оказались на каменистой улице, Альбион снова направил клинок внутрь экипажа… не для того, чтобы проткнуть Пити горло, но для того, чтобы подцепить один из фонарей с крюка. Он подцепил его и настоятельно обратился к двум стражниками.

— Оставайтесь на месте, — словно они были не более, чем просто собаками. Затем он резко захлопнул дверь грациозным движением свободной руки.

Призрак повернулся к Мэтью.

— Наденьте плащ и шляпу, — приказал он, все еще говоря шепотом. — Возьмите деньги. И фонарь.

Последний предмет он протянул на кончике своего меча. Мэтью повиновался: надел шляпу и плащ, затем протолкнул мешочки с деньгами в карман. Когда молодой человек взял фонарь, он увидел, что позолоченная маска Альбиона находится в нескольких дюймах от его лица.

— Полночь, — сказал голос так, чтобы его не услышали в экипаже. — Таверна «Три Сестры». Улица Флинт. Слышите меня?

Мэтью был совершенно ошеломлен, чтобы думать, но услышал, как его собственный голос произносит: «Да».

Рука в черной перчатке погрузилась в карман черного плаща Альбиона и извлекла оттуда кинжал с рукоятью из слоновой кости в чехле из коровьей кожи.

— Берегите себя, — прошептал Альбион. — Здесь опасно.

Мэтью принял оружие, потому что поспорить с этим утверждением не мог.

Затем Альбион резко развернулся и быстро зашагал по улице. В течение нескольких секунд туман поглотил его целиком.

Мэтью качнулся. Мир начал угрожающе вращаться перед его глазами. Он понял, что еще немного, и стражи найдут в себе смелость посмотреть в окно и увидят его здесь, и что тогда? Молодой человек понятия не имел, где находится улица Флинт или где он сам находится сейчас в этом огромном городе. А время шло, поэтому нужно было принимать решение. На деле в его сознании мелькнула мысль вернуться в экипаж и позволить доставить себя в Хаундсвич, потому что, возможно, Лиллехорн сумеет помочь ему выбраться из этого затруднительного положения законными способами.

Вы также должны будете помочь мне.

Вот, что сказал мститель в золотой маске, покинувший тюрьму Ньюгейт.

Но с какой целью, и что бы все это значило?

Любопытство лихорадочно затрепетало в нем. Как он мог отправиться в Хаундсвич и позволить себе прозябать там множество дней — или даже недель — когда есть *проблема*, требующая *решения*?

Он не помнил, как начал идти, просто в какой-то момент обнаружил себя идущим тем же путем, которым уходил Альбион, с кинжалом, спрятанным под плащом. В следующий момент из тумана выступила фигура. Человек держался за свое левое плечо, и лицо его было в крови. Нельсон, очевидно, был сброшен со своего места возницы, когда Альбион вскочил на крышу и остановил лошадей. Возница бросил на Мэтью быстрый взгляд, а затем отвел глаза, потому что это место действительно было опасным. Нельсон продолжил путь в поисках своего экипажа.

Мэтью тоже возобновил темп и еще некоторое время, пока он шел, его разум не мог собраться воедино. Он остановился у темного дверного проема, чтобы в свете фонаря проверить содержимое мешочков с деньгами и понять, хватит ли этого на хорошую еду и бутылку или две эля, если здесь его можно найти. До молодого человека доносилась музыка скрипки, растворяющаяся в тумане и перемежающаяся женским и мужским смехом. Затем освобожденный человек в теплом плаще и с деньгами в кармане поднял фонарь, чтобы осветить себе путь, плотнее сжал рукоять кинжала в руке и направился к источнику шума.

Глава пятнадцатая

Мэтью сел за угловой столик в таверне «Лошадиная голова» на улице Гауэрс-Уолк, вымощенной коричневым и черным камнем. Перед ним была деревянная тарелка со свиной рулькой с каким-то причудливым овощным гарниром, а также пюре из яблок и инжира — достаточно кислое, чтобы обжечь язык — и кукурузный хлеб, запеченный до такой корки, что можно было сломать об нее зубы. Эль в кружке был горьким на вкус и пах, как сырой, затхлый подвал.

Однако молодой человек ел, пил и чувствовал себя королем какого-то восхитительного сна. Еда и питье, которые показались бы ему неприемлемыми в самом начале этого тяжкого испытания, теперь приносили ему больше наслаждения, чем любой кулинарный шедевр у Салли Алмонд в Нью-Йорке. Мэтью не понимал даже, насколько голоден был, он знал лишь, что может отправить в желудок все: и кислое, и горькое, и даже твердое и пригоревшее.

Это была не первая таверна, которую он решил исследовать в районе Уайтчепел, но в «Дыхание Козла» он решил не соваться, потому что там была драка, начавшаяся прежде, чем он успел найти себе место. Один любитель джина яростно перебросил другого через стол, остальная толпа требовала продолжения веселья, и Мэтью счел, что ему стоит держаться отсюда подальше, и на туманной улице будет явно безопаснее, чем здесь.

Поэтому он решил вести себя осторожно и при появлении первых признаков агрессии в таверне улучил момент и спас себя от угрожающей жизни ошибки. «Красная Карга», «Поцелуй Прокаженного», «Четыре Диких Пса», «Сломленная Девственница»… Господи, нет! И пока он шел этими узкими, грязными улочками в слабом кругу света от своего фонаря, изредка попадая под случайный отблеск лампы или факела, он чувствовал, что множество фигур движется вместе с ним — той же дорогой, или иной. Кто-то выкрикивал нечто, не поддающееся расшифровке, как если бы они говорили с высокомерностью, достойной даже не людей, а, скорее, древних богов, которые могли в своей манере ответить наглецу ударом молнии. Большинство блуждающих в тумане людей, по правде говоря, двигалось в зловещем молчании, передвигаясь поодиночке, вдвоем, либо компаниями по три-четыре человека и более. Мэтью держал фонарь приподнятым и крепко сжимал рукоять кинжала. Частенько он останавливался передохнуть, прижимаясь спиной к

шершавой каменной стене, и старался убедиться, что позади никто к нему не подкрадывался.

По крайней мере, один раз он действительно услышал оклик совсем близко от себя. Несколько раз ему пришлось переступить через распластавшиеся на земле тела, и голова одного из них напоминала разбитую чашку, едва ли способную удержать хоть каплю жизни. Но в какой-то момент Мэтью кто-то окликнул:

— Добрый человек! Сэр, я умоляю вас! — донеслось из дверного проема, что маячил дальше по улице, и там круг фонарного света обнаружил недурную собой молодую девушку в грязных обносках с ребенком на руках. Младенец не двигался и был не просто бледным, но бледно-синюшным, как успел отметить Мэтью. Девушка просила монету, чтобы накормить ребенка и просила столь измученным, слезливым тоном, что молодой человек почти не почувствовал медленного движения с левой стороны от себя. Он не стал терять времени на то, чтобы разглядеть источник движения — он просто почувствовал, что от этого исходило зло, и поспешил ретироваться, продолжая слышать отчаянные и полные печали крики девушки: *Добрый человек! Добрый человек, умоляю, помогите нам!*

Он не поворачивался спиной к этой улице, пока не отошел на достаточное расстояние от того дома. Последним, что он услышал от той девушки, был отчаянный, яростный вздох, в котором слышалось проклятье в адрес целого мира.

Мэтью двинулся дальше, полагая, что любое место, где выпрашивают деньги на еду для мертвых младенцев — это явно не то место, где стоит бродить по ночам, но, к сожалению, именно в таком месте ему приходилось сейчас быть. Его местом назначения была таверна «Три Сестры», прийти туда нужно было в полночь, и молодой человек не мог позволить себе опоздать.

Теперь, когда Мэтью покончил с едой в таверне «Лошадиная Голова», он задумался над вопросом Альбиона. Разумеется, была какая-то связь между человеком, носившим маску, и историческим значением выбранного имени. Как сказал Дефо: *это является отсылкой к некоей силе — огромной силе, — которая наречена была защищать Англию от зла.*

Судя по тому, что Мэтью доводилось видеть до сих пор, он думал, что элементарная сила мифического Альбиона бросила свое дело и оставила эту страну.

Но… возможно ли, чтобы человеческое существо взяло в руки карающий меч?

Что же… один человек собрался проткнуть этот злой пузырь своим мечом и высвободить оттуда все дьявольские соки? И тогда Лондон станет блистательным примером порядка и чистоты, а

Англию это приведет к лучшему состоянию из всех тех, в которых она когда-либо находилась?

Безумие!

Каковы были впечатления Мэтью об Альбионе? — вот, что стоило обдумать. Этот человек был худым и ростом был заметно ниже Мэтью. Пол — определенно, мужской, но определить возраст было трудно, потому что шепот эффективно маскировал его голос. Похоже, известный лондонский призрак был действительно искусным фехтовальщиком, судя по тому, как он держал меч и какую принимал стойку. И, очевидно, Альбион каким-то образом должен был знать, что Мэтью перевели в Хаундсвич, а так же то, в какое время молодой человек покинул Ньюгейт и каким маршрутом его должны были переправлять в новую тюрьму. Мэтью вспомнил, что Джонни сказал о скором прибытии, когда они приблизились к воротам. То есть, Альбион, безусловно, скрывался в темноте и тумане, *ожидая прибытия* этого экипажа. Затем он вскочил на повозку сбоку, перебрался на крышу, сбросил возницу и резко остановил лошадей.

Но *зачем*?

Подавальщица — темноволосая девица с темными кругами под глазами — подошла, чтобы узнать, не желает ли Мэтью еще чего-нибудь. Он отметил про себя, что нос у нее немного искривлен — вероятно, был сломан несколькими ударами кулака. Мэтью казалось, что это был город не людей, но чудовищ, вынужденных сражаться друг с другом, потому что с тем бедственным положением, в котором они оказались, просто нельзя справиться человеческой рукой.

Он посмотрел на часы над стойкой и заметил, что время приближалось к десяти часам вечера.

— Не подскажете ли, — заговорил он с девушкой. — Где находится таверна «Три Сестры» на улице Флинт?

— Слышала о ней.

Она, похоже, нуждалась в подсказке, чтобы продолжить.

— И… далеко ли она?

Ей пришлось спросить у мужчины за стойкой, который ответил:

— Южнее, ближе к реке. Может… ух… полмили, я думаю. Но сэр… если вы думаете отправиться туда, я бы посоветовал вам подумать дважды. Та дорога ужасна: одни дикари направо и налево… там небезопасно.

— Там тебе глотку перережут — пикнуть не успеешь, — сказал один из посетителей, и пьяная светловолосая проститутка, сидящая на его коленях, невнятно буркнула что-то себе под нос. — Там, внизу никакой ебучей морали нет!

— Этого я и боялся, — обреченно сказал Мэтью. — Спасибо вам всем.

Он попросил еще одну кружку эля и расстарался, чтобы улыбнуться подавальщице. Она, надо думать, могла ответить тем же, если б не забыла, что такое улыбка, но вместо того она отвернулась с таким выражением, словно ей только плюнули в суп.

Молодой человек выпивал и размышлял. Так или иначе, рано или поздно ему придется набраться храбрости и выбраться на улицы Уайтчепела. Оказалось, что число посетителей «Лошадиной Головы» начинает увеличиваться только к полуночи. Мэтью мог бы выпить еще кружку эля для храбрости, но тогда он лишится большей части денег, как и большей части чувств. Лучше оставить при себе немного и того, и другого, и посмотреть на сложившуюся ситуацию с более-менее ясной головой.

Еще час он неспешно потягивал эль и наблюдал, как приходят и уходят обитатели Уайтчепела. Началась игра в кости, в какой-то момент дубинка хозяина таверны врезала по столу играющих, чтобы пресечь не успевший начаться спор, прежде чем он перерос в неконтролируемую, жестокую бойню, в которой в ход могли пойти твердые кулаки. Мимо прошагали несколько вульгарно одетых девиц, пробормотавших что-то томным шепотом, и, как только они скрылись в тени, настало время для Мэтью всерьез задуматься над своей задачей.

Он принял решение: наведаться в таверну «Три Сестры», выяснить, в чем дело и что от него требуется, а затем сдаться в Хаундсвич. Жизнь сбежавшего преступника была не для него.

— Вы не направите меня на юг? — попросил Мэтью хозяина заведения, который дал ему указание двигаться в сторону таверны «Дуб и Восьмерка» на Пинчин-Стрит.

— Спасибо, — ответил молодой человек и оставил мужчине за стойкой и девушке подавальщице немного монет в знак вознаграждения. Затем он взял фонарь, крепче запахнул плащ, потому что ночь становилась холоднее, водрузил на голову треуголку, немного наклонив ее влево, и направился на юг.

Он не ошибся: этот район по-настоящему оживал, только когда время переваливало за полночь, потому что сейчас по улицам в тумане ходило столько же народу, сколько можно было встретить в Нью-Йорке в полдень. Похоже, в каждом квартале было не меньше четырех таверн, и все они сейчас были почти переполнены. Вдруг из дверного проема вылетело тело, когда Мэтью как раз проходил мимо, а за телом показался огромный чернобородый зверь в кожаном фартуке, который, похоже, собирался вылить на голову чем-то не угодившему ему мужчине

ведро человеческих испражнений, к большому удовольствию публики, материализовавшейся буквально из воздуха подле сего трагикомического действа.

Улица изогнулась влево и начала уходить вниз, спускаясь к Темзе. Мэтью шел быстрым шагом, голова его вращалась из стороны в сторону, как на шарнирах. Рядом проскакал галопом всадник на лошади — похоже, яростно гонясь за кем-то. Мэтью чувствовал запах пепла сгоревших зданий, пока делал несколько крюков, чтобы не завязнуть в грязи. Откуда-то послышался женский крик, вскоре ставший еще пронзительнее, а затем переросший в пугающий истерический смех. Впереди, в полутьме раздался пистолетный выстрел.

Первое, что собирался сделать Мэтью, так это спросить у человека, скрывавшего свое лицо за позолоченной маской, почему, ради всего святого, он выбрал столь безнадежное место для своего очищающего пути. Молодой человек полагал, что это не слишком неудобный вопрос к человеку, который лишил жизни уже шестерых преступников и готовил свой меч к новой крови.

Он прошел через район, где пестрые трясогузки маршировали из стороны в стороны, как солдаты смертоносной армии, готовые сбрасывать свои «подарки» на кареты и прямо на головы лошадям. Впрочем, хитрые птахи словно бы знали, что если будут вести атаки слишком сильно, то их излюбленные повозки больше не будут появляться здесь, так как в таком виде не будут нужны клиентам, поэтому сдерживали свой норов. В этом квартале все деревянные дома чуть кренились в сторону и прислонялись друг к другу, в связи с чем создавалось впечатление, что их крыши могут в любую минуту соскользнуть вниз, как слои гнилых пирожных. В розоватом свете ламп Мэтью был практически сбит с ног повозкой, везущей на себе нескольких женщин, направлявшихся к одной из дверей домов, где ожидали сутенеры, вооруженные крепкими дубинками и топорами. Мэтью приметил несколько недурных собой дам и подумал о здешних расценках, когда повозка подъехала к двери. Однако он решил, что ощущение того, что ему могут предоставить как девицу восемнадцати лет, так и девочку десяти — одинаково раскрашенных под кукол неопределенного возраста — будет преследовать его вечно, поэтому он постарался миновать этот квартал поскорее, провожаемый взглядами вульгарно вставших в дверных проемах дам.

Еще через несколько минут Мэтью натолкнулся на толпу людей, болотным кругом сомкнувшихся вокруг какой-то сцены. Тогда молодой человек увидел то, чего лучше предпочел бы не видеть: закованный в цепи медведь боролся с двумя рычащими

собаками, при этом глаза у медведя были удалены, а морда изуродована жестокими шрамами. Мэтью опустил голову и поспешил мимо.

Когда он вернется в Нью-Йорк, решил он, он расцелует каждую доску на причале и, о Боже, если он встретит Лорда Корнбери, то и его лошадиную морду расцелует тоже, потому что для него не будет дня прекраснее, чем тот, когда ноги снова ступят на землю колонии.

Пронзительный крик, донесшийся откуда-то слева, вырвал молодого человека из раздумий. Мэтью осмелился посмотреть в том направлении.

Свет фонаря выхватил из темноты троих мужчин, ожесточенно избивавших какого-то мальчика, и Мэтью заметил, что лицо жертвы уже изрядно окрашено красными прожилками кровавых дорожек. Несчастный мальчишка пытался уползти и скрыться в груде ящиков, но один из нападавших схватил его за ноги и потащил. В этот момент Мэтью четче разглядел лицо жертвы и заметил, что оба глаза уже почернели от крови. Все трое навалились на мальчика и начали молотить его кулаками с предельной концентрацией, которой бы позавидовал любой простой работяга.

Мэтью пришлось идти дальше.

Это было не его дело.

Его ожидали в другом месте.

В этом городе все принадлежат только самим себе, рассчитывать можно было только на Божью помощь.

Он был недостаточно силен, чтобы одолеть троих жестоких головорезов…

Черт!

Он остановился.

Мальчик снова закричал, и это был пронзительный вопль, полный боли. Мэтью даже слышал звуки ударов, которые ему наносили.

За что? — спросил он, обратившись к собственной судьбе. И хотя никакого ответа он получить не мог, он решил ответить самому себе. — *Потому что ты здесь, и ты не такой, как остальные жители Лондона, чтобы с чистой душой просто пройти мимо*.

Он вернулся на то место. Мальчик истово боролся, но лишь растягивал время своей пытки. А трое мужчин — молодых, как оказалось — нанесли на лица боевую раскраску. На голове одного из них была повязка, украшенная перьями на индейский манер. Этот человек уткнулся коленом в позвоночник мальчика и начал оттягивать его голову вверх за подбородок в зверской попытке

сломать шею.

— Хватит, — сказал Мэтью.

Три безумные фигуры застыли. Мальчик продолжил бороться, стараясь добраться до ящиков, где отчего-то полагал, что будет в сомнительной безопасности.

— Пошел прочь! — прорычал человек, посмотрев на фонарь Мэтью. — Тебе не понравится то, что будет, если не свалишь!

— Мне не нравится то, что я вижу. Трое против одного, да к тому же, совсем юного мальчика. Вам должно быть стыдно.

— Кретин! — раздался грубоватый голос человека с повязкой и перьями. — Либо чеши дальше, либо мы отрежем твои яйца и скормим их тебе же, — он отпустил подбородок мальчика, рука скользнула в карман куртки и извлекла оттуда нож с блестящим лезвием.

Мэтью заметил нагромождение почерневших от пламени досок по правую руку от себя. Он вытащил ту, на конце которой торчало несколько железных гвоздей, и которая легко могла нанести серьезные увечья при встрече с плотью. Он боялся этой схватки, разумеется, и позже — если доведется — возможно, сочтет себя дураком за то, что в который раз уже сунул нос не в свое дело, но после всех страданий и всей черноты, которую ему довелось увидеть в этом городе, ему не хотелось становиться частью этого, даже если придется подвергнуть опасности свою жизнь.

— Отпустите его, — сказал Мэтью.

— Вырежи-ка ему улыбочку, Черный Волк, — сказал пернатый парень, который продолжал давить коленом в спину борющегося с ним мальчика.

Тот, которого Мэтью увидел первым, вытащил нож — длиной с целое предплечье молодого любителя искать проблемы на свою голову. Второй тоже достал клинок.

Мэтью не отступился.

- «*Черный Волк*»? — он почти рассмеялся, но внутри был слишком напряжен, чтобы позволить себе сейчас расхохотаться. — Вы, приматы, считаете себя настоящими индейцами?

Он приготовился бросить свой горящий фонарь прямо в лицо раскрашенному оборванцу, использовать доску, чтобы нанести удар, а после скользнуть рукой под плащ и тоже достать нож, который, к сожалению, в сложившихся обстоятельствах выглядел жалким.

Черный Волк решительно шагнул вперед, его нож, длиной, наверное, в целую лигу, описал небольшой круг в воздухе.

Еще один шаг, — подумал Мэтью. — *И дальше фонарь*

полетит. Давай же, ты…

Чудовищная штормовая волна ударила его сзади, сопровождаемая ревом голосов, и на мгновение молодому человеку показалось, что он вернулся на борт «Странницы», борющейся со всей обрушившейся на нее Атлантикой. Он постарался развернуться, чтобы использовать доску, но дубинка ударила его по плечу, и импровизированное оружие выпало из рук. У него было одно мимолетное мгновение, чтобы разглядеть, что глаза на всех размытых лицах перед ним, были удивительно темными. Затем кулак ударил его в челюсть, другой врезался в грудь, вышибая дух, а затем молодого человека швырнули на землю, и он осознал, что его обидчики принялись атаковать тех, на кого хотел напасть он сам. Клинки сверкнули, кулаки размахнулись, крики ярости и боли вылетели из нескольких ртов, тела сотряслись, мальчик поднялся и принялся биться, как демон, а Мэтью тем временем лихорадочно хватал ртом воздух и пытался подняться на ноги.

Ему удалось подняться на колени, когда плоть в яростном ближнем бою встретилась с плотью, на Мэтью упало чье-то тело, и в суматохе он увидел летящую прямо на него подошву ботинка, с пути которого он никак бы не смог убрать голову.

Надо же, так бесславно и так глупо… — успел подумать он, — *уснуть…*

Часть третья. Враги — старые и новые

Глава шестнадцатая

— Позвольте-ка мне удостовериться, что я правильно вас услышал. Вы сказали, что Мэтью Корбетта посадили в *тюрьму Ньюгейт*?

— Не посадили, — покачал головой Гарднер Лиллехорн, но голос его оставался слабым и тихим. — Поместили на временное содержание.

Берри Григсби не стала дожидаться, пока Хадсон заговорит снова. Она молчала, пока Лиллехорн рассказывал о появлении Мэтью перед судьей и о его последующем переводе в Ньюгейт, но теперь она почувствовала, что лицо у нее горит, а ее язык желает прорваться сквозь плотно стиснутые зубы. Даже она знала, какие ужасы таит в себе эта тюрьма, и спокойно принять новость о том, что Мэтью поместили туда, было выше ее сил.

— Как вы *могли* это сделать? — спросила она с жаром в голосе, который запросто мог воспламенить бледно-голубой костюм Лиллехорна. — Вы стояли там и позволили этому так называемому судье послать Мэтью в это адское логово?! О, мой Бог! И как долго он там находился?

— Всего несколько дней, — послышался слабый ответ. Лиллехорна от этой рыжеволосой девушки и Хадсона Грейтхауза отделял лишь его стол, и он ухватился за его край обеими руками, как будто хотел поднять его в качестве щита против разъяренной девушки. — Но… послушайте… я делал все возможное, чтобы помочь ему. Клянусь, я пытался. Просто… ну… он начал препираться с судьей Арчером. Это была ужасная сцена.

— Такая же ужасная, как несколько дней — и ночей — в Ньюгейте? Очень в этом сомневаюсь! — терпение Берри подходило к концу. Усталость ломила ей все кости, но бороться она готова была до последнего. Путешественники, наконец, прибыли в Лондон этим утром — около часа тому назад — нашли себе комнаты в Соумс-Инн на Флит-Стрит и тут же направились в кабинет помощника главного констебля, как только им удалось найти карету и выведать верное направление. Медно-красные волосы Берри сейчас напоминали спутанный клубок из нескольких птичьих гнезд, глаза ее горели, как два уголька на усеянном веснушками лице, а рот был готов откусить голову этой бледно-голубой змее в костюме, прячущейся за своим столом с глуповатой полуухмылкой-полуулыбкой на лице.

— Его должны были сразу же отпустить! — воскликнула Берри, и голос ее добрался до опасной громкости. — Клянусь

Господом и Святой Девой Марией, что проведу остаток дней, наблюдая за тем, как *вы* гниете в этой дыре, если вы его не…

— *Выпущу?* — спросил Лиллехорн с удивительно спокойным выражением лица, выдерживая жаркий напор девушки. — Я как раз собирался сказать вам. Он уже не в Ньюгейте.

Эти пять слов, произнесенных в одно мгновение, внезапно обрушили молчание на комнату и притушили разгорающийся пожар по имени Берри Григсби, однако это было лишь затишье перед новой бурей.

— Кровь Христова! — прогремел Хадсон, выходя из себя. — Почему вы не сказали это первым делом?

Наступил драгоценный момент, когда помощник главного констебля трезво оценил свою прожитую жизнь и решил, что хочет прожить еще хотя бы несколько часов, поэтому он помедлил, прежде чем заговорить сова. Его голос предательски сорвался на первом же слове, и ему пришлось начать снова.

— Есть… есть одна проблема, — проговорил он. — Я как раз собирался идти в здание суда — это рядом, буквально через двор, — он поднялся и заметно затрясся в присутствии этих мужчины и женщины, проделавших путь из самого Нью-Йорка, чтобы отыскать Корбетта. Два этих урагана пролетели мимо его клерка прямо в кабинет и готовы были освежевать помощника главного констебля. — Вы не пройдетесь со мной туда?

— А в чем, собственно проблема? — Хадсон ожег его глазами.

— Прошу. Просто… пойдемте со мной, и вам все объяснят.

Это, подумал Лиллехорн, *была, пожалуй, самая большая ложь, когда-либо срывавшаяся с моих губ*.

Хадсон и Берри вышли в компании Лиллехорна, спустились по лестнице во двор и прошли его строго выложенным геометрическим путем под тяжелым серым небом до здания суда. Они вошли в тяжелые двери и встретили молодого клерка с соломенными волосами по имени Стивен. Далее они оказались в кабинете с картотекой, книжными полками и белыми стенами, увешанными портретами знаменитых покойников.

— Я знаю, знаю, — сказал молодой человек, как только увидел Лиллехорна. Он поднял руку, чтобы поправить свои квадратные очки. Глаза его выглядели утомленными, под ними пролегали темные круги. — Как это случилось… я понятия не имею.

— *Что* — случилось? — практически проорал Хадсон. А затем, едва сдержав себя, представил себя и спутницу. — Мое имя Хадсон Грейтхауз, а это мисс Берри Григсби. Мы прибыли из Нью-Йорка, чтобы найти Мэтью Корбетта, и только что нам сообщили, что он был помещен в Ньюгейтскую тюрьму. Когда состоялось

слушание?

— Слушания не было, сэр, — прозвучал голос из дверного проема, где появился худой, но весьма солидного вида мужчина со светлыми волосами, схваченными черной лентой сзади. Одет он был в темно-синий костюм с блестящими серебряными пуговицами, серый жилет и белые чулки. На аристократическом лице не мелькнуло и тени улыбки. — Я уже был на пути сюда, когда громкость вашего голоса чуть не занесла меня обратно в мой кабинет. Вы могли бы говорить тише, чтобы не распугать всех голубей на крыше?

— Судья Уильям Атертон Арчер, — представил его Лиллехорн своим двум знакомым из Нью-Йорка и тут же отступил на шаг, словно желая слиться со стеной, пока здесь не началась настоящая бойня.

— О, так это *вы!* — Хадсон по-волчьи ухмыльнулся, понимая, что у многих людей после этой ухмылки вся жизнь пролетала перед глазами. — *Судья,* — он почти выплюнул это слово. — Который отправил моего друга в Ньюгейт. Я уже спросил клерка, но теперь могу спросить вас: когда состоялось слушание?

Арчер приблизился к Хадсону. Когда он пересек черту, перед которой остановился бы любой другой человек, и даже подступил на пару шагов ближе, он поднял глаза на широкоплечего решателя проблем и уставился на него, как бульдог на быка.

— Как я уже сказал, слушания не было. *Сэр,* — он добавил последнее слово нарочито бесстрастно. — В колониях ведь еще понимают по-английски?

— Да. И могут различать грани глупости, чему лондонским судьям еще стоит поучиться.

Лиллехорн издал звук, словно бы наполненный болью, исходивший из самых недр его существа.

Клерк, казалось, очнулся от своего полусонного состояния и счел нужным вступиться.

— Судья Арчер, эти двое спрашивали о…

— Я знаю, для чего они здесь, — слова были обращены к клерку, однако горящие темно-синие глаза все еще безотрывно смотрели на Грейтхауза. — Я успел к началу этого действа, и у меня от него до сих пор в ушах звенит. Да, я отправил Корбетта в Ньюгейт. Без слушания. Слушание будет позже, когда его найдут, — муха пролетела между лицами двух мужчин, готовых разорвать друг друга в клочья, и Арчер небрежно отмахнулся от нее. — Смотрите, что вы впустили сюда, Лиллехорн, — это было сказано с пылающим гневом взглядом, все еще сосредоточенным на Хадсоне. — Маленькую летающую неприятность, чтобы, видимо, добавить радости в мой день.

Едва не плача, Берри заговорила.

— Все, чего мы хотим, это Найти Мэтью!

— Тогда наши желания схожи. Мистер Джессли, введите их в курс дела.

Клерк опустил голову и глубоко вздохнул. Муха покружила вокруг его головы и приземлилась на его правую щеку. Он отогнал ее нервным движением пальцев и заговорил.

— Вчера поздно вечером… я получил послание из конторы констебля. Это было почти под закрытие… все судьи уже ушли, и я остался здесь один. Посыльный принес документ. Судья Арчер уже просмотрел его.

— Официальный документ с соответствующей печатью. Сейчас он находится в моем кабинете, — добавил Арчер. — Продолжайте, мистер Джессли.

— В этом документе, — сказал Стивен. — Был запрос о немедленном переводе заключенного Мэтью Корбетта из тюрьмы Ньюгейт в тюрьму Хаундсвич, в районе Уайтчепел. То, как это было… точнее, как это *написали* не оставляло никаких сомнений в том, что слово «*немедленно*» стоило понимать буквально. И… каким-то дьявольским заговором… документ был не только написан на официальном пергаменте с печатью, но и имел три подписи: главного констебля лорда Ривингтона, помощника главного констебля Лиллехорна и…

— Мою собственную, — едко закончил судья. — Разумеется, это подделка, но подделка очень качественная.

— И вправду, качественная, — согласился Стивен. — Как и в случае подписей господ Ривингтона и Лиллехорна. Я знаю, что должен был подождать до утра, чтобы уточнить это… — виноватый взгляд был адресован Арчеру. — Но…

Выражение лица молодого человека было растерянным, водянистые глаза за стеклами очков беззащитно смотрели на судью. Муха снова приземлилась на его лицо, и рука клерка вдруг взметнулась вверх и схватила насекомое, готовое улететь.

— Я подумал, что получил прямой приказ, — сказал он, и все в комнате услышали тихий хруст, когда пальцы клерка оборвали жизнь крылатого вредителя. — Мне очень жаль, сэр. Я совершил непростительную ошибку.

Арчер протяжно выдохнул и не вдыхал в течение нескольких секунд. Он прошел мимо Хадсона и Берри, обошел стол клерка и положил руку на плечо молодого человека.

— Не тревожьтесь, — тихо сказал судья. — Ошибка была допущена, да, но как вы могли знать, держа этот документ в руках, что приказ фальшивый?

— Хорошо, мы уяснили эту часть, — сказал Хадсон. — Итак,

Мэтью сейчас находится в тюрьме Хаундсвич, все верно?

— Лиллехорн? — обратился Арчер. В голос его вернулась прежняя едкость. — Так как это *ваши* люди, вам и выпадет честь объяснить.

Лиллехорн страдальчески воззрился на своих знакомцев, и казалось, что та самая боль, от которой от страдал некоторое время назад, подкатила прямиком к его горлу.

— У нас здесь… образовалась некоторая проблема в последнее время. Уже несколько месяцев она имеет место, то есть, началась она еще до моего переезда в Лондон. Итак… я… должен сказать вам… что…

— Что маньяк, называющий себя Альбионом, — нетерпеливо перебил Арчер. — Подстерег тюремный экипаж вчера вечером, напал на возницу, угрожал охранникам, которые явились для перевода Корбетта в Хаундсвич, похитил вашего человека и скрылся с ним. Это случилось после сфабрикованных безумных заявлений, просочившихся из Ньюгейта, что Альбион материализовался *внутри* здания тюрьмы и сделал угрожающий жест в сторону вашего Корбетта.

Ни Хадсон, ни Берри не смогли вымолвить ни слова. Грейтхаузу показалось, что он даже слышал в тишине, как движется воздух в комнате в течение этой паузы, когда каждый пытался найти нужные слова, но не мог произнести ни звука.

— Так что… нет, Корбетт не в Хаундсвиче, — продолжил Арчер. Он похлопал клерка по плечу, и Стивен кивнул в знак благодарности за этот дар стабильности, тут же снова поправив очки. Хадсон вдруг понял, что тупо смотрит на небольшой отпечаток расплющенных внутренностей мухи, попавших на рубашку молодого человека. — Неизвестно, где именно Корбетт сейчас находится, — сказал Арчер, вновь обойдя место клерка. — Также (и я *обязан* это сказать) неизвестно, жив он или мертв. С момента своего первого появления в мае Альбион убил шестерых человек мечом. Я сам допрашивал одного из охранников этим утром. Меч Альбиона ранил ему нос и едва не вспорол горло, и я бы сказал, что обоим сопровождающим Корбетта удалось еще легко отделаться. Хотя… загадка вот, в чем: Альбион потребовал плащ, треуголку, фонарь и все деньги, что были у охранников, и передал их Корбетту. Стражи, в свою очередь, говорили, что Альбион общался с ним весьма вежливо, предлагал ему *помощь*, что свидетельствует о… я не знаю, о чем.

— *Альбион?* — наконец, сумел выдавить Хадсон. — Что это за имя такое?

— Вымышленная личность убийцы, который ходит по всей округе в плаще с капюшоном и носит золотую маску. Мне

докладывают о его совершенных около полуночи нападениях на следующее утро. Никто никогда не видел его лица.

— Черт, — прошипел Хадсон. Он понимал, что Берри сейчас схватила его за руку лишь потому, что он был единственным, кто помогал ей пережить эту новость. Он приобнял ее, стараясь удержать от возможного падения. — Итак, насчет лиц, — обратился он к клерку. — Кто принес этот документ вчера? Кто-то, кто вам знаком?

Стивен покачал головой.

— Именно здесь-то я и допустил ошибку. Я не узнал этого человека, но он сказал мне, что только недавно начал работать в департаменте. Он был весьма убедителен: знал все соответствующие имена и должности и назвал их, когда я спросил, с кем он работает.

— А как он выглядел?

— А что, вы думаете, *вы* можете его знать? — скептически спросил Арчер. — Вы ведь только недавно прибыли? Мистер Джессли уже изложил мне и Ривингтону детальное описание, и такого посыльного никто из нас никогда не видел.

— Позвольте мне сказать, — робко отважился Лиллехорн. — Что мистер Грейтхауз, как и Мэтью Корбетт, работает на агентство «Герральд».

— О, Господи! — был ответ. — Да, нам, разумеется, нужно как можно больше рук, чтобы замешать эту и без того запутанную кашу, чтобы все усилия пошли прахом!

Однако добро на рассказ судья дал, и Стивен, получив одобрение, начал:

— Это был молодой человек, — он приложил руку к левому виску, как будто это могло помочь ему сделать впечатления четче. — Может, лет двадцати или около того. Примерно моего возраста. Среднего роста и худого телосложения. Хорошо одет. Имел опрятный внешний вид. Каштановые волосы, сзади перехваченные лентой. Карие глаза… кажется. Может, немного сероватые. Он казался умным и организованным. Ну… обычный посыльный, — Стивен пожал плечами, заканчивая мучительные роды своей памяти.

— Шрамы? — спросил Хадсон. — Может, ямочка на подбородке? Что-нибудь необычное в нем было?

— Нет, сэр.

— Эврика! — воскликнул Хадсон с фальшивой улыбкой, быстро переросшей в ухмылку. — Я полагаю, круг подозреваемых можно сузить… тысяч до десяти!

— Правительство Лондона не имеет тесных связей с агентством «Герральд» касательно этого печального дела, сэр, —

заметил Арчер, одаривая Грейтхауза очередным обжигающим взглядом. — И я, и сэр Ривингтон записали показания мистера Джессли на бумагу, это нам не стоило и шиллинга. Их приложили к тому таинственному документу.

— Я хотел бы взглянуть на этот документ, — сказал Лиллехорн. А затем, как будто опасаясь, что был слишком требователен, добавил. — С вашего разрешения, я хотел сказать.

— Разумеется. Вашу подпись ведь тоже подделали. Первоклассная работа. Пожалуй, стоит повесить ее после в рамку рядом с другими памятными бумагами… само собой, только когда состоится необходимое слушание, и ответственный за это преступление предстанет перед судом и будет наказан, — взгляд Арчера переместился на клерка. — Вы в порядке, молодой человек?

— Да, сэр. Я не слишком хорошо спал прошлой ночью. Наверное, у меня было предчувствие, что я сделал что-то неправильное.

— Пожалуй, вам стоит немного отдохнуть сегодня. Можете напиться до беспамятства, если вам это поможет, но завтра будьте в форме. Хорошего вам дня, сэр, и вам, мисс. Лиллехорн, если хотите взглянуть на документ, пройдемте со мной.

— Минуточку! — возразил Хадсон. — И это *все*?

— Что — все?

— Все, что будет сказано и сделано? Мэтью же где-то там, возможно, в лапах убийцы!

— И что же вы хотите, чтобы мы сделали?

— *Разыщите* его!

— Хммм, — протянул судья, приложив палец к подбородку. — Я уверен, наша армия констеблей примется за него сразу же, как только сто девяносто четыре других случая убийства, нападения, вооруженного ограбления и другого насилия, совершенных за последние пару дней, будут раскрыты. Кстати, — он обратился к Лиллехорну. — Как идет расследование по делу мадам Кандольери? Я был слишком занят этим утром, чтобы спросить.

— Как прежде. Ни слова о выкупе.

— В этом же нет никакого смысла! Зачем кому-либо похищать ее и после не требовать денег?

— Возможно, — предположил Лиллехорн. — Они желают… приватных оперных выступлений?

Хадсон решил включиться в разговор.

— Что, у вас здесь пропавшая оперная певица?

— Если бы она была *у нас и здесь*, она не считалась бы пропавшей, — холодно отозвался Арчер. — Похоже, в колониях

катастрофически не хватает учителей логики.

— Это мы переживем, — нашлась Берри. — По крайней мере, у нас учат хорошим манерам.

— Да, с хорошими манерами, заказывая себе за шесть пенсов себе чашку чая, не пропадешь. Впрочем, хватит бесполезного трепа. Отправляйтесь по своим делам, а это — оставьте нам. Сами найдете выход?

— Если что, пройдем по угольному желобу, — хмыкнул Хадсон. — Раз уж нас просят смыться.

— Тогда скользите на здоровье, — ответил Арчер, и Лиллехорн последовал за ним в его кабинет, направив последний беспомощный взгляд на Грейтхауза и Берри, будто говоря: *я сделал все, что мог*.

— Он всегда такой придурок? — спросил Хадсон клерка после того, как звук шагов судьи и помощника главного констебля смолк за дверью.

— Он очень способный человек. Немного… заносчивый, да, но он определенно подходит для этой работы.

— Что ж, поверю вам на слово. Скажите, есть что-то еще, что вы могли бы вспомнить о том посыльном?

— Ничего сверх того, что я *уже* рассказал, — глаза молодого человека за квадратными очками обратились к Берри. — Я… так понимаю… вы питаете особый интерес к мистеру Корбетту?

— Да, — твердо ответила она. — Вы правы.

— И вы проделали такой долгий путь. Пожалуй, он действительно особенный человек.

— Она любит его, вот и вся особенность, — буркнул Хадсон. — И он ее тоже любит, но слишком глуп, чтобы сказать ей об этом.

— Ох… — выдохнул Стивен, и на секунду отвлекся на собственные руки, изучая их. Когда он снова поднял на девушку глаза, его лицо смягчилось. — Я сожалею о том, что произошло. Судья Арчер тоже сожалеет, но он… у него свой способ выражаться. Если это поможет вам, мистер Корбетт казался весьма стойким человеком. Я хочу сказать, я видел его только однажды — прямо здесь. Это длилось всего несколько минут, но он действительно показался мне очень выносливым. Я подумал бы, что он…. *умеет выживать*.

— Да, это он может, — ответила Берри. — Но даже несмотря на это, я не могу думать без содрогания о том, что могло с ним приключиться там… в компании этого создания ночи.

— Ну, — сказал молодой человек. — Сейчас день, и сейчас ему опасность от рук Альбиона не угрожает.

— Хотелось бы знать это наверняка, — отозвался Хадсон. Он

направился вперед к овальному окну кабинета. — И это вы называете *днем*? Я уже и забыл, что Лондон такой понурый.

— К этой серости быстро привыкаешь. Что ж, если я могу еще чем-то вам помочь… — Стивен поднял лист бумаги перед собой и взял перо, готовясь к работе.

— Нет, больше ничем, — ответил Хадсон. — Хорошего вам дня.

— И вам, сэр и мисс.

На пути к выходу, когда они прошли уже больше половины центральной лестницы, Хадсон заговорил со спутницей:

— Это место — чертовски странная бочка соленых огурцов, не находите?

— Совершенно согласна, — отозвалась Берри. — Господи, как я устала… но я не смогу уснуть, пока просто не упаду без сознания.

— Нам обоим нужно что-нибудь поесть. А еще раздобыть где-нибудь чашку чая или кофе. А там уж выясним, что делать дальше, — он покачал головой, пока они спускались по ступеням. — Все, что касается этого Альбиона… да еще и посыльного с поддельным приказом… черт, во что Мэтью *на этот раз* ввязался?

— Во что-то, из чего — я молю Господа — ему удастся выпутаться, — она вдруг остановилась, замерев в нескольких ступенях от нижнего этажа. Хадсон тоже не спешил продолжать путь. Щеки девушки вдруг зарделись. — Он… *любит меня*? Так вы сказали?

— Да, сказал.

— У него весьма своеобразный способ выразить любовь.

— Возможно, что так. Думаю, нам следует об этом поговорить, но сначала, прошу, давайте сходим пообедать?

— Хорошо, — согласилась она с легкой улыбкой, в которой чувствовалась надежда, затем последовала за ним в сторону двери в здание суда, а Хадсон, в свою очередь, пытался понять, как заставить девушку не думать о том, что человек, которого она любит — и который, определенно, любит ее — может в настоящий момент уже быть мертв.

***

— Похоже, он приходит в себя.

Голос — даже не голос, а только эхо от голоса — заставил

Мэтью осознать, что он возвращается к жизни, и даже при том, что голова его раскалывалась от боли, молодой человек понял, что где-то рядом говорила женщина… возможно, даже ангел, а значит, он умер и милостью Божьей попал в место, расположенное как можно дальше от Лондона. Но Дьявол был хитер и, видимо, вознамерился наказать его за грехи прошлого, поэтому молодой решатель проблем из Нью-Йорка открыл глаза в реальном мире, тут же услышав:

— Ага, даже лицо цвет меняет. Он приходит в себя. Эй, очнись!

Рука ухватила его за плечо и потрясла — не слишком уж нежно.

— Дай ему пощечину, посмотрим, не разбудит ли его это, — прозвучал мужской голос.

А затем другой голос — тоже принадлежавший мужчине.

— Сожми ему перчик, тогда аж подскочит.

Инстинктивно рука Мэтью направилась, чтобы прикрыть причинное место, и он тут же обнаружил, что одежда его украдена, и он лежит здесь, в чем мать родила.

Глаза его распахнулись. Размытый свет снова заставил зажмуриться. Голова казалась тяжелой, как наковальня, а шея на ее фоне ощущалась хрупким стеблем пшеницы.

— Почти очухался, — снова сказала девушка. По крайней мере голос был явно девичий. — Давай, парнишка, попробуй еще раз.

— Дайте-ка я поссу ему в лицо, — предложил один из них. — Это всегда работает.

— Минуту… — сумел выдавить Мэтью, но у него получился только сиплый полушепот. — Подождите минуту, — сказал он уже громче. — Сдержите ваш… порыв, пожалуйста.

Они расхохотались. Двое мужчин и одна девушка.

Из всех унижений и страданий, которые ему пришлось пережить в последнее время, сильнее всего его почему-то раздражала именно перспектива быть осмеянным. Это распалило его гнев, и выбросом этой энергии ему удалось вырваться из цепких объятий темноты, к которой его привел — как он вспомнил — удар ботинком по лицу. Глаза открылись. Медленно обретая черты, перед ним появились три лица, омытые желтым искусственным светом лампы. Остальная часть комнаты, где бы она ни находилась, тонула в темноте.

— Ну, наконец-то ты с нами, — сказала девушка, и ее размытое лицо, похоже, подарило ему искреннюю улыбку.

— С вами… это *где?* — сумел спросить Мэтью. Он обнаружил, что его накрыли тонким одеялом, и все это время он лежал на

матрасе, набитом соломой.

— В нашем подвале, — сказал один из мужчин. — Примерно в двух кварталах от того места, где мы тебя подобрали.

— Да, Рори очень сожалеет о случившемся, — подал голос второй мужчина с более высоким и чуть гнусавым голосом, чем у первого. — Но твоя голова просто не вовремя попалась на пути, а нам некогда было разбираться.

— Моя голова… да, — Мэтью вытащил руку из-под одеяла и ощупал свою челюсть. Казалось, болью отозвался каждый волос его бороды. Место, куда пришелся удар, сильно распухло, и не было никакой необходимости убеждаться в плачевности собственного состояния, продолжая себя ощупывать. Но при этом — что было довольно странно — он чувствовал себя *чистым,* а кожа немного саднила, как будто ее яростно терли чем-то шершавым довольно долгое время. А еще… неужели до него доносился запах мыла?

— Я, что… побывал… в ванной? — осторожно спросил он у трех расплывчатых соглядатаев.

— И это была непростая работа, — ответила девушка. — Превратить наполовину мертвое тело в живого человека и смыть всю эту грязь. Когда дело было сделано, можно было наполнить целую корзину тем налетом, что мы с тебя сняли.

Когда, подумал Мэтью, вспомнив о времени.

Полночь, таверна «Три Сестры»! Улица Флинт! Одна половина его была готова вскочить в тот же миг, но вторая чувствовала себя тяжелой, как морской якорь.

Он попытался приподняться хотя бы на локтях, но даже это оказалось сложной задачей.

— Сколько времени? — спросил он, обращаясь к одному из размытых лиц.

— Слышь, ты, я, что похож на гребаные часы? — прорычал первый мужчина.

— Будь с ним помягче, Кевин, — сказала девушка. — Он все еще не до конца вернулся на землю. Ну… я думаю, сейчас чуть больше одиннадцати.

— Мне нужно попасть в «Три Сестры» на улице Флинт. Я должен быть там в полночь.

— В *полночь?* — она тихо усмехнулась. — Тогда у тебя достаточно времени в запасе. Примерно часов двенадцать. И улица Флинт отсюда всего в нескольких минутах ходьбы.

— Двенадцать часов? — наконец, его осенило. — То есть… сейчас чуть больше одиннадцати *утра*?

— Верняк.

— Ох… — выдохнул Мэтью. Он снова прилег на матрас.

Возможность встречи с Альбионом была упущена. — *Черт,* — тихо прошипел он.

- «Три Сестры» никуда не убегут, — сказал Кевин. — Как и ты, судя по твоему виду.

Мэтью прекрасно понимал, что это был не комплимент. Ему пришло в голову, что не только сам удар продержал его без сознания так долго, он послужил лишь толчком, после которого организм его провалился в беспамятство, пережив множество столь долгих и изнурительных ночей почти без сна.

— Ты, наверное, сильно изголодался по тамошнему пойлу, — сказала девушка. — Это поэтому ты начал около полуночи вертеться во сне и бормотать что-то непонятное? Я знаю, потому что я сидела рядом с тобой тут и все видела, — она повернула голову, чтобы поговорить с кем-то из своих товарищей. — Надо сказать Рори, что он пришел в себя.

— Я ему скажу, — сказал второй мужчина, затем послышался стук сапог, удаляющийся прочь по каменному полу.

— У нас куча вопросов к тебе, — обратилась девушка к Мэтью. — Но надо дождаться Рори для этого.

— Это запросто, — пробормотал Мэтью, все еще проклиная себя за то, что пропустил встречу и, кроме того, за упущенную возможность прояснить что-то в этой таинственной истории. — Давайте подождем Рори. А пока… — ему пришлось сделать паузу в несколько секунд, потому что для его опухшей челюсти говорить сейчас было все равно, что жевать пушечные ядра. — Ты говоришь… улица Флинт находится в нескольких минутах ходьбы отсюда? Я так понимаю, я нахожусь в каком-то подвале, но… кто вы такие?

Лицо девушки показалось из темноты и полностью попало в круг света масляной лампы, стоящей на ящике прямо над головой Мэтью, и она взглянула на него, как ангел, спустившийся с небес.

— Мы твоя новая семья, — был ответ. — Если тебе так угодно.

Зрение Мэтью практически полностью прояснилось. Первым делом он обратил внимание, что этой девушке на вид около шестнадцати или семнадцати лет. Стройная, даже хрупкая, с кудрявыми каштановыми волосами, остриженными коротко, как у мальчика. Немного неопрятное лицо имело форму сердца, дикие брови темнели над карими глазами, блестящими в свете лампы и становившимися в нем золотистыми. Под правым гладом темнел синяк, чуть припухший, на подбородке краснела небольшая царапина, а еще один ушиб был на правой щеке, ближе к скуле, и небольшой порез проходил по ее курносому носику.

Это, подумал Мэтью, и был тот, кого он счел маленьким

мальчиком, на которого напали три хулигана. Однако ее заявление, сделанное чуть раньше, не имело для него никакого смысла… впрочем, как и все предыдущие события последних дней.

— Как тебя зовут? — спросил молодой человек.

— Пай Пудинг, — назвалась она, и ее добрые и любопытные глаза проследили за реакцией на его лице, да и самого его оглядели с интересом. — А тебя?

— Мэтью Корбетт.

— Здоров, Мэтью, — сказала она, и на лице ее снова растянулась улыбка.

— Эм… привет… Пай, — отозвался он.

— Ну, что, наш храбрый, но глупый и *очень* везучий воин пришел в чувства? — раздался голос в подвале, когда его обладатель еще не приблизился к Мэтью. Молодой человек услышал стук нескольких пар ботинок снова, и девушка, назвавшаяся Пай, подвинулась, чтобы подпустить мужчину поближе.

— Рори, глянь, что ты сделал, — сказал мужчина, обращаясь к кому-то вне поля зрения Мэтью.

— Жалко, — прозвучал другой голос в ответ. — Конечно, это была просто ссадина. Следующий пинок сделал бы из твоей челюсти отбивную. Прости, приятель, — теперь он обращался к Мэтью. — Чувствуешь себя сносно?

— Моя челюсть все еще на месте. И язык я себе не откусил. Немного трудно говорить, но… да, сносно.

— Как раз это я и хотел услышать, — вновь прибывший опустился на колени рядом с Мэтью, откупорил бутылку, которую держал в руках и протянул ее. — Подарок тебе, — сказал он. — Лучший ром, который мы только смогли достать.

Мэтью взял бутылку и, не медля, сделал глоток. На деле, он не возражал против того, чтобы напиться в стельку. Ром обжег ему рот и горло, и зашипел в желудке, но молодому человеку показалось, что он никогда не пил ничего вкуснее.

— Его зовут Мэтью Корбетт, — сказала Пай Пудинг.

— Рори Кин, — представился новый человек. — Я здесь что-то… вроде хозяина особняка.

Мэтью сделал очередной долгий глоток.

— Хозяин особняка?

— Всего, что ты видишь здесь, внизу и наверху. Три квартала на юг, три на запад, четыре на восток и два на север. Работаем сейчас над расширением наших территориальных владений, — на его румяном лице показалось три серебряных зуба на верхней челюсти, и два — на нижней. Его глубоко посаженные опасные

светло-голубые глаза пугающе пылали. — Ты попал на земли Черноглазого Семейства, и мы рады такому галантному парнише. То, что ты решил спасти нашу Пай — хотя она никогда не нуждается в спасении — показало, что у тебя есть яйца. А я люблю яйца, хотя и не в том смысле, в котором их любят некоторые.

Еще одна девушка из этой группы, зашедшая в подвал, звонко рассмеялась, и в конце совсем не по-девичьи хрюкнула.

— Теперь, — сказал Рори Кин, пламенные волосы которого были настолько густыми, что казалось, если он поднесет к ним расческу, то она сгорит и превратится в угли. — Пей, сколько влезет, друг Мэтью, а мы будем задавать тебе вопросы, и мы надеемся, что ответы твои будут верны, как дождь, потому что мы любезно к тебе отнеслись, но в следующую секунду можем отправить тебя в могилу без сожаления со вторым ртом на твоем горле, если нам не понравится то, что ты скажешь.

И, продекламировав это, он положил угрожающе выглядящий нож на ящик рядом с головой Мэтью, а Мэтью — в некотором замешательстве — отметил, что лезвие ножа уже было запачкано чьей-то засохшей кровью.

Глава семнадцатая

Возможно, это был очень мощный ром. А возможно, дело было в том, что Мэтью все еще холодно проклинал себя за то, что пропустил полночную встречу. Правда, вероятнее всего, дело было в том, что через несколько секунд после того, как Рори Кин заговорил, и нож, перепачканный чужой кровью, появился в поле зрения, вихрь воспоминаний пролетел сквозь разум Мэтью — обо всем, что он делал и видел, обо всех тех тяжких злоключениях, выпавших на его долю, обо всех людях, которых он любил, которых потерял… обо всей той боли, которую он испытал, будучи вынужденным оттолкнуть Берри, надеясь таким образом защитить ее от величайшей акулы всех морей, Профессора Фэлла.

Поэтому, храня все это в сознании, под прожигающим взглядом Рори Кина с инструментом, могущим поспособствовать мучительной смерти, в двенадцати дюймах от его головы, Мэтью посмотрел в румяное лицо хозяина Черноглазого Семейства и сказал с едва скрываемой яростью:

— Не смей угрожать мне.

До этого момента на лице Рори Кина сияла насмешливая полуулыбка, но теперь Мэтью увидел, как она тает, как маска из воска под пламенем свечи.

— Мне не важно, кто ты. Какая тут роль у каждого из вас, — продолжил он с прежним напором. — Я направлялся в таверну «Три Сестры» и увидел кого-то, кому нужна была помощь, поэтому постарался помочь, насколько мог. За это я получил пинок в челюсть, а еще был брошен в подвал на грязный матрас, а теперь мне угрожают смертью, если мои ответы не будут «верны, как дождь». Возьми свой нож, засунь его себе в задницу и отвали от меня, потому что я в эти игры играть не собираюсь.

В помещении воцарилось гробовое молчание. Лицо Кина было совершенно непроницаемым, прочесть что-либо по нему было невозможно.

— Ты забыл кое-что, Мэтью, — вмешалась Пай.

— Что? — раздраженно рявкнул он.

— Тебя тут еще помыли, — сказала она мягко.

Кин все еще не двигался и не выказывал ни одного признака эмоций. Больше никто не решался заговорить.

После того, как в помещении пролетела одна молчаливая вечность, рука Кина поднялась и забрала нож. Он вернул его в карман своего коричневого плаща. Мэтью заметил, что у этого человека есть татуировка — глаз в черном круге — на руке между

большим и указательным пальцами. Кин некоторое время изучал Мэтью, как мог бы изучать мертвую рыбу из улова.

— Мои извинения, — произнес он. — Но, знаешь ли, у нас деловой интерес. И у нас тут идет борьба таких интересов. Необходимо быть осторожными с теми, кому доверяешь. Мир беспощаден, я прав? — он дождался, пока Мэтью согласится, но Мэтью хранил молчание.

— Отличненько тогда, — продолжил Кин. — Я сделаю скидку на то, что тебе крепко досталось, мозг у тебя чуть в кашу не перемололся, а несколько глотков рома, похоже, сразу ударили тебе в башку. Я предпочту не заметить, что нашей Пай твой длинный елдак приглянулся. Я опущу и тот момент, что ты был одет так, будто сбежал из тюрьмы или работного дома, а еще, что ты был грязный, как будто не мылся несколько месяцев. Я видел шрам у тебя на лбу. Ты явно его получил не в детской перепалке, а угодил в какую-то мутную историю. Положим, я на все это закрою глаза, — сказал он. — Но заруби себе на носу: я никогда не позволю тебе говорить со мной в таком тоне снова.

Лицо его во время этой тирады оставалось совершенно бесстрастным, и ни следа эмоций на нем не появилось.

— Это — понятно?

Мэтью хотел с вызовом вздернуть подбородок и ответить твердое *нет*, но понял, что это скользкий путь, который может очень плохо закончиться, поэтому хмуро пробормотал:

— Понятно.

Выражение лица Кина не изменилось. Затем — медленно — улыбка снова показалась на его губах.

— Поесть хочешь? — спросил он. — Готов поспорить, хочешь. Паули, иди, принеси ему какой-нибудь еды. Тушеная говядина устроит? Из таверны «Пьяная Ворона», которая через улицу. Вообще-то там в основном конину подают, но вкусно. Так как?

Мэтью кивнул.

— Хорошо. Паули, принеси еще одну бутылку. И мне тоже захвати. Давай, беги.

Послышался звук чьих-то шагов по каменным ступеням, затем пол явно сменился на деревянный, потому что стук изменился.

— Пока что я тебя оставлю, — сказал Кин, обращаясь к Мэтью. — Пай останется с тобой, будет отгонять крыс. Пай, ты же не против?

— Не против, — отозвалась она.

— Ну и хорошо, — Кин поднялся. — Поговорим о делах позже, Мэтью.

Затем он повернулся и, окруженный группой людей, которых

Мэтью не разглядел, покинул подвал.

Прошло довольно много времени, прежде чем Пай заговорила. Голос ее звучал очень тихо.

— Рори впервые убил, когда ему было двенадцать.

— Расскажи.

— Вот и рассказываю. Он отрубил своему папаше голову топором. Это было сразу после того, как он его мамашу забил до смерти на его глазах… ну, топор был несколькими минутами позже. У его папаши от джина крыша поехала. Рори должен был либо убить его, либо сам умереть.

Мэтью понимал это, поэтому ответил:

— Мы все несем за собой окровавленный топор — в том или ином смысле. Просто мне не нравится, когда мне угрожают без причины, поэтому…

— У Рори есть причина, — Пай присела на колени на пол, чтобы лучше видеть молодого человека. А он, в свою очередь, мог лучше разглядеть ее. — Один из наших был убит около двух недель назад. На улице Кресцент, это через дорогу к северу от «Трех Сестер». Дело в том, что он в тот вечер как раз выпивал там. Поэтому когда ты сказал, куда направлялся… а еще ты тут чужак, и это все заставило его… скажем так, напрячься.

Мэтью внезапно осенило. Черноглазое Семейство. Называемое так, видимо, из-за темного макияжа, который они на себя накладывают. Именно это он увидел во время нападения, когда получил удар в челюсть — черные глаза. Мысль, мелькнувшая в сознании, увлекла его воспоминаниями обратно в тюрьму Святого Петра, где он читал «Булавку» своим сокамерникам — Беловолосому и Сломанному Носу.

Тогдашний заголовок гласил: *Альбион Снова Атакует. Убийство Совершено на Улице Кресцент.*

Мэтью вспомнил, что жертву звали Бенджамин Грир, и он был недавно освобожден из тюрьмы Святого Петра. Тогда Беловолосый сказал: *Бенни… черт, он был хорошим парнем. Сбежал с бандой под названием Черноглазое Семейство и устроил не один беспорядок… может, он и делал кое-что, что нельзя назвать порядочными поступками, но у него было доброе сердце.*

Мэтью решил, что не в его интересах заявлять, что он знает имя члена Черноглазого Семейства, который был убит мечом Альбиона. Сейчас было явно не то время, чтобы идти столь опасным путем, поэтому пришлось придержать обжигающий поток вопросов, готовый вырваться из его рта.

— Ты хотел что-то сказать? — спросила Пай, потому что он уже почти начал говорить, но вовремя одернул себя.

— Нет.

— А похоже, что хотел.

— Я хотел спросить… — он переменил тему. — По поводу того, что случилось прошлой ночью. Ты… на той улице с теми непонятными, разукрашенными под индейцев уродами, которые тебя били… к чему это все?

Пай, которая не только стриглась, как мальчик, но и носила мужскую одежду, вдруг достала откуда-то глиняную трубку, ловко забила ее и приготовилась закурить. — Меня поймали Могавки, которые развлекаются тем, что наряжаются индейцами. Стараются подражать индейцам-могавкам из колоний. Берут себе соответствующие имена даже. А иногда носят с собой копья и томагавки. Огненный Ветер у них там всем заправляет.

— Ты, должно быть, шутишь…

— Нисколько, — она подожгла табак в трубке, глубоко затянулась и выпустила облако дыма, которого проскользнуло между ней и Мэтью. — Видишь ли, у нас с ними война. Не только с этими Могавками, но и с другими тоже.

— С другими?

— Ну, конечно. Разные банды. Мы ими окружены. На севере — могавки и Нация Амазонии, на востоке хулиганы, зовущие себя Страшилами, на западе — банда Антракнозов и Люцифериане, а на юге — Дикий Круг и Культ Кобры.

— Хм… — только и сумел выдать Мэтью. — А Клоунов-Убийц среди них, часом, нет нигде?

— Ха! О, нет! — она нервно хохотнула и выпустила облако дыма. — Это было бы чертовски глупо. Но есть и еще кое-кто, о ком я тебе не рассказала. Эти обитают прямо здесь, совсем рядом.

Пока Пай курила свою трубку, Мэтью заметил у нее такую же татуировку, как у Рори — глаз в черном круге — на руке между большим и указательным пальцами.

— Я так понимаю, — заговорил он. — Ваши татуировки — это ваш… как бы это назвать… символ банды?

— Знак семьи, — поправила она. — Черноглазое Семейство — моя семья. Они могут стать и твоей семьей, если ты этого захочешь… после того, что ты для меня сделал и все такое. Тебе будет нетрудно втянуться, — она одарила его многозначительной улыбкой и выразительным взглядом, снова затянувшись. — У тебя есть семья?

— Нет, вообще-то. Я вырос в приюте.

— Я тоже! — воскликнула она, выпустив облако дыма. — Там мне и дали мое имя. Нашли меня в корзине прямо под дверью. Они нашли на моем одеяльце записку, которая гласила: «Позаботьтесь о моем пудинге и пирожке, потому что я не в силах». По крайней мере, так мне сказали монахини. Именно по

этой записке мне и дали имя: Пай Пудинг.

— Милое имя, — вежливо сказал Мэтью.

— Я бы его не сменила, даже если б узнала свое настоящее имя. Ну, в смысле, если б моя ма дала бы мне его. Я всегда думала, моя ма должна была быть настоящей леди, судя по тому, как она написала эту записку. Как было выписано это «*потому что я не в силах*» — грамотно, вежливо, без ошибок. Наверное, именно так говорила бы леди?

— Похоже на то, — Мэтью слушал в пол-уха. Он прислушивался к себе, пытаясь понять, достаточно ли у него сил, чтобы встать. Ему пришло в голову, что, возможно, он мог бы заявиться в «Три Сестры» *сегодня* в полночь, несмотря на то, что пропустил вчерашнюю встречу, и, быть может, там… впрочем, стоило сначала туда добраться, там уже станет ясно, как дальше разовьются события. Затем, быстро взобравшись по холмам осознания, он понял, что никуда не сможет выйти без одежды.

— Отвечая на твой первый вопрос, — тем временем говорила Пай. — Я вышла ночью по делам. Мы совершаем набеги на территории Могавков. В мою задачу входит выяснять, для чего они собираются и где может быть их логово. Я выхожу первой, остальные скрываются и держатся позади меня.

— Прошлой ночью они оказались недостаточно близко.

— Я не против ввязаться в небольшую драку, чтобы выяснить нужные мне факты. Ничего, на мне быстро заживает. Так или иначе, мы тоже их избиваем. Их или любых сраных бандюг, что пробираются на наши территории. Я разведчик. Это называется всадником арьергарда.

— Всадником *авангарда,* — поправил Мэтью. — Да, я с этим знаком.

Пай курила свою трубку, не сводя глаз с молодого человека, пока он делал очередной глоток из бутылки с ромом.

— Очень необычно, когда кто-то впрягается за кого-то, как ты вчера, — сказала она шелковистым голосом, который отбросил все его сомнения: эта девушка явно осталась здесь с ним не для того, чтобы отгонять крыс, а для того, чтобы получить ответы на те вопросы, которые не удалось прояснить Рори Кину. Возможно, они произнесли какую-то шифрованную фразу, которая позволила им договориться… как раз что-то об этой крысиной охоте. Мэтью понял, что все, что она рассказывала ему, было произнесено лишь с целью его задобрить.

— Твоя одежда и тело были такими грязными, — продолжила девушка. — А ты сам — слишком красив, чтобы носить эту бороду. Надеюсь, ты не возражаешь, что я это говорю. Похоже, тебе пришлось долгое время провести в месте, где нельзя было

достать мыло и бритву. Это ведь была тюрьма? Которая из них?

Почва становилась зыбкой и болотистой. С болезненным выражением Мэтью ответил:

— Пай, я рад бы поговорить с тобой, но у меня в голове до сих пор звенит, как на колокольне. Ты не возражаешь, если мы поговорим позже.

Она несколько раз мелко затянулась трубкой и выдохнула. *Пуфф… пуфф… пуфф.*

— Нет ничего постыдного в том, чтобы угодить за решетку, — сказала девушка. — Большинство из нас там побывало. Что ты такого сделал, что тебя сцапали?

Его чудесным образом спас звук открывающейся двери и шаги по скрипучей лестнице. Это было очень кстати, потому что Мэтью и ни на йоту не приблизился к тому, чтобы сделать выбор, что рассказывать, а о чем умолчать. Ей бы хотелось выяснить — действуя, как уши Рори Кина — *как* молодой решатель проблем попал в Ньюгейт и как он оказался в Уайтчепеле на пути к этой таверне. Как бы рассказать об этом так, чтобы не выдать ничего лишнего?

— Вот и твоя еда! — сказала девушка. — Паули, пойди, посиди с ним немного, а я пока отойду по своим делам, — она поднялась и стала прямо над Мэтью рядом с Паули — худощавым мальчишкой около семнадцати лет от роду с лохматыми каштановыми волосами, который принес гостю глиняный горшочек тушеного мяса и новую бутылку рома. — Я быстро, — заверила Пай, затем поспешила прочь, но внезапно остановилась и снова повернулась к Мэтью.

— Кстати, хороший кинжал у тебя был под плащом. Дорогая рукоять из слоновой кости, метка ножовщика на лезвии… действительно хороший. Где ты его взял?

— Это был подарок.

— От кого?

— От друга.

— Мэтью, — с натянутой улыбкой произнесла она. — Ты нарочно говоришь загадками. Рори ведь неправ насчет тебя, так? Что ты либо работаешь на Могавков, либо — что еще хуже — на законников? Видишь ли, после того, как я тебя вымыла, Рори сказал, что от тебя за версту разит Олд-Бейли. Он ведь ошибся, Мэтью?

Она делала свою работу, понял он. В конце концов, она была разведчицей… всадницей авангарда. Он вздохнул и ответил.

— Мне нужно поесть и немного отдохнуть. Но на это я отвечу и отвечу *честно*: меня разыскивают за убийство. Я не работаю на законников и уж точно не имею ничего общего с Могавками или

какой-либо другой бандой буйных идиотов. Можем мы закончить эту тему?

Ответ пришел в следующую секунду. Он прибыл с едким запахом табака из Виргинии.

— Пока — да, — ответила она с явным напряжением в голосе и отправилась по своим делам, частью которых Мэтью полагал доклад Кину обо всем, что он ей тут сказал.

— Ты действительно кого-то убил? — спросил Паули, его огромные глаза сделались еще больше от восхищения.

— Действительно убил.

И вот она — правда. Он умышленно и с холодным сердцем убил человека. Разве имело значение, что Дальгрен предпринял бы не одну попытку убить Мэтью на оставшемся пути до Плимута? В конце концов, можно было защититься от него, держаться поближе к остальным пассажирам. Может быть, ему удалось бы убедить их заковать Дальгрена в цепи и держать его в трюме? Этот проклятый Дальгрен, думал молодой человек… почему, черт бы его побрал, этот ублюдок не остался в своей Пруссии?

Он взглянул в ухмыляющееся лицо Паули и тут же отвел глаза. После еды придет питье. Он мог забыть о встрече в «Трех сестрах». Даже если он придет в себя достаточно, чтобы дотащиться до таверны и пройти весь путь отсюда туда, минуя все опасности Уайтчепела, посетители таверны вряд ли нормально отнесутся к голому незнакомцу, чинно ожидающему своего приятеля в золотой маске. Что ж, выходит теперь он променял одну тюрьму на другую: Черноглазое Семейство не собиралось давать ему одежду и позволять ему уйти отсюда, пока Кин не получит объяснение, устраивающее его. Так что о том, чтобы выйти на свободу, можно было забыть. По крайней мере, пока.

Сидя со скрещенными ногами под одеялом, которое более-менее прикрывало его, молодой человек принялся за трапезу, воспользовавшись деревянной ложкой, которую принес Паули. Еда и питье в *этой* тюрьме, по крайней мере, были в разы лучше, чем в любой другой из всех, где ему в последнее время приходилось бывать. Паули сел рядом на ящик и принялся наблюдать за гостем.

— Хочешь рома? — спросил Мэтью и предложил мальчишке вторую бутыль. Тот взял ее чуть подрагивающей рукой, откупорил и сразу же глотнул.

Мэтью дождался, пока еще несколько глотков пройдет через его пищевод, а затем — как бы, невзначай — во время поглощения вкусной пищи, произнес:

— Пай сказала мне, что одного из ваших убили пару недель назад.

— Ага.

Необходимо было подождать, пока еще один или два глотка отправятся в горло мальчишки.

— Это не об этом писали в «Булавке» недавно? Тебе же знакома эта газетенка?

— Да все ее знают. Да, они написали о Бене. Как его убили на улице Кресцент, — Паули снова выпил, а затем снова заговорил приглушенным голосом. — Это сделал Альбион. Уилл был там, когда это случилось.

— Уилл?

— Уилл Саттервейт. Он спускался сюда недавно.

— А Уиллу Альбион навредить не пытался?

— Он приходил за Беном. Вышел из дверного проема и сразу пересек ему шею одним ударом, — мальчик движением пальца по горлу иллюстрировал свой рассказ. — Уилл сказал, что все случилось так быстро, что он даже свой нож вытащить не успел. А затем Альбион скрылся и исчез.

Мэтью вспомнил кое-что еще из статьи в «Булавке».

— Никто не опознал тело Бена? Даже ваше Семейство?

— Не-а, потому то Мышонок позаботился о похоронах.

— Мышонок?

— Хамфри Маускеллер, — сказал Паули и влил в себя столько рома, что часть напитка побежала струйками по его подбородку. — Наш юрист, — добавил парнишка.

Мэтью обдумал эту информацию и нашел ее крайне занимательной.

— У Семейства есть средства, чтобы оплачивать услуги юриста?

— Мы не платим. Кое-кто платит, но я не знаю, кто.

— Что еще он для вас делает?

— Разные вещи, — пожал плечами Паули. — Он просто приходит, когда нужен, я думаю.

— Понятно, — ответил Мэтью, хотя на самом деле терялся в трех соснах и не мог связать одно с другим. Он чувствовал, что из этих ответов складывается какой-то паззл, но где ключ к нему? С какой целью уличной банде пользоваться услугами юриста? И — что еще интереснее — кто за это платит? Точно не Рори Кин. Этот не похож на человека, который лишний пенс спустит на нужды закона и услуги даже дешевого Лондонского адвоката… а на деле даже дешевые агентства запрашивали немалую цену. Нет, это точно был не он.

Мэтью решил не давить пока на этот вопрос, потому что он

сомневался, что Паули мог обладать какими-то ценными знаниями. Он продолжил есть и пить, но теперь он не так часто налегал на ром. Рано или поздно Кин снова спустится сюда с намерением услышать полную историю Мэтью, и на этот раз он не оставит Пай собирать жалкие клочки информации — это его больше не удовлетворит. Но у Мэтью были собственные вопросы, а также интригующая теория, основанная на том, что Паули только что ему рассказал.

У Черноглазого Семейства мог быть тихий благодетель, который использовал Хамфри Маускеллера для того, чтобы вытащить Бена Грира из тюрьмы… и тем самым навлечь на этого несчастного гнев Альбиона. Уилл Саттервейт был вне опасности. Альбион решил оставить свое кровавое заявление на конкретном человеке.

— Ты знаешь, что такое пешка? — обратился Мэтью к мальчику.

— *Спешка?*

— Нет, — качнул головой Мэтью. — Пешка. Шахматная фигура низшего ранга. Обычно она обречена умереть в самом начале шахматной партии ради великой цели.

— О чем ты говоришь? — мальчишка нахмурился, окончательно потеряв нить.

— Я говорю, — тихо произнес Мэтью. — О *Бене.*

Глава восемнадцатая

В течение следующих двух дней с Мэтью хорошо обращались. И хотя ему так и не дали никакой одежды (и он понимал, что бесполезно просить), одеяло у него никто не отобрал, и оно согревало его в холодном подвале. Относительно теплые блюда из таверны и кувшины свежей воды ему регулярно приносили, а также ему позволили оставить себе масляную лампу, и молодой человек мог позволить себе хоть капельку уединения, чтобы обо всем подумать.

Когда он попросил что-нибудь почитать, ему принесли две небольших книжки: словарь, которым раньше явно никто не пользовался, и потрепанную с загнутыми уголками брошюрку под названием «Приключения Питера Ганнера или Как Леди Учились Стрелять». Несколько раз его оставили в полном одиночестве, и тогда он смог пройтись по подвалу и понять, что помещение довольно большое, и здесь находится более двух дюжин ящиков и полдюжины бочек. Пол верхнего этажа поддерживали четыре подвальных колонны. Повсюду — то тут, то там — шныряли крысы. На вершине деревянной лестницы находилась дверь, которая всегда была заперта.

Когда Мэтью оставили одного, он не хотел тратить ни минуты своего времени на изучение лексикона «Приключений Питера Ганнера», его любопытство было направлено на содержимое никоим образом не помеченных ящиков и бочек. С усилием, которое потребовало больше часа и ободрало кожу на пальцах, он сумел выдернуть гвозди, которыми была прибита крышка одного из ящиков. Он обнаружил несколько рядов синих бутылок, между которыми была густо насыпана деревянная стружка. Таких бутылок он насчитал тридцать. Две дюжины по тридцать штук… то есть, примерно триста шестьдесят синих бутылочек в этой подземной комнате, если предположить, что в других ящиках такое же количество. Зачем же так много?.. Для чего они?

Бочки были тяжелыми, и в них явно плескалась какая-то жидкость. Мэтью вернул на место крышку ящика и решил, что лучше пока оставить эту загадку в покое.

За это время Мэтью узнал имена некоторых своих соглядатаев — Паули Мак-Грат, Том Лэнси, Люси Сэммс, Билли Хейз и Джон Беллсен — а так же выяснил, чем они занимались в Черноглазом Семействе. Паули был лучшим источником информации, хотя и Люси особенно язык за зубами не держала.

На данный момент Семейство состояло из двадцати шести отбросов лондонского общества, которые собрались вместе, просто для выживания. Двадцать мужчин и шесть женщин, возраст которых варьировался от пятнадцати до двадцати семи — самым старшим был Кин. У всех этих людей была своя криминальная история, большинство совершило свое первое насильственное действие еще до вступления в Семейство.

Болтливый рот Паули поведал о том, что Том Лэнси был отличным фальсификатором, Уилл Саттервейт — способным взломщиком, а Джейн Ховард и Джинджер Тил обе слыли искусными карманницами — настолько удачливыми, что, по словам Паули, они «украли член у Сэда Дика и превратили его в Мэри».

Основным занятием Семейства, исходя из слов Паули, было поддержание порядка на своей территории. Если этого не делать, какая-нибудь из соседних таверн может сгореть дотла ночью или кто-то может выбить все окна у соседнего магазина… или хозяин этого магазина или таверны может случайно встретиться с чьей-то недружелюбной дубинкой и сломать себе что-нибудь жизненно-важное. Поэтому Семейству платили деньги, чтобы таких неприятностей не случалось. Семейство могло свободно переходить со своих территорий на территории их врагов днем, точно так же, как и остальные банды фривольно перемещались, где им хотелось, но как только опускалась ночь, наставало время кровавых и болезненных расплат, если противник был пойман с поличным. И, по словам того же Паули, разведчики постоянно выходили на улицы и патрулировали улицы прекрасно разбираясь в том, кто есть кто.

Но, если верить все тому же разговорчивому мальчику, Семейство предоставляло свои услуги на своей территории, требуя соответствующую оплату за все. Они посеяли зерно конфликта между владельцами таверн и другими дельцами, да так, что это не привлекло внимание законников. И каким-то образом — по крайней мере, это Мэтью выяснил из услышанных откровений — Семейство было способно поддерживать постоянный торговый поток в этой зоне. К примеру, они удостоверились, что за испорченное вино, доставленное от купца из Клеркенвелля, было отплачено сторицей — дом купца сгорел дотла, и это стало ему хорошим уроком, что обманывать людей не следует. Таким образом Семейство отправило свое послание всем купцам: *на территории района Уайтчепел уважают честных торговцев, а уважение это еще надо заслужить*, как изволил выразиться Паули, *«кровью и потом»*.

Что касается яблока раздора между Черноглазым Семейством

и Могавками — здесь, похоже, дело было в зоне красных фонарей, где располагались бордели, которые Мэтью видел по пути в таверну «Три Сестры». Некоторое время эта территория принадлежала Семейству, и оно соблюдало свои правила, оказывая все необходимые услуги. Однако после смерти последнего главаря Черноглазого Семейства Могавки захватили эту территорию под свой контроль, и теперь Семейство хотело отвоевать ее обратно: признавать главенство Могавков было выше их сил, поэтому они вели настоящую войну. Из-за того, что зона красных фонарей была так быстро захвачена Могавками, Семейству пришлось быстро искать себе новую штаб-квартиру и срочно перебираться на новое место.

На третий день своего заключения — это было утром, потому что Джейн Ховард принесла миску овсянки и небольшой кувшин с чаем, как она уже делала раньше в тот же час поутру — дверь открылась, и в поле зрения Мэтью появилась Пай Пудинг.

— Пришла тебе пора встретиться с моим дружком, — хихикнула она, и в ее руке показалась раскрытая опасная бритва, которая никакого дружественного ощущения у Мэтью не вызвала.

— Пожалуй, я поздороваюсь на расстоянии, — ответил он, однако его спокойное легкомыслие было напускным. Он мысленно пытался прикинуть геометрию броска и то, успеет ли он как-то защититься одеялом, чтобы избежать возможных ранений. Если девушка и вправду бросит в него бритву, можно попытаться завладеть этим оружием, и…

— Что за глупости! — отозвалась Пай. — Как же ты мне предлагаешь побрить тебя на расстоянии? — она показала, что в другой руке держит чашу для бритья.

— Ох… Ну… спасибо, но…

— Тссс. Я просто хочу убрать этот уродливый лес с твоего лица, вот и все, — она подошла и опустилась на колени рядом с Мэтью, затем чуть поерзала, сев поудобнее. Девушка поставила чашу на пол и придвинула к себе лампу. Мэтью заметил, что в чаше плавает кусок мыла. Пай закрыла бритву, положила ее в карман своего коричневого кожаного жилета и из другого кармана извлекла ножницы. — Сначала пострижем эту… гм… живую изгородь.

— Послушай, это не…

— Я знаю, что под этим безобразием красивое лицо, — возразила она. — Давай-ка вытащим его на свет. — Она начала стрижку. — Боже, сколько же ты не брился!

— Да, долго…

— Нет, некоторые и с бородой могут выглядеть опрятно. Роджер, например, носит бороду. И Уилл тоже, но им она идет. А

тебе, я думаю, больше пойдет гладкое личико.

— Надеюсь, я не разоча… *ой*!

— Все волоски жесткие, не так просто поддаются, — сказала она и продолжила стричь. — Знаешь, Джейн на тебя глаз положила. Именно она попросила меня это сделать. А еще просила меня спросить, не охомутали ли тебя. Ну… понимаешь, да?

Мэтью не знал, что на это ответить. Джейн была примерно того же возраста, что и Пай, то есть, примерно шестнадцати лет, худая, как плащ нищего, с тонкими каштановыми волосами, которые она не мыла неделями, но при этом у нее были очень красивые ярко-зеленые глаза.

— Когда она не забывает о ванной, она тоже очень хорошенькая, — сказала Пай, будто прочитав его мысли. — И она далеко не такая грубая, как может показаться. В детстве она выбралась из хлева, в котором могла погибнуть, знаешь ли.

— Приятно слышать. Вообще, она кажется очень доброй. Но, должен сказать, что я *не* свободен.

— У тебя кто-то есть? — ножницы опасно качнулись.

— Пай, — серьезно обратился он. — Ты используешь не самые хорошие пути выведать у меня информацию. Это Рори тебе приказал?

— Ну, частично. Но, вообще-то, я действительно интересуюсь для Джейн. Так кто тебя уже сцапал?

Слово ему не понравилось, но он проигнорировал это.

— Девушка из Нью-Йорка.

Ножницы замерли. Пай уставилась ему прямо в глаза.

— Так ты из колоний?

— Да. Прибыл сюда и тут же попал в тюрьму в Плимуте. Предупреждая твой следующий вопрос, попал я туда за убийство, которое совершил на борту корабля.

— Аххх, — она кивнула и вернулась к работе, потому что для нее эта информация значила ровно столько же, сколько, к примеру, факт о потерянной в море треуголке. — С кем ты разделался?

— С очень злым человеком. Пруссаком, который, определенно, убил бы меня, если бы я не… *разделался* с ним первым, — ответил молодой человек.

— У тебя интересная история, — протянула она, отвлекшись на то, чтобы оценивающе окинуть его взглядом. — Вот. Подстриженная борода смотрится куда лучше, — она смахнула срезанные волоски с одеяла, отложила ножницы в сторону и принялась тереть мыло между ладонями, взбивая пену. — Откуда у тебя этот шрам?

— Столкнулся с медведем.

— Ох, не морочь мне голову! Серьезно… откуда он у тебя?

— Честно. Я боролся с медведем в лесу. Он почти убил меня, но… как видишь, я еще здесь.

Она посмотрела на него по-новому.

— Немногие могут таким похвастаться. Если это *правда*, конечно. А как насчет остальных твоих отметин? Маленький шрам тут, маленький шрам там. Их тебе кто оставил? Медвежата?

— Нет, — ответил Мэтью с тихим смешком. — Они связаны… с другими обстоятельствами.

— Обстоятельства иногда могут убить тебя, — тоном знающего человека продекламировала она, принявшись размазывать пену по лицу молодого человека. — Я никогда никого не убивала. Хорошо, что на мне все быстро заживает, потому что сама я попадала в нехорошие обстоятельства.

Мэтью уже заметил, что ее синяки практически сошли, а порез на переносице почти перестал шелушиться и принялся затягиваться. Поцарапанный подбородок исцелился полностью, небольшая красно-фиолетовая отметина осталась только около правого, раскрашенного черным глаза. — Скоро снова пойду на разведку. И получу новые синяки, как всегда, наверное. Впрочем, они стоят того, чтобы узнать кое-что об этих тупых Могавках, — она подняла бритву и раскрыла ее. — Итак, с чего бы начать? — спросила она, изучая черты лица, которые теперь проявились. — Что ж, давай-ка начнем с этого милого подбородочка!

Когда началось бритье, Мэтью уже не мог ни минутой дольше сдерживать свое любопытство, и хотя он знал, что излишняя любознательность в этот самый момент может одним движением пресечь его жизнь, он все же последовал зову своей интуиции.

— Скажи мне, — произнес он, когда Пай начала работать над его правой щекой. — Что во всех этих ящиках и бочках? Тут их очень много…

— О, да, — ответила она, не помедлив ни секунды. — Это «Белый Бархат». Бутылки в ящиках, а сам джин — в бочках.

Мэтью вспомнил, что говорил ему Парментер в Ньюгейте: *Дешевый Джин, который оставляет человека без чувств. Лучше держаться подальше от этого пойла, мой тебе совет*.

— А что он здесь делает? — спросил Мэтью, понимая, что и без того позволяет себе слишком много. Девушка очень ловко управлялась с бритвой… возможно, даже слишком.

— Мы его поставляем в таверны. За него платят неплохие деньги, потому что это особенный товар.

— Особенный? Чем же?

Пай перестала брить его. Она убрала бритву от его лица и

пронзительно заглянула ему в глаза.

— Слушай меня очень внимательно, — жестко заговорила она. — Никогда не делай ни глотка «Белого Бархата». Знаешь, почему его так называют? Потому что он словно окутывает белым бархатом… который очень быстро может превратиться в саван. Он вызывает привыкание почти что с одной бутылки. Выпиваешь ее, и за следующую ты уже готов продать родную бабушку! А если она уже мертва, то ты ее выкопаешь и постараешься продать останки. Поверь мне, это дьявольское дерьмо!

— Ох… — выдохнул Мэтью. Он кое-что вспомнил. Вспомнил, что говорил ему Гарднер Лиллехорн во время встречи — еще в тюрьме Святого Петра. *Прибавьте к этому уравнению дешевый и разрушающий умы джин, и вы получите Ад Данте прямо на английской земле.*

— Лучше уж ром, — посоветовала Пай и вернулась к своей работе. — У нас был член Семейства, который тайком пил «Белый Бархат» примерно… ох… это было в прошлом году. Долго это в секрете не удержалось. Очень скоро он стал похож на ходячий скелет и готов был все отдать за еще один глоток этого дерьма, — она вновь перестала работать бритвой, чтобы лучше сконцентрироваться на рассказе. — Мы старались излечить его, как могли… ну, знаешь, хотели привязать его к кровати настолько, насколько требовалось, чтобы он пережил эту тягу, но он оказался сильнее, чем мы думали. Он весил, наверное, девяносто фунтов, даже когда исхудал. И силен был, как черт! Выпрыгнул в окно с третьего этажа и оказался чертовски везуч, потому что приземлился на проезжающую под окнами карету. Сломал себе ногу, но все равно сумел побежать, потому что уже окончательно обезумел. Лошадь встала на дыбы и ударила его по голове и убила.

— Если это настолько плохой напиток, зачем вы его продаете? — спросил Мэтью.

Она бросила на него взгляд, который, должно быть, хранила специально для того момента, когда встретит самого глупого человека на свете.

— *Деньги,* радость моя. Те, кто хочет, всегда найдут способы их заработать. Так или иначе, мы не единственные продаем это пойло. Мы просто покрываем наши собственные…

— А вот и джентльмен!

Дверь открылась, впустив в подвал лучик света. Голос принадлежал Рори Кину, вошедшему в помещение в сопровождении еще троих членов Семейства. В руках его был фонарь, свет которого освещал его веселую улыбку.

— Как продвигается бритье, Пай?

— Еще кое-что осталось.

— Отойди-ка, — сказал он ей.

— А?

— Отойди, — повторил он. Улыбка была нацелена на Мэтью, который почувствовал внезапный озноб, и дело было вовсе не в том, что без бороды ему стало холодно. — *В сторону,* — сказал Кин.

Пай подчинилась. Кин поставил свой фонарь на крышку ящика рядом с масляной лампой. Он сел на пол рядом с Мэтью, взял бритву из рук Пай, омыл ее в миске с водой, пробежался по лезвию большим пальцем и испустил легкий вздох восхищения тем, насколько оно острое. Затем сказал:

— Давай-ка закончим с твоим горлом. Подними подбородок. Еще немного. Во-от так! — бритва продолжила работать, даже более ловко, чем в руках Пай.

— Все хорошо? — поинтересовалась девушка, похоже, тоже ощутившая холодок. Ее улыбка испарилась, как туман.

— Прекрасно. Просто денди. Персик, — с усмешкой проговорил Кин. — Посмотри, каким красавчиком у нас может быть Мэтью! Нравится его морда теперь, а, Джейн?

Джейн, стоявшая среди остальных, не ответила.

— Джейн выходила недавно, — сказал Кин, продолжив обрабатывать бритвой горло Мэтью. — Знаешь, почему? Потому что она узнала, что последняя «Булавка» сегодня появилась в продаже. Она купила себе одну и принесла ее сюда почитать. Она у нас любит почитать. И, конечно же, она увидела первую историю, которая попалась ей под руку. Прочитай-ка нам ее, Джейн.

Своим слабым, но пронзительным голосом, девушка начала читать заголовок на самой первой странице: «*Плимутский Монстр в сговоре с Альбионом*».

— О, осторожно! — воскликнул Кин нарочито заботливо. — Ты слегка подпрыгнул, Мэтью. Ты же не хочешь, чтобы эта бритва несколько раз неаккуратно скользнула туда-сюда по твоему горлу. Пай, можешь прочитать нам кое-что? Возьми-ка ту книжицу со словами и найди там, что значит «сговор». А ты — подбородок вверх, Мэтью, я не хочу причинить тебе вред.

— *След Злодея Теряется в Районе Уайтчепел,* — прочитала Джейн. — Ты… хочешь, чтобы я продолжила?

— Давай.

— *Служители порядка сообщают,* — продолжила Джейн. — *Что так называемый Плимутский Монстр по имени Мэтью Корбетт, прибывший из колонии Нью-Йорк, недавно сбежал из Ньюгейтской тюрьмы с помощью ночного убийцы в золотой маске,*

именующего себя Альбионом. Корбетт, совершивший в открытом море убийство знатного прусского господина, направлявшегося в Англию для важной встречи, также замешан в убийствах трех женщин и пятерых детей в Плимуте.

— Чудесно, — подметил Кин. — Позволь-ка мне добраться до этого маленького клочка под твоей губой. А ты, Джейн, давай, переходи к самой интересной части.

— *Плимутский Монстр,* — продолжила она голосом, который с каждой секундой все больше угасал — или, возможно, Мэтью просто не мог расслышать его как следует из-за нараставшего в его мозгу давления. — *Отреза?л головы своим жертвам, раскрашивал их в яркие цвета и помещал их на заборы, чтобы его сатанинским замыслом восхитились все. Он сбежал от правосудия при помощи Альбиона, который напал на тюремный экипаж, перевозивший Корбетта, и обеспечил Монстра одеждой, деньгами, фонарем, двумя кинжалами, пистолетом и удавкой, сделанной из человеческих волос.*

— Почти закончил тут, — объявил Кин. — Ты будешь просто сиять. Джейн, прочти следующую прекрасную часть этой истории.

— *Ранее упоминалось, что Альбион уже проникал в Ньюгейт, чтобы повидаться с Монстром. Прошел сквозь стены — что может сделать только призрак — и пообещал освободить Корбетта из этой благородной тюрьмы, чтобы выпустить его на улицы Лондона и стать его братом по убийству и террору.*

— Написано просто до ужаса прекрасно! — Кин опустил бритву. Он улыбнулся, глядя прямо в лицо Мэтью, но глаза его были двумя черными мертвыми безднами. — А теперь скажи-ка мне вот, что: что же нам теперь с тобой делать?

— Если вы… — начал Мэтью.

…выслушаете меня, собирался сказать он, но рука сомкнулась на его горле, а другая — с бритвой — метнулась к правому глазу, дав понять, что его слова здесь нынче не в цене.

— Я мог бы *прирезать* тебя, — прошипел Кин в лицо Мэтью. — Я мог бы порубить тебя на сотню гребаных кусочков, распихать по сумкам и сбросить в реку и… смотрите-ка… получается, тогда я убью монстра, побратавшегося с этим ебучим Альбионом! Ты нашла то слово, Пай?

Она кивнула.

— Так зачитай! — скомандовал Рори.

Девушка повиновалась, напряженно произнеся: «*Сговор — согласованные действия… соглашение, заключенное на основе схожих политических взглядов… и убеждений*».

— Взглядов и убеждений, — повторил Кин. Бритва начала чуть надрезать плоть Мэтью. — Разве это не контрольный выстрел

в твою гребаную голову?

Несмотря на то, что бóльшая часть внимания Мэтью была прикована к зловещей бритве, что-то в его мозгу начало работать. Это было похоже на жужжание трудолюбивой пчелы вокруг улья в сочетании с резкой вспышкой света в абсолютной тьме.

— Джейн, — обратился молодой человек сдавленным голосом. — Не могла бы ты… перечитать отрывок, который заканчивается словами «из человеческих волос»?

— А? — переспросила она.

— Ты настолько гордишься собой, что хочешь снова это услышать? — дыхание Кина пахло, как кислота, которая могла прожечь до костей. — Тогда давай, Джейн. Выполним его последнюю волю.

Она прочитала:

— *Он сбежал от правосудия при помощи Альбиона, который напал на тюремный экипаж, перевозивший Корбетта, и обеспечил Монстра одеждой, деньгами, фонарем, двумя кинжалами, пистолетом и удавкой, сделанной из человеческих волос*.

— Теперь тебя все устраивает? — саркастически спросил Кин.

— Момент, — попросил Мэтью. — Могу ли я кое-что сказать, не боясь, что мне перережут горло?

— Ты думаешь, сможешь *отговориться* от этого? Ты работаешь на стороне Альбиона — ублюдка, который выпотрошил нашего Бенни! Что ты намеревался делать дальше? Убить, к примеру, *меня*?

— Я не работаю на стороне Альбиона. Кто такой Альбион и чего он добивается, я не имею ни малейшего понятия.

— Ты *лжешь!* — с жаром прозвучал ответ.

— Я думаю, — осторожно произнес Мэтью. — Мы все можем согласиться с тем, что рука Лорда Паффери — и, как следствие, его «Булавка» — имеет привычку делать из мухи слона. Он из небольшого утверждения взращивает фальшивые истории, холодящие кровь. Я уверяю вас: тот, кто рассказал эту историю Лорду Паффери, сильно ее приукрасил. Проникал ли Альбион в Ньюгейт? Да, проникал. Нападал ли Альбион на тюремный экипаж? Да, нападал. Обеспечил ли он меня всеми предметами, что здесь перечислены? Здесь и правда, и вымысел, и в этом вся загадка.

— О чем, черт побери, ты тут толкуешь?

— Стражи видели Альбиона. По его приказу они вынуждены были отдать мне одежду, деньги и фонарь. Но они *не* видели, как он давал мне кинжал. Когда об этом рассказали Лорду Паффери, один кинжал сразу превратился в два, а также к этому добавились пистолет и удавка, чтобы раскрасить эту историю в нужные цвета.

Только сам Альбион знал о кинжале… поэтому…

— Поэтому, думаю, стоит начать резать, чтобы навсегда захлопнуть твой рот.

— Поэтому, — с нажимом продолжил Мэтью. — Человек, рассказавший эту историю Лорду Паффери, и есть Альбион.

Могло ли существовать в мире более тягучее молчание? Свеча в фонаре Кина зашипела, и то был единственный звук, нарушивший гробовую тишину подвала.

Затем:

— На кой хер Альбиону чесать языком перед Лордом Паффери? — бритва Кина передвинулась к волосам, ее опасное давление чуть уменьшилось.

— Я не знаю. Все, что я знаю, так это то, что когда Альбион вытянул меня из тюремного экипажа, он назначил мне встречу в таверне «Три Сестры» в полночь. Он говорил шепотом. Полагаю, когда он говорил с Лордом Паффери, он использовал свой обычный голос, и маски на нем не было.

— Хочешь сказать… Лорд Паффери видел истинное лицо Альбиона?

— Да, но, придавая приключения Альбиона огласке, Лорд Паффери понятия не имел, с кем говорил.

Бритва не двигалась с места.

— Ты действительно убил всех этих женщин и детей?

— Я убил грязного прусского маньяка на борту корабля, вышедшего из Чарльз-Тауна. Из него такой же знатный господин, как из меня король Сиама. Еще раз…

— Ты хочешь сказать, что-то из того, что написано в «Булавке» — выдумка? — вопрос, полный шока, был задан не Джейн Ховард, а Томом Лэнси, который явно много денег выбрасывал на эту газетенку. — А что насчет Леди Эверласт и ее двухголового ребенка?

— Святой Боже! — закатил глаза Кин. Бритва удалилась от лица Мэтью, но рука, сжимающая его горло, никуда не двинулась. — И с чего мне верить, что ты не работаешь на Альбиона?

— Я не знаю, чего Альбион пытается добиться. Я понимаю, что он… пожалуйста, убери руку, это очень неудобно, — после двух секунд, ушедших на раздумья, Кин это сделал. Мэтью вздохнул и продолжил. — Я понимаю, что он убил шестерых человек, включая Бенджамина Грира. Все они были преступниками, которые освободились из тюрем путем легальных махинаций.

— Путем *чего*?

— Силами способных и ушлых адвокатов, — поправился

Мэтью. — Я могу предположить, что имели место взятки, причем, большие. И думаю, что Альбион затаил злобу не только на тех шестерых человек, но на всю английскую законодательную систему… или на то, что в ней столько коррумпированных лиц.

— На опасную глубину заплываешь, — предупредил Кин.

— Тут действительно глубоко, я сам уже не вижу дна. У меня множество вопросов, но основной вот, в чем: что Альбиону нужно *от меня*? Когда он вытащил меня из того экипажа — могу, кстати, сказать, что всерьез опасался за свою жизнь в тот момент — он сказал, что не просто так помогает мне. Он ждет от меня помощи взамен.

— В чем? Чтобы убить остальных членов Семейства?

— Нет, точно не для этого. Но мне интересно… я понимаю, что Бена Грира убили после того, как он выпивал в «Трех Сестрах»? И затем Альбион назначает мне там встречу… предположительно, он явился бы туда без маски, пришел бы в качестве обычного посетителя, — брови Мэтью нахмурились. — Что такого в этой таверне могло так привлечь внимание Альбиона?

— Не знаю. Но я знаю, что это место — наш лучший покупатель.

— Покупатель? В смысле?

- «Белый Бархат». Эта таверна его бочками скупает. Мы разливаем его по бутылкам и продаем, а «Три Сестры» скупает столько, сколько может, — теперь настал черед Кина хмуриться. — Хм… я думаю, возможно, мне не стоило тебе этого говорить. Могавки, наверняка, захотят сомкнуть свои коготки на том, что мы тут держим, — он посмотрел в сторону. — Пай, ты ему веришь?

Девушка колебалась.

Мэтью и вправду почувствовал, что замерзает. А так же он осознал, насколько сейчас одинок.

А затем Пай сказала:

— Я ему верю. Посмотри на него, Рори! Он может быть весь в шрамах снаружи, обладать жесткой внешностью, но у него мягкое нутро. Он не мог убить ни женщину, ни ребенка.

— У него красивое лицо, — сказала Джейн. — Для монстра, я имею в виду.

— Он не монстр, — заключил Кин. — Он просто парниша, который влип в нехилые неприятности в Лондоне. Умный парниша, которому можно было бы найти хорошее применение.

— Прости, что? — переспросил Мэтью.

— Есть способ доказать твою верность, — сказал Кин, и глаза его загорелись снова. — Ты вступишь в нашу семью. Примешь

присягу и получишь метку, которой будешь связан на всю жизнь. Это значит, ты не исчезнешь далеко из нашего поля зрения.

— Ну… я ценю предложение, но что мне нужно, так это добыть какую-нибудь одежду и направиться к Лорду Паффери. Он знает, кто такой Альбион, но, пока не знает, что знает это.

— Ты говоришь так, как будто выдыхаешь дымовые кольца. Как-то путано, — бритва поднялась и замерла напротив яремной вены Мэтью. — Я не убью тебя здесь. Слишком кроваво. Но есть места, где это будет сделать проще. Есть два пути, как закончится твой сегодняшний день: либо будешь разрезан на куски, сложен в сумку и сброшен в реку, либо станешь новым членом Черноглазого Семейства. Что выбираешь, Корбетт?

Долго думать не пришлось. Бритва говорила сама за себя, а ему требовалось, как минимум, быть живым, чтобы добраться до Лорда Паффери, поэтому выбора, можно сказать, и не было.

С улыбкой, достойной висельника — настолько она была напряженной — Мэтью произнес:

— Я… рад буду с гордостью носить вашу… — он не нашел подходящего слова, поэтому повторил. — Гордую метку.

— Хорошо. Тогда сегодня ты будешь с нами, когда мы отправимся к Могавкам и прикончим этого сраного главаря. Его зовут Огненный Ветер.

Глава девятнадцатая

— Доволен?

— Минуту, пожалуйста, — отозвался Мэтью. Он смотрел, как приветливое солнце появляется из-за облаков примерно секунд на сорок, освещая желтыми лучами улицы Уайтчепела. Затем облака сомкнулись снова, их серые животы, беременные будущим дождем, соприкоснулись, а и без того холодный ветер стал еще холоднее.

— Не на что тут смотреть, — сказал Рори Кин, стоя сбоку от Мэтью.

И, если искать в этом пейзаже красоту, то можно было с ним согласиться — смотреть не на что. Но Мэтью искал иного: он пытался понять сущность окружающего его района, и в том, что предстало перед ним, положительного было мало.

Стоя на крыльце ветхого заброшенного склада Семейства, который они называли домом, одетый в жуткий фиолетовый костюм, который для него приобрели в магазине местного портного, Мэтью старался использовать все данное ему время, чтобы полностью оценить ситуацию, в которой оказался, и найти свое место в сложившейся схеме.

В первую очередь, он испытал огромное удовольствие, потому что никто больше не угрожал вспороть ему горло бритвой, во-вторых, приятно было снова носить хоть какую-то одежду и плотные ботинки, а в-третьих, блаженством было выбраться, наконец, из сырого подвала… хотя на улице воздух был не менее сырым.

В пределах видимости на западе на фоне ужасной разрухи возвышались огромные здания Лондона, величественные и грандиозные строения, шпили которых рвались ввысь, подобно Вавилонской Башне. На востоке рождались новые районы столицы, уже обретя черты сотен деревянных каркасов, вырвавшихся из земли и растянувших сеть над городом. Рядом был построен городок для рабочих и их семей. Также со своего места Мэтью мог видеть огоньки, блестящие на склонах туманных холмов. Лошади, мулы и волы тянули повозки, груженные кирпичом и брусьями, вдоль пути, на котором еще только предстоит построить улицы. Мэтью не мог увидеть достаточно много с юга из-за зданий, встающих преградами, но он полагал, что вдоль речных пристаней располагаются склады, спрессованные друг с другом, как упакованные в бочку сардины.

Где-то, он был уверен, находились весьма элегантные и

аккуратные районы, в которых лорды и леди купались в плюшевой роскоши своих поместий, где белоснежные парики всегда были в моде, где кареты, содержащиеся в безупречной чистоте верными слугами, везли лучшие лошади, которых кормили лучшим овсом.

Впрочем, где бы это ни было, этот мир располагался далеко от Уайтчепела.

А здесь само небо казалось загрязненным, пересекаемое черными знаменами, вытекающими из десятков промышленных дымовых труб, и черные испарения опускались и приземлялись грязной росой на приземистые и кривые здания, еще больше затемняя их крыши, окна и стены, посему даже кирпич, из которого строились местные дома, имел полуночный оттенок.

Если б кто-нибудь из носящих парики знатных господ оказался бы здесь, к примеру, в изрядном подпитии, то однозначно был бы здесь белой вороной.

Вагоны, которые разъезжали по улицам, залепленные грязью и золой, все выглядели потрепанными, каждая была где-то подправлена, залатана, стянута веревкой, и любой вагон — большой или маленький — имел какой-то изъян в оснастке или пропорциях. В дополнение к местному колориту даже лошади, везущие повозки в этом районе, казались уставшими и неопрятными, к тому же все были разномастными и имели неодинаковые габариты: одни были большими и неповоротливыми, другие — маленькими и щуплыми, но все они, как сказал Паули, работали и старались выживать «кровью и потом». Казалось, что каждый вагон в этой медленной процессии движется к своим личным похоронам.

Мэтью теперь ясно понял, что территория Черноглазого Семейства сама по себе была черным глазом Лондона. У него складывалось впечатление, что местная промышленность — в основном кожаная и скотобойная, от которых распространялся жженый запах и вонь извлеченных внутренностей, наполняющая ветер — была жизненно важна для развития города, но вынуждена была располагаться как можно дальше от принадлежащих к элите лордов и леди, живущих в другом мире. Здания были по большей части построены из грубого камня и кирпича, но все же среди них затесалось несколько деревянных построек, напоминающих тот склад, на ступенях которого сейчас стоял Мэтью. Старое дерево крыш этих строений было порядком изношено и заметно тянулось к земле, прогибаясь от множества перенесенных ударов дождя, ветра и времени. Солнце — за минуту своего недолгого появления — бросило веселый отблеск на множество грязных окон, хотя почти все эти окна были

настолько небольшими, что лишь одно лицо в этот счастливый момент могло вынырнуть из мрачных комнат, прислониться к маленькому стеклу и насладиться минутой света, для других времени не хватило бы.

Дополняя свой образ адской ямы, этот район, разумеется, был настоящим раем для пьяниц. Непосредственно через улицу располагалась таверна «Пьяный Ворон». А через три двери от нее — заведение под названием «Глоток для Храбрости». Еще чуть дальше виднелась вывеска «Длинноногой Лизы». По улицам двигалось внушительное количество пешеходов, и все они — мужчины, женщины и даже дети различных возрастов — выглядели так, будто только что встали с похмелья и всю ночь мучились пугающими пьяными кошмарами.

— Ну, все, насытился? — спросил Кин.

Мэтью понял, что он сам явно не добавляет красоты этому пейзажу. Отвратительный костюм, в который его обрядили, имел какой-то бешеный оттенок фиолетового с вычурными зелеными вставками на лацканах и манжетах. Фиолетово-зеленый жилет, который ему предложили в комплект аккурат после его пробуждения, молодой человек надевать отказался — достаточно было одного того, что ему пришлось согласиться на блестящие бледно-сиреневые чулки. Но кремовая рубкашка была вполе сносной, даже несмотря на дикие зеленые рюши на воротнике, а коричневые сапоги, которые ему выдали, почти не давили на ноги. Это было лучшим, что Семейство смогло найти в магазине через улицу, как сказал Кин.

— Так что, — резюмировал тогда Рори. — Надевай этот попугайский наряд и не выпендривайся.

— Насытился, говорю? — прозвучал нетерпеливый голос главаря Семейства снова и вытолкнул обряженного в попугайский наряд юношу из размышлений.

— Вполне, — наконец, ответил Мэтью на вопрос. Пришло время пройти через все необходимое, чтобы покончить с этим «Семейственным делом», хотя перспектива набега на Могавков сегодня, включающая убийство, его не привлекала, и он собирался протестовать после того, как все формальности минуют.

Кин проследовал обратно в задние склада. Все окна были заколочены. Внутри располагалось большое центральное помещение, вокруг которого разворачивался целый лабиринт комнат и коридоров, и в них жили различные члены Семейства. Мэтью бросились в глаза свитые голубиные гнезда в стропилах. Крыша склада была дырявой, и некоторые дыры отличались весьма солидными размерами — такими, что в них мог

провалиться целый вагон. Пол под этими разрывами заметно потемнел от дождя и копоти. Различные ржавые цепи и блоки свисали с потолка, давая понять, что когда-то эти сооружения передвигали здесь какие-то тяжелые предметы.

Внутри собрались Черноглазые в полном составе и послушно ожидали Мэтью и Кина. Каждый держал в руках свечу. Оправдывая свое название, они намалевали вокруг своих глаз угольно-черные круги и образовали эдакий черноглазый круг. По правде говоря, больше они были похожи не на разбойников и ночных мстителей, а на енотов, но Мэтью предпочел оставить эту мысль при себе. Ему было интересно, что ему придется делать на этом посвящении: есть жуков или читать какую-нибудь пресловутую клятву — только бы не рассмеяться до ее окончания! В противном случае ему запросто могут вспороть горло, и эту угрозу стоило принимать всерьез.

— Встань в центр, — сказал ему Кин. Мэтью повиновался, а Пай в это время раскрасила черной краской глаза Рори. Затем Кин зажег свою свечу о свечу Пай и уставился на Мэтью своим пугающим взглядом. — Мы не будем с тобой строги, — сказал он. — В другой день я бы просто поставил тебя против двоих парней и позволил бы им выбить из тебя всю дурь, но сегодня мне нужно, чтобы все были в добром здравии, так что придется отложить эту затею на потом.

— Имеет смысл, — сказал Мэтью.

— Заткнись и не пытайся быть милым, — огрызнулся Кин. — Все это чертовски серьезно, и неважно, считаешь ты так или нет. Черноглазое Семейство стало семьей уже более двадцати лет назад, мы заботимся и охраняем каждого нашего брата а улицах. Когда я пришел сюда, мне было десять лет. Я пришел, когда Спенсер Луттрум был главарем, и никого лучше и честнее него я не видел. Я был там, когда ублюдки из Культа Кобры закололи его в сердце, и я был там, когда мы догнали этих сволочей и освежевали их живьем. Я видел, какими к нам приходят — грязными, изголодавшимися и едва живыми. Мы даем им кров, чистую одежду и помогаем вернуться к жизни. Я видел таких обозленных и отчаявшихся, что весь мир казался им врагами, они боялись собственной тени, а иногда — собственные тени могли убить их. А затем я видел, как они поднимаются из грязи, становятся людьми и выходят на улицы за наше дело. Я видел, как они возвращаются, перемазанные вражеской кровью и едва живые. Иногда наши братья и сестры умирают, но они уж точно не дохнут, как бездомные собаки — у них есть семья, которая чтит их память. Эти люди жили и погибали членами Черноглазого Семейства, они разделяли и почитали наши

традиции. Я говорю это к тому, что здесь у нас богатая *история*, и тот, кто не принимает всерьез историю, неизменно испытает очень много горя в будущем. Итак, кто хочет быть первым?

Первым? — Мэтью напрягся. Ему не понравилось, как это прозвучало.

— Я выберу, — сказал Кин. — Мы пойдем по кругу, начиная с Тома.

Том Лэнси вышел вперед и подошел к Мэтью, набрал полный рот слюны и сплюнул прямо в лицо молодому человеку.

— Оставь, — предупредил Кин, когда Мэтью поднял руку, чтобы стереть отвратительный плевок с лица. — Только тронь это, и мы начнем с самого начала. Паули, ты следующий. Давайте, двигаемся.

Стерпеть плевки от двадцати шести ртов — это совсем не то, что Мэтью предполагал испытать на этом посвящении… но, по крайней мере, его не собирались избивать. Когда члены Семейства начали по очереди выходить из круга, чтобы исполнить свой противный долг, Кин начал произносить речь, которую, надо думать, он повторял уже не раз за все эти годы.

— Мы отдаем часть себя, — глухо проговорил он. — И, отдавая, мы получаем новую кровь и новую силу. Так живет Черноглазое Семейство. Долгой жизни Семейству, где каждый поддерживает другого, защищает и сражается с врагами за братьев, готовых умереть честной смертью.

Джейн Ховард уже готовилась плюнуть в лицо Мэтью. Она вдруг замерла и вместе с остальными произнесла последнюю часть предложения Кина. Затем ее мощный плевок угодил Мэтью прямо в левый глаз, и девушка отошла, уступая место Джону Беллсену.

— Назови свое имя, — обратился Кин к испытуемому, который мудро дождался, пока слюна стечет с его лба и упадет на пол. Лишь после этого он осмелился открыть рот.

— Мэтью Корбетт.

— Запишите его в своем сердце, выгравируйте это в своих душах, — обратился Кин к остальным. Затем снова к Мэтью. — Назови причину, по которой решил вступить в Черноглазое Семейство.

И до того, как Мэтью успел ответить — а он собирался сказать, что понятия не имеет — Кин ответил за него:

— Чтобы поддержать законы этой семьи, почтить своих братьев и сестер и не дать себе сдохнуть, как дворняга, чтобы вечность не забыла тебя, и будь ты проклят, если не будешь следовать этим принципам!

Кевин Тиндейл обеспечил Мэтью настоящий взрыв: судя по

всему, он хранил во рту этот шматок мокроты с самого утра, потому что в нем остались даже куски овсянки. Далее последовала Энджи Ласк, и смачный плевок, вылетевший из этого маленького ротика, оказался болезненным, как удар хлыста. Следующий плевок, доставшийся от Билли Хейза, затопил Мэтью правый глаз и практически ослепил его, но он не позволил себе поднять палец и прояснить зрение — если бы этот балаган начался снова, он бы этого не выдержал. К тому же, ему было вовсе не обязательно видеть всех тех, кто дальше собирается плевать ему в лицо.

Это мокрое злоключение продолжалось. Следующий плеватель — Уилл Саттервейт — набрал дьявольски большой комок слюны и отправил его в лицо Мэтью с близкого расстояния с такой силой, что молодой человек невольно качнулся и едва не завалился на спину сослепу, но руки Кина поймали его и помогли восстановить равновесие.

Беспорядочные плевки попадали Мэтью в лоб, щеки и подбородок. Глаза его были полностью залеплены, и он держал их закрытыми. Это продолжалось так долго, что складывалось впечатление, будто Кин успел сходить на улицу и набрать дополнительных добровольцев для этого посвящения — причем, набирал исключительно нищих, дыхание которых было непереносимым для обоняния, а слюна, казалось, могла разъесть кожу. Безусловно, конец круга был близок, но молодого человека посетила ужасающая мысль: а вдруг это хождение по кругу не закончится, пока Кин не сочтет нужным остановить его?

Мэтью опустил руки по швам. Наконец — долгожданное окончание! — после очередного плевка в лицо Мэтью последовало… *ничто*.

— Теперь ты низший из низших из высших из высших, — прозвучал голос Кина. — Повтори это: Я торжественно клянусь… — он сделал паузу. — Ну же, давай, мы не собираемся ждать целый день.

Мэтью, глаза которого были все еще залеплены слюной, которая ручьями стекала с лица, сумел вымолвить:

— Я торжественно клянусь…

— Быть верным и преданным членом Черноглазого Семейства…

Мэтью повторил слово в слово.

— … и оберегать своих братьев и сестер…

И снова — то же самое.

— … уважать и ценить их, не проявлять милосердия к врагам и не причинять вреда никому, кто когда-либо вступил в Черноглазое Семейство.

Мэтью повторил и это.

— И если я не исполню клятву, — продолжил Кин. — Я честно приму, что я хуже любого собачьего дерьма и позволю своим братьям и сестрам очистить меня с лица этой земли без сопротивления. Я клянусь сто раз по сто.

— Я… клянусь… сто раз по сто, — сквозь зубы произнес Мэтью, потому что по его губам стек чей-то плевок. Мысленно он подсчитал, что должен был поклясться десять тысяч раз: выражение «сто раз по сто» резало ему слух.

— На этом клятва закончена. Сейчас. Стой спокойно, — кусок ткани, сильно пахнущий сыростью, прошелся по лицу Мэтью несколько раз, разлепив, наконец, его веки. Он открыл глаза и обнаружил перед собой Кина, предлагающего ему бутылку рома.

— Сделай-ка глоток.

Мэтью выпил, затем то же сделал Кин, после чего пустил ром по кругу. Кин прополоскал свой рот, и Мэтью всерьез испугался, что следующий круг будет состоять из плевков спиртом, однако обошлось: Рори проглотил напиток.

— Плетью по заднице ты получишь после, — пообещал Кин. — Пока ты еще не полноправный Черноглазый. Пай, подойди, окажи ему честь.

Мэтью увидел, как девушка выходит из круга. Затем она вернулась с серебряным подносом, на котором покоился небольшой синий шар с парой странного вида палочек. Она обратилась к нему:

— Сюда, — и он вышел из центра круга и отправился с нею к какому-то столу, возле которого близко друг к другу стояло два стула, а также там горело две масляные лампы. — Садись.

Молодой человек занял один стул, Пай села на второй. Он увидел черные чернила в шаре и понял, что перед ним татуировочные инструменты: один из них представлял собою длинную палочку, как китайский прибор для еды, с наконечником в виде костяной иглы, а другой на конце был тупым и чуть напоминал молоток. Мэтью заметил, что поверхность стола имеет множество отметин от забитых гвоздей…

Он уже понял, что собирается получить «семейную метку».

Когда основная часть церемонии была, по всей видимости, окончена, круг разорвался. Некоторые разошлись по комнатам, другие подошли ближе к столу, чтобы понаблюдать. Бутылка с ромом до сих пор передавалась из рук в руки, а затем кто-то поставил ее на стол в непосредственной близости от левой руки Мэтью. Молодой человек рассеянно перевел взгляд на поднос и увидел несколько кусочков губки на нем.

— Пай — наш художник, — сказал Кин, подтягивая другой стул, решив посидеть рядом и посмотреть.

— Не такой хороший, правда, как Бен. У него была легкая рука, — девушка взяла один кусок губки, намочила его ромом и протерла участок на руке Мэтью между большим и указательным пальцами. — Это не очень больно, — объяснила она. — Но занимает некоторое время.

— О, нет, сделай так, чтобы это было *действительно больно,* — осклабился Кин. — И вырисовывай тщательно, пока он не закричит.

— Он тебя просто дразнит, — Пай обожгла Кина взглядом и неодобрительно нахмурилась. — Хватит, Рори, парню нужно расслабиться!

— Я спокоен, — сказал Мэтью, хотя острый наконечник инструмента, несмотря на свой небольшой размер, выглядел устрашающе.

Уилл Саттервейт вдруг склонился над ним с молотком и гвоздем, который тут же вбил в столешницу.

— Держи большой палец рядом с ним, — посоветовал он.

Мэтью осознал метод: он должен был положить руку так, чтобы кожа была максимально разглажена. Он поместил большой палец рядом с гвоздем, Уилл прикинул размер рисунка, и вбил следующий гвоздь. Мэтью растянул руку и разместил большой и указательный пальцы нужным образом. Было несколько неудобно — гвозди, играя роль границ, сильно растягивали руку, и Мэтью представлял себе, какое напряжение через некоторое время начнется в сухожилии. Оставалось лишь надеяться, что процесс займет не слишком много времени. Он взял бутылку рома левой рукой и сделал хороший глоток.

— Готов? — Пай уже окунула острый костяной наконечник инструмента в чернила.

Он кивнул, отметив, что Джейн Ховард стоит неподалеку и смотрит на него голодным взглядом своих обведенных черной краской глаз. Он подумал, что было бы неплохо, если бы она утолила свой голод цыпленком, бисквитом или чем-нибудь еще.

— Ну, начали, — сказала Пай. Она поместила иглу в нужную позицию и начала работу. Боль не шла ни в какое сравнение с той, что Мэтью уже не раз приходилось переживать, она больше напоминала раздражающий зуд от укусов насекомых. Он счел, что Пай, может, и не лучшая в этом ремесле, но она была, так или иначе, очень способной и быстрой, шум ударов «молоточка» отдавался в его голове: *та-та-ту, та-та-ту, та-та-ту* — по-видимому, именно из-за этих звуков процесс и получил такое название.

— Могу я задать вопрос? — Мэтью адресовал это Кину.

— *Задать* ты можешь, но не гарантирую, что ты получишь ответ.

— Справедливо. Какое преступление совершил Бен Грир, чтобы угодить в тюрьму Святого Петра?

— Простой вопрос. На дармовщине попался. И на том, что пробакланился.

— Переведи, пожалуйста…

— Украл кое-что и сцепился с одним парнем. Чтобы преподать ему урок, так сказать.

— А что он украл?

— Сумку из коровьей кожи. Знаешь, такую, как адвокаты таскают, чтобы выглядеть более важными.

— Серьезно? — нахмурился Мэтью. — И какая была бы от этого польза Семейству?

Кин пожал плечами.

— Это относилось к делу. Мой приказ состоял в том, чтобы отправить одного человека или двоих на Хай-Холборн-Стрит в определенный день и час, поймать определенного парня, когда тот будет покидать здание, утащить у него сумку, слегка отметелить его, оставить его там и сбежать. Бен сделал все, как было велено, но тот парень позвал на помощь, а рядом как раз проходила парочка констеблей, которые его там и взяли.

Мэтью слушал это все, наблюдая за тем, как Пай оставляла несмываемый рисунок на его коже костяной иглой со звуком *та-та-ту*. На руке выступили крохотные капельки крови, которые Пай протирала губкой.

— Я кое-чего не понимаю, — сказал он. — Что ты имеешь в виду под *приказами*?

— Это и имею. Слова, которые приходят сверху.

— Сверху? От *кого* сверху?

Кин оскалился, его серебряные зубы сверкнули в свете. Черные круги вокруг его глаз придавали ему злой, демонический облик.

— Да ты просто *полон* вопросов, не так ли?

— Ну так помоги мне опустошиться.

— Почему-то я сомневаюсь, что это вообще возможно, — Кин некоторое время молчал, наблюдая за работой Пай, и Мэтью позволил ему все обдумать. Затем Рори сказал:

— Все началось, когда Мик Эбернати вступил в дело. Он был главой Семейства еще до Невилла Морзе, который был до меня. Могавки убили Невилла и Джорджи Коула в прошлом апреле, подкараулили их на выходе из «Храброго Кавалера» на Кэннон-Стрит. Порубили их на кусочки… так или иначе, сделка была заключена. Мы делаем разные вещи, нам за это платят. Простой бизнес.

— Разные вещи? Это какие?

— Такие, как я тебе уже рассказывал. Небольшие поручения — то тут, то там. А еще мы толкаем в продажу этот «Белый Бархат» для них.

— Для кого «для них»?

— Господи, Мэтью! Некоторым вещам нужно просто позволить *быть*!

Мэтью решил, что ветер с этого направления был смертельно

опасен, и настало время лавировать.

- «Белый Бархат», - сказал он, наблюдая за тем, как татуировка на его руке принимает четкие очертания. — Откуда он?

— Из вагона, — ответил Кин, после чего резко усмехнулся.

— Который привозит… кто?

Улыбка Кина угасла. Он наклонился вперед и принюхался.

— Чуешь, Пай? Эту вонь? Я говорил тебе раньше, наш Мэтью попахивает Олд-Бейли.

— Просто я любопытен, — ответил Мэтью. — Серьезно. Если я член Черноглазого Семейства, разве не должен я…

— Нет, не должен. Не в первый гребаный *час,* — Кин некоторое время сидел очень напряженно. Глаза его словно бы омертвели. А потом он вдруг резко поднял обе руки и размазал черные круги вокруг своих глаз, словно в попытке стереть их. — У меня есть дела, — сказал он, поднялся со своего места и покинул помещение. Некоторые члены Семейства остались, наблюдая за работой Пай, но большинство тоже ушло, потеряв интерес. Джейн Ховард была среди тех, кто остался, и Мэтью заметил, что она медленно подходит все ближе и ближе.

— Как себя чувствуешь? — спросила Пай.

— Немного покалывает. В остальном — все хорошо.

— Нужно доделать еще несколько мелких деталей вот здесь. Бен делал это много лучше меня. И быстрее.

— Ничего, время у меня есть.

Она кивнула, после чего тихо сказала:

— Не спрашивай о «Бархате». Это беспокоит его… то, что нам приходится продавать его в таверны… после того, что этот джин сделал с Джошем…

— С Джошем?

— Да, с Джошуа Оукли. Он был тем самым, про которого я тебе рассказывала. Который выпрыгнул из окна с третьего этажа.

— Понятно, — он знал, что Джейн Ховард уже стоит прямо за его плечом. Отсюда чувствовалась, что ей очень нужна была ванна. Катастрофически необходима.

— Это беспокоит его, — Пай продолжила, — Потому что он думает, сколько еще человек выжило из ума вот так же. Он говорил мне это много раз. Он постоянно думает о том, сколько женщин пьют «Бархат», а после бросают своих детей в огонь, думая, что это поможет им согреться холодной ночью… или сколько мужчин после этого лишаются рассудка, возвращаются в памяти на войну и в припадке ранят или даже убивают своих домочадцев. Такое случалось, имей это в виду.

— Звучит так, будто это, скорее, наркотик, чем напиток. Я

знаю, что на этом можно сделать хорошие деньги, но зачем продолжать продавать его, если от этого на сердце так тяжело? Я думаю, будь я на его месте, я бы…

— Ты не на его месте, — перебила она и вонзила иглу в кожу чуть сильнее, чем было необходимо. — И ты не знаешь, с какими людьми мы имеем дело. Некоторые из них тверже, чем любой камень в Лондоне. Так или иначе, как я уже говорила… Рори все понимает… но если бы мы не продавали «Бархат», этим занимался бы кто-то другой, и не мы одни его продаем. Так что просто оставь это, Мэтью, ясно? — она снова уколола чуть сильнее. — Просто. Оставь.

Мэтью казалось, что ветреная Джейн уже готова приземлиться ему на колени. Чтобы предотвратить это, он посмотрел на нее с улыбкой и сказал:

— Джейн, не окажешь мне услугу?

— *Что угодно,* — томно ответила она.

Ему пришлось на скорую руку придумать, что бы у нее попросить.

— Ты не могла бы… ох… найти для меня тот экземпляр «Булавки»?

— Конечно, могла бы! — сказала она и испарилась из виду.

— Охота снова про себя почитать? — спросила Пай.

— Нет. Просто охота… в смысле, *хочу* позволить себе дышать нормально. Кроме того, если тебе нет дела до моих вопросов про «Бархат» или до того, кто его распространяет здесь… — он сделал паузу, оставляя ей свободу выбора.

— Мне *нет* дела, — ответила она, явно запирая эти ворота и выбрасывая ключ.

— Тогда, — продолжил он. — Я могу просто почитать про Леди Эверласт и ее двухголового ребенка.

Пока ждал возвращения Джейн с газетой, он вновь и вновь произносил про себя ту же мысль, что недавно озвучил: *звучит так, будто это, скорее, наркотик, чем напиток.*

Это взбаламутило грязную воду болота его воспоминаний, но он толком не успел угнаться за мелькнувшей мыслью. Это было нечто, которое он должен был помнить — по крайней мере, так ему казалось, — но, возможно, его память восстановилась еще не до конца.

Джейн вернулась с газетой, которая выглядела изрядно смятой и потрепанной, а также очень грязной, как будто все Семейство вытирало об нее руки сегодня. Впрочем, от газеты ему не требовалось более ничего, кроме как перечитать второй раз историю, связанную со своим именем и подтвердить свои подозрения о том, что только Альбион мог знать о кинжале.

Теперь, однако, этот грязный лист бумаги служил отличным барьером между Мэтью и Джейн, пока Пай заканчивала набивать татуировку.

— Хочешь, чтобы я почитала тебе? — спросила Джейн, и глаза на ее худом лице блеснули.

— Нет, спасибо. Я полагаю, у тебя много других дел?

— Не-а, ничегошеньки.

Мэтью потянулся к бутылке с ромом и сделал глоток перед тем, как брать «Булавку».

— Ладно, — протянул он. — Если ты просто сядешь куда-нибудь, я сам почитаю.

— Я постою прямо здесь, поблизости, если вдруг тебе понадобится еще что-нибудь.

Пай издала мягкий короткий смешок. Мэтью мысленно закрылся от обеих девушек и представил, что их отделяет друг от друга тряпичная ширма. Статья о нем — устрашающем Плимутском Монстре — и Альбионе и впрямь вытеснила с первых полос непрекращающееся горе Леди Эверласт, которая теперь разделяла колонку с историей некоего Лорда Хеймейка Рочестерского, покончившего с собой через повешение после того, как за одну ночь он занялся любовью с пятью продажными девицами сразу. Причиной повешения, очевидно, послужило то, что старый семидесятилетний хрыч не сумел поднять свой причиндал для шестой кандидатки, которая была сравнима, если верить тому, что написано в «Булавке», «*с влажной Райской долиной*».

«Помилуй, Боже!» — пробормотал Мэтью себе под нос, однако взгляд его уже опустился на строку со следующим заголовком: *Фортуна Улыбнулась Проститутке*, и молодой человек пришел в ужас, сознавая, что ему действительно интересно, что это за девица и что за удача ее постигла.

Затем шло несколько параграфов о похищенной итальянской оперной певице, мадам Алисии Кандольери, озаглавленных как «*Оперная Звезда Все Еще Не Найдена*», а чуть ниже припиской значился вопрос: «*Жива ли Певчая Птичка*»?

— Я почти закончила, — проговорила Пай. — Еще немного. Дьявол кроется в деталях.

Мэтью кивнул. Стилизованный глаз в черном круге на его руке уже принимал знакомые очертания. Его же собственные два глаза вновь обратились к газете и прочитали текст почти внизу страницы.

Черный Дикарь Поражает Публику, гласил заголовок. Под ним было написано: *Африканский Силач в Цирке Олмсворт.*

Первая строчка заставила Мэтью встрепенуться, завладев его

вниманием целиком и полностью.

Удивительный, массивный немой африканский силач, известный как Черный Дикарь, страшное прошлое которого лишило его языка, уже третью неделю выступает в Цирке Олмсворт на улице Давз-Уинг, Бишопсгейт.

Вторая строка едва не заставила Мэтью вскочить со стула.

Как вспоминает наш читатель, огромный африканец со странными шрамами на лице, который обрел славу под именем Черный Дикарь, был обнаружен в июне прошлого года в море — цепляющимся за обломки корабля и, судя по всему, пережившим кораблекрушение. В Англию его доставил Джеймс Трой, капитан корабля «Марианна Праведная».

— Ты аж подпрыгнул! — воскликнула Пай, переставая работать с татуировкой. — В чем дело?

Мэтью потерял дар речи. Шла ли в этой статье речь о *соплеменнике* Зеда — бывшего раба и помощника коронера Эштона Мак-Кеггерса в Нью-Йорке, который в последствии спас Мэтью жизнь на Острове Маятнике, а после отбыл на «Ночной Летунье» капитана Джерелла Фалько, чтобы вернуться на родину? Была ли здесь речь о *другом воине* из племени Га, с той же жестокостью лишенном языка и с изуродованным шрамами лицом?

…цепляющимся за обломки корабля и, судя по всему, пережившим кораблекрушение…

— *Нет,* — услышал Мэтью собственный шепот.

Возможно ли, что один из пиратских кораблей Профессора Фэлла наткнулся на «Ночную Летунью» и, узнав название судна и его капитана, помогшего расстроить планы Фэлла, бросился в погоню? Пресекли ли приспешники Профессора последний ночной полет «Ночной Летуньи»? А если в этой статье действительно говорилось о Зеде, выжившем после кораблекрушения посреди моря, что же тогда случилось с Фалько? Утонул? Или был схвачен пиратами Фэлла?

— Что «*нет*»? — раздраженно переспросила Пай, не спеша возобновлять работу над *та-та-ту*ировкой.

— Нет, — протянул Мэтью, с усилием придерживая свою мысль, готовую умчаться вперед, как бешеный конь. — Просто читаю этот… этот *полнейший бред*. Только и всего.

— Ладненько. Тогда сейчас держись смирно, мне нужно доделать еще кое-что.

Он снова пробежался глазами по статье.

Зед. Может ли такое быть?

— Эм… а далеко отсюда Цирк Олмсворт? — молодой человек изо всех сил старался, чтобы его голос звучал непринужденно. —

Это, вроде как… на улице Давз-Уинг, Бишопсгейт.

— Далековато. А что?

— Просто думал как-нибудь туда сходить. Мне всегда нравился цирк.

— Лучше всего идти днем, дорогуша, — ответила она, заканчивая работу, которая, по правде говоря, уступала в качестве тому, что мог бы сделать Бен Грир, но, в целом рисунок выглядел сносно.

— А это представление начинается с наступлением темноты, — отозвался он, когда Пай бросила небрежный взгляд на статью. — Здесь ведь говорится, что начало в восемь.

— Тогда удачи.

— И для чего она мне понадобится?

— Ну-у-у-у, — протянула она. — Теперь на тебе метка Семейства. Следует знать, что, чтобы добраться до улицы Давз-Уинг, в Бишопсгейт, тебе придется пройти через территории целой кучи банд. Пальцев на руках и ногах не хватит, чтобы пересчитать, сколько их надо будет пересечь! Скорее всего, ты и парочки не пройдешь, а уже напорешься на неприятности, и если тебя сцапает какая-нибудь банда, с которой у нас нет мирового договора… ты можешь не вернуться домой из этого твоего цирка.

— О… — хмуро выдохнул Мэтью, все еще глядя в текст статьи. — Понятно.

— Я считаю, оно того не стоит, — Пай принялась очищать иглу от крови и чернил.

Домой? — подумал молодой человек. Это место уж точно не было его домом. Он не знал, доведется ли ему когда-нибудь снова увидеть Нью-Йорк, но сейчас об этом думать было бессмысленно: сейчас важно было выяснить, действительно ли в статье говорится о Зеле, и если это так, то необходимо понять, что произошло с «Ночной Летуньей» и капитаном Фалько.

Хотя сначала он собирался поговорить с Кином о нападении на Могавков, которое должно было состояться сегодня вечером. Молодой человек думал, что, по крайней мере, он может сделать полезное дело, раскрыв личность Альбиона, и это казалось ему куда как более важным делом, нежели охота на шайку, воображающую себя индейцами, контролирующую район красных фонарей. Стоило надеяться, что Кин согласится. Особенно тогда, когда Мэтью предложит ему сопровождать его завтра на Флинт-Стрит, чтобы поохотиться на Лорда Паффери.

Это, подумал он, *точно стоит того.*

Он так считал.

Глава двадцатая

Время едва лениво перекатилось за полдень, когда Хадсон Грейтхауз наклонился ближе к Берри и тихо проговорил:

— Просто продолжайте есть. Не смотрите ни вправо, ни влево, но я спешу вам сообщить, что нам сели на хвост.

Девушка с трудом удержалась от того, чтобы подскочить и начать озираться по сторонам, вертясь на стуле. Желание тут же начать изучать всех посетителей таверны было почти непреодолимым.

— Кто это? Где?

— В дальнем левом углу, сидит спиной к стене. Ему далеко за сорок, темные волосы с проседью по бокам, густая борода. Выглядит сурово, но одет хорошо, особенно для такого места.

— А вы разве не себя описываете?

— У него взгляд острый, как у дьявола. Заставляет опасаться, хотя я его раза в два крупнее, — по лицу Хадсона скользнула очень быстрая улыбка. Он торжественно продолжил свою мысль. — Человек вошел сюда несколько минут назад и расположился так, чтобы наблюдать за нами было удобнее. Его глаза с завидной периодичностью обращаются в нашу сторону.

— Вы уверены, что он за нами следит?

— Он стоял у стойки с другим мужчиной в «Красной Карге». Затем я поймал его взгляд и заметил, что он идет за нами по улице. Он скрылся в дверях «Поцелуя Прокаженного», когда я его заметил. И вот теперь — здесь. Он не такой уж хороший шпион, каким кажется самому себе.

— А что насчет второго мужчины?

— Он ушел из «Карги» раньше нас. Больше я его не видел.

Берри продолжила есть свой пирог с почками и говядиной. Говядины в нем было не так уж и много, если она там вообще была, зато почек, казалось, не пожалели. Они сидели за столом в «Четырех Диких Псах», и Берри не хотела думать, что ингредиенты ее пирога и правда имели какое-то отношение к собакам. Перед Хадсоном стояла тарелка телячьих мозгов с каким-то коричневым соусом и кукурузным хлебом. Уплетал он этот деликатес с присущим ему смаком, независимо от того, что само заведение нагоняло тоску и отбивало аппетит начисто.

Похоже, район Уайтчепел был утыкан тавернами, как спина дикобраза — иглами. Большинство из этих самых таверн быдло столь же грязным и противным, сколько и упомянутые иглы. Вскоре после встречи с Гарднером Лиллехорном Хадсон постучал

в дверь Берри в Соумс-Инн и сказал ей, что устал ждать, пока лондонские констебли найдут Мэтью в этом захолустье. Он собирался обратиться в местное отделение агентства «Геррaльд» на Треднидл-Стрит следующим же утром и попросить своих коллег найти мальчика.

В конторе Хадсон встретил своего старого друга Шеллера Скотта, с кем он прошел множество сражений против небезызвестной Молли Редхенд. Хадсон объяснил ситуацию и понял, что в настоящее время в агенстве четверо решателей проблем работают за пределами Лондона, а у самого Шеллера были дела в Мейдстоне, связанные с пропавшим ребенком. Шеллер сказал, что надеется обернуться в течение недели, но точно сказать, когда, он не мог.

Таким образом Хадсон поставил Берри перед фактом, что если Мэтью и можно найти, то придется прочесать весь Уайтчепел самостоятельно. Берри согласилась с этим, предложив также найти бумагу и чернила, чтобы она могла набросать портрет Мэтью, который можно будет показывать в тавернах подавальщицам, хозяевам и посетителям — это, как решила девушка, будет более наглядно, чем словесное описание. Также она заявила, что не собирается отсиживаться в гостинице, пока Грейтхауз будет бегать по району Уайтчепел — нет, Берил Григсби твердо вознамерилась идти с ним. Хадсон согласился по части портрета, однако долго спорил со вторым утверждением своей спутницы, потому что район был небезопасным, и ему не хотелось, чтобы Берри подвергала себя опасности, появляясь в этом захолустье. Впрочем, как бы напряженно он ни вел спор, девушка была неумолима и ни на какие возражения внимания не обращала.

Хадсон закупил все необходимое, после чего встал вопрос о том, как изобразить Мэтью. С бородой или без? Они не спрашивали Лиллехорна, но Хадсон думал, что Мэтью не требовалось бриться на борту «Странницы», и вряд ли ему позволили воспользоваться бритвой в тюрьме Святого Петра или в Ньюгейте. Что ж, стало быть, с бородой. Впрочем, на всякий случай Берри набросала и второй портрет Мэтью — гладко выбритым. Так они решили свою первую задачу.

Следующие два дня они выходили из гостиницы ранним серым утром и отправлялись в Уайтчепел. Вознице дали строгие инструкции и пообещали щедрую оплату, чтобы он встречал их в одно и то же время там, где оставил их, что несколько ограничивало диапазон, по которому можно было вести поиск в течение дня. Хадсон не имел ни малейшего желания быть брошенным на произвол судьбы в этом районе с наступлением

темноты, учитывая, что ноябрьские ночи отличались жесткостью и холодом и приходили они довольно рано. Первой, кто хоть что-то знал о Мэтью, была девушка-подавальщица в «Ветреной Свинье»: она узнала имя из истории о Плимутском Монстре, о котором писали в «Булавке» Лорда Паффери, и она «с радостью показала бы им газету, если б ее не украли через десять минут после того, как девушка отдала за нее звонкую монету».

Подавальщица, секунду назад казавшаяся такой вялой, что едва не впадала в летаргию, вдруг заговорила весьма взволнованно.

— Он убил восемь женщин и десяток детей — этот монстр. А теперь Альбион вытащил его из тюрьмы, напал на повозку, в которой его перевозили в Уайтчепел, и забрал его с собой, чтобы убить еще больше. Ха! Как будто здесь и так недостаточно убивают! И вот так выглядит лицо этого монстра? Быть не может! Он выглядит… совсем по-человечески. А вы законники? Чую, что да.

— Ваше чутье вас не обманывает, — решил ответить Хадсон. Когда девушка отошла, он едва не заскрежетал зубами. Не выдержав, он взорвался.

— Один из этих клятых охранников продал свой рассказ какой-то лживой газетенке! Посмотрим, не найдется ли поблизости экземпляра этого бреда. Да будут прокляты все печатники, которые выпускают это прогнившее вранье на улицы! — он поймал себя на том, что дед Берри тоже был печатником и тоже иногда приукрашивал поступающие к нему новости в своей «Уховертке». — Приношу свои извинения моей компаньонке и ее отсутствующему деду, — поправился он, и девушка неопределенно фыркнула в ответ, одарив своего спутника кривой полуулыбкой и слегка подняв медно-рыжую бровь.

В течение вчерашнего маршрута они несколько раз натыкались на любителей этой «Булавки», которые также узнавали имя, но не узнавали лица Мэтью. Наконец в «Дыхании Козла» хозяин, стоявший за стойкой, предложил изрядно зачитанную и потрепанную копию газеты, после чтения которой Хадсон побагровел от злости и разорвал в клочья страницы, а затем сбросил клочки в уборную, сопроводив этот процесс грязными ругательствами.

— Вашим глазам это видеть не стоит, — обратился он к Берри, снова возвращаясь к своей роли галантного защитника.

Как и всем людям, этим двум бесстрашным искателям тоже требовалось где-то и когда-то есть, поэтому они выбрали меню «Четырех Диких Псов»: здесь хотя бы не казалось, что еда

большинства посетителей щедро сдобрена порцией различных ядов, поэтому на этой таверне и остановились.

— О чем вы думаете? — спросила Берри, когда Хадсон замолчал слишком надолго.

— О тех двух мужчинах, — ответил он. — Они стояли у стойки, когда мы расспрашивали подавальщицу о Мэтью. Я уловил взгляд обоих мужчин, но один — тот, что сейчас сидит вон там — рассматривал рисунки дольше, чем другой. Я хотел спросить его, не видел ли он когда-нибудь это лицо прежде, но меня опередил его компаньон и увел этого парня для какой-то приватной беседы. Минуту или около того спустя второй мужчина ушел. Сначала я думал, что они собираются нас ограбить, но у них была уже не одна возможность нанести удар, пока мы добирались сюда. Так что… — Грейтхауз немного победил, чтобы обмакнуть кусок кукурузного хлеба в подливу. — У них могут быть некоторые знания, которые я намереваюсь получить.

— И как вы это сделаете?

— Посмотрим, — ответил он ей и запил свой деликатес глотком красного вина.

Теперь Берри поняла, что находится на краю. Неужели *каждый* посетитель, входивший в эту таверну, окидывал их пронизывающим взглядом, или ей это только казалось? Ее интерес к еде полностью пропал. И хотя она знала Лондон, пока жила в Мэрилебоне (и работала восемь недель учителем, пока несчастный случай не привел к тому, что школа сгорела дотла), *эта* часть города была ей абсолютно незнакома. Девушка вчера попыталась отвлечься мыслью о том, чтобы навестить своих родителей в Ковентри, но это была поездка за город почти в неделю длительностью… а то и больше, судя по состоянию дорог. Да и к тому же, родители не могут помочь ей разыскать Мэтью, посему сейчас, когда эта задача была для нее первоочередной, Берри не могла выкроить время для поездки к семье, как бы сильно ни любила ее. Возможно — стоило надеяться — когда вся эта история закончится благополучно, и Мэтью будет в безопасности — что она могла бы уговорить всех своих спутников составить ей компанию в этой поездке в Ковентри на несколько дней… сбежать от этого смрада, от этой серости… но пока Ковентри придется подождать.

— Хм, — протянул Хадсон, придав этому звуку нарочитой важности. — Двое мужчин, которые только что пришли, — проговорил он с набитым телячьими мозгами ртом. — Идут к дальней стене, чтобы побеседовать с нашим другом в углу, — он проглотил свою еду и сопроводил ее в желудок глотком вина. —

Один из них — тот, кто ушел из «Карги». Похоже, на нас тут ополчились, — он отер рот коричневой тканевой салфеткой. — Я думаю, что, стоит нам уйти, как за нами последуют все трое. Вы воображали себя когда-нибудь во главе парада?

Он поразил ее. Девушка спросила:

— Вы *ничуть* не боитесь?

Ответом на этот вопрос была сдержанная улыбка.

— У меня есть более подходящее слово к этой ситуации, — отозвался он, кроша последний кусок кукурузного хлеба пальцами. — Я *внимателен*. Осторожен. Я знаю свои сильные и слабые стороны. Боюсь ли я этих парней? Которые теперь смотрят на нас совершенно открыто, кстати. Боюсь. Не за себя, потому что я могу отвесить им столько же тумаков, сколько они могут дать мне. Если не больше. Но… я немного боюсь того, что когда все начнется, я не смогу защитить вас. Именно поэтому, мисс Непреклонность, я и хотел, чтобы вы ждали меня в безопасности.

— Я не могла остаться. Вы это знаете.

— Да, знаю, — он тяжело вздохнул и по-отечески погладил девушку по руке. — Тогда давайте расплатимся за эти помои и снова отправимся на дикую охоту, согласны?

На улице тоскливое небо слезилось легким дождем, а холодный ветер бился о каменные стены зданий. Хадсон был без шляпы, но его совершенно не заботила перспектива промокнуть, однако Берри неприязненно поморщилась и поспешила надеть капюшон своей фиолетовой накидки, в кармане которой бережно лежали два набросанных на скорую руку портрета Мэтью, скрученные в трубочку и перехваченные лентой в попытке защитить их от непогоды.

— Идите передо мной, — сказал Хадсон девушку и жестом показал ей на северо-запад. Примерно через два часа они должны были вернуться к своей самой первой остановке около таверны «Летучая Мышка и Кошка» на пересечении Уайтчепел-Роуд и Пламберс-Стрит. Хадсон считал, что если Мэтью остался в этом районе, он ведь должен был где-то есть и пить, поэтому таверны были основной зоной его расследования. Пробиваясь через противный дождь, Берри заметила вывеску еще одной таверны, которая называлась «Место Правосудия». Девушка решила, что это будет их следующей остановкой.

Она не прошла достаточно далеко, когда на улице слева от нее возникла чья-то фигура и вцепилась в нее тощими когтистыми руками. Не ожидая нападения, Берри вскрикнула, Хадсон вмиг оказался между ней и незнакомцем, тут же оттолкнув его и приложив спиной о кирпичную стену.

— Прошу, сэр… прошу, сэр… — пролепетал человек, со

спутанными седыми волосами и грязной соломенной бородой. Его плоть была настолько грязной, что казалась серой. Он носил истончившиеся лохмотья, лицо его опухло и как-то странно деформировалось и отекло, словно он получил несколько разрушительных ударов тяжелой рукой, а после перенес какую-то тяжелую болезнь. Губы покрылись язвами, изо рта исходил неприятный сладковатый запах мокрой могильной гнили.

— Пожалуйста, сэр… — прохрипел он. — Пожалуйста… сжальтесь! Несколько пенсов… пожалуйста… умоляю вас, сэр… и леди… умоляю вас!

— Пошел прочь! — скомандовал Хадсон, при этом все еще держа бродягу за рубаху.

— Пожалуйста… сэр… Просто глоточек, сэр, чтобы встать на ноги. Просто глоточек, сэр, я смогу поправиться…

— Думаю, ты уже достаточно наглотался, старина!

- «Бархат» вернет меня к жизни, — сказал он, и глаза его пугающе засветились безумием, став при этом темнее речных камней. — Бог благословил сладкий «Бархат», сэр. Один глоток способен увести от всего этого.

Хадсон отпустил его.

— Тебе лучше найти благословенного *человека*, а не бутылку.

— Пожалуйста… сэр… подайте хотя бы на глоток.

— Вот, — Берри начала открывать кошелек. — Возьмите…

Небольшой стек вдруг замахнулся и ударил бродягу по лицу. Замах пришел из-за спин Хадсона и Берри, и Грейтхауз развернулся в сторону новой угрозы, прокляв себя за потерю бдительности из-за этого богом забытого нищего.

Там стояло трое мужчин — все в плащах и треуголках. Человек, который держал кнут, был тем самым, что сидел в углу в «Четырех Диких Псах». Вблизи его лицо показалось более широким, брови — более тонкими, а крючковатый нос был настолько острым, что при чихе мог проткнуть кого-нибудь насмерть.

— Убирайся отсюда, кусок дерьма! — сказал незнакомец с кнутом, и голос его был холодным, как ноябрьский ветер. Кнут поднялся для нового удара.

Бродяга отполз назад, его один зрячий глаз наполнился страхом. Хадсон заметил пустой ящик чуть позади нищего и потертое грязное одеяло, расстеленное на земле. Внезапно к попрошайке, похоже, вернулись когда-то покинувшие его чувства, потому что из своего скрюченного состояния он вдруг выпрямился, одернул свою жалкую рубаху тонкими иссушенными руками и обратился к Хадсону тоном, преисполненным величайшего достоинства:

— Да будет вам известно… сэр… что *я* и есть благословенный, Божий человек, — его глаз моргнул. — *Был им* когда-то, — поправился он. А затем добавил. — И буду снова. Энни не даст соврать. Она умерла, но я поднял ее из мертвых. Она скажет вам правду, моя Энни скажет, — после этого его выражение лица вновь стало каким-то странно рассеянным, словно разум его распался на множество мелких осколков, в единственном здоровом глазу блеснуло отражение скрытого под этой личиной разрушенного, искалеченного духа. Нищий сел на одеяло, подтянул свои костлявые колени к подбородку и рыдающим шепотом принялся бормотать что-то. — Глоток… глоток… Господи, спаси меня… всего лишь глоток… — удалось расслышать Грейтхаузу.

— Не надо, — сказал мужчина с кнутом в руке, когда рука Берри извлекла несколько серебряных монет из кошелька. — Вы просто выбрасываете деньги на ветер, мисс. Здесь поблизости ходят сотни таких, как он. Лучше позволить им умереть, чем продолжить эту пытку из милосердия, — дымчатые глаза этого человека были лишены всяких эмоций, его крючковатый нос не морщился от отвращения, выражение лица было полностью бесстрастным. Взгляд обратился к Хадсону. — Вы не согласны?

— А с кем мне предлагают согласиться или не согласиться?

— Меня зовут Фрост. Это господа Карр и Уиллоу. Вы расспрашивали в таверне о молодом человеке по имени Мэтью Корбетт.

— Все верно. А вы почти всю дорогу следовали за нами.

— Это тоже верно. Вы знаем кое-кого, кто мог бы помочь вам.

— В самом деле? — густые брови Хадсона взметнулись. — Подумать только! Три добрых самаритянина сыскались в Уайтчепеле? Очень в этом сомневаюсь. Кто вы такие и в чем ваш интерес?

— Пойдемте с нами. Это через две улицы, «Гордиев Узел». Вы все узнаете.

— Я так не думаю. У меня есть прекрасная возможность подраться прямо здесь, на улице. Ни у меня, ни у моей компаньонки нет никакого желания быть ограбленными, оглушенными ударом по голове из-за угла и сброшенными в реку. Видите ли, у нас на сегодняшний день были иные планы.

Фрост рассмеялся, но звук получился прохладным. Глаза и выражение лица его не выдали никаких эмоций и остались безучастными в этом процессе.

— Мы не… — он помедлил и решил начать сначала. — Нас *нельзя* назвать любителями жестокости.

— Каждый мужчина, каждая женщина и даже каждый ребенок

в Уайтчепеле — жестокий. Здесь не живут, а *выживают*. Так что рассказывайте эти сказки другим. Так что за человек может нам помочь?

— Как угодно. Есть одна женщина в «Гордиевом Узле», она желает поговорить с вами как раз о Мэтью Корбетте. — Фрост, как казалось Хадсону, очень сильно старался разговаривать так, словно он явился сюда из любой другой части Лондона, а не из этого лона отчаяния. — Она может вам помочь.

— Как ее зовут? Какая-нибудь Дубинка-Берта?

— Мне не *дозволено,* — сказал Фрост, произнося последнее слово с особым нажимом. — Разглашать ее имя. Идите к ней и все узнаете.

— Нет, спасибо.

Фрост пожал плечами. Лицо его было столь же непроницаемым, как и у двух его спутников.

— Что ж, дело ваше. Хотя немного нелепо позволить хорошей возможности ускользнуть от вас, как песку сквозь пальцы… но это *ваш* выбор, не так ли?

— Так ли, — ответил Хадсон тем же тоном, при этом сохраняя непроницаемое выражение и на собственном лице.

— Бог вам в помощь в таком случае. Хорошего дня, мисс, — Фрост коснулся кончика своей треуголки, почтительно кивнув Берри. — Нам пора откланяться, друзья, — обратился он к своим молчаливым спутникам. Они пересекли улицу, миновали вагон с сеном, который тянула целая команда грузчиков, на первый взгляд походивших на бледные трупы. Хотя с более близкого расстояния впечатление почти не менялось: словно старые мученики, сошедшие с осколков разбитой церкви, взялись за работу своими серыми руками, коснувшимися небесного свода, а лица их были безразличными и спокойными, как гладь времени.

— Вы с ума сошли? — спросила Берри, клацнув зубами от злости.

— По крайней мере, когда в последний раз проверял, был в своем уме.

— Вам совсем не интересно, что может сказать та женщина?

— Интересно, — признал он. — Не я не собираюсь шагать к очередной клятой таверне с тремя головорезами за спиной. Не жестокие они! *Серьезно*… вы видели, как искалечены суставы на руках этого Фроста? Он этим своим кнутом выбил не один зуб и, может, даже не одну глотку передавил, можете быть уверены, — он небрежным движением отбросил волосы со лба. — Мы не знаем, во что бы ввязались, пойди мы с ними. Черт побери! — рука взметнулась вверх и с силой врезалась в кирпичи. — Я не рассчитываю, конечно, что, если попрошу вас вернуться в

«Летучую Мышку и Кошку» и подождать там нашего возницу, из этого выйдет хоть какой-то толк. Вы ведь не вернетесь в гостиницу, так? Даже если я пообещаю, что… гм… к восьми часам явлюсь туда? А если нет, то сообщите Лилле….

— Да, никакого толка из этого не выйдет, — перебила девушку.

— Ясно. Тогда поберегу дыхание. Оно может еще понадобиться.

Хадсон окинул взглядом улицу. Старый нищий забрался в свой ящик и задрожал, нервно кутаясь в свое одеяло. Хадсон извлек из кармана брюк несколько монет и бросил их на землю прямо рядом с ящиком. Старик бросился к ним с криком, способным заставить ангелов плакать. Хадсон отвернулся, лицо его напряглось.

— Берегите свои монеты, — обратился он к Берри. — Бог свидетель, вы можете купить мне кружку очень крепкого эля там, в конце улицы Флинт. Идемте.

Господа Фрост, Карр и Уиллоу дожидались их под вывеской «Гордиева Узла», как Хадсон и ожидал.

— Передумали, — констатировал Фрост со свойственной ему замороженной экспрессией.

— Вы, джентльмены, войдете первыми, — ответил Хадсон. — Я ни к одному из вас не хочу поворачиваться спиной.

— Хорошо. Наш маршрут будет таковым: сначала проходим внутрь, пересекаем таверну и идем к стойке. Справа от нее будет лестница наверх. Мы пойдем первыми.

— Мы за вами.

«Гордиев Узел» ничем не отличался от любой другой таверны из уже посещенных. Просто другое название, а в остальном: такой же дощатый пол, одни и те же лампы, те же круглые столики, исцарапанные завсегдатаями и случайными посетителями, та же длинная стойка, такие же усталые женщины-подавальщицы, все — то же.

— Держитесь ближе ко мне, — тихо сказал Хадсон Берри, когда они пересекли зал вслед за тремя мужчинами. Теперь он отметил, что Фрост носил пару сапог со шпорами. Странное молчаливое трио прошло вверх по узкой лестнице, сначала Фрост, за ним Уиллоу и Карр. Хадсон проследовал за ними, а рука его потянулась назад и жестом показала Берри, чтобы та взялась за нее и никуда не отходила.

Лестница привела их в круглую комнату, выглядевшую намного опрятнее, чем вся остальная таверна на нижнем этаже. Фонари из синего и зеленого стекла висели на крюках, крепившихся к массивным дубовым балкам, придавая этому

помещению морского настроения и глубоководного оттенка. Обычные фонари здесь тоже присутствовали — они были расставлены на небольших круглых столиках. Дощатый пол покрывал дорогой темно-зеленый персидский ковер.

— Вот они, мадам, — обратился Фрост к кому-то, находящемуся в этой комнате.

Хадсон и Берри заметили фигуру, сидящую на стуле с резной высокой спинкой, отделанном кожей, за столиком в самом углу.

Женщина заговорила, стараясь ничего не выдать своим голосом, как и Фрост.

— Подведите их поближе, пожалуйста.

— Мы достаточно близко, — возразил Хадсон. — Нам сказали, вы обладаете информацией о Мэтью Корбетте.

— Для начала, добро пожаловать в мою таверну, — сказала женщина. — Присаживайтесь. Оба. У нас здесь превосходный выбор вин.

Свет свечей выхватил из полумрака улыбку женщины, обнажив мелкие зубки под аккуратным носиком и парой глаз, которые Хадсон не мог описать никаким другим словом, кроме как «лягушачьи».

— Мы постоим.

— Вы *боитесь,* — утвердила она.

— Просто осторожны.

— Такой большой, сильный мужчина, как вы, должен быть способен на решительные дела, если это необходимо. Посмотрите на себя! Вы же, как бык!

— Я стал таким, какой есть сейчас, именно потому, что был осторожен, — ответил Грейтхауз. Краем глаза он продолжал наблюдать за тремя мужчинами, стоящими у лестницы и прислушивался к любому звуку, который долетал с той стороны, продолжая при этом держать Берри за руку. — Через десять секунд мы уйдем, если вы так и не найдете, что предложить нам.

— Я уже предложила вам вино. О… вы ведь не об этом. Мэтью Корбетт. Что ж… этот молодой человек *умеет* попадать в истории, не правда ли? Он помог «Булавке» состряпать занимательную статью. И теперь он связался с ужасающим Альбионом! Вы ведь уже *видели* эту статью, не так ли?

— Ваше время вышло.

— Если вы будете придерживаться такой линии общения, я боюсь, беседы у нас не получится. Я не люблю грубость, мистер Грейтхауз. Либо вы с мисс Григсби любезно присядете, либо, я согласна… время действительно вышло, и говорить нам больше не о чем.

— Я ведь знаю вас… — внезапно произнесла Берри. — Так

ведь?

— Мы никогда не встречались. Ну же, по́лно, присаживайтесь, — она пожала своими широкими плечами. — Или уходите. Где тут выход, знаете.

Хадсону не нравилось, чем попахивала эта история. Насколько он знал, он никогда прежде не встречал эту женщину, но, тем не менее… что-то в ней казалось смутно знакомым. Пришлось принять решение.

— А *им* обязательно находиться здесь? — Грейтхауз движением подбородка указал в сторону трех назойливых соглядатаев.

— Конечно, нет. Если они вас смущают, я попрошу их уйти.

— Еще как смущают.

— Уходите, — сказала она, непосредственно обратившись к Фросту. Хадсон потянул Берри в сторону, когда трое мужчин направились к выходу, не удостоив никого ни единым взглядом. — *Теперь* — с нажимом произнесла женщина. — Мы можем поговорить, как цивилизованные люди?

— Давайте перейдем сразу к делу, — ответил Хадсон. — Мы ищем Мэтью, и нам сказали, что у вас есть информация. Вы, похоже, откуда-то знаете нас. И, нет, от вина мы откажемся, благодарим. Итак, у вас *есть* информация? Или нет?

— О, у меня она есть, — женщина оттолкнулась от стола и поднялась, стремительно прошагав в сторону своих гостей по персидскому ковру. Она имела грозное мощное телосложение, при этом полной ее назвать не поворачивался язык — речь шла именно о мышечной мощи, при этом двигалась она с никак не сочетающейся с таким обликом грацией. Лягушачьи карие глаза уставились на Хадсона, рот с маленькими зубками растянулся в улыбке. На ней было темно-синее платье с ярко-розовыми рюшами внизу, спереди и на рукавах. На ее больших, как у работяги, руках сидели розовые перчатки, также отделанные кружевом, под которыми угадывались очертания толстых, как сосиски, пальцев. Хадсон заметил довольно глубокие морщины на ее лице, а ватное облако ее волос было убрано золотыми заколками. Он решил, что незнакомке, должно быть чуть меньше шестидесяти лет, как минимум, однако по ощущениям она была старше его лет, эдак, на тридцать. И он знал ее откуда-то… точно знал… только не мог вспомнить, откуда именно. А женщина была совсем близко и готовилась заговорить.

— Моя информация заключается в том, — произнесла она, все еще улыбаясь. — Что теперь вы являетесь собственностью моего работодателя, Профессора Фэлла.

Ее имя буквально вспыхнуло в памяти Хадсона и Берри в

одно и то же время. Она была именно такой, как Мэтью ее описывал.

— А, — протянул Хадсон. — Матушка Диар, — мышцы его лица напряглись. — Мэтью интересовался, выжили ли вы в том землетрясении.

— Как видите, выжила. Как и мой друг Огастес Понс. И как сам Профессор, который, я уверена, будет несказанно рад увидеть вас обоих.

— Он где-то неподалеку?

— Где-то, — туманно ответила она.

— Я полагаю, наши блуждания по Уайтчепелу и вопросы о Мэтью привлекли к нам внимание ваших… нам стоит называть их вашими *людьми*, или как?

— Да, моими людьми, — ее улыбка сделалась шире. Лягушачьи глаза, казалось, выкатились еще сильнее. — Мне это нравится, Хадсон. Могу я называть вас по имени? — она не стала дожидаться его согласия. — Хадсон, мне нравится цивилизованность… нравится *интеллигентность*.

— Полагаю, вы проделали большой путь в обеих сферах.

— О, да. Я родилась в четверти мили отсюда в ужасной лачуге. А теперь у меня прекрасный дом в самом центре города, я владею несколькими тавернами, и меня это вполне устраивает.

— Уайтчепел, похоже, у вас в крови.

— Неплохо сказано, — отметила она, сопроводив это небольшим кивком головы. Когда она снова посмотрела в глаза Грейтхауза, ее взгляд показался стальным и бесстрастным. — Позвольте-ка мне объяснить вам, что произойдет дальше. Вы оба спуститесь по этой лестнице, где вас будут ожидать *мои люди*. Можете быть уверены, что все трое вооружены. Никто их посетителей никакого внимания на вас не обратит. На самом деле, увидев, как мои люди достают оружие, они, вероятно, уже очистили помещение. Поэтому, прошу, ведите себя хорошо, выбирайте себе столик, присаживайтесь и наслаждайтесь чашечкой горячего вина, пока будете дожидаться нашего возницу, который, полагаю, уже в пути.

— И куда же нас собираются отвезти?

— В мой дом. С вами будут хорошо обращаться этим вечером. *Мои люди* продолжат искать Мэтью. Если он найдется — а я ожидаю, что так и будет — то расклад будет самый положительный. Но в любом случае, я уверена, Профессор захотел бы задержать вас — рано или поздно.

Хадсон кивнул.

— Хороший план. Но вы забываете одну вещь.

— О? Пожалуйста, просветите меня.

Резким движением правой руки он нанес ей такой сильный удар кулаком, какой только мог — прямо в лоб над левым глазом. Она завалилась назад, не издав при этом ни звука, и Хадсон был уверен, что она просто начнет падать, как срубленное дерево.

— Вот, что может сделать бык.

Забодать, — хотел закончить он, хотя понимал, что вряд ли кто-то мог бы понять смысл этого образа лучше, чем он сам. Однако он придержал это слово, изумившись тому, что Матушка Диар не потеряла равновесия от удара, который мог бы лишить сознания взрослого мужчину. Она лишь потрясла головой, приходя в себя и прикоснулась к покрасневшему месту, куда прилетел кулак, хотя след остался не более сильный, чем если бы ее просто укусил москит.

— Ох, боже, — проскрипела она. — Неплохо сработано.

А затем ее глаза вспыхнули, и она прогремела:

— *Фрост!*

Немедленно послышался стук сапог на лестнице. Хадсон схватил стул и бросил его прямо в грудь Фросту, останавливая того на бегу, когда он показался в комнате. Фрост упал на спину, пистолет вылетел из его руки и оглушительно выстрелил. В воздухе повисло облако дыма, когда пуля пробила один из цветных фонарей. Фрост столкнулся с двумя своими товарищами, следовавшими за ним, и они, запнувшись, кубарем повалились с лестницы все втроем.

Берри не успела выкрикнуть предупреждение: Матушка Диар оказалась прямо на Хадсоне.

Старая или нет, эта женщина все еще была полна сил и мощи, присущей ей, похоже, с рождения. Фонарь, который она схватила с ближайшего столика, врезался в левый висок Хадсона, куски стекла воткнулись ему в щеку и челюсть, тут же превратив лицо в сплошное кровавое месиво. Он рассеянно замахнулся для удара, однако массивная женщина увернулась в сторону, тут же приготовившись пнуть своего противника прямо в пах. Перед самым пинком Грейтхауз успел поймать ее ногу за ступню и с силой дернуть ее вверх, заставляя Матушку Диар свалиться с такой силой, что она едва не пробила пол собственной таверны.

Лицо горело от боли, кровь залила его левый глаз. Он отступил от грозной старухи и постарался как-то прояснить зрение, однако та не теряла времени зря, она ползком добралась до своего врага, схватила его за лодыжки и дернула его так, что он тут же рухнул, стукнувшись головой о столик — удивительно, как при этом ему удалось не сломать себе шею.

Пока Матушка Диар вставала с пола, Берри ухватила ее за белые волосы одной рукой, а кулаком второй — нанесла ей удар

прямо в нос. Послышался звук, напоминающий треск хрупкого тонкого стекла, а затем голова Матушки Диар… вдруг отделилась от волос.

Берри замерла, растерянно уставившись на утыканный золотыми заколками белый парик в своей руке.

Старуха тем временем окончательно поднялась на ноги. Из обеих ноздрей у нее лилась кровь, в разъяренных глазах стояли слезы боли. Она была совершенно лысая, ее скальп казался мучительным полем битвы толстых и жутких темно-красных ожоговых рубцов. Возможно, именно поэтому ее глаза были настолько навыкате? Из-за старого пожара?

Вид этих ужасных увечий вкупе с окровавленным лицом привел Берри в ужас и заставил окаменеть. Матушка Диар в слепом гневе кинулась на девушку, выхватила свой парик и стукнула противницу так, что та мгновенно потеряла сознание. Как только она упала, Матушка Диар водрузила парик обратно на голову и — хотя надет он был задом наперед — перевела свое внимание на дезориентированного раненого человека, который раньше выглядел, как бык, а теперь едва ли напоминал слабого теленка, тщетно силящегося подняться хотя бы на колени.

Фрост, Уиллоу и Карр, наконец, показались на лестнице, и Хадсон, будь его зрение в норме, мог бы порадоваться, увидев, что Карр придерживает сломанное запястье, а Фрост прикладывает руку к груди. Мужчины добрались до своей жертвы.

— *Стойте!* — вдруг скомандовала Матушка Диар, и ее люди замерли на месте.

Старуха вытащила из-под лифа розовый кружевной платок и приложила к кровоточащему носу. Хадсон все еще пытался встать. Грузная женщина подошла к нему и опустила руку на его голову так, что тут же отправила его обратно на пол.

— Вот видите, как бывает, — тоном наставника произнесла она. — Когда люди забывают о своих манерах?

Затем она ухватила Хадсона за волосы и врезалась коленом прямо ему в лицо, и последней его мыслью перед тем, как красная пелена боли накрыла его, была о том, что эта «матушка» была той еще сукой.

Глава двадцать первая

— Я полагаю, мы пришли, — сказал Кин.

— Похоже на то, — ответил Мэтью. На вывеске перед ними значилось: *1299 Флит-Стрит*, а ниже была приписка *См. Лютер, Печатник*. Учитывая предполагаемое богатство Лорда Паффери, было странно видеть, что знаменитая «Булавка» появляется на свет в столь простецкой печатной лавке — даже вывеске не хватало краски.

С неба падал легкий дождик, оставляя на дороге небольшие лужицы.

Кин сказал:

— Никогда не думал, что окажусь в подобной лавке. У меня какое-то забавное чувство по этому поводу.

— Какое такое чувство?

— Я не знаю… встретиться с Лордом Паффери лицом к лицу. Он, вроде как… ну, знаешь… такая *важная* персона.

— Он обычный человек. Человек с хорошим воображением и очень слабой тактичностью, но он совершенно обыкновенный: две руки, две ноги, костюм — все, как у других людей. И… он обладает ключом к внешности Альбиона. Так что соберись и пойдем. Я куплю тебе эль, когда покончим с этим.

— На *мои-то* деньги?

— На *мои* деньги, которые ты забрал из моего плаща и все еще не вернул.

— Этих денег тебе не хватило бы даже на гнилое яблоко! А-а, черт с ним! — воскликнул Кин, взяв себя в руки. Он тревожно оглядел улицу: движущихся повсюду пешеходов, разъезжающие по дорогам вагоны, кареты и повозки. На Рори был надет потертый костюм с серыми заплатами на локтях и коленях. Галстук, который он небрежно обернул вокруг шеи, был испачкан в саже. Рубашка когда-то давно, наверное, имела белый оттенок, который теперь превратился в желтоватый. В общем и целом, как рассудил Мэтью, Рори готов был сегодня предстать перед Лордом Паффери в своем наилучшем, джентльменском облике.

Кин знал, что выглядит неподобающе. Осознавал, что в этой части города при такой погоде будет неуместно расхаживать в потрепанном костюме, попадаясь на глаза членам высшего общества. Он заметил, как мимо проехала цепочка из крытых карет с тщательно подобранными лошадьми, которые одним своим видом показывали, насколько дорого стоят, а внутри этих экипажей угадывались очертания модно одетых дам с высокими

прическами и их прекрасных сопровождающих, которые, похоже, родились в мире, где каждый мог принимать ванну так часто, как только хотел. Он знал, что он не мог — и не должен был — идти с Мэтью к Лорду Паффери в том виде, в котором ходил обычно, и даже с готовностью признавал, что его внешность была оскорбительной для расфуфыренных дам и джентльменов с Флит-Стрит, потому что его костюм был приобретен у гробовщика и принадлежал покойнику, который не успел его доносить.

— Ладно, — выдохнул Кин, стараясь собрать все свое мужество в кулак. — Давай уже покончим с этим.

Примерно сутки тому назад после того, как Мэтью принял обет Черноглазого Семейства и получил метку, он нашел Кина на складе в Уайтчепеле и представил свою идею, разъяснив, что куда более важно узнать, кем является Альбион на самом деле, чем устраивать атаку на Могавков ночью. В конце концов, мог ли Кин быть на сто процентов уверен, что *знает*, где располагается логово Могавков?

Два здания на примете, ответил тогда Кин. *Мы вычислили, где живет Огненный Ветер. Мы достанем его, и эта ночь самая подходящая для такой работы.*

Мэтью отметил, что Могавки должны расставить дозорных на крышах домов точно так же, как это делало Семейство, поэтому необходимо знать *точно*, в каком доме живет Огненный Ветер, чтобы организовать нападение. Любая атака на Могавков явно должна была привести к смертям, и, разумеется, Кин понимал, что не все члены Семейства вернутся с этой миссии живыми, поэтому он готов был к тому, что придется бросаться врассыпную и импровизировать на месте.

Но была альтернатива: отложить эту атаку до того момента, пока местонахождение Огненного Ветра не станет известно точно. Борьбу лучше вести с холодной головой, без ненужных метаний, а у Семейства было время на подготовку, потому что жили они достаточно далеко от логова Могавков. *Завтра*, сказал Мэтью, *надень костюм и сходи со мной к Лорду Паффери.*

Кин решил потянуть с ответом до темноты. А затем он отправил Пай к Мэтью с одним единственным словом: *Согласен.*

Следующая заминка случилась уже утром.

— Что ты имеешь в виду под «возьмем экипаж»? — спросил Кин. — Я никогда не разъезжал на гребаных каретах! Ни разу в жизни! Так или иначе, нечего разбрасываться монетами попусту! За мной стоят серьезные люди… я должен держать перед ними ответ за каждый шиллинг, который потрачу!

Мэтью решил не спрашивать, кто эти люди, а вместо этого спросил:

— Для начала, скажи мне, можно ли добраться до 1229 по Флит-Стрит пешком?

— Я не знаю точно, где это находится, но, думаю, за несколько часов туда добраться можно.

— Я не хочу выглядеть, как мокрая курица, когда буду говорить с этим человеком. По крайней мере, в одиночку. Поэтому ты пойдешь со мной и появишься в таком же виде. Вообще-то, нанять экипаж было бы разумнее. Но если у тебя проблемы с тем, как свести доходы с расходами, заплати теми деньгами, что ты забрал у меня. Потому что не хотелось бы идти столько времени туда, а потом обратно добираться уже затемно.

По поводу поездки обратно в карете Кин не возражал, потому что он знал — Пай выяснила — как много банд алчет по улицам в поисках нарушителей своих границ с наступлением темноты.

— У тебя осталось не так уж много денег, чтобы нанять вшивую повозку, не говоря уже о полноценном экипаже! И вообще, это совершенно необдуманные траты, голову даю на отсечение! — Кин фыркнул. — Как я, по-твоему, буду отчитываться за это перед старухой?

— Старухой?

— Ага… старая модно разодетая женщина, которая приходит для сборов. Она и три ее головореза. Они приходят раз в месяц, чтобы свериться с книгой, и делают записи.

— С *книгой*? То есть, у вас есть реальная финансовая отчетность?

— Что поделать! Ну… Том хранит книгу и ведет ее, у него хорошо голова работает с цифрами.

Мэтью был переполнен вопросами, но он решил не сильно давить на Кина. По крайней мере, пока. Еще будет время как следует расспросить его по дороге на Флит-Стрит, и, в самом деле, он начал задавать свои вопросы по дороге, когда они вывернули в повозке на улицу, ведущую в центр города: два нелепых бродяги — один в своем жутком фиолетовом одеянии, а второй в потертом грязном костюме с заплатками.

— А та книга, что вы храните, — начал Мэтью. — Вы записываете суммы, которые вам выплачивают местные торговцы за защиту?

Кин недовольно посмотрел на него.

— Я теперь тоже член Семейства, — напомнил Мэтью. — Вот, видишь? — для наглядности он продемонстрировал ему татуированную руку, которая сегодня немного распухла и саднила. — Разве теперь ты не должен мне доверять?

— Клятва и метка не значат и половины того, что значит первая история, где я увижу тебя в действии. Например, на той

миссии, о которой мы с тобой говорили прошлой ночью.

— Погибнуть в борьбе с раскрашенными идиотами — не тот способ, которым я собирался покинуть эту землю.

Кин жестко усмехнулся.

— Ты хотел сказать, с *буйными идиотами*? Так ты их назвал в разговоре с Пай? Имея в виду всех: и Могавков, и Семейство, и все другие банды, которые борются за территории.

— Да, — ответил Мэтью. — Мое мнение таково: Семейство может найти себе куда более полезное применение, чем примитивная борьба за территорию. Могавки могут оставаться такими, как есть. Любая другая банда тоже, — он сделал паузу, позволив своему собеседнику подогреться на медленном огне, прежде чем снова помешать свое блюдо в этом котелке. — Ты можешь быть ответственным за Семейство, — сказал он. — Так же, как и Огненный Ветер стоит во главе Могавков… хотя не думаю, что его потятие об ответственности — чета твоему. Но у вас есть кое-что общее: над вами стоит кое-кто еще. Просто посмотри на свою бухгалтерскую книгу и подумай о том, какие ограничения она на вас налагает. Приходится думать о какой-то старухе и о том, что с ней могут быть проблемы. Как она себя называет?

— *Босс,* — ответил Кин, криво ухмыльнувшись и чуть расслабившись на своем сидении.

— Ты ведь знаешь, что я говорю правду. Эти люди забирают себе бóльшую часть вашей выручки, ведь так? И они ожидают, что вы будете продолжать выполнять их поручения. Не боятся рисковать вами, бросают вас в опасные ситуации. Вас — не самих себя.

— Мауси вытащил Бена из обезьянника. Они заплатили за это, чтобы он свое отработал, — оправдался Кин. — Мауси наш…

— Адвокат, да. Паули сказал мне. Он — это еще один человек, с которым бы я хотел поговорить. Мне интересно, скольких еще из тех пятерых, которых убил Альбион, он представлял в суде.

— А?

— Мне интересно, может быть такое, что Мауси — или какой-то другой адвокат, услуги которого оплачивали те же люди, что стоят над вами — работали над делами пятерых убитых Альбионом преступников? Очень бы хотелось это выяснить.

— Ты хочешь знать целую бездну того, чего *никак не должен* знать. Чем ты зарабатываешь на жизнь, кстати сказать? Ты, похоже, образованный парень, судя по тому, как болтаешь… чем ты занимаешься?

— Я был клерком магистрата одно время. А после, в Нью-

Йорке, стал тем, кого теперь называют решателями проблем.

— Клерк магистрата, — повторил Кин и кивнул. — *Вот*, почему от тебя тянуло Олд-Бейли, а я все никак не мог понять. А вторая работа? Проблемы… гм… какого типа ты решал?

Мэтью почувствовал себя на высоте в этот момент. Он устремил свой взгляд на Кина и сказал:

— У меня есть одна большая проблема, которую я пытаюсь решить, и она куда больше, чем та, что связана с Альбионом. Тебе известно имя Профессор Фэлл?

Кин молчал. Он изучал метку Семейства на своей собственной руке.

— *Было* известно, — ответил он сдержанным тоном. — Имя, которое приводило в ужас и меня, и остальных. Ты никогда не знаешь, что замыслил этот ублюдок, никогда не знаешь, где тебя могут подстеречь его люди. И мы умели залегать на дно, никогда не подлетали слишком близко к огню… но однажды все изменилось.

— Продолжай, — подтолкнул Мэтью.

— Однажды он заключил пару сделок. Что-то, связанное с колониями и каким-то гребаным порохом из Испании… или *для* Испании… сложная была история, я подробностей не знаю. Знаю только, что он покинул Лондон и засел в какую-то дыру зализывать раны. У него что-то не так пошло в той сделке. Он, конечно, все еще очень опасен, но… авторитет его чуть стерся, понимаешь?

Мэтью дождался, пока очередная волна лондонского шума, дождя, голосов и ветра снова поднимется.

— Некоторые из его людей… как бы… конкурируют… *с ним,* — продолжил Кин. — Они его оставили, потому что та история повыбивала Профессору слишком много зубов. Похоже, он ослаб. По крайней мере, это то, что я слышал.

— *Конкурируют*… а кто именно конкурирует?

— Молодняк, в основном, — ответил Кин. — Они уже окунули руки по локоть в кровь, о них уже говорят. Убили судью пару месяцев назад… я слышал такое, по крайней мере. Судью звали Фэллонсби. Его забили до смерти и подвесили тело на флагштоке рядом с домом. Потом прикончили его жену, дочь, дворецкого, горничную и даже собаку. Об этом не так давно упоминалось в «Булавке», но я думаю, даже Лорд Паффери побоялся придавать эту историю большой огласке.

— А как зовут этого нового… злодея?

— Никто не знает. Но он оставил свою метку, вырезав ее на лбу Фэллонсби. По крайней мере, в «Булавке» так писали. Дьявольский крест. Перевернутый вверх ногами, — объяснил

Рори.

— Хм… — протянул Мэтью, глядя на проплывающий в окне карнавал карет. Он услышал глубокий звон церковного колокола где-то поблизости и предположил, что сейчас там идут чьи-то похороны.

— Что я знаю точно, — продолжил Кин. — Так это то, что когда кошка помирает, крысе достается сыр. Фэлл был большим котом и охотился здесь в течение долгого времени. А теперь крысы сбежались и объедаются сыром, сбиваясь в большие стаи. Становятся могучими, — он помедлил, подбирая нужное слово, однако так его и не нашел, поэтому повторил. — *Могучими*.

И это частично — или даже по большей части — из-за меня, подумал Мэтью. Уничтожь одного злодея с черным сердцем, чтобы породить того, чье сердце будет еще чернее.

Впрочем, думать об этом не время: у него был еще один неразрешенный вопрос для Кина.

— Откуда появился «Белый Бархат»?

Рори посмотрел прямо на Мэтью, глаза снова показались почти мертвыми.

— *Нет,* — сказал он, четко давая понять, что разговор окончен.

Теперь, когда Мэтью и Рори вошли в лавку печатника Сэмюэля Лютера, над дверью звякнул небольшой колокольчик. Помещение сильно пахло чернилами. Бочки и ящики здесь стояли по соседству с бумагой различного качества. За длинным прилавком, стоя рядом со своей прессой в свете масляных ламп, дающих весьма скудное освещение даже вкупе с тем светом, что проникал из окна, стоял худой седовласый человек, занятый сортировкой рядов деревянных трафаретов, которые он методично раскладывал в нужные лотки. На нем был перепачканный чернилами кожаный фартук поверх одежды, и он курил короткую черную трубку. Услышав тонкий звон наддверного колокольчика, он посмотрел на посетителей своими серыми глазами, блеснувшими за очками с толстыми стеклами. Морщины на его лице были сильно заметны за счет забившихся внутрь чернил, которые, видимо, непрерывно пачкали лицо в течение многих лет и теперь надолго поселились в порах кожи, став неотъемлемой частью этого человека.

— Доброго дня. Могу вам помочь? — спросил он. Его пальцы все еще зависали над трафаретами, на которых виднелись знаки препинания — их, по всей видимости, нужно было установить зеркально.

— Мы на это надеемся, — отозвался Мэтью. — Сэмюэль Лютер?

— Он самый.

— Я сейчас говорю с Лордом Паффери?

На лице человека не блеснуло ни тени улыбки. На его лице *вообще* ничего не отразилось.

— Нет. Не с ним.

— О… прошу простить. Но ведь это и есть *та самая* лавка, где издается «Булавка»?

— Это она.

— Тогда я предполагаю, что вы поддерживаете контакт с Лордом Паффери? — Мэтью заметил закрытую дверь за печатной секцией в дальнем конце прилавка, которая, похоже, вела в чьи-то частные владения, куда посетителям просто так было не попасть.

— Лорд Паффери, — спокойно произнес Лютер. — Не совсем здоров. Если у вас есть история для газеты, лучше вам изложить ее мне, — он наклонился над столом, рядом с которым по левую руку от печатника стояли два стула, на коих были разложены стопки дешевой бумаги и печатные принадлежности.

— Но вам ведь будет необходимо поговорить с Лордом Паффери, если вы решите, что моя история стоит его денег? Верно?

— Верно.

— Хорошо. Прежде, чем мы начнем, прошу, передайте Лорду Паффери, что Мэтью Корбетт, Плимутский Монстр, прибыл из своей комнаты ужасов, которая расположена теперь в Уайтчепеле. Скажите этому доброму господину, что Монстр желает продать отчет об обезглавливании и кровавых убийствах бессчетного количества женщин и дважды бессчетного количества детей.

Лютер не пошевелился. Серые глаза, сильно увеличенные из-за корректирующих линз, моргнули. Он потянулся к тряпке, лежащей рядом со стопкой бумаги.

— Я передам сообщение, — ответил он с напускным спокойствием, затем направился к двери, постучал в нее и просунул голову в комнату. — Здесь Мэтью Корбетт, — объявил он, обратившись к человеку внутри. — Плимутский Монстр. Сказал, что у него есть история, которую он может продать.

Прозвучал какой-то ответ, который, правда, не достиг ушей ни Мэтью, ни Рори Кина. На то, чтобы озвучить его, у обитателя второй комнаты ушло около тридцати секунд.

Лютер отошел от двери и обратился к двум посетителям.

— Прошу.

Они подошли к створкам двойной двери, которой Мэтью достиг еще до окончательного открытия. Пришлось посторониться, пока печатник открывал двустворчатую дверь, чтобы пропустить визитеров внутрь. Затем Лютер отошел в

сторону, пропуская Мэтью и его спутника в обитель Лорда Паффери.

Это было опрятное помещение, но явно не рай для богача. Де-факто, на рай это и вовсе не походило.

Довольно полная седая женщина среднего возраста сидела за столом в кожаном кресле, которое явно знавало и лучшие времена, как и стол, испещренный вмятинами и царапинами. Позади обитательницы кабинета виднелось несколько книжных полок. Масляная лампа тускло горела на столе. Женщину, похоже, оторвали от важных записей в записной книге, что лежала перед нею в открытом виде, а рядом покоились перо и чернильница. Напротив ее стола стоял второй стул, а третий находился в углу. Половицы здесь были старыми и довольно грубыми, как, впрочем, и стены, на которых в рамках висели копии ранее изданной «Булавки», а также несколько рекламных плакатов с достижениями Лютера.

— Оставьте нас, — сказала она печатнику.

— Но мадам…

— Оставьте нас и закройте дверь с той стороны, — повторила женщина. Ее акцент не выдавал ничего конкретного. Она явно была образованной женщиной и, наверняка, очень богатой, хотя и не испытывала показной любви к роскошным хоромам, судя по ее одежде, которая была простой, и единственным ее украшением были оборки на платье. Ее манера держаться заставила Мэтью думать о ней, как о прямолинейной и практичной леди — качества, которыми, к сожалению, были обделены лондонские сливки общества.

Лютер махнул рукой и закрыл дверь.

Правая рука женщины поднялась. Возможно, это движение было обусловлено лишь привычкой держать перо, но в данный момент перо заменял очень грозно выглядевший пистолет, готовый стрелять на поражение.

Глава двадцать вторая

— И который из вас Корбетт? — перед тем, как услышать ответ, острый взгляд женщины нашел нужного человека сам. — *Ты*. Чище, чем другой и смотришься любознательным человеком, но грубый шрам прошлых прегрешений на твоей голове намекает, что ты не так тих, как кажешься, — ее глаза прищурились. — Ты дальтоник?

Похоже, таким образом она хотела отметить, что такое сочетание цветов для костюма мог выбрать либо человек, полностью лишенный вкуса, либо обладающий природным неумением различать оттенки.

— Нет, мадам. У меня не было возможности найти хорошего портного. Это мой друг Рори Кин. Вы не могли бы убрать пистолет? Я проделал весь путь сюда из Уайтчепела не для того, чтобы мои волосы расстались с головой.

— Вы здесь, чтобы отомстить?

— Я здесь, чтобы утолить голод моей натуры. Которая, как вы, должно быть, знаете, не испытывает особого аппетита при мысли об убийстве женщин и детей в Плимуте.

— Но вы убили хотя бы *одну* женщину или ребенка? — пистолет не двинулся ни на дюйм.

— Прошу прощения, но ни одну.

— В следующем выпуске «Булавки» будут оглашены ваши новые убийства — грязнее, чем почва в розарии Эксетера. Что вы на *это* скажете?

— Я скажу… прежде, чем я уйду, я дам вам адрес, по которому вам следует отправить мою выручку. Это одно из отделений агентства «Герральд», в колонии Нью-Йорк, дом номер семь по Стоун-Стрит.

Теперь пистолет в вытянутой руке дрогнул.

— *Что*?

— Вы слышали, — ответил Мэтью с нескрываемой довольной улыбкой при виде растерянности этой мадам. Впрочем, улыбка держалась на лице недолго, потому что пришло время для следующего откровения. — Я совершил одно убийство. Я убил человека на борту корабля во время плавания из Нью-Йорка в Англию. В прошлом этот человек работал на Профессора Фэлла… и я вижу по вашему лицу, что это имя вам известно. Убитый мною человек хотел вернуть меня и бросить на милость Профессора. И обстоятельства сложились не в его пользу, — глаза молодого человека помрачнели. — Praeteritum est praeteritum [«Прошлое

есть прошлое» (лат.) здесь и далее — примечания перев.].

— Погоди-ка одну, черт бы ее побрал, минуту! — воскликнул Кин истерически высоким голосом. — Во-первых, я не могу поверить своим глазам: Лорд Паффери — *женщина*? Во-вторых, не могу поверить своим ушам: ты убил одного из людей Фэлла? Святая Преисподняя, Мэтью! Во что ты меня втянул?

— В реальную жизнь, — был ответ. — Которая далека от фикций, которые пишут в «Булавке». Пожалуйста, опустите пистолет, — вновь обратился он к хозяйке помещения. — И теперь, когда мы с моим другом представились, могу я узнать *ваше* настоящее имя?

Женщина по-прежнему выглядела сдержанной и спокойной. Пистолет опустился на несколько дюймов и уже не смотрел молодому решателю проблем в голову, но все еще мог нанести серьезную рану с этого угла.

— Для начала, — сказала она, обращаясь к Кину. — Если ты выйдешь на улицу и с высочайшей крыши прокричишь, что Лорд Паффери — женщина, тебя только засмеют во всех концах города. Попросту потому, что никто тебе не поверит. Кто, кроме самого грубого, аморального и пошлого *мужчины* может придавать огласке такие скандальные и злобные истории? — ее холодные, бледно-зеленые глаза, полные щеки и почтенное лицо полностью обратились к Мэтью. — Во-вторых, я знаю агентство «Герральд» и знаю имя человека, которого ты упомянул, и именно по этой причине мы с моим пистолетом настоятельно рекомендуем вам обоим покинуть мой кабинет и никогда не возвращаться.

— На кухне вдруг стало слишком жарко? — спросил Мэтью. — Такая боязливость — неестественная роскошь для человека, который распалил уже столько пожаров и столько раз играл с огнем.

— Убирайтесь, — она взвела пистолет. — Я не буду повторять снова.

Мэтью знал, что перед ним человек дела, однако решил рискнуть. С трудом сохранив голос непринужденным, он сказал:

— Я никуда не уйду, Леди Паффери, пока вы не скажете мне, кто такой Альбион.

— Что? Ты *спятил*? Откуда мне знать?

— Он приходил в этот кабинет, чтобы продать вам и мистеру Лютеру историю. Вы сохраняете записи имен тех, кто продает вам истории?

— Да.

— Очень хорошо. Как звали человека, который продал вам историю о том, что Альбион освободил меня из тюремной повозки? В этой истории есть детали, которые мог знать только

сам Альбион и никто больше… хотя, я уверен, что вы несколько преувеличили озвученные детали. Один кинжал вдруг превратился в два… это ведь ваша поправка, не так ли?

— Больше — всегда лучше, — отозвалась она.

— Как я и подозревал. Серьезно, мадам… пожалуйста, уберите пистолет.

В этот момент в дверь постучали. Подрагивающий голос Лютера спросил:

— Вы в порядке, миссис Ратледж?

— Момент! — ответила она, потому что, похоже, еще не определилась с ответом.

— Это правда, — кивнул Мэтью. — Альбион *был* здесь. И его имя записано в вашей книге.

Книге лжи, почти добавил он, однако подумал, что это лишь подтолкнет ее к тому, чтобы спустить курок — да хоть бы и от раздражения.

Он ждал.

— Да, Сэмюэль, — ответила, наконец, женщина. — Я в порядке.

— Вы хотите… чтобы я…

— Я хочу, чтобы ты принес мне платежную книгу, сейчас же.

— Да, мадам, — ответил он. Послышались его удаляющиеся шаги.

Миссис Ратледж осторожно убрала пистолет, положив его на стол, но так, чтобы легко и быстро дотянуться до него в случае непредвиденной опасности.

— Мэтью Корбетт, — сказала она так, словно только сейчас смогла полностью его рассмотреть. — Стало быть, ты убил человека Профессора Фэлла? Я бы сказала, что это *ты* частенько играл с огнем, а не я.

— Это был не первый его приспешник, которого мне пришлось… как бы сказать… привлечь к грубой справедливости.

— Благостный Иисус! — при всей своей напускной непробиваемости Кин, похоже, был окончательно ошеломлен и скрыть это уже не пытался. Он сделал неуверенный шаг и буквально рухнул на стул перед столом женщины. — Так убит даже не один? Мэтью, ты — куда более сложный случай, чем я думал… это ведь тебе не со щенками играть во дворе! — он сурово посмотрел на Мэтью. — Одного слабого щенка можно одолеть, а вот если они решат сбиться в стаю и отплатить тебе, дело примет совсем другой оборот!

— Поверь мне, я знаю.

— Я предпочел бы держаться подальше от этого. Черт, одно то, что я теперь знаю эти подробности, может превратить меня в

кровавый суп!

— Эстер Ратледж, — сказала Леди Паффери.

Кин растерялся.

— Мое имя, — пояснила она, обращаясь к Мэтью с приподнятым подбородком. — Вы понимаете, что я веду определенный бизнес, и иногда этот бизнес требует…

— Лгать?

— Скользкий путь, знаете ли, — невыразительно пожала плечами она. — Ах, вот и наша книга. Прошу, заходи, — последние слова она обратила к Лютеру, постучавшему в дверь.

Печатник вошел с книгой, отделанной ярко-красной кожей. Страницы ее — Мэтью увидел это, пока Лютер проносил книгу мимо него — были разлинованы на строчки и колонки с датами наверху. Судя по всему, недостатка в историях «Булавка» не испытывала. Когда женщина положила книгу перед ним и нашла нужную строку, Мэтью подумал, что «Булавку» явно неверно назвали. Вместо того, чтобы протыкать мыльные пузыри острым кончиком, она *создавала* их и раздувала… правда, судя по статьям в этой газетенке, в голову не могло прийти, что эти пузыри были *из мыла* — ассоциации были с совершенно другими субстанциями…

— Вот, — сказала Леди Паффери, ткнув в строку. — История об Альбионе, атакующем тюремную повозку и двух охранников. Мы заплатили за нее… — Мэтью придвинулся поближе, чтобы рассмотреть. — Человеку по имени Джошуа Оукли, — озвучила она, поднимая взгляд. — Так это — Альбион?

— *Джош Оукли?* — Кин выглядел так, будто что-то перехватило ему дыхание. Или даже случилось нечто похуже. — Это же какое-то безумие! Джош Оукли не может быть Альбионом! Проклятье, Джош давно мертв!

— Вы знаете этого человека? — спросила Леди Паффери с прежним спокойствием.

— Я *знал* одного Джоша Оукли! И это не может быть тот же человек! Его кости уже обглодали черви!

— Но в книге записано именно это имя.

— Так он и представился мне, — заметил печатник, держась на безопасном расстоянии от Плимутского Монстра. — Я хорошо помню этого молодого человека.

Мэтью почувствовал, что в голове у него все плывет. Кто такой Джошуа Оукли? О, да! Он вспомнил это имя. Член Семейства, который сошел с ума от «Белого Бархата» и выпрыгнул из окна третьего этажа.

— Это, мать вашу, *невозможно!* — Кин вскочил на ноги, чтобы разглядеть имя. — По крайней мере, это точно не *тот*

Джош Оукли, которого я знал!

— Осмелюсь предположить, — отозвалась Леди Паффери. — Что в Лондоне и его пригородах проживает не один Джошуа Оукли.

— Постойте, постойте, — сказал Мэтью, стараясь упорядочить хаос в своей голове. — Мистер Лютер, вы можете описать этого молодого человека?

— Могу. Он был молод, хорошо одет, худого телосложения со светлыми волосами.

— Хм… этого не хватит, чтобы зацепиться. Есть что-то, что в нем выделялось?

Лютер пожал плечами.

— Он выглядел довольно обыкновенно. Джентльмен. Говорил спокойно. О… у него были очки в квадратной оправе.

Это заставило Мэтью встрепенуться. Очки в квадратной оправе. Это, конечно, не было из ряда вон выходящей деталью, но не так давно он видел человека, носящего такие очки, подходящего под это общее описание.

— Простите, — сказал Лютер. — Это все, что у меня есть. Он сказал, что был родственником одного из замешанных в этой истории охранников, отсюда и подробности, которые он узнал из первых рук. Я заплатил этому человеку, поблагодарил за визит, и он ушел, — голова Лютера словно бы чуть вжалась в плечи. — Прошу, поймите, мы… эм… как бы это сказать…

— Мы здесь не ищем полной правды, — вмешалась Леди Паффери. — Мы отправили посыльного в офис констеблей, чтобы проверить сам факт совершения нападения, попытались отправить письмо с просьбой о подтверждении от лица жителей Лондона, но посыльного мальчишку грубо выставили вон. Это был, можно сказать, ответ. Поэтому я решила сама позаботиться о начинке, которую просто надо было облечь в…

— Тесто? — перебил Мэтью.

Женщина отложила книгу в сторону и отклонилась на спинку своего стула. Она многозначительно посмотрела на Мэтью, и он, казалось, сумел увидеть линии боли на ее лице. Казалось, только сейчас эти незримые отметины вышли наружу.

— Как мало вы, должно быть, знаете о базовых инстинктах человеческих существ, — тоскливо протянула она. — Либо так, либо вы просто намеренно вводите самого себя в заблуждение.

— Я понимаю достаточно в базовых человеческих инстинктах, мадам, но я не хочу обогащаться, паразитируя на них.

— Должен вам сказать, — вмешался Лютер, решив принять на себя роль сияющего Ланцелота, защищающего честь дамы перед двумя грубиянами. — Что миссис Ратледж не обогащается за счет

«Булавки»! Наоборот! После того, как распродается очередной тираж нашей газеты, каждый шиллинг идет на то, чтобы прокормить бедных и больных! Вы из Уайтчепела, вы знаете, какие там больницы! Знаете, на что могут рассчитывать бедняки без финансовой помощи! Да даже больница на Кейбл-Стрит в двух кварталах отсюда… там творится то же самое! Без денег, идущих от продаж «Булавки» множество людей бы уже…

— *Сэмюэль,* — тихо окликнула женщина. — Держи себя в руках. Ведь не только мы стараемся сохранить все это дело на плаву.

— Почти что только мы!

— Тише, — мягко и осторожно, успокаивающим тоном произнесла она.

Мэтью кивнул, получив представление обо всем этом предприятии в новом свете.

— Простите меня. Я понимаю, что вами двигают альтруистические убеждения, но… мне весьма любопытно, как так вышло, что женщина вашего явно чистого характера выбрала полем для игры подобную уличную грязь.

Она помедлила с ответом. Ее взгляд устремился в какую-то далекую точку пространства.

Затем она глубоко вздохнула и заговорила:

— Я не знала никого, кто был бы характером чище, чем мой муж. Печатник по профессии. Честный человек. Честный до неприличия. Раздавлен кредиторами и растоптан ценами. Как и в любом бизнесе, здесь имеет место конкуренция за покупателей. Заккари умер рано… слишком рано… После его кончины я сначала хотела продать дело, но Сэмюэль настоял, чтобы теперь я взялась за вожжи своими руками. Мы не могли идти в ногу с другими типографиями, которые уже успели хорошо себя зарекомендовать, не могли выбить их из бизнеса, занизив цены на их услуги. Пришлось ухватиться за соломинку. Однажды меня просто осенило: зачем ждать, пока дело придет к тебе? Почему бы не *создать* его? Я подумала… что может объединить всех Лондонцев, заставив каждого выложить по пять пенсов за печатную продукцию? Я подумала, что такого можно продавать *массово*?

Она замолчала, погрузившись в воспоминания, и Мэтью решил не торопить ее.

— Я решила, — продолжила женщина после затянувшейся паузы. — Что и мужчины, и женщины хотят чувствовать нечто похожее (если не большее), что и большинство лордов и леди. Поэтому я начала издавать новостную газету, базирующуюся на историях, полных абсурда, грязных привычек и подводных камней

относительно людей различной степени известности. Я решила писать о публичных и личных жизнях — когда могла достать информацию — а также о чем-то еще, что могло бы… ну… *обобщить* читателей. Когда начались почти безумные продажи, пришлось наладить график выхода «Булавки»: два раза в неделю. Разумеется, при таком раскладе Лондон можно счесть рассадником безвкусия, коконом, из которого никогда не появится бабочка. Эти позорные подробности всколыхнули целую волну различных реакций на нас. Нам выбивали стекла и даже пытались устроить пожар, но Сэмюэль живет на верхнем этаже, он успел потушить пламя, пока оно не причинило большого ущерба.

Леди Паффери одарила Мэтью многозначительным взглядом и улыбнулась.

— Превращаться в фабрику преувеличений и иногда откровенной лжи не было моим намерением, но наши читатели требуют именно этого, все больше и больше. Мне пришлось увеличить тиражи до более чем трех тысяч копий, которые без остатка распродаются и разбредаются по нетерпеливым рукам. Но… успокаиваю я себя тем, что конкурентов мы обскакали. Имя Лорда Паффери и «Булавка» теперь имеют большой вес. Сделала бы я такое снова, если бы могла повернуть время вспять? — ей потребовалось некоторое время, чтобы собраться с ответом. — Да. Потому что мой Заккари умер из-за отсутствия дохода. Кредиторы душили нас, ждали, чем бы еще поживиться днем и ночью. Я вспоминаю о том, как моя дочь и ее семья пытались помочь нам деньгами на аренду, чтобы нас не выселили из дома за неуплату. И после всех этих мыслей я сочиняю очередную небылицу, сидя за этим самым столом, мистер Корбетт, и иногда, идя по улицам и видя, как люди идут и читают мою газетенку, громко обсуждая ее и самого Лорда Паффери, я мысленно… шлю их *на хер*.

Помещение заполнило тягучее молчание, во время которого Лютер нервно закашлялся, попытавшись прочистить горло.

— Вдобавок к этому мы помогали беднякам и больным *очень* щедро.

— Заккари умер в государственной больнице, — пояснила женщина. — Богачи могут получить все, даже включая надлежащее лечение и хороших врачей. Государственным больницам этого не хватает, — она махнула рукой, демонстрируя, что больше не хочет говорить о «Булавке» и ее читателях. Взгляд ее снова стал жестким, и Мэтью с уверенностью мог сказать, что Леди Паффери что-то задумала. — Сэмюэль, — обратилась она. — Достань документ.

— Да, мадам, — он ушел тут же по ее команде.

— Мы получили интересный документ в конверте прошлой ночью… или, может, ранним утром. Его подсунули под дверь, — объяснила она. — Я хочу, чтобы вы на него взглянули.

— Черный Дикарь, — произнес Мэтью, потому что мысль о Зеде вдруг ударила его, словно молния.

— Простите?

— Африканский силач в Цирке Олмсворт. Вы знаете о нем еще что-нибудь?

— То, что его нашли дрейфующим в море, что он огромный, что у него татуированное лицо, что он не может говорить, потому что ему отрезали язык, и что он развлекает публику каждую ночь. Я сама его не видела. А что?

— Я думаю, я знаю его.

— Святые угодники! — воскликнул Кин. — А какую-нибудь чокнутую *королеву* ты не знаешь случайно?

— Доводилось встречать одну, — ухмыльнулся Мэтью.

Лютер вернулся с бумагой, которую явно читали уже не единожды, судя по ее состоянию.

— Отдай это мистеру Корбетту, — проинструктировала Леди Паффери. Мэтью принял документ и развернул его. Аккуратным почерком на листе бумаги было выведено шесть строк.

Он внимательно посмотрел на них и громко прочел вслух:

— *Перчатка брошена…*

Д.И.Ф_ирамбу к_Э_го спел мета_ЛЛ — ему пришлось остановиться, потому что странное написание этой строки его смутило. — Интересно, откуда эти лишние точки и пробелы?..

— Действительно. Очень интересно, — подтвердила Леди Паффери.

- Клото́, А́тропу, Ла́хесис

В полночном звоне ты искал

Судьбу ты рискнешь ли свою испытать

Секрет позолоченной маски узнать…

Он вновь пробежался глазами по строчкам, прежде чем поднять взгляд и задумчиво произнести:

— Позолоченная маска? Альбион?

— Альбион или кто-то, кто хочет им казаться. Вместе с этим конвертом лежала монета в одну гинею.

— Он хочет, чтобы вы это напечатали?

— А что же еще? Мы уже готовим это к следующему выпуску.

И снова Мэтью пробежался глазами по строкам. В памяти всплыли кое-какие обрывки сведений, которые он подчерпнул, когда интересовался древнегреческой мифологией.

— Три имени. Я так понимаю, они принадлежат сестрам, — он нахмурился, блуждая по переполненным картотекам своего

разума. — Давайте припомним… сейчас… Клото… по-моему, была одной из мифических сестер Судьбы. Их еще называли мойрами. Ну, конечно! Альбион ведь даже упоминает об этом. «Судьбу рискнешь ли испытать», так он пишет. Точно, я помню. Клото ткала нить жизни, Лахесис отмеряла, как долго будет жить человек, а Áтропа… ах, да. Áтропа перерезáла эту нить своими ножницами.

— Это все пустая болтовня, как по мне! — фыркнул Кин.

— Болтовня или нет, — качнул головой Мэтью. — Это вызов, адресованный кому-то конкретному. «Перчатка брошена», как написано здесь. Но *кому* брошена?

— Очевидно, — заметила Леди Паффери. — Он ожидает, что этот человек будет читать «Булавку».

Мэтью сконцентрировал свое внимание на второй строке.

Одной единственной строке.

Прямо здесь, на бумаге.

Это было слово «Фэлл», разделенное пробелами, но оно здесь явно присутствовало. Иначе зачем было писать эту строку именно так?

Возможно, это лишь игра его воображения, но отчего-то это послание возвращало его на Остров Маятник, к человеку, который до сих пор готов сплясать на могиле одного юного решателя проблем. Мэтью ничего не мог с собой поделать, он просто нутром чувствовал, что эта строчка имеет прямое отношение к Профессору Фэллу.

- «Три сестры», - протянул он задумчиво, обращаясь в основном к самому себе. — Может, имеется в виду одноименная таверна? То самое место, где Альбион хотел встретиться со мной, кстати говоря. Он бросает вызов конкретному человеку, с которым хочет встретиться там же. Но… как этот человек узнает Альбиона, если не знает, как Альбион выглядит без маски? И он ведь не называет какой-то определенной даты встречи или времени… просто упоминает «полночный звон», то есть, после полуночи. Если только дата и время не спрятаны в этом шифрованном послании. У меня просьба: могу я переписать этот текст на бумагу и оставить его себе?

Эстер Ратледж дала ему бумагу и перо. Когда он закончил, то вернул оригинальный документ Леди Паффери, а копию убрал в карман.

Женщина сложила оригинал. Затем взяла пистолет, открыла боковой ящик стола и убрала оружие внутрь.

— Вы ведь понимаете, — сказала она. — Что Плимутский Монстр должен просуществовать еще какое-то время.

— Полагаю, что он даже вынужден убить снова… и еще не

один раз — еще более жестоким и шокирующим способом, чем раньше?

— Разумеется, — ее глаза дьявольски блеснули. — Ваша публика требует этого.

— И как закончится моя история?

— Если вас не схватят и не повесят в Ньюгейтской тюрьме перед тем, как вы выберетесь из этой шипованной клетки, то Плимутского Монстра, скорее всего, будут преследовать до зимы, а весной — если в голову не придет ничего другого — вас застрелит маленький мальчик, который встанет на защиту своей младшей сестры, пока их мать и отец будут лежать рядом, истекая кровью при смерти. Смертельно раненый, но все еще сильный, как Сатана, вы взберетесь на крышу, но в попытке уклониться от очередного выстрела упадете в дымоход — аккурат в промышленную печь — и ваше тело будет сожжено дотла.

Мэтью кивнул.

— Мне нравится. Можно мне получить постоянную подписку на ваше издание?

— Хм! — воскликнула она. — Подписки! А это идея!

— Бол-то-вня-я-я, — протянул Кин. — Тысячу раз ненужная болтовня!

— Всем и впрямь стоит вернуться к делам, — согласился Мэтью. — Спасибо за ваше время и за ваше содействие. А еще за то, что показали мне это письмо и позволили сделать копию. Думаю, здесь есть, над чем подумать.

— Подумать — это одно дело, — ответила она. — А вот ответить — уже совершенно другое, — Эстер Ратледж поднялась со своего стула. — Я искренне надеюсь, что правление Плимутского Монстра закончится в той самой печи. И в то же время, желаю удачи Мэтью Корбетту.

Новое топливо для печи, подумал Мэтью. Пожалуй, так или иначе, эта печь старается поглотить его.

Он попрощался с Эстер Ратледж и Сэмюэлем Лютером, затем они с Кином покинули лавку печатника. Из этой встречи удалось выудить куда больше вопросов, нежели ответов. Число загадок продолжало расти.

Дождь на улице превратился в противную, раздражающую морось, воздух был влажным и пах лошадиным пометом, и теперь даже Кин был рад, что они решили ехать обратно не пешком.

— Это была чертовски странная встреча, — сказал Рори, пока они шли к карете. — Лорд Паффери — женщина! Кто бы мог подумать?!

— Никто. И никто не поверит, если ты скажешь.

— Да я и не буду говорить. Но… помимо всего этого есть еще

одна странность… было очень неуютно снова услышать имя Джоша, да еще и так… после всего, что случилось на Кейбл-Стрит.

Они добрались ожидающего пассажиров возницы, который приподнял свою промокшую треуголку, приветствуя их, словно для него рабочий день ничем примечательным не отличался.

— Там была больница, на Кейбл-Стрит? — спросил Мэтью, когда Кин открыл дверь. — А что странного там случилось?

— Этот мудак, Джош, помешался на «Белом Бархате», и мы старались связать его и дать ему переломаться и успокоиться. Хотели, чтобы он вылечился.

— Да, Пай рассказывала мне.

— А она говорила, что когда Джош выпрыгнул из окна третьего этажа, он упал на Кейбл-Стрит?

— Нет, этого не говорила.

— Именно там он и приземлился, — Кин помедлил, залезая в карету. — Разве это не странно? Слышать имя Джоша вот так… а потом слышать название улицы, на которой он погиб?

— Да, — у Мэтью в мозгу собралось множество вопросов, они давили на него изнутри так сильно, что у молодого человека складывалось ощущение, будто он проглотил, не запивая, шляпу возницы. Он дождался, пока Кин, наконец, сядет в карету и только тогда заговорил. — Рори, я с тобой не вернусь, — он поднял руку до того, как его спутник начал возражать, потому что глаза Кина вспыхнули опасным огоньком, а слова возмущения готовы были сорваться с его губ. — Послушай меня, пожалуйста. У меня есть дела, которые я не могу сделать в Уайтчепеле. Я должен найти моего знакомого, который работает помощником главного констебля и…

— Боже всемогущий! — всплеснул руками Кин. — Вот опять завоняло Олд-Бейли!

Мэтью продолжил.

— И должен сообщить ему, что…

Он вдруг остановился, потому что упоминание Олд-Бейли вновь навеяло ему образ хорошо одетого, спокойного молодого человека со светлыми волосами, который носил очки в квадратной оправе.

Стивен, клерк.

— Да что с тобой такое? — раздраженно процедил Кин. — Тебе кто-то, что, в кашу нассал?

— Может, и так.

— Чего?

— Просто думаю. Пытаюсь сложить воедино картину, которая, кажется, не имеет никакого смысла.

— Просто замечательно! — саркастически воскликнул Кин. — То есть, ты просто оставишь меня разбираться со старухой один на один, да? Черт возьми, Мэтью! Я думал, ты поможешь мне растолковать ей, какого хрена мне понадобилось нанимать экипаж и тратиться на это! Расскажешь ей об Альбионе и все такое… она меня в задницу поимеет, если ты не поедешь со мной и не поможешь мне все это объяснить.

— Ты умный. Сможешь что-нибудь придумать.

— Черта с два я смогу! Матушка Диар ложь чует за шесть лиг!

Это имя будто ударило его кирпичом по голове.

— *Кто?* — голос молодого человека прозвучал так, как будто кто-то заставил его целиком проглотить горьковато-кислый лимон.

— Босс. Она называет себя Матушкой Диар. Впрочем, заботливо запеленать, по-матерински, она может только какую-нибудь змею. Детишек она от себя отпугнула бы на раз-два. Она и меня до мурашек пугает, если честно, но не могу же я это показать…

Теперь Мэтью окончательно потерял дар речи. Он слышал, как вокруг нарастают и поднимаются звуки Лондона, и ему казалось, что какое-то гигантское существо восстает из грязи — мощное и злое, готовое раздавить его в труху.

— Куда прикажете, джентльмены? — спросил уставший ждать возница. Лошади недовольно фыркали и били копытами, готовые тронуться в любой момент.

— Я не встану у тебя на пути, если ты так хочешь уйти, — сказал Кин. — Но только *после* того, как ты отправишься со мной к старухе и поможешь ей все объяснить. Я могу попасть в серьезные неприятности, потому что ты заставил меня потратиться. Клянусь, Мэтью, все серьезно. Клятва или нет… потом ты можешь быть свободен.

— Матушка Диар… — выдохнул Мэтью.

— Ну да, верно, — Кин моргнул. — Иисус-Спаситель, только не говори мне, что ты *и ее* знаешь!

Мэтью посмотрел на небо, с которого падала мелкая морось, и замер на несколько секунд. Там, в небесах, на фоне темнеющих серых облаков летело несколько ворон.

С трудом заставив себя сосредоточиться, Мэтью вновь обратился к Кину.

— Это ведь от нее вы получаете «Белый Бархат», так?

Очевидно, настало время прояснить этот момент.

— Да, — ответил он, процедив ответ сквозь плотно сомкнутые челюсти.

— Тогда тебе следует знать, что это пойло приходит в Семейство от Профессора Фэлла.

— *Что*? Нет, Мэтью, ты ошибаешься. У Матушки Диар свое предприятие.

Мэтью поднял свою татуированную руку, призывая возницу к терпению.

— Она работает на Фэлла, в этом я тебе могу поклясться. А ты работаешь на нее. Видишь, какой круг замыкается? Я так понимаю, что Семейство — не единственная банда, которую Фэлл использует, чтобы «Бархат» оказывался на улицах.

— Хорошо, допустим, все обстоит, как ты говоришь. Но она, так или иначе, когда-нибудь прибудет, чтобы свериться с книгой. Я думаю, что, раз ты прикончил одного из людей Фэлла, Матушка Диар тебе не очень обрадуется? Если она, конечно, тоже тебя знает лично.

— Знает. Она узнает меня с первого взгляда.

— Пожалуйста… послушай… у меня думать не так хорошо получается, как у тебя. Черт, да ни у кого из Семейства так не получается!

— Ты себя недооцениваешь.

— Нет. Выслушай. Просто вернись со мной и помоги состряпать историю, на которую она поведется, и эта история должна быть безупречной. Затем — можешь идти и встречаться со своим другом, да хоть с самим Папой Римским, мне все равно. Если старуха появится раньше, чем ты уйдешь, мы тебя прикроем, клянусь.

Что нужно было сделать, чтобы поступить *правильно?* — этот вопрос Мэтью задавал самому себе. Он, как сказала Эстер Ратледж, был заперт в шипованной клетке, в которую, похоже, утянул с собой и Рори Кина. Теперь, чтобы им обоим выпутаться из этой истории, нужно было маневрировать с ювелирной аккуратностью. Стоит ли бросить все силы на это, или продолжить расследование дела Альбиона, которое он невольно взялся вести?

Мэтью решился и сказал вознице:

— Едем Уайтчепел. Мы скажем, когда остановить.

Он забрался внутрь и закрыл дверь, затем уселся на треснутое кожаное сидение и досадливо уставился на своего попутчика. Мысль о том, что этот «Бархат» — *скорее, наркотик, чем напиток*, снова всплыла в его мозгу, как навязчивое видение.

Имя давно почившего доктора Джонатана Джентри, которого Мэтью видел во время его казни с отрубанием головы — которую позже выбросили на съедение осьминогу — никак не шло из памяти.

По указке Фэлла доктор Джентри собрал и описал в книге целую коллекцию ядов и наркотиков, один из которых он назвал Эликсиром Отсутствия. Он применил его на самом себе и был под его действием, когда ему медленно отрезали голову в обеденном зале Фэлла на Острове Маятнике.

Мэтью вспомнил, как Джентри описывал это зелье: *Эликсир Отсутствия устраняет личность. Уносит ее прочь. Облегчает разум и усыпляет нервы. Человек покидает этот мир досадной дисгармонии и выходит в иной, куда более приятный…*

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне все, что знаешь о «Белом Бархате», - сказал Мэтью. — И говоря «все», я подразумеваю *вообще все*. Ничего не утаивая, ты понимаешь?

— Это какое-то гребаное пойло, вот тебе и «все»! Говорят, что джин. Я очень сожалею, что Джош на нем повернулся и расстался с жизнью, но это… просто пойло.

Мэтью покачал головой.

— Нет, это гораздо больше. Это наркотик.

— Да… ну… я думаю, что каждое пойло — это в какой-то степени наркотик, разве нет?

— Не настолько. Есть кое-какая разница. Кое-какие добавки, ингредиенты, которые заставляют человека хотеть «Бархат» снова и снова, — Мэтью вспомнил отчаянную девушку, которая готова была залезть в тюремный экипаж и отдаться за глоток этого адского напитка. И то, как Пай говорила о Джошуа: *очень скоро стал похож на ходячий скелет, и готов был все отдать за еще один глоток этого дерьма.*

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Кин, неуютно поежившись.

— Я хочу сказать, — Мэтью ошеломленно передернул плечами. — Что Профессор Фэлл задумал новое мероприятие, целью которого ставит отравление целой нации.

Часть четвертая. На что мы готовы ради любви

Глава двадцать третья

Мэтью стоял в подвале логова Семейства, глядя на ящики с синими бутылками и на бочонки, которые — он был совершенно уверен — являлись новыми взглядами Профессора Фэлла на этот мир.

— Но ты ведь не можешь… как бы… поставить на это свою жизнь, ведь так? — спросил Кин, стоя подле него рядом с Пай. Каждый из присутствующих держал поднятым фонарь, освещая содержимое склада. — Я имею в виду… ты не можешь быть настолько уверен, что… ну, в том, что все это наркотики. Разве можно вот так это сказать… Пай, помоги подобрать правильное выражение, я что-то совсем слов не нахожу…

— На сто процентов, — подсказала она. — Нельзя быть уверенным на сто процентов.

— Позвольте мне задать вам обоим один вопрос, — спокойно сказал Мэтью. — Вы бы захотели выпить целую бутылку этой гадости?

Никто не ответил.

— А почему нет? — хмыкнул Мэтью. — Если это просто джин, просто с высоким содержанием алкоголя, то почему вы не хотите его выпить?

— Не хочу выблевывать свои внутренности, — буркнул Кин.

— Ты знаешь, что дело не только в этом. Ты сказал мне, что никогда не пробовал ни капли. Ты сказал мне, что видел, *что* этот напиток может сделать с человеком… что он *уже* сделал с Джошуа Оукли. Пай рассказала мне то же самое. Есть причина, по которой вы запрещаете всему Семейству пить это.

— Этот запрет пришел не от меня, а от Матушки Диар. Она не хочет, чтобы мы урезали ее прибыль.

— Она не хочет, чтобы ее продавцы стали зависимыми безвольными тварями и испортили ей всю игру, — возразил Мэтью. Он перевел взгляд с Рори на Пай, затем обратно и заметил, что оба его собеседника внутри себя ведут ожесточенную борьбу между моралью и привычками, которые были с ними долгие годы. — Я думаю, план состоит в том, чтобы выпустить эту штуку и расширить рынок сбыта на весь город — и, не побоюсь предположить, что на всю Англию. Джин, продающийся по низкой цене, но имеющий высочайший спрос. Этого вполне достаточно, чтобы со знанием дела обманом продать людям наркотик и превращать их в безумных маньяков, которые готовы будут сделать что угодно, чтобы получить

очередную порцию.

— Мы этого *не знаем!* — лицо Кина побагровело от злости, глаза сузились в тонкие щелочки, а взгляд его, казалось, мог разжечь из мелкой искорки большое пламя.

— Да, — согласилась Пай. — И, так или иначе, я уже тебе говорила… если *мы* не будем продавать «Бархат», то кто-нибудь другой *будет,* — она повернула фонарь, чтобы выхватить из темноты лицо своего обвинителя. — Дело в деньгах, Мэтью! Ты просто не понимаешь этого! Ты не *можешь*! Ты никогда не был частью Уайтчепела и не имеешь понятия, *что* человеку приходится делать и на что идти, чтобы просто выжить тут! Хорошо, возможно «Бархат» — действительно наркотик в каком-то плане и вызывает сильное привыкание, но мы не отвечаем за выбор всех тех дураков, которые находятся там, снаружи! Мы это дерьмо не трогаем, и Рори никому из нас не позволит это делать, он всем вбил в башку, что эта гадость нужна *только* для заработка, не более того. Это — единственное, что имеет значение.

— Это неправильно, — твердо сказал Мэтью. — Рори, ты говорил, что хотел бы держаться как можно дальше от Профессора Фэлла. Но посмотри на себя: вот он ты, фактически сидящий в кармане его жилета! Все Семейство находится там же с тех самых пор, как Матушка Диар пришла к Мику Эбернати и заключила сделку. Сколько лет назад, ты говорил, это было? Четыре?

— Примерно четыре…

— Я так понимаю, что в «Бархат» со временем стали добавлять все больше и больше наркотического вещества. Возможно, продавать начинали обычный дешевый джин с едва ощутимой дозой того, что нашли в книге ядов Джонатана Джентри.

— Этот доктор, о котором ты говоришь, — нахмурился Кин. — Был химиком Фэлла, верно?

— В каком-то смысле да.

— Так… почему Фэлл решил распространить наркотический джин по всему городу? И по всей *стране*, если ты не ошибаешься в этом. Почему бы просто не делать дешевый крепкий джин и не оставить все так? У него была бы уйма покупателей.

— Ему этого недостаточно. Он хочет быть уверенным, что его продукта жаждут… что без него не могут жить. И я уверен, что есть и еще одна причина. Более темная, — Мэтью прошел с фонарем мимо шести бочек, которых, пожалуй, хватило бы, чтобы заполнить все бутыли в ящиках. — Он знает, что зависимость начнется не только у нищих и проституток. Он знает, что

«Бархат» пробьет себе путь и в высшее общество, к бизнесменам, адвокатам, констеблям и судьям. Слепая нужда для слепой коррупции. «Бархат» станет тем средством, за которое Фэлл сможет купить любого нужного ему человека или любого оказывающего сопротивление его влиянию. Сейчас, держу пари, целью являются политики, служители закона и, может быть пара судией, которые могут оказывать определенные услуги. Они скрывают свои слабости, и Фэлл на этом наживается. Поверьте мне, так он и действует. Прямо сейчас он уже сгреб к себе в карман несколько властных людей, которых уже ввел в зависимость от «Бархата», и теперь эти люди — те самые, кто скрывает это… скажем так… тем, что топят в нем рынок.

— Но мы не топим рынок! — возразил Кин. — Посмотри на эти бочки. Они здесь уже довольно долго, несмотря на то, что таверны ждут больше!

— Он строит спрос так, чтобы цена росла. Также, возможно, ставит небольшой социальный эксперимент. Хочет посмотреть, что зависимые люди сделают, когда поймут, что не могут…

— Рори? — дверь у верхних ступеней лестницы открылась. Том Лэнси вошел. — Они здесь, — тихо возвестил он.

— Хочешь сказать, *она* здесь?

— Не она. Фрост и Уиллоу. Они хотят поговорить со всеми нами сразу.

— Они ждут бухгалтерскую книгу?

— Про нее не спрашивали. У них просто есть какие-то вопросы.

— Сейчас будем, — кивнул Кин, и Лэнси ушел, закрыв за собой дверь. Фонарь Кина осветил лицо Мэтью. — Свита. Она всегда с ними, их всегда трое. *Вопросы* у них, значит. Дерьмо, мне не нравится, как это звучит! Их обычно не интересует ничего, кроме книги, Босс не сует свой нос дальше нужных цифр, — он опустил фонарь. — Ладно, нужно идти. Послушай внимательно, Мэтью. Они вряд ли сюда спустятся, потому что их это не интересует. Но, будь я на твоем месте, я бы все-таки притушил фонарь и нашел бы, где спрятаться. Например, за бочонками. И полежал бы так какое-то время. Понятно?

— Понятно, — он уже подыскивал себе место.

— Пошли, — сказал Кин Пай, и они поднялись по лестнице, вышли из подвала и заперли за собой дверь.

Два человека ждали в центральной комнате, стоя рядом со столом, где Мэтью получил метку Семейства. На улицу опускалась ночь, и ни лучика света не пробивалось сквозь заколоченные досками окна. Остальные члены Семейства собрались здесь по команде Фроста. Кое-кто держал фонари, и

двое пришельцев были в их числе. Капли дождя блестели на плаще и треуголках людей Матушки Диар. В желтом отблеске фонаря Кин заметил, что Фрост выглядит немного потрепанным и уставшим: он прижимал руку в перчатке к середине груди, дыхание его было неровным и тяжелым.

— Вы поранились? — поинтересовался Кин, когда он поставил свой фонарь на стол.

— Не твое дело, — Фрост выдержал несколько мгновений, затем сплюнул на пол. Кин заметил, что в слюне явно есть кровь. — Все здесь?

— Похоже, что Карр сегодня не с вами? Или Матушка Диар?

— Это незапланированный визит. Мы ищем… — Фросту пришлось остановиться, потому что от боли ему перехватило дыхание. — Скажи им, Уиллоу.

Второй человек с длинным подбородком и белокурой бородкой, глубоко посаженными темными глазами рассмотрел все Семейство с нескрываемым высокомерием.

— Матушка Диар послала нас на поиски молодого человека. Называет себя Мэтью Корбетт. Последний раз его видели в Уайтчепеле, насколько нам известно. Мы прочесываем округу. Этому человеку чуть больше двадцати, ростом примерно шесть футов, жилистый, худой с черными волосами и серыми глазами. Как говорит Матушка Диар, внешность у него привлекательная. Может носить бороду. Видели такого?

Кин уже собирался сказать «нет», когда в разговор вмешалась Джейн.

— Что ей от него нужно?

Кин бросил на нее дикий взгляд, но ему пришлось быстро опустить голову. Он не обладал достаточным актерским талантом, чтобы подарить свободу своей маске.

— Какая разница? — спросил Уиллоу. — Видели его или нет?

Никто не ответил. Кин почувствовал руку Пай на своем боку. Он знал, что она думает о том же, о чем и он: что любой, кто теперь захочет стать лидером Семейства, может запросто отрезать голову парню по имени Рори Кин. Вероятнее всего, первыми желающими будут Уилл Саттервейт, Джесси Литт и Джон Беллсен.

Кину пришлось снова надеть на себя маску жесткости и посмотреть прямо в лицо Уиллоу.

— Мы такого не встречали.

Монета в одну гинею упала на стол из кармана Фроста.

— Вот, что ждет того, кто вдруг его встретит, — сказал он, хотя говорить ему сейчас было явно трудно.

— Вы не очень хорошо выглядите, — заметил Кин. —

Проблемы с легкими?

— Проблемы с мебелью, — был ответ. Фрост потянулся за монетой и положил ее обратно в свой карман. — Нам пора идти. Если увидите этого… ммм… скажи им, Уиллоу…

— Если увидите этого парня, избейте его так, чтобы ходить не смог. Затем идите и дайте знать о поимке хозяину «Львиного Логова». Свое имя тоже назовите. Он передаст нам, кого награждать.

Кин кивнул.

— Сделаем.

Взгляд Фроста вновь остановился на Джейн. Кин почувствовал, что сердце его пустилось вскачь. Этот ублюдок почувствовал ложь? Неужели он услышал в словах Джейн что-то, чего она не произносила? Кин даже вообразил, что, если до этого дойдет, ему придется убить Фроста и Уиллоу…

— Запланированный визит — на следующей неделе, — сказал Фрост. — Подготовьте отчет.

Он прерывисто вздохнул, скривился от боли и приложил руку к груди, словно она могла помочь легким выполнить свои функции, а затем они с Уиллоу вышли через узкую дверь, не оборачиваясь.

— У этого парня, похоже, серьезные проблемы, — сказал Кин, когда люди Матушки Диар ушли.

— Это *у нас* серьезные проблемы! — воскликнул Уилл. — Какого дьявола мы им соврали, Рори?! Этот проныра здесь?

— Проныра по имени Мэтью, член Семейства, который доказал свою верность и носит знак, являясь для меня и для всех вас братом, действительно здесь. Пока я здесь заправляю, ни один член Семейства не предаст своего собрата, ясно, мать вашу?!

— Чего они от него хотели-то? — спросил Паули. — Похоже, они реально готовы землю рыть, чтобы его разыскать. Как так вышло?

— Если он как-то оскорбил Матушку Диар, — опасливо добавил Джесси Лотт, — то мы все угодили в глубокую задницу.

Это привело к тому, что многие раскрыли рты, чтобы заголосить наперебой, однако Кин поднял обе руки, чтобы все утихомирились.

— Ну-ка, успокоились все! Поверьте мне, все под контролем.

— А не похоже! — выкрикнул Уилл, прищурившись. — Этот парень тут, внизу, когда должен быть в тюрьме, потому что Альбион его освободил, а Альбион, между прочим, прикончил Бена Грира прямо у меня на глазах! Теперь эти парни приходят сюда и…

- *«И»- «И»- «И»,* - прощелкал Кин. — Закрой свою *икалку* во

имя Адских колоколов! — он сурово посмотрел на всех собравшихся и сказал. — Уилл, ты, Джон и Билли, идите и соберите с наших заказчиков деньги. Наведайтесь в «Глупого Дудочника» и в «Медный Колокольчик».

— Мы ведь уже были там на прошлой неделе…

— Тогда идите *снова*! Скажите, что они заплатили недостаточно. Мне нужен новый Субботний костюм. Джесси, ты возьмешь Мика и Паули и отправишься с ними в… да мне плевать! *Куда-нибудь*. Этот старый ублюдок из «Золотой Туфельки» заслужил встряску. Устройте ему ее, — Кин хлопнул в ладоши, и звук вышел не тише пистолетного выстрела. — Я не шучу! *Шевелитесь*! Остальные… идите напейтесь или поужинайте или снимите себе шлюху. Меня не волнует, чем вы будете заниматься, но чтоб свалили, понятно? Пай, ты пойдешь со мной.

Он решил не обращать внимания на недовольное бормотание своих подопечных, но на деле он знал, что идет по тонкому льду. Вместе с Пай он вернулся в подвал и посветил вокруг.

— Мэтью, это мы! — крикнул он в темноту. — Они ушли.

Мэтью поднялся с пола из своего укрытия за бочками, причем особенно не спешил, потому что пришлось повозиться, отгоняя от себя нескольких крыс, которые с каждой секундой вели себя все храбрее.

— *Ее* с ними не было?

— Не-а. Двое ее парней: Фрост и Уиллоу. Они описали тебя очень подробно, но никто не выдал. Учти, она ищет тебя, и ее псы перероют весь Уайтчепел, все с ног на голову перевернут. Похоже, она вышла на охоту. *Чтоб ее!* — последнее он добавил уже совсем тихо. — Может, там, на Флит-Стрит ты был прав. Отправляйся по своим делам, и будем надеяться, что тебя не убьют, пока ты доберешься, куда нужно. Матушка Диар знает, сколько мы тратим и получаем каждый месяц. Но, может, получится как-нибудь прикрыть траты на эти чертовы поездки.

— Спасибо, — сказал Мэтью, потому что понимал: если люди Матушки Диар узнают, что Семейство солгало им прямо в лицо, всем несдобровать. — Простите, что из-за меня у вас теперь неприятности.

— Мэтью? — обратилась Пай, приблизившись и осветив его лицо светом фонаря. — Если бы те люди тебя схватили… они бы сразу тебя прикончили?

— Сомневаюсь. Думаю, они повели бы меня к Профессору Фэллу, где бы он ни был. А потом… скажем так, Профессор на меня немного зол за то, что я уничтожил его остров на Бермудах.

— О, Господи! Я не желаю этого слушать! — воскликнул Кин, готовясь заткнуть оба уха руками, несмотря на мешающий

фонарь. — Святые угодники, ты невыносим!

— Я чувствовала, какой ты из себя, — сказала Пай, многозначительно улыбнувшись. — Когда ты пришел мне на помощь тогда, на улице. Я поняла, какой ты.

— Уверен, этот долг мы уже оплатили. Мэтью, утром ты уйдешь. Мы не можем позволить тебе остаться, потому что иначе они сядут тебе на хвост по нашему кровавому следу. Нам особенно нечего тебе дать, но костюм и ботинки можешь оставить себе.

— Еще раз спасибо, — этот фиолетовый ужас стоил только того, чтобы его сжечь, но ботинки были очень даже удобными и приемлемыми. — Позвольте спросить только… вы знаете, сколько времени?

— Десять или около того, по-моему. А что?

— В полночь, — сказал Мэтью. — Я планирую быть в таверне «Три Сестры».

— Что? При том, что тебе эти головорезы тебя преследуют? Я думал, в тебе есть *здравый смысл*.

— К сожалению, иногда мой здравый смысл ожесточенно воюет с моим любопытством, и любопытство частенько одерживает победу. Я думаю, что Альбион может оказаться в «Трех Сестрах» и сегодня. Возможно, он бывает там каждую ночь с тех самых пор, как назначил мне там встречу. Время сейчас близится к полуночи, а я рядом с этой таверной, поэтому… я просто *должен* пойти.

Кин собирался снова возразить, но вместо этого лишь вздохнул и просто сказал:

— Это *твои* похороны. Тебе и решать, — затем добавил. — Просто постарайся не быть дубом и не дай этим парням себя схватить. А если схватят, держи рот на замке и о нас ни слова, — свет фонаря Кина упал на бочки.

— *Дубом,* — повторил он, и глаза его подернулись печальной дымкой. Как и глаза Мэтью и Пай, которые прекрасно понимали, о чем он думал. — Ты прав, — сказал Рори спустя какое-то время. — «Бархат» убил Джоша, в этом никаких сомнений. Он убил уже до ужаса много людей там, на улицах. А тех, кого не свел в могилу, превратил в живых мертвецов. Все, что я слышал о «Бархате»… было *плохо*. Ладно, — он отвел свет фонаря от бочек и посветил на Пай и Мэтью.

— Ты знаешь, о чем я иногда думаю? — спросил он голосом, далеким, как будто звучащим откуда-то из чужого горла. — Иногда на меня это просто наваливается, и я не могу сбросить это. Ты помнишь, Пай… когда Джош сошел с ума и выпрыгнул из того окна… ты помнишь… он приземлился прямо на карету той

дамочки на Кейбл-Стрит? Она была одета, как леди. Я все еще вижу, как Джош проламывает крышу. Слышится хруст, как будто ломают детскую игрушку… А потом Джош перевалился через крышу… а женщина закричала. Я до сих пор помню ее крик, вижу ее… не могу забыть, как я смотрел на эту леди и думал, что она делает — вся такая разодетая — здесь, на Кейбл-Стрит. И откуда бы она ни явилась, куда бы ни направлялась… она совершенно точно не попала этой ночью в постель после того, как на ее навалилось безумие Уайтчепела, свалившись с неба.

— Она выжила? — спросил Мэтью.

— Я не знаю. Мы быстро оттуда сбежали. Пришлось бросить прежнее убежище, рядом с госпиталем, о котором я тебе рассказывал сегодня. Вот, почему я счел эту встречу такой странной… и поэтому так странно было сегодня услышать имя Джоша, связанного с этой историей из газеты. Это словно унесло меня назад, в прошлое, — свет его фонаря вновь пал на бочки и чуть поблуждал между ними. — А ведь, если задуматься, то этой женщине тоже навредил не Джош, а «Бархат». Потому что если бы Джош не превратился… в хищника, купающегося в собственном дерьме, готового рыдать или разрывать глотки за стакан этой дряни… если бы не стал тем, во что превратил его «Бархат»… не знаю, если бы мы ему яд скормили или нашли бы способ его закрыть понадежнее… — Кин повернулся к Мэтью и посветил ему в лицо. — Если здесь есть наркотик, такой сладостный, но такой смертоносный… разве это честно?

— Нет, — качнул головой Мэтью. — Не честно.

— Что же с этим делать?

— Ты спрашиваешь, что бы сделал *я*?

— Возможно.

— Если бы это дело поручили мне, — сказал Мэтью. — Я бы взял топор и спустился бы сюда с ним. И позволил бы крысам забыться сладкими снами.

Воцарилось долгое молчание. Затем Кин слабым голосом сказал:

— Я не могу этого сделать. Если бы сделал, мне было бы негде спрятаться — меня бы всюду нашли и закопали, а все Семейство утонуло бы в крови…

Мэтью не ответил, но понял, что Лондон — это город темниц. Семейство и другие банды были невольниками у тех, кто контролировал их передвижения и заставлял воевать за территории. Уайтчепел был тюрьмой настолько же мрачной, как Ньюгейт и, похоже, лорды и леди в этом городе были заточены в их шелковые клетки хорошего поведения и семейного наследия настолько же, насколько уличные разбойники и нищие были

замкнуты в своих правилах. Клетки бывают разными: прутья их могут ослепительно сиять, быть сделанными из золота или из железа. И среди невольников в клетках был и Профессор Фэлл, который заточил себя собственным образом жизни, своей яростью, которая не утихла и после того, как он отомстил тем, кто убил его возлюбленного двенадцатилетнего сына Темпльтона. Фэлл встал на путь, полный греха и тяжелых преступлений и сам воздвиг себе нерушимую тюрьму, в которой пребывает. В этом было столько жалости, что Мэтью понял: если он отступит и посмотрит на все незамутненным эмоциями, разумным взглядом, то до смерти Темпльтона профессор был членом высокого общества, светилом науки. Клото, Лахесис и Атропа были неустанными работницами, и эти три сестры видели, как изменилась после этой смерти судьба человека с глазами, холодными, как могильный камень…

— Я должен идти, — сказал Мэтью, предвкушая предстоящую встречу в таверне.

— Конечно, ты должен, — кивнул Кин. Он провел рукой по своим огненным волосам и издал звук, как будто ему нужно вот-вот сплюнуть что-то отвратительное. — Черт бы это все побрал! Я не могу позволить тебе идти до «Сестер» в одиночку! Дьявол, даже на таком небольшом расстоянии тебя могут поймать на Драйбоун-Лейн, которая еще хуже, чем улица Флинт! Стоит тебе отсюда выбраться, попадешься Культу Кобры, который, если увидит метку Семейства, глаза тебе выколет после темноты.

Это была прекрасная тема для размышлений, но Мэтью лишь ответил:

— Я уверен, что справлюсь сам.

— Конечно, справишься, но неужели ты того реально *хочешь*? Что ты будешь делать и куда пойдешь, если он не объявится? А еще лучше спросить… что будешь делать, если он там *будет*?

— Выясню, когда придет время.

— Когда ты выяснишь, — качнул головой Кин. — Ты можешь уже быть *мертв*.

Мэтью не мог не согласиться. Его логика в вопросе этого любопытства серьезно сбоила. На самом деле, его логика в вопросе этого склада с отравой тоже не имела твердых позиций.

Пай вмешалась в разговор.

— Рори прав. Есть нерушимые законы, которые правят этим местом. Тебе придется быть *очень* осторожным.

— И учти. Это наши лучшие покупатели «Бархата», поэтому можешь себе представить, *что* там творится. И около полуночи начинают вылезать грабители, — Кин сделал паузу, чтобы Мэтью успел составить в своем мозгу довольно красочную картину того,

что его ждет. — Ты проделал ужасно долгий путь из Нью-Йорка не для того, чтобы умереть на Аллее Флинт. Проклятье, ты не пойдешь один. Это решено.

— Я тоже пойду, — заверила Пай.

— Нет, не пойдешь! Ты не достаточно наигралась в прошлый раз, что ли, раз хочешь оказаться на улице Флинт после полуночи? Ты останешься здесь. Я серьезно, Пай, — сказал он в ответ ее вздернутому с вызовом подбородку. — Ты никому ничего не должна доказывать, но если я увижу тебя там, куда мы направляемся, я буду очень *сильно* расстроен. Ты меня слышала?

Она сопротивлялась, пока он не спросил ее снова, более жестко, и тогда ей пришлось ответить самым коротким и раздраженным кивком.

— Я принесу твой плащ, треуголку и тот модный кинжал, с которым мы тебя нашли. Фонарь тоже можешь взять, — сказал Кин. — Мы можем есть и пить в «Трех Сестрах» бесплатно, если захотим. Взамен они умоляют поставлять им больше и больше «Бархата».

Внезапно Пай приблизилась к Мэтью. Она встала на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку. В свете фонаря ее карие глаза светились, как жидкое золото, но были очень печальными.

— Эта девушка в Нью-Йорке… ей повезло с тобой, — сказала она и улыбнулась самой обаятельной и милой из возможных своих улыбок. Правда, держалась она недолго. — Я бы пошла с тобой, если б эта лошадиная задница меня отпустила. Но… в общем, приглядывайте друг за другом, — сказала она с серьезным лицом. — И не подпускай к себе никого близко. Можешь напороться.

Он знал, что она права. Трюк состоял в том, чтобы огибать острые углы. Стоило ли надеяться, что Альбион в своем истинном облике выберет эту ночь, чтобы прийти в таверну «Три Сестры»? Да, пожалуй, стоило. Любопытство… оно сжигало его изнутри и распаляло желание, унять которое было невозможно… и эта сила толкала юного решателя проблем вперед, вопреки всякому здравому смыслу, навстречу трем сестрам Судьбы — на встречу, которая может стоить жизни — и в глазах Клото, Атропы и Лахесис ему предстоит показать себя настолько *добрым*, чтобы противостоять разрастающемуся в мире злу.

Было ли это решетками его собственной тюрьмы?

Возможно.

Так или иначе, нужно было быть готовым ко всему.

Глава двадцать четвертая

Дождь перестал, ветер стих. На город опустился влажный желтый туман, обматывающий собой черную ленту Темзы, и начал медленно распространяться от квартала к кварталу, от улицы к улице, протягиваясь на милю за милей по необъятной столице Англии.

Этой ночью, пока время медленно двигалось к полуночи, туман показывал свои фокусы: превращал очертания движущихся карет и повозок в удивительных существ из беспорядочных сновидений. Глаза этих невиданных чудищ сверкали красным пламенем, а возницы расплывались темными кляксами, и лишь их хлесткие плети опускались на недовольно фыркающих в полумраке лошадей, напоминающих мистических демонов. Формы зданий искажались и превращались в гротескное подобие самих себя, их размеры иллюзорно изменялись, как и неясные фигуры, очертания которых можно было заметить в грязных стеклах — с большого расстояния казалось, что туман исказил каждое создание времени и пространства в этом городе.

Шаги шумным, пугающим эхом отражались от стен и приближались, но никто не появлялся в поле видимости, как если бы шаги принадлежали призракам. Размытое лицо, едва тронутое светом фонарей, могло вдруг появиться в разбитом окне и вновь погрязнуть в тумане, а затем мелькнуть еще раз. Мог приближаться душераздирающий собачий лай, однако, как только животное должно было выскочить из-за угла, звук пропадал и растворялся, как если бы пес развернулся и беззвучно ринулся в другую сторону, сметенный вихрем опавших мертвых листьев.

Голоса — или *память* о голосах — могли звучать прямо из комнаты с залитым кровью полом в одном из домов на этой улице, где однажды были найдены кости, завернутые с такой бережностью, словно убийца питал к своей жертве искреннюю любовь. Или, возможно, из трещин в стенах слышались стоны нищего, которого замуровали внутри, и бросили медленно и мучительно умирать.

Туман высвобождает призраков Лондона, подумал Мэтью, следуя за Рори Кином через лабиринты, полные чьих-то фантомов. Ему казалось, он мог ощущать присутствие призраков прямо в воздухе, и пусть он никогда не зацикливался на таких вещах… ему все равно казалось, что нечто потустороннее, мистическое незримо присутствует здесь.

Была ли реальной иссушенная женщина, потянувшая к нему

тонкие руки и прошептавшая рваным шепотом: «Мой мальчик»?

Существовал ли на самом деле полный человек в длинном плаще и в треуголке с пером, который начал вдруг зазывать его: «Подойди сюда, подойди сюда», после чего рассмеялся так, как будто знал самые главные тайны вселенной?

Была ли настоящей маленькая черноволосая девочка в зеленом платье, которая просто стояла и смотрела на него, держа в руке презерватив из кишок ягненка, который словно собиралась принести в жертву извращенному богу Уайтчепела?

Пожалуй, все они были реальными. Когда Кин жестоко говорил им: «*Прочь!*», они тут же уходили, а Мэтью провожал их глазами. Так что, да… большинство из этих незнакомцев были настоящими, но от этого не переставали быть жуткими.

— Осталось недолго, — сообщил Кин. Даже на таком небольшом расстоянии его голос казался далеким и доносился, словно бы, отовсюду сразу, хотя Мэтью знал, что держится позади него, и это лишь очередной трюк тумана. Фонари, которые они оба несли, распространяли слабые области света, протягивающиеся лишь на пару ярдов вперед в туманных миазмах. Вокруг были лишь стены зданий, которые медленно обволакивались настойчивой дымкой.

Мэтью чуть плотнее закутался в свой плащ. Вес кинжала в кармане на боку немного придавал уверенности, хотя на деле молодой человек не собирался никого закалывать этим кинжалом и крайне боялся сделать это случайно, столкнувшись с кем-то на пути и не заметив его в тумане. На Рори была мятая тюбетейка и коричневый плащ, под которым он также нес кинжал, и Мэтью заметил, что его спутник все время держит фонарь в левой руке, чтобы правая была свободной и могла вовремя дотянуться до клинка.

Резкий, высокий смех пронзил улицу и растворился в ней. Мимо пронесся отдаленный звук женского голоса, поющего песню, которая, похоже, была довольно похабной, судя по тому вою, который ее сопровождал. Вскоре и этот шум пропал втуне. Где-то рядом закричал ребенок — действительно совсем близко… затем снова рухнула тишина.

Все больше духов наводняет пустоту, подумал Мэтью. Несмотря на его рациональную натуру, волосы встали дыбом на его шее от суеверного страха.

Вот уже четвертый раз ему казалось, что он слышит шаги позади себя, взбивающие пыль и золу где-то в отдалении. Вот уже четвертый раз он останавливался, чтобы посветить своим фонарем в том направлении, но свет снова никого не выхватывал из тени. Нет… погодите… разве там не показался слабый огонек

от чужого фонаря? Или просто какой-то призрачный шар разрастается и прибавляет в размерах и силе перед тем, как напасть?

Кин остановился сразу же после Мэтью и тоже посветил в нужную сторону. Туман снова пронес мимо и растворил в себе чье-то призрачное бормотание, быстро переродившееся в тихий пугающий смех, приходящий, казалось бы, со всех направлений сразу, и теперь Мэтью разглядел некое трехголовое чудище, неспешно направляющееся к нему.

В этот момент двое пьяных мужчин с примерно настолько же изрядно перебравшей дамой между ними, вышли из тумана. Женщина хихикала и несла какую-то несуразицу, держа обоих своих спутников за плечи. Один из них споткнулся и замер в пределах видимости фонаря Мэтью, едва не врезавшись в стену. Фонарь был поднят. В его свете Мэтью разглядел, что лицо женщины настолько густо намазано румянами, белилами и еще парой тонн косметики, что казалось, она попросту надела на себя второе лицо — весьма непривлекательное. На голове у нее, похоже, было, как минимум, три птичьих гнезда. При этом спутники этой экстравагантной персоны оба были гладко выбриты, носили дорогие на вид плащи и кожаные треуголки.

У Мэтью сложилось впечатление, что джентльмены из высшего света пожаловали сюда, чтобы поразвлечься.

— *Сэр,* — вдруг невнятно пробормотал один из мужчин, а другой вдруг резко расхохотался, хотя смех этот больше походил на мычание быка. — Сэр, — снова поприветствовал первый, после чего смех второго усилился. — Могу я спросить вас… погодите минутку… Уилфред, пусть она перестанет извиваться, утихомирь ее. Сэр, могу я спросить, не найдется ли у вас «Бархата»?

Этот вопрос обезоружил Мэтью настолько, что он не нашел слов для ответа.

— У нас есть деньги, — продолжал незнакомец. — Наша последняя бутылка… уже, боюсь, превратилась в мочу. У нас есть *деньги,* — он повторил это так, словно эти слова должны были оказать некоторое магическое действие.

— Нам сказали, что «Бархат» можно найти где-то здесь, — пробасил второй мужчина, и голос его так же был невнятным. — Где-то тут… у нас кончился.

— Заплати ему немного, дорогой, — промурлыкала женщина. Она висела на плечах обоих своих компаньонов, и только это не давало ей упасть. — Спорю, у него бутылочка-то припрятана.

— У нас нет бутылки, — ответил Мэтью.

— А что насчет вас? — первый мужчин обратился к Кину. — Господи Боже, — сокрушенно обратился он к остальным, когда

Кин оставил его вопрос без ответа. — Эти двое тупые, как пни!

— *Тупни!* — прыснула со смеху женщина.

— Вы здесь в продаже его не найдете. Нигде, — лицо Кина стало совершенно непроницаемым. — Нечего здесь делать. Возвращайтесь домой, проспитесь. Там вам самое место.

Трое — в своей неустойчивой конструкции — качнулись взад-вперед, словно эта информация сшибла их морской волной.

— *Джимми,* — прошептала женщина первому человеку, зарываясь в ворот его плаща. — Я говорила тебе… я говорила тебе… я *хочу* немного «Бархата». Это все игры и забавы для тебя, дорогуша… все это ебаные игры и забавы, но… Кэрри нужен «Бархат». Теперь… вы говорили, мы собирались…

— Заткнись! — прорычал, оттолкнув ее разукрашенное лицо в сторону и погрузившись пальцами в густой грим. Его рот, выхваченный из мрака светом фонаря, искривился в отвращении. — Здесь где-то *должен быть* «Бархат»! Тупые уроды… *должен* быть во всем Уайтчепеле!

— Удачи вам, господа… и мадам, — сказал Кин.

— Эти двое ничего не знают! — взвизгнула женщина. — Они просто мусор! Пойдемте, давайте… о… оxx… *дерьмо!* — ручеек мочи потек на ее потертые туфли. — Найди мне немного «Бархата», Джимми, — сказала она притворно сладким голосом. — Вилли, найди мне немного «Бархата», - она говорила, как ребенок, выпрашивающий сладости, но за ее притворно нежным тоном скрывалась угроза.

— Да мы в нем купаться будем до утра, — ответил галантный Джимми, ударив себя в грудь и выпятив ее, как парус боевого фрегата. Затем трехголовый монстр отшатнулся, прошагал мимо Мэтью и Кина и был проглочен туманом.

— Они, возможно, до утра искупаются в своей собственной крови, — бесцветно предположил Кин. — Идем, нам нужно за угол.

Встревоженный этой встречей, Мэтью снова оглянулся назад на дорогу, которой они шли. И снова… это был блик фонаря? Ну, конечно же. Полночь в Уайтчепеле — это полдень в Нью-Йорке, но людей здесь даже ночью намного больше — сколько желающих испытать свою крепость духа уже побывало здесь, на пути Мэтью? Возможно, даже не все они были местными жителями, но что это меняет?..

— Приди в себя, — обратился Кин, ошибочно полагая, что Мэтью впал в нерешительность. — Впрочем, знаешь, ты ведь еще можешь спрыгнуть на ходу, пока вагон не переехал тебя, если хочешь.

— Нет. Не могу. Веди.

Кин повел его за угол, где они тут же повернули налево и спустились вниз по лестнице под каменной аркой. Стены сжимались, оставляя проход шириной не более трех футов.

— Смотри под ноги, — предупредил Кин, потому что прямо на его пути лежал человек. Второй сидел рядом на земле, прислонившись спиной к стене. Его глаза были закрыты, он храпел, явно предварительно опорожнив желудок прямо на свой плащ.

Примерно в двадцати футах отсюда виднелся прямоугольник двери с простой вывеской, на которой значилось «*3 Сестры*». Казалось, окон здесь не было вовсе. Кин встал у двери и повернулся к Мэтью.

— Готов? — спросил он.

Нет.

— Да, — Мэтью кивнул, и Рори распахнул дверь.

Трубочный дым, пары алкоголя и запах немытых человеческих тел царил повсюду. Мэтью проследовал за Кином внутрь, и дверь закрылась за его спиной. Несколько посетителей глянули в их сторону, но тут же отвернулись. Это было небольшое место: тускло освещенный лампами зал, и лишь на некоторых столах стояли фонари. Часть треснутых стен были покрашены заново в весьма странный цвет: цвет чуть синеватого сваренного вкрутую яичного белка. Похоже, художнику при таком освещении пришлось туго: он сумел выкрасить лишь треть помещения, до остального не добрался, поэтому грязные пятна появлялись дальше с завидной частотой, а с некоторых участков свисали размером с кулак куски штукатурки, обнажая под собой дерево. За стойкой в конце зала стоял лысый седобородый мужчина. Две уставшие девушки-подавальщицы пытались поспеть за всеми жаждущими выпивки клиентами. Зал был почти полон, за восемью из десяти столов сидели посетители.

Мэтью сразу заметил, что лучшие столики в таком месте — места в углу, под защитой стены — уже заняты. Он постарался внимательно осмотреть зал, прорываясь своим зрением через сизый дымок, и разглядел нескольких человек, сидящих здесь в одиночестве. Двое из них были одеты в плащи с капюшонами, и их лица скрывались в тени, их руки без перчаток были заняты, поднося кружки к невидимым ртам. Шум разговоров здесь сливался в сплошное бормотание, хотя внезапно кто-то мог заговорить резче и громче, после чего тут же получал удар в лицо и отправлялся в угол, чтобы усвоить урок, где и когда следует высказывать свое мнение.

— Рори! Рори! — мужчина за стойкой позвал его и махнул рукой. Мэтью последовал за Кином к незнакомцу, который уже

перегнулся через стойку и наклонился к главе Черноглазого Семейства. Глаза мужчины сияли, на щеках поблескивал пот. — Когда мы получим еще партию? — спросил он, стараясь говорить тише.

— Скоро.

— Когда *скоро*? У меня тут куча заказов, а мне нечего продавать!

— У меня не было приказов что-нибудь продавать.

— Они беспокоятся! Если не продам им «Бархат» по первому требованию, они же мне весь зал разнесут!

— Пока что они выглядят почти ручными, — возразил Кин.

— Твоими бы молитвами! Ты здесь не бываешь час за часом. Черт, *дерьмо!* — с жаром выкрикнул он. — Но… я хотя бы первый в твоем списке, ведь так?

— Так.

— Черт… Мне не нравится так вести дела, — хозяин заведения, возможно, понимая, что идет по тонкому льду, решил сменить тему. — Ладно, вам двоим что налить?

— Эль и… тоже эль, — ответил Кин, заказывая на двоих. — И не вздумай разбавить его. А мы пока найдем, где сесть.

— Простите, — обратился Мэтью к хозяину заведения. — Не подскажете ли, который час?

— Почти полночь, я полагаю. А кто *это?* — он зада вопрос Кину. — Чтобы в «Сестер» приходил парнишка с манерами герцога? Я чуть в обморок не упал!

— Пойдем, — Кин взял Мэтью под локоть и повел его к ближайшему свободному столику, который находился аккурат в центре зала на незащищенной позиции, но с этим ничего нельзя было поделать. Как только они сели, Мэтью снял треуголку. В это время между четырьмя посетителями, занятыми игрой в кости, разгорелся ожесточенный спор. Поток ругательств был выпущен, нож блеснул, один шквал движений противоборствовал другому, но человека с ножом умудрились удержать, заставили его остудить пыл и продолжили играть, как если бы ничего не случилось.

Девушка-подавальщица принесла эль и игриво хихикнула, когда Кин легко шлепнул ее. Глаза Мэтью округлились. Две безликие фигуры в капюшонах продолжили пить. Молодой человек не видел никого, кого бы мог узнать или кем был бы узнан сам. Здесь просто было множество лиц, которые он видел впервые, но вряд ли забыл бы даже со временем: кругом были гротескно вытянутые носы, огромные лбы и глаза, как у ящериц. Каждое из этих лиц на поверку не было обычным — у каждого была какая-то своя чудовищность.

— Пей, — посоветовал Кин. — Если он появится, он *появится*. Если нет… — этот комментарий закончился пожиманием плеч.

— Я его не узна́ю, но он — узна́ет меня. Надеюсь.

Молодой человек понимал, что теперь, без бороды, он смотрится несколько иначе, и его может быть трудно узнать, но все же… оставалась одна хрупкая леска в бурных мутных водах.

Он вынул из кармана бумагу с шестью строчками, переданными Альбионом, и снова прочел их. Его внимание не переставали привлекать к себе эти слова: *Д.И.Ф_брамбу к_Э_го спел мета_ЛЛ*. Почему это так написано? Возможно, Альбион хочет оставить послание для Профессора, который не раз ускользал от правосудия? Ему можно было бы бросить, своего рода, перчатку.

Он сделал глоток эля. Одна из фигур в капюшоне внезапно начала бредить: наполовину кричала, наполовину плакала, выкрикивая имя какой-то Анджелы. Никто из посетителей не обратил на него внимания, и даже Мэтью не захотел тратить на это время. Определенно — это был не нужный ему человек.

Но *кто* тогда нужный? Занимательным было то, что имя Джошуа Оукли было оставлено в офисе «Булавки» человеком, по описанию сильно похожим на Стивена, клерка из Олд-Бейли. Разумеется, это могло быть обобщенное описание, но пока что Мэтью решил позволить своему воображению разыграться.

Он подумал, что Альбион мог быть узником, который сбежал из Ньюгейта, поэтому знал схему подземелья и определенную камеру на нижнем уровне, из которой можно было сбежать. Кто еще мог о таком узнать? Клерк из Олд-Бейли? И чтобы при этом он имел ключ, который позволил бы ему отпереть дверь подвала и выходные ворота на верхних уровнях? Серьезно, *мог* ли это быть клерк из Олд-Бейли?

Бессмыслица какая-то.

И почему же он решил, рискуя попасть в беду, пробраться *внутрь* Ньюгейтской тюрьмы снова? Неужели просто потому, что хотел попасть в Каир и показаться там перед узниками в своем театральном образе?

И все же… описание мистера Лютера и имя Джошуа Оукли, записанное в книгу «Булавки» — все это наводило на мысль о Стивене, клерке.

Как соединить это все воедино? И, если это действительно *можно* соединить, то выглядело все это…

Дверь открылась.

Мэтью подумал, что часы должны были как раз пробить полночь.

Мужчина тяжелого телосложения вошел в помещение с какой-то развязной светловолосой девицей на руках и проследовал прямо к стойке.

— Вот, что заставляет тебя вернуться к жизни, — сказал Кин, осушив уже половину своей порции. — Необходимость что-то обдумать. Над чем-то поразмышлять.

— Да, — Мэтью сложил листок и убрал его.

— Ни за какие коврижки не хотел бы быть на твоем месте, — вдруг выдал Кин.

— Почему?

— Твоя голова, должно быть, ужасно тяжелая — и как в нее вмещается столько мозгов? Не знаю, как твоя шея ее держит.

— Держит и все.

— Да, но, наверное, когда солнце светит тебе в лицо, ты начинаешь думать, как эта гребаная штука ведет себя там, в небесах, почему она не взрывается. Готов поспорить, когда дует ветер, ты не вдыхаешь носом его сладкий аромат, а думаешь о том, откуда он пришел и что заставляет его дуть. А когда девушка целует тебя, ты думаешь о том, как работают ее губы. Я прав?

Мэтью промолчал.

— *Так и знал!* — Кин улыбнулся своей улыбкой, обнажающей серебряные зубы. — Видишь, я тоже умный. По-своему. Но, черт возьми, нет! Не хотел бы я быть тобой. Столько думать… это убивает. Это проклятье — гораздо большее, чем все известные мне.

— Я никогда не думал об этом с такой стороны.

— Конечно, нет. Похоже, это *единственная* вещь, о которой ты подумать не можешь. Мысли оплетают тебя цепью. А чем еще ты наслаждаешься, помимо постоянного шевеления мозгами? Что любишь?

— Шахматы.

— О, черт! Это уж точно не считается! Что еще?

— Я люблю… — Мэтью остановился и замялся. Он нырнул в колодец и обнаружил, что он пуст. — Слушай, это бессмысленно.

— Так в бессмысленности весь смысл! Ты никогда не хотел сделать что-то просто ради веселья?

— Например, ограбить кого-то или пробраться в логово какой-нибудь банды с намерением убить?

Рори рассмеялся, хотя Мэтью ожидал от него явно не такой реакции.

— Нет, не это, — ответил Кин, успокоившись. Сделав еще один глоток эля, он потер свои грязные руки друг о друга. Его голос зазвучал совсем тихо, когда он снова заговорил. — Ты ведь знаешь, что я убил — что мне *пришлось* убить — своего папашу?

Мэтью решил позволить Пай сохранить это в секрете.

— Так и было. Долгая история, на самом деле. Он был беспросветным пьяницей. Но при этом, когда приходил в чувства, он был хорошим человеком… это было задолго до того, как «Бархат» вырвался на свободу. Я даже не знаю, был ли он моим настоящим отцом или нет… моя мамаша была, как гулящая кошка. Но он был единственным, кто у меня остался. Один раз, когда мне было десять или около того… он взял меня к тому, что они с дружками называли каменным карьером. Недалеко отсюда. Высокие утесы, внизу вода. Он тогда сказал мне: «Рори, сегодня я научу тебя летать». И знаешь, что он сделал? Он разделся догола прямо на этом утесе. Светило солнце… был жаркий июль… кажется. Да, жаркий июль. Он разделся догола и сказал мне сделать то же самое, и я спросил его: «Зачем, па?», а он ответил: «Сынок, ты должен позволить своим перышкам дышать». В общем, я разделся, и мы встали на краю утеса, который был похож на чертов край земли! И тогда он сказал мне: «Лети, Рори. Ни о чем не думай, просто лети». Я посмотрел на воду внизу, а потом представил, какое расстояние от нее отделяет, какие монстры могут жить там, в глубине, и ответил: «Я не могу, пап, я боюсь». Он шагнул вперед, взял меня за руку… я никогда не держал за руку никого более сильного, чем он — ни до, ни после. Он сказал: «Не думай о страхе… думай о полете», а я ответил… помню, как ответил: «Но па, мы упадем», и тогда он оскалился… так яростно и жестко! А потом говорит: «Сынок… чтобы упасть, сначала тебе надо полететь».

Рори продолжил, нервно поворачивая кружку из стороны в сторону. Он смотрел на исцарапанный потрепанный стол взглядом, знавшим много страданий, но Мэтью был уверен, что сейчас Кин видит перед собой не столешницу, а поблескивающую в июльском солнце водную гладь, а его глаза смотрят на нее со смесью растерянности, доверия и удивления.

- «Давай!», сказал папа, — продолжил Рори. — Он сказал: «Не думай… просто иди». Мы шагнули, оба. Вместе. Я никогда в жизни так не боялся, как тогда, в воздухе. Только он и я. Но потом мы приземлились в прохладную воду, и она сомкнулась над моей головой, но папа… он не отпустил мою руку. Ни на секунду. И когда мы вернулись, отплевываясь водой и хохоча, первое, что я сказал, было: «Я хочу еще раз». Потому что это *было* похоже на полет — на несколько секунд. Ты можешь раскинуть руки, как крылья, и представить себя ангелом, и несколько мгновений ничто не сможет утянуть тебя вниз.

Он бегло взглянул на Мэтью, затем опустил глаза снова.

— Я никогда это никому не рассказывал, но… мне иногда это

снится. До сих пор. Забавно, знаешь… в своих снах я держу отца за руку, и мы прыгаем с утеса… мы прыгаем и плывем в этом ярком летнем воздухе… и мы никогда не опускаемся, — он допил свой эль. — Да, — сказал он голосом маленького потерянного ребенка. — Да, мне пришлось убить его.

Мэтью собирался сказать *«Мне жаль»,* когда дверь снова открылась.

В помещение вошел худой человек среднего роста, одетый в черный плащ с капюшоном, накинутым на голову. На руках у него были кожаные черные перчатки. Сердце Мэтью бешено заколотилось. Он бросил быстрый взгляд на лицо под капюшоном — золотой маски не было — но пара глаз с пронзительным взглядом осмотрела зал.

Это был он. Мэтью знал это.

Он оттолкнул стул, встал и рискнул поднять руку в приветственном жесте.

Альбион — *это просто должен был быть Альбион* — шагнул в сторону Мэтью, но разглядеть его лицо полностью пока не представлялось возможным из-за глубокого капюшона.

И вдруг фигуру в плаще оттолкнули двое мужчин, что вошли в таверну «Три Сестры», как хищные и голодные тараканы. Оба носили непромокаемые плащи и кожаные треуголки, в руках у них были фонари. Быстро осмотрев помещение, они остановили взгляды на Мэтью и Рори. Последний испуганно шепнул:

— Иисус милосердный! Они нас нашли!

Двое мужчин — Фрост и Уиллоу, как понял Мэтью — пробрались через столики вперед, после того, как второй из них тоже оттолкнул фигуру в плаще, расчищая себе путь. Альбион — если это действительно был он — повернулся в сторону и направился к стойке.

— Было бы приличнее встать, — сказал явный лидер этой пары. Его лицо было бледным, как известка, а дыхание давалось ему явно с большим трудом. — Похоже, ты кое-что скрывал, Рори. Как не стыдно! Эта девушка… должна была что-то знать. Ох… Боже, я не могу говорить. Уиллоу?

— Мы подождали снаружи, — сказал Уиллоу. — Долго пришлось ждать, но вы все же вышли.

— Решили проследить, куда вы направитесь. Чертов туман, — прохрипел Фрост. — Потеряли вас в нем. Бродили от таверны к таверне. И вот вы здесь!

Мэтью посмотрел сквозь этих двоих. Альбион говорил с хозяином таверны, капюшон все еще был на нем.

— Матушка Диар, — обратился Фрост к Мэтью. — Хочет видеть тебя.

Это было неподходящее время для паники. Мэтью рассудил, каков будет эффект, если он попытается толкнуть на них стол.

Уиллоу, скорее всего, поймает его или, возможно пропустит удар стулом — всякое бывает, когда имеешь дело с отчаявшимся противником, но пистолет в его правой руке все-таки говорил сам за себя.

— *Нет,* — ответил Мэтью, и этот ответ собрал все возможные острые углы.

— Повтори, — угрожающе сказал Фрост, вытаскивая уродливый пистолет. — Мы всегда можем договориться.

— Вы были плохими мальчиками, — ухмыльнулся Уиллоу. — Матушка вас отшлепает.

— Встать! — пистолет Фроста указал Кину вверх. — И *на выход*. Только без глупостей, пожалуйста.

Пока они двигались к двери, Мэтью оглядывался на Альбиона, но фигура в плаще, которая могла быть мстителем в маске, похоже, просто заказывала себе выпивку. Он так и не опустил свой капюшон, и нельзя было разглядеть даже цвет его волос.

Повинуясь импульсу, как только они достигли двери, Мэтью выкрикнул:

— Стивен!

Хозяин и несколько клиентов посмотрели вверх. Фигура в плаще не повернулась и не изменила своего положения.

— Вперед, — скомандовал Фрост, голос его звучал так, будто ему не хватает воздуха.

Когда они вышли на улицу Флинт и сделали несколько шагов вперед, обойдя двоих пьяниц, валяющихся на земле, Фрост тяжело и жутко закашлялся. В груди у него клокотали чудовищные хрипы. Дуло его пистолета все еще смотрело в спину Кина.

— Проклятье! — прохрипел он, мучительно скривившись от боли. — Скажи им, Уиллоу!

— Вот, как обстоят дела, — сказал второй человек с оружием. — Матушка хочет тебя живым, Корбетт. Так что, если ты дернешься, мы вышибем Рори мозги. Кин, если ты попытаешься убежать, мы вышибем тебе мозги. Любая глупость будет тебе твоей башки стоить. Понятно?

— Похоже, мне вышибут мозги и так, и так, тогда какая разница?

— Разница в том, что… Боже, я не могу дышать! Этот урод и чертов стул… чтоб его! Надо было ему башку снести, — он мучительно застонал, хватая ртом воздух. — Объясни им все, Уиллоу.

— Ты можешь дожить до завтра и встретить рассвет, если будешь вести себя хорошо, — послушно сказал Уиллоу. — Чего лучше лишиться, жизни или левой руки? Чего-то одного ты лишишься в любом случае. Выбор за тобой.

Мэтью знал, что они бросают Рори кость надежды, а также он знал Матушку Диар и натуру других людей Фэлла. Уиллоу просто не говорит, что они *начнут* с левой руки. Скорее всего, используют каленое железо и прижгут рану, чтобы он прожил дольше. А где-то часов в шесть утра отрежут ему ступни…

Они начали подниматься по улице Флинт.

— Направо, — скомандовал Фрост. Они шли в непроходимой стене тумана.

— Просто идите. Без глупостей, — предупредил Уиллоу.

А был другой выход? У Мэтью был короткий импульс сбежать, отвлечь на себя внимание, но он понимал, что вторая пуля точно достанется Кину при первой же попытке. И он полагал, что Уиллоу будет стрелять не так, чтобы убить, а так, чтобы его жертве предстояла мучительная ночь перед смертью. И все же, Матушка Диар явно не собирается быть нежной — она яростно разорвет Рори на куски после такой выходки. Так или иначе, как ни посмотри на эту картину, исход ждал плачевный.

Через несколько шагов Фросту снова пришлось остановиться. На него напал мучительный приступ кашля, заставив отвести пистолет о головы Кина и согнуться от боли, однако пистолет Уиллоу предупредительно поднялся. Фрост кашлял мучительно и надсадно, а примерно секунд через восемь сплюнул кровь на камни, после чего закашлялся снова.

— Аххххх! Ч-черт! — с трудом выдохнул Фрост, когда снова сумел говорить. — Этот ублюдок… как же больно в груди. Уиллоу…

— По-моему, вам нужен врач, — сказал Кин. И это была не та вещь, которую следовало произносить, потому что лицо Фроста вдруг словно одичало, выражение его исказилось и резко сменилось, сделав его похожим на бешеного палача. В свете фонаря Мэтью заметил, что губы Фроста все испачканы кровью.

Два пистолета теперь были направлены в голову Рори.

— Стоит убить тебя здесь и сейчас, ты, низкий… а! Уиллоу, давай ты… — Фрост снова задохнулся.

— Низкий… предательский сукин сын, — Уиллоу умело подобрал слова, чтобы передать настроение своего напарника.

— *Пошевеливайтесь!* — отчаянно скомандовал Фрост.

Мэтью и Рори подчинились и снова пошли вперед под прицелами пистолетов.

Вот теперь Мэтью рад был бы встретить случайный дверной

проем, возникший из тумана, нищего, проститутку — любое создание ночи, которое могло бы предоставить хоть мизерный шанс убежать из этого каравана проклятых. Молодой человек подумал, что, возможно, мог бы перехватить руку Фроста, если бы Рори позаботился о Уиллоу. Но сейчас, пока они шли под прицелом, любое движение могло бы спровоцировать выстрел. Могла помочь только *случайность*, которая, как назло, *не случалась*: даже пьяницы, шедшие по улице, направились в другую сторону.

Фросту пришлось остановиться из-за нового приступа кашля, и Мэтью подумал, что сейчас подходящий момент, но спина Рори все еще была под прицелом, поэтому эту героическую идею развеяло по ветру. Они продолжили идти, когда Фрост пришел в себя. Мэтью задумался, как он станет разговаривать с Матушкой Диар. Как она решит отомстить? Впрочем, будет время подумать об этом, когда ему будут ломать одну кость за другой — за людьми Фэлла такое дело не станет. Так или иначе, каждый шаг приближал к могиле.

Свет фонаря сверкнул в тумане впереди. Фигура подходила все ближе.

— Продолжайте идти! — сказал Фрост, хотя голос его почти не слушался.

Мэтью услышал звук пьяного смеха и невнятное бормотание. Человек, который подходил к ним в тумане, шатался из стороны в сторону. Он, похоже, смеялся и разговаривал сам с собой, и когда он почти поравнялся с незнакомой ему компанией, Мэтью подумал: что если схватить этого человека и толкнуть его на Фроста? Не придется ли случайному прохожему расплатиться за это жизнью?

Он вдруг понял, что фигура незнакомца облачена в плащ с капюшоном.

— Простите, простите, простите, — произнес мужчина, голос его был приглушенным и сбивчивым. Прохожий споткнулся, начал заваливаться в сторону Фроста, тот выругался и поднял фонарь, тут же обнаружив перед собой под капюшоном ночного незнакомца позолоченную маску Альбиона, который, не теряя времени, нанес Фросту удар по лицу его же фонарем, а второй рукой уже извлекал меч из-под своего черного плаща.

Слишком много всего случилось за один короткий миг.

Фрост закричал, лицо его окрасилось кровью, и он упал на спину. Мэтью замахнулся прямо в голову Уиллу, но промахнулся, потому что тот уже двинулся, подняв пистолет и прицелившись в Альбиона. Рори попятился, опасаясь меча мстителя в маске не меньше, чем и его самого — которого он считал сумасшедшим

убийцей. Пистолет Уиллоу выстрелил, подняв облако сизого дыма, но рука, держащая его, была уже наполовину отсечена клинком Альбиона, и пуля срикошетила от мостовой. Альбион не терял времени и провел вторую атаку, нанеся рубящий удар на уровне глаз Уиллоу. Голова того запрокинулась, и следующее движение мстителя в маске перехватило противнику горло. Его по инерции развернуло и пронесло мимо Рори кровавым фонтаном.

Прозвучал еще один выстрел, поднявший облако дыма Мэтью услышал, что Альбион издал сдавленный хрип, рука в перчатке тут же ухватилась за левый бок. Фрост лежал на земле, привалившись спиной к стене, глаза его налились кровью, но глаз его пистолета видел все отчетливо и был достаточно меток. Мэтью ударом ноги выбил пистолет из рук Фроста, отбросил его в сторону, хотя и понимал, что опоздал: теперь его можно было использовать только в качестве дубинки. Затем его оттолкнуло в сторону движение Альбиона — на удивление сильное — который направил свой меч прямо в голову Фросту. Лезвие пробило треуголку и через череп вошло прямо в мозг, серое вещество потекло через уши, как если бы ему на голову вылили чашу с заплесневелой овсянкой.

Альбион потянул меч, чтобы вытащить, но клинок засел глубоко, а силы мстителя в маске стремительно убывали. В тумане послышались голоса. Звук одного выстрела мог бы сойти за пьяный несчастный случай, а вот два уже явно наводили на мысль о перестрелке. Альбион отпустил свой меч. Позолоченная маска повернулась к Мэтью и всего на секунду остановила на нем свой взгляд, а затем Альбион качнулся и скользнул в туман, все еще придерживая свою рану.

Голоса приближались. Мэтью заметил, что фонарь Уиллоу раскололся на куски, но вот фонарь Фроста лежал на земле и был еще цел. Молодой человек поднял выживший источник света, поставил ногу на грязный череп Фроста и извлек меч. Затем обратился к Рори:

— Давай! — ему пришлось протянуть Кину руку, чтобы заставить его вернуться в реальность. — Следуй за мной! — выкрикнул Мэтью и помчался в том направлении, в котором скрылся Альбион. Он не оглядывался, чтобы удостовериться, идет за ним Рори или нет: времени было мало.

На земле мелькали кровавые следы. Примерно через полквартала кровавая дорожка подсказала, что Альбион пересек улицу. Мэтью проследил глазами, куда тянется след.

Недалеко впереди кровь уходила в дверной проем лавки кредитора.

Там, на земле, прислонившись спиной к стене и подтянув к себе колени, находился Альбион. Он дышал. Прерывисто и тяжело, но дышал. Маска криво съехала под капюшоном.

— Он тяжело ранен, — сказал Рори, стоящий за спиной Мэтью, и неожиданный возглас заставил молодого человека почти подпрыгнуть.

— Подержи это, — Мэтью отдал ему окровавленный меч, и это был редкий случай, когда клинок был взят с *такой* неохотой.

Мэтью опустился на колени. Он увидел, что глаза под съехавшей маской были закрыты. Рана кровоточила, кровь сильно лилась сквозь пальцы в перчатках.

Молодой человек протянул руку к подбородку этого человека, нашел край маски, сияющей золотой фабричной краской, и потянул за искусственную бороду.

Перед ним было лицо Альбиона.

Перед ним было лицо судьи Уильяма Атертона Арчера.

— Ты его знаешь? — спросил Рори, когда Мэтью ошеломленно ахнул.

— Да, — сумел ответить молодой человек, хотя все еще с трудом верил в реальность происходящего. Но вся эта кровь… пуля, похоже, задела какой-то важный орган. — Нужно отвести его к доктору, — качнул головой Мэтью. — Где-то… — он беспомощно посмотрел на Рори. — *Где?*

— Я не знаю, я не могу… погоди… погоди. Больница на Кейбл-Стрит! Это недалеко отсюда, в паре кварталов.

Веки Арчера задрожали и приподнялись. Раненый уставился на Мэтью, забрал маску из его рук и убрал в карман своего плаща.

— Мы собираемся отвести вас в больницу на Кейбл-Стрит, — сказал Мэтью. — Вы меня слышите?

Арчер постарался заговорить, но не смог. Он кивнул. Небольшая струйка крови потекла из угла его рта.

— Помоги мне поднять его на ноги, — сказал Мэтью. И пока Рори помогал ему поднять раненого Альбиона, Мэтью размышлял, надеясь, что им удастся донести этого человека до больницы до того, как жизнь покинет его, потому что тогда навсегда испарится и ответ на вопрос, почему уважаемый лондонский судья из Олд-Бейли превратился в почти маниакального мстителя в маске.

Они начали пробираться сквозь туман, пока духи Лондона несли свой дозор.

No 3

Глава двадцать пятая

Высокий, статный, но очень уставший дежурный хирург шел по коридору в сторону небольшой комнаты, освещенной фонарями, где сидели Мэтью и Рори на скамейке у высокого стола рядом со стойкой столом медсестры в приемном покое. На нем были белые чулки, коричневые брюки и пожелтевшая от времени рубашка, которая раньше была белой. Рукава были закатаны, руки только что вымыты от крови, хотя напоминанием о работе служили кровавые следы, оставшиеся под ногтями.

Не обратив внимания на женщину с пустым взглядом, чьего мужа принесли сюда вчера ночью с ножевым ранением в правое плечо, потому что *этот* человек был вне опасности, врач прошел дальше. Точно также он проигнорировал двоих одетых в рваное тряпье девиц, которые принесли сюда третью после того, как ее компаньон впал в «бархатное» безумие и напал на кирпичную стену, раскрошив кости обоих своих кулаков. Этот человек также выжил — кожаные ремни на кровати помогут ему быстрее прийти в чувства — и девица уже очнулась от обморока.

Хирург шел, скрипя половицами, что были перепачканы кровью бессчетного количество жертв насилия Уайтчепела. Он и три других врача, которые работали здесь, повидали все — от спиц, засевших в лице живых людей до жертв сожжения кислотой. Но никогда — *никогда* — они не ожидали увидеть то, что увидели здесь два часа назад, когда медсестра привезла человека с огнестрельным ранением и вызвала доктора, оторвав его от зашивания легкой ножевой раны.

— Джентльмены, — сказал он, останавливаясь перед Мэтью и Рори. — Я доктор Роберт Харди. А вы?

Они представились. Мэтью отметил, что Рори называет себя «мистер Рори Кин».

— Хорошо. А теперь расскажите мне, почему, во имя Господа, Уильям Атертон Арчер лежит с пулевым ранением и почти при смерти в этой больнице?

Это было изнурительное и отчаянное путешествие от места, где они нашли Альбиона до дверей Государственного Госпиталя на Кейбл-Стрит. Изнурительное, потому что ноги Альбиона отказали очень скоро после того, как ему помогли подняться, он потерял сознание, и пришлось нести его полный вес на своих плечах. Отчаянное, потому что, если бы Мэтью и Рори не поспешили, раненый точно бы умер. Мэтью сказал Рори выбросить меч, и тот послушался, бросив его в сточную канаву,

которая встретилась им по дороге. Когда они доставили раненого в госпиталь, Мэтью увидел, что лицо судьи от потери крови стало бледным, как известь. Медсестры быстро погрузили Арчера на небольшую каталку на колесах, разорвали его рубашку, чтобы обеспечить доступ к ране и повезли его в операционную. Они работали молча и эффективно — не было времени задавать ненужные вопросы. Они понимали — ведь уже так много раз видели пулевые раны — что секунда или две промедления могут стоить человеку жизни. Но теперь нужно было выяснить, кто стрелял. Мэтью понял, что здесь тоже, наверняка было оружие — в конце концов, больница располагалась в опасном районе. Возможно, одно хранится за столом медсестры, и крепкие женщины знают, что их рука не дрогнет, если понадобится его использовать. Последствия этого были для них делом, которым они занимались денно, а в особенности, нощно.

— *Говорите,* — строго приказал доктор Харди.

Мэтью заговорил.

— Сэр, откуда вы знаете судью Арчера?

— Он здесь очень знаменит. Судья Арчер повлиял на то, что этой больнице начали платить пособия. Теперь, когда я вам ответил, задаю свой вопрос. Снова. Как так получилось, что его ранили? И что, во имя всего святого, он делал в Уайтчепеле в такой час?

Мэтью почувствовал, как маска Альбиона, которую он предусмотрительно перепрятал в карман своего плаща, начинает раскаляться. Он понимал, что все, что может быть сказано сейчас, приведет к печальным последствиям, поэтому, не получив предварительных правильных ответов от Арчера, самым мудрым ответом счел следующее:

— Вам лучше спросить об этом его самого, когда он очнется.

— *Если* он очнется, — поправил доктор. — Стоит ли мне послать за констеблем, чтобы он вытряс из вас информацию?

Рори хохотнул.

— Этого не будет, док! Вы можете найти чертову Королеву в Уайтчепеле раньше, чем встретите тут хоть одного констебля, и вы это прекрасно знаете.

Харди посмотрел на Рори испепеляющим взглядом, а затем — на его татуированную руку.

— Вы из Черноглазого Семейства, как я вижу. В этом есть своя ирония.

— Какая? — спросил Мэтью.

— Один из ваших послужил причиной гибели жены судьи Арчера. Вы, наверное, это знаете.

Все чувства Мэтью мгновенно обострились.

— Его *жены?* — он поймал себя на том, что голос у него предательски дрогнул, и постарался взять себя в руки. — Нет, я этого не знал. Как это случилось?

Харди несколько секунд изучал его взглядом. Затем кивнул:

— Вы не из Семейства. У вас есть метка, да, но… — он прищурился. — Вы говорите, ваше имя *Мэтью Корбетт*?

— Да.

— Я слышал это имя совсем недавно… где-то.

Плимутский Монстр атакует снова, беспокойно подумал Мэтью. Он понял, кто-то из медсестер, если не весь персонал этой больницы, мог видеть тот самый выпуск «Булавки». Но, несмотря на это, он решил позволить своему любопытству пробить себе путь вперед.

— Я бы хотел узнать, что произошло с женой судьи Арчера.

— Зачем? Что *вам* до этого?

— Док, — обратился Рори с едва ощутимым жаром в голосе. — Мы принесли этого человека сюда, так? Мы могли оставить его на улице истекать кровью. Вместо этого мы сидим здесь уже два часа и дожидаемся вестей о его состоянии. Разве не стоит с этим считаться?

— Это заставляет задуматься, *зачем вам это*, еще сильнее.

— Вы говорите, его женушку убил кто-то из Семейства? Так?

— Я не сказал «*убил*». Я сказал «*послужил причиной смерти*».

— Это не одно и то же?

Харди снова повернулся к Мэтью.

— Его жена — Хелен — принимала активное участие в становлении этой больницы. Она жертвовала своим временем и помогала при любой возможности, и не только нашей больнице. Однажды она прибыла в своем экипаже, чтобы привезти новых добровольцев для работы, и по дороге обратно погибла, потому что на нее упал человек, выпрыгнувший из окна.

У Мэтью пересохло во рту. Ему показалось, что кто-то отвесил ему звонкую оплеуху, лицо его напряглось.

— Вы этого не знали? — хмыкнул Харди, обратившись к ошеломленному молодому человеку. — Как долго вы бегаете с этими детьми по улицам, считая себя взрослым?

— *Джош Оукли,* — произнес Рори, хотя он, скорее, выдохнул это имя, настолько тихим был его голос.

— Да, так его звали, — продолжил Харди. — Мы выяснили это у хозяина таверны неподалеку. Татуировка на его правой руке помогла опознать в нем одного из вашей банды. Мы также выяснили, расспросив людей в округе, что у него была болезненная зависимость от «Белого Бархата», который, конечно, является не единственным бичом Уайтчепела, но одним из

основных.

— Продолжайте, прошу, — подтолкнул Мэтью. — Насчет Хелен Арчер. Она не погибла тогда, на улице?

— Слава Богу, нет. Я говорю это, но… на самом деле, *лучше бы* она скончалась тогда, на улице. Нет… ее привезли в больницу со сломанной шеей, сломанной спиной и еще несколькими внутренними травмами. Мы хотели переместить ее в лучшую оборудованную палату, но она испытывала чудовищные боли, и перемещать ее было нельзя… да и… по правде говоря, наша больница ничего не могла для нее сделать, нужного оборудования у нас нет, — глаза Харди похолодели. — Эта история заставляет вас *гордиться* собой?

— Не гордиться, — ответил Мэтью. — Это заставляет нас сожалеть.

— Поздновато для этого, молодой человек. Хелен задержалась здесь примерно на две недели. Со временем болеутоляющие препараты перестали давать нужный эффект, поэтому нам пришлось постоянно усыплять ее. Божьей милостью, — он произнес это с нескрываемым сарказмом. — Она скончалась во сне. Теперь судья Арчер появляется здесь после полуночи с огнестрельным ранением, которое *все еще* может его убить. Так в чем дело?

— Не могу сказать наверняка, — задумчиво и, по большей части, для себя самого, ответил Мэтью. — Но в чем бы ни было дело, оно смертельное.

— Я считаю, что вам двоим пора уходить, — сказал доктор. — Это место и так тяжело поддерживать в чистоте.

— Мы не обязаны сидеть здесь и выслушивать эти гребаные *оскорбления!* — Рори немедленно поднялся на ноги. — Идем, Мэтью, давай соскребем местное дерьмо с наших ботинок.

Он сделал два шага к двери, а затем остановился, осознав, что его брат по метке все еще сидит на месте.

— Пошли! Нас здесь видеть не желают!

— Иди.

— *Что*? Ты собираешься остаться и продолжать это выслушивать?

— Да, — ответил Мэтью твердо.

— Я *хочу*, чтобы вы ушли, — настоятельно произнес Харди.

Мэтью посмотрел прямо в глаза доктору.

— Тогда вам придется вышвырнуть меня отсюда. Я намереваюсь остаться здесь и дождаться, пока судья Арчер придет в себя.

— Точно не в ближайшие часы. Если он вообще очнется.

— Тогда мне придется много часов просидеть прямо здесь.

— *Зачем?* — всплеснул руками Харди. — Хорошо, вы принесли его сюда! Вы можете позволить себе по этому поводу лишний стаканчик рома… или «Бархата», если вы достаточно глупы, — он на несколько мгновений замолчал, изучая Мэтью с ног до головы, а затем заключил. — Нет, все-таки вы не из Семейства. Вы изображаете одного из них. Кто вы на самом деле?

Мэтью сказал:

— Я человек, который будет сидеть здесь, пока судья Арчер не придет в себя. И я могу сказать вам, что он *захочет* меня увидеть.

— С чего бы ему этого хотеть? Поблагодарить вас? Вы ожидаете вознаграждения?

— Только если оно будет выражаться в приватном разговоре, — качнул головой Мэтью, понимая, что настоящей наградой для него будут ответы на мучившие его вопросы.

Харди отвернулся от него и отошел.

— А я отправляю свою задницу спать, — сказал Рори. — Я не собираюсь проводить больше ни минуты на этой чертовой скамейке!

— Тебе следует вернуться домой, — посоветовал Мэтью, если, конечно, можно назвать домом комнату на грязном складе, являющуюся настоящей обителью теневого бизнеса и коррупции, отравившей огромное множество сердец в Лондоне.

— Да, так и сделаю, — но Рори не двинулся ближе к двери. Он огляделся, увидел женщину с опустевшим взглядом, которая почти спала на ходу, и двух девиц, дожидающихся на точно такой же скамейке, как Мэтью, своей подруги. Они, похоже, планировали выйти отсюда только вместе. Поэтому, куда бы Рори ни намеревался отправить свою задницу несколько секунд назад, сейчас он опустил ее обратно на скамью рядом с Мэтью.

— Можешь себе представить? — тихо спросил он. — Джош вывалился из окна прямо на жену *судьи*! И этот самый судья превратился в Альбиона? Почему ты этого доку не рассказал?

— Я хочу сначала услышать, что скажет Арчер.

— У меня сейчас мозг треснет! Судья — гребаный *убийца*? И я помог ему, зная, что именно он перерезал Бену глотку! Не говоря уже о том, что тебя он упек в Ньюгейт, а потом явился с дружеским *визитом*! А потом… — Рори потряс головой, приходя в себя. Для него это было уже чересчур. — Что ты обо всем этом думаешь?

— Я думаю, что это… загадка. Паззл. И много кусочков отсутствуют. Я думаю, только Арчер может их предоставить.

— Если он умрет, тебе эти кусочки не получить.

— Я знаю. Поэтому единственное, за что мы оба можем быть

благодарны, так это за то, что он защитил нас сегодня ночью. А, если быть точнее, спас наши жизни.

— Моя жизнь была спасена чокнутым судьей. Кто бы мог подумать! — затем Рори пожал плечами, опустил голову и на некоторое время замолчал, хотя Мэтью знал, что сейчас Кин снова и снова возвращается к пережитому в своем перегруженном информацией мозгу. Вся эта история была связана с Оукли, Хелен Арчер, пагубным влиянием «Бархата», прошлым логовом Семейства… а еще — очень отдаленно — с Матушкой Диар.

— Она не перестанет искать тебя, — сказал Рори, вторя его мыслям. — Ну, знаешь… *Она.*

— Да.

— Она узнает про Фроста и Уиллоу. Узнает, что случилось с ними этой ночью. И потом она пошлет других своих псов — только в большем количестве, — он поднял глаза на Мэтью. — Получается, Семейство и впрямь работает на Профессора Фэлла? И мы делаем это уже не первый год?

— С тех пор, как была заключена сделка с Миком Эбернати.

— Годы… — пробормотал Рори. — Ты думаешь, Альбион убил Бена из-за того, что произошло с его женой? То есть… он, будучи судьей и все такое… и зная людей… он ведь мог выяснить, что некоторые наши иногда торчат в «Трех Сестрах» и, наверное, изображая завсегдатая, он мог заметить метки на руках Бена и Уилла.

— Возможно, но это не объясняет, почему он убил еще пятерых. Они ведь не были членами Семейства, верно?

— Верно.

— Тогда, я думаю, должно быть что-то еще. Возможно, смерть его жены как-то с этим связана, но, мне кажется, это не основная часть истории. Мы должны просто ждать и надеяться, что Арчер очнется.

— Этот «Белый Бархат», - с досадой произнес Рори. — Он причинил множеству людей ужасный вред…

— Да.

— Но как я могу *пресечь* это, Мэтью? — лицо Кина исказилось, словно от боли. — Если бы я это сделал, люди Фэлла убили бы каждого из нас. И теперь… я не уверен, что Уилл или Джон… или кто-то другой, кто хочет занять мое место, позволит мне это сделать.

— Наверное, не позволят, — согласился Мэтью. Было ясно, что у Рори выбор был невелик, если только он не сбросит с себя свои узы Семейства и просто не уйдет. Но куда ему идти? Да и «Бархат» по-прежнему будет распространяться по городу через таверны, неважно, с помощью Семейства или без нее. Спрос и

власть, которая этот спрос культивирует, слишком велики.

Они некоторое время просидели молча. В течение следующего часа они наблюдали трагический парад людей, которым помогали идти, которых приносили, а в некоторых случаях даже тащили силком. Одного такого приволокли две женщины. Хорошо одетый джентльмен вошел, шатаясь от множества полученных ножевых ран. Кровь текла через его пальцы, дополняя мрачный этюд на половицах. Три молодых человека принесли четвертого, голова которого была разбита до костей, и выглядел несчастный так, как будто жизнь уже выскользнула из его тела. Худая женщина в рваном платье вошла тихо под руку с крепко сбитым мужчиной, но как только доктор вышел поговорить с ними, она вдруг взбушевалась и напала на врача, обеими руками схватив ее за горло. Медсестрам пришлось применить дубинку, чтобы оттащить ее. Удар был нанесен с такой силой, что запросто мог раскроить череп.

От доктора Харди не было никаких вестей, хотя несколько раз он появлялся в приемном покое, но раз за разом беседовал с кем-то другим: с пациентами или их сопровождающими. Он не удостоил ни Мэтью, ни Рори даже взглядом, и Мэтью решил, что никаких изменений в состоянии Арчера не произошло.

В конце концов, когда на улице начало светать, Рори поднялся и потянулся — так самозабвенно, что у него хрустнули кости.

— Я ничем не могу тут помочь, — сказал он. — Лучше я вернусь к остальным, им следует знать, что произошло.

— Я должен остаться, — упорствовал Мэтью.

— Понятно. Слушай… уже почти день… так что, если ты захочешь дальше идти своей дорогой, я пойму. Но если нет… ты найдешь дорогу к складу?

Мэтью кивнул.

— Это недалеко. Как я и сказал, можешь делать, что хочешь, это твое решение, но если тебе нужно место, где ты можешь осесть, ты всегда можешь вернуться. Ты один из нас.

— Даже не показав себя в битве? — хмыкнул Мэтью.

— Я считаю, что у нас было достаточно битв. Не переживай по этому поводу. Если ты проведешь в Семействе какое-то время, у тебя еще будет шанс показать себя.

— Ты не переживаешь, что Матушка Диар постучится в твою дверь, чтобы выяснить, что произошло с ее людьми?

— Не-е. Фрост и Уиллоу больше ничего не скажут. Да, она пришлет новых людей, но ничего не сможет выяснить, это ведь произошло снаружи, и я чист. Так что… как бы то ни было, решай, что ты будешь делать.

— Спасибо, — кивнул Мэтью.

— Не за что, — он начал двигаться к выходу, а затем остановился, словно было еще что-то, требующее обсуждения.

— Мэтью, — обратился он. — Этот док был прав. У тебя есть метка, но твое место не здесь. Ты летаешь выше, чем я. И должен улететь, пока Уайтчепел не заставил тебя упасть.

Мэтью кивнул в ответ, но ничего не смог добавить к тому, что выразил Рори, потому что это целиком и полностью обрисовывало правду.

— Вот и ладненько, — хмыкнул Кин, снова отворачиваясь от Мэтью, после чего он прошел по запачканным кровью половицам и вышел на Кейбл-Стрит.

Мрачный дневной свет начал понемногу проникать в окна приемного покоя. В провалах окон с их неокрашенными рамами начали мелькать вагоны и телеги, пробивающие себе путь и отсекающие утренние щупальца тумана. Мэтью подумал, неужели солнце уже никогда не будет освещать Лондон? Его рука накрыла карман плаща, в котором лежала маска Альбиона. Он желал рассмотреть ее более подробно, чтобы выяснить, как она была сделана, но здесь было явно неподходящее место. Он поймал на себе взгляд одной из мощных медсестер с квадратным лицом. Молодой человек не называл свое имя никому, кроме доктора Харди, и искренне надеялся, что тот не сообщил его никому из читателей «Булавки», потому что эта ночная драма о жизни и смерти здесь станет очередной вехой в истории Плимутского Монстра.

Он не знал, читала ли медсестра «Булавку». Он улыбнулся ей и быстро отвел взгляд, но тут же увидел, как другая медсестра наклонилась к ней и что-то зашептала ей на ухо. Что ж, он, так или иначе, не собирался уходить. *Приводите констеблей, если надо*, сказал он ей мысленно, *Альбион лежит прямо здесь, так что приводите хоть самого Дьявола, я — остаюсь.*

Он прислонился спиной к стене и прикрыл глаза. На все вопросы, которые вихрем кружили в его разуме, у него не было ответов, они лишь унесли его в беспокойную полудрему, и он провалился в нее, вскоре ускользнув в глубокий сон без сновидений.

Его разбудили, казалось, через секунду после того, как он успел закрыть глаза. Кто-то потряс его за плечо. Молодой человек встряхнулся и посмотрел прямо в лицо человеку, но увидел перед собой не доктора Харди, а другого мужчину — старше на вид, чем Харди, с белыми волосами, схваченными сзади лентой, и в очках.

— Корбетт? — спросил незнакомец.

— Да, — Мэтью понял, что свет, пробивающийся из окна,

усилился, хотя вряд ли его когда-нибудь можно будет назвать ярким, но лица людей при нем было разглядывать легче. К слову, люди, находящиеся в приемном покое, сменились. — В чем дело?

— Судья Арчер очнулся и просит вас прийти.

Мэтью в секунду встал на ноги, хотя все еще держался на них немного нетвердо спросонья. Он взял свой плащ и треуголку и последовал за незнакомцем в палату, находящуюся дальше по коридору. Молодой человек заметил, что пока они шли мимо дверей палат, там не показалось ни одной свободной койки. Слава Богу, большинство пациентов спали, но некоторые бодрствовали или были в бреду, либо боролись со сдерживающими их кожаными ремнями. Одна женщина всхлипывала и рыдала, пока мальчик, стоящий рядом с койкой, держал ее за руку. Запахи болезни и безумия распространялись здесь со скоростью плесени, горько-сладкий аромат мыла и медикаментов никак его не маскировал, разве что благодаря ему создавалась иллюзия, что пол здесь содержат в чистоте. Медсестры двигались туда-сюда, чтобы оказывать помощь, но при этом впечатление, что это место — филиал Ада, не оставляло Мэтью.

— Мы поместили его в одиночную палату, — объяснил беловолосый человек — очевидно, тоже доктор, подумал Мэтью. Он остановился, быстро перекинулся парой слов с медсестрой, проверил что-то, что-то черкнул на протянутом ему листе бумаги и продолжил вести нетерпеливого посетителя к нужной двери по короткому коридору, где находилось всего две комнаты с каждой стороны. Доктор подался вперед к ближайшей двери, а затем посмотрел направо.

— Ваше имя — первое, которое он назвал. Он хочет с вами поговорить. Но я могу дать вам лишь несколько минут.

— Я понимаю.

— Ох… — выдохнул мужчина, прежде чем удалиться. — Доктор Харди сказал мне отправить посыльного в Олд-Бейли, чтобы объяснить ситуацию.

— Ясно, — Мэтью все еще чувствовал себя не до конца проснувшимся. — А который сейчас час?

Доктор достал очень хорошие и дорогие карманные часы.

— Без шестнадцати минут девять. Я пришлю медсестру, чтобы проинформировать вас, что вам пора идти. Судья Арчер все еще в тяжелом состоянии.

— Хорошо, — Мэтью вошел в палату, доктор ретировался.

На кровати с белоснежным бельем и подоткнутыми простынями лежал Вешающий Судья собственной персоной — белый, почти серый от потери крови, дыхание его было

прерывистым, глаза закрытыми.

Мэтью подождал несколько секунд, но глаза не открылись. Он обратился:

— Я здесь, сэр.

Веки задрожали, и с огромным усилием попытались подняться, но, пожалуй, для них это было слишком тяжело. Действие обезболивающих, должно быть, было слишком сильным. Еще одним усилием воли судья попытался поднять веки, но они остались опущенными.

— *Мистер Корбетт,* — прошептал он хрупким, почти призрачным голосом, который вряд ли бы кто-то мог отождествить со строгим Уильямом Атертоном Арчером. — *Прошу… ближе…* — выдохнул он.

Мэтью сделал несколько шагов вперед и оказался прямо у кровати. Арчер уставился на него, явно собирая остатки сил, чтобы заговорить снова. В ответ на молчаливую борьбу судьи Мэтью сказал:

— Я благодарю вас за то, что спасли меня и моего друга сегодня.

— Дурак… — прошептал судья.

— Сэр?

— Не ты. Этот… дурак… который кашлял. Мог бы потеряться… в тумане, но…

— А, я полагаю, вы хотите сказать, что видели, как они забрали нас из «Трех Сестер» и последовали за нами, отыскав его по звуку кашля?

— Конечно. Неплохо я… выпрыгнул… да?

— Я бы удивился, если бы вы не смогли. Альбион ведь может проходить сквозь стены, как призрак, так что выпрыгивать, как черт из табакерки, из тумана — это еще не самый большой фокус, на который вы способны, — Мэтью опасался, что силы вот-вот оставят судью, и он снова потеряет сознание. — У меня маска Альбиона, — сказал он. — Вы скажете мне, к чему это все?

— Профессор Фэлл, — ответил Арчер, все еще дрожащим шепотом. — «Белый Бархат»… Убийца… и отчаяние. *Коррупция…* повсюду. Во всем, что мне дорого.

— Я думал, вы думаете, что Фэлл — это просто…

— *Не перебивайте,* — был ответ, высказанный с удивительной силой. Затем он заговорил тише. — Кто были… эти люди, которых… Альбион отправил в могилы?

— Люди Фэлла, работающие на женщину, которая называет себя Матушкой Диар. Она…

— Да, да. Знаю это… одиозное имя. Видите? Мой план… мой план *сработал*.

— Ваш план, сэр? В чем он заключается?

— Мой план, — сказал судья. — Вывести Фэлла из тени… используя вас как приманку.

— *Что?*

— Все это… чтобы вывести Фэлла… или его людей… чтобы они показались. Дать им знать, что вы… давний враг… который обрушил его замок… теперь здесь, в Лондоне… и ваш единственный друг… это Альбион… убийца его приспешников.

Мэтью отчего-то вспомнил, что охранник по имени Боудри в Ньюгейте называл его «рыбьей наживкой». А ведь ею я и был, подумал он. Похоже, Боудри не ошибся и действительно держал на крючке наживку, цену которой и представить себе не мог.

— Я знал… рано или поздно… они найдут вас. Но я надеялся… Мэтью… что я буду рядом, когда… они покажутся. Я боюсь, мой план… успешен не до конца.

— Все хорошо, отец, — произнес кто-то за спиной Мэтью. — Даст Бог, он все еще удастся.

Мэтью был поражен, но он уже знал, кого увидит, когда обернется.

История в «Булавке», проданная человеком, знавшим историю Джошуа Оукли. Человеком, который знает входы и выходы Ньюгейта, все еще оставался судья Арчер, но был и еще один участник этой истории, трагически потерявший дорогого ему человека из-за «Белого Бархата».

— Доброго дня, Стивен, — сказал Мэтью молодому человеку с соломенными волосами и в очках в квадратной оправе.

— И вам, сэр, — ответил Стивен почтительно склонив голову.

Глава двадцать шестая

— Самое время, — твердо сказал Мэтью. — Для ответов.

— Согласен, — кивнул Стивен.

— Всю историю, пожалуйста. Ничего не упускайте.

— *Всю историю,* — повторил Стивен с нескрываемым сарказмом. Он уделил секунду тому, чтобы рассмотреть полную ложку сахара, которую он положил в свою чашку с кофе. — Историю, которая включает почти две жизни, если не две *сотни* жизней, непросто рассказать за чашечкой кофе.

Мэтью решил выпить свой напиток крепким и несладким. Он сделал глоток, и приятная горечь потекла по его горлу — вот, что ему было по-настоящему нужно.

Они сидели в маленькой кофейне под названием «Восходящее Солнце» на улице в квартале к юго-западу от госпиталя на Кейбл-Стрит. Это было ближайшее место, где они могли гарантированно поговорить в приватной обстановке. Стены из коричневого кирпича шли заметными трещинами, да и чистота помещения оставляла желать лучшего, но кофе пах весьма пристойно, а столы были более-менее в приемлемом состоянии, чтобы выполнять свою основную функцию — позволять посетителям провести время с комфортом.

Около получаса прошло с того момента, как судья Арчер позвал к себе Мэтью. Стивен подошел к своему отцу и обнял его, после чего они перекинулись несколькими словами — очень тихо, причем, дело, пожалуй, было не только в строгой секретности разговора, но и в том, что силы голоса судьи хватало лишь на то, чтобы выдыхать слова еле слышным шепотом. Медсестра пришла, чтобы сказать посетителям, что пришло время уходить, и теперь, после того, как Мэтью смыл кровь со своих рук в лошадином корыте, они со Стивеном направились для беседы в этот дом *Восходящего Солнца.*

— Должен сказать вам, — начал Стивен. — Что два человека из Нью-Йорка прибыли сюда в поисках вас. Их зовут Хадсон Грейтхауз и Берри Григсби. Они… — то, как Мэтью ахнул от неожиданности, заставило сделать небольшую паузу и лишь после нее продолжить. — Они остановились в Соумс-Инн на Флит-Стрит. Совсем рядом с печатной лавкой, где издается «Булавка», кстати.

— Я был там вчера, — Мэтью пришлось влить в себя сразу полчашки горячего кофе, потому что после полученных новостей руки у него задрожали, а по телу разлилась волна беспокойного

холода. Похоже, Хадсон ездил в Чарльз-Таун в попытке найти его и встретил того, кто дал необходимые сведения — возможно, Магнуса Малдуна. След неизбежно должен был привести его в Ротботтом. Воспоминания размывались в болезненное смазанное пятно, но приводили к одному выводу: Хадсон сумел проследить путь своего младшего товарища до борта «Странницы», потому что, так или иначе, он был очень умелым решателем проблем и решать их умел не только мускулами, но и разумом. Мэтью подумал, как кстати пришлась бы ему сейчас помощь Великого. Нужно явиться в Соумс-Инн, найти его и практически заорать ему на ухо, что…

С ним была Берри.

Проклятье! — подумал он со злобой. Получается, теперь в этом чертовом городе ему следует опасаться не только за свою шкуру, но и за эту авантюристку! Почему, во имя всего святого, она сюда отправилась?! Какого дьявола она не осталась в Нью-Йорке, где она…

А затем он понял, что она была здесь, разыскивая его вместе с Хадсоном, несмотря на все те ужасные вещи, которые он ей наговорил. Она была здесь, потому что отбросила все эти раздирающие душу слова прочь. Ее чувства к нему были сильнее, чем боль, которую он причинил ей, пытаясь защитить. И хотелось так много сказать об этом, но мысли путались, поэтому от осознания происходящего Мэтью снова почувствовал, как его охватывает нервная дрожь. *Она, должно быть, так сильно верит в меня,* подумал он. *Любит меня, невзирая на все, что я сделал, несмотря на всю ту ложь, и сейчас Хадсон, наверняка, заставил ее понять, почему это было именно ложью и почему к ней пришлось прибегнуть.*

И все же… она не должна быть здесь. Мэтью не мог отправиться к Хадсону за помощью. Не мог даже позволить Великому узнать, где его искать. Нет, сейчас это смертельная битва трех сторон: Мэтью Корбетта, Профессора Фэлла и Альбиона.

— Можете начинать, — сказал Мэтью, отдышавшись. — Когда сочтете нужным. Но, прошу, начните эту историю с начала.

— Вы уже осведомлены о начале, — ответил Стивен. И хотя он был моложе Мэтью, его глаза за линзами очков таили в себе темноту и опыт, взращивающийся на страданиях. — Она начинается вместе с Профессором Фэллом, — это было сказано сдержанным тоном, но для Мэтью оно несло в себе много больше. — Его преступления, его амбиции. Его желание уничтожать все, на что мой отец потратил жизнь, созидая и защищая. Фэлл может не понимать этого, но мой отец

действительно положил на это свою жизнь. Если Фэлла не остановить, он уничтожит саму суть Англии. Прямо сейчас он дергает за ниточки. Вы видите это, видите, как в ткань английской земли вплетается гнилая нить «Белого Бархата». И Вы уже видели такое раньше, я уверен, во время своих предыдущих встреч с ним.

— Я видел. Но, пожалуйста, расскажите мне вот, что: *почему* меня отправили в Ньюгейт?

— Чтобы защитить вас.

— *Защитить?!* Ха! Простите, если снова не сдержу смех.

— Подумайте, — спокойно сказал Стивен. — Что как главный клерк Олд-Бейли, я первым увидел письмо мистера Лиллехорна с просьбой о рассмотрении вашего дела судьей Гринвудом. Там же была указана и ваша связь с агентством «Герральд» в Нью-Йорке и ваш прошлый опыт с Фэллом, которым объяснялся печальный инцидент в море. Никогда — *никогда прежде* — мы не встречали никого, кто подбирался бы так близко к Профессору, как вы. Я немедленно отнес документ своему отцу, и он забрал дело. Очень быстро он понял, как только увидел вас, как можно вас — простите за это слово — *использовать*. Он встретился с судьей Гринвудом с намерением услышать вашу историю. Он знал, что Лиллехорн будет возражать, но авторитет моего отца был непререкаем.

— Вопрос, — перебил Мэтью. — В Олд-Бейли знают, что вы сын судьи Арчера?

— Нет. Меня скрыли от лишних глаз в чужой семье, с фальшивым именем и фальшивой историей. Он решил, что так будет лучше и безопаснее, независимо от того, сколько ему придется на это потратить и сколько тайных встреч провести — о нашем родстве не должно было быть известно никому. Мой отец всегда был скрытным человеком, и справедливость жила у него в крови, не так, как у других животных, зовущих себя социальными личностями. Также… мы знали, что за отцом наблюдают двое приспешников Фэлла. Был и третий, но кто-то убил его в сентябре.

— Не ваш отец?

— Нет. Мой отец давно пришел к выводу, что не стоит ставить насилие выше правосудия и разбирательства. Разоблачить коррупцию можно только законным путем. Так вот, насчет убийства: горло судьи по фамилии Фэллонсби было перерезано, а сам он был подвешен на флагштоке. Вся его семья была также…

— Убита, — Мэтью вспомнил рассказ Рори. — Я знаю эту историю. Фэллонсби был найден с перевернутым крестом на лбу?

— Верно. Он несколько лет был инструментом, с помощью которого Фэлл заминал невыгодные ему дела. У моего отца не было твердых доказательств этого, но… след вел к целой чаще адвокатов и включал в себя даже одного или двух крупных политиков. Мы оба вели это дело и пришли к выводу, что между Фэллонсби и Фэллом действительно была связь: этот судья был тем самым человеком, который выпускал нужных Профессору негодяев обратно на улицы.

— Вы не знаете, это Фэлл решил избавиться от Фэллонсби? Если так, то почему?

— Мы полагаем, — кивнул Стивен. — Что Фэлл к этому отношения не имел. Фэллонсби был ему важен и удобен. Кто бы ни убил Фэллонсби, это новый игрок на этой сцене и, очевидно, он чрезвычайно жесток… а также, очевидно, верит в Антихриста.

— Ах… — Мэтью неопределенно повел плечами. — Перерезать горло мышке, чтоб добраться до кошки.

— Простите?

— Похоже, этот новый игрок хочет привлечь внимание Фэлла не меньше, чем Альбион. Итак, теперь о Ньюгейте. *Почему*?

Стивен не смог сдержать легкую, злобную полуулыбку. Он сделал глоток кофе, чтобы прогнать ее с лица.

— Мой отец, — начал он, заглянув Мэтью в глаза. — Был обязан вас проверить с самого начала. Он рассказал мне, как остановился перед дверью перед тем, как войти в зал суда… он нервничал, хотя мой отец почти *никогда* не нервничает. Он сказал, что понятия не имел, как справляться с вами, не знал, что обнаружит, если подтолкнуть вас к самому краю. Он сказал… что если вы были бы недостаточно крепким, чтобы держать удар, который он собирается на вас обрушить, исход был бы для вас плачевным. Он боялся… действительно боялся, что этот шанс выманить Фэлла из его укрытия может оказаться иллюзией. Но… вы прошли испытание с честью, как я понимаю.

— Честь… — опустил голову Мэтью и тут же поднял ее, сверкнув глазами на своего собеседника. — Да мне чуть… флаг не приспустили там, в Ньюгейте! Думаю, вы прекрасно понимаете, *что* я имею в виду. Какого дьявола ваш отец поместил меня туда?

— И снова, чтобы проверить вас на прочность. Чтобы посмотреть, из чего вы сделаны. Так он мне сказал. Но он знал, что ему придется действовать быстро, потому что на новеньких там частенько покушаются в том самом смысле, в котором вы сказали. И если бы это случилось, то случилось бы обязательно первой же ночью в период между часом и тремя часами.

— О, так есть какая-то формула? — саркастически хмыкнул

Мэтью.

— Записи о нападениях на заключенных. Разумеется, сделанные со слов тех, кто выжил. Мы не варвары, Мэтью. Мы составляем эти записи, и стражам сказано делать обходы в определенное время, особенно, если прибывает — как они это там называют — новое топливо для печи.

— Да, — мрачно кивнул Мэтью. — Мою задницу на эту печь почти усадили и едва не поджарили.

— К несчастью, — продолжил Стивен. — Стражи не очень хорошо справляются с этим указанием, если их не подталкивать. Мой отец знал, что единственный способ защитить вас в Ньюгейте, это пробраться туда в первую ночь и до ужаса напугать всех там в один и тот же момент, подав знак, который, он надеялся, расценят как то, что Альбион покрывает вас.

— Это сработало достаточно эффективно, но как он с этим справился?

— Ну, — пожал плечами клерк. — С некоторых пор я немного тоньше телосложением, чем мой отец, поэтому в ту ночь эта роль выпала мне. Вы были помещены в Ньюгейт и еще по одной причине, и эта причина вот, в чем: в одной из клеток подземелья есть проход, которая ведет в подземные туннели под городом. Это не редкость — под городом много туннелей. Несколько лет назад одному из заключенных удалось вытащить камень и сбежать из Ньюгейта. Были направлены деньги, на которые эту дыру полагалось залатать, но все они ушли на вино, продажных женщин и пьяные песни для персонала этой тюрьмы. Мой отец об этом знал. А еще он знал, что у Ньюгейта есть отличная карта, которую можно выучить. Пока вас только везли в тюрьму в экипаже, я уже пробирался в птичью клетку Ньюгейта, чтобы передать начальнику тюрьмы указания от судьи Арчера поместить вас в Каир, который был самой близкой к подземелью камерой.

— Хорошо, — оценил Мэтью. — И у вас был ключ от всех дверей, как я понимаю?

— Много лет назад мой отец принимал участие в церемонии, на которой ему в знак уважения подарили ключ, открывающий все замки в Ньюгейтской тюрьме. Он повесил его в рамку в своем кабинете. Очень гордится им, если честно. Стоило победить два замка: непосредственно дверь камеры, которая запирается, даже если клетка не используется, и ворота, которые отделяют подземелье от остальной части темницы. Я оставил свой фонарь у стены. Дальше пришлось продвигаться наощупь. Я услышал переполох, надел маску и, похоже, добрался до вас в самый критический момент.

— И ни на дюйм не меньше.

— Я разыграл небольшое представление, затем скрылся — почти свалился, кстати, пока поднимался по ступеням — и выбрался тем же путем, которым пришел. Как призрак, — сказал Стивен. — Оставив *вас*, сэр, с уважением, которое вы честно заслужили.

— Хм. Тогда я предполагаю, что ваш отец взял на себя роль Альбиона, чтобы вытащить меня из экипажа по пути в Хаундсвич? И, разумеется, маршрут, по которому меня везли, был заранее известен.

— Да, как и всегда. Возницы — рабы своих привычек. Это кратчайший путь, поэтому он наименее обременителен и человеку, и животному. Но мой отец ожидал слишком близко к воротам, чтобы пропустить вас не было никакой возможности. Я организовал ваше освобождение из Ньюгейта с помощью, должен признать, подделки *отличного* качества, потому что у меня есть возможность подделать не только подписи, но и восковую печать.

Мэтью на секунду задумался об этом. Он посмотрел в окно перед собой и понаблюдал за тем, как перемещаются в тусклом сером дневном свете пешеходы и повозки. Ветер трепал плащи и заставлял людей то и дело хвататься за свои шляпы.

— Это потребовало огромных усилий, — сказал он, вновь переводя взгляд на сына Арчера. — Но в чем конечная цель? Да, заставить Профессора Фэлла выйти из тени… но что потом?

Стивен сделал глоток кофе и некоторое время помолчал, формулируя ответ.

— Альбион родился, — сказал он на выдохе. — На Кейбл-Стрит, прямо напротив госпиталя. Когда на мою мать упал член банды «Черноглазое Семейство», который впал в безумие от «Белого Бархата», мой отец… стал другим человеком. О, он всегда имел возвышенные убеждения, возможно, несколько жесткие, но после этого он понял — как он сам мне сказал — что вся английская цивилизация находится под угрозой, исходящей от этого человека, полагающего себя императором преступного мира и попирающего закон. Фэлл прячется за множеством прислужников: адвокатов, судей, политиков… и теперь он залег даже глубже за счет влияния «Бархата». Мой отец считает, что это какой-то наркотик, вызывающий чудовищную зависимость и почти мгновенное привыкание.

— Разделяю эту точку зрения, — отозвался Мэтью.

— Этот конкретный наркотик, — продолжил Стивен. — В ответе за пугающий рост преступности, который теперь исходит не только от самого Фэлла, но и от отчаяния, разлитого по улицам. Фэлл высвободил демоническую силу и накрыл ею Англию… разогрел жаровни коррупции, насилия и алчности, в

которых погрязли высшие слои общества нашей страны. Когда моя мать лежала при смерти, мучаясь от страшной боли в больнице, мой отец пришел к выводу, что Фэлл должен заплатить за это… его нужно вывести на чистую воду и заставить ответить на вызов. Нужно заставить его совершить ошибку, из-за которой он предстанет перед судом закона, который сейчас слишком перегружен преступлениями, чтобы бросить достаточно сил на его поиски.

— Это план, но все-таки расплывчатый. Ваш отец решил бросить вызов, убивая преступников, которые избежали суда?

— Тех, которые были освобождены махинаторами из колоды юристов Фэлла, подкупающих судей, двое из которых и сами зависимы от «Бархата».

— Я сомневаюсь, — возразил Мэтью. — Что кто-то из людей, которых он убил, хотя бы сознавал, на кого работает.

— Может, и так, но их смерти были заявлением для Фэлла. Заявлением, что в действительности кто-то знает о том, что он стоит за всеми этими преступлениями, и будет пресекать последующие освобождения его шестерок. Это было… *и осталось* верой моего отца, и в этом есть свой драматизм — именно такой требовался, чтобы создать мстителя в маске, который может бросить вызов. Он всегда обладал атлетическим телосложением и был превосходным фехтовальщиком… в годы своей юности он даже был инструктором по фехтованию. Меня он обучил весьма умело.

— То есть, он пришел к идее создать мстительного призрака в маске и напустить мистики на этот образ?

— Да. Он также знал, что создает достаточно красочный персонаж — настолько, чтобы «Булавка» им заинтересовалась и помогла ему распространить свою славу по всему городу. Кстати, именно «Булавка» дала ему имя «Альбион».

— Мистический защитник Англии, — протянул Мэтью. — Вполне вписывается в образ и обозначает цель.

— Воистину. Я купил эту позолоченную маску в одном магазине в Оксфорде. Старший брат моего отца живет в Колчестере, работает седельным мастером, именно от него мы получили материал, чтобы приделать к маске бороду, которую потом покрасили, сделали необходимые дополнения, прорези для глаз, и… так появился на свет мстительный защитник Англии в позолоченной маске.

Мэтью с усмешкой произнес:

— Ваш отец ведет опасную игру.

— А разве бывают другие, когда замешан Профессор Фэлл? — Стивен позволил этому вопросу повиснуть в воздухе на несколько

секунд. — Мой отец говорит, что теперь у этой маски есть имя и свобода, но с ней налагается и ответственность. И… вы знаете… пришлось признать, что он прав. Мы все носим маски каждый день… я, например, прихожу в Олд-Бейли в маске клерка, и именно эту мою маску с ее полной свободой я продемонстрировал вам при нашем первом разговоре.

Мэтью подумал, что пришло время спросить о той бумаге, которую он скопировал в лавке Сэмюэля Лютера. Скользнув в карман, он положил смятую бумагу на стол.

— Объясните мне это.

Стивен знал эти слова наизусть, поэтому изучать текст ему не пришлось, хотя при этом он изобразил на лице удивление.

— Занятно, что у вас есть эта копия! Ну, я полагаю, ваш везит в «Булавку» был не напрасным. Вы, наверное, уже знаете, почему я использовал имя Джошуа Оукли и кому оно принадлежит?

— Да. И описание мистера Лютера заставило колокольчик в моей голове забить тревогу, потому что, пусть я и не был уверен, откуда именно дует ветер, о вас я вспомнил сразу. Итак, давайте об этих строках.

— Это прямой вызов Профессору Фэллу, чтобы он пришел в таверну «Три Сестры» после полуночи. Это должно было быть опубликовано в следующем выпуске «Булавки», который выйдет на днях.

— Точная дата назначена?

— Мой отец и я постоянно наблюдаем за «Тремя Сестрами», изображаем завсегдатаев, наряжаясь в лохмотья и пачкая лица. Там мы и узнали, как «Бархат» выливается на улицы Лондона, а также узнали, что он является основным источником доходов Черноглазого Семейства. Мы бывали в той таверне достаточно часто, чтобы начать отличать завсегдатаев от случайных посетителей, и мы думали, что будет очень просто понять, когда туда придет человек, не имеющий обыкновения там появляться. Мы планировали провести задержание, готовились к этому каждую ночь и особенно бдительными собирались быть сразу после того, как вызов будет опубликован в «Булавке».

— Стих мне нравится. Нравится посыл. Но сам вызов, как и размер, немного хромает, вам не кажется?

— Напротив, вызов очень мощный.

— Почему?

— Он передает послание Профессору Фэллу, — пояснил Стивен со знанием дела. — В нем содержится сам факт того, что Альбион знает его полное имя. Вы же видели эту строку: *Д.И.Ф_ирамбу к_Э_го поет мета_ЛЛ*. Видите, как выделены буквы «Д» и «И» во второй строке? Полное имя — Дантон Идрис Фэлл, и

эта информация пришла нам из источника, который тщательно скрывает себя но является, скажем так, другом судьи Арчера. И если Профессор пришел бы в одну из ночей в «Трех Сестер» после полуночи, мы узнали бы его.

— Почему вы так уверены?

— Профессор Фэлл — мулат, — ответил Стивен. — Он брезглив в поведении и одежде к тому же. Если бы такой человек появился в «Трех Сестрах», мы узнали бы его тут же.

Мулат, подумал Мэтью. Это дополнило то, что он уже подозревал после того, как узнал, как был убит его сын на Острове Маятнике. Выходит, мальчика до смерти избили на улице из-за цвета его кожи.

— Мой отец рассчитывал надавить на любопытство Фэлла, — Стивен допил свой кофе одним глотком. — Фэлл просто обязан мучиться от любопытства и желать узнать, кто такой Альбион, кем он может на самом деле быть, чтобы уничтожить этого человека. Профессор, вероятно, захочет многое узнать о своем противнике и точно пожелает раскрыть все секреты маски перед тем, как навсегда похоронить Альбиона. Так что предстоял бы серьезный допрос. Поэтому… после того, как Фэлл зайдет в «Трех Сестер», он обнаружит там только двух оборванных завсегдатаев, болтающих друг с другом за кружками эля и готовящимися уйти. Но вот когда он выйдет… Альбион нападет на него на узком пространстве улицы Флинт, где движения его телохранителей будет легко предугадать и обезвредить этих людей.

Мэтью вздохнул.

— Разумеется, этот план подслащен тем, что Дантон Идрис Фэлл или кто-то из его круга читает «Булавку», где Мэтью Корбетт замечен в связи с Альбионом, и после полуночи в «Трех Сестер» Фэлла может привести еще и надежда встретить того, кто ему *действительно* нужен?

— Как я и сказал… вы наживка в этом деле.

— Я *был* наживкой, — последовал незамедлительный ответ. — Если вы помните, ваш отец в настоящее время лежит с пулевым ранением в больнице, что, на самом деле, портит расклад вам обоим. Ваш отец разве хочет, чтобы вы последовали по стопам вашей матушки в могилу? Это самоубийственный план! В нем слишком много «если»!

— Это наш единственный шанс добраться до него.

— *Нет* тут никакого шанса! — воскликнул Мэтью. Затем, вздохнув, продолжил. — Хорошо, может, он даже показался бы там. Но пробиться сквозь его людей… подобраться к нему достаточно близко, чтобы убить его мечом… нет. Разве его люди не вооружены пистолетами? Вооружены. Это отчаянный план, и

он кончится вашими смертями… если вам повезет, — Мэтью покачал головой, изумляясь глупости и одиозности того, что он только что услышал. — Ваш отец… он уповает на закон, но при этом сам стал убийцей! И если ваш план состоял в том, чтобы отдать Фэлла в руки закона, то почему же вы хотите просто прикончить его на улице Флинт? Разве не видите всей иронии? Ваш отец позволил Фэллу повредить его душу точно так же, как «Бархат» повреждает разум всех, кто его принимает!

Стивен вздохнул.

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Я понимаю это четко. Но, как я уже говорил… Альбион родился на Кейбл-Стрит. Мой отец — и я — любили мою мать очень сильно. Она не была идеальной, но она всегда была для нас ангелом. Если задуматься о страданиях, причиной которых стал и продолжает становиться Фэлл… если задуматься обо всех ужасных мучительных смертях, об отчаянии, о предательствах, о темноте, которая уже окутала страну… разве это не стоит того? Не только любовь к умершей матери заставила меня пойти на это… дело в любви к родине, мы не желаем, чтобы она была уничтожена изнутри! — он посмотрел на своего собеседника через стол, в глазах стояли слезы пережитых мучений. — На что мы готовы ради любви, — хмыкнул он. — Иногда наши намерения сами по себе являются преступлениями… но если никто не посмеет *ничего* сделать… тогда все пропало. Неужели вы не видите?

— Я увидел вашу точку зрения и я хотел бы дать вам ответ, который вас устроит, но два человека — какими бы изобретательными они ни были — не могут в этом раскладе спасти даже самих себя, что уж говорить о целой стране, — печально вздохнул Мэтью. — Фэлл и другие, как он, всегда будут паразитировать на низменных человеческих инстинктах. И против этого нет защиты.

— Я бы сказал, что рассекающий удар клинком по горлу — отличный способ защиты, — покривился Стивен.

— Всегда найдется кто-то, кто встанет на его место. Вот, почему вашему отцу лучше служить Англии в роли судьи Арчера, а не мистического Альбиона.

Клерк уставился в свою пустую чашку. Он поднял глаза на унылый уличный пейзаж, и Мэтью мог с уверенностью сказать, что его молодой собеседник готов нести знамя этой битвы на своих плечах до конца.

— Вашему отцу лучше обратиться к констеблям и рассказать, что вам известно, — предложил Мэтью. — Ему стоит поделиться этой информацией с надлежащими властями.

— *Надлежащие власти,* — повторил Стивен с очевидной

желчью. — Вы, что не понимаете, мы никому не можем доверять! Ни даже этому новому человеку, Лиллехорну. Вся верхушка руководства констеблей — куплена. Вся информация о Фэлле, которая просочится туда, будет сожжена до костей вместе с ее носителем, который «внезапно погибнет в несчастном случае». Вот, как поступят *надлежащие власти*, и это станет только началом, — Стивен поднял кулак, и Мэтью решил, что он собирается стукнуть им по столу, но затем, похоже, весь гнев улетучился из него, и кулак бессильно разжался, опустившись на столешницу.

— Заманить Фэлла на улицу Флинт и убить там… это единственный способ, который может сработать, — сказал он. — И теперь… я не могу сделать это в одиночку.

— И *не пытайтесь,* — протянул Мэтью настоятельным тоном. — Ваш отец нуждается в сыне, а не в очередном могильном камне.

— Я молюсь, чтобы и он сам вскоре не лежал под таким…

— В больнице он и ваша мать пользуются огромным уважением. Врачи сделают все возможное.

— Я знаю, — он все еще всматривался в серый пейзаж за окном, вглядывался в серый день. Затем тяжело вздохнул, силы оставили его. — Я должен вернуться в больницу и побыть с ним. А что будете делать *вы*?

— Уйду, — сказал Мэтью. — Пока еще не уверен, куда направлюсь.

— Я бы сказал, что нам жаль, что мы втянули вас во все это, но вы и без того были втянуты в махинации Фэлла еще до вашего прибытия в Англию.

— Это ведь и сделало меня для вас удобной наживкой, не так ли?

— Конечно. Когда вы вернетесь в колонии, вам стоит держать ухо востро. Если два человека не могут спасти страну, не могут они спасти и сборище маленьких стран, связанных торговлей, историей и обстоятельствами. Я полагаю, «Белый Бархат» скоро покажется и в Нью-Йорке.

— Возможно, вы правы.

— Я *прав,* — Стивен одарил Мэтью тонкой, холодной улыбкой. — Когда будете сидеть за столом и наблюдать за тем, как негодяи поднимают свои кружки с «Бархатом», вспомните этот разговор, потому что здесь у вас был шанс изменить будущее.

— Кстати, об этом, — сказал Мэтью. — Вы говорили своему отцу, что план еще может сработать. Почему вы так сказали, если уже пришли к столь плачевным выводам?

— Ему ведь нужно за что-то цепляться. Без этого он бы сдался и умер. Я люблю своего отца, как любил и свою мать, сэр. Я уверен, на моем месте вы поступили бы так же.

Мэтью не ответил, но он прекрасно знал, что этот молодой человек прав.

— Хорошего вам дня, — сказал Стивен. Он бросил на стол монеты за кофе и поднялся.

Мэтью посмотрел, как он встает из-за стола, затем надевает свой светло-серый плащ, плотнее запахивается в него и, борясь с храбрым ветром, покидает кофейню, после чего направляется на Кейбл-Стрит.

Некоторое время Мэтью сидел в одиночестве, раздумывая над услышанным. Наконец, он вернул в карман бумагу с вызовом для Профессора Фэлла, встал, накинул плащ с маской Альбиона, спрятанной внутри, приладил треуголку и двинулся вперед, навстречу своему будущему.

Глава двадцать седьмая

Мэтью обнаружил себя возле склада, на котором обитало Черноглазое Семейство.

Ветер дул с остервенением, небеса укутывали серые облака, походившие на толстый железный доспех. Некоторое время Мэтью ходил бесцельными кругами, когда покинул «Восходящее Солнце», хотя в этот день, казалось, солнце и не думало хоть когда-нибудь восходить. Молодой человек понимал, что ему нужно поспать. Он думал, что если удастся урвать хотя бы час или два сна, можно будет взглянуть на сложившуюся ситуацию более ясным, трезвым взглядом, и именно за этим он решил прийти сюда. Два часа поспать, а после этого можно было направиться в центр города, чтобы разыскать Гарднера Лиллехорна. С истинной досадой он подумал, что лучше бы Хадсон явился в Лондон без Берри. Что же теперь с этим делать?

На улице было тихо, тишину нарушал только непрекращающийся шум разъезжающих по дороге вагонов и повозок, который уже перерос в фоновый и незаметный гул. Мэтью начал подниматься по ступенькам к двери, которая была заколочена досками, как и окна.

Затем он увидел пятна крови под своими ботинками, и совершенно неожиданно холод пронзил его, как ледяной клинок.

Он толкнул вперед дверь, которая лишь казалась забитой досками…

… и попал на поле бойни.

Первое тело, которое попалось ему на глаза, когда-то звало себя Паули. Мальчик лежал в луже собственной крови и был едва узнаваем: лицо его превратилось в кровавое месиво. Сердце бешено заколотилось, Мэтью опустился на колени рядом с телом, пытаясь найти призраки жизни, но не нашел ни одного. Горло было перерезано, лицо полностью деформировалось от ударов, оба глаза были выколоты. На лбу виднелась еще одна глубокая рана, покрытая коркой запекшейся крови, что указывало на то, что убийство произошло несколько часов назад… эта рана на лбу имела форму перевернутого креста.

Мэтью встал. Он отшатнулся на шаг, ибо у стены совсем рядом лежала еще одна забрызганная кровью фигура. Пришлось подойти ближе, чтобы идентифицировать личность. Возможно, этот изуродованный труп недавно именовался Уиллом Саттервейтом, но сказать наверняка было нельзя — лицо тоже сильно изуродовали, горло перерезали, а лоб пометили

перевернутым крестом, глаза выкололи.

Все это место пахло жестокостью и раскаленным насилием, не поддающимся никакому описанию. Мэтью подошел к третьему телу. Этого молодого человека было вообще невозможно узнать, и на лбу его знак отсутствовал. Юноше вспороли живот и, похоже, с вываливающимися внутренностями он прополз по полу какое-то расстояние, прежде чем умер от потери крови и боли. На горле, как и у других, зияла открытая рана.

Мэтью захотелось крикнуть: «*эй!*» прямо в молчаливую тьму, но голос не послушался его. Он прильнул к стене и уставился на кровавый отпечаток руки — кто-то цеплялся за жизнь из последних сил перед тем, как сдаться смерти.

К горлу молодого человека подкатил тяжелый комок, и стоило огромных усилий справиться с ним и продышаться.

— Эй! — собравшись с силами, позвал он. Ответа не последовало, только голуби продолжали ворковать в своих гнездах в стропилах. — Кто-нибудь! — он попытался снова, уже громче. После новой порции тишины в ответ молодой человек осознал, что вынужден пробраться глубже в эту обитель мертвого насилия. Насколько бы ему ни было страшно, он *должен был* это сделать.

На склад проникали тусклые лучи дневного света, и эти лучи помогли Мэтью через полдюжины шагов вовремя среагировать и не упасть, споткнувшись о труп девушки. Дрожащими руками он перевернул ее. Это была Джейн Ховард, безглазая кровавая маска застыла на ее лице, мышцы которого до сих пор были сведены в предсмертном ужасе. Ножевая рана зияла в груди, на горле кроваво улыбался второй рот, и дьявольское распятие было вырезано на лбу.

— Рори! — закричал Мэтью снова.

Он перешагнул через то, что когда-то было Джоном Беллсеном, затем миновал Люси Сэммс и Тома Лэнси, лежащих так близко друг другу, что вытекшая из их ран кровь образовала маленькое озеро. Сюда уже прилетели первые мухи, несмотря на холод, и следовало ожидать, что скоро этот склад будет кишеть ими, потому что они просочатся к месту массовой бойни через каждую щель в стенах.

Мэтью вдруг резко стало дурно. Он думал, что подготовился ко всему, но после того, как счет перевалил за двадцать тел, его колени подогнулись, и пришлось ухватиться за кровавую стену в поисках поддержки. В поддержке было отказано, и он тяжело опустился на пол. Его желудок начал выворачиваться наизнанку — снова и снова, несмотря на то, что там уже ничего не осталось. Его разум затуманился. Похоже, что каждый член Черноглазого

Семейства был убит в приступе дикой атаки: глотки резали, чтобы исключить саму возможность, что кто-то останется в живых, а еще эти проклятые метки на лбах… в попытке обозначить какой-то сатанинский триумф.

Мэтью заставил себя встать и двинуться дальше.

— Пай! — прохрипел он. При следующем шаге он случайно задел сапогом кровавую лужу, побеспокоил пирующих на ней мух, и те взмыли вверх, плетьми ударив его по лицу. У самых ног лежало худое тело. Мэтью разглядел в кровавом месиве копну коротких вьющихся волос. Искалеченное лицо уткнулось в пол, а тело лежало в такой неестественной позе, будто в нем была переломана половина костей. Содрогнувшись, молодой человек наклонился, чтобы перевернуть труп.

— Не делай этого, — сказал кто-то.

Мэтью застыл, сердце резко врезалось в грудь изнутри, все тело сотряслось, и слезы удивленной ярости побежали по его щекам.

— Не надо, — снова предостерег Рори. Его голос был пустым и потусторонним. — Подойти ко мне ближе. Смотри под ноги.

Мэтью подчинился, чувствуя себя так, будто кто-то заточил его в ночной кошмар, находящийся за гранью человеческой выносливости. Он увидел слабое свечение в дальнем углу. Рори сидел на полу, и рядом с ним стояла маленькая чадящая оплывшая свеча, от которой остался почти один лишь огарок.

— Ближе, — попросил он жутким, обессиленным голосом.

Мэтью снова чуть не споткнулся о чье-то тело. По счету оно было уже двадцать вторым. Он обошел труп, опасаясь, что сейчас его снова вырвет.

По половицам к нему покатилась закупоренная бутылка. Она остановилась у самых его ног рядом с мертвым телом.

— Пей, — сказал Рори. И это была не просьба.

Мэтью поднял бутылку. Это была не маленькая синяя бутылочка с «Бархатом», как сначала подумал Мэтью, это была большая коричневая бутыль с ромом, початая — в ней осталось, наверное, примерно три глотка. Он потянул пробку зубами, выпил почти все, что осталось, и протолкнул пробку обратно, понимая, что ужас момента не мог бы смыть никакой ром — неважно, насколько крепкий. Молодой человек стоял на месте, слегка покачиваясь на ногах.

— Резня, — сказал Рори. — Разве не подходящее слово для всего этого?

— Да… — только и сумел выдавить Мэтью.

— Они *все* мертвы.

— Боже…

— Хм… да уж. Что-нибудь осталось?

Мэтью передал ему бутыль. Рори поднялся, схватил ее, откупорил и допил остатки рома, после тихо поставил бутыль на пол, словно боялся побеспокоить мертвецов.

— *Все?* — переспросил Мэтью. Ему показалось, что он услышал где-то шорох, который мог издать выживший, но, похоже, это были просто голуби.

— И еще три дополнительных покойника, — сказал Рори, чье лицо в свете свечи было бледным и призрачным. — Это были злобные ублюдки. Я считаю, у них рука не дрогнула бы прикончить даже своих раненых, если б они решили, что эти люди все равно обречены умереть.

— Это сделали Могавки?

— Нет, — ответил Рори безучастно. Похоже, непостижимое, абсолютное зло этого массового убийства высушило его досуха так же, как он осушил бутыль с ромом. Он опустился на пол своим пустым, обессиленным телом, напоминающим сломанную ракушку. — Не Могавки. Те, кого они бросали… не были раскрашены, как индейцы. И то, *как* они это сделали… нет, не Могавки.

— Кто тогда?

— Я сидел прямо здесь… я даже не знаю, как долго. И пытался это понять. *Кто*? Понятия не имею. Но я знаю, *почему*, Мэтью. Это совершенно ясно.

— Скажи мне.

— Подвал был вычищен. Они забрали все. Похоже, привезли два вагона… один, полный убийц, а другой пустой, чтобы погрузить туда весь «Бархат». Они забрали все… кроме одного.

— Чего?

— Я бы отвел тебя вниз, чтобы показать, но… я не могу сдвинуться отсюда, Мэтью. Я сижу здесь уже… несколько часов, наверное. Прямо здесь, и мне наплевать, что я не двигаюсь. Ты можешь пойти и посмотреть сам, но я не советую тебе, — Рори посмотрел на Мэтью. Пот блестел на его лице, глаза казались двумя опустошенными пропастями. — Они оставили одну синюю бутылку прямо посреди комнаты. И знаешь, чем они ее наполнили?

Мэтью не смел даже догадываться. Судя по тому, в каком состоянии он нашел тела… безглазые, как Паули и Джейн…

— М-да, — протянул Рори. — Они оставили ее там, я думаю, чтобы ее нашел констебль… или тот, кто первым туда попадет. Наверное, такие образованные ребята, как ты, называют это «заявлением».

— Я бы назвал это объявлением войны, — сумел ответить

Мэтью. — Войны против Профессора Фэлла.

Рори кивнул.

— Эта поедающая сыр крыса… она уже распухла от лакомства и превратилась в монстра, и… я тебе так скажу… я скажу… — голос его сломался. Он задрожал, его серебряные зубы застучали друг о друга, и ему пришлось приложить титаническое усилие, чтобы взять себя в руки. — Я никогда не видел ничего подобного. Эти люди… они ведь получали удовольствия от этого, Мэтью! Они получали удовольствие, убивая каждого члена моей семьи… причем, не раз и не два они ранили их, а наносили смертельные удары снова и снова. Они получали удовольствие… — он снова кивнул, слишком энергично и нервно, затем потянулся к пустой бутылке, откупорил ее и сделал глоток рома, которого там уже не было. На секунду Мэтью подумал, что сейчас напряженное лицо Рори может лопнуть, и он зайдется в крике, но этого не произошло.

Вместо того Рори всмотрелся в лицо Мэтью, бутылка мягко и осторожно вернулась на половицы, и ужасающе надтреснутый голос прохрипел:

— Они все мертвы… все… и теперь я человек без дома и семьи…

Мэтью услышал звук едва сдерживаемого болезненного стона, как будто спина Рори подломилась и готова была согнуться, и лишь нечеловеческим усилием воли он сдерживался от того, чтобы закричать. И тут он не выдержал и упал на пол, содрогнувшись всем телом, и в приступе немых рыданий начал ползти прочь от единственного живого человека в этом помещении. Когда Мэтью наклонился и попытался ухватить его за плечо, он воскликнул:

— Не трогай меня! — и это было похоже на рык раненого зверя. Мэтью оставил его, как есть. Рори отполз на расстояние, куда свет единственной свечи не доставал, и его очертания превратились в неясную массу. Было ясно лишь, что он лежал на левом боку, подтянув к себе колени. Следующий миг наполнил склад тихим воем, который все длился и длился… это был невыносимый звук, настоящая пытка для Мэтью, поэтому он отошел так далеко, как только смог, снова вернувшись в зону покойников.

Сколько прошло, прежде чем Рори замолчал? Две минуты? Три? Мэтью ждал, вдыхая носом кровавую память о мертвецах. Нет, о *людях*, жесточайшим образом убитых, и их лица призрачно всплывали в его разуме.

— Я найду их, кто бы это ни был, — послышался хриплый голос Рори. — Похоже, они штурмовали наше жилище… так

быстро налетели, что не было возможности подготовиться к схватке. Похоже, их было много. Думаю, целый вагон. Скорее всего, они просто высадились, спустили пандус, выскочили и сразу понеслись на склад. А потом целенаправленно спустились в подвал и все погрузили после того, как… как они всех… Своих раненых они просто бросали с перерезанными глотками — чтобы не заговорили. Ты меня слушаешь?

— Да, — отсутствующим голосом произнес Мэтью.

— Видел эти отметины на лбах?

— Да.

— Дьявольские кресты. Как тот, который оставили судье. Фэллонсби его звали. Помнишь, я рассказывал тебе эту историю?

— Помню.

— Похоже, они нагрянули… в два или три часа ночи, я считаю. Поймали большинство членов Семейства в кроватях. Все произошло, пока мы с тобой сидели в больнице. Можешь только вообразить?

— Что вообразить?

— Мы с тобой. Все, что осталось от Черноглазого Семейства. И больше никого не будет, только ты и я, мы последние, — Рори вновь замолчал.

Мэтью ждал. Это все, на что он сейчас был способен.

— Нет, это были не Могавки, — вдруг сказал Рори, как будто ему только что задали этот вопрос. — Это было сделано теми, кто слишком наслаждается кровью, Мэтью. Это было сделано темными тварями, которые выглядят, как люди, но на самом деле ими не являются. Должно быть, они быстры… должно быть, налетели, как ветер… они просто покромсали их тела! Мы последние, Мэтью. Последние выжившие.

— Наверняка кто-то *слышал* это, — предположил молодой человек. — Шум драки… крики… Наверняка.

— Не так уж громко кричать можно с перерезанным-то горлом. Да… может кто-то что-то и слышал в «Пьяном Вороне» или другой ближайшей таверне… но никто не хотел неприятностей, поэтому все просто продолжали пить. Просто опустили свои головы… или уже были достаточно пьяны, чтобы ничего не замечать и никому ничего не говорить. К тому же, даже если бы кто-то поспел сюда, все Семейство было уже мертво. Возможно, кто-то даже видел кровь на ступенях, заглядывал сюда и видел Паули мертвым. Но они просто развернулись и пошли по домам, потому что не хотели *сами* быть убитыми. Я бы поступил так же. И ты, быть может, тоже.

— Может быть, — только и сказал Мэтью.

Довольно долго Рори не произносил ни слова. Порывы ветра

хлестали по крыше и завывали, как банши, то усиливая, то ослабляя свой призрачный крик. Голуби порхали и сталкивались в сломанных стропилах и заставляли ржавые цепи жалобно скрипеть. Теперь это настоящий дом с приведениями, подумал Мэтью. Он не желал оставаться здесь в темноте, когда вновь опустится туман и проникнет сюда через трещины в стенах. На самом деле он не желал больше никогда переступать порог этого здания.

Рори спросил его вновь ослабевшим голосом:

— Кто похоронит их, Мэтью? Тебе не кажется, что они заслуживают достойных похорон?

— Кажется.

— Кто бы это с ними ни сделал… они знали, что «Бархат» находится здесь. О, да, они пришли именно для того, чтобы забрать его. Оставили одну бутыль в подвале. Одну единственную. Ты знаешь, что там, Мэтью?

— Послушай меня, — с нажимом произнес в ответ молодой решатель проблем. — Мы должны убираться отсюда. Бесполезно оставаться тут и минутой дольше.

— Они застали большинство в постелях. Но наши тоже убили троих. Если б я был здесь… если б я был здесь, может, я…

— Хватит. Если б ты был здесь, одним убитым членом Черноглазого Семейства было бы больше. У тебя есть какие-нибудь деньги?

— Деньги? Ну, есть немного.

— Достаточно, чтобы нанять экипаж до центра города?

— Нет, не так много. В нашем ящике… было девять фунтов и несколько шиллингов, но это забрали. Они знали, где искать. Откуда они знали, Мэтью? Кто им сказал?

Мэтью не знал ответа. Он думал поискать по карманам трупов. Это была мимолетная мысль, но она заставила его содрогнуться, потому что он понимал, что ни за что не станет так поступать. Так или иначе, он сомневался, что хоть у одного мертвеца найдется больше одного пенса. Это того не стоит.

— Значит, пойдем пешком.

— Мне некуда идти.

Мэтью пришлось принять тяжелое решение. Ему нужна была помощь Хадсона, несмотря на удручающий факт, что с ним была Берри, но придется работать в тех условиях, что есть. Добравшись туда, ему придется отправить Берри на ближайшей карете в Плимут, чтобы на первом же корабле она уехала обратно в Нью-Йорк.

— Мы пойдем в Соумс-Инн на Флит-Стрит, — сказал Мэтью.

— Зачем?

— За помощью. Просто доверься мне.

— Никто не поможет нам здесь, — Рори даже не попытался встать. Мэтью подумал, что у Кина был шок, поэтому несколько часов к ряду он просидел здесь, на полу с бутылкой рома в руке. Похоже, он уже успел напиться и проспаться, очнуться от одного кошмара и угодить в новый, а затем снова уснуть и проснуться. — Кто-то должен похоронить их, — твердо сказал Рори. — Ты поможешь мне это сделать, Мэтью?

Мэтью знал, что этот человек не в себе, и в этот самый момент он искренне сочувствовал ему, желая подставить ему плечо для поддержки. Также он знал, что характер у Рори сильный, и сейчас он не примет такой поддержки. Ни за что.

— Сейчас нам нужно идти, — качнул головой Мэтью.

— Сначала нужно похоронить их. Они были моими братьями и сестрами. И твоими тоже. Мауси похоронил Бена для нас за горшечной лавкой… мы должны сделать то же самое.

Мэтью уставился в пол. Чувство, что эти несчастные души были зверски убиты и уничтожены дьявольским замыслом, ранило его в самое сердце. Образ Пай Пудинг — такой живой, с яркими глазами — которая помогала ему побриться и разговаривала с ним в темноте, острым клинком впился ему в грудь. Остальные… был ли у них хоть какой-то шанс выжить? Знание о том, что щупальца Профессора Фэлла прибыли сюда, чтобы манипулировать этими людьми силами юриста Маускеллера и доставщиками «Белого Бархата», заставляло ярость разгораться в его душе. Они все незримо подчинялись Фэллу. Все эти люди.

Сожаление, которое он испытывал, полностью затмила злость. Рори Кин был жив, и Мэтью хотел, чтобы он таковым остался.

— Вставай, — скомандовал Мэтью.

— Иди один. Ты не имеешь права отдавать мне приказы.

— Нет, имею, — возразил Мэтью. Воспоминания плетью пронеслись в его памяти: Одноглазый, ястребы-убийцы, Тиранус Слотер, убийца-гигант Сирки и ужасающее путешествие по болотистому краю Каролины на реке Солстис. — О, да, — повторил он. — Вставай, или я тебя потащу. Мы уходим. Вместе.

В голосе Рори послышалась невнятная усмешка.

— Тогда давай, тащи меня.

Мэтью навалился на него раньше, чем он успел закончить предложение. Он наклонился, схватил Рори за рубашку обеими руками и дернул наверх. Кин, взревев от ярости, с силой врезался кулаком в живот Мэтью. Это был тяжелый удар, нанесенный с особой силой, но Мэтью уже не раз сталкивался с такими

ударами, поэтому к таким атакам успел попривыкнуть. Он ослабил хватку правой руки и ею же резко ударил Рори в подбородок. Когда голова его откинулась назад, Мэтью нанес второй удар в челюсть друга уже левой рукой. Следующая атака с правой не достигла цели, потому что Рори пригнулся и широко качнулся… одновременно издав крик.

Кулак задел его левую щеку Мэтью. Следующий размах был напрасным и повредил лишь незримый воздух, потому что *любитель-искать-проблемы-на-свою-голову* умело увернулся. Ушел он и от следующей попытки. Рори молотил кулаками по воздуху, как сумасшедший, словно сражался с безумной атмосферой самого Уайтчепела. Мэтью отступил, Рори пошел на него, а затем резко изменил направление для атаки, и пришлось отвечать на этот прием, нанеся — со всей силы — удар в грудь Рори, перехвативший его дыхание и дезориентировавший его. Больше драться не хотелось, но бывший лидер Черноглазого Семейства обезумел, и только хорошая встряска могла сейчас усмирить его.

Мэтью качался из стороны в сторону, словно на диких качелях, уходя от ударов. Он нашел опору, перенес вес на одну ногу и ударил Рори еще раз прямо в точку в середине подбородка, уже не сдерживаясь. Рори издал крякающий задыхающийся звук и завалился на спину, после чего Мэтью нанес ему еще два удара… *Раз! Два!* — быстрая серия справа и слева по лицу.

Рори рухнул.

Перед тем, как он ударился затылком о половицы, Мэтью поймал его за руку, и только пламенные волосы едва черкнули по влажному деревянному полу. Тело Рори дернулось и согнулось на полу, и атаки можно было не бояться: он больше не был способен бороться.

Мэтью опустил его и чуть отошел назад, когда Рори свернулся на полу и начал рыдать. Плач был полон мучительных стенаний, то была настоящая агония жизни, сломанной ужасными обстоятельствами, слишком сильными для маленького мальчика. Мэтью понимал, что Рори, как многие такие же, как он, никогда не имел ни малейшего шанса научиться летать, людям дано только падать.

Мэтью наблюдал молча, потирая сбитые костяшки рук. У Рори Кина была довольно мощная челюсть, надо сказать.

Со временем шум стих.

Остались лишь звуки тяжелого дыхания Рори и беспорядочные звуки, долетающие сюда из голубиных гнезд сверху.

Кин шмыгнул носом и высморкался, после чего сказал:

— Прости, — что, возможно, было первым извинением за всю его жизнь.

— Мысль была верная, просто оппонент не тот, — ответил он. — Я предлагаю нам обоим уйти *прямо сейчас*. Матушка Диар пошлет больше людей, чтобы отыскать Фроста и Уиллоу, если *еще* не послала и если их *еще* не нашли. В этом случае кто-то может заявиться сюда.

— Да. Да, надо идти, ты прав, — с усилием Рори поднялся. Он устоял на ногах, хотя и держался явно нетвердо, отер лицо рубашкой и туманно воззрился на Мэтью. — Соумс-Инн?

— Да.

— Уйдет некоторое время, прежде чем мы доберемся до Флит-Стрит. Есть причина, по которой мы идем именно туда?

— Мой друг остановился там. Я думаю, он может помочь нам в нашей ситуации.

— Хорошо, — Рори все еще выглядел неуверенным и сохранял равновесие не без труда. — Альбион, — вдруг сказал он. — Он умер?

— Нет.

— Это хорошо. Было бы ужасно много смертей для одного дня, — он приложил руку ко лбу. Мэтью заметил, что рука его дрожит. — Мэтью, — обратился Рори. — Ты поможешь мне пробраться?

Мэтью знал, что Кин имеет в виду. Помочь ему пробраться через изуродованные тела членов его семьи… через кровь и внутренности его любимых людей, разбросанные по полу и отделяющие его от выхода.

Он понимал, как это тяжело, поэтому не мог не пообещать:

— Помогу.

Глава двадцать восьмая

Педантичного вида клерк в напудренном парике, сидящий за стойкой Соумс-Инн, деловито сообщил, что посыльный мальчишка, которого он отправлял наверх, не получил никакого ответа на стук ни в дверь комнаты мистера Хадсона Грейтхауза, ни в дверь мисс Берил Григсби. Он не мог сказать, куда они ушли или когда вернутся.

— Мы можем подождать их? — спросил Мэтью максимально вежливым тоном.

Клерк окинул Мэтью и Рори придирчивым взглядом, не скрывая того, что их вид приходится ему не по душе. Он явно считал, что два таких оборванца могут запачкать вычищенные синие подушки стульев в гостиной. Несмотря на то, что один из этих пришельцев глядел и говорил, как джентльмен, вид его фиолетового костюма внушал ужас.

Мэтью буквально прочитал мысли этого человека.

— Я могу уверить вас, что мистер Грейтхауз щедро вознаградит вас, если вы позволите нам подождать, равно как и могу уверить вас, что он разнесет на куски ваш маленький рай, если вы *не* позволите.

Так, используя образ Великого, напомнив о его габаритах и крутом нраве, молодой решатель проблем убедил напудренного клерка подчиниться, после чего Мэтью и Рори уселись на синих подушках в отделанной дубовыми панелями комнате, где цивилизованный, почти ручной огонь горел в коричневом каменном камине, и очень богатые дедушкины часы тикали, отсчитывая минуты. Они были рады присесть и хоть немного отдохнуть, после длинной пешей дороги из Уайтчепела на Флит-Стрит под порывами горького ветра, сбивавшего с пути толчками демонического фехтовальщика и почти успевавшего набить на худых телах синяки.

Мэтью заметил последнюю копию лондонской «Газетт» на небольшом столике с ножками из слоновой кости. Когда он поднял выпуск, под ним, как маленькая жаба под крылом орла, обнаружилась и последняя «Булавка» с, как всегда, отвратительным смелым заголовком: «*Плимутский Монстр в сговоре с Альбионом*».

Он уже замахнулся, чтобы бросить ее в огонь, но строчка «*Черный Дикарь Поражает Публику*» уже не в первый раз привлекла к себе его внимание.

Он снова прочитал эту статью. *Африканский силач… страшное*

прошлое которого лишило его языка… со странными шрамами на лице… был обнаружен… цепляющимся за обломки корабля и, судя по всему, пережившим кораблекрушение.

Был это Зед, или кто-то другой? Если это и вправду Зед, значит ли это, что корабль капитана Фалько уничтожен пиратами Фэлла, и Зед пережил это кораблекрушение в открытом море?

— Я все думаю… — вдруг произнес Рори, безотрывно глядя на горящее пламя очага.

Он замолчал, словно в ожидании какой-то реакции, и Мэтью, отложив статью о Черном Дикаре, перевел на своего спутника взгляд.

— О чем?

— Ты сказал, что, кто бы ни убил моих людей и ни забрал «Бархат», они определенно хотят объявить войну Профессору Фэллу?

Если бы здесь был кто-то еще из постояльцев и краем уха услышал это, он, скорее всего, сейчас же встал бы и удалился уединенно читать Библию, но Мэтью и Рори были в этой гостиной одни, поэтому не требовалось даже понижать голос.

— Тот же убийца расправился с семьей судьи Фэллонсби, — сказал Мэтью. — Он — или, может быть, даже *она* — решил, что пришло время сделать ход. Я подозреваю, что Фэллонсби был одним из судей на тайной службе у Фэлла, поэтому это был вопиющий удар против Профессора. И я не стал бы сомневаться, что по этой же причине был украден «Бархат»: возможно тот, кто воюет с Профессором, хочет скопировать рецепт и даже уже нанял нужного химика.

— Запутанный клубок змей, да?

— Причем, все завязались в узлы, — согласился Мэтью.

— Ну, хорошо, допустим. Итак, этот сукин сын хочет войны с Фэллом. Но — предположим, что это *он*, а не *она* — как он узнал, что наш подвал полон «Бархата»?

— Всплыл чей-то разговор — здесь или там. Кто-то мог не уследить за языком в таверне, а внимательный слушатель принял эту информацию к сведению. Возможно, это кто-то из «Трех Сестер». Потом за кем-то из Семейства просто проследили до склада, после чего начало планироваться нападение в течение нескольких дней или даже недель: подмечались особенности, график, когда кто входит и выходит, когда туда привозят новые бутылки и ящики…

— Последняя партия пришла нам больше месяца назад, — растерянно сказал Рори. — И ее доставили около четырех часов утра.

— Похоже, за этим процессом наблюдали. Я подозреваю, что

тогда этот новый игрок на доске не был готов по какой-то причине сразу напасть на ваше логово. Возможно, у него было недостаточно людей, кто знает!

— *Черт,* — нахмурился Рори, глядя на огонь. — Я просто… просто не могу думать об этом, Мэтью! У меня от этого болят голова и сердце одновременно! Господь, пощади их души и прости меня за то, что я подвел их!

— Не вступай на эту тропу снова. Я не думаю, что можно было хоть как-то помешать тому, что случилось. Разумеется, ты мог очень хорошо… погибнуть вместе с остальными, и тогда ни сердце, ни голова у тебя бы не болели, но ты выжил. Так или иначе, не ты послужил причиной того, что произошло. Это… Фэлл… Матушка Диар… «Белый Бархат»… а теперь еще это новое… *создание,* — задумчиво сказал Мэтью. На ум ему пришли отвратительные образы дьявольского креста, выколотых глаз и луж крови, но он постарался отогнать их и сконцентрироваться на вопросе Черного Дикаря.

Дедушкины часы все тикали, но не могли магически заставить время течь быстрее. Оно *ползло*. Со своего места у Мэтью открывался вид на место клерка и на покрытую красным ковром лестницу, ведущую к комнатам. Он видел, как несколько человек пришли и ушли, но среди них не было Хадсона и Берри. Прошел час, затем другой.

— Ты уверен, что они вернутся?

— Они все еще числятся здесь постояльцами, почему нет? — Мэтью понимал, что они, должно быть, ищут его прямо сейчас, и надеялся, что они держатся подальше от Уайтчепела.

— Сколько еще ты собираешься их ждать? Скоро смеркаться начнет, здесь рано темнеет.

Это Мэтью видел и в окно: день начинал медленно, но верно клониться к вечеру. Дедушкины часы в этот момент уже пробили пять.

— Еще час, — сказал Мэтью.

— А если они не придут, что тогда?

И в самом деле, что тогда? — подумал Мэтью. Разумеется, никто не позволит им с Рори остаться здесь на всю ночь, неважно, насколько большую награду от Хадсона они за это пообещают…

— Мы что-нибудь придумаем, — ответил Мэтью, но на деле, эта тактика была шаткой, как хромая лошадь.

Примерно через полчаса напудренный клерк вошел в гостиную. Он расправил свои тонкие плечи и напустил на лицо важное выражение.

— Господа, я вынужден проинформировать вас, что в шесть часов управление Соумс-Инн закрывается для посетителей,

которые не зарегистрированы в нашей гостинице. Я сожалею, что ваши друзья не вернулись, но в шесть часов вам придется уйти.

— А если мы не уйдем? — Рори в знак надменного неповиновения вздернул подбородок.

— В этом случае, сэр, через дорогу отсюда располагается гимназия, в которой есть свой бойцовский клуб, где проходят бои без правил, и люди, которые увлекаются этим видом спорта, всегда не прочь попрактиковаться.

— О… — только и сумел произнести Рори.

— Такова политика нашего учреждения, — продолжил клерк, немного смягчившись. — Ради безопасности наших гостей. Я вас не обманываю.

— Я понимаю, — кивнул Мэтью. — В таком случае, хорошо, мы уйдем в шесть.

— Благодарю вас, — ответил клерк, подобравшись. Он уже хотел ретироваться, когда Мэтью, мысленно прикидывавшего, куда они с Рори могут податься дальше, посетила идея.

— Прошу прощения, — он окликнул его раньше, чем тот успел окончательно развернуться и покинуть помещение. Вновь взглянув на статью о Черном Дикаре, молодой человек обратился к клерку. — А как далеко отсюда находится Бишопсгейт, улица Давз-Уинг?

— На расстоянии примерно трех миль отсюда. Могу я спросить, вас интересует цирк Олмсворт?

— Да, именно так.

— Я бывал там. Очень занимательно, правда идти отсюда придется довольно далеко. Желаете, чтобы я отправил посыльного за экипажем для вас, джентльмены? — это было произнесено с намеком на сарказм.

— Нет, благодарю, но я был бы признателен, если бы вы указали нам направление, по которому можно туда добраться.

— Я запишу для вас путь, — клерк снова распрямил спину и на этот раз ушел по своим делам.

Мэтью поднялся.

— Рори, сколько точно денег у тебя есть?

Тот проверил свои карманы и вытянул оттуда три шиллинга и шесть пенсов.

— Хм. Должно хватить, чтобы попасть в цирк Олсмворт.

— Что? — Рори подпрыгнул со стула и поморщился от ноющей боли в мышцах ног после долгой пешей прогулки, которая по расстоянию была вдвое больше, чем та, что им еще предстояла. — Ты собираешься пойти в чертов *цирк*?

— Собираюсь. Представление начинается в восемь. Если пойдем прямо сейчас, можем успеть к началу.

— *Повтори-ка*, а то я вместо нормальных слов какой-то собачий лай услышал, — с насмешкой хмыкнул Кин.

— Ну… мы пойдем не так быстро, как шли сюда. Это будет проще.

— Да какого рожна тебя вообще потянуло в этот клятый цирк, а?!

— Я, возможно, знаю одного человека, который там выступает, — спокойно сказал Мэтью. — Мне нужно увидеть его, чтобы убедиться.

— А чертова человека с луны ты не знаешь? Господи, я никогда не встречал никого с *таким* количеством знакомых в разных слоях общества!

— *Этого* — мне *нужно* увидеть, — повторил Мэтью. — Если даже я ошибся, хоть удовлетворю свое любопытство.

И успокою свои страхи, добавил он уже про себя, причем это выражение больше подходило к ситуации по смыслу. Потому что, если его подозрения оправдаются, бравый капитан Фалько и впрямь был уничтожен в море — поплатился за то, что помог ему разрушить Остров Маятник.

— Будь я проклят, — вздохнул Рори. Голос его был сильным, но в глазах все еще чернела горькая пустота. Руки все еще подрагивали, а лицо иногда принимало отсутствующее выражение, глаза устремлялись в неопределенную точку пространства, а рот оставался полуоткрытым, словно он снова и снова переживал тот момент, когда вошел на склад и обнаружил изуродованные тела своей семьи на полу. — Не лучший день для циркового представления…

— Напротив, вполне подходящий. Мне нужно увидеть этого человека, а нам все равно нужно *хоть куда-то* идти.

— А-ха. И если нас с этими метками на руках заметит хоть одна из десятка банд, которые живут между Флит-Стрит и цирком, мы покойники. Да и к тому же, если мы даже туда дойдем, то нам предстоит возвращаться!

— Если этот человек — именно тот, которого я знаю, тогда, я уверен, моя история для хозяев цирка докажет его ценность, и, услышав ее, нам, возможно, наймут экипаж, чтобы мы могли добраться обратно, — Мэтью был уверен, что хозяева цирка захотят узнать историю о том, что Зед является воином племени Га, а также другие подробности его биографии… но… что потом? Оставить Зеда в цирке, несмотря на то, как сильно он хотел вернуться на родину? Просто отвернуться от него и оставить его здесь, в этой бурлящей клоаке? Впрочем, о том, как пересечь этот мост, можно будет подумать и после. Сейчас нужно было просто выяснить: этот африканский силач — Зед или нет?

— Господи, помилуй, — закатил глаза Рори, после чего замолчал.

Мэтью получил от клерка записанные указания направления к цирку, после чего оставил инструкции, чтобы Хадсона Грейтхауза обязательно проинформировали, кто к нему приходил и куда направился. Мэтью сказал, что было бы неплохо встретиться именно в цирке Олмсворт, к тому же желательно, чтобы Хадсон приехал в экипаже, если есть такая возможность. Если возможности нет, молодой человек заверил, что еще вернется сюда ночью. Они с Рори покинули Соумс-Инн и направились на восток. Пришлось снова двинуться в сторону Уайтчепела, потому что район Бишопсгейт лежал к северо-западу оттуда. Холодные порывы ветра прорывались на улицы, сбивали с голов шляпы, вскидывали плащи и дергали женщин за подолы платьев. Мэтью одной рукой придерживал треуголку, а второй плотнее стискивал плащ, который раздувался парусом вокруг него. Пламя уличных факелов трепетало на ветру, в руках прохожих постепенно начали появляться фонари. Центральная часть города пребывала в активном движении: беспорядочно бродили пешеходы, по дорогам передвигались вагоны, телеги, кареты, и приходилось смотреть в оба, чтобы не угодить под колеса.

Рори старался поспевать за Мэтью, хотя ноги его явно не желали слушаться и очень устали, поэтому Мэтью пытался, как мог, поддерживать более медленный темп. Большие здания маячили по обе стороны дороги, свет фонарей и ламп уютной желтизной пробивался из окон. В спешке создавалась давка из богатых и нищих всех возрастов и обликов, снующих туда-сюда. Здесь присутствовали и дети, и юноши, и молодые бедные женщины с младенцами на руках. Некоторые люди шли по тротуару и морщились так, будто дьявол дергал их за причинное место, при одном взгляде на скопление народа, но даже им не удавалось избежать столкновений с беспорядочно бродящими по городу людьми. Мэтью надеялся, что Нью-Йорк никогда не станет таким, потому что, он был уверен, такая суета уничтожит пасторальную красоту Нового Света.

Мэтью и Рори пересекли множество улиц, несмотря на опасения угодить под колеса повозок и карет. Они видели, как на Ломбарт-Стрит мужчина и женщина едва не попали под несущийся экипаж всего в двадцати футах от них. Экипаж, возможно, продолжил бы двигаться, даже не обратив внимания на произошедшее, если бы не сломанное колесо. Мэтью был рад увидеть, что жертвам повезло, и отделаться им удалось лишь легким испугом: просто в последний момент они успели упасть в

сточную канаву.

Несколько раз по пути Мэтью пришлось остановиться, свериться с указаниями и лишний раз спросить дорогу к улице Давз-Уинг, которая, оказывается, находилась в трех кварталах, сразу после Спиттл-Ярда.

Рори некоторое время крутил головой из стороны в сторону, опасаясь появления кого-то из враждующих банд, которые могли уже выбраться патрулировать свои территории. Зазевавшись, он несколько раз получил в свой адрес гадкие проклятья от молодых дам, образ которых никак не соответствовал тому, что слетало с их языков.

Наконец, после того, как на стенах встретилось несколько рекламных плакатов с представлением цирка Олмсворт — *Жонглеры! Танцоры! Акробаты! Могучий Черный Дикарь! Вы будете поражены!* — они услышали звуки гонгов и барабанов впереди. Под знаком улицы Давз-Уинг стоял раскрашенный зелеными тенями человек, нацепивший на свое тело сразу несколько ударных инструментов, по которым он молотил так, словно отыгрывался на своей теще за семейные тяготы.

— Подходите! Подходите! — кричал он каждые несколько секунд, рассекая своими криками ночь, и слегка наклонился, когда Мэтью и Рори прошли мимо него, что лишь усилило громкость его ударного набора.

Как и на улице Флинт, здесь присутствовала небольшая лестница, ведущая в расселину, правда, эта была перетянута веревками, на которых висели разноцветные фонарики. У изножья лестницы располагался небольшой двор, где клоун с раскрашенным белилами и румянами лицом и в шутовском наряде стоял у закрытого красным занавесом входа. Он кривлялся и вытворял глупости на радость дюжине зрителей, одновременно продавая билеты на представление. Рядом с ним находились две миниатюрные девушки в очень откровенных костюмах: один черный с белыми полосами на руках, а второй — белый с черными полосами. Эти артистки даже не пыталась кривляться: они собирали овации за одно то, как выглядели.

Клоун объявил Рори, что плата за вход составляет один шиллинг на человека. От этой суммы у Кина зашевелились волосы на щетине, однако, злобно взглянув на Мэтью, он извлек из кармана монеты и отправил их в чашу клоуна. Получив билеты, они прошли через красный занавес в небольшой тускловато освещенный зал с четырьмя рядами скамеек, на коих уже восседало более полудюжины посетителей.

Мэтью пожелал сесть в первом ряду. Так как большинство ночных покупателей еще не явились, он снял треуголку и плащ и

занял свое место рядом с Рори.

— И за это — целый *шиллинг?* — проворчал тот. — Это же настоящий грабеж!

— Мы укрылись от ветра и мы сидим, — напомнил ему Мэтью. — Радуйся хотя бы этому.

— Цирк идиотов! Что в этом хорошего?

В течение тридцати минут, после того как распорядитель в красном костюме поприветствовал публику и отпустил несколько непристойных шуточек, на сцену вышли барабанщики и начали отстукивать громоподобный ритм, а музыкант с губной гармошкой принялся демонстрировать свои таланты. Затем выступал пожиратель огня, проглотивший факел или два и выпустивший почти двадцать дымовых колец. Далее был мужчина с огромной голубой бабочкой, работавший с дрессированными собаками: животные по его командам прыгали через несколько обручей, один из которых пылал. Рори услышал, как Мэтью возбужденно вздохнул, когда двое акробатов в паре выполнили грациозный номер на трапеции, подвешенной к потолку.

Когда эта война с гравитацией была окончена, Рори принялся аплодировать и делал это, пожалуй, громче всех зрителей, и когда Мэтью взглянул на своего компаньона, губы его растянулись в улыбке.

— Ты когда-нибудь *такое* видел? — спросил он, хотя оба они знали, что собой представляют хорошие циркачи.

На сцену вышел клоун и представил целую серию оплошностей, которая вызвала взрыв смеха среди публики, а также было несколько других трюков, включающих в себя носовые платки, брызги воды и падение на связанных между собой шнурках.

Мэтью был рад услышать, как Рори смеется. Да, ужас ночи никогда не будет забыт, то сейчас он сумел от него отвлечься, что уже само по себе было чудом милосердия.

Женщина с длинными красными локонами и в фиолетовом платье вышла петь в сопровождении маленького толстого скрипача. Песня начиналась медленно и протяжно, в ней звучали трагичные слова о несчастной любви девушки к молодому фермеру. Очень внезапно песня изменилась: скрипач начал пилить, как сумасшедший, с такой силой, что мог порвать струну, а звук походил на крик резаного петуха или ощипываемой заживо утки. Кто-то продолжал высоким голосом вопить от восторга. Мэтью огляделся, но заметил среди зрителей детей, хотя некоторые зрители восклицали и пищали, как восторженные десятилетки.

Затем на сцену вернулся церемониймейстер и в желтом свете

фонарей оглядел зрителей с торжественным видом. Следующий номер он начал объявлять заговорщицким голосом:

— Леди и джентльмены, спешу представить вам номер, прибывший к нам из диких земель. Земель, принадлежащих львам и тиграм, жестоким ягуарам и ядовитым рептилиям! Земель, где можно попасть в зыбучие пески и быть стертым с лица земли…

О, подумал Мэтью*, в таких краях мне бывать уже доводилось*, однако предпочел оставить это замечание при себе. Его сердце забилось чаще, в подмышках выступил пот.

— … земель безжалостного ужаса, где смерть прячется под каждым камнем и за каждой колючкой! — мастер сделал паузу и обвел взглядом затаившихся зрителей. — Да! — воскликнул он. — Такая земля выносила в своем лоне *человека*! Он мог бы погибнуть, но вместо этого укрепил свои мышцы и кости невиданной силой, чтобы противостоять злому Року! Но… *человек* ли он? Или зверь? Я позволю вам самим найти ответ на этот вопрос, дорогие зрители, — пока он говорил, клоун и барабанщики вывезли на сцену объект примерно семи футов в высоту и пяти в ширину, накрытый коричневым покрывалом. Они оставили это в самом центре и поспешили уйти, скрывшись за занавесом, затем вернулись с большим железным брусом, который явно был очень тяжелым и требовал огромных усилий, чтобы его поднять. — Я представляю вам нашу удивительную сенсацию! — продолжил мастер, подойдя ближе к накрытому объекту. — *Могучий Черный Дикарь*!

Клоун и барабанщик сдернули покрывало. По рядам зрителей пронесся напряженный вздох. Под покрывалом оказался заточенный в клетку на деревянных колесах гигант. Его огромная фигура, скрытая черным плащом, восседала на стоге сена, наваленном на дне клетки.

Церемониймейстер дважды хлопнул в ладоши. Скрытая фигура зашевелилась. Она начала подниматься с сена и вытягиваться в полный рост, который явно превышал шесть футов, черный плащ упал на землю. Его невероятно широкая спина была обращена к аудитории. Из одежды на нем была лишь львиная шкура — с гривой для пущей острастки, — обмотанная вокруг талии и перекинутая через плечо.

Неужели это Зед? — спросил себя Мэтью. — Должно быть, он! Этот человек такой же огромный! Да! Это *должен* быть он!

Черный Дикарь зарычал гортанным, ужасающим рыком. Несколько женщин в аудитории испуганно пискнули и прижались ближе к своим бледным спутникам.

Затем Черный Дикарь повернулся, издал еще один грозный

звук, заставивший подпрыгнуть на несколько дюймов от скамьи даже Рори, и бросился на прутья клетки. Его узловатые руки вцепились в железо и принялись раздвигать прутья. Две женщины вскрикнули, затем закричал и какой-то мужчина, причем так сильно, будто только что обмочил штаны. Мэтью увидел, как на огромных руках напрягаются мышцы, увидел, как прутья прогибаются под беспощадной атакой Черного Дикаря… увидел племенные татуировки и шрамы, полосующие лицо, черную бороду…

… и понял, что это был не Зед.

Да, этот африканец тоже был Га. Возможно по той же причине ему отрезали язык, что и Зеду, когда поймали и продали в рабство. Возможно, корабль, плывущий в Лондон, Амстердам или Нью-Йорк потерпел кораблекрушение или был атакован пиратами, после чего был уничтожен, и остался один единственный выживший…

… но он не был Зедом.

Черный дикарь вспотел. Его зубы были стиснуты, а белые шрамы набухли от крови на черном лице. Он продолжал раздвигать прутья нещадным давлением, и затем, продемонстрировав силу, которой должен был восхититься даже вождь племени Га, он протолкнул себя через изогнутые прутья и зарычал, что представляло собой ужасающее зрелище, потому он открыл рот и предъявил всем доказательства отсутствия языка.

Мэтью решил, что у всей публики сейчас случится припадок, и в самом деле — кто-то в страхе бросился к выходу. В этот момент, когда Черный Дикарь продолжал демонстрировать зрителям свои играющие в свете фонарей мышцы блестящих от пота рук, слева от него появился скрипач и принялся играть, после чего злобная гримаса на лице Дикаря превратилась в ухмылку, и он начал танцевать.

Это было похоже на медведя, танцующего менуэт, но вид мирно пляшущего дикаря успокоил публику. Что было по-настоящему удивительно, так это то, что такое огромное существо двигалось с удивительной грацией. В абсолютной тишине, нарушаемой лишь скрипом смычка по струнам, Черный Дикарь изящно изворачивался, демонстрируя все рельефы своего мощного тела изумленной публике. Вскоре снова появился церемониймейстер и пригласил случайных мужчину и женщину на сцену, чтобы проверить на тяжесть и прочность железный брус. Мужчина подошел, а женщина предпочла остаться на месте. Он чуть не упал в обморок, пытаясь приподнять брус, что вызвало волну снисходительного хохота у зрителей. Неудавшийся силач вернулся на свое место, и Черный Дикарь шагнул вперед, готовый

к выполнению трюка. Воин Га поднял железный брус, как если бы это было просто выкрашенное под сталь легкое дерево, а после даже изогнул его в десяти местах.

Мэтью чувствовал удовлетворение. Он должен был увидеть это своими глазами. Теперь он был совершенно уверен, что Зед и капитан Фалько со своей женой Шафран и сыном Айзеком избежали гнева Профессора Фэлла, и немой воин вернулся в своем племя, а «Ночная Летунья» скоро снова прибудет в Нью-Йорк. Этому стоило порадоваться. Наблюдая за Черным Дикарем, демонстрирующим себя восторженной публике, Мэтью понял, что этот Га также нашел свое место. Он самодовольно улыбался, поднимая двух акробатов — по одному каждой рукой — показывал, как легко они могут устоять на его сильных плечах, при этом он обращался с ними осторожно и с уважением, как будто они были живыми произведениями искусства.

Итак… можно было считать, что это хороший исход.

Когда выступление Черного Дикаря подошло к концу, он присоединился в поклоне к остальной труппе. Выглядел он действительно счастливым, самодостаточным человеком. Когда барабанщик, скрипач и певица исполнили последний номер, церемониймейстер пожелал зрителям доброй ночи, отправил в толпу несколько воздушных поцелуев и откланялся. Вскоре Мэтью и Рори вышли на улицу.

— Неплохо, Мэтью, — сказал Рори, когда они начали подниматься по ступеням. — Для цирка, я хочу ска…

— Извините, пожалуйста.

Мэтью оглянулся на того, кто, перебив его друга, ухватил его за плащ.

Молодой человек — красивый, с чисто выбритым лицом, высокими скулами и светлыми волосами под украшенной лентой темно-зеленой треуголкой — стоял позади и улыбался ему.

— Ваше имя — Мэтью Корбетт?

Внезапно Мэтью почувствовал опасность. Холодные серые глаза под светлыми бровями смотрели на него бесстрастно в ожидании ответа.

— Вы ошиблись, — ответил он.

— О, прошу простить, — был ответ. — Я подумал, вы — это он, потому что у меня есть сообщение для него от Хадсона Грейтхауза.

Что-то во всем этом было очень и очень неправильное.

— Извините, — сказал Мэтью. Все его внутренности завязались узлом и исполнили причудливый кульбит. Он продолжил подниматься по лестнице, освещенной разноцветными фонарями.

Молодой человек продолжил идти рядом с ним, изредка с улыбкой поглядывая на Рори.

— А вы на него очень похожи. Я видел, как вы сняли треуголку. Не у каждого человека такой шрам на лбу. Это *выделяет* вас.

— Вы ошиблись.

— В самом деле? О… ну хорошо… я подумал, что ваш друг называет вас по имени и поспешил догнать вас. Хотите сказать, я ослышался?

Мэтью повернулся к человеку, чтобы грубо выругаться и заставить его отвалить, и, уже начав поворачиваться, он заметил быстрое движение, которое привлекло двух других притаившихся неподалеку мужчин, ждущих сигнала на верхних ступенях, и он понял, что им с Рори пришел конец.

— Мистер *Корбетт,* — снова обратился молодой человек, резко положив руку на плечо Мэтью. — Давайте прогуляемся с нами до кареты, которая ждет нас. Изволите?

— О, нет! — Рори овладел страх. Он искал выход. Другие люди поднимались по лестнице, толкая его вперед. Он не мог отступить, и вскоре он увидел двоих мужчин, которые узнали его не по имени и не потому что видели его раньше, и он понял, что перед ним убийцы, работающие по наводке. Затем он оказался на вершине лестницы, и один из них положил руку Рори на плечо, как если бы они были давними друзьями.

— Хорошее представление, не правда ли? — сказал светловолосый молодой человек, обращаясь к Мэтью, пока вел его к оборудованной фонарями карете в конце улицы. — То есть, — поправился он. — Оно хорошее, когда смотришь его в первый раз, а у меня этот первый раз состоялся две ночи назад. Сегодня уже третья… *эх!* — он пожал плечами в явном неудовольствии. — Спешу вас заверить, что все мы вооружены и мы очень хорошие стрелки, но сегодня мы не планируем стрелять на улице, где ходит куча непуганых идиотов, поэтому надеемся на ваше содействие. Так что будьте хорошим мальчиком и шевелите ногами в сторону кареты. Договорились?

— Куда мы направляемся? — осмелился спросить Мэтью, хотя уже прекрасно знал ответ.

— *Вы* направляетесь туда, — ответствовал человек со спокойной улыбкой. — Где вам зададут хорошую порку. Пойдемте же, сэр, Матушка ждет.

Часть пятая. Прекрасная могила

Глава двадцать девятая

Это был крепкий двухэтажный дом из коричневого и белого кирпича с большим балконом на чердаке. От главной улицы к нему вела длинная усыпанная гравием дорожка, начинающаяся от больших резных ворот, которые открыл светловолосый молодой человек в темно-зеленой треуголке, выйдя из кареты. Как только экипаж миновал ворота, блондин снова вышел и запер их.

В доме было множество окон, и все они выходили на центр города. Через стекла прорывался желтый свет фонарей. Создавалось впечатление, что в доме проходит какой-то прием, и сейчас он в самом разгаре.

Но Мэтью и Рори понимали, что настоящий разгар вечеринки начнется, когда они прибудут туда. Пленников доставили в дом в абсолютном молчании, никто даже не называл имен. Их провели через дубовые двери, а также через просторные комнаты, в которых лежали яркие персидские ковры и стояла богатая кожаная мебель. Пойманных молодых людей увлекли к другой двери в задней части дома, к лестнице, ведущей вниз. В освещенном фонарями подвале с серым каменным полом им приказали раздеться, и один из конвоиров забрал их одежду с собой.

— Здесь немного сквозит, вам не кажется? — спросил Мэтью, обращаясь к заставившим его раздеться людям, но ответа не получил. Два человека покинули комнату. Еще один — в коричневой тюбетейке — раскурил глиняную трубку. Он сделал несколько шагов в сторону и остановился рядом с блондином, однако разговора с ним не начал. В опущенных руках этих людей твердо держались пистолеты, которые настигли бы свою цель выстрелом при первой же попытке совершить какую-нибудь глупость. Все оставались на своих местах примерно четверть часа или около того, никто не произносил ни слова, взгляды вооруженных людей были сконцентрированы только на узниках.

Мэтью старался держаться максимально непринужденно, хотя на деле был напуган до смерти. Он думал, что люди, которые приказали им с Рори раздеться догола, сделали это специально, чтобы усилить чувство беззащитности и наглядно увидеть, как тела их узников бьет мелкая нервная дрожь. Мэтью устремил глаза в пол и постарался придумать способ выбраться из этой ситуации, но с каждой секундой все четче сознавал, что выхода нет.

Рори обратился к двум конвоирам:

— Могли бы хоть плащи нам одолжить, ублюдки конченные! — лицо его было напряженным, глаза светились напускной яростью, и лишь дрожащее от страха и холода тело предательски выдавало его истинное состояние. — Какого хера вы тут затеяли?

Несмотря на его требовательный тон, никто ему не ответил.

Еще через несколько минут вернулись ушедшие похитители, перекинулись со своими напарниками парой слов, говоря как можно тише, и Мэтью с Рори вытолкали из этой комнаты в небольшой коридор, ведущий к другому помещению. Масляные лампы были закреплены на стенах и сильно чадили. В комнате присутствовало четыре стула с высокими спинками с подлокотниками, и каждый разделяло около шести футов. Мэтью решил, что эти стулья были сделаны для какой-то особой цели, потому что ножки их уходили в бетонные блоки, прикрепленные к полу, чтобы тот, кто сидел в них, никак не мог сдвинуться с места. Мэтью заметил несколько шляпок гвоздей, что были вбиты почти вплотную к изголовью этих пугающих сидений, а на бетонных блоках виднелось множество пятен крови, что заставляло думать о том великом множестве человек, которое было замучено здесь до смерти.

Если пытаться вычленить из текущего положения хоть что-то положительное, стоило отметить, что сильно отдалять Мэтью и Рори друг от друга не стали: их посадили на соседние стулья. Оба молодых человека уже изрядно вспотели от страха. Молодой блондин держал свой пистолет нацеленным в голову Мэтью, второй головорез точно так же целился в Рори, пока их напарники застегивали кожаные ремни на запястьях и лодыжках пленников, пристегивая их к стульям. Дополнительные кожаные ремни обернулись вокруг груди заключенных.

— Вы взяли не тех парней, — сорвался Рори, вновь попытавшись выпутаться. Голос его дрожал. — Клянусь Богом!

Тем временем комнату покинули все, кроме блондина в темно-зеленой треуголке. Последний вышедший закрыл за собой дверь, которая толщиной была не меньше трех дюймов — стало быть, ни один звук не вырвется наружу из этого помещения. Мэтью понял, что даже если ему удастся каким-то чудом выбраться из этой камеры пыток, а потом даже покинуть дом, главная улица все еще будет слишком далеко от него, чтобы добраться хоть до кого-то, кто мог бы оказать помощь.

Камера пыток, подумал Мэтью. Очень подходящее название. Похоже, эта комната создавалась специально, чтобы здесь можно было в угоду своему извращенному удовольствию пытать четырех бедолаг одновременно. Интересно, почему выбрано было именно

такое количество? Так выпали кости? Или «4» было счастливым числом Матушки Диар? Пока он размышлял, он одновременно потел и трясся от ужаса, по телу друг за другом пробегали волны то жара, то холода. Светловолосый молодой человек тем временем спрятал пистолет под плащ и повернулся к стене рядом с дверью, закрыв глаза.

— Как вы меня нашли? — спросил Мэтью.

Глаза блондина и не думали открываться. Отвечать он тоже не собирался.

— Вы следили за цирком? — вновь попытался Мэтью. — Матушка Диар отправила вас сторожить его? Как она узнала, что я могу оказаться там?

Никакой реакции не последовало.

— Да эти уроды *глухие!* — выкрикнул Рори с нервным смешком. — Глухие и тупые, мать их!

— Зато, очевидно, читать они умеют. По крайней мере, некоторые из них, — Мэтью вдруг сообразил, с какой стороны еще можно попытаться зайти. — Итак, Матушка Диар читает «Булавку», верно?

Светловолосый молодой человек лишь вздохнул.

— Пошел ты, блонди! — злобно выкрикнул Рори. — Что, сожрал на ужин тарелку мужских яичек и теперь такой крутой?

Даже на это не последовало никакой реакции. Рори сокрушенно вздохнул и опустил голову.

— Черт возьми, Мэтью, — нервно усмехнулся он. — Попали мы с тобой.

— Они не собираются нас убивать. Если бы они хотели, мы были бы уже мертвы, — Мэтью не понравилось, как прозвучали эти слова, вылетевшие из его собственного горла. Кровавые следы на полу комнаты говорили о том, что иногда даже смерть гораздо предпочтительнее, чем медленная и мучительная пытка… неважно, какую именно технику пытки здесь используют. Мэтью попытался не дать своему воображению разгуляться и представить, *что* именно здесь могут вытворять с людьми, хотя его мозг уже готов был проявить поразительную изобретательность.

Прошел, быть может, час, в течение которого светловолосый надзиратель лишь единожды встрепенулся и покинул комнату примерно на пятнадцать минут. Во время его отсутствия Мэтью и Рори попытались вырваться из пут или расшатать стулья, но в обоих случаях потерпели неудачу: их похитители и будущие мучители расстарались на славу. Когда так и не назвавший себя светловолосый молодой человек вернулся, на губах его сверкала тонкая самодовольная улыбка: он, разумеется, понимал, что

узники попытаются спастись, и знал, что им это не удастся.

Дверь снова открылась. Тело Мэтью содрогнулось, его посетила вполне осознанная, оформившаяся мысль: *все, это конец*. Двое мужчин, которых он уже видел прежде, внесли маленький круглый столик и небольшой стульчик, поставив их между Мэтью и Рори. Затем в камере пыток появился новый человек — его Мэтью никогда прежде не видел.

— Привет, ребятки, — сказал он, одарив своих узников широчайшей улыбкой, обнажив большие белые зубы. Он был одет в светло-серый костюм с белым жилетом. С собой у него наличествовала черная кожаная сумка, которую он поместил на стол. — Меня зовут Нодди. А вас?

— Наши имена вы уже знаете, — ответил Мэтью.

— И то верно. Просто стараюсь быть вежливым, — он нырнул рукой в черную сумку и извлек оттуда кусок зеленой ткани, тут же растянув его на столешнице. — Мэтью Корбетт и Рори Кин. Два непоседливых молодых человека, — его рука снова опустилась в черную сумку, и он начал медленно и методично выкладывать на ткань самые разнообразные инструменты, которые заставляли волосы на затылке Рори и Мэтью вставать дыбом.

Сияя в свете ламп, первыми наружу показались небольшие клещи, затем к ним присоединился тонкий металлический стержень с рыболовным крючком на конце, следом на ткани оказалось несколько пар щипцов, а после свет увидели различные острые предметы явно из одного набора с похожими ручками из слоновой кости. Некоторые из этих инструментов походили на миниатюрные копья. На этом Нодди не остановился: он выложил на ткань еще один металлический стержень, заканчивающийся острыми зубцами, а затем некий серебряный предмет, оканчивающийся маленьким зеркальцем квадратной формы. Этот парад ужасов завершили два набора тонких палочек, увенчанных кожаными ремешками и крючками.

— Мои красавицы, — с любовью возвестил этот человек, и добавил. — Я дантист.

Мэтью почувствовал, как капельки пота стекают по его лицу. Нодди, судя по виду, было уже далеко за пятьдесят, а может и шестьдесят. Полный человек с пухлыми щеками и красноватым лицом. Лысый, но по бокам закручивались локоны белых волос. Он носил аккуратно постриженную козлиную бородку и очки с круглыми линзами, немного увеличивающими его карие глаза. Расположение морщинок на лице Нодди указывало на то, что он очень много смеялся, стало быть, имел веселый нрав. Пожалуй, этот человек вполне довольствовался своим положением. Мэтью

беспокойно отметил, что руки их будущего мучителя были небольшими в сравнении с остальными частями тела, но довольно жилистыми. *Самое то*, подумал молодой человек, *для работы с зубами*.

— Скажите ей, что я готов, — сообщил Нодди молодому блондину, который незамедлительно покинул комнату и закрыл за собой дверь. Затем Нодди, широко ухмыляясь, вновь сосредоточил свое внимание на двух прикованных к стульям юношах. — Погода в последнее время совершенно чудовищна, не находите?

Внезапно ни Мэтью ни Рори не захотели открывать рот.

— О, да будет вам! — почти обиженно воскликнул Нодди. Он поправил свои очки, съехавшие почти на кончик носа. — Я вам так скажу со всей откровенностью, — продолжил он, садясь на стул и устраиваясь поудобнее, пошевелив ягодицами. — *Все* начинают говорить. Неважно, какими сильными и выносливыми люди себя полагают и насколько бережно хранят свои секреты… *все* в итоге рассказывают *всё,* — его густые брови подпрыгивали, пока он говорил, подчеркивая каждое предложение, как знаки препинания. — Это, как принято говорить, лишь вопрос времени. И потери крови. О, дорогуши! Вы думаете, что кто-то с *ее* богатством мог бы нанять слуг, чтобы иногда чистить эту комнату от крови, не так ли?

И каким мог быть правильный ответ? Никаким. Мэтью остался молчаливым. Рори потерял контроль и рванулся в своих путах в тщетной, отчаянной попытке освободиться. Нодди смотрел на него так, словно наблюдал за стараниями угодившей в капкан собаки.

Затем дверь снова открылась. Прибыла хозяйка дома.

Матушка Диар — на самом деле ее звали Мириам — была одета в малиновое платье с черными рюшами спереди. Ее грубые рабочие руки были скрыты черными кружевными перчатками. Хлопковое облако ее волос украшали золотые заколки, которые Мэтью прекрасно помнил. Она была такой же, как тогда, на Острове Маятнике — твердой, с мощным телом, с нескрываемым выражением превосходства на лице, как мамаша в публичном доме, посягнувшая на роль королевы бала, только на этот раз присутствовали три существенных различия: оба ее лягушачьих глаза почернели и опухли, как, впрочем и все ее и без того огромное лицо. Недавно она получила от кого-то целую серию хороших ударов.

— Наш Мэтью, — сказала она, но голос ее был холодным и плоским, а слова вылетали сквозь стиснутые маленькие шлифованные зубки. Глаза ее под темными капюшонами век

сдвинулись в сторону Рори. — И ты, — она издала цокающий звук, полный разочарования. Ее взгляд вернулся к Мэтью. — Понравилось представление?

— Понравилось, — Мэтью изо всех сил старался не показывать в своем голосе испуг. Пожалуй, это потребовало таких усилий, на которые не был способен даже Черный Дикарь. — Не думал, что вы и это место уже под себя подмяли.

— Мои люди наблюдают за множество мест, дорогуша. Потребуется некоторое время, чтобы созвать их всех из доков и с дорог. Мои люди проходят через каждый экипаж и досматривают каждую повозку под видом констеблей. Ищут Плимутского Монстра, который может пытаться избежать правосудия, которого так заслуживает.

— Хорошая идея. Вы явно не хотите, чтобы этот сукин сын сбежал.

— В точку. Так уж вышло, что являюсь большой поклонницей «Булавки». Там я прочла о Черном Дикаре, на которого ходила посмотреть на прошлой неделе. Кстати, особенное удовольствие мне доставил клоун. И тогда я подумала… хммм… он очень сильно напоминает того африканского гиганта без языка, твоего друга с обезображенным лицом, которого мы держали в клетке на Острове Маятнике. Я подумала… если ты не уверен в том, что приключилось с *тем самым* гигантом, то, наверняка, придешь сюда, чтобы подтвердить или опровергнуть свои догадки. К тому же я уверена, что таких дикарей не так уж много. Что ж, — она пожала плечами. — Когда мы оккупировали дороги и доки, взяли под наблюдение весь Уайтчепел, я подумала… стоит послать людей и на улицу Давз-Уинг. Пусть следующие несколько ночей они там побудут и посмотрят в оба. И видишь?

Мэтью сохранил молчание.

— Я восхищаюсь человеком, которые преследуется законом Лондона и законом Профессора Фэлла и который выбирает скрываться в толпе, чтобы посмотреть цирковое представление, — сказала Матушка Диар с легкой ухмылкой. Но иногда в сложных ситуациях мы все можем не суметь мыслить трезво, верно?

Мэтью ничего не сказал. Его взгляд скользил по множеству пугающих инструментов, разложенных на столе.

— Да, — продолжила Матушка Диар. — Ты правильно боишься их, дорогой Мэтью. Какой беспорядок ты устроил на Острове Маятнике! Господи, этот прекрасный замок и почти треть всего острова… была погребена в море. Ты хоть представляешь, чего это стоило Профессору?

— Представляю, — решил, наконец, ответить Мэтью. — Он уполз куда-то зализывать раны и некоторое время сидел в

подполье, а в это время в городе на арене появился новый игрок. Он обозначает свою работу дьявольским крестом, и этим утром он…

— Порезал Черноглазое Семейство, убив их всех и украв «Белый Бархат». Да, я была там сегодня в полдень, — ее глаза обратились к Рори. — Точнее, мне стоило уточнить: убив всех, *кроме одного*. Где же ты был, дорогуша?

— Он был со мной, — ответил Мэтью.

— О! И кто-то из вас имеет отношение к смерти Фроста и Уиллоу рядом с таверной «Три Сестры»?

Мэтью вновь промолчал, а Рори опустил глаза в пол.

— Ну, конечно, вы оба имеете! Или… к примеру… вы оказались *втянуты* в эту историю, так ведь? Потому что Фрост и Уиллоу были заколоты мечом. Этот кинжал, который был у тебя в плаще, разумеется, хорош, но такую работу он бы с моими людьми не проделал, верно?

У Мэтью во рту пересохло. Вся жидкость из его тела, казалось, испаряется вместе с потом. Он прекрасно понимал, к чему вела Матушка Диар. *Плащ*.

— Джулиан, — обратилась она. — Принеси мне эти вещицы, будь так добр.

Светловолосый молодой человек, ожидавший прямо за дверью, вошел, в одной руке неся листок бумаги, на которой был записан вызов, брошенный Профессору Фэллу, а во второй — маску Альбиона.

Матушка Диар взяла оба предмета. Она обмахнулась листком, словно веером, выражение ее лица не изменилось ни на йоту с того момента, как она появилась в этом помещении.

— Этот стишок… смехотворно драматичен, — сказала она. — И никакого значения ни для кого не имеет.

— Дантон, возможно, думает иначе, — ответил Мэтью.

Она перестала обмахиваться на секунду. Затем снова начала.

— О, простите, джентльмены, — обратился Мэтью к четверым мужчинам в комнате. — Теперь вы знаете, что настоящее имя Профессора — Дантон Идрис Фэлл. А еще знаете, что он мулат, и Матушке Диар придется убить вас за то, что вы теперь в курсе этой информации.

— Мне выйти? — спроси Нодди с заметным беспокойством. Небольшие капельки пота заблестели у него на лбу.

— Разумеется, нет, — ответила Матушка Диар, продолжая обмахиваться. — Мы сейчас оставили такие секреты позади, потому что, как я сказала, они не имеют никакого значения, — она улыбнулась своей лягушачьей улыбкой нервничающему дантисту. — Но не стоит трепать языком попусту, Теодор. *Он* не

желает стать всеобщим достоянием.

— Вы можете рассчитывать на меня, как и всегда.

Внезапно Рори выпалил:

— Что вы собираетесь с нами сделать?

Мэтью поморщился. Он явно не хотел получать ответ на этот вопрос в ближайшее время.

Матушка Диар проигнорировала его.

— Судя по метке на твоей руке, — она кивнула на руку Мэтью. — Ты стал членом Семейства. Какая прелесть! Молодой джентльмен из Нью-Йорка прибыл в Лондон, чтобы превратиться в уличный мусор! Просто чудесная история!

— Вы считали Семейство уличным мусором, когда от имени Профессора Фэлла позволили им продавать «Белый Бархат»?

— Я думаю, мне все же лучше выйти, — сказал Нодди.

— Оставайтесь на месте! — резко прикрикнула она. А затем продолжила притворно нежным голосом. — Мэтью, это все бизнес. Каждый делает свое дело. В бизнесе нет ни *хороших,* ни *плохих*. Есть просто прибыль или убытки. Ты это понимаешь?

— Я понимаю, что в «Бархате» есть какое-то наркотическое вещество, которое вызывает чудовищное привыкание и превращает людей в безумных зверей.

Нодди сказал:

— В самом деле, мне стоит…

— Тш-ш-ш! — шикнула она на него. — Вы слышали вещи и похуже, но просто затыкали их пломбами, — некоторое время она молча смотрела на Мэтью, словно выказывая уважение, затем повторила. — *Бизнес*. На улицах огромное количество марок джина, Мэтью. Множество других. Почему не создать один, который… скажем… будет содержать особый ингредиент, чтобы этот продукт нашел свое незыблемое место на рынке? И ведь люди любят его, Мэтью! Они не могут им насытиться! Они сбивают руки в кровь и стирают ноги до костей, готовы взяться за любую грязную работу, только бы получить маленький глоточек. Страдание и отчаяние этих людей — ужасны. И мы позволяем нашим бедным маленьким покупателям совершить побег. От реальности. Причем за совсем небольшие деньги, в самом деле. Что же в этом плохого?

Мэтью кивнул.

— Все. «Бархат» приносит куда больше страдания и отчаяния, чем забирает, а вся плата уходит в активы Профессора Фэлла.

— Я слушаю, но не слышу ничего, что бы делало наше предприятие таким плохим. Мы создали продукт и создали на него спрос. Мы контролируем рынок этим зельем и, следовательно, мы…

— Вскоре не сможете вы ничего контролировать. Этот игрок, который напал на Черноглазое Семейство, взял себе образец вашего наркотика и вскоре сможет скопировать его, вывести точную формулу.

— Меры будут приняты, я тебя уверяю.

— Уверяйте не меня, а Профессора Фэлла. Этот склад на самом деле был под *вашей* ответственностью, не так ли? И когда выяснится, что он был разграблен — если это *еще* не выяснилось — он может пригласить вас на обед, и главным блюдом станет ваша голова… запеченная с яблоками.

Один из присутствующих мужчин совершил ошибку, издав короткий смешок. Он быстро подавил его, сделав вид, что прочищает горло, но глаза Матушки Диар ожгли его так, что человек невольно опустил голову и отступил на несколько шагов.

Когда она вновь сосредоточила внимание на Мэтью, то продемонстрировала приторно-ликерную сладость во всем ее грязном свете. Она подняла маску Альбиона и поводила ею перед лицом молодого решателя проблем.

— Кто он?

Мэтью знал, что рано или поздно они к этому придут. Господи, какие же тугие ремни! Тот, что обвивается вокруг груди… от него почти невозможно дышать.

— *Альбион.* Кто он? И где он? Ты видишь эту запекшуюся кровь? — она повернула маску в своих толстых пальцах, чтобы показать ему. — Это *его* кровь, или кого-то из моих людей?

Мэтью понял, что когда люди Матушки Диар нашли тела Фроста и Уиллоу, оба их пистолета уже были украдены, поэтому она не могла знать наверняка, что Альбион был ранен.

— Рори, тебе есть, что сказать?

К удивлению Мэтью, Рори мужественно молчал, продолжая смотреть на инструменты дантиста блестящими от страха глазами на бледном, вспотевшем лице.

Матушка Диар вздохнула.

— Мэтью, *послушай меня.* Я собираюсь задать тебе эти вопросы еще раз, а после этого доктор Нодди приступит к работе. Когда он начнет, его уже нельзя будет остановить. Он наслаждается своей работой. Так что: кто такой Альбион?

Мэтью с трудом сглотнул. Он услышал, как Рори сделал то же самое.

— И где он? — она подождала несколько секунд, прожигая в нем дыры взглядом, а затем испустила тяжелый вздох. — Хорошо. Нодди, поработайте сначала над Мэтью.

После этого изречения двое мужчин подались вперед. Один сжал ноздри Мэтью хваткой железной руки, а второй надавил ему

на горло. У него не было никакой возможности держать рот закрытым. Перед тем, как Мэтью сумел сжать зубы, Нодди успел поместить в его рот какую-то конструкцию, напоминающую металлические распорки. Мэтью попытался рвануться, но путы держали крепко. Казалось, уголки его губ вот-вот разорвутся. Острые зубцы металла уперлись в мягкие ткани, твердый каркас предотвращал саму возможность закрытия рта. Мужчины взяли за кончики кожаные ремни, свисавшие с приборов дантиста, с обоих концов и потянули их к шляпкам гвоздей, вбитых в спинку стула. Когда кожаные ремешки закрепились на шляпках, голова Мэтью оказалась полностью обездвижена.

Как только все было готово, рот Мэтью остался широко раскрытым и, казалось, даже растянутым, молодой человек понял, что у него нет никакого шанса оказать сопротивление. Конструкция, которую в него поместили, даже имела специальный прибор, прижимавший книзу его язык.

Двое мужчин отступили, освобождая доктору Нодди пространство для деятельности.

— Что ж, давайте-ка посмотрим, — произнес дантист с улыбкой. — Джулиан, ты не принесешь мне сюда фонарь, пожалуйста?

Просьба была выполнена. Нодди использовал инструмент с прикрепленным к нему небольшим зеркалом.

— Это небольшое изобретение позволит мне тщательно осмотреть твои зубы и оценить масштаб работы. Оно было придумано доктором Норткаттом несколько лет назад, чтобы предупредить последствия столбняка, — сказал он. — А еще им пользовались, ухаживая за умалишенными пациентами в лечебницах. — Мэтью почувствовал, как уголок небольшого зеркальца постукивает по его зубу. — Люди, — фыркнул доктор Нодди. — Никогда не уделяют должного внимания зубам, а стоило бы. Жаль, в самом деле. У дантистов огромное будущее, я в это свято верю. О! Похоже, у нас здесь небольшой кариес у самой десны, внизу, слева. Похоже, только начинается. В остальном… хороший наборчик, — он убрал зеркало и посмотрел в расширенные от страха глаза Мэтью.

Улыбка Нодди приняла зловещий вид.

— *Боль* — основная проблема, — хмыкнул он. — Из-за нее люди боятся ходить к дантисту. Рот… зубы… десны… так чувствительны к травмам. Я рассказывал Матушке Диар однажды… мне кажется, мужчины сильнее чувствуют боль своими деснами, чем даже своими яичками. Серьезно, я в этом уверен. Отрежь мужчине яйца, и он, разумеется, закричит, но боль быстро проходит. А стоит начать вырывать ему зубы один за другим и

забивать пломбами лунки… как я уже сказал вам, *все* начинают говорить.

— Смотри за этой процедурой очень внимательно, Рори, — посоветовала Матушка Диар. — Если тебе есть, что сказать, я предлагаю тебе сделать это сразу.

Рори не ответил.

Поток крови с силой застучал у Мэтью в ушах. Лицо его загорелось, но остальное тело дрожало от холода и страха, а еще от беспомощности. Он давил на ремни всеми силами, которые только у него были, но попытки не принесли никакого результата. Слезы злости наводнили его глаза и побежали по его щекам. Ничего нельзя было сделать, и никто не придет сюда, чтобы спасти его.

Нодди поднял со стола клещи. Он поднес ко рту «пациента» маленькое зеркало и еще раз осветил область своей работы, Джулиан помог ему фонарем. Клещи проникли в рот Мэтью и стукнулись о передние зубы, и молодой человек почувствовал, как они захватили зуб в нижней левой части его челюсти.

В следующую секунду он услышал собственный стон.

— Спокойно, — сказал дантист. — Мы вытащим его уже через мгновение.

Глава тридцатая

Рука Нодди двинулась с неожиданной силой.

Мэтью услышал треск зуба. Услышал и почувствовал, как зуб отрывают от корня, а затем давление и боль буквально разорвали его челюсть на части, хрустящий звук все не смолкал, пока запястье Нодди резко изгибалось, а клещи двигались назад и вперед резкими рывками.

— Упрямый, — заметил Нодди.

У Мэтью началась паника, но никакого сопротивления он оказать не мог. Он не мог двигаться, не мог закрыть рот. Единственное, что он был способен делать, это с нечеловеческой силой сжимать подлокотники своего стула пальцами. Его язык пытался сопротивляться, но никакого толку с этого не было. Боль была такой сильной, что, казалось, левая половина лица вот-вот взорвется. А затем с финальным поворотом руки Нодди, клещи покинули рот, зажимая в себе окровавленный зуб. Кровь хлынула в рот Мэтью, и у него не было никакого выбора, кроме как проглотить ее.

— Прекрасный образец, — сказал Нодди, поднося зуб к свету, чтобы рассмотреть его. Внезапно он нахмурился и посмотрел на него внимательнее. — Вот ведь! — воскликнул он. — Вот это я даю, Господи! Тысячи извинений, Мэтью. Я извлек не тот. Этот зуб находился позади того, который я намеревался достать. Ладно, давай это исправим, — он бросил зуб на зеленую ткань и без лишней задержки вновь погрузил клещи в рот своей жертвы.

Куда я могу уйти? — спросил Мэтью сам себя мысленно, услышав, как очередной зуб трещит под давлением жестокого инструмента. — *Что сделать, чтобы закрыться от этого? Сбежать в «Галоп», где играл в шахматы? Или вернуться в дни работы с Хадсоном в конторе? Прогуляться мысленно по Бродвею с Берри под руку? Да… определенно, туда. Солнечный осенний день… когда холмы покрываются золотыми и красными красками…*

— Еще одно упрямое чудовище, — хмыкнул Нодди. — Глубоко засел.

… наша беседа легка, солнце сверкает в окнах, не о чем волноваться, совершенно не о чем, ничто не мешает беседе, ее рука скользит в мою ладонь, и в мире не существует никакого Профессора Фэлла…

— Ах! — зуб был вырван последним яростным поворотом запястья дантиста. Еще больше крови наполнило рот Мэтью. Боль начала пульсировать в такт сердцебиению. Он закашлялся и

лихорадочно схватил ртом воздух, опасаясь задохнуться собственной жизненной жидкостью.

— Глотай, — настоятельно посоветовал Нодди. — Маленькими глотками, понемногу за раз. Да, это тот самый зуб, который мне был нужен. Видишь небольшую точку прямо здесь? Со временем она могла тебе доставить множество неудобств.

… я держу Берри за руку, мы неспешно идем с нею по Бродвею, разговариваем о пустяках, ни о чем особенном, но при этом движемся к совместному будущему… хорошему будущему… свободному от ужасов и насилия… да, это будет хорошее будущее…

— Перед тем, как мы продолжим, — обратился Нодди к Матушке Диар. — Могу я получить свое вознаграждение немного загодя? Это бы сняло мое напряжение.

Сквозь расплывчатую красную пелену Мэтью увидел, как женщина жестом дала знак своим людям, один из которых послушно покинул комнату. Нодди не торопился, вытирая клещи о зеленую ткань.

— Теперь, когда у нас есть нужные лунки, — сказал он, любовно рассмотрев свои пыточные орудия. — Мы можем исследовать их более тщательно.

Он принялся один за другим поднимать угрожающего вида инструменты с ручками из слоновой кости.

— Тебе есть, что сказать, Рори? — спросила Матушка Диар.

Мэтью постарался выкрикнуть «*Нет!*», но сконструировать такое простое слово у него не получилось: звук вышел похожим на тот, что издавал бы лишенный языка воин Га.

Рори молчал.

— Твое время тоже близится, юный сэр, — насмешливо сказала она ему. — Мы не убьем Мэтью, потому что Профессор Фэлл захочет с ним поговорить. Для полновесного развлечения у нас есть ты, кусок уличного мусора, не представляющий никакой ценности. Мы можем совершенно не сдерживаться в том, что будем делать *с тобой*, и после того, как развлечемся всласть, мы с тобой покончим. Если будешь сотрудничать, то умрешь быстро, тебе просто пустят пулю в мозг. Если же нет, тебе придется пройти через адское пламя и молить самого Дьявола о смерти. Слышишь меня?

Рори ничего не сказал.

— Ты всегда был идиотом, — фыркнула она. — Ах, вот и ваше утешение, Теодор!

Мужчина вернулся, держа в руке маленькую синюю бутылочку, которую на вытянутой руке протянул дантисту. Нодди откупорил «Бархат» и сделал большой глоток. После этого он

закрыл глаза и приложил бутылку к сердцу.

— Превосходная партия, — блаженно произнес он.

— Да. С прошлого вторника.

— Я мог бы поинтересоваться, что за химикат делает его таким… лучшим успокоительным в мире, но я…

— Но вы должны работать, — многозначительно оборвала его Матушка Диар.

— Соверррршенно верррно, — ответил Нодди с радостным энтузиазмом. Он сделал еще один большой глоток ядовитого пойла, закупорил бутылку и отставил ее в сторону. — Ну, хорошо… давай-ка посмотрим… думаю, надо использовать вот это.

Мэтью не мог разглядеть, какой инструмент выбрал его мучитель. Пот жег ему глаза и капал с подбородка. Он чувствовал запах собственного страха — горький и животный. Жидкость, льющая из открытых ран в деснах прямо ему в горло, вновь заставила его закашляться и поперхнуться. Капли крови вылетели изо рта.

— Это просто неприемлемо! — злобно воскликнул Нодди. — Это один из лучших моих костюмов! Если ты мне его испортишь, тебе придется заплатить за чистку!

Матушка Диар сквозь зубы процедила:

— Я куплю вам новый чертов костюм! Не отвлекайтесь!

Инструмент остановился напротив передних зубов Мэтью.

… Бродвей прекрасен осенью… на холмах легкий туман… лодки на реке… и Берри, идущая прямо рядом со…

Его подхватил и унес черный смерч. Это был толчок агонии, разлитый по черепу и простреливший шею и плечо. Стул затрещал, когда тело его содрогнулось, стянутое ремнями, причем дернулся он так, что едва не вывихнул обе руки. Он услышал умирающее эхо сдавленного крика.

— Похоже, я достал до кости, — сказал Нодди. — В этот раз возьмем немного правее.

И снова — ужасная, горящая боль пробежала по челюсти, черепу и плечам. Это заставило тело Мэтью выгнуться и задрожать так сильно, что стул, похоже, вот-вот мог разломаться на части. Эхо крика снова долетело до него, его угасающий разум воспринял это как далекий, чужой звук. Ему показалось, что кто-то поднял его и сбросил в яму, у которой не было дна.

— … приходит в себя, я полагаю, — он услышал, как Нодди произносит эти слова. — Да, он очнулся. Открой глаза, Мэтью. Мне нужно узнать твое мнение.

Глаза Мэтью открылись, но тут же закрылись снова, обожженные потом. Когда он постарался снова, мир показался

ему игрой угасающего света и пляшущих теней. А на деле перед ним был лишь блестящий кусок металла в форме миниатюрной лопатки, который держали у него перед лицом.

— Стоит ли попробовать вот это? — спросил Нодди. — Это нужно, чтобы убрать абсцесс из десны.

— Я все скажу, — услышал Мэтью голос Рори. Друг жалобно всхлипнул.

Мэтью попытался покачать головой из стороны в сторону, но это было невозможно. Он постарался закричать: «*Нет!*», но у него вышло нечто среднее между воем воина Га без языка и неким прусским ругательством… или элементом некоего мертвого, никому ныне неизвестного наречия.

— Кто такой Альбион? — голос Матушки Диар звучал грубо и отрывисто, как удары дубинкой.

Мэтью услышал собственные рыдания. Его рот горел огнем, все лицо словно было охвачено пламенем.

— Вы перестанете пытать его, если я расскажу?

— Говори.

— Его зовут… прости, Мэтью, ради Бога, прости. Его зовут Арчер. Он судья.

— *Арчер?* Уильям Атертон Арчер?

Рори промолчал. Но своим измученным болью воображением Мэтью представил, что друг кивнул в знак согласия.

Молчание длилось долго. Мэтью слышал, как дантист снова откупоривает бутылку с «Бархатом» и делает глоток.

Матушка Диар тихо произнесла:

— Я не знаю, откуда ты взял это имя. Я подозреваю, что Мэтью со своим высоким образованием и хорошим знанием законов и нужных людей мог упоминать его при тебе. Но если ты ожидаешь, что я поверю, что нацепивший на себя маску *правосудия* псих, прозвавший себя Альбионом и расхаживающий по городу, убивая шестерок Профессора, это Арчер, то я, скорее прыгну в Темзу, полную шоколада с вишневым сиропом! Будь проклят ты, твоя мертвая мамаша, твои чертовы оболтусы из банды и каждый дюйм твоей гребаной кожи, который я живьем с тебя сдеру! — в своей едва контролируемой ярости она нависла над ним своей огромной фигурой. — Тео, на этот раз прекращайте игры и покажите, что такое *больно*.

Инструмент снова скользнул Мэтью в рот. Он нашел одну из кровоточащих дыр, оставшихся на месте зуба.

— Богом клянусь, это правда! — закричал Рори. — Альбион — судья! Я клянусь всеми…

Очень легкое движение стержня с наконечником в виде лопатки заставило нервы Мэтью ощутить такую боль, которую он

не испытывал никогда в жизни. Его тело изо всех сил рванулось в своих путах. Кости его челюстей словно обожгло сатанинским огнем. Он позволил себе издать мучительный крик, который эхом вернулся к нему десяток раз, отразившись от холодных каменных стен. У него было ощущение, что железный шип загнали глубоко в челюстную кость, и теперь он крутится там, кроша ее на кусочки. Его безумные усилия убежать в мир своего воображения, где он прогуливается по Бродвею рука об руку с Берри, на этот раз оказались тщетными. От этого — нельзя было сбежать.

Голоса угасали, затем становились снова четкими. Глаза Мэтью приоткрылись, возвращая его в этот искаженный мир.

— … говорю правду, — упорствовал Рори. Его голос звучал так, словно он вот-вот разрыдается. — Это судья Арчер. Идите в больницу на Кейбл-Стрит и сами увидите.

— Эта рана, которую он получил, угрожает жизни? — спросила Матушка Диар притворно бесстрастным голосом.

— Да. Рана очень серьезная.

— Хм, — протянула она.

Пробка из бутылки с «Бархатом» снова была извлечена. Нодди шумно выпил, промокнул губы и закупорил бутылку снова. Матушка Диар кивнула:

— Джулиан, ты и Харрисон — идите в госпиталь на Кейбл-Стрит. Выясните, кого принесли туда прошлой ночью с огнестрельным ранением. Это должен быть мужчина примерно сорока или сорока двух лет от роду, светловолосый, аристократического вида. То есть, точно не такой оборванец, которых они там обычно принимают. Его должны были принести туда два молодых человека. Спросите, какое имя у них значится в записях.

— Мы не называли им имя, — сказал Рори. — Мы сказали медсестрам, что не знаем.

— Твоя история звучит все интереснее, Рори, но если ты лжешь, чтобы смягчить свою судьбу, можешь быть уверен, что заплатить тебе за это придется очень жестоко. И, молодой человек, я очень изобретательна *в жестокости*.

— Все правда, как я и сказал.

— Посмотрим. Я знаю, как выглядит Арчер, поэтому мне стоит прокатиться. Нодди, вытащите эту штуку изо рта Мэтью. Затем идите наверх. Там есть еще одна бутылка вашего любимого джина в кухонном шкафу, но знайте, что, возможно, я захочу, чтобы вы продолжили, так что сохраняйте работоспособность.

— Да, конечно. Покорнейше благодарю.

— Мы должны вернуться в течение часа, — Матушка Диар со своими людьми покинула комнату. Прежде чем Нодди

повиновался приказам женщины и убрал похожий на миниатюрную лопатку инструмент в сторону, он угрожающе поводил им у Мэтью перед ноздрями в знак предостережения. Затем он расстегнул ремешки, держащие голову узника, отцепил их от шляпок гвоздей и вытащил распорки изо рта жертвы.

— Процедура закончена. По крайней мере, на время, — сказал Нодди. — Возможно, нам предстоит проделать еще кое-какую работу чуть позже. И, я так полагаю, очередь настанет для следующего пациента, — он кивнул в сторону Рори, затем снова начал складывать свои инструменты в кожаную сумку. — Держите зубы в чистоте, джентльмены! Люди слишком беспечно к этому относятся, о чем потом жалеют! Если не будете чистить зубы, они испортятся. Это я говорю всем своим пациентам, — он поднял сумку, забрал синюю бутылку, которая к этому моменту уже почти опустела, и отставил своих узников одних, закрыв за собой дверь.

В наступившей тишине Рори сказал:

— Я должен был это сделать.

Мэтью сплюнул кровь на пол, добавляя свежих красок этой картине.

— Я не мог позволить им продолжать измываться над тобой, понимаешь? Я хочу сказать… кем бы я был после этого?

Мэтью подумал, что, пожалуй, успел потерять в весе не меньше трех фунтов, учитывая то, как сильно он вспотел. Его челюсть и вся левая сторона лица все еще горела от боли, мышцы шеи и плеч чувствовали себя так, будто их растянули до треска и почти оторвали от костей, а желудок сводило судорогами от боли. Кровь, вытекшая изо рта, кровавыми ручейками сбегала по груди. От одного воспоминания об этой мучительной боли было достаточно, чтобы тело его задрожало с новой силой.

— Я не мог! — продолжил Рори. — Ты из Семейства! Как я мог позволить им продолжить делать это с тобой и держать рот на замке?

— Семейство… — пробормотал Мэтью. Его голос был почти неузнаваем, даже для него самого. Левая сторона лица, похоже, начинала распухать. Он старался держать свой язык подальше от двух кровоточащих дыр, на месте которых недавно были зубы. Он чувствовал себя таким слабым и выжатым, что, похоже, мог свернуться в клубок, чтобы протолкнуться в миниатюрный ящик или даже в одну из этих клятых синих бутылок.

— Не было никакого смысла продолжать храбриться! — сказал Рори. — Это не по-человечески.

Мэтью снова сплюнул кровью и сделал глубокий, но прерывистый вздох. Выдохнув, он заставил себя выдавить:

— Согласен.

— Серьезно?

— Они не собирались останавливаться, пока не получили бы то, что им было нужно, — его речь становилась все менее внятной, как будто он пытался говорить с полным перьев ртом. — Господи, помоги судье Арчеру.

— Ты думаешь, они убьют его на месте?

— Нет, но они заберут его из больницы. Фэлл захочет, чтобы его привели, — Мэтью откинул голову назад, не обращая внимания на гвозди. Почувствовав их острый укол в голову, он невольно содрогнулся, кровавый приступ тошноты скрутил пищевод. Когда спазм закончился, все, чего Мэтью был способен желать, это провалиться в иллюзорную спасительную тьму обморока. Он сейчас был не сильнее разорванной тряпки. Но даже в этом состоянии он не мог перестать думать о том, что счет жизни Рори пошел на минуты. Когда Матушка Диар вернется, Рори будет обречен.

Мэтью принялся оглядываться вокруг, ища хоть какую-то надежду освободиться. Он попытался сдвинуть стул. Невозможно. Небольшой круглый столик тоже ничем помочь не мог. Масляные лампы чадили на стенах на расстоянии в целый континент. Он постарался высвободиться из сдерживающих руки ремней. Когда стало ясно, что, несмотря на мощные рывки, они не ослабились ни на дюйм, он вложил все остатки сил, чтобы сорвать ремни с лодыжек. Те тоже не двинулись.

Рори начал тихо посмеиваться.

— Да что с тобой? — Мэтью было тяжело говорить и шевелить своими поврежденными челюстями. — Что *смешного*?

— Ты. И эта твоя война со стулом и ремнями. Даже в том состоянии, в котором ты находишься, все равно сопротивляешься. Это достойно восхищения, Мэтью, но это и глупо.

— Почему?

— Нас сюда привели, как коров на убой. Ты знаешь это, это ведь ясно. Ну… я считаю, меня здесь точно забьют, как скотину. Так что лучше береги свои силы. Нет смысла бороться с тем, что ты не сможешь победить.

— *Должен* быть выход!

— Я представляю, сколько раз такие же упрямцы, как ты, говорили это, сидя на твоем же месте. Или *думали* так, по крайней мере. Вся эта кровь на полу… множество неудачников, вроде нас, попадали в эту комнату и умирали, — он шумно втянул воздух, задержал его и выдохнул с некоторым облегчением. — У меня было достаточно проблем с зубами, и я не хочу заработать еще, прежде чем с меня шкуру спустят.

Язык Мэтью упрямо тянулся к дырам, оставленным на месте зубов. Вкус крови во рту был отвратительным. Он подумал, что его снова вырвет, но огромным усилием заставил свой желудок успокоиться.

— Несладко тебе пришлось, — посочувствовал Рори. — Потерять два зуба и пройти через все это… и все ради *чего*? Ты ничего не должен этому клятому судье! Черт, да посмотри, в какой переплет ты из-за него угодил! Мне надо было заговорить сразу, как они только эту сраную клетку запихнули тебе в рот!

— Я обязан ему шансом выбраться, — ответил Мэтью. Он осознавал, что совсем скоро он и вовсе не сможет говорить. Похоже, его собственная версия столбняка ползла все выше по его лицу, захватывая мышцу за мышцей.

— Может, к тому времени… — проклятье, как же трудно было говорить! — К тому времени, как они доберутся туда… он уже покинет Уайтчепел… в другой госпиталь…

И, возможно, это уже случилось сегодня, понадеялся он. Возможно, Стивен настоял, чтобы его отца перевезли. Или сам забрал его в частную больницу. Да! Такая возможность точно существовала! По крайней мере, это было то, на что можно было надеяться.

— Ну, если ты так считаешь, — скептически хмыкнул Рори. — Все равно, из-за него ты попал в беду. И теперь, похоже, я в нее угодил. Причем, сам себя туда затащил. Или, может, это случилось, потому что я встал во главе Семейства. Или эта сделка между Миком Эбернати и этой старой сукой положила начало этому дерьму! — он ненадолго замолчал, а затем сказал. — Впрочем, это все неважно. Так суждено. Иногда ты сворачиваешь с верного пути, иногда правильный путь уходит от тебя. Неважно, почему так произошло. Слушай, Мэтью, мне очень нужно поссать. Не возражаешь?

— Не стесняйся, — безразлично бросил Мэтью, а сам продолжал напряженно размышлять. Это была смертельная игра в шахматы, которую он думал, что проиграл еще до того, как сделал первый ход. — Что нам надо сделать… — пробормотал он с неимоверным усилием. — Так это набить тебе цену.

— Мне? Мои органы и кости, может, чего-то и стоят для расхитителя могил. Но это все, что у меня есть.

Мэтью мог прийти лишь к одному решению, и оно было весьма неубедительным, но попробовать стоило.

— Я ей заплачу, — решил он.

— *Что*?

— Заплачу ей, — повторил Мэтью. — *Деньгами*. Деньги… они их ценят.

— У тебя где-то тайник спрятан, что ли?

— Договорюсь с ней. Заплачу ей… из агентства «Герральд». Я что-нибудь придумаю.

Рори не ответил. Голова у Мэтью кружилась. Он закрыл глаза и, вздрогнув, открыл их снова, тут же осознав, что на какое-то время потерял сознание. Он лишь не знал, надолго ли.

— Ты очнулся? — спросил Рори.

— Да.

— Ты уснул, похоже… я решил, что тебе это нужно.

— Надолго? — теперь мышцы Мэтью окаменели настолько, что каждое слово давалось с трудом.

— Может, минут на пятнадцать.

— Я ей заплачу, — сказал Мэтью, как будто пытался проверить эту свою идею на прочность. — Как… выкуп. Она это оценит.

— Может, и оценит, — сказал Рори, но голос его был безразличным и казался совсем далеким. — Знаешь, — продолжил он. — Я никогда не уходил из Уайтчепела дальше, чем на десять миль. За всю свою жизнь, представляешь? Ты много путешествовал?

— Лучше бы не путешествовал.

— А я бы хотел путешествовать. Мир посмотреть. Когда остаешься в одном месте слишком долго, тебе кажется, что *это* и есть мир. А потом ты забываешь, как много всего еще есть вокруг. Он чертовски большой, не так ли?

— Большой, — согласился Мэтью.

— Морское путешествие… — пробормотал Рори. — Вот, что бы я хотел испытать.

— Вот уж, чего бы я больше *не хотел* испытывать.

— Плыть на корабле! Да уж! Ничто в мире не сравнится по своей широте с синим океаном, когда ветер развевает твои волосы, и они вьются вокруг тебя, как паруса! Я бы так хотел это почувствовать. С трудом могу представить себе, каково это: смотреть вокруг и не видеть ничего, кроме воды. Некоторых это пугает до чертиков. А мне… мне бы это понравилось, я считаю.

— Заплачу выкуп, — как заведенный, повторял Мэтью. — Это точно оценят.

— Какой из себя Нью-Йорк?

— Он, как… *дом*.

— Пожалуй, что так. Хорошо бы посетить место, которое ощущается, как дом. Я бы хоть мимо прошел. Проездом заглянул бы. Проездом из ниоткуда в никуда. Хотел бы я, чтобы меня взяли в морское путешествие.

— Возьмут, — сказал Мэтью.

— Они убьют меня, когда она вернется, — ответил Рори спокойно, что дало Мэтью понять следующее: его друг уже отчаялся и уже принял свою судьбу, полностью лишившись силы духа. — У тебя не получится сделать меня для них настолько ценным, чтобы они передумали меня убивать. Это была хорошая мысль, но ничего не выйдет. Хотя я и благодарен тебе за попытку.

— Мы выберемся отсюда, — пообещал Мэтью.

— Мы… да, но разными способами. Только об одной вещи хочу тебя попросить, Мэтью… как брат брата. Слышишь меня?

— Да.

— Если сможешь… выясни, кто убил их всех. И заставь того, кто за это в ответе, заплатить сполна, Мэтью. Я серьезно. Заставь их заплатить.

— Мы это выясним вместе.

— Нет, — возразил Рори. — Нет, не вместе.

На некоторое время он погрузился в молчание, а затем снова рассмеялся.

— Что? — нахмурился Мэтью.

— Забавно. Забавно до колик. Что именно *ты* останешься последним членом Черноглазого Семейства и будешь нести наше знамя. Выясни, кто отдал этот приказ, Мэтью. Разыщи того монстра, который все это устроил.

— Мы сделаем это вместе.

— Ты такой же упрямый, как твои чертовы зубы! — огрызнулся Рори, хрюкнув. — Послушай… я не очень смыслю в Библии и всякой такой штуке, но мне кажется, сейчас было бы неплохо помолиться. Или исповедаться. Ты меня выслушаешь?

— Да.

— Хорошо. Ну… я обращаюсь к Богу. Я сожалею обо всех плохих вещах, что натворил. Надеюсь, Ты сейчас слышишь меня, несмотря на огромную кучу людей, которые взывают к Тебе так же, на пороге смерти. Надеюсь, Ты не останешься глух ко мне. Прости, что я украл ту лошадь у человека, который дал мне работу. Его сыну нравилась эта лошадь, он назвал ее Сэнди, она была песочного цвета… а я продал ее одному парню возле борделя. Ну… может, он решил потом эту лошадь на ипподром отправить, я не знаю. Мне жаль, что я отдубасил Джоуи Коннора прямо на глазах той девочки, я просто рисовался. А еще мне жаль, что я украл деньги у Мэри Келлам и сбежал, хотя сказал ей, что вернусь к ужину. Прости меня за… за все это. Прости, что я позволил этой ужасной зависимости овладеть нашим Джошем. За то, что продолжал продавать этот чертов «Бархат», хотя знал, что он творит с людьми. Теперь, если я отправлюсь в Ад, значит, туда мне и дорога. Потому что я знал, что «Бархат» не такой… не

такой, как любое другое пойло в Лондоне, и закрывал на это глаза. Так что если мне предстоит сойти в Ад, я пойму это и не буду возмущаться. Но… послушай… я искренне надеюсь, что остальные — не попали в Ад. Я был их лидером, я в ответе за все. Они просто исполняли то, что я им говорил. Так что… не вини их за все и не посылай их в Ад за то, что *я* сделал.

Рори затих. Мэтью даже не старался заговорить.

— Я хочу попросить еще об одной вещи, — продолжил Рори, но голос его теперь звучал еще слабее. — Присмотри за Мэтью. Присмотри за ним, слышишь? Он реально хороший парень, и у него есть много важных дел. Присмотри за ним, чтобы он смог найти того ублюдка, что отдал приказ убить мою семью, и чтобы он заставил этого гада с черным сердцем накормить собой ворон. Я думаю… это все, что я хотел сказать.

И в самом деле, больше он ничего не говорил.

Мэтью вновь потерял сознание и вновь очнулся. В моменты ясного ума он репетировал то, что скажет, когда откроется дверь. Выкуп за жизнь Рори. Деньги он достанет в агентстве «Герральд». Определенное количество, которого хватит, чтобы Рори остался жив. Он сможет это сделать. Матушка Диар примет такое условие, потому что это бизнес. Это для нее прибыль. В этом был смысл.

Его язык осторожно ощупал отверстия во рту в левой задней части челюсти.

Матушка Диар должна согласиться на предложение, она не глупая. Далеко не глупая. Прибыль есть прибыль… неважно, как…

Дверь открылась.

Матушка Диар вошла в комнату с Джулианом и еще одним мужчиной, держащимся у нее за спиной.

— Послушайте меня! — выпалил Мэтью, но его голос был сильно искажен из-за опухшего лица. — Я могу…

Матушка Диар подняла пистолет, который держала в опущенной руке и выстрелила прямо в центр лба Рори Кина.

Выстрел был оглушающим. Синеватый дымок начал роиться по комнате.

Джулиан накинул черный кожаный мешок на голову мертвеца и туго завязал его вокруг шеи. Дважды.

Мэтью больше не было в комнате. Его тело было все еще там, да, но разум его вновь потянулся к Берри, туда, на Бродвей, под дуновение холодного бриза и мягкого солнца ранней осени.

— *Альбион* у нас, — сказала Матушка Диар, но он едва ли мог ее слышать. — Молодой человек, две медсестры и доктор пытались нас остановить. Мы заставили их сожалеть о своем

поведении, — она передала все еще дымящийся пистолет Джулиану. Второй человек начал освобождать тело Рори от оков.

Молодой человек, подумал Мэтью. *Стивен*? Они убили сына Арчера? Он не мог говорить. Он онемел, но, к своему собственному удивлению, понял, что плачет.

— Ну-ну, — произнесла Матушка Диар с ноткой материнского тепла. — Тебя заберут наверх. Вычистят тебя, дадут нормальную одежду. Чашечка теплого чая будет очень кстати. Или что-нибудь покрепче, если захочешь. Нодди говорит, что какое-то время тебе нельзя будет жевать. Мы подготовим тебя десятидневной поездке. Будем останавливаться в гостиницах по пути, и тебе нужно будет вести себя очень хорошо. Если будешь хорошим мальчиком, будешь вознагражден. Я имею в виду, что тебе не следует доставлять нам никаких хлопот, потому что нам не хотелось бы убивать никого, кто не имеет отношения к нашим делам. Мы ведь не варвары. Мы разумные люди.

— Арчер, — сумел прохрипеть Мэтью. — Вы убьете его?

— Разумеется, нет. Профессор захочет развлечься и с тобой и с Мистером Честь-И-Справедливость. Как я уже говорила, ты очень ценен. А *его* цена, — сказала она, приподняв свой подбородок и кивнув в сторону тела Рори. — Заключается в том, чтобы кормить моих собак. Они очень любят жевать кости. И не надо так на меня смотреть, Мэтью. Я скажу, что впереди тебя ждет то, чего ты и сам ждешь с нетерпением.

— Что же… это может быть?

— Хадсон Грейтхауз и Берил Григсби уже на пути к Профессору. Они прибудут к нему раньше нас. Так что, видишь? Впереди тебя ждет желанное воссоединение.

Мэтью закрыл глаза. Ни одно, даже самое острое лезвие, не могло ранить его сильнее, чем это.

Все, казалось, было потеряно.

— Давай-ка вытащим тебя отсюда, — сказала Матушка Диар. — И приведем тебя в цивилизованный вид. Начнем?

Джулиан начал освобождать Мэтью от пут. Не было никакого смысла наносить удар, хотя Мэтью и думал об этом в первый миг. Он просто знал, что ничего хорошего из этого не выйдет. Придется подождать, придумать какой-то план, уповая на…

… на что?

На чудо?

— Спасибо, — сказал он Джулиану, когда тот помог ему подняться на ноги. Равновесие ему удержать не удалось, и молодой блондин в темно-зеленой треуголке поддержал его, не дав упасть. Его вывели из комнаты с покрытым кровью полом в коридор. Обернувшись на затянутое кожаным мешком лицо

мертвого друга, Мэтью был совершенно уверен, что глаза Черноглазого Семейства — возможно, всех его членов, которые ныне стали духами Лондонской твердыни — были устремлены на него. На последнего выжившего члена их семьи.

Глава тридцать первая

На четвертый вечер Джулиан Девейн постучался в дверь лишенной окон, но в остальном, впрочем, просторной комнаты Мэтью и приказал ему переодеться к ужину. Девейн сообщил, что юному сэру не пристало ужинать в одиночестве в своей комнате, к тому же Матушка Диар желает, чтобы он разделил с ней вечернюю трапезу ровно в восемь часов.

Как Мэтью мог ответить отказом на такое приглашение? С того момента, как его вывели из камеры пыток, он жил в роскоши. По большей части одного и того же сорта, но в роскоши. Его комната, возможно, была копией королевской опочивальни какого-нибудь персидского принца со всей вычурной красотой резной деревянной мебели и штор с ослепительными узорами. Пол устилал огромный яркий ковер. В день узнику полагалось три приема пищи, которые, конечно, на пиршества бы не подали, но в целом каждый прием был вкусным и плотным.

Случайный стук в дверь иногда вырывал его из раздумий: это чернокожий слуга приносил ему миску яблок или персиков. Как только Мэтью принимал угощение, слуга молча удалялся, закрывая дверь.

Во второй раз ему приносили плетеную корзину, в которой содержались различные философские памфлеты, фолианты произведений известных поэтов и драматические пьесы таких авторов, как Томас Мидлтон, Джон Флетчер и Фрэнсис Бомонт, чья работа «*Филастр или Кровью истекает любовь*» привлекла внимание молодого человека. Ему предоставили темно-синий шелковый халат и три новых костюма — два черных и один серый — все отличного качества. Они появились в его комнате аккурат после того, как Мэтью побывал на осмотре у доктора Нодди, любезно применившего хлопковую примочку с болеутоляющим и продезинфицировавшего лунки от удаленных зубов.

Ему также дали серебряные карманные часы, чтобы следить за временем. На задней крышке имелась гравировка: «*Моему дорогому Филиппу от его верной Каролины*». Мэтью невольно задумался, не почил ли дорогой Филипп беззубым и не вывалились ли эти часы у него из кармана по пути в могилу.

Ужин в восемь с Матушкой Диар? Он не видел ее с того самого момента, как она освободила его из подвала, застрелив Рори в лоб. В чашку чая, которую ему дал, опять же, один из чернокожих слуг, должно быть, было что-то подмешано, потому что он потерял сознание в небольшой чайной комнате рядом с

кухней, а проснулся уже здесь, с карманными часами дорогого Филиппа на подушке, которые показывали без восемнадцати минут полдень. На следующее утро со стуком в дверь к нему явилась копия лондонской «Газетт» и не только миска измельченных отрубей с сахаром и сливками, но и небольшая чашка шоколадного пудинга, на дне которого он нашел вишенку.

Когда наступило восемь часов, Мэтью умылся, оделся в один из своих новых черных костюмов — *траурных,* как он сам их называл — со светлой, накрахмаленной рубашкой, белым шейным платком, черным жилетом, белыми чулками и новой парой черных ботинок, которые подходили ему по размеру, но все же требовали разноски. Побриться возможности не было, потому что здесь, как и в любой другой тюрьме, бритвой его никто вооружать не собирался, как и никаким другим инструментом с острым лезвием — все такие предметы были просто убраны из пределов досягаемости. Мэтью рассматривал возможность использовать стекло карманных часов и маленькие металлические стрелки в качестве оружия, но к чему это? Чем это все кончится? Нет, лучше продолжать следить за временем и лелеять мысль о том, как он заставит этих людей расплатиться за убийство Рори Кина.

Он расчесал волосы, почистил зубы и приложил немного лекарства, выданного доктором Нодди, к левой стороне челюсти, осторожно поместив его на лунки. Примерно без пяти восемь раздался стук в дверь. К этому моменту Мэтью был уже готов.

Энергичный и исполнительный Девейн и контрастирующий с ним полумертвый и ленивый Харрисон повели его по длинному коридору, а после — вниз по широким ступеням на нижний этаж, украшенный не хуже любого персидского дворца. Мэтью подумал, что для уроженки Уайтчепела Матушка Диар весьма неплохо устроилась в жизни.

Но внимание молодого человека привлек легкий дух, на деле явившийся тяжелым бременем. Он знал, что не было смысла притворяться, будто сейчас он медленно движется к своей собственной казни от руки Профессора Фэлла. Страшно было даже подумать, какой изощренный способ расправы придумает этот человек. А ведь Хадсона и Берри тоже схватили люди Профессора… как же с этим быть? Он не мог ничего придумать, хотя весь извелся от волнения почти до седых волос. Так или иначе, результат был один: Мэтью Корбетт был абсолютно беспомощен. Оставалось лишь надеяться, что оба его близких человека будут еще живы, когда он сумеет до них добраться. Поэтому пока что он решил проживать момент за моментом, пока эти моменты у него остались, и принять все условия — надо

отметить, довольно неплохие условия — в которых он оказался: чистая комната, новая одежда, корзины с фруктами, чистая вода, карманные часы и возможность содержать себя в чистоте и аккуратности. Это была тюрьма, да, и тринадцать шагов до виселицы еще предстояло проделать в дальнейшем… но пока условия сильно отличались от Ньюгейта.

До него донесся пряный аромат жареной оленины.

— Мэтью! — поприветствовала Матушка Диар, расплывшись в улыбке в освещенном множеством свечей помещении. Она сидела за обеденным столом в комнате, которая была намного более комфортабельной и уютной, чем Мэтью мог себе представить. Она вполне походила на столовую богатой матроны, которая держала свою удачу в коробках и прятала в шкаф, управляла активами множества богатых клиентов, достойных благотворительных организаций, а также которую поддерживали богатые племянники и частые выигрыши на скачках. В этой комнате было столько дуба, что можно было соорудить из этого военный корабль с пятьюдесятью пушками! Полированный стол блестел в свете свечей, располагающихся на двух канделябрах, как и серебряные приборы, которыми он был сервирован. Позади стола находилась дверь в кухню. Пара тяжелых темно-красных штор была опущена, скрывая вид из окна, которое, как предполагал Мэтью, выходило на задний двор. Когда молодой человек занял место рядом с Матушкой Диар, на которое она ему указала, Девейн вышел из комнаты. Харрисон же встал на страже у порога и, видимо, планировал пробыть там до конца ужина.

Матушка Диар одобрительно окинула своего гостя взглядом.

— Отлично выглядишь сегодня. Хорошо отдохнул, я полагаю.

— Верно подмечено. И благодарю за комплимент, — Мэтью решил на этом ужине вести себя со всем доступным ему очарованием, но было важно не переборщить с лестью. Матушка Диар выбелила лицо и использовала голубые тени для век, что сделало ее внешность еще более отталкивающей, чем когда либо, хотя недавние травмы выглядели немного лучше. Сегодня на ней было розовое платье с красными рюшами спереди, а ее мужские руки укрывали красные кружевные перчатки.

Мэтью заметил, что перед Матушкой Диар лежат богатые серебряные столовые приборы, в том числе внушительный нож для мяса, в то время как ему не дали и детской ложечки.

— Я рада, что ты смог присоединиться ко мне, — сказала она. — А теперь позволь мне задать тебе вопрос. И ответить лучше честно. Тебе нужно, чтобы охранник стоял здесь в течение всего ужина? Я спрашиваю, подразумевая, что мои люди опасаются, будто ты можешь устроить тут… сцену.

— Мне не нужен охранник, — он бросил быстрый взгляд на Харрисона. — У меня нет желания пытаться сбежать или причинять вам какой-то вред. Я хочу увидеть Берри и Хадсона в целости и сохранности и убедиться, что с ними хорошо обращаются.

— Слова джентльмена, коим ты всегда мне и представлялся. Харрисон, ты можешь нас покинуть.

— Да, матушка, — кивнул он и выскользнул прочь.

Матушка Диар подняла небольшой серебряный колокольчик со стола и позвонила в него. Двое черных слуг в черных костюмах с белыми рубашками, белыми шейными платками и в белоснежных перчатках вошли в комнату. Один из них был размерами не меньше Хадсона Грейтхауза и выглядел на редкость органично в своем наряде. Таким образом, Мэтью осознал, что охранники, так или иначе, будут поблизости, ведь эти слуги уйдут не дальше кухни, которая находится прямо за дверью.

— Давайте начнем, — сказала женщина, и слуги подчинились команде.

Тот, что был больше размером, предложил Мэтью приборы. Он положил ему такой же нож, как у Матушки Диар. Он и впрямь задержался на несколько секунд, нависнув над молодым человеком, как грозовое облако? Возможно. Но затем слуга ушел, Мэтью положил себе на колени салфетку, второй слуга тем временем принес им по бокалу красного вина, и первым блюдом, которое объявила Матушка Диар, был голубиный суп с порцией голубиной крови в соуснице, чтобы по желанию добавить блюду аромата.

— Я намереваюсь, — произнесла Матушка Диар, когда выпила свой бокал вина и расправилась с супом. — Преподать тебе урок экономики. Я чувствую, что должна объяснить, почему Рори нет с нами.

— Прямой выстрел в мозг, знаете ли, может заставить человека опоздать на ужин, — ответил Мэтью, изучая полную крови соусницу несколько секунд, после чего решил, что суп, пожалуй, прекрасен и без добавок.

— Пойми, Мэтью, дело исключительно в *экономике*. Мы уезжаем утром с первыми лучами солнца в десятидневную поездку. Рори отжил свою пользу. Кормить его в течение всего путешествия при учете его полной бесполезности будет пустой тратой средств.

— Я понял, — только и ответил Мэтью. Ее бережливое отношение невольно заставило его задаться вопросом, уж не приготовлен ли этот голубиный суп из тех самых голубей, что сидели и ворковали в стропилах на складе Семейства? Что-то

взбаламутилось и завопило внутри него от одной мысли, что Рори умер, потому что эта богатая криминальная и, возможно, сумасшедшая женщина не захотела потратиться на голодный паек ему на ужин. Мэтью с трудом заставил себя проглотить крик и запить его глотком вина. Прошлого не вернешь. Рори больше нет…

— Надеюсь, что так. Нам предстоит поддерживать тесное общение в последующие десять дней, поэтому я решила, что, если у тебя есть какие-то вопросы по поводу безвременной кончины мистера Кина, стоит прояснить их прямо сейчас.

Мэтью кивнул. Его разум был где угодно, кроме настоящего времени и места.

— Могу я спросить, где судья Арчер?

— Он в другом месте, получает медицинский уход, чтобы суметь подготовиться к нашему путешествию. Он отправится в отдельной карете.

— Он ведь не лишился зубов, правда?

Ее улыбка выглядела кривой и совершенно безобразной.

— Конечно, нет. Я хочу, чтобы он предстал перед Профессором в добром здравии. Кстати сказать, стишок был напечатан в последнем выпуске «Булавки». И Лорд Паффери заявил, что Альбион и Плимутский Монстр продолжают терроризировать Ист-Энд.

— Что лишний раз доказывает, что вам не стоит верить всему, что читаете, — у Мэтью возник еще один вопрос, который потребовал от него более тщательной и осторожной формулировки. — Я надеюсь, больше никто не пострадал, когда судью Арчера забирали из больницы?

— Доктора, который пытался помешать нам, пришлось оттолкнуть. К несчастью он сломал руку. А из нахальных медсестер я дурь выбивала собственными руками.

А что насчет молодого человека? — думал Мэтью. Это был Стивен или кто-то другой? Рыбачить в столь опасных водах было страшно, ведь паруса этой хищной женщины могли угрожающе развернуться в сторону сына судьи Арчера.

— И, — продолжила она с ложкой, наполненной сдобренным кровью голубиным супом. Матушка Диар с удовольствием проглотила суп и облизала губы. — Пришлось преподать урок хороших манер одному юноше, который вмешался. Ему, возможно, неплохо досталось, но, думаю, он не пропадет — как минимум, *до больницы* ему добираться не пришлось, мы и так застали его там.

— Это тоже был кто-то из докторов? — решил рискнуть Мэтью, стараясь держаться максимально непринужденно.

— Нет, он ждал в коридоре. А почему ты спрашиваешь?

Мэтью пожал плечами и сделал глоток вина. Знала ли Матушка Диар, что Стивен является сыном Арчера? Если, конечно, в потасовке действительно пострадал именно он. Так или иначе, Арчер мог проделать хорошую работу, сохраняя происхождение Стивена в тайне даже от информаторов Фэлла и Матушки Диар.

— В последнее время вокруг творится слишком много насилия, — поморщившись, сказал он. — Мне не нравится, что страдают даже невинные сторонние наблюдатели, которым просто не повезло оказаться рядом.

— Когда невинные сторонние наблюдатели суют свой нос в мои дела, они уже не считаются сторонними наблюдателями, — ответила она. — Мы не причинили никому *серьезного* вреда, так что можешь успокоиться.

Принесли второе блюдо — вяленое мясо с икрой копченой трески. Вдобавок подали блюдо свежего хлеба и новые бокалы вина.

— Я видел резню на складе, — сказал Мэтью. — А также заметил тот факт, что «Бархат» был украден. Вы знаете, кто в ответе за это?

— Новый игрок на арене.

— Да, он подписывает свою жестокую работу дьявольским крестом. Вы знаете его имя?

— Нет, не знаю.

— Серьезно? — Мэтью посмотрел на нее через край бокала. — Ваша сеть информаторов потерпела неудачу?

— Этот новый игрок до сих пор умудряется скрывать свою личность, — ответила она со злобным прищуром. — Но будь уверен, мы его отыщем. Со временем.

— Похоже, он знает гораздо больше об операциях Профессора, чем Фэлл знает о нем. Может это быть кто-то, кто вышел из-под его крыла? Так, между прочим, теряется контроль над империей.

Матушка Диар начала намазывать икру на ломтик хлеба.

— Если Профессор каким-то образом пребывает не в самом боевом настроении в последнее время, то заслуга это исключительно твоя: ты натворил тот еще беспорядок, можешь гордиться собой. Потеря дома на Острове Маятнике ранила его очень глубоко, а уничтожение товара, соглашение о котором мы заключили с испанцами, очень сильно подорвало его финансовое положение.

— Прошу простить, но я ему отчего-то совсем не сочувствую, — отозвался Мэтью. — Так что, я полагаю, как только

мы доберемся до его нынешнего обиталища — где бы оно ни находилось — он тут же убьет меня?

Она добавила кусочек вяленого мяса прямо поверх икры.

— Я не узнавала, каковы его намерения по этому поводу. Я могу лишь сказать, что он *чрезвычайно* на тебя зол. Как эта злость покажет себя, я не имею ни малейшего понятия.

Мэтью понял, что пытка от доктора Нодди — настоящее наслаждение в сравнении с тем, что может придумать Фэлл. Он уставился на огонь свечей в канделябре, стоявшем ближе всего к нему, и подумал: *момент за моментом, и у каждого момента есть свое пространство*.

— Что приводит меня, — рассудительно подметила Матушка Диар. — К вопросу, который я хочу задать *тебе*. Что ты знаешь о человеке по имени Бразио Валериани?

Мэтью тоже взял себе кусок хлеба и вспомнил, как механическая фигура Профессора на Острове Маятника объявила своим неживым голосом: *Я ищу одного человека. Его зовут Бразио Валериани. Последний раз его видели во Флоренции год назад, с тех пор он пропал. Я его ищу. В данный момент это все, что вам надлежит знать.*

Молодой человек также помнил цену, которую Фэлл был готов заплатить за то, чтобы кто-то удовлетворил его запрос: *Тому, кто укажет мне местонахождение Бразио Валериани, я заплачу тысячу фунтов. Десять тысяч я заплачу тому, кто мне его доставит. Силой. Если будет необходимо. Вы — мои глаза и мои руки. Ищите и да обрящете.*

Мэтью ответил с на этот раз притворным, пусть и сильно характерным для него безразличием.

— Я знаю, что он итальянец.

— *Очень* остроумно, — осклабилась она. — Конечно же, ты *понятия не имеешь*, почему Профессор разыскивает этого человека, не так ли?

— Я не уверен, что мне это действительно интересно.

Безобразная улыбка Матушки Диар сделалась еще шире, и внезапный блеск дикости промелькнул в ее лягушачьих глазах.

— А *следовало бы,* — прошипела она. — Всему миру следовало бы. Ты хоть представляешь себе, какими исследованиями занимался Профессор?

— Я помню, он говорил мне, что интересуется… как он это назвал… что-то вроде особых форм жизни.

— Он изучал биологию, — подсказала она. — Изучал различные формы жизни во всей их полноте и многообразии. Он был — и остается — особенно вдохновлен морскими обитателями.

— Да, я помню, что он говорил и об этом, — сказал Мэтью. — Как он выразился, у него есть интерес к «созданиям из другого мира». Это объясняет осьминога, пристрастившегося ко вкусу человеческих голов, — по какой-то причине он сейчас пожелал воздержаться от икры, да и в целом аппетит у него пропал.

— Я вот, что тебе скажу, дорогуша, он очень умный человек. Он говорил со мной обо всех этих вещах очень давно, и у меня от этих заумных тем так разболелся мозг, что я провела с головной болью еще два дня, не вставая с кровати. Его разум за гранью моего понимания.

— Как и за гранью моего, я полагаю.

— Я бы не стала делать поспешных выводов. На самом деле, он сказал, что насладился твоей компанией… пусть и довольно короткое время. Ему понравилось беседовать с тобой.

— Рассуждал в основном он, я только слушал, — Мэтью знал, что Матушка Диар имеет в виду ту беседу, в которой Фэлл рассказывал о том, как убили его двенадцатилетнего сына, что, собственно, и толкнуло его на путь в криминальный мир, захват коего Профессор начал, решив расквитаться не только с теми мальчишками, которые забили Темпльтона до смерти, но и со всеми их семьями. Успех этого… мероприятия и его новообретенное воображение по части преступлений — глубоко укоренившаяся жажда власти, которую приходилось сдерживать до этого высвободившего ее инцидента — привлекла к нему множество банд местных хулиганов, и именно оттуда выросло преступное королевство Профессора.

— Итак, — кивнул Мэтью. — Так зачем же *на самом деле* Профессор хочет найти Бразио Валериани? Я полагаю, это как-то связано с морскими обитателями? У этого человека во владениях находится какой-нибудь говорящий дельфин?

Она издала тихий смешок.

— Во владении Валериани находится кое-что другое: информация, которая нужна Профессору. С морскими обитателями она не имеет ничего общего, но… в каком-то смысле она затрагивает глубины. И также включает в себя интерес Профессора к формам жизни, — она склонила голову, словно прикидывала, как далеко может зайти этот разговор. Ее лягушачьи глаза моргнули, и Мэтью понял, что она уже достигла конца этой конкретной дороги. — Нет, думаю, лучше ему рассказать тебе об этом самому, если он захочет.

— Вы хотите сказать, что это… что бы это ни было… может повлиять на весь мир?

— Я хочу сказать, что мир уже не будет прежним.

— Очаровательно, — буркнул Мэтью, и у него появилось

ощущение, что от одного разговора об этом в комнате сгустились тени.

Тем временем подали главное блюдо. Оленина, все еще шипящая и едва снятая с огня, аппетитно блестела на огромном коричневом блюде. Следом занесли тарелку вареного нарезанного картофеля, морковь и миску печеных яблок.

Слуги разрезали оленину, приготовили тарелки, подали новые бокалы с вином и снова покинули комнату.

Несмотря на свои воспоминания об огромном питомце Фэлла, которому в качестве главного блюда подали голову доктора Джонатана Джентри, у Мэтью вновь проснулся аппетит от одного вида этого деликатеса, поэтому он решил приступить к трапезе.

Матушка Диар некоторое время наблюдала за ним, ее веки чуть опустились, и затем она, вздохнув, сказала:

— Ты уже слышал историю Профессора. Хочешь услышать мою?

Мэтью понял, что, несмотря на вопросительную интонацию, это было, скорее, заявлением. Он боялся услышать то, что это огромное существо может рассказать ему, но надеялся найти в этой истории нечто, что поможет ему поумерить гнев Фэлла.

— Конечно, — ответил он с вежливой, но кратковременной улыбкой.

Она отпила немного из своего нового бокала, затем устремила взгляд на самое его дно, как будто воспоминания ее укоренились там, в последнем глотке вина.

— Меня родила хозяйка борделя, — начала она. — В Уайтчепеле, не дальше трех кварталов от того места, где располагался склад Черноглазого Семейства. Того дома больше нет. Он сгорел дотла… довольно давно. Когда мне было шесть, моя мать заставила меня работать… не проституткой, нет. Я выполняла легкие поручения по хозяйству, чаще всего занималась стиркой. Моя мать — Доротея — была хитрой деловой женщиной с железной хваткой, но вот образована была не очень хорошо. Ей приходилось действовать по наитию. Она называла себя Доротея Дарлинг, и точно так же ее называли остальные. Одна из матерей местных девок была школьным учителем. Она начала учить и меня: научила читать, давала уроки правильного английского языка. От нее я получила… много разных знаний и навыков.

Она покрутила на свету бокал с красным вином в задумчивости.

— Бурные были времена, Мэтью, — хмыкнула она, глаза ее подернулись дымкой воспоминаний. — Моя мать верила в то, что от клиентов не будет отбоя… ее заведение всегда было готово к

настоящей вечеринке. На некоторые вечера она даже приглашала музыкантов. Конечно, мы были под кулаком одной местной банды, и моей матери приходилось платить за защиту, но таковы были правила игры, и она приняла их. Иногда ей говорили, что платить нужно не только деньгами… но и это входило в правила игры. Я помню этот дом в деталях, словно побывала там только вчера. Два этажа… белые шторы на окнах… комнаты разных цветов… клубнично-красная, полночно-синяя, насыщенно зеленая… солнечно-желтая… там было очень красочно! Мы поддерживали там чистоту. Ну… хочу сказать, *я* поддерживала. Все эти стирки, уборки, постоянная смена белья день за днем. На самом деле, этим местом можно было гордиться. Моя мама не нанимала двухпенсовых шлюх на работу, ни одной из ее девочек не было меньше шестнадцати. Если одна из них залетала, ее не выкидывали наружу. Обычно ребенка отдавали в церковь, никого не душили и не топили после рождения и не хоронили на заднем дворе, как это делают в некоторых публичных домах. У нас были высокие стандарты.

— Ваш отец тоже принимал участие в этом… бизнесе? — спросил Мэтью.

— О, *не-е*, мой папа… — Матушка Диар глотнула вина и нежно отставила бокал в сторону. — *Нет*, мой *отец,* — заговорила она нарочитым тоном леди. — Был мне неизвестен. Моя мать никогда не упоминала его, когда я была ребенком. Но… *позже…*

На некоторое время она замолчала, устремив почти невидящий взгляд в пламя свечей.

— *Позже,* — продолжила она. — Когда моя мать начала терять рассудок… она рассказала мне о моем отце.

Мэтью невольно напрягся. Он подумал, что теперь рассказ вступил на опасную, скользкую дорожку, и лучше ничего не говорить теперь, а прикусить язык и просто слушать.

— Это началось с мелочей, — вновь заговорила Матушка Диар. — Она начала забывать какие-то детали. Путалась в цифрах. Оговаривалась в именах. У нее появился очень тревожный нервный тик на лице, от которого начала смазываться речь. А потом стали появляться язвы. Сначала на теле, а затем и на лице. И они не заживали. Ее девки начали разбегаться, а те, кто заменял их, были явно ниже классом. Как и клиенты. Моя мать начала носить вуаль, чтобы скрыть эти страшные отметины, видеть их могла только я… и я скажу тебе Мэтью, что по сей день я жалею, что не могу забыть их. Плоть так легко… портится, не правда ли?

Он не ответил.

— Портится, — повторила она и продолжила уже более тихим голосом. — Мою мать стали знать как Грязную Дороти из-за ее плачевного состояния. Под вуалью… ее лицо было все изъедено. Болезнь проникла ей под череп и в мозг тоже. Наш дом начал превращаться в руины. Банда захотела выгнать ее, сказали, что она расстраивает им дела. Они дали ей неделю, чтобы собраться и уйти… но куда мы могли податься? Мне было одиннадцать лет, Мэтью, а ей было тридцать семь. Куда мы могли пойти? В богадельню? В ночлежку для нищих? В *церковь*? Ну… такая возможность, конечно, была, но…

Она оставила эту фразу незаконченной и снова приложилась к бокалу. Ее взгляд, проникающий в неопределенную точку пространства сквозь расставленные на столе яства, дал Мэтью понять, что она больше не находится здесь, в этой комнате. Сейчас грозная Матушка Диар была просто отчаявшейся одиннадцатилетней девочкой, вынужденной выживать в мрачных кварталах Лондона, в этом мире ужасов с безумной матерью, которая, похоже, болела проказой.

Она заговорила вновь.

— В последнюю ночь… дом был почти пуст. Даже самые грязные шлюхи сбежали от нас. Я думаю… я даже помню парочку из них… вечно пьяные и грязные, лежащие в своих кроватях. Я помню… как выглядел дом. Шторы были порваны и потускнели, краска на стенах запаршивела и пошла трещинами… начала отваливаться. И моя мать бродила со своей вуалью среди всего этого, как животное, из последних сил противившееся своей судьбе. Она остановилась очень внезапно. Была молчалива, но я знала, что она смотрит на меня через свою вуаль. «*Ты*», она подняла свою тонкую руку с узловатыми пальцами и повторила, «*ты*». Затем она спросила меня, не хочу ли я узнать, кем был мой отец. Я не заговорила, потому что боялась ее. Но… она все равно мне все сказала.

Губы Матушки Диар болезненно сморщились. Ее глаза лишь на несколько секунд задержались на Мэтью перед тем, как снова сделаться отстраненными.

— Она сказала, что мой отец приходил к ней в течение трех ночей. На первую ночь он появился в образе черного кота с серебряными когтями. На вторую ночь — как жаба, которая потела кровью. А на третью… в комнате посреди ночи… он явился в своем истинном образе, высокий и худой, греховно красивый с длинными черными волосами и черными глазами, в центре которых горел красный огонь. Падший ангел, как он сам себя назвал, и он сказал, что подарит ей ребенка, который будет ее радостью… но все же придется заплатить кое-какую цену за это

— так он сказал — потому что радость в его мире ведет к страданию. Моя мать сказала… что этот демон пообещал ей богатство и красоту с рождением этого ребенка… пообещал музыку и свет. Но… по прихоти Ада все это отберут, все исчезнет, разрушится и испортится… потому что именно так действовали в его мире. И он сказал, чтобы она наслаждалась, пока может, пока с нее не спросят плату за эти услуги.

Искаженный рот сморщился еще сильнее.

— Она сказала не точно так, Мэтью. Ей было все тяжелее говорить. *Она не могла* толком говорить, потому что губ у нее уже не было. Но я поняла, что она имела в виду. Затем она сказала, что я родилась точно тогда, когда рассчитывал демон, причем все произошло быстро, как выстрел из пушки. И с того дня начал отсчитываться день до расплаты. Тогда она открыла бутылку с китовым маслом и вылила его мне на голову… на мои прекрасные рыжие волосы, которые так нравилось расчесывать нашим девушкам, когда я была маленькой. Она размазала масло мне по шее и лицу, часть плеснула мне на спину и на передник платья. Остальное пошло на то, чтобы стать масляной лужей на полу, и затем с жутким криком она разбила о пол фонарь, и масло охватило пламя. Я думаю… я была в шоке. Такой бы термин ты для этого использовал, Мэтью? *Шок*? Или, может… я просто думала, что моя мама очнется от этого дурмана в любую минуту. Что она придет в себя, кинется обнимать меня… и я позволила бы ей обнять меня, даже несмотря на то, что к тому времени мне смотреть-то на нее было страшно.

Мэтью заметил, что она дрожит. Всего долю мгновения она не могла справиться с собой, но затем все же взяла себя в руки.

— Я сказала: «*не надо, мама!*», потому что я видела, как она все глубже погружается в место, откуда уже не сможет выбраться, и как я могла помочь ей? «*Не надо, мама!*», говорила я, но она не слышала меня больше. А потом… она меня ударила. Она была сильной женщиной даже тогда. Она ударила меня, и я упала. Следующее, что я увидела… это как она хватает меня за лодыжки и поднимает… а потом она подняла меня прямо над огнем и закричала кому-то, что пришло время забрать меня. Она кричала так громко, что у меня едва не лопнули уши… я попыталась пнуть ее и выбраться из рук. У меня получилось, и я поползла от нее прочь через комнату. Я схватила шторы, чтобы потушить огонь, который успел перекинуться мне на волосы… но масла было слишком много. Оно было повсюду. Занавески занялись, пол тоже был в огне. Я помню его жар, помню, как быстро разрасталось пламя. И прямо там, среди чада и огня я увидела, как моя мать начала танцевать, нарезая круги по комнате, как

жутко она прислушивалась к музыке, играющей этажом ниже. Я знала… знала, что ее уже нельзя спасти, поэтому пришлось спасаться только самой. Это была ужасная минута, Мэтью, минута, когда я увидела ее танцующей в пламени и поняла, что придется оставить ее здесь. Тогда внезапно вуаль слетела с ее лица… оно было все съедено… ни носа, ни рта… болезнь сожрала ее буквально до костей. Она нагнулась, и обе ее руки погрузились в пламя… масло на ее руках загорелось… синее пламя, я очень хорошо его помню… и она перенесла этот огонь на свое лицо, словно хотела таким образом смыть с себя эту заразу.

Матушка Диар замолчала. Она уставилась в пространство, ее рот частично раскрылся. Мэтью слышал, как тяжело и отрывисто она дышит.

— И… что произошло потом? — осмелился спросить он.

Несколько секунд прошло, прежде чем Матушка Диар очнулась от своего дурмана: до этого она сидела, не мигая, не разговаривая и не делая больше ничего. Наконец, она взяла вилку и зацепила ею кусок оленины. Она хорошо рассмотрела его, прежде чем коснуться мяса губами.

— Я выбралась из той комнаты и из того дома, — сказала она. — Он сгорел дотла, прежде чем кто-то додумался позвать бригаду с ведрами для тушения. Никому не было дела до Грязной Дороти. Они были рады, что от этого дома остался только пепел. Я немного пострадала в том пожаре. Мои волосы сгорели… моя кожа головы… была повреждена. Другие ожоги со временем зажили. Меня отнесли в больницу — не на Кейбл-Стрит, той больницы тогда не было — и я… ну… я *выжила,* — она посмотрела на Мэтью со слабой улыбкой перед тем, как положить в рот кусок оленины. Ее маленькие зубки начали усердно работать, перемалывая мясо.

— А ваша мать погибла в том пожаре?

Она проглотила еду и сделала большой глоток вина перед тем, как ответить.

— Конечно. Я слышала много чего о моей несчастной матушке после этого пожара. В местной таверне поговаривали, будто ее обгоревший череп отыскали в руинах. А самая лучшая история, которую о ней сочиняли — о, даже «Булавка» постыдилась бы печатать такое! — была о том, что она в виде призрака предстала перед владельцем таверны «Серый Пес», которая находилась неподалеку, и ее призрак сказал ему, что кто прикоснется к ее черепу, тому повезет в любви и в деньгах. Так что после этого владелец «Серого Пса» переименовал свою таверну в «Счастливый Череп». Сам череп он поставил у себя на стойке и позволял своим клиентам его лапать. Он был там даже

тогда, когда тридцать девять лет спустя я купила эту таверну и назвала ее «Гордиев Узел» после истории, которой я особенно насладилась, услышав подробности. Моей первоначальной задачей было выкупить это место, разбить этот череп на кусочки и выбросить вместе с прочим мусором, — она осклабилась, глядя на Мэтью. — Мне никогда особенно не везло в любви, но с деньгами повезло *колоссально*… так что *я люблю* деньги… и у меня есть на то причины. Такая вот у меня история.

— Несчастливое детство, — сказал Мэтью.

Она пожала плечами.

— У большинства оно несчастливое в том или ином смысле. Меня забрала женщина, которая работала в доме моей матери, и научила меня манерам, правильной постановке речи. К тому моменту, как я поправилась, она уже стала хозяйкой борделя сама, и к своим поздним годам добилась больших успехов в деле. Я выросла в атмосфере бизнеса, а позже в моей жизни появился Профессор, и мы прошли через многое — через огромное количество тяжелой работы. Я помогала ему всем, чем только могла, чтобы его империя росла. Он же помог мне перебраться в другой район, и там я по-прежнему блюла интересы Профессора в делах и управляла заведениями в угоду его планам. Одним из публичных домов, которые мне тогда встретились, был дом, которым впоследствии завладел молодой задира по имени Натан Спейд. О! — она прижала свой толстый палец к нижней губе. Ее лягушачьи глаза расширились. — Ты же уже знаешь это имя, не так ли?

Мэтью позволил себе слабую улыбку. «Натан Спейд» — именно так звучало имя его маски, которую ему пришлось некоторое время носить на Острове Маятнике в марте.

— Натан Спейд умер, — сказала Матушка Диар. Она подняла вилку повыше. — Да здравствует Мэтью Корбетт! — вилка опустилась с огромной силой, обозначив выбор ее следующего куска мяса. От ее удара задрожал, казалось, весь стол.

Мэтью сделал глоток вина. Куда бы они ни собирались в десятидневную поездку, путешествие явно предстоит не из легких в компании Матушки Диар и ее банды головорезов. Но дальше… в конце этих десяти дней… там будет ждать Профессор.

Действительно, да здравствует Мэтью Корбетт, подумал он с усмешкой. *Да здравствует Берри Григсби, да здравствует Хадсон Грейтхауз и да здравствует судья Уильям Атертон Арчер, столь же известный как Альбион.*

Они будут собраны все вместе в этом загадочном змеином логове через десять дней, и затем станет ясно, сколько останется жить каждому из них.

Момент за моментом, подумал Мэтью. *Каждый в своем пространстве*.

У него было много предметов для раздумья, множество ментальных преград и страхов за судью Арчера и за двух человек, которые проделали столь долгий путь, чтобы отыскать его. Доведется ли ему еще хоть раз взять Берри за руку и прогуляться с ней по Бродвею прохладным осенним днем?

Сейчас… ничего хорошего ситуация не предвещала.

Мэтью решил, что он закончит все, что есть у него на тарелке и возьмет вторую порцию. Он собирался есть медленно, кусочек за кусочком, и когда будет подан десерт, он и его съест. Если больше ничего он сделать не может, стоило хотя бы почувствовать, что такое быть гостем очень богатой Матушки Диар. Да и мало ли, что еще может быть выяснено за простым разговором?..

Он поднял свой пустой бокал.

— Не желаете ли откупорить еще бутылку?

Глава тридцать вторая

— Чувствуешь это? — спросила Матушка Диар. Она глубоко вздохнула, ноздри ее раздулись. — Море.

Мэтью чувствовал соленый аромат Атлантики, звучавший в холодном ветре, что свирепствовал на улице и яростно бил в шторки на окнах кареты. Он чувствовал себя сонным, потому что этот — десятый — день его путешествия казался непомерно долгим, ибо начался с первыми лучами солнца и все не желал заканчиваться, хотя несколько часов назад уже опустилась тьма. Обычно на закате экипаж останавливался в гостинице. На этот раз — нет, стало быть, как понимал Мэтью, логово Фэлла находилось уже совсем близко.

Он снова закрыл глаза. За это время он порядком устал от Матушки Диар и от ее безвкусных нарядов с разноцветными рюшами, а также от яркого макияжа, делавшего ее жабий внешний вид еще более абразивным. Мэтью чувствовал к ней некоторое сострадание после истории о Грязной Дороти, которую она рассказала, однако в нынешний реалиях Матушка Диар была хладнокровным убийцей и сострадания не заслуживала. Мэтью прекрасно понимал, что если бы Фэлл обещал хорошее вознаграждение за его смерть, вторая пуля, которая была бы пущена в пыточной камере дантиста, попала бы ему в лоб после Рори Кина.

Это было трудное и утомительное путешествие, в течение которого, правда, Мэтью ожидало маленькое приятное открытие: Харрисон Коупланд носил с собой маленький шахматный набор и сам был необычайно хорош в этой игре: он выиграл у Мэтью восемь раз из девятнадцати. Четырежды они сыграли вничью. Полдюжины других людей, сопровождавших Матушку Диар в этой поездке, занимали два дополнительных экипажа. Иногда они наблюдали за игрой, иногда отворачивались, показывая полное отсутствие интереса, и уходили в угол, где открывали бутылку рома или вина. Джулиан Девейн, сидевший в карете рядом с Матушкой Диар и Мэтью, был неизменно прохладен и держался с характерной для него бесстрастностью, по большей части оставаясь молчаливым. Пленнику он уделял столько же внимания, сколько луже на земле. У Мэтью было чувство, что Девейна не интересует особенно ничего, кроме исполнения фактических заданий от Матушки Диар. Быть может, только унижать пленников?..

Иногда ночью Коупланд или Девейн выступали в качестве его

охранников. На следующую ночь были обязательно уже другие два человека…

На вторую ночь стало понятно, что Мэтью даже не попытается убеждать. После этого охранникам сообщили, что его можно свободно выпускать прогуливаться неподалеку от гостиницы без слежки. Молодому человеку также позволили принимать пищу в одиночестве, и никто не обыскивал его после, потому что было ясно: у него нет намерений спрятать нож и позже ударить им кого-то. Мэтью собирался в этом караване добраться до логова Фэлла, потому что это гарантировало хотя бы минимальную безопасность Хадсону и Берри, а одно неверное движение со стороны Мэтью могло повлечь за собой то, что им обоим перехватят глотки и отправят на корм собакам, как иногда поступали в ситуациях, у которых обнаруживались ненужные свидетели.

Некоторые владельцы гостиниц и таверн знали Матушку Диар и ее людей по именам, что свидетельствовало о том, что она со своим эскортом проезжала по этому маршруту несколько раз — множество раз? — до этого. Все вели себя так, будто ко всему привыкли. Это была простая деловая поездка, и гостиницы и таверны были только рады принять Матушку Диар с ее деньгами. Она делала записи о своих тратах в небольшой книге, и ее привычка облизывать кончик карандаша страшно раздражала Мэтью.

После того, как они выехали из Лондона, облака истончились, и несколько солнечных лучей все же тронули землю. По окружающему пейзажу Мэтью сделал вывод, что они двигаются на северо-запад в направлении Уэльса — к этому заключению он пришел на третье утро, сидя напротив Матушки Диар и Девейна в карете, которая подскакивала на каждой кочке каменистой дороги. В какой-то момент молодым человеком овладели воспоминания, от которых у него перехватило дыхание.

— Что такое? — резко встрепенувшись, спросила Матушка Диар.

— Ничего, — ответил он. — Просто задремал, а кочка разбудила меня.

Но на самом деле он вспоминал, как ехал в карете с двумя людьми, намеревавшимися убить его во время дела Королевы Бедлама. Оба они также работали на Профессора Фэлла.

Один из них сказал: *Мы не разбрасываемся талантами. У нашего покровителя есть прекрасная деревенька в Уэльсе, где людям дают образование и правильные понятия о жизни.*

Итак… они направляются в Уэльс. К деревне Фэлла, где Мэтью, надо думать, будут вбивать правильные понятия о жизни

силой.

Он чувствовал море. Это заставляло его вспомнить о том, как Рори озвучивал свои желания отправиться в морское путешествие, и о том, что на деле этот молодой человек никогда не чувствовал этого соленого аромата, потому что не выбирался далеко за пределы своего района. Это заставляло задуматься о том обещании, что он дал Рори: выяснить, кто приказал убить членов Черноглазого Семейства, кто устроил эту резню. А еще это оживляло в памяти страшный звук выстрела, оборвавшего жизнь друга. По крайней мере, дважды в день в течение последнего времени он просыпался ото сна с памятью об этом выстреле. Просыпался в холодном поту.

Иногда во время приемов пищи он слышал, как Матушка Диар храпит в соседней комнате. Временами через стену доносилось страдальческое сонное бормотание этой женщины, которая в детстве пережила страшный кошмар. Но сидя напротив нее в мягком желтом освещении кареты… он никогда не забывал, кто она теперь и на что способна.

Возница вдруг резко выкрикнул что-то.

— Ах! — улыбнулась Матушка Диар, взглянув на Мэтью. — Мы уже близко.

— Деревня Фэлла, — кивнул Мэтью.

Ее губы удивленно изогнулись, а брови приподнялись.

— Ты *очень* умный молодой человек, — одобрительно цокнула языком она. — Я уверена, что никто из нас тебе об этом не рассказывал. Как ты догадался?

— Пусть это останется моим секретом, — решил ответить он, чтобы уязвить ее.

— Тогда ты также знаешь, как она называется?

— Чистилище, — ответил он.

Она рассмеялась.

— Прекрасный Бедд. С двумя «д».

— Очень романтично, но грамматически совершенно бессмысленно.

— Это не оригинальное название, а лишь его транскрипция, — усмехнулась она. — В дословном переводе оно значит «Прекрасная Могила».

Это заставило его распрямиться и замолчать на несколько мгновений, но он быстро взял себя в руки.

— Его собственная, как я понимаю?

— Его врагов. И тех, кого он хочет там видеть. Окажешься там, и крышка захлопнется… но для кладбища там довольно живая атмосфера.

— Чудесно, — ответил Мэтью, не скрывая сарказма.

Послышался щелчок плети возницы. Лошади двинулись, карета качнулась вперед и назад. Проклятая деревня, должно быть, слишком близко, подумал Мэтью. Он посмотрел налево, в сторону моря, отодвинул занавеску и осмотрелся.

Легкие гранулы тумана метнулись ему в лицо. Запах морской соли, сорняков, водорослей и рыбьей чешуи становился все сильнее. Конечно, Профессор, который сильно интересовался жизнью морских обитателей, захотел бы обустроить свою *прекрасную могилу* на морском побережье. Вокруг было темно, но в небе наблюдалось слабое свечение — возможно, в двух милях отсюда — хотя расстояние было рассчитать назвать точно. Мэтью взял с собой серебряные карманные часы, некогда принадлежавшие ныне почившему дорогому Филиппу, и, взглянув на них, заметил, что время едва лениво перевалилось за восемь. Лошади, похоже, были порядком истощены, но храбро и упорно продолжали двигаться дальше. Мэтью отпустил штору и откинулся на спинку кресла, понимая, что его тело запомнит каждый шов этих неудобных сидений.

Вздохнув, он сказал:

— Похоже, он оставил для нас свет.

— Не только для нас. Там процветает ночная жизнь. Это маленькое сообщество функционирует, как до́лжно.

— Сколько там людей?

— О… по последним подсчетам… пятьдесят три, кажется. Добавь туда своих друзей и судью Арчера. И себя, разумеется. Пятьдесят семь.

— Разве планируется, что я стану постоянным обитателем этого места? И мне привьют здесь правильные жизненные принципы?

— Это решать Профессору, — ответила она. Ее плоский тон и смертельный взгляд пресекли все последующий вопросы, которые Мэтью хотел бы задать.

Быстрый взгляд на Джулиана Девейна тоже ничего не дал, поэтому Мэтью отвел глаза от своего безмолвного конвоира и уставился в пол.

Карета медленно тронулась. Что-то, что мешало ей проехать, похоже, было успешно устранено. Раздался выстрел: похоже, возница отправил сигнальный огонь, обозначая прибытие. *Эти придурки все продумали*, почти обиженно сказал Мэтью про себя. Хотя в глубине души он понимал, что как бы он ни хотел, чтобы они были *придурками*, они ими не были. А ведь иначе так легко было бы иметь с ними дело!

Через несколько минут карета остановилась. Мэтью услышал лязг цепей, что, возможно, было шумом открывающихся тяжелых

ворот. Затем карета вновь набрала скорость и опять поехала по дороге, которая изогнулась влево в направлении моря. Прошло, кажется, не более четверти минуты, когда кулак возницы обрушился сверху, и карета остановилась с грохотом.

— Мы прибыли, — констатировала Матушка Диар.

— На выход, — скомандовал Девейн и указал пальцем на дверь слева.

Мэтью подчинился. Он вышел и увидел перед собой то, чего никак увидеть не ожидал.

Поприветствовать вновь прибывших вышел небольшой оркестр. Два скрипача, аккордеонист и девушка яркой внешности, игриво позвякивающая бубном. Все они были хорошо одеты, выглядели здоровыми и полными сил. Выражения их лиц нельзя было назвать ни слишком веселыми, ни мрачными — скорее, они испытывали здесь нечто, походившее на… *безропотный комфорт*. Мелодия была веселой и живой, но звучала в ней некая самоуверенная, *пришитая* гордость. Тем временем количество зрителей, пришедших поприветствовать прибывших в освещенную фонарями деревню, выросло до тридцати. Всем им не терпелось встретить возницу и пассажиров, и Мэтью был первым, кого они увидели. Мужчины снимали свои треуголки в знак приветствия, женщины учтиво приседали. На лицах местных жителей блестели улыбки, хотя Мэтью казалось, что взгляд их чем-то затуманен. Несколько членов этого странного приветственного комитета выглядели и вовсе отстраненно, и смотрели так, словно их умы были протертыми сланцами.

Так вот, какова из себя эта Могила, подумал молодой человек, когда Девейн немного подтолкнул его вперед. Мэтью прекрасно знал, каково это — потерять память после удара по голове. Он полагал, что наркотики могут сделать примерно то же самое, либо попросту погасить в человеке стремление к свободе и превратить эту «прекрасную могилу» в Райские Врата.

Он быстро оглядел всех людей, которых видел перед собой. Старшим в этой группе был человек, вероятно, лет шестидесяти от роду. А самой юной была девушка с бубном. *Нет*, тут же поправился он, заметив в центре площади женщину, прижимавшую к груди младенца. Рядом с ней стоял мужчина, держащий на руках маленького мальчика около шести лет, чтобы тот мог хорошо рассмотреть прибывших.

Когда вторая карета этого каравана взметнула пыль и остановилась на площади, жители тут же обратили на нее свое сомнительное внимание, продемонстрировали рассеянные улыбки, автоматические приседания и помахивания треуголками. Во втором экипаже было еще четверо головорезов Матушки Диар.

Небольшой оркестр заиграл снова.

Высокий, худой человек, одетый в куртку из оленьей кожи и серую шапочку подошел к Мэтью, Матушке Диар и Девейну. Мэтью мгновенно увидел, что его взгляд не отличается такой же рассеянностью, как взгляды большинства жителей. Нет, глаза этого человека были острыми. Внешностью он обладал непривлекательной и держал на виду мушкет с коротким штыком под стволом. Он перекинул оружие так, что оно опасно смотрело прямо на молодого решателя проблем из Нью-Йорка.

— Добро пожаловать в Прекрасный Бедд, — обратившись к Мэтью, он заговорил с сильным акцентом. Правда, ничто в его виде не указывало на доброжелательность. Даже само приветствие было произнесено в жесткой, угрожающей манере. Тем временем этот неприветливый человек повернулся к Матушке Диар и Девейну. — Добрый вечер.

— Добрый вечер, мистер Фенна. У нас много багажа с собой.

— Да, мадам. Сколько прибывших?

— Четверо уже вышли. Еще одна карета с другой четверкой прямо позади. Доктор Белиярд уже прибыл с пациентом?

— Нет, мэм, еще нет.

— Уверена, он вот-вот прибудет.

— Я позабочусь о вашем багаже. Куда вести вот этого? — Фенна кивнул в сторону Мэтью.

— В гостевой дом «Крылатка». Или он уже занят теми двумя, которых я прислала ранее?

— Нет, мэм, там свободно. Их перевели в другое место.

— Берри и Хадсон? — Мэтью посмотрел на женщину. Ему не понравилось, как прозвучало это «*перевели в другое место*». — Где они?

— Здесь, в комфортном окружении, — она одарила его легкой зубоскальной улыбкой, от которой по коже бежал холодок. — Джулиан, ты проводишь Мэтью в гостевой дом? У меня еще есть здесь дела.

— Я хочу видеть моих друзей! — сказал Мэтью. В этот момент прибыла третья карета. Музыка с ее дружелюбным безумием заиграла снова.

— В гостевой дом, — повторила Матушка Диар для Девейна. А затем повернулась к Мэтью. — Располагайся. Если захочешь что-нибудь поесть, иди в таверну на другой стороне площади, — она пальцем указала ему направление. — Ночью там открыто. Можешь хорошо поужинать, выпить бокал вина, расслабиться, — она отвела от него взгляд и обратилась к мистеру Фенна. — Он наверху?

— Да, мэм. Работает, как всегда.

— Он захочет видеть меня сразу.

— Да, мэм, — ответил Фенна. Он адресовал Мэтью уничтожающий взгляд, говоривший, что если бы было дозволено, он с удовольствием разнес бы мозги юного выскочки своим мушкетом. На то, что шанс появится, он явно надеялся до сих пор. Затем Фенна и Матушка Диар отправились прочь через площадь из белого камня. Толпа встречающих начала понемногу редеть, и музыка прекратилась. Пистолет, который Девейн извлек из-под своего плаща, уперся Мэтью в ребра.

— Прогуляемся? — хмыкнул он. — Иди прямо и поверни направо на следующей улице.

— Ты же знаешь, что в этом нет необходимости.

— Мне нравится чувствовать оружие в руке. Вперед.

Мэтью подчинился. Теперь у него появилась возможность более четко обрисовать себе впечатления от этой опрятной маленькой тюрьмы. Да, именно тюрьмы, подумал он, сознавая, что другого смысла у этого места быть не может. Тюрем в последнее время пришлось повидать немало, но *эта*, пожалуй, была худшей из всех, так как пленяла не тело, а разум… тем не менее, здесь было чисто, люди ходили свободно, и веселый свет фонарей лился из окон. Казалось, никого здесь не беспокоило, что человека ведут по улице к гостевому дому под дулом пистолета.

В поле зрения попало еще четыре улицы, расходившиеся от главной площади, а после делившиеся и разветвлявшиеся на еще более мелкие прожилки дорожек. Все здания были одноэтажными, большинство из них строилось из белого камня, хотя некоторые были пестрыми: бело-серыми или бело-коричневыми. Большинство домов имело крыши из темно-коричневой черепицы, но встречалось и несколько соломенных. Все, разумеется, сделано из местных материалов, подумал Мэтью. Он видел места, где в стенах имелись залатанные бреши — возможно, залатанные не единожды. Это придавало домишкам какой-то особенный уют, но при этом создавало определенное впечатление и о возрасте строений. Стоило приглядеться, и становилось понятно, что стены уже не раз чинили и красили заново. Во всей атмосфере этого места присутствовало что-то средневековое, и о внутреннем убранстве местных жилищ воображение строило самые разные предположения.

Из каменных дымоходов вверх тянулись легкие завитки белого дыма, которые лениво поднимались в усыпанное звездами небо. Когда дыхание холодного ветра подхватило запах дыма и разнесло его во всех направлениях, Мэтью поймал острый, землистый аромат, который он никогда не слышал раньше.

Торфяные пожары, подумал он. Деревня, похоже, находилась в непосредственной близости от болот и торфяников.

На углах улиц стояли столбы, удерживающие на крючках горящие фонари, и под ними висели уличные знаки на эмалированных табличках. Мэтью отметил, что, повернув направо, он попал на Лайонфиш-Стрит[3], тут же подумав, что название всех улиц здесь, так или иначе, имеют отношение к морским существам. С Девейном, держащимся у него за спиной, Мэтью миновал небольшое здание, отмеченное знаком «*Больница Прекрасного Бедда*». Далее находилось всего четыре дома — по два на каждой стороне улицы. Затем Лайонфиш-Стрит изгибалась вправо и предположительно вела обратно к площади. Свет фонарей бросал отблески на стену серокаменного здания высотой двенадцать футов с каменным парапетом наверху. Полуразрушенная башенка наводила на мысль, что давным-давно это строение было крепостью — где-то в туманах истории. Щербатый вид каменной кладки навеял Мэтью особенно неприятные воспоминания, и челюсть с вырванными зубами отозвалась тупой болью. Там, на парапете находился человек, держащий мушкет. На первый взгляд показалось, что он собирается взять пришельцев на прицел, однако сейчас его взгляд был устремлен куда-то поверх крыш домов, к морю. Мэтью заметил, что слева и справа здесь тянется высокая стена. Он понял, что она, вероятно, окружает всю деревню, а сама деревня занимает не более трех или четырех акров.

Он не преминул отметить десятифунтовые пушки наверху, направленные на море, и молодой человек был уверен, что это не единственный такой оружейный пост.

— Вот, — сказал Девейн, поведя своим пистолетом вправо.

Это был дом, мало отличающийся от остальных: одноэтажный, из бело-коричневого камня с крышей из темно-коричневой черепицы с несколькими квадратными окнами и одним небольшим круглым окошком над дверью. Света оттуда не исходило.

— Там не заперто, — сказал Девейн.

Мэтью вошел. Первым его порывом было резко броситься на своего конвоира из темноты, но молодой человек понимал, что порыв этот совершенно глуп, поэтому постарался отбросить его прочь.

— Шаг назад, — скомандовал Девейн в открытую дверь. — В верхнем ящике письменного стола слева найдешь, чем зажечь фонарь, — он потянулся к фонарю, висевшему на настенном крюке рядом с дверью, и буквально бросил его Мэтью, который на миг замешкался и едва не выронил брошенный предмет, лишь в

последний миг сумев совладать с непослушными пальцами. — Одежду тебе принесут, — сказал Девейн, не обратив никакого внимания на возню своего узника. — Человек, который придет, будет вооружен, предупреждаю на всякий случай. Не создавай неприятностей.

— Я и не…

Девейн отступил и закрыл за собой дверь, не дослушав Мэтью и оставив его в одиночестве и в темноте (если не считать тот свет, который мягко струился из окон домов).

— … собирался, — договорил Мэтью, потому что оставлять фразы незавершенными он не любил.

В ящике он нашел еще два фонаря, которые поджег с помощью своего. Свет разгорелся и распространился по комнате, и Мэтью решил пройтись, чтобы оглядеть свою новую тюрьму. В доме был кабинет и спальня. Обстановку с мебелью можно было охарактеризовать вернее всего, как *спартанскую*, но здесь, безусловно, было комфортнее, чем на устланном соломой полу Ньюгейтской тюрьмы. На кровати лежал матрас из гусиных перьев, в гостиной стоял небольшой письменный стол, а перед красивым большим камином располагалось два резных стула. У очага присутствовали необходимые предметы для растопки.

Мэтью прошелся и внимательнее изучил мебель: очаг сильно почернел, а на письменном столе виднелись царапины, но никаких других признаков, что кто-то когда-то жил в этом месте, не наличествовало. Он проверил ящики письменного стола, но там оказалось пусто. Примерно так же обстояли дела со шкафом в спальне: кроме куска хлопковой ткани там не было ничего. Мэтью отметил, что на двери не было замка, а так же здесь отсутствовала задняя дверь. Конечно же, подумал он, нельзя же позволить *гостям* Профессора Фэлла забаррикадироваться от своего хозяина!

Несмотря на переутомление и сонливость, Мэтью захотел хорошенько осмотреться в деревне. Он потянулся, услышав и почувствовав хруст собственных позвонков, наклонился, дотронулся до пальцев ног несколько раз, чтобы разогнать кровь по затекшему телу. Затем он взял один из фонарей, оставил второй гореть, натянул плащ и вышел на улицу, где холодный осенний ветер свирепствовал в раю Фэлла.

Желтая луна была почти полной. В окнах мелькнуло несколько огней, но с течением ночи новых светящихся окон не прибавлялось. На Лайонфиш-Стрит никого из прохожих не было, а в окнах местной больницы царила непроглядная темнота. Двигаясь вдоль по улице, Мэтью невольно задавался вопросом, что же натворили жители Прекрасной Могилы, чтобы стать

узниками здесь, и, если они были врагами Фэлла, то почему Профессор просто не устранил их?

Молодой решатель проблем свернул на улицу, направленную к стене, и уже в следующий миг услышал оглушительный грохот морских волн. Он опустил фонарь и продолжил свое исследование территории. Вскоре он достиг широких ворот, собранных из тяжелых железных прутьев, за которыми не было видно ничего, кроме чернильно-черной темноты. Мэтью осторожно попробовал толкнуть ворота, не желая производить лишнего шума, способного привлечь охрану, и обнаружил, что — разумеется — ворота были заперты. Неудивительно. Но что там, за воротами? Просто море, грозные звуки которого можно услышать даже отсюда? Или же продолжение улицы? Если так, то куда она ведет? Что ж, ему придется ждать восхода солнца, чтобы это выяснить.

Мэтью вернулся по тому же пути, но вскоре еще раз свернул, освещая себе дорогу фонарем, после чего очутился на главной площади. Карет здесь уже не было — вероятно, их увезли куда-то в соответствующее место, а лошадей отвели в хлев. У колодца стояли и переговаривались двое мужчин. У обоих на плечах были мушкеты с зафиксированными под стволами штыками. Они бегло окинули Мэтью взглядами, тут же решив не тратить на него свое время, и вернулись к разговору. Мэтью понял, что, вероятнее всего, эти двое были охранниками, патрулировавшими деревню всю ночь, но, казалось, увидев молодого решателя проблем, разгуливающего по улице, они решили, что поводов для беспокойства нет. Через стекло квадратного окна белокаменного здания, в котором, похоже, располагалась основная таверна, пробивался теплый желтый свет. Над дверью висела вывеска с названием «Знак Вопроса?»… что ж, вот оно, подумал Мэтью, чувство юмора Профессора Фэлла в действии. В ту же минуту молодой человек решил, что обязан посетить это место.

Внутри таверна была совсем небольшой, но хорошо освещенной и чистой, с семью столами и барной стойкой. Два столика были заняты. За одним сидела компания из трех мужчин, которые вели тихий разговор. Похоже, эти люди только недавно вернулись с дежурства, либо сейчас у них был перерыв. Тоже охранники, подумал Мэтью, отметив их лежащие на стуле мушкеты. Второй стол занимал один мужчина, который, похоже, уснул над своей опрокинутой глиняной чашкой, из которой темная жидкость мерно капала на половицы. Мэтью занял ближний к стойке столик, откуда удобно было наблюдать за остальными.

— Да, сэр? — обратился трактирщик, невысокий лысеющий

мужчина с огромным носом, подошедший прямо к Мэтью.

— Могу я заказать что-нибудь поесть?

— Кухня закрылась несколько минут назад, но напитки мы подаем всю ночь.

— О… — Мэтью вдруг осознал, с какой проблемой столкнулся. Если Фэлл пичкает жителей своей Прекрасной Могилы наркотиками — а это для Мэтью уже не вызывало сомнений после первого же впечатления от толпы, которая вышла встречать его карету — то наркотик мог быть подмешан во все: в еду, в вино, в эль или даже в воду. Даже в самом невинном супе или бульоне может оказаться одно из смертоносных зелий, занимавших достойную страницу в записях Джонатана Джентри. Мэтью очень хорошо вспомнил то, что Профессор сделал на Острове Маятнике, после чего Джентри был обеспечен быстрый доступ на небеса. Фэлл приказал Джентри записать все собранные и разработанные им формулы ядов и наркотиков, после чего сам доктор стал бесполезен.

Разумеется, формула наркотика, превратившего «Белый Бархат» из простого джина в сильнодействующее средство, затуманивающее разум, также пришла из этой самой книги с записями доктора. Мэтью подумал, что, возможно, здесь, в Прекрасной Могиле используют более слабый вариант того же самого средства? И как избежать попадания в эту ловушку, если всё здесь, возможно, отравлено этим наркотиком?

— Вы желаете бокал вина, сэр? — спросил хозяин таверны.

— У меня нет денег.

— О… вы ведь приехали с Матушкой Диар сегодня вечером, не так ли? Я не сумел выйти встретить вас, я был здесь. Уборка перед ночной сменой, знаете ли.

Мэтью кивнул. Он подумал, что даже вода, которой здесь моют стаканы, могла быть отравлена. Наркотик при желании можно было втравить даже в глину, из которой выжигают местную посуду, и сделать так, чтобы средство активировалось при попадании жидкости… и с тарелками так же. Похожую хитрость применили соратники Фэлла несколько лет назад в Филадельфии, и привело это к плачевным результатам.

— Денег и не нужно, сэр, — сказал трактирщик. Его голубые глаза смотрели очень дружелюбно. — К вам есть доверие.

Мэтью взглянул на трех охранников, пьющих их деревянных кружек. Скорее всего, такие использовались только для охранников, и запас напитков для них тоже хранился специальный, неотравленный. Другим посетителям, вероятно, такого не предлагали.

— У нас есть крепкий яблочный эль, если хотите, —

предложил хозяин таверны.

— Благодарю, но я думаю, я просто посижу здесь и отдохну некоторое время.

— Может, тогда желаете воды?

— Нет, ничего, спасибо, — решил Мэтью. Мужчина кивнул и вернулся к своей ночной работе.

Я здесь, как пойманная рыба в котелке, подумал Мэтью. Нельзя было доверять ни еде, ни напиткам, иначе наркотик, который могут туда добавить, превратит его в безвольного идиота. А что насчет Берри и Хадсона? Они находятся здесь довольно давно, они *должны были* что-то есть и пить. Неужели они уже впали в зависимость и теперь бесхитростно подчиняются приказам? Впрочем, очевидно, препарат не полностью подавляет волю к побегу, ведь иначе зачем охранникам оружие? Может, доза для каждого рассчитывается индивидуально, в зависимости от того, насколько тяжким было его преступление против Профессора?

Задумавшись об этом, Мэтью невольно попытался просчитать, сколько сумеет пробыть здесь, отказываясь от воды и пищи, как вдруг услышал сердитый голос, доносившийся с улицы. В «Знак Вопроса?» явились двое: мужчина и женщина, которые *явно* не находились под чарами, извлеченными из аптечки Фэлла.

Женщине было на вид чуть больше тридцати. Высокая, хорошо сложенная и довольно привлекательная. У нее были яростные темные глаза и эбеново-глянцевые черные волосы, собранные в высокую прическу на макушке и каскадом спадающие на плечи. Полноватые губы имели ярко-красный оттенок и сейчас выплевывали целый огненный поток слов на итальянском языке — явно бранных, поэтому уши Мэтью покраснели от смущения, даже несмотря на то, что перевода он не знал. Женщина была одета в темно-синее платье с белой отделкой вокруг воротника, на плечи был накинут атласный белый пиджак.

Ее спутник был низковат ростом — по крайней мере на три дюйма ниже ее самой — и носил черный костюм с жилетом того же оттенка. Свои седые волосы он сзади завязал красной лентой. Из черт лица внимание к себе привлекали его тонкие серые брови, острое лезвие носа и взгляд, полный крайнего беспокойства, которое делало и без того заметные на его нарумяненном лице морщинки глубже.

Пока женщина продолжала вываливать на своего спутника поток брани, тот картинно заламывал руки, в то время как взгляд его словно бы искал путь к бегству. Трое охранников прекратили свой разговор, толкнули друг друга в бок и ухмыльнулись,

посетитель, уснувший за соседним другим столом, поднял голову на несколько дюймов, но слабая шея не удержала ее навесу, поэтому лоб со стуком снова врезался в столешницу.

Женщина схватила ртом воздух, набираясь сил для нового потока ругательств, которые казались невидимыми ножами, наносившими мужчине удар за ударом. Он приложил одну руку к сердцу, а другую ко лбу и в пошатнулся под ее натиском, как будто мог вот-вот упасть в обморок.

В следующий миг эта бестия увидела Мэтью, и ее черные глаза устремились на него с силой, которая почти в буквальном смысле переломила ему позвоночник. Женщина указала на него пальцем.

— Ты! — закричала она так, что в таверне, казалось, задрожала вся мебель. — В тебе *может* быть какой-то толк. Ты играешь на инструменте?

— Простите?

— *На инструменте!* — ее руки сжались в кулаки и поднялись вверх, готовые захватывать мир. — Sono circondato da idioti totali! [Меня окружают полные идиоты! (ит.)] — прорычала она. — На музыкальном инструменте! Ты играешь?

Ее итальянский визг был слишком далек от латыни, которую он изучал, однако смысл ее слов молодой человек уловил. Полным идиотом он себя не считал, а она, вероятно, его точку зрения не разделяла. Он вздохнул.

— Piget me nego.

Сожалею, но нет.

Она перестала кричать. Молчание, распространившееся по помещению, было тяжелым, как ее акцент.

Она повернулась к своему спутнику и прямо ему в лицо заорала на смеси английского с итальянским, при это сила ее напора могла запросто сдуть мясо со скелета:

— *Как я должна петь Прозерпину, Дафну, La Fortuna и La Tragedia без аккомпанемента?* — ее голос поднялся на опасную высоту. — Это *инсульт*! Это комедия! Это полное безумие, *e un vaiolo su questa intera idea! [вся эта идея больна оспой! (ит).]*

— О, мой Бог! — вдруг воскликнул Мэтью, неожиданно поняв, кто это.

Она повернулась к нему, глаза ее сверкнули.

— *Si,* можешь взывать к Господу! Позови его сюда и попроси привести оркестр ангелов, потому что только так я буду петь эту проклятую партию!

— Вы… — выдохнул он. — Вы же…

Она отбросила назад волосы и чуть отвела голову, словно собралась атаковать своим острым подбородком.

— Алисия Кандольери! — объявила она с воинственной красотой, хотя ее имя он и так уже знал.

Перед ним стояла похищенная оперная прима, и, похоже, что ее действительно похитил почти что любовник-пират, как и писали в «Булавке», и этот бедный ублюдок, видимо, откусил кусок больше, чем мог прожевать.

Глава тридцать третья

Госпожа Алисия Кандольери кружила вокруг стола Мэтью, как пантера.

Когда внезапно она остановилась прямо напротив его стула, она требовательно спросила:

— Что ты обо мне знаешь? А?

— Я знаю, — спокойно ответил он. — Что вы можете заставить любой вопрос звучать как требование.

— Ты должен также знать, что я *звезда*!

— В Италии, да. В Лондоне и многих других городах тоже, я уверен. Здесь… вы, похоже, просто очень громкая и грубая женщина, которая ищет себе оркестр.

— Ты только посмотри, как *этот* со мной разговаривает! — она обожгла глазами своего напудренного компаньона, который, как полагал Мэтью, был ее управляющим. Он вспомнил, что в «Булавке» говорилось, что не только сама знаменитость была похищена, но и кое-кто из ее свиты.

Тем временем мадам Кандольери прищурилась, не дождавшись реакции от своего растерявшегося спутника, и вновь обратила пламенный взор на Мэтью:

— Questo deve avere le palle di ottone per andare con la sue orecchie in ottone!

Мэтью разобрал что-то про железные яйца и железные уши. Он пожал плечами.

— Почту это за комплимент. А теперь… почему бы вам не присесть и не успокоиться?

— Успокоиться? *Успокоиться*?! — дива сморщила пухлые губки, грудь ее, казалось, раздалась в размерах, и Мэтью с трудом удержался от намерения схватиться за край стола, чтобы ближайший крик этого средиземного циклона не сдул его к дальней стене. Но затем набухающий бюст опустился, губы расслабились и избавились от морщинок праведного гнева, дива склонила голову набок, словно пыталась рассмотреть сидящего перед ней молодого человека под другим углом. — Кто ты такой, черт возьми?

— Говорите и в самом деле, как Персефона, — заметил он, вспомнив, что это было еще одним именем Царицы Аида, правда он не имел ни малейшего понятия, какую оперу она должна была исполнять.

— *Si*. И я, наверное, скорее, *проговорю* всю свою партию, чем буду петь ее без оркестра. Как тебя зовут?

— Мэтью Корбетт. А вас? — последний вопрос он адресовал ее запуганному управляющему.

— Его зовут *fango [грязь (ит.)]* за то, что втянул меня в это! А в лучшие свои времена его звали Джанкарло Ди Петри.

— Здравствуйте. Как поживаете? — обратился Мэтью к мужчине, который напоминал дрожащий кусок нервов и, похоже, не собирался удостаивать молодого человека ответом.

— У него все *simplicimente eccellente [просто превосходно (ит.)]*! — ответила мадам Кандольери. Она бросила взгляд своих темных глаз на трех охранников, которые возобновили свою беседу, затем отодвинула стул от стола Мэтью и села, небрежно и почти по-мужски расставив ноги, что больше ассоциировалось с какой-нибудь развязной крестьянкой, чем с оперной звездой. — Уфф! — вздохнула она. — Что за место, а!

— Я прибыл не более часа назад.

— А мы здесь уже… ради всего святого, сядь ты уже, Джанкарло! — приказала она, и ее несчастный спутник опустился на ближайший стул. — Мы здесь уже восемь дней, — продолжила мадам Алисия. — Или прошло уже восемь *недель? Madre Maria, я* с ума сойду! — она прищурилась. — Ты один из них?

Рука примы указала в сторону охранников.

— Нет. Меня привезли сюда точно так же, как и вас.

— Это был обман! Джанкарло, Розабелла и я были приглашены к графу… как там называлось это место? — она грозно обратилась к своему управляющему.

— Кентербери.

— К графу Кентерберийскому, — продолжила она. — Затем мы отправились в изнуряющее путешествие по дороге, на которой едва не поломали спины! Лошади бежали все быстрее, и быстрее, и я посмотрела в лицо человека, который представился доверенным *ambasciatore [представителем (ит).]* графа, и сказала ему: «*Scusami [извините (ит.)],* эти ухабы кругом скоро заставят меня… как вы это говорите… освободить воду?», потом попросила: «Скажите кучеру остановить карету в следующей таверне и позвольте мне сделать это, это займет всего минуту». Он кивнул молча, а потом мы просто *пролетаем* мимо таверны! И мимо гостиницы прямо на пути! Поэтому я немного… ну, ты понимаешь, *расстроилась* такому неуважению и потребовала остановить карету немедленно! Можешь себе представить, что этот человек мне ответил?

— Например, «*Заткнись*»? — предположил Мэтью.

— *Esattemente! [точно (ит.)]* Это совершенно верно! Тогда я потребовала снова, чтобы он остановил эту чертову карету *сейчас же*! Я так… оххххх, я так злюсь, когда вспоминаю об этом, что

хочется что-нибудь бросить… у меня красная пелена перед глазами встает, как тогда. Я хотела просто выпрыгнуть из этой кареты. Я пригрозила, что так и сделаю, если мне не дадут высвободить воду…. и знаешь, что этот человек сказал мне, *Алисии Кандольери*?

— Что-то вроде «Ну так писай прямо здесь?» — спросил Мэтью.

— И снова правильно! Так знаешь, что я сделала?

— Могу только догадываться.

— Тебе лучше поверить в это, *bambino [детка (ит.)]*! — игриво усмехнулась она. — Я сбросила свои юбки, как будто я какая-нибудь donna dei campi [женщина полей, крестьянка (ит.)] *и выпустила все прямо этому наглецу на ноги! Тебе надо было слышать, как он завизжал, готова поспорить, Сенетта не орал громче, когда ему яйца отрезали! И тогда — тогда* — этот мужик покраснел и начал ругаться, как мальчишка-моряк, и вдруг достал *пистолет* из своей дорожной сумки! Направил его прямо мне в лицо и сказал, что если бы Профессор Фэлл не хотел меня, меня следовало бы застрелить еще раньше, потому что он совершенно непримиримо *презирает* оперу! — она фыркнула, как мог бы фыркнуть бык, сжала кулак и на мгновение замерла, словно размышляя, сплюнуть или не сплюнуть на пол. — Если я еще раз увижу этого мужика, я его наизнанку выверну и отобью ему почки! Мы провели весь день в несущейся карете, а потом прибыли в какую-то Богом забытую гостиницу в деревне, где на мили вокруг не было ни огонька и где нас никто не ждал. И тогда я поняла, я *действительно* поняла… что ни на какое представление к графу Кентерберийскому я не попаду.

— Решительно нет, — кивнул Мэтью.

— Трактирщик! — требовательно закричала леди, напугав мужчину так сильно, что он выронил все деревянные кружки, которые собирался расставить на полке. — Мы тебе здесь, что, брёвна? Принеси нам три бокала красного вина! И чем крепче, тем лучше!

— Эм… не уверен, что это хорошая идея, — предупредил Мэтью.

— Почему это? Я хочу выпить! Единственная приличная вещь, которую я здесь нашла, это красное вино!

Мэтью задумался нал этим. Если мадам Кандольери и была одурманена наркотиком, то она никак этого не показывала. На деле и Ди Петри не выглядел опьяненным или лишенным воли, хотя и трясся от каждого слова примы, как слабое деревце под сильнейшими порывами ветра.

— Когда состоится ваше представление? — спросил Мэтью.

— Через четыре дня, в маленьком сарае, который они здесь называют *театром*.

Мэтью понял, что Профессор Фэлл, видимо, отдал приказ, чтобы мадам Кандольери, ее управляющий и ее служанка не были отравлены наркотиком ни через еду, ни через питье — по крайней мере, до представления. Он представил себе, какой эффект может препарат оказать на волю дивы, на ее память и ее способности в целом. Правда, надо сказать, что наркотик может быть модифицирован, чтобы оказывать различное влияние и, возможно, эффект его накапливается и проявится только через несколько дней. А сразу после представления мадам Кандольери и ее свита, возможно, кардинально переменятся, когда доза достигнет соответствующего количества. Поэтому, возможно, некоторые порции вина трактирщик подаст из неотравленных запасов. Что касается его самого, то Мэтью понимал, что не сможет достаточно долго продержаться без еды и питья.

— Какие у тебя проблемы с вином? — спросила мадам Кандольери, когда им принесли три деревянных кружки. На взгляд Мэтью все они выглядели абсолютно одинаково. Когда хозяин таверны предложил ему одну из кружек, молодой человек протянул руку и взял самую дальнюю, которая, по идее, предназначалась даме. На лице трактирщика не отразилась никакого страха, он не издал никакого шума, лишь слегка удивился подобной нелогичности, только и всего. Возможно, подумал Мэтью, все порции отравлены в одинаковой мере, и наркотик просто окажет свое влияние позже. Либо никакого яда и не было вовсе, и в кружках наличествовало только вино.

— Нет проблем, — сказал он и дождался, пока хозяин таверны отойдет, чтобы задать следующий вопрос. — Вы знаете что-нибудь о Профессоре Фэлле?

— Нет, кроме того, что он преступник с большими руками.

— Простите?

— Я думаю, мадам использовала метафору и имела в виду, что у этого человека большие амбиции, — осторожно предположил Ди Петри, после чего сделал опасливый глоток вина.

— О… да, амбиции у него и вправду большие. Вы его видели? Пытались поговорить о представлении?

— Не видела. Его запрос пришел из другого куска его рта.

— За него говорили его люди, — перевел Ди Петри, осмелев.

— Понятно, — отозвался Мэтью. — Но я вынужден отметить, что здесь вы содержитесь как заложники. Вас похитили. Зачем вам устраивать представление перед своим похитителем?

Она пожала плечами.

— Это то, что я *делаю*. И мы не пробудем здесь слишком долго, в этом я уверена. Однажды дорогой граф, который написал настоящее приглашение, заплатит выкуп, и мы вернемся к нашему обычному… как вы это называете… *programma*.

— Расписание, — подсказал Ди Петри.

Мэтью сделал очень осторожный и маленький глоток вина. Если внутри и было нечто, отравляющее мозг, он не мог вычислить это. Но он понимал, что и безо всякого наркотика разум мадам Кандольери был затуманен. Ведь никакого выкупа назначено не было. По какой-то причине Профессор Фэлл привез ее сюда, в свою деревню ходячих мертвецов и, похоже, не имел намерения отпускать ее.

— Если позволите сказать, — начал Ди Петри, явно спрашивая у своей примы разрешения вставить слово. Она махнула рукой в знак того, что он может развязать свой язык. — Ни *синьора* Кандольери, ни я не видели этого человека-профессора, но… это очень странно… в первый день, когда мы прибыли сюда, он послал человека, чтобы к нему привели Розабеллу. Она пошла в его дом. Сказала, что он был очень вежлив. Дал ей кусок ванильного торта и чашечку чая, и они с ним немного поговорили.

Интерес Мэтью обострился.

— Он хотел поговорить со служанкой мадам? О чем?

Дива подхватила эту историю, потому что не хотела находиться вне сцены даже в течение нескольких секунд.

— Розабелла сказала, это было… как вы это говорите… чудно?. Ее привели в большой дом в комнату с книгами и всякими рыбьими принадлежностями, и этот человек хотел услышать про ее жизнь и про ее детство. Он задавал много вопросов о ней самой, и она сказала, что в этом не было никакого смысла.

— Каких вопросов? — Мэтью не желал так просто оставлять эту загадку нерешенной.

— О ее семейной истории. Какое она могла иметь значение для него? Вопросы о ее матери и отце… особенно о матери… и она сказала, что он весьма заинтересованно слушал все, что она рассказывала о своем кузене Бразио.

Мэтью уже собирался сделать глоток вина, но имя заставило его вздрогнуть и замереть.

— Бразио Валериани?

— *Si,* — черные глаза дивы прищурились с подозрительностью. — *Un momento!* Откуда ты знаешь это имя?

— Я знаю, что уже некоторое время Профессор ищет его. Полагаю, мать Розабеллы — тетя Валериани?

— *Si*. Что ты имеешь в виду, говоря, что профессор ищет его? Зачем?

— У него есть что-то, что нужно Фэллу, — ответил Мэтью. — Но, что это, я не знаю.

— Мой Бог! — неожиданно воскликнул Ди Петри, не спрашивая разрешения. Глаза его округлились. Было очевидно, что он весьма прозорливый человек, потому что сумел разглядеть суть дела. — Вы хотите сказать… мы были похищены, просто потому что этот… Профессор Фэлл ищет кузена Розабеллы?

— *Impossibile [невозможно (ит.)]!* - мадам Кандольери вновь вспыхнула, и голос ее зазвучал угрожающе громко. — Это же чистое безумие! Нас привезли сюда с целью получить выкуп за меня, вот и все!

Мэтью решил, что сейчас не время давить на этот вопрос. Он отметил, что три охранника начали прислушиваться к разговору.

— Какими бы ни были причины Профессора, — покачал головой он. — Я уверен, что как только выкуп выплатят, вы будете свободны, — он ощутил укол стыда за эту подлую ложь, но тут же осознал, что легкий огонек страха, который дива скрывала за маской злости, пропал. На деле она была чрезвычайно хрупкой и ранимой натурой, и носила свою маску строгости, скандальности и злости, как судья Уильям Арчер носил свою. Ей пришлось поверить в то, что требование выкупа было выдвинуто, и деньги скоро доставят.

Ди Петри, так или иначе, поймал взгляд Мэтью через край своей кружки и немо передал сообщение: *Я понимаю, что вы хотите сказать, и она тоже.*

Мэтью обратился к *синьоре*:

— Я не очень сведущ в опере, но рад буду поприсутствовать на вашем выступлении.

Он поднялся.

На лице дивы застыло растерянное выражение.

— Аккомпанировать собираются два скрипача, аккордеонист, девушка с бубном и двенадцатилетний мальчик, у которого было четыре урока игры на трубе, и это будет… как бы это сказать… феерично, — нервно усмехнулась она.

— Доброй ночи, — только и ответил Мэтью им обоим. Ди Петри приподнял кружку с вином, а дива склонила голову буквально на долю дюйма.

Мэтью взял свой фонарь, покинул «Знак Вопроса?» и остановился на площади. Холодный ветер взвился и завыл вокруг него. Деревня в этот ночной час казалась спокойным, мирным местом, всего в нескольких окнах виделся свет свечей, все маленькие домики, удивительно похожие друг на друга, сонно

укутывали своих хозяев. Это место, безмятежно лежащее под звездами, было таким непохожим на шумный Лондон и даже на Нью-Йорк.

Безмятежно? — подумал Мэтью. Разумеется, это было иллюзией. Вся деревня была маской Профессора Фэлла. Она выставляла его добрым управленцем, интересующимся благополучием своих подопечных, каждый из которых сделал что-то: перешел ему дорогу или вызвал его любопытство. Эта опрятная и чистая тюрьма могла быть выражением идеи милосердия Фэлла или быть его лабораторией для дальнейших экспериментов на благо его предприятий. Что касалось его самого, Мэтью был уверен, что дни его сочтены. Он надеялся лишь, что его оставят в живых еще на несколько дней, чтобы он мог увидеть, как мадам Кандольери выйдет на сцену. Когда Фэлл вытянет всю необходимую информацию из Альбиона, Уильяма Арчера тоже можно будет счесть покойником. А что насчет Берри и Хадсона?

Он был готов проклинать Хадсона за то, что тот втянул Берри во все это, но он прекрасно понимал, что Берри буквально силой пробила себе дорогу на корабль. Это разрывало его на части… то, что она здесь, ранило его в самое сердце, потому что он не сумел уберечь ее, но ведь это все же значило, что, несмотря на страшнейшую ложь, которую он наговорил ей, она любила его настолько сильно и самозабвенно, что готова была пересечь Атлантику в поисках его. А теперь, когда они оба в смертельной опасности, стоит ли ему сорвать собственную маску и рассказать ей, как сильно *он* любит ее и — если в этой Прекрасной Могиле есть священник — стоит ли попросить ее руки, чтобы вместе уйти в вечность?

Он был уверен, что у Профессора Фэлла и Матушки Диар от этого на глаза навернутся слезы сентиментального умиления — прямо после свадьбы они поведут их на плаху, чтобы отсечь головы им обоим на площади… или отравят их свадебным тортом… или другим изощренным способом, который придет в голову Профессору Фэллу.

Мэтью также был уверен, что Фэлл будет смотреть прямо ему в глаза в момент убийства. И, вероятнее всего, первыми через страшные муки он заставит пройти Хадсона и Берри.

Проклятье!

Он почувствовал, что совершенно бессилен изменить будущее, как был бессилен схватить и задушить ветер, который, невзирая ни на что, в этой тихой отравленной наркотиком деревне, кружил вокруг него с бешеной скоростью.

Мэтью плотнее закутался в плащ и понуро побрел обратно в

дом на Лайонфиш-Стрит. Интересно, а крылатки не ядовитые? Он не имел понятия.

В доме он нашел свою сумку, в которой доставили новые костюмы и рубашки, которые для него заказала Матушка Диар. На комоде в спальне рядом с умывальником в небольшой баночке лежал зубной порошок, несколько зубочисток, кусок мыло, пара свежих белых мочалок и бритва.

Мэтью знал, что Профессор Фэлл был уверен в его благоразумии. Да и вряд ли он использует бритву, чтобы перерезать себе горло, до того, как увидит Берри и Хадсона и получит некоторые ответы. Но использовать бритву по назначению сейчас было бы в самый раз.

Он заметил также, что ему принесли закупоренный стеклянный кувшин воды и белую чашку — все это стояло на туалетном столике.

Он хотел поблагодарить Профессора Фэлла за радушное гостеприимство и планировал сделать это на следующий же день. Лицом к лицу. Без масок между ними.

Глава тридцать четвертая

Солнце медленно восходило в небе, пророча безоблачную и столь желанную ясную погоду. Мэтью оделся в свой серый костюм и жилет, после чего почти час провел в ожидании. Кровать была довольно комфортной, но дискомфорт в его разуме позволил проспать не больше трех часов: примерно раз в четверть часа он просыпался, и мысли еще долго не давали ему вновь погрузиться в сон.

Пока солнце протягивало свои лучи по половицам комнаты, Мэтью молча наблюдал за ними, сидя на стуле. В окне он видел случайных прохожих, неспешно бредущих по улицам. Он задумался о том, как было организовано это место. Были ли здесь команды рабочих? Занимались ли они такой работой, как уборка улиц, починка стен, зодчество, были ли здесь плотники, извозчики и прочие? Разумеется, за всеми здесь наблюдали люди Фэлла: если предположение о наркотиках оказалось верным, то за такими работниками нужен был глаз да глаз. Чем люди здесь зарабатывают себе на пропитание? Развито ли здесь садоводство? Выходят ли стражники на охоту? Рядом находилось море, но была ли возможность отправиться на рыбалку с этого берега: судя по звуку, волны бились о крутые скалы, и вряд ли лодки можно было так просто спустить на воду. Возможно, поблизости имелась некая защищенная гавань или пляж?

Мэтью подумал, что на Прекрасный Бедд были затрачены немалые усилия. Из своего небольшого расследования, мотивированного природным любопытством, прошлой ночью он выяснил, что это место было чем-то похожим на средневековую крепость. Как Профессор Фэлл получил власть над этой территорией? Может, она просто была заброшена много лет, а Фэлл приобрел ее в собственность — интересно, в каком количестве ему принадлежит здешняя земля? — и перестроил все. Вполне в его силах было сделать такое. Но идея держать здесь людей как узников… это было, как сказала мадам Кандольери, полным безумием. Хотя с Профессором Фэллом всегда имело место что-то, что в конечном итоге могло показаться полным безумием, но он не гнушался никаких методов, чтобы достичь своих целей.

Мэтью боялся.

Он чувствовал страх на языке, как самое горькое из вин. Он старался держаться подальше от бутыли с водой, хотя горло уже горело от жажды. Пока он умывался и брился, используя данную

ему воду, он невольно задавался вопросом, мог ли отравиться через кожу. Страх опускался все ниже в грудь Мэтью, обвивался кольцами вокруг его сердца и принимался сжимать его, намереваясь раздавить. Тотально увязнуть в хватке Фэлла — уже достаточно печальная перспектива, но неужели Берри и Хадсон тоже…

А ведь скоро эта участь постигнет и судью Арчера, если карета, которая должна была доставить его сюда, *уже* не приехала (например, рано на рассвете), и его тайно не забрали в какой-нибудь амбар, не дав состояться встрече с оркестром, а позже тихо не перерезали ему горло. Есть ли здесь какой-то городской глашатай, возвещающий о вновь прибывших? И как, к примеру, в Прекрасную Могилу добираются новости с Большого Света? С помощью гонцов, доставляющих новости, проезжая по определенным маршрутам? Это, пожалуй, была единственная догадка, не лишенная смысла.

Он рассеянно повернулся к двери, среагировав на стук. Сердцебиение Мэтью участилось, и он почувствовал, как пот выступает у него в подмышках.

— Заходите, — хрипло сказал он.

За ним послали Джулиана Девейна. Молодой блондин сегодня был одет в табачно-коричневый плащ поверх костюма, а на его голове была темно-зеленая треуголка, намеренно наклоненная набок. Этим утром он предпочел не угрожать пистолетом — ограничился лишь устрашающе строгим лицом и холодным взглядом серых глаз.

— Пора, — только и сказал он.

Мэтью поднялся со стула.

— Профессор может подождать. Я хочу видеть своих друзей.

— На самом деле, я здесь, чтобы отвести тебя к ним. Сначала к девушке.

Мэтью приготовился к испытанию воли. На несколько секунд его выбило из колеи, но он понял, что Фэлл не спешил вогнать шип ему в мозг.

— После тебя, — хмыкнул Девейн, картинно придерживая дверь.

Мэтью надел свои плащ и треуголку и вышел из дома на ярко освещенную солнцем улицу, хотя порывы холодного ветра все равно казались острыми, как уколы ножа. Девейн держался в нескольких шагах позади него, пока они не добрались до площади, а затем он поравнялся с ним и принялся идти рядом, указывая нужное направление. В лучах яркого дневного света Мэтью более детально разглядел крепостную стену, что защищала деревню: она явно была очень старой, сложенной из грубого

серого камня. Мэтью насчитал шестерых охранников с мушкетами на патрульных постах, но допускал, что могли быть и другие, просто не попавшие в поле зрения. В конце дороги — около ста ярдов к юго-востоку — проглядывались большие, массивные деревянные ворота с небольшой гауптвахтой слева. За стенами невозможно было разглядеть ничего.

Они вышли на площадь. Несколько человек пожелали Девейну доброго утра, но он проигнорировал их. Мимо проехал вагон, груженный дюжиной бочек. Мэтью отметил, что они были гораздо меньше тех, что содержались на складе Черноглазого Семейства со смертельным пойлом внутри. Интересно, подумал молодой человек, этот наркотик, который они называют джином, делается прямо здесь? Такие ящики могут производиться где угодно, но почему они отличаются размером от других?

Мэтью заметил пару женщин и маленького мальчика, подметающих улицу. Два упитанных и хорошо одетых мужчины увлеченно разглядывали витрину магазина, над которым висела вывеска «Товары Общего Назначения». Они были вовлечены в какой-то разговор, предметом которого могла быть как погода, так и политика Парламента. Лица их чуть разрумянились от холода, но в них не читалось и намека на тревогу по поводу того, что они являются здесь вечными узниками в крепости Фэлла.

На другой стороне площади Девейн увлек Мэтью на улицу с вывеской Редфин-Стрит. Здесь небольшие домики с черепичными крышами также соседствовали с домами, у которых крыши были соломенными, но из всех труб поднимался легкий дымок. Некоторые строения были окружены аккуратным белым забором, отделяющим одно жилище от другого. В этом месте ощущалась какая-то поддельная, искусственная идиллия: как в лесу, в котором слишком тихо и не слышно даже птичьего пения. Тихо было и здесь…

Чуть дальше навстречу Мэтью и его конвоиру вышла женщина средних лет в синем платье. Она двигалась по улице так, будто танцевала с невидимым партнером. Завидев Девейна и его узника, она медленно и грациозно присела, как это принято в менуэте. Милая рассеянная улыбка, которой незнакомка одарила первых встречных, не смогла вызвать у Мэтью никаких чувств, кроме ужаса: глаза женщины были пустыми, не выражали ничего. Она смотрела на Мэтью и Девейна, но словно не видела их, а свой танец посвящала только ветру и никому другому. Эта женщина обитала где-то в ином мире, и смотреть на это было жутко.

— Шагай, — строго приказал Девейн, когда Мэтью начал замедлять шаг.

Женщина продолжала двигаться в танце и какое-то время еще

оставалась в поле зрения. Мэтью отметил, что она была очень худой, и платье висело на ней очень свободно, несмотря на плотные завязки. Он невольно подумал о том, что если отрава выжгла ее сознание практически полностью, оставив лишь страсть к танцу, то, возможно, она будет продолжать танцевать, пока не упадет замертво.

— Вот нужный дом, — объявил Девейн и двинулся вперед к домику с соломенной крышей и бледно-голубой рамой на окне. Он повернулся к Мэтью и произнес с недружелюбной улыбкой. — Я буду ждать здесь.

Мэтью подошел к двери. Его сердце вновь бешено заколотилось в груди. Он поднял руку, чтобы постучать…

… и в следующее мгновение дверь открылась, и девушка с копной медно-рыжих волос, мысли о которой не оставляли его последние несколько месяцев, бросилась в его объятия.

— Я видела, что ты идешь! — полушепотом выдохнула Берри прямо ему на ухо. — Я не могла дождаться! Они сказали мне, что кто-то приехал, но я вынуждена была остаться здесь… но я бы выбралась на улицу, чтобы встретить тебя, если б только знала… мне сказали остаться внутри, и я не…

— Тш-ш-ш, — качнул головой он, нежно приложив палец к ее губам и посмотрев в ее глаза впервые за эти мучительно долгие три месяца.

Она выглядела уставшей, с синеватыми кругами под глазами, выражение которых также было измученным. Они все еще были глубоки, как бездонные водоемы, но сейчас чьи-то грубые ботинки словно взбаламутили ил на их берегах. С другой стороны, подумал он, она была все так же дико, самобытно, непревзойденно красива. Ее волевые черты лица, ее аккуратный носик, усыпанные веснушками щеки, ее непослушные локоны рыжих волос, переливающихся в свете утреннего солнца, бодрящий лимонный аромат, тепло ее тела, близость ее губ… он чуть не пошатнулся и не завалился на спину от головокружительного, пьянящего чувства, охватившего его рядом с ней. Она только плотнее прижалась к нему, и он обнял ее еще крепче. Так они и стояли некоторое время: сердце к сердцу, и их слитые воедино тени падали к самым мыскам ботинок Девейна.

— Давай пойдем внутрь, — предложил Мэтью. Его голос был одновременно бодрым и чуть ослабевшим от эмоций. Слезы начали жечь ему глаза. Он сморгнул их, потому что они выдали бы Берри его страх, а Мэтью не мог — не должен был — показывать ей ничего подобного.

Обитель Берри не сильно отличалась от его собственной, за исключением того, что в своем очаге она разожгла огонь. После

того, как дверь закрылась, Мэтью просто не сумел отпустить ее руки.

— Я до сих пор не могу поверить, — сказал он. — Что ты здесь, что… я здесь и… о, Господи, как же я рад тебя видеть!

Она снова обняла его, и он обвил свои руки вокруг ее талии. Голова его снова закружилась от пьянящей радости и одновременно от ужасающего страха за ее жизнь.

— Я так сожалею обо всех тех жутких вещах, что я наговорил тебе! — виновато опустив голову, проговорил он. — Ты сможешь когда-нибудь меня простить?

— О каких вещах? — спросила Берри, пока ее руки по-прежнему покоились на его плечах.

— Ты знаешь. О тех… я… впрочем, не стоит это вспоминать, следует отпустить прошлое. Просто пойми, что я преследовал лишь одну цель: я хотел защитить тебя.

— Я понимаю, — сказала она. — Я знаю также, что ты не хотел, чтобы я приезжала сюда.

— Будь моя воля, ни один из вас не оказался бы тут! — он снова посмотрел ей в лицо. Она улыбалась немного грустно, и ему показалось, что ее глаза… они были слишком туманными. Взгляд его поймал наполовину осушенную бутылку прозрачной жидкости — вода, не «Белый Бархат», тут же понял он — на прикроватном столике в спальне. Чашка стояла прямо рядом с бутылью.

— Послушай, — сказал он. — Я не собираюсь сдаваться. Я сделаю все, чтобы вытащить нас отсюда. Тебя, меня, Хадсона, и… и еще одного человека, которого я хочу отсюда вызволить. Так что я знаю, насколько мрачно и безнадежно все выглядит сейчас, и я молил Бога, чтобы ты никогда не оказалась в такой ситуации, но я прошу тебя оставаться сильной и храброй и…

— Да *о чем* ты говоришь? — спросила она, отойдя на пару шагов назад.

— О ситуации! — повторил он. — О нахождении здесь! Я собираюсь найти способ вытащить нас всех отсюда. Куда они забрали Хадсона?

— Они… — она нахмурилась, и показалось, что по лицу ее пробежала тень, изменившая ее выражение на то, с которым он ее никогда прежде не видел. Мэтью с ужасом понял, что не узнает Берри. — Я полагаю, его отвели в другой дом, который ему любезно предложили.

Мэтью не ответил. *Любезно предложили.* Ему не понравилось, как это прозвучало. Ее глаза… туманные… расфокусированные… как мутные болота, полные грязи…

— Берри, — наконец, он собрался с силами и взял ее за

плечи. — Ты знаешь, где ты находишься?

— Конечно, глупенький, — ответила она с кривой усмешкой, столь же быстро соскользнувшей с ее лица. — Мы находимся в красивой деревне в Уэльсе. А где, *ты* думаешь, мы находимся, Эштон?

У него во рту уже родился ответ, который вновь провалился обратно, потому что услышанное долетело до него как через слой ваты.

— *Что*?

— Я спросила, а где, *ты* думаешь, мы находимся? — она одарила его недоуменным взглядом, а затем снова обняла его и по-сестрински поцеловала в щеку. Она отошла на пару шагов, оставив руки Мэтью хватать воздух. — Я поверить не могу, что ты нашел нас, Эштон! И ты проделал весь этот путь… *почему*? Они сказали мне прошлой ночью, что утром кое-кто придет проведать меня, но я не знала, кто это может быть. А потом… а потом я увидела тебя в окно, и… я просто не могла удержаться! Ты покинул Нью-Йорк сразу после нас? Но расскажи мне… серьезно… я знаю, что ты не хотел, чтобы я сюда приезжала… и, да, я помню, что ты сказал, что эта поездка — рискованное и отчаянное мероприятие, но… почему ты решил *последовать* за мной?

Ему захотелось потрясти ее, чтобы разбудить. Захотелось прокричать: *посмотри на меня! Посмотри на меня и скажи, кто я*, но он не сделал этого, потому что боялся. Он думал, что должен быть теперь очень осторожен — *в самом деле* осторожен — потому что, огромное количество эмоций, пробежавших по ее лицу, напоминали гром отдаленной грозы. Он вновь посмотрел на бутыль с водой. Наполовину осушена. А сколько еще таких она выпила? И вот теперь он стоял здесь, перед женщиной, которую любил, перед женщиной, с которой — он, наконец, осознал — хочет провести всю жизнь, а она была одурманена настолько, что находилась на краю безумия.

Она видела перед собой Эштона Мак-Кеггерса, глядя на Мэтью, это было совершенно очевидно. Но почему? Почему *его*? Что этот наркотик заставил ее почувствовать, каким образом затуманил ее разум и отравил зрение?

Он сказал.

— Так… — потребовалось мгновение, чтобы он смог продолжить. Она смотрела на него нетерпеливо и вдруг подалась вперед и взяла его за руку. Если она и способна была разглядеть татуировку между его большим и указательным пальцами правой руки, она предпочла ее не заметить. — Так… — повторил он. — Ты не нашла… — Господи, как же тяжело было говорить с ней вот

так! Это был сущий кошмар. Он чувствовал, что вот-вот расплачется, но заставил себя продолжить. — Ты не нашла Мэтью?

— Нет, — ответила она, и глаза ее потускнели. — У нас есть друг здесь… он преподаватель в местном университете, как я понимаю. Его зовут… доктор Идрис. Да, кажется, правильно. Он говорит, что поможет нам найти Мэтью. Хадсон говорил с ним.

— Это Хадсон тебе сказал?

— Нет. Другой человек. Но он сказал, что Хадсон рассказал все доктору Идрису, и доктор пообещал помочь нам. Я его не встречала, но, похоже, он очень хороший человек, раз проявляет такое участие.

— Я в этом уверен, — процедил Мэтью сквозь плотно стиснутые зубы. Его желудок натужно сжался, и молодой человек испугался, что от напряжения его вывернет наизнанку прямо здесь, в этой опрятной и аккуратной гостиной. — Берри… пожалуйста… скажи мне, как вы с Хадсоном добрались до этого места?

— Со мной в Лондоне приключился несчастный случай, — сказала она без заминки. — Я помню… падение. С лестницы, похоже. Я думаю, что ударилась головой. Я помню поездку в карете… помню, как смотрела за мухой на стене. Я помню, что меня кормили с ложки говяжьим бульоном. Но, похоже, я немного путаюсь в воспоминаниях. Моя голова еще не достаточно прояснилась.

— Это Хадсон сказал тебе, что ты пострадала в несчастном случае?

— Нет, другой человек сказал. Тот, про которого я тебе уже упоминала. Его имя… ох, оно странное. Я помню его лицо, но никак не могу запомнить его имя. Ну… я как в тумане, Эштон. Мне кажется, я так сильно волновалась о Мэтью… я просто не могу держать это все в своей бедной голове, — она улыбнулась ему, и это было ужасно, потому что сейчас ее глаза выглядели мертвее, чем когда он только прибыл. — Как это случилось… эта женщина знала доктора Идриса, и она сказала, что он может дать нам убежище, пока я… ну, знаешь… не поправлюсь. А он большой человек с большими связями, и он может помочь мне найти Мэтью, но это может занять какое-то время. *Ох!* — воскликнула она быстро, и этот звук для Мэтью был сигналом тревоги.

— В чем дело?

— Так странно. Мне на секунду показалось, что ты без очков.

Мэтью опустил глаза в пол. Собравшись с силами, он сказал:

— Мне очень приятно, что ты была так рада нашей встрече.

— Я *все еще* не могу поверить, что ты здесь! И в этом — еще

одна странность. Этот человек… его зовут… Дэнли? Или Дэниел… как-то так… он спрашивал меня, кого бы я выбрала… то есть, к кому бы пошла за утешением, если бы поиски мои были безнадежны. Ну, если бы Мэтью был… понимаешь… *мертв*. И я сказала ему о тебе.

— Ах… — шумно выдохнул Мэтью.

— А потом, — продолжила она. — Мне начали сниться очень странные сны о тебе. По-моему, я видела во сне твое лицо каждую ночь. Ты приходил ко мне… говорил, что все будет хорошо… ты хотел успокоить меня и просил доверять мистеру Дэниелу и доктору Идрису. Я видела тебя ясно, как днем: ты сидел у моей кровати и говорил со мной. И вот теперь ты здесь! Ах, Эштон! — воскликнула она, вновь бросаясь в его объятия, и в ответ на это по спине Мэтью пробежал холодок. — Я так благодарна тебе за то, что ты приехал!

— Я предполагаю… — с трудом ответил он. — Что когда этот мужчина спрашивал тебя обо мне, он просил описать меня в деталях. Верно?

— Вроде бы, да. Да, он просил. Мне *кажется*, что да. Впрочем, я уверена, что описывала тебя.

— И я уверен… — пробормотал Мэтью.

— Мы не задержимся здесь слишком долго. Пока что мне нужно поправиться и прийти в себя. А в это время доктор Идрис будет помогать нам. Он знает многих людей, у него много связей, и он может помочь нам найти Мэтью, но это может занять какое-то время.

— Да, — кивнул Мэтью. — Может.

Он прижал ее к себе сильнее, глаза его заблестели от слез, потому что он знал, что должен будет ее отпустить, как только выйдет из этого дома на искрящийся солнечный свет, заливающий это живое кладбище. Он боялся, что если не возьмет себя в руки, то сломается и рухнет на колени прямо посреди улицы, но он не хотел доставить Девейну удовольствие от такого зрелища. И Берри… милостивый Боже! Что, если Берри потеряна для него навсегда?

Но это было явно не то место, где он мог позволить себе поддаться чувствам.

— Мне нужно увидеться с Хадсоном, — мягко сказал он. — Я вернусь к тебе немного позже. Хорошо?

— Да. Пожалуйста. Мы можем вместе поужинать в таверне.

Мэтью сморгнул слезы перед тем, как поцеловать ее в щеку, затем посмотрел ей в лицо, но решил не вглядываться столь пристально, потому что Берри, которую он знал и любил, была здесь только телом, но ее разум и дух находились где-то далеко

отсюда.

— До скорого, — сказал он, одарив ее лучшей из улыбок, на которую его только хватило. Он сжал ее руку и тут же отпустил, решительно направившись к двери.

Он потянулся к ручке, когда вдруг услышал:

— *Эштон?*

Ее голос дрогнул. Он звучал так, будто девушка готовится к прыжку с утеса.

Он повернулся к ней снова.

— Да, Берри?

Ее улыбка показалась на миг и снова погасла. Ему показалось, или лоб ее слегка заблестел от пота? Дикость поднялась откуда-то со дна ее глаз, но быстро отступила: пораженный ум не сумел воспринять реальность.

— Я никогда не слышала, чтобы ты называл Хадсона просто по имени, — сказала она. — Только «Грейтхауз».

Он постарался на скорую руку сочинить ложь, хотя и его собственные мысли расплывались в причудливую кашу.

— Я стараюсь быть менее формальным, чем обычно, — объяснил он.

— О! Я уверена, он будет очень рад тебя видеть.

— Я надеюсь, — он снова улыбнулся ей, она вернула ему улыбку, хотя выглядела эта гримаса, как застывшая кукольная маска, а затем он вышел из этого проклятого дома, подставив лицо холодному ветру и яркому солнцу. Джулиан Девейн выступил из тени и сказал:

— Это был короткий визит.

Мэтью почувствовал, как внутри него просыпается животная ярость. Он напрягся, желая наброситься на Девейна, разодрать ему глотку, вырвать глаза, оторвать голову, использовать свои зубы и заставить этого человека сполна заплатить за все. Фурии Ада начали прорываться наружу из его души, и они почти прорвались… почти… но Девейн сохранял при этом невообразимую невозмутимость.

— Успокойся, Мэтью, — он указал жестом на продолжение Редфин-Стрит. — Твой нью-йоркский друг ждет тебя.

Опустошенный, Мэтью проследовал по указанной дороге. Что еще он мог сделать? Он чувствовал себя здесь еще более невольным, чем когда-либо — даже в Ньюгейте. А еще сильнее сейчас угнетал этот издевательский солнечный свет и чистое голубое небо. Все это напоминало пугающие декорации, насмешку судьбы, пустую оболочку, которой ни до чего не было дела.

— Поверни здесь, — сказал Девейн.

Они свернули налево, на путь, отмеченный знаком Конгер-Стрит, что явно вела к морю. Мэтью понял, куда они направляются, но был настолько ошеломлен состоявшейся встречей Берри, что не заметил высокого двухэтажного здания, стоящего примерно в шестидесяти ярдах у северо-западного края стены. Это был квадратный замок на фоне остальных приземистых домов, сложенный из тех же серых камней, что и стена, и оттого с ним сливающийся, напоминая Мэтью змею, спрятавшуюся в скалах и ждущую свою добычу. Многочисленные окна — некоторые в виде витражей — служили глазами в царство Профессора. На верхнем этаже имелся широкий балкон, на котором стояла фигура в черном облачении, держась руками за перила. Но когда Мэтью и Девейн приблизились, фигура удалилась и исчезла в дверном проеме.

Железные ворота были открыты; на подступе к дому находилась небольшая усыпанная гравием дорожка, по обеим сторонам которой были посажены аккуратно постриженные деревья — все, как на подбор. Похоже, если хоть одно из них как-либо искажалось в процессе роста, его выкорчевывали и пересаживали куда-то в другое место… или избавлялись от него. Профессор и с людьми поступал подобным образом.

Девейн, идущий рядом с Мэтью, уверенно направил его в сторону главного входа, венчавшегося небольшой лестницей в пять ступеней с коваными перилами. Он открыл перед ним крепкую красивую дубовую дверь без колебаний.

— Входи, — сказал он, и больше предпочел ничего не говорить, хотя уже от одного этого слова сердце Мэтью забилось чаще от страха.

Он вошел внутрь. Девейн закрыл дверь у него за спиной. В доме было тихо, но где-то в отдалении слышалось тиканье дедушкиных часов. Здесь пахло серым камнем, чем-то сладким и мускусным. Возможно, каким-то восточным ладаном, подумал Мэтью. Он стоял в узком коридоре, на стенах которого в черных рамках висели картины с морскими обитателями, научные названия которых были подписаны на латыни. Свет, поступающий через чистое стекло окна в конце коридора, был совершенно обыкновенным, а вот витражные окна на втором этаже превращали его в игру желтых, красных и синих оттенков. Черная лестница, устланная синим ковром, переливалась всеми цветами радуги. Два фонаря горели на черном столе у самого входа в дом.

— Возьми один и иди за мной, — сказал Девейн. Он поднял фонарь, Мэтью повторил за ним и последовал по лестнице, но не вверх, а вниз, затем повернул направо вслед за своим конвоиром и уткнулся в еще одну дверь.

— Я думал, что собираюсь повидаться с Хадсоном Грейтхаузом, — пробормотал молодой человек, когда Девейн открыл перед ним дверь в помещение, откуда порхнуло затхлыми ароматами темницы.

— Так и есть.

— И что, его держат *здесь*, внизу?

— Его держат там, — сказал Девейн с непроницаемым выражением лица. — Где он не причинит вреда самому себе.

Что-то сдавило Мэтью горло изнутри.

— Что вы с ним сделали?

— Идем, — махнул рукой Девейн и начал двигаться вниз по каменным ступеням — таким узким, что Мэтью невольно задумался, как они протащили сюда широкоплечего Хадсона.

Несмотря на то, что он был встревожен и напуган почти до смерти, Мэтью следовал за своим надзирателем вниз, понимая, что другого выхода у него все равно нет. Он подумал, что сейчас удачный момент, чтобы размозжить Девейну голову, и фонарь мог в этом помочь, но что потом? Ничего полезного он сделать не сможет. Поэтому пришлось просто подчиниться правилам и спускаться по лестнице.

Внизу находилась круглая каменная камера, слабо освещенная одним единственным фонарем, висящим на стене на крюке. Фонари, что держали Мэтью и Девейн, помогали, но Мэтью понимал, что в остальное время здесь царила почти кромешная темнота, которая почти что поглощала свет. Четыре деревянных двери располагалось по разным сторонам этой комнаты. Каждая дверь имела прорезь, через которую передавали еду, а также небольшое квадратное окошко, через которое можно было разглядеть то, что происходит в помещениях за дверьми… наблюдать за узниками в камерах. Сейчас все окошки были закрыты.

Девейн подошел к первой двери слева от них. Мэтью остановился.

— Давай же, — хмыкнул он. — Ты же так хотел его увидеть, разве нет?

Мэтью не мог заставить свои ноги двигаться. Собственное лицо сейчас казалось ему сейчас куском глины. Если это не был самый худший кошмар в его жизни, то он просто не знал, что может быть хуже, потому что он прекрасно понимал, что раз Хадсона держат в такой камере, значит, то, что он увидит за дверью, ранит его в самое сердце и выглядеть это будет очень плохо. Его душа разрывалась на части, потому что он был совершенно бессилен помочь своему другу.

Девейн открыл окошко и отошел в сторону.

— Смотри, — сказал он.

Мэтью двинулся вперед.

В лишенной окон камере не было никакого света. Он посветил своим фонарем в дверную прорезь и повернул голову, чтобы осмотреться.

Стены были покрыты каким-то серым мягким материалом. На полу лежало то же самое покрытие. Из мебели — только матрас, что доказывало, что обитатель этой камеры вынужден был постоянно находиться в окружении собственных испражнений. В углу камеры лежала скомканная груда тряпок.

Когда свет проник в помещение, сверток тряпья вздрогнул и пошевелился. Послышался голос, напоминающий плач ребенка, молящего не наказывать его.

— Хадсон, — упавшим голосом проговорил Мэтью. — Я…

Фигура попыталась подняться из своего укрытия. Мэтью заметил, что обе руки прижаты к его лицу, и они не двигались с места, пока Хадсон отчаянно работал ногами, чтобы скрыться где-то около матраса. Словно что-то доставляло ему мучительную боль, узник даже не застонал, а протяжно взвыл, как если бы его душа разрывалась всеми демонами Ада.

— Он боится света, — сказал Девейн. — Он боится голосов. Боится своего собственного имени. Боится почти всего, на самом деле.

Мэтью повернулся к этому человеку. Он чувствовал, что его губы выгибаются в гротескной гримасе оскала, лицо его запылало. В его разуме не осталось больше ничего, кроме желания убить ублюдка, который так спокойно стоял перед ним, наблюдая то зло, что сотворили с Хадсоном Грейтхаузом.

Девейн отошел на шаг, глаза его чуть прикрылись тяжелыми, уставшими веками. Перед тем, как Мэтью приготовился атаковать, Девейн сказал:

— Теперь Профессор Фэлл встретится с тобой.

Глава тридцать пятая

— Ты слышал, что я сказал?

Глаза Мэтью обыскивали стены в поисках крюка, на котором висели бы ключи от камер.

— Ключей здесь нет, — сказал Девейн, совершенно верно проследив за ходом его мыслей. — Пойдем. Он ждет тебя.

Мэтью сжал зубы так сильно, что мышцы его челюсти щелкнули, и суставы едва не вывихнулись. Казалось, к тому моменту, как его ярость осядет, у него уже не останется целых зубов — все они будут стерты в порошок. Лицо понемногу переставало гореть, но разум и сердце все еще болели от того, что пришлось увидеть в этой камере.

Девейн начал подниматься по лестнице, предварительно закрыв прорезь на двери.

— Лучше всего оставить его в темноте, — сказал он. — После тебя, пожалуйста.

Мэтью поднялся по лестнице, Девейн проследовал за ним по пятам. В холле этот человек забрал у Мэтью фонарь и вернул его, как и свой, на прежнее место.

— Наверх, — прозвучала команда. Мэтью повиновался, потому что сейчас ему было все равно, куда идти и по чьей воле.

На верхнем этаже в еще одном коридоре ему встретилось несколько дверей. И снова на стенах он увидел морских созданий, подписанных на латыни. В конце коридора виднелась открытая дверь. Мэтью мог видеть, что за ней располагается большая комната с огромным окном, из которого проглядывалось чистое небо. Он продолжил идти — шаг за шагом — его ботинки едва ли издавали какой-то шум, ступая по мягкому ковру. Когда молодой человек шагнул за порог, он понял, что оказался в Alma Mater Профессора.

Как он и ожидал, это был рай интеллектуала, потому что на дубовых полках здесь покоилось более трех сотен книг. На полу лежал богатый персидский ковер со сложным рисунком и множеством узоров совершенно разных окрасов: голубой и синий, сине-зеленый, светло-зеленый, темно-серый, фиолетовый и почти черный — почти все оттенки, которые встречались в море. На стропилах под потолком висела черная кованая люстра, у которой было восемь кованых щупалец, как у осьминога, и каждое щупальце держало свечу. Дубовые стены, судя по всему, полировали каким-то специальным воском, потому что они отдавались удивительным блеском. Они также были оформлены

различными изображениями морских существ. Но здесь все же морские существа представляли собой, скорее, водных чудищ из страшных сказок или кошмаров: огромный монстр с пятидесятифутовым мечом прямо на уродливой морде пронзал баркас, в то время как члены команды прыгали за борт в попытке спасти свою жизнь. Встречались здесь и библейский левиафан, и Кракен, без труда утаскивающий на дно трехмачтовое судно. На одной из стен были прибиты полки, на которых стояли банки с сохраненными в специальном растворе морскими тварями: крабами, кальмарами, мелкими моллюсками и другими «рыбьими принадлежностями», как рассказывали мадам Кандольери и Ди Петри о встрече Розабеллы с Профессором.

Справа располагалась дверь на балкон, который находился примерно на высоте чуть выше крепостной стены. На обширную морскую даль была направлена большая подзорная труба. Солнечный свет сверкал на поверхности воды, и от этих бликов в глазах Мэтью плясали искры.

И там, в центре зала спиной к окну сидел человек за резным письменным столом. Для удобства посетителей рядом со столом стояло два кожаных кресла. Хозяин помещения что-то увлеченно записывал, царапая пером по страницам бухгалтерской книги, открытой перед ним. На своих посетителей он не обратил никакого внимания, просто продолжил писать.

Девейн не издавал ни звука. Как и Мэтью. Пролетающая за окном стая чаек привлекла к себе внимание молодого человека и на время заставила его отстраниться от осознания времени и пространства. Отсюда было видно океан, по которому, похоже, передвигалась пара рыбацких лодок, полных добычи.

Человек все еще не поднимал своего лица, но его тонкая левая рука сделала быстрое движение, которое означало «*прочь*». Девейн послушно покинул комнату, закрыв за собой дверь, и Мэтью остался наедине с Профессором Фэллом.

Гостеприимный хозяин сегодня был одет в черную шелковую мантию, перехваченную золотым поясом. Золото украшало это простое одеяние также спереди и на манжетах. И хотя комната не нуждалась в дополнительном освещении — достаточно света проникало сюда из окна — у правой руки профессора горела одна свеча. Он продолжал делать свои записи, как будто в комнате не было больше никого кроме него.

Мэтью призвал все свое оставшееся мужество. Он повернулся к Профессору спиной, обошел помещение, рассматривая полки, и начал изучать совершенно чудесную коллекцию. В первые же секунды ему на глаза попались тома Джона Локка «Опыт о человеческом разумении», басни Роджера Лестранжа,

«Путешествие в Новую Англию» и «Путешествие на Ямайку» Неда Уорда, несколько антологических альманахов, «Чудеса в невидимом мире» Коттона Матера и…

Издал ли он звук, или это дело только в его воображении? Потому что том, отделанный коричневой кожей, выпавший из рук и резко стукнувшийся о пол, мог заставить издать какой-то звук.

Это был «*Малый ключ Соломона*».

Мэтью понял, что это уже третья копия этой книги, которую он видел во владениях Профессора Фэлла. Последний экземпляр попался ему на глаза в библиотеке на Острове Маятнике.

Он осмотрел тогда эту книгу, там, на острове, и выяснил, что ней приведены различные ритуалы, а также даны описания, связанные с демонами Ада. Вся иерархия созданий Преисподней была заточена на страницах этой книги.

Эти страницы хранили латинский текст и сложные ксилографии, изображающие отвратительные комбинации человека, животного и насекомого, что были созданы из кипящего гнева преступного мира, воюющего против Небес. Он вспомнил, некоторые имена демонов, которые здесь упоминались: *король Ваал, герцог Барбатос, князь Сиир, маркиз Андрас, граф Мурмур, герцог Астарот, президент Кайм, герцог Данталион,* а также вспомнил некоторые области их деятельности- *повелитель безумия, король лжецов, разрушитель городов, воскреситель мертвых и растлитель достоинства мужчин.*

Мэтью вспомнил и то, что внутри этого треснувшего переплета из кожи, напоминающей змеиную, содержались заклинания и ритуалы для вызова этих тварей для собственной выгоды.

Малый Ключ Соломона.

Справочное пособие для вызова демонов, с подробным описанием их полномочий.

Эта копия… третья…

Он вдруг услышал в своем сознании голос Матушки Диар, которая говорила об интересе Фэлла к Бразио Валериани.

Во владении Валериани находится кое-что другое: информация, которая нужна Профессору. С морскими обитателями она не имеет ничего общего, но… в каком-то смысле она затрагивает глубины. И также включает в себя интерес Профессора к формам жизни.

Рука Мэтью уже протянулась, чтобы поднять книгу, но теперь он словно тянулся к дьявольскому змеиному логову.

Он подумал… *глубины*?

Что могло быть глубже, чем спуск к воротам Ада?

— Вы нашли книгу, которую хотите прочитать?

Голос — шелковый, как мантия его обладателя — зазвучал прямо позади него.

Мэтью колебался. Он сжал руку в кулак, глубоко вздохнул и расслабил ее, а затем повернулся к Профессору Фэллу.

Так же, как и Профессор после того рокового совещания на Острове Маятнике сказал своему подставному Натану Спейду, что он намного моложе, чем ожидалось, так и Мэтью теперь с уверенностью мог сказать, что его далекий враг был старше, чем ему казалось… или, по крайней мере, не моложе. Мэтью помнил автоматический голос, по которому он предположил, что этому человеку примерно около пятидесяти лет, но перед ним сейчас был человек, который стремительно двигался к своему шестидесятилетию, с глубокими впадинами глаз, тонкими морщинками вокруг них и на лбу и белоснежной шапкой волос, которым он позволил расцвести плотными завитками по обеим сторонам его головы, что напоминало крылья снежной совы.

Профессор действительно был мулатом: его кожа имела цвет кофе с молоком. Он обладал очень хрупким телосложением, а ростом был на два дюйма выше Мэтью, который сам вытягивался вверх почти на шесть футов. Но даже если возраст Фэлла находился в непосредственной близости от пятидесяти восьми до шестидесяти (или около того), в присутствии этого человека не было и намека на уют, который создавался вокруг умиротворенных стариков, сидящих в кресле с глиняными трубками в окружении детей и внуков напротив горящего камина.

Плечи Фэлла слегка сутулились, он держал руки сложенными на груди, и на них виднелись синие прожилки вен. Его вытянутое лицо с широкими скулами, было словно обтянуто тонкой кожей, но при этом в его образе чувствовалась сила тигра. Или, если быть точнее и соблюдать профессиональный интерес этого человека, то, скорее, это была сила и угроза, исходящая от медленно кружащей поблизости от окровавленной жертвы акулы. Его тонкогубая улыбка оставалась на грани между юмором и жестокостью, за ней угадывался тусклый блеск зубов. Но дело было в его глазах: в этих темных впадинах словно покоились два светящихся шара, что истинно говорили Мэтью Корбетту о личности, что стояла перед ним.

Они имели оттенок той же дымной янтарной жидкости, в которой содержались образцы его морских тварей, и точно так же пылали. Это были глаза высокоинтеллектуального и одаренного человека, который положил свою жизнь на алтарь науки и обнаружил, в эту самую жизнь вплелись нити жестокости. Месть, которая сделала Профессора жестоким, одновременно питала его и скручивала узлом его внутренности. Это были настороженные,

кинжально-острые глаза человека, который сейчас вел себя пассивно, но не оставил своего прежнего стремления к власти, что преследовало его в молодости, и в душе которого прорастают не семена, но целые леса из искалеченных, скрюченных деревьев его мрачных помыслов. Это вместе с тем были глаза в высшей степени цивилизованного человека, который позволил своей примитивной, как рептилия, силе обрушиться и на него самого, и на его мир, и, возможно, эти два клинка он скрестил в последней борьбе за свою бессмертную душу.

Профессор Фэлл, в сущности, был человеком — подумал Мэтью — который однажды получил выбор: умереть в жизни или жить в смерти. Было ли убийство его сына Темпльтона единственным мотивом, чтобы блестящий ученый обратился к дикости и насилию? Возможно, нет. Возможно, убийство просто ускорило процесс горения этого фитиля, и человек, который жил по закону и чтил порядок, вдруг высвободил свою маску из тюрьмы и навсегда отделил себя от мира, который он любил и в котором прославляли живых.

Никто не любил этого человека, подумал Мэтью. Все лишь боялись и уважали его, но никто не позволил ему познать, что такое быть любимым… и эти горящие, дымчато-янтарные глаза Профессора Фэлла сказали Мэтью, что он отверг само это желание много лет назад, надел на себя мантию злодея и с гордостью пронес ее через десятилетия, создавая свою преступную империю.

Тем временем Профессор ждал ответа.

Мэтью пришлось пересиливать себя несколько дольше, чем он ожидал, но, справившись с собой, молодой человек ответил:

— Я не знал, с чего начать.

Взгляд переместился от Мэтью к книге и уткнулся в ее название. *Малый Ключ Соломона*. Лишь через несколько секунд Фэлл снова посмотрел на молодого человека.

— Идите, присядьте, — сказал Профессор. — Побеседуем.

Он отвернулся, прошел обратно к своему письменному столу, сел и выжидающе посмотрел на своего гостя, как будто собирался брать интервью у местной знаменитости.

Мэтью снял плащ и треуголку, положил их на один из стульев, а затем медленно опустился на сидение, представляя при этом, что ложится на кровать, из которой торчат шипы. Треуголку он нервно переложил себе на колени, хотя это можно было назвать самым нелепым щитом от пистолетной пули.

— Я *весьма* рад снова видеть вас, Мэтью, — шелковым голосом произнес Фэлл. — Вы выглядите достаточно хорошо, правда, несколько исхудали. Матушка Диар говорит, что вы

прошли через череду довольно тяжелых обстоятельств. Ньюгейтская тюрьма… Черноглазое Семейство… хорошая получилась метка, кстати сказать… а потом пришлось пережить короткий визит к суровому дантисту. Но вы ведь умеете выживать, не так ли? О, да, умеете. Это достойно восхищения.

Мэтью почти сказал *спасибо*, но в последний момент прикусил язык.

— Я как раз собирался позвонить, чтобы принесли кусок ванильного торта и чашечку чая. Могу я предложить вам то же самое?

Мэтью решил, что нет более смысла скрывать свою настороженность.

— Непременно сдобренные каким-то наркотиком? — спросил он.

— Ну, смотря, что считать наркотиком. Сахар? Ваниль? Муку? О, возможно, вы предполагаете наркотиком чай улун. Вы *это* имели в виду?

— Вы *знаете*, что я имею в виду.

— Я знаю, что вам следует *что-то* съесть — сейчас или позже — иначе вы умрете с голоду. Так почему бы не начать есть прямо здесь, в моей компании?

— Я предпочту отказаться.

Улыбка Фэлла — мягкая на вид — теперь обрела более резкие черты, больше начав походить на оскал.

— То есть, вы полагаете, что смерть от голода и жажды поможет двум вашим друзьям?

— А разве им *хоть что-то* может помочь?

— Ваш третий друг тоже здесь, — качнул головой Фэлл. — Он прибыл этим утром около четырех часов. Прилежный судья Уильям Арчер, так же известный, как — извините мне этот маленький смешок — *Альбион*.

Мэтью подумал, что сейчас пришло время бросить его собственный отравленный дротик.

— А дальше вы расскажете мне, что нашли Бразио Валериани, и он спрятан в вашем серванте?

Фэлл замолчал. Улыбка его начала угасать.

Мэтью продолжил развивать свою линию.

— Я полагаю, Розабелла рассказала вам, где его найти? Мадам Кандольери сказала, что ее служанка была весьма впечатлена этой комнатой.

После долгого молчания Профессор сказал:

— А вы времени даром не теряли, не так ли? Вот он, решатель проблем за работой. Мой всадник авангарда все еще в строю, несмотря на то, что конь его пал? Вы ведь гордитесь собой

за то, что уничтожили мой дом и мою работу на Острове Маятнике, не так ли? Уничтожили мое *наследие*, вот, что вы сделали.

— Я считаю, что просто остановил вас от того, чтобы убить множество англичан с помощью пороха, — ответил Мэтью. — Ваш дом и наследие просто… оказались на моем пути.

Его лицо омрачилось, Профессор хотел что-то сказать, но отчего-то передумал. Он кивнул, взгляд его сфокусировался на далекой точке пространства, затем Профессор медленно поднялся со своего кресла, подошел к одной из стен и дважды потянул за шнур, после чего в коридоре за запертой дверью раздался звон колокольчика. Фэлл вернулся на свое место, попутно поставив упавшую книгу «Малый Ключ Соломона» обратно на полку, открыл ящик своего стола и извлек оттуда несколько предметов: блюдце, нож с лезвием, напоминающим коготь ястреба, небольшую белую карточку, кусок голубой ткани и, наконец, маленький стеклянный закупоренный сосуд глубиной в дюйм, на дне которого, похоже, была кровь.

— Я хочу, чтобы вы стали свидетелем этого, — сказал Профессор. Он потратил несколько секунд, откупоривая ножом пробку с кровавого флакона, а затем вылил немного на блюдце.

Мэтью прекрасно понимал, свидетелем чего становится. Профессор Фэлл собирался создать новую кровавую карту, подписать смертный приговор тому, кто ее получит.

Фэлл окунул свой указательный палец в кровь и перенес отпечаток на карту, после чего вытер палец чистой тканью и поднял карточку с кровавой меткой так, чтобы Мэтью сумел оценить ее по достоинству.

— Нравится? — спросил он.

— Видел одну — значит, видел их все, — ответил Мэтью.

— Верно, но человек, которому отправится это послание, никогда не видел ничего подобного. Вы знаете его. Его зовут Гарднер Лиллехорн.

Это имя прозвучало, как удар в живот, но Мэтью постарался не показать никаких эмоций и был уверен, что ему это удалось.

— И что он сделал?

— О… вы не знали? Что ж, это пустяк, как *вы* могли бы выразиться. Его первое дело, когда он прибыл в Лондон в качестве помощника главного констебля, заключалось в том, чтобы провести обыск складов в доках. Я полагаю, что вы уже осведомлены, что там хранилась партия «Цимбелина», ожидающая переправки в Испанию, и вы передали эту информацию, куда сочли нужным. Я также догадываюсь, кто эту информацию предоставил. Поэтому такая же карточка отправится

в путешествие через Атлантику и будет доставлена небезызвестной вам Минкс Каттер, и ей придется заплатить — как и мистеру Лиллехорну — за то, что осмелились забрать то, что им не принадлежит. За то, что наложили руку на *мой* порох.

Мэтью вспомнил. Фэлл был прав. Минкс рассказала ему, что специальный порох, созданный Профессором, был спрятан на складе и скрыт в баррелях под видом смолы и морских товаров. Он проинформировал об этом и Лиллехорна, и Лорда Корнбери, вернувшись в Нью-Йорк, но думал, что его информация была проигнорирована, и высокопоставленные люди лишь пожали плечами, не желая вмешиваться в это дело.

— Я также предоставил Лиллехорну имена Фредерика Нэша и Эндрю Хальвесторна, — отозвался Мэтью, вспоминая и другие сведения, которые дала ему Минкс о влиятельных особах, которые являлись не последними фигурами в лондонском Парламенте и работали менялами. Эти люди также состояли в компании Фэлла. — Они уже в Ньюгейте?

Фэлл тихо усмехнулся, оценив дерзость Мэтью перед лицом отчаяния.

— Первый здесь, на новом посту мэра Прекрасного Бедда в мое отсутствие. А второй… к несчастью, бедный Эндрю выбил себе мозги выстрелом из пистолета, когда Джулиан не сумел убедить его искать убежища здесь.

— О, вы хотите сказать, что Эндрю вышиб себе мозги, когда Девейн нажал на курок?

— Он был рад услужить.

— Я думал, что он работает на Матушку Диар. А где *она*?

— Все еще здесь и останется на какое-то время. И… с тех пор, как я стал хозяином — или лучше сказать, *руководителем* — Матушки Диар, я также являюсь руководителем и для Джулиана Девейна. Ах! А вот и наше угощение! — послышался стук в дверь. — Входите.

Помяни дьявола! — в комнату вошел Девейн собственной персоной, принеся с собой серебряный поднос с двумя небольшими тарелками, на которых лежали куски торта. Также на подносе можно было разглядеть две серебряных ложки, две зеленых керамических чашки и чайник из одного комплекта, сахарницу, и небольшую чайную ложечку, на которой был выгравирован — Мэтью заметил это, когда Джулиан приблизился — дракон с парой горящих инкрустированных драгоценными камнями глаз.

— Поставьте сюда, пожалуйста, — попросил Фэлл, указывая место на столе. — Если вы мне снова понадобитесь, я позвоню.

Девейн покинул комнату, не сказав ни слова и даже не

взглянув на Мэтью.

— Я ведь сказал, что ничего не хочу, — возразил молодой человек, когда Фэлл наполнил две чашки. Это был специальный чайник, который вмещал в себя лишь две порции.

— Вы забавляете меня. Вы думаете, что, наливая две чашки, я умудрился отравить лишь одну, находясь под вашим пристальным наблюдением?

— *Нет,* — качнул головой Мэтью.

— Вот и славно. Угощайтесь тортом.

— Определенно, нет.

Фэлл пожал плечами и сделал глоток из своей чашки.

— Итак, вернемся к карточке. Вам может быть интересно, что мистер Лиллехорн получит метку, поставленную *вашей* кровью. Она была взята из вашего рта, пока, по словам Матушки Диар, вы потеряли сознание во время визита к врачу. Кстати сказать, у нас здесь есть хороший врач, который может позаботиться о ваших зубах… вы можете поговорить с ним и сходить на прием, чтобы убедиться, что доктор Нодди сделал все чисто и убрал за собой.

Мэтью наблюдал, как Фэлл пьет свой чай. Профессор выбрал один из кусков торта и принялся с наслаждением есть его.

— Что содержится в «Белом Бархате»? — спросил Мэтью.

— Вы уже знаете это. Наркотик из последней тетради с изумительными формулами доктора Джонатана Джентри. У нас здесь есть теплицы со всеми нужными растениями. Доза увеличивалась со временем. Это был деловой эксперимент.

— Похоже, нашелся еще один человек, заинтересованный в этом деле. Матушка Диар рассказала вам, что случилось на складе?

— Рассказала, — уголки губ Фэлла поползли вниз. — Нашелся некий… давайте будем джентльменами и назовем его просто *выскочкой*… который пришел на территорию — *мою* территорию — с очевидными великими амбициями. Это была не первая партия «Белого Бархата», которую украли, и не первые мои помощники, которые были убиты в процессе. Кто бы это ни делал, он также убил моего подельника судью Фэллонсби и всю его семью. Он дразнит меня, как и ваш Альбион, убивая других членов, моего… скажем так, круга. Но этот новый человек, если выражаться мягко, оставляет занимательные отметки на лбах своих жертв… отметки бесноватых.

— Бесноватых? — переспросил Мэтью, не припоминая, чтобы слышал этот термин раньше.

— Это кто-то, кто одержим — или верит, что одержим — демоном.

— Что вы имеете в виду под этим «или»? Никто не может

быть *по-настоящему* одержимым, такие вещи не существуют.

Хитрая улыбка, мелькнувшая на тонком лице Профессора, выглядела устрашающе.

— Ох, Мэтью! — выдохнул он. — То, что вы видели в Лондоне… на том складе… то, что вы когда-либо видели за вашу недолгую жизнь… неужели после всего этого *вы* можете говорить, что такие вещи не существуют? Даже ваша Библия упоминает, что это возможно. Если б вы были моим сыном, я бы посоветовал вам… *повзрослеть*.

— Ближе всего к демонам из всех земных существ я считаю вас, — Мэтью почти упомянул содержание «Малого Ключа Соломона», но сдержался.

— В своем обучении ужасам, — качнул головой Профессор. — Вы можете найти, что я весьма далек от того, чтобы быть худшим.

— Спорно, — голова Мэтью начала болеть, а во рту пересохло, как в пустыне. Он был голоден и испытывал чудовищную жажду, но не позволил себе взять ни кусок торта, ни чай. — Я хочу знать больше о «Бархате». Его производят здесь?

— Нет, мы производим здесь только секретный ингредиент. Или правильнее будет сказать, один очень талантливый химик производит этот ингредиент здесь. В своей лаборатории в больнице, если хотите знать… а вы *всегда* хотите. Джин мы покупаем, как и любой другой покупатель, в том же Лондоне. Мы добавляем наркотик уже на месте, и джин отправляется на склады. Это *не я* решил назвать его «Белым Бархатом». Думаю, это заслуга Лорда Паффери, за что я ему благодарен.

Мэтью испытал небольшое удовлетворение, поняв, что знает секрет, который Фэллу не известен.

— Ваш новый химик, должно быть, занятой человек. Я полагаю, у него ушло немало сил и времени, чтобы воспроизвести формулы Джентри и испытать их на целой деревне?

— Совершенно верно. А также создавать еще более новые вещества и испытывать их на единомышленниках, которых я считаю достойными. Вы уверены, что не желаете кусок торта или чай? Вы выглядите… неважно.

— Я желаю, чтобы Берри Григбси и Хадсон Грейтхауз вернулись к нормальной жизни, — ответил Мэтью.

Профессор допил свой чай. Он взял небольшой кусок торта и отклонился на спинку своего кресла, после чего улыбнулся, глядя поверх Мэтью на выполненную в форме осьминога люстру.

— После Острова Маятника, — произнес он тихо, но янтарные глаза на его тонком лице вспыхнули. — Я провел много времени, представляя, как именно я разделаюсь с вами, когда

найду вас. Заметьте, не «если», а «когда» найду. Я знал… когда-нибудь, в один прекрасный день вы вновь попадетесь мне. Я представлял себе… радикальные методы. Утопить вас, четвертовать, заставить вас съесть собственные органы, убить, раздробив каждую кость, отрезать вам голову по кускам, начиная с частей лица, но есть одна вещь, о которой я *не* подумал, — он сделал паузу на несколько секунд и расплылся в торжественной улыбке. — Я *не* думал, — продолжил он. — Что смогу так удачно заполучить ваших друзей *до того*, как доберусь до вас. Это сильно поменяло дело. Это успокоило меня, как вы можете видеть.

— Я вижу лишь монстра, сидящего за письменным столом, — сказал Мэтью, подняв обе руки и потерев ноющие от боли виски. Голова его неприятно плыла. — Вы собираетесь убить меня, и я не могу вас остановить. Но ради всего святого, отпустите этих двоих. Со мной делайте, что хотите, но…

— Я *уже* делаю с вами, что хочу, — перебил Профессор. — Вы разве еще не поняли? Записи Джентри оставили мне огромное богатство информации о различных наркотических веществах и ядах, большинство из которых помогают манипулировать сознанием и достигать различных эффектов. К примеру, три семени определенного растения — перемолотые и добавленные в еду или жидкость, если их принимать дважды в день — приведут к неминуемой смерти через много дней. Но *одно* семя того же самого растения, точно так же употребляемое *каждый день*, даст совершенно другой результат. Вот, что содержит в себе сокровищница Джентри. Яды не обязательно должны быть смертельными, если только нет *намерения* убить. Которого… в случае мисс Григсби и мистера Грейтхауза у меня нет.

Голова Мэтью и впрямь начала кружиться. Его язык перестал слушаться, а сердце в его груди, казалось, начало биться так бешено, что могло вот-вот лопнуть.

— Вы покраснели, — заметил Фэлл. — А я все думал, когда же это начнется. Теперь слушайте внимательно.

— Вы надышали не в ноты… — выдавил Мэтью, чувствуя, как собственные слова превращаются в неясную абракадабру вместо желаемого «*Вы подмешали мне что-то*».

— Тише. *Слушайте,* — Фэлл подался вперед, ближе к столу. — Ваша награда за то, что вы сделали со мной, состоит в том, что вы будете наблюдать, как я уничтожу ваших друзей. А теперь… теперь я бы на вашем месте не пытался встать. Я воздействовал на ваш центр речи и чувство реальности, хотя ваш слух в полном порядке. Если вы попытаетесь покинуть комнату, вам можете случайно оседлать перила балкона, представляя себе, как седлаете коня и скачете, как настоящий всадник авангарда.

Слушайте, я сказал!

— Стропила… менять… — сказал Мэтью вместо того, чтобы сказать «*Отравили меня*». Его рот не повиновался желаниям мозга и выдавал какой-то неясный набор слов, при этом губы казались непомерно тяжелыми, а язык ощущался безвольной подушкой, которая вместо речи извивалась ленивым червем.

— Вода в вашем доме — чрезвычайно сильное средство. Но действует она не через питье. Средство проникает в кожу. Я предполагал, что вы захотите выглядеть джентльменом и предпочтете побриться и умыть лицо поутру. И руки тоже. Правда, эффект достигался чуть дольше, чем я предполагал, но мы еще только тестируем это средство.

— Светить! — выкрикнул Мэтью, чей разум уже успел потерять нить того, что собирался сказать. Комната начала вращаться и растягиваться на огромные расстояния перед глазами. Три Профессора Фэлла восседали на трех креслах за тремя письменными столами.

— Сидите спокойно. Дайте мне продолжить. Мистеру Грейтхаузу давали то, что я называю essential timoris — *эссенция страха.* Она позволяет ему успокаиваться только во сне, а когда он бодрствует, ему приходится жить в сущем кошмаре. Если бы ему не давали этот наркотик ежедневно, он бы вернулся к нормальной жизни через три или четыре дня, — Фэллы подняли три указательных пальца, которые в искаженном восприятии Мэтью показались тремя железными копьями, тянущимися к бесконечному потолку. — Что касается мисс Григсби, ей давали очень интересное зелье, используя корень растения, позволяющего открыть разум к внушению, что имеет стабильный кумулятивный эффект. Она для вас потеряна навсегда, потому что даже если ей прекратят давать это вещество тотчас же — чего *не произойдет* — она не сможет выздороветь без постоянного и тщательного применения противоядия, — его тройная усмешка обнажила зубы, похожие для Мэтью на клавиши пианино, янтарные глаза превратились в наполненные пауками дыры на трех лицах. — Вы будете наблюдать, как она медленно впадает в слабоумие, — сказал тройной Профессор. — А в конце ее развитие деградирует до уровня младенца в колыбели, и я могу позволять вам качать эту колыбель время от времени.

Мэтью попытался встать. Он больше не сидел на кресле. Он был погружен в полную смолы яму, все его движения сковывала черная вязкая жидкость.

— Пока вам не стало хуже, — сказал Фэлл. — Вам лучше съесть ваш кусок торта. Там ваш антидот.

С величайшим усилием, сопротивляясь липкой смоле,

которая начала возникать прямо из воздуха и проказой налипать на лицо, Мэтью потянулся к куску ванильного торта, который, как он догадался, располагался на среднем столе из трех, что вращались у него перед глазами. Его рука тянулась, тянулась и тянулась, превращаясь в невинную ручку ребенка — столь же неуклюжую и непослушную. Пальцы — длиной в милю — обратились в шипы. Рука сомкнулась на куске торта, который тут же ожил, обратившись в порочного и страшного зверька, пытающегося укусить шипы-пальцы Мэтью. Лица Фэллов раздулись в ухмылке, оползли, стали узловатыми и опухшими. Мэтью не был уверен, на самом ли деле он держит руками кусок торта, потому пальцы его умерли… то есть, окончательно потеряли чувствительность. Затем он поднес странное существо к своему лицу, но не сумел отыскать на нем рот, поэтому сначала ткнул пирогом себе в нос и в глаз.

— Хотел бы я, чтобы доктор Риббенхофф увидел *это,* — произнесла говорящая бородавка.

Мэтью отчаянно и лихорадочно работал, чтобы откусить хотя бы кусок, и ему казалось, что он преуспел… а может, действительно — только *казалось*? Он продолжал запихивать неясную массу в свой рот непослушными мертвыми пальцами. Проглотить тоже было очень непросто. Вокруг него начали бегать предметы мебели, смешиваясь в нечто неясное. Солнечный свет, проникающий в комнату из другого мира, разверз ослепительно красную яму, в которую хотел затащить Мэтью.

— Закройте глаза, — сказало корявое безликое чудовище, которое начало вдруг неимоверно разрастаться. Его распирало, из головы выросли щупальца, которые были острыми на концах, как бычьи рога.

Мэтью послушался. Казалось, глаза обернулись и посмотрели внутрь его черепа.

— Вам потребуется около получаса. Я позвоню Джулиану, чтобы он отвел вас в комнату, где вы сможете прилечь. Я хочу, чтобы вы понимали, насколько бесполезно сопротивляться… даже самую малость. Кивните, если понимаете, что я вам сказал.

Мэтью кивнул. Он чувствовал, что голова его опрокидывается назад и начинает качаться вперед и назад, как на лесках — и это было единственным, что удерживало ее на месте, потому что в тот момент он понял, что изначально был рожден без костей. Это была плоть, созданная Профессором Фэллом, и он же может разорвать ее на части.

— Когда вернетесь в ваш дом, вы найдете свежую наполненную бутылку воды. Выпейте столько, сколько сможете. Там будет *только* вода. Я хочу, чтобы вы были в хорошем

состоянии, чтобы явиться на ужин к восьми. Вы и судья Арчер будете моими почетными гостями.

Мэтью почувствовал, как щупальца обвиваются вокруг него, охватывают его тело с огромной силой и начинают давить, а смола ползет по ногам, плотно приковывая их к полу.

Зазвонил колокольчик.

— Нужно было сразу принять от меня пирог, — хмыкнул кто-то над самым левым ухом Мэтью. — Видите, что бывает, когда вы даете волю своему упрямству?

Глава тридцать шестая

Так и было, подумал Мэтью, лежа на кровати в своем доме, *самые худшие мои подозрения оправдались*. Все, что только могло случиться с Берри… произошло, и даже нечто более ужасающее — потому что она была жива и медленно умирала, а он ничего не мог сделать, чтобы этому помешать. Где находится книга с формулами Джентри? В доме Фэлла, в больнице под присмотром нового химика Риббенхоффа? Или где-то еще? И даже если он достанет книгу, как же он сможет сделать противоядие для Берри, чтобы без вреда для ее разума вывести наркотик из ее организма?

Он лежал, уставившись в потолок. Голова его все еще болела, а тело била легкая дрожь, но, по крайней мере, ему не казалось, что стены превращаются в неведомых монстров, как это было с комнатой в доме Профессора. Когда Девейн отвел его сюда, Мэтью опрокинул в себя едва ли не половину содержимого бутылки с водой. Он подумал, что, возможно, она все же тоже чем-то отравлена, но узнать это не было никакой возможности. Он был абсолютно беззащитен перед любым ядом Фэлла, который тот выберет для нового эксперимента.

И что насчет Хадсона? В темной клетке, с терзаемым кошмарами разумом… такая судьба была хуже смерти, особенно для человека такой силы. Скорее всего, судью Арчера тоже не обошли стороной эксперименты Профессора, и оставалось лишь гадать, во что превратили *его*. Если раньше и можно было надеяться на помощь Альбиона, то теперь… безнадежно…

Мэтью прижал ладони к глазам. Ему нужно было *думать*, хотя мозг его превратился в кашу. Каким чудом может получиться вырваться из Прекрасной Могилы? Перед тем, как освободить его, Фэлл приказал Девейну пойти в таверну и принести что-то существенное, чтобы Мэтью поел после того, как голова окончательно пройдет, хотя сейчас еда была последним, о чем мог думать молодой человек. Он боялся сегодняшнего ужина. Сколько было времени сейчас? Он посмотрел на циферблат часов «дорогого Филиппа»: девять минут четвертого. Мэтью очень хотел снова увидеть Берри, потому что она ожидала, что Эштон Мак-Кеггерс придет, чтобы поужинать с ней этим вечером в таверне, но он не мог вынести того, что она его снова не узнает и примет за другого: сегодняшний его визит она и вовсе сочла воплощением своего сна об Эштоне.

Он вновь спросил себя, каким возможным оружием сможет дать отпор. Была ли ситуация в самом деле настолько

безнадежной, или просто нужно было лучше посмотреть, чтобы обнаружить выход, развернуть шахматную доску и взглянуть иначе? Он не мог сдаться. Все они могли быть обречены — так или иначе — но с условиями медленного смиренного умирания он не был готов соглашаться.

Чего мог так страшно желать Профессор?

Мозг Мэтью продолжал работать, если, конечно, работа белки в клетке может быть названа таковой.

Нужное слово пришло к нему. *Информация*.

Профессор ценит информацию. Особенно касательно одного субъекта.

Местонахождение Бразио Валериани.

Он сел. Его голова еще несколько секунд кружилась, пока не зрение не стабилизировалось.

Он подумал… если можно выяснить что-то у кузины Валериани Розабеллы, что еще не выяснил Фэлл… это может быть достойным оружием.

Стоило попытаться и пойти в таверну. Если мадам Кандольери сейчас там, тем лучше. Если же нет, разумеется, кто-нибудь скажет ему, где найти ее. Или, возможно, стоит поискать ее в театре, где бы он ни находился. Наверное, она там, репетирует свою программу. Если получится отыскать Ди Петри, это тоже может сослужить хорошую службу. А, быть может, получится встретиться сразу и со служанкой оперной дивы.

В любом случае, он понимал, что ничего хорошего из пустопорожнего сидения в доме не выйдет ни для него самого, ни для Берри, ни для Хадсона, ни для судьи Арчера. Он сделал несколько шагов и понял, что вполне способен передвигаться, не производя при этом впечатление пьяного идиота, хотя ноги все еще были слабыми и слушались плохо. Для страховки следующие шаги по комнате пришлось сделать, опираясь о стену. Вскоре он понял, что полностью прямо держаться все еще не может, но нынешней подвижности вполне хватало, чтобы исполнить свое намерение.

Он надел плащ и треуголку, после чего покинул дом.

В «Знаке Вопроса?» хозяин таверны сказал Мэтью, что понятия не имеет, в каком доме проживает дива, но это, разумеется, было ложью. Просто люди Фэлла не собирались упрощать ему задачу. Трактирщик сообщил Мэтью, что зал встреч располагался на Трешер-Стрит, где должно было состояться выступление мадам Кандольери завтрашним вечером.

Мэтью вновь направился против ветра. Прохожие приветствовали его так, будто он уже был частью их сообщества, они любезно одаривали его безразличными улыбками и

отравленными наркотиками взглядами. По пути на Трешер-Стрит молодому человеку в голову пришла мысль о том, какая общественная деятельность присутствует в этом месте. Он заметил дом с вывеской «Школа Искусств Мадам Хеннисчайлд», а другой дом был отмечен транспарантом «Общество Строителей Прекрасного Бедда», а сразу за ним располагался «Клуб Наблюдателей за Звездами Джона Майерса». Судя по всему, понял Мэтью, здесь запросто может встретиться и какое-нибудь «*Сообщество по выдуванию пузырей*». Он миновал компанию из трех мужчин, стоящих рядом с небольшим сараем и добродушно беседующих за разгрузкой небольших ящиков, которые он уже замечал ранее в вагоне, и молодой человек почти ожидал увидеть рядом вывеску «Конфедерация Бондарей».

Пара охранников встретилась Мэтью по пути. Они патрулировали улицы с мушкетами на плечах и пристально глядели по сторонам.

Мэтью задумался, случалось ли такое, чтобы кто-то приходил в себя от этого дурмана или впадал в неадекватное поведение от ядов, которые ему давали. Это могло запросто повлечь за собой выстрел мушкета или даже два — в зависимости от обстоятельств. Мэтью содрогнулся от одной мысли, какие страшные зелья содержатся в записях Джентри, собранных со всего света. А ведь, наверняка есть среди этих формул и такие, которые могут дать человеку суперсилу.

Театр было несложно отыскать. Это было большое, но все еще одноэтажное здание из коричневого камня, пострадавшее от непогоды. Его трудно было назвать сараем, который так презирала мадам Кандольери, но больше это строение на часовню или небольшую церковь с колокольней на крыше. Мэтью подошел к дубовой двери и открыл ее, очутившись в приемной, где можно было снять треуголку и плащ.

— Ты можешь не тянуть одну единственную *ноту?* — прозвучал предупреждающий гром недалеко впереди. — Mi fai cosi pazzo io esplodere! [Мой мозг сейчас взорвется (ит).] *Джанкарло, заставь этих* idioti *понимать английский!*

Мэтью вошел в главный зал. Свет проникал сюда из двух окон — по одному с каждой стороны здания, что, по-видимому, было недавними усовершенствованиями. Здесь располагалась дюжина скамей, между которыми по центру, справа и слева имелись проходы, ведущие к высокой платформе, которая, похоже, являла собой недавно построенную сцену. Ступени находились с правой стороны платформы, устланной красивым дорогим ковром. Прекрасная, но пугающе грозная женщина стояла в самом центре сцены, одетая в объемистую пурпурную мантию, ее черные

волосы были уложены в высокую прическу и украшены сверкающими золотыми гребнями. Дива деловито упирала руки в боки, а ее глаза метали огненные снаряды в ее бедный оркестр.

Горе-аккомпаниаторы сидели у подножия платформы в креслах, которые были, видимо, специально принесены сюда для этого выступления. На пюпитрах рядом с музыкантами разворачивались копии партитур. Здесь присутствовали двое скрипачей, которых Мэтью видел на площади, и двенадцатилетний мальчик, у коего — он знал — было целых четыре урока игры на трубе. Все музыканты цеплялись за свои инструменты, как если бы что-то могло попросту унести их прямо из рук. Аккордеонист и девушка с бубном, похоже, дезертировали с этого корабля в самом начале, судя по тому, что нигде в зале их не было. Мэтью и в самом деле заметил Ди Петри, сидящего в первом ряду вместе с тем самым человеком, которого он так надеялся найти: с темноволосой девушкой, явившей собой ту самую причину, по которой Фэлл привез сюда всю троицу.

Ди Петри поднялся со своего места, храбро становясь между леди и объектами ее гнева.

— Прошу, Алисия! — взмолился он, складывая руки, словно в молитве. — Они стараются, как могут. Не могли бы вы…

— Это их «как могут» — просто un grande mucchio di merda [большая куча дерьма (ит.)]! — вскрикнула она. — Как я могу петь под этот мусорный шум?

— Леди, — обратился один из скрипачей. — Я просто не могу играть по этим нотам. Здесь их слишком много, — он устало выдохнул и поднялся со своего стула. Мэтью понял, что даже эти двое мужчин — и, похоже, что мальчик тоже — были заключены в объятия какого-то расслабляющего зелья счастья, потому что на всех их лицах держались блаженные улыбки. — Я не могу говорить за Ноя или Алекса, но я уверен, что я уже достаточно пожарился в лучах вашего гнева и почти сгорел дотла. Я направляюсь домой.

— Ной может говорить сам за себя, — отозвался второй скрипач, также поднимаясь на ноги. — Верно, как дождь. Я ухожу.

— Вы не можете уйти от меня! — завопила она. — Я одна из трех женщин в целом *мире*, кто поет в опере! Ты хоть знаешь, как много я работала и что я сделала, чтобы добиться своего места среди мужиков с отрезанными яйцами и детскими голосами? — этот всплеск откровения пошел на убыль. — И знаешь, что я сделала ради *музыки*?

Мальчик встал и последовал за остальными к выходу. Он обернулся — с трубой в руке — и произнес голосом, который явно должен был принадлежать кому-то постарше:

— Возможно, вы найдете кого-то, кто вам подпоет.

Затем трое музыкантов покинули театр и не стали свидетелями того, как мадам Алисия Кандольери ухватилась за воздух так, будто могла оторвать от него кусок. Мэтью был уверен, что не только эти трое услышат ее крик снаружи, и подумал, что Леди Паффери может даже написать в своем следующим выпуске, что чудовищный звук падающего метеорита пронесся над Атлантикой рядом с Уэльсом.

— *Caro Signore![Милостивый Боже! (ит.)]* — воскликнул Ди Петри. — Давайте все успокоимся.

— Это умалишенное сумасшедшее безумие! — взвыла леди, качнувшись из стороны в сторону. — У меня даже нет гримерной комнаты! Они, что, ждут, что я… — красный туман злости, должно быть, чуть рассеялся, потому что дива заметила Мэтью, шагающего по проходу. — Хочешь хорошенько посмеяться надо мной, мистер?

— Вовсе нет, — Мэтью снял треуголку. — Я сопереживаю всем, вовлеченным в это мероприятие.

— *Со-пе-ре-же-вы-ва́ть?* Что он такое говорит, Джанкарло?

— Ему жаль нас, — сказал Ди Петри, переведя не до конца верно.

Она начала оглядываться, и Мэтью понял, что она ищет что-то, что можно швырнуть.

— *Мрак!* — завопила она, и молодой человек на мгновение подумал, что она вот-вот начнет рвать на себе волосы. — Disperazione! Agonia su di me! [Отчаяние! Я в агонии! (ит.)]

Мэтью спустился вниз по левой стороне прохода. Он бросил быстрый взгляд на Розабеллу, которая, в свою очередь, посмотрела на него. У нее было миловидное овальное лицо, большие карие глаза, в которых застыло выражение недоумения. Она была намного младше, чем он предполагал — быть может, лет семнадцати от роду, не больше.

— Простите меня, — обратился Мэтью, когда достиг платформы. — Но неужели вам в действительности так нужен оркестр?

— Конечно, нужен! Ты спятил? Какая же опера без музыки?

— Но, — быстро нашелся он. — Разве от *вас* исходит не достаточно музыки?

Мадам Кандольери издала странный звук, видимо, обозначающий то, что она не уследила за его рассуждениями. Ее руки поднялись, как молоты, ее зубы стиснулись, и Мэтью испугался, что она сейчас бросится на него прямо с этой платформы, желая растерзать.

— Алисия! *Ascoltatelo![Послушайте его! (ит.)]* — обратился к

ней Ди Петри, вставая на сторону Мэтью. — У него есть что-то!

— У него мозг в лихорадке! — закричала она с прежним жаром.

— Нет, нет, *синьора*! Подумайте об этом, как о вызове! Этот молодой человек прав… музыка исходит от вас! Есть у вас аккомпанемент или нет, смысл не в этом. Вы знаете *libretto,* что же еще вам нужно?

— Ха! — единственный звук, вылетевший пистолетной пулей из ее рта, мог запросто разбить стекла в окнах. — Открой глаза, Джанкарло! Siamo nel piu profondo di merde! [Мы увязли глубоко в дерьме! (ит.)]

Ди Петри подтянулся, стараясь держаться прямее и выглядеть выше. Мэтью показалось, что у управляющего дивы смелости прибавилось с его появлением. Ди Петри тем временем спокойно сказал:

— Мы в глубоком дерьме, потому что вы это позволяете.

Грудь мадам Кандольери надулась, как парус военного корабля. Ее красные губы начали размыкаться, чтобы произвести оглушительный выстрел.

— Он прав, *синьора,* — раздался тихий голос служанки, которая поднялась со своего места, чтобы присоединиться к сопротивлению. — Никто не может победить вас, кроме вас самой.

Эта тихая правда затушила горящий фитиль бомбы. Мадам Кандольери перевела взгляд с Розабеллы на Ди Петри и обратно, и ее военный корабль начал отбывать обратно в нейтральные воды открытого моря. Она испустила — *ууффф* — вздох и почесала лоб, с тревогой, недоступной ни одному живому существу. — Вы все думаете, я могу сделать это? — спросила она.

— Я *уверен,* — ответил Ди Петри. — И… если даже если где-то вы сфальшивите один раз, кто из этих англичан с полными воска ушами узнает это?

— Я точно не узнаю, — добавил Мэтью.

Указательный палец мадам Кандольери постучал по подбородку.

— *Si!* — выдала она после недолгой паузы. — Если я не смогу сделать это, то никто не сможет… уж точно ни одна другая *женщина*!

— Вот это правильный настрой, *синьора*. Мы здесь идем по неизведанной территории.

— *Si,* — повторила она. — И кто может знать — быть может, завтра заплатят выкуп? Что ж, очень хорошо. Я начну с начала, без этого мусорного шума, бьющего мне в ушные барабаны.

— Барабанные перепонки, — поправил Ди Петри.

— Могу я попросить об услуге? — спросил Мэтью перед тем, как его бы заглушили. — Позволите мне украсть у вас Розабеллу на несколько минут?

— *Меня?* — удивилась девочка. — Зачем?

— *Si! За почему?* — взволнованная мадам Кандольери выглядела так, будто вот-вот вспыхнет от гнева снова.

— У меня есть к вам несколько вопросов, которые бы я хотел задать, — кивнул Мэтью, обращаясь к служанке. — Мы можем выйти наружу? Как я и сказал, это не займет много времени.

— Вопросы? О чем? И *кто* вы такой?

— Это молодой человек, о котором я тебе рассказывала. Мы встретились с ним в таверне прошлой ночью, — сказала мадам Кандольери. — Его похитили, как и нас.

Мэтью решил не поправлять эту леди, а оставить все, как есть.

— У меня есть вопросы, похожие на те, что задавал Профессор Фэлл. Насчет вашего кузена Бразио.

Розабелла нахмурилась.

— Почему Бразио так важен? Я не видела его много лет!

Возможно, ободренный своим успехом по успокоению звезды, Ди Петри и здесь решил прийти на помощь:

— Давай, Розабелла. Разговор с этим молодым человеком точно тебе не навредит.

— Хорошо, — ответила она, хотя в голосе все еще слышалась некоторая неуверенность. Мэтью было ясно, что она не имеет ни малейшего понятия, чем ее кузен так ценен для Профессора Фэлла, но у молодого решателя проблем были свои способы выяснить это.

Розабелла надела светло-голубую накидку с капюшоном, а Мэтью вновь надел свою треуголку и плащ. Они вышли на улицу и стали прямо у входа в лучах яркого солнца.

— Что вы хотите знать? — спросила она. Когда она нахмурилась, две маленьких морщинки появились между ее шоколадно-карими глазами, несмотря на то, какой юной она была. Мэтью решил, что работа с таким человеком, как мадам Кандольери приносит очень мало удовольствия, но он также понимал, что эта работа очень хорошо оплачивается. — Я уже рассказала профессору все, что помнила о Бразио, — продолжила девушка. — Что еще я могу рассказать?

— Я не профессор, — покачал головой Мэтью. — Я ничего не знаю о вашем кузене, кроме того факта, что Фэлл ищет его. И очень отчаянно, я должен добавить, — он увидел, как богато одетые мужчина и женщина проходят мимо, держась за руки, как если бы они проходили по светским районам Лондона.

Розабелла несколько секунд жевала нижнюю губу.

— Это правда… что Джанкарло сказал мне? Что все мы были похищены, потому что профессор преследует моего кузена? Он сказал мне ничего об этом не говорить мадам Алисии.

— Это правда.

— Получается… никакого требования выкупа не будет? Это тоже правда?

— Этого я не могу сказать, — он подумал, что лучше не говорить об этом, но он сомневался, что Фэлл просто освобождает хоть кого-то из своей Прекрасной Могилы. Если тебя привезли сюда однажды — по какой-то причине — пути назад уже нет, здесь ты и должен сгнить.

— Что бы вы хотели знать о моем кузене? — спросила Розабелла, возможно, читая в его глазах невысказанный ответ на ее последний вопрос.

— Только одно. И, надеюсь, вы поможете мне сложить эту мысль в единую картину. Профессор Фэлл очень образованный человек, однако, к сожалению, имеет криминальную натуру. Оглядитесь и посмотрите, что он способен создать. Он приложил большие усилия, чтобы доставить вас сюда, и я могу представить, сколько контрактов в разных местах ему пришлось заключить, чтобы изменить график выступлений мадам Кандольери и встретить ее в Портсмуте. Все это для того, чтобы выяснить, держите ли вы связь с Бразио. На это ушло много времени и огромное количество денег. По какой причине это могло быть сделано? Что, вы думаете — это может быть что угодно — может Бразио предложить Профессору?

— Бразио работает с преступниками? Вы это хотите сказать?

— Не совсем, хотя возможно. У Бразио есть какой-то талант, который Фэлл мог бы использовать? Талант создавать поддельные документы? Взлом замков? Он, часом, не химик?

— *Химик*? Я не знаю такого слова…

— Он делает какие-нибудь препараты? *Medicamenta?* — он ожидал ответа. Она покачала головой. Разумеется, подумал он, как столь невинная юная девушка может еще воспринять весть о том, что ее кузен имел дело с преступниками?

— Позвольте, я спрошу так: сколько ему лет? Он вашего возраста?

— Нет, ему было… мне кажется… двадцать шесть или двадцать семь, когда я его последний раз видела. Это было больше трех лет назад.

— Хотите сказать, сейчас ему около тридцати?

— *Si,* так.

— Какой работой он занимался, когда вы видели его в

последний раз?

— Я не знаю. Когда я видела его, там собралась вся моя семья. Это было в Салерно, на похоронах.

— Похоронах? Чьих?

— Его отца, — сказала она. — Моего дяди. Киро.

— А… а вы хорошо знали своего дядю?

— Нет, не очень. У него был дом и лаборатория на холмах в Салерно. Он был человек науки, но мне говорили, что он лишился рассудка.

Мэтью замолчал. Две вещи, которые она сказала, привлекли его внимание: *человек науки* и *лишился рассудка*.

— У вас лицо изменилось, — заметила Розабелла.

— Простите?

— Ваше лицо. Что-то в нем только что поменялось.

— Скажите мне, — произнес Мэтью, стараясь прощупать эту мысль со всех сторон. — А каким именно ученым был Киро Валериани?

— Я не знаю точно. Моя мать и отец никогда не говорили о нем. Только позже я узнала, что он повесился в своей лаборатории.

— Повесился? У вас есть хоть малейшие предположения, почему?

— Вот, что я понимаю, — пробормотала она. — Он… ну… сделал что-то. Это было то, что заставило его сойти с ума, как сказали мои родители. Дядя сделал что-то, что свело его с ума и… я знаю, как это звучит — я бы сказала *pazzo [безумно (ит.)],* но… когда он попытался уничтожить это, *оно* ему не позволило.

Мэтью стоял в лучах солнца, но вдруг почувствовал страшный холод.

— То, что он создал, было… *живым*?

— Я не могу этого сказать. Это все, что я знаю о той истории. Я однажды спросила свою мать, но она сказала, что мне не следует больше об этом упоминать, потому что дядюшка Киро был хорошим человеком, которого что-то сломило, когда Лорена — его жена — умерла от лихорадки. После этого он начал изучать темные вещи и уже не был тем братом, которого она когда-то знала.

— Темные вещи? — и снова Мэтью почувствовал, как холодок бежит по его спине. — Ваша мать никогда не объясняла, что это значит?

— Нет, никогда.

— Я уверен, что профессор был бы рад поговорить с вашей матушкой…

— Она не знает, где Бразио. Никто не знает.

— Понятно, — только и выдавил Мэтью. Но он думал, что Бразио, на самом деле, является лишь средством достижения реальной цели. Профессор Фэлл хотел найти творение Киро Валериани, которое тот создал в своей лаборатории. Возможно, оно сейчас у Бразио? Или он просто знает, где это находится?

Когда он попытался уничтожить это, оно ему не позволило…

— Так, выходит, *оно* уничтожило его?

— *Perdono? [Простите? (ит.)]*

— Простите, я просто думал вслух. Я полагаю, вы все это рассказали профессору?

— Рассказала.

Мэтью заглянул девушке в глаза очень пристально.

— Сделайте кое-что для меня. Это очень важно. Я хочу, чтобы вы очень хорошо подумали о Бразио и его отце и обо всем, что вы про них слышали. Вы можете вспомнить хотя бы одну маленькую деталь, которую *не рассказывали* профессору?

— Я рассказала ему все, что знаю. Что последний раз я видела Бразио на похоронах в дядюшки Киро в Салерно, и что он сказал мне… — она остановилась и моргнула, словно только что вспомнив что-то важное. — Постойте. Я вспомнила кое-что еще! То, что он сказал мне на похоронах! Я не рассказывала этого профессору!

— Да? Продолжайте, прошу.

— Он спросил, сколько мне лет, и я сказала, что мне тринадцать. А он ответил, что тринадцать — хороший возраст, особенно для Амароне.

— Амароне? Что это такое?

— Красное вино. Очень крепкое.

— Бразио имеет какой-то особый интерес к вину?

Она пожала плечами.

— Я просто помню, что он это сказал.

Мэтью не мог оставить это так просто. Похоже, это было какой-то важной деталью.

— Бразио жил с отцом в ту пору, когда Киро повесился?

— Нет. Я так понимаю, он где-то путешествовал.

— Почему вы так думаете?

— Он пришел через два дня. Похороны задерживались, потому что Бразио не было.

— Вы это рассказывали профессору?

— Да, — ответила Розабелла. — Он спрашивал, жил ли Бразио в Салерно или путешествовал и изредка приезжал туда. Я сказала то же, что и вам. А еще мои мать и отец не слышали о Бразио ничего в течение нескольких лет. Они даже не знают, где он живет.

— Он не говорил вашим родителям что-нибудь на похоронах?

— Не моим родителям. Они ничего не хотели знать. Моя мать… она думала, что Лорена была несчастьем для дядюшки Киро, а еще, что она изменяла ему, и что Бразио — не настоящий его сын. Моя мать сказала, что она верит, будто лихорадка была Божьей карой для Лорены, и что Лорена сделала дядюшку Киро таким, каким он стал перед смертью. Вот, что она говорила, поэтому, как вы понимаете, она не очень хотела общаться с Бразио.

— Но, возможно, он говорил в тот день с кем-то еще?

— *Si,* — сказала она. — Возможно.

— Это вы рассказывали профессору?

— *Si.*

— Давайте угадаю, что случилось дальше, — предположил Мэтью. — Профессор Фэлл попросил вас написать список людей, с которыми Бразио мог общаться на похоронах Киро?

— Верно. Это было пять человек, помимо меня и моих родителей.

— Он не знает, что Бразио упоминал Амароне? — он ждал ее отрицательного ответа. Она покачала головой. — Почему, вы думаете, ваш кузен мог упомянуть из всех вещей именно вино?

— Я не имею понятия, — сказала она, пожав плечами. — Если только… он не работает на каком-нибудь винограднике.

Мэтью кивнул.

— Да. Какой-нибудь виноградник, — конечно же, было возможно, что Бразио просто нравилось Амароне, и он планировал пропустить бокальчик-другой после похорон, но… тринадцать лет — хороший возраст для Амароне? Сказано так, будто бы здесь скрыт какой-то подтекст.

Работник виноградника? Или же его *владелец*?

В какой части Италии растет виноград, из которого делают Амароне?

Впрочем, это было, как сказала Розабелла, три года назад. Мэтью вспомнил, что на Острове Маятнике кукла Профессора говорила, что в последний раз Бразио Валериани видели во Флоренции, а после этого он исчез.

Исчез, по крайней мере, из поля зрения Фэлла.

На время.

— Розабелла, — обратился Мэтью. — Если профессор снова вас позовет и будет задавать новые вопросы, очень важно, чтобы вы *не* упоминали Амароне. Вы, мадам Кандольери и Ди Петри находитесь здесь, потому что профессору нужен Бразио. Я начинаю думать, что он хочет найти Бразио, чтобы добраться до того, что ваш дядюшка Киро создал в своей лаборатории, потому

что это не было уничтожено, а Бразио может знать, где оно находится. Что случилось с имуществом из дома Киро? Бразио забрал с собой что-нибудь, когда уехал?

— Мне было тринадцать лет, — невинно сказала она. — Я ненавидела похороны. Я просто хотела вернуться к моим куклам, которым я давала имена и которым делала макияж. Все остальное, что происходило… мне не было до этого дела. Все эти вещи, которые профессор хотел у меня узнать… я вам все то же самое сказала.

— Я понимаю.

— Я работаю с мадам всего год, — продолжила она. — Скажите мне правду. Если профессор не найдет Бразио, он ведь нас никогда не отпустит?

— Правда, — вздохнул Мэтью. — Состоит в том, что неважно, найдет профессор Бразио или нет. Он не отпустит никого из вас на волю, — она сделала шаг назад, ее ладонь взлетела к губам, и он протянул руку, чтобы поймать девочку, которой явно стало дурно. — Это не значит, — продолжил он. — Что вы никогда отсюда не выберетесь. Мы не можем сдаться. Большинство людей здесь держат на каком-то наркотике, чтобы сохранять их довольными… *opulenti,* — он попытался перевести это слово на латынь. — Вы и Ди Петри должны быть сильными ради мадам. Пока что это лучшее, что вы можете сделать.

Ее глаза заблестели от слез. Он произнес — одновременно мягко и твердо:

— Я хотел бы, чтобы слезы могли помочь. Но они не помогут.

Он постоял с ней еще некоторое время, пока она приходила в себя. Розабелла была юной девушкой, невинной и всего год работающей с грозной мадам Кандольери, что оставило на ней свой отпечаток. Эта работа закалила характер девочки, сделала ее сильнее.

— Я сделаю все правильно, — пообещала Розабелла.

— Мы найдем способ выбраться отсюда, — сказал он ей, пусть сейчас это утверждение не было ничем подкреплено, он надеялся, что сможет пройти через это… ради всего святого: ради Розабеллы, Берри, Хадсона, судьи Арчера, Ди Петри и мадам Кандольери — и ради всех несчастных душ, заточенных в этой Прекрасной Могиле, будь то наблюдатели за звездами или просто строители.

Он надеялся, что сможет пройти через это. И будь он проклят, если не выяснит, как.

— Спасибо за ваше время и за ваши ответы, — поблагодарил он, затем развернулся и побрел прочь.

Часть шестая. Одержимый

Глава тридцать седьмая

В обеденном зале, в котором оказался Мэтью, были темно-красные обои. Оба окна комнаты закрывали длинные черные бархатные шторы. Над обеденным столом, ножки которого украшали резные фигуры дельфинов, прыгающих на волнах, висела массивная люстра — на этот раз не похожая на осьминога, но отчего-то выглядевшая не менее угрожающей: она представляла собой простое большое черное колесо, увенчанное шестью шипами. Еще три свечи горели на столе в весьма интересной емкости: сине-золотой мраморной чаше, в которой помимо свечей, расставленных по трем ее сторонам, вместо цветов стояли деревянные шипованные ветви. И пусть такое теплое освещение должно было создавать в комнате уют, атмосфера все равно казалась зловещей. В любом другом месте она могла бы показаться интригующей, приятной или загадочной, но только не здесь.

Одетый в черный костюм и чистую белую рубашку с белым шейным платком, Мэтью явился на званый ужин первым. Горбоносый человек, который проводил его от отведенного ему дома до обители Фэлла, держался молчаливо и всем своим видом показывал, что заводить светскую беседу будет вредно для здоровья. Это был один из охранников, которых Мэтью видел в свите Матушки Диар, и он, насколько Мэтью помнил, вообще никогда не разговаривал.

Ужин готовили на троих, стулья были расставлены так, чтобы два из них находились друг напротив друга, а один — во главе стола. Маленькие белые карточки — не те, что использовал Профессор, чтобы подписывать свои смертные приговоры, чему Мэтью был несказанно рад — указали, что Мэтью Корбетт должен был сидеть слева от хозяина дома, а Уильям Атертон Арчер справа. Мэтью покорно занял свое место и стал ждать. Его конвоир молча вышел из комнаты через другую дверь. Свечи немного чадили, отчасти отражая внутреннее состояние Мэтью, хотя внешне он был спокоен, как дыхание спящего ребенка. Надо отметить, что достойно держать такую маску ему давалось не без труда.

Примерно через минуту раздался звук шагов, приближающихся по тому же коридору, который привел Мэтью в эту комнату.

Первым в дверях появился судья Арчер, за ним шел Джулиан Девейн. Мертвенная бледность Арчера и пустота в его глазах

наглядно иллюстрировали, что приспешники Фэлла не стали должным образом заботиться о его здоровье и не позволили достаточно восстановиться после тяжелого пулевого ранения перед тем, как доставить его сюда. Тем не менее, выражение его лица было решительным, а подбородок — приподнятым с величественным достоинством. Его светлые волосы были завязаны в на затылке черной лентой, и он тоже был одет в черный костюм с белой рубашкой с белым шейным платком: похоже, такой наряд каждый из гостей негласно выбрал самым подходящим для такого вечера. Мэтью подумал, что даже в могилу — Прекрасную или нет — Арчер предпочел бы идти с достоинством.

Судья адресовал молодому человеку удивительно теплую улыбку, заметив его, что было полной противоположностью тому выражению лица, что он предпочел в качестве своей маски в зале суда.

— Доброго вечера, юный сэр, — поздоровался он. — С кем имею честь?

Мэтью эти слова застали врасплох. Неужели Арчера тоже уже отравили каким-то ядом, изменяющим сознание?

Девейн хмыкнул, тут же отвечая на невысказанный вопрос Мэтью:

— Вам ведь уже дали понять, что игра ваша закончена. Вы все еще сомневаетесь в этом?

— Прошу прощения, но я все еще не имею ни малейшего понятия, о чем вы говорите, — Арчер отодвинул свой стул и сел, невольно мучительно поморщившись от боли, тяжело выдохнув и приложив руку к недавней ране. — Я никогда прежде не видел этого молодого человека.

— *Ну, разумеется,* — Девейн холодно улыбнулся, после чего покинул комнату.

Указательный палец Арчера немедленно поднялся к губам, показывая Мэтью, что не стоит ничего говорить или спрашивать, пока он не выслушает судью.

Арчер аккуратно уложил салфетку на колени.

— Прекрасный вечер для званого ужина, — сказал он. — Не согласны, мистер…

— Мэтью Корбетт.

— Ах, мистер Корбетт! Рад встрече с вами. Я Уильям Арчер, — пока он говорил, взгляд его перемещался из стороны в сторону в поисках некоего признака наблюдения. — Вы здесь живете?

— Нет, сэр, я из колоний. Нью-Йорк.

— *В самом деле?* — глаза его продолжали искать,

остановившись на миг на метке Черноглазого Семейства на руке Мэтью. — Я так понимаю, Нью-Йорк скоро разрастется до размеров очень большого города.

— Он стремительно растет, сэр, верно, но вряд ли он когда-нибудь сравнится с Лондоном.

— Очень мало мест, — ответил он с ноткой горечи. — Сравнится с Лондоном. Вам не следует желать, чтобы Нью-Йорк когда-нибудь достиг столь сомнительного успеха, — он нервно поправил лежащие напротив себя серебряные приборы, хотя лицо его было мастерски укрыто той же маской спокойствия, что и у его молодого собеседника. — Я надеюсь, — продолжил он. — Что *план* Нью-Йорка никогда не станет таким же непоследовательным и хаотичным, как в Лондоне. Такие *планы* могут очень просто спутаться и, даже если *результат достигается*, он может быть далеко не таким, как ожидалось. А затем приходится обильно приносить извинения, но факт остается фактом, что иногда лучшие намерения оборачиваются взрывом прямо в лицо. Вы следите за мыслью, сэр?

— Да.

— Вы кажетесь весьма сообразительным молодым человеком. Жаль, что мы не встречались раньше.

Вдруг послышался звук аплодисментов.

В комнату вошел профессор Дантон Идрис Фэлл, одетый в черную шелковую мантию с золотыми и малиновыми декоративными лентами на воротнике и манжетах.

Он улыбнулся и слегка поклонился обоим своим гостям.

— Прошу простить, что перебиваю, но я предпочел насладиться этой пьесой, заняв полноправное место в зрительном зале. Знаете, я намеревался через какое-то время открыть здесь драматический кружок. Вы можете стать его почетными членами.

Арчер состроил непонимающее лицо.

— Сэр? — переспросил он, начав вставать, чтобы выказать уважение появлению хозяина дома.

— Прошу, сидите. Тем, кто был ранен и недавно практически вырвался из лап смерти, не стоит так часто вставать, даже ради приличия. Добрый вечер, Мэтью. Чувствуете себя лучше?

— Отлично.

— Превосходно, — Фэлл занял свое место во главе стола. — Наше первое блюдо принесут уже через несколько минут. О, а вот и вино, — грузный темноволосый мужчина, больше похожий на громилу, чем на работника кухни, внес в комнату бутылку вина, которую принялся откупоривать, остановившись рядом с Профессором. — Прекрасное и насыщенное Сенсо, — наслаждаясь моментом, сообщил тот. — Без каких-либо добавок,

гордость моего дома. Нас сегодня ожидает на ужин изумительная рыба-меч, так что вынужден извиниться, что не предлагаю белое, но мои персональные вкусы темнее.

Мэтью едва не прошиб пот от этого комментария, и стоило огромных усилий сделать вид, что он не обратил на это внимания. Молодой человек наблюдал, как руки слуги с толстыми пальцами наливают вино в бокал, и сказал, принимая правила этой адской игры:

— Я тоже предпочитаю красное. Пино Нуар, Амароне, Гаме… все они пробуждают во мне интерес.

— А я и не знал, что вы такой искушенный, — последовал мягкий ответ. — Итальянское вино, затесавшееся среди французских? Если бы французы и итальянцы услышали это, находясь здесь, это могло бы развязать хорошую войну. Спасибо, Мартин, — последние слова он адресовал слуге. — Дай нам несколько минут перед началом трапезы, — он поднял свой бокал. — Могу я предложить тост, джентльмены? За ваше здоровье, за правду и за будущее.

— Прекрасный тост, — сказал Арчер.

Мэтью выпил с остальными. Выказал ли Фэлл какую-либо еще реакцию на *Амароне*? Или он лишь заметил, что это итальянское вино, затесавшееся среди французских? Он так не думал, но решил не спешить и не делать глупостей. После того, как кот выпрыгнет из мешка, его уже не затащить обратно, не пострадав от его когтей.

Фэлл поставил стакан на стол и тонко улыбнулся судье Арчеру. Мэтью почувствовал, что настал момент расплаты.

Фэлл произнес:

— Я могу представить, что вы за свою практику вели множество занимательнейших дел, сэр. Не доставите ли нам удовольствие рассказать о нескольких?

Этот фарс продолжался в течение следующего получаса, как в любом доме знатных лондонских господ, где собирались на подобные званые вечера и обсуждали последние новости, деловые вопросы, и прочие темы, которые обычно являются предметом разговоров за ужином. Подали салат из кальмаров и похлебку с моллюсками, и Фэлл настоял, чтобы его гости, по крайней мере, попробовали гарнир из отварных зеленых водорослей, присыпанных луковой крошкой. Профессор внимательно слушал, рассказ Арчера о судебных процессах, таких, как дело Зевулона Виттингтона, торговца рогами животных, который зарезал своего партнера до смерти бивнем дикого кабана; или дело Энн Кларк, вдовы, проявившей всю свою ненависть к людям, убив восемь человек с помощью отравленных грибов, которые она выращивала

у себя во дворе; или дело пресловутого красавчика Джорджа Паркера, цветочника, который бродил по окрестностям зажиточных районов Лондона, предлагая молодым девушкам ароматный букет, в центре которого был спрятан нож.

Когда судья закончил рассказывать, подали основное блюдо.

Огромная запеченная рыба-меч на блюде цвета морской волны запеклась до аппетитной корки на серебряной чешуе. Ее голова была удалена и заменена маской Альбиона с позолоченной бородой.

Блюдо поставили на стол, и Мартин показал всем своим видом, что он может быть не очень опытным в вопросе работы со штопором, но зато мастерски управлялся восьмидюймовым ножом.

— Боже, выглядит аппетитно! — воскликнул Фэлл, радостно приподнимая руки почти к самому лицу.

Мартин разделал рыбу-меч на стейки и подал порцию на каждую тарелку. Гарниром служил жареный картофель с луком и томатами. Сливочно-уксусный соус был подан отдельно, в специальных соусницах. Профессор взял свои приборы и приступил к трапезе.

Повисло долгое молчание. Арчер поймал взгляд Мэтью, и глаза его прищурились всего на мгновение, но Мэтью понял, что за невысказанный вопрос вертится в голове у судьи: *Кто знает, что будет дальше?*

— Вы, джентльмены, — сказал Профессор, на миг оторвавшись от своего яства и сделав глоток вина, после чего Мартин обновил бокалы и вышел из комнаты. — Очень образованные люди, не так ли? Или лучше использовать слово «*изобретательные*»? Ну, если бы вы не были достаточно изобретательны, вы не оказались бы здесь.

— Изобретательны, сэр? — переспросил Арчер.

По лицу Фэлла пробежала вспышка раздражения, но затем выражение его вновь вернулось в норму.

— Вы, возможно, захотите знать об одном из местных жителей. Достопочтенный Джон Майерс находится здесь уже два года. Я бы убил его за то, что его рука расстроила мои планы, но помимо биологических добавок я также питаю интерес к астрономии, поэтому он будет находиться здесь, пока не закончит книгу, которую пишет для меня по данному вопросу, в котором он достиг определенного успеха.

Мэтью осмелился заговорить.

— Я полагаю, эта книга станет настоящим кладезем знаний, если этому человеку дадут отведать щепотку того, что дали мне этим утром.

— В самом деле. Нет, ему действительно дают кое-что, чтобы помочь ему расслабиться и сбросить общественные сети, что сдерживают его, но это несколько другое… гм… зелье. Книга движется медленно, но верно. На самом деле, Джон вполне доволен содержанием здесь.

— *Содержание* на величину всей Атлантики отличается от *счастья*.

— О, не судите так быстро, мистер Арчер, сначала доешьте. Мне кажется, эта рыба буквально апеллирует к вам.

Арчер приступил к трапезе, и Мэтью понадеялся, что он был единственным, кто заметил, что руки судьи дрожат, но надежды эти были, скорее всего, пустыми. Вопрос состоял лишь в том: дрожь эта обоснована страхом, бессильной яростью человека, чья жена умерла в агонии из-за темных планов Профессора, или из-за какой-то отравы, которую незаметно положили ему в еду? Мэтью подумал, что скоро сумеет отсечь хотя бы один из вариантов.

— Сдается мне, Дантон, — сказал Мэтью. — Что ваши дела не так давно вляпались в дерьмо со всех сторон.

Фэлл рассмеялся, мягко закашлявшись.

— К сожалению, подмечено достаточно верно. Уильям, вы нашли себе грозного союзника в лице Мэтью Корбетта. Он представляет собой гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. Вы должны встретиться с двумя людьми, которые приехали из Нью-Йорка, чтобы отыскать его, это нечто. Правда, сделать это нужно будет в ближайшее время, потому что, когда их разум окончательно размякнет, от этого разговора будет толку не больше, чем от разговора с кухонной тряпкой.

Стремление протянуть руку, схватить со стола первый попавшийся предмет и броситься на Фэлла, охватило Мэтью, словно лихорадка. Он подумал, что бокал может вот-вот лопнуть от напряжения в его руке. Он посмотрел на кусок рыбы в своей тарелке, стараясь отвлечься и успокоиться, уносясь воспоминаниями в желанное прошлое. Ему все-таки удалось проглотить свой гнев и продолжить трапезу, хотя под волнами тихой ярости лицо его невольно изменилось.

— Скажите мне, — обратился Профессор к Арчеру. — Так к чему *на самом деле* был ваш маскарад? Что он в себе нес? Какой смысл несло в себе убийство шести мелких сошек, что работали на меня? У одного из них, насколько я знаю — у того, который состоял в одной из банд Уайтчепела — на руке была такая же метка, как у Мэтью. И… дорогой Мэтью, я уже говорил Вам, но лишний раз убедился: вы даром времени не теряете. Но не об этом сейчас. Скажите мне, судья Арчер, на что вы надеялись, пытаясь *зацепить* меня такими мелочами? Вы, похоже, многое

знаете о моей влиятельности. Почему было не подстеречь судью Чемберлена и не перерезать ему горло, когда он выходил из зала суда? Почему было не убить, к примеру, адвокатов — Эдвина Уикетта и Хамфри Маускеллера? Или… даже лучше… почему вы, одетый в костюм Альбиона, не заявились прямо в здание Парламента со своим мечом? Вы, наверное, знаете, по крайней мере, *троих* моих сообщников по именам. Я задаю вопрос: почему вы не убили кого-то, кто мог бы значить для меня больше и кто реально мог бы доставить мне проблемы на пару часов?

Фэлл улыбнулся Арчеру, держа на вилке кусок рыбы.

— А ответ прост, судья Арчер, — осклабился он. — Потому что вы *злы*.

Он съел свой кусок.

Арчер был недвижим, как скала.

— Да, злы, — повторил Фэлл. Улыбка его угасла. — Вы атаковали и убили шестерых человек, которые понятия толком не имели, в чем замешаны. Вы напали на людей, которые *не имели никакого значения*, а занимались лишь выполнением простых заданий. Разумеется, мне пришлось вытащить их из тюрьмы, это было вопросом чести. Но выслеживать и убивать *маленьких* человечков, когда большие цели разгуливают вокруг вас *каждый божий день*… это зло, Альбион. Могу ведь я вас так называть?

Арчер не ответил и вообще никак не отреагировал. Со своим замершим, немигающим взглядом он и вовсе казался мертвым — призраком жизни являлось лишь то, как медленно поднималась и опускалась его грудь в такт дыханию.

— *Альбион,* — повторил Фэлл, искривив рот в ухмылке. — Я понимаю, почему «Булавка» дала вам это имя, и я уверен, что вы по достоинству просмаковали его. Вы знаете значение этого слова, Мэтью? Я все равно расскажу. Альбион: великий мифический гигант и духовный защитник английской цивилизации. Звучит возвышенно и благородно, не так ли? Одинокий человек, который взял на себя смелость сопротивляться тому, что видит: той коррупции, которая поглотила страну, поэтому он решил убить шестерых глупых мальчиков на побегушках? Восьмерых, если учитывать двух человек, работавших на Матушку Диар. Я бы даже от души посмеялся, если бы не находил это абсолютно *жалким* зрелищем. Вашей настоящей проблемой были высокопоставленные люди с большими амбициями, которые мерились длиной своих членов и которых я в итоге купил с потрохами, апеллируя к их жадности и идиотизму! Какой толк был в ваших убийствах? Чтобы об этом написали в какой-то вшивой газетенке, которую раздают на улицах? Тысячи английских мальчишек погибли на войне за

чужеземное золото. Что с того? Разве вы принялись за «Белый Бархат», который на время смягчает душевную агонию у тех, кто живет под гнетом своих тяжелых будней и ищет любой способ сбежать от реальности и найти мир? Нет. Ох, Альбион… как вы разочаровали меня! Я ожидал начать с вами ожесточенный спор, ожидал великого вербального и ментального противостояния о настоящей природе злых и добрых дел, об истинной сути вещей, а получил только, как выражаются на улицах, фигу с маслом. Посмотрите на Альбиона, Мэтью! Узрите же его без маски, вот каков он на самом деле. *Альбион!* — голос Фэлла возвысился почти до крика. Голова Арчера повернулась к профессору, но глаза его ничего не выражали.

Профессор тихо спросил:

— Что скажете в свое оправдание?

Некоторое время Арчер не отвечал. Он сделал глоток вина, а затем произнес:

— Я виновен, полагаю. Виновен в том, что мне, будьте вы прокляты, не было наплевать.

— Прокляты будете *вы,* — был ответ. — Знаете, я ведь много о вас слышал. Что вы неподкупны, что вы человек так называемой чести, и что мне никак не использовать вас в качестве инструмента. Но теперь я вижу… вы даже не понимали природу *преступления*! Скольких человек вы повесили, представляя себе, как вешаете *меня*? Скольких человек, заслуживающих милосердия и правосудия, вы уличили в связи с империей Профессора Фэлла и отправили их за одно это в петлю? Я готов поспорить, даже руку дам на отсечение — да хоть обе — что вы и сами не понимали, от кого спасаете Англию! И вы действительно думали, что делаете что-то для *спасения* этой страны от нее же самой? А что было бы вашим следующим шагом? Начать отправлять в тюрьмы детей, которые жульничают, играя в кости на улицах, потому что так начинается путь к преступной жизни в Англии, поэтому лучше уничтожить такие намерения в зачатке?

Ответа не было.

— *Ха!* — хохотнул профессор, отправляя в рот еще один кусок рыбы, после чего опустил вилку и отставил тарелку в сторону, как будто его желудку уже стало тесно от угощений. — Преступление, — мягко проговорил он. — Вы убили шестерых мальчишек, пока крупные рыбы воевали за территории, а мои подельники работали в Парламенте. Всего шестерых мальчишек. Они не были преступниками, заслужившими *такой* кары. Вы пытались мстить не им. И вот вы смотрите прямо на меня!

Он покачал головой, наблюдая печальное молчание Альбиона.

— Я даже не знаю, что с вами делать, пока вы здесь. Хотя нет, знаю. Вы и Мэтью будете моими гостями на оперном выступлении завтра вечером, в восемь. После того, как представление закончится, судья Арчер, с вами поработают. Я не люблю людей, которые слишком хорошо осведомлены о моих делах, а вы и без того доставили мне достаточно неудобств. Поэтому с вами поработают, чтобы выяснить полный список человек, которые знают мое полное имя и описание. Мэтью мог проболтаться об этом Матушке Диар, но пришла эта информация от вас, он узнал это из вашего маленького стишка в «Булавке», выпуск которой Матушка Диар привезла с собой. Нам необходимо сжечь этот мост. После того, как я получу от вас информацию, я использую вас для экспериментов. Для каких — зависит от того, что вы мне предложите. Тогда я и решу, будете вы жить или умрете.

— Прелестно, — ответил Арчер с напряженной улыбкой.

— Прелестно, в самом деле. А теперь, если действовать по вашей схеме, я бы позволил вам свободно пройтись и убить всех читателей «Булавки», - лицо Профессора внезапно исказилось. — Вы мне *отвратительны,* — сказал он, взял салфетку с колен, отшвырнул ее на стол и встал. Стул шумно проехался по полу. В комнате моментально появился Мартин.

— Мы закончили, — объявил Фэлл. — Убирайтесь из моего дома, оба. И возьмите с собой свою маску, Арчер. Можете спать в ней сегодня и надеяться, что из преступника хотя бы во сне сможете стать героем.

Сказав это, профессор вышел из комнаты.

Мартин остался на своем месте, глядя на гостей исподлобья. Сообщение «убираться» из дома было вполне ясным.

Арчер поднялся со стула и потянулся к маске. Рука его замерла. Снова потянулась и остановилась.

Затем он болезненно вздохнул, все же протянул руку и забрал маску с выпотрошенной рыбы.

Глава тридцать восьмая

Ночь становилась холоднее.

Мэтью шел рядом с Уильямом Арчером прочь от дома Профессора Фэлла. Фонари освещали уличные знаки, иногда и в окнах мелькал случайный огонек.

— На какой улице вас поселили? — спросил Арчер.

— На Лайонфиш-Стрит. А вас?

— На Буллхед-Стрит. Это рядом с Трешер-Стрит.

Мэтью кивнул.

— Вы ведь знаете, что большинство жителей этой деревне отравлены наркотиками?

— Из того ограниченного количества этих жителей, что мне удалось увидеть, у меня закралось такое подозрение. Я знаю, что здесь есть охранники, но как Фэллу удается держать всех такими послушными без наркотиков? — он несколько секунд помолчал. — Полагаю, став одним из объектов эксперимента, скоро я об этом узнаю.

— Да, — только и сумел сказать Мэтью.

— Хм. В моем доме есть бритва. Возможно, мне стоит просто…

— Я сомневаюсь, что она все еще будет там, когда вы вернетесь, — Мэтью вдруг остановился. То же сделал и Арчер. Они посмотрели друг другу в глаза, стоя посреди улицы, вокруг выл холодный осенний ветер, а практически полная луна яркой лампой светила на небе в окружении маленьких светляков звезд. — Я представляю, что вы, пожалуй, могли бы найти быстрый способ покончить с собой, если б захотели, — покачал головой Мэтью. — Можете даже думать, что это будет мудрым решением, чтобы защитить свои контакты, а также… чтобы защитить Стивена. Они ранили его, когда забирали вас из госпиталя? Я так понимаю, это был именно тот молодой человек, который, по словам Матушки Диар пытался помешать забрать вас.

— Это был не Стивен. Это был кое-кто другой. Муж одной из медсестер, я думаю. Я сказал Стивену, чтобы он шел домой, чтобы отдохнул, а потом возвращался, если будет время. К счастью, он воспользовался советом своего отца.

— Рад это слышать. Стивен рассказал вам, что он посвятил меня во все подробности… я бы не назвал это *планом*… я даже толком не знаю, как это назвать, но могу охарактеризовать эти действия одним словом — «*отчаяние*»…

— Он сказал мне. Я с трудом мог слушать, потому что то терял сознание, то приходил в себя, но суть я уловил.

Мэтью посмотрел на луну, окруженную россыпью звезд, завораживающих своим блеском, затем вновь обратил свое внимание на судью и качнул головой.

— Как вы *вообще* могли подумать, что это может сработать? Использовать наживку, чтобы привести Фэлла в «Трех Сестер», где вы надеялись убить его на улице Флинт? Вы образованный и умный человек, как и ваш сын. Как вы могли решиться на такое безумие?

— Это могло сработать. Хотя бы частично.

— Вместо того, чтобы привести Фэлла на вашу территорию, оно привело *вас* в его владения. Если это успех, то я, похоже, потерял смысл слова «*неудача*», - Мэтью почувствовал, как в лицо ему ударил жар. — И как вы *посмели* вообще использовать меня таким образом! Заточили меня в Ньюгейт… потом напали на нас в Уайтчепеле… и… все остальное. *Всё это!* — воскликнул он, поднимая руку с меткой Черноглазого Семейства прямо к лицу Арчера.

— Да, — выдохнул судья. Глаза его стали жесткими, а мышцы лица напряглись. — Я уже видел этот символ раньше. На теле молодого человека, который послужил причиной смерти моей Хелен.

— Возможно, вас утешит тот факт, что вся банда, в которой состоял Джошуа Оукли, сократилась до одного единственного члена: меня. Они все мертвы, все, кроме их лидера, были убиты рукой того же человека, кто вырезал семью судьи Фэллонсби. Фэлл называет его одержимым или бесноватым. Кто-то, кто пытается работать на территории Профессора и кто разграбляет склады с «Белым Бархатом». Лидер этой банды был убит на моих глазах Матушкой Диар, и пусть у него был скверный характер, он был хорошим человеком, который точно уж не заслужил такой смерти. Да и своей тяжелой жизни тоже не заслужил. Теперь профессор схватил двух моих друзей — простите… оговорюсь — моего *лучшего* друга и женщину, которую я люблю. Он привез их в эту деревню и проклял оба из разума, отравив их наркотиками, и ни один из них не может теперь даже узнать меня!

Мэтью приложил руку ко лбу, ощутив волну легкого головокружения. На несколько секунд он почти поддался панической мысли, что его снова чем-то отравили, но затем он понял, что все еще контролирует себя и свое тело, поэтому весь яд, который сейчас находился в нем — это лишь яд сложившихся обстоятельств. Он вздохнул.

— Я привык находить решения проблем. В прошлом я бывал в

трудных ситуациях, в которых мозг у меня буквально раскалывался на кусочки, но я *всегда* находил решение. А на этот раз… я не могу его найти, — он опустил руку. — Если кто-то здесь и имеет право сдаться и уйти из жизни добровольно, так это я, — молодой человек устало опустил взгляд. — Я послужил причиной самым худшим вещам, которым не должен был позволить случиться, и я бессилен это изменить. Единственное, что я могу сделать, это подождать еще минуту, час и день, надеясь, что какой-то выход все же придет мне в голову, и я смогу спасти своих друзей. Поэтому… если хотите убить себя, вы можете найти способ, но это лишь *докажет*, насколько вы ошибались во всем, — он сделал паузу, позволяя собеседнику осмыслить сказанное. — Возродите свою гордость из пепла, сэр. Продержитесь еще какое-то время.

— Мне все равно дадут всего лишь день.

— Думаю, множество людей, которых ожидало повешение после вашего приговора, смотрело на свой оставшийся день так, чтобы вытянуть из него все самое лучшее. Даже профессор верит, что вы человек крутого нрава и не опуститесь до такого малодушного поступка, как самоубийство. Иначе он не позволил бы вам покинуть дом.

— Ваша правда, — тихо ответил судья. Он огляделся вокруг, окинув взглядом маленькие дома, и в этот момент Мэтью истинно мог прочесть мысли этого человека: он видел, что его разум — пусть и горящий и занятый переносимой болью от ранения — начал работать над проблемой. Альбион не мог сойти со сцены так просто. — Сегодня днем я прогуливался вдоль стены, — проговорил Арчер задумчиво. — Я увидел очень хорошо охраняемые главные ворота, а также задние ворота над утесами. Обрывы там коварные, но я заметил, что дорога оттуда тянется на четверть мили вниз, к защищенной гавани. Две рыбацкие лодки и еще одно судно причалило туда. Как вы думаете, есть шанс взорвать ворота и добраться до лодок?

— Мне необходимо взглянуть, — ответил Мэтью, хотя уже и представил, насколько это будет трудно. Даже если бы сами лодки не охраняли… *запертые ворота… охранники, патрулирующие стены, вооруженные мушкетами*. А прутья выглядели слишком мощными — даже мощнее тех, которые мог согнуть Черный Дикарь. Но даже если каким-то чудом Арчеру удалось бы добиться успеха в столь сомнительном мероприятии, Мэтью никогда бы не бросил Хадсона и Берри, чтобы спасти свою собственную шкуру. Он не уйдет без них, пусть даже ему просто предложат спокойно выйти через открытые ворота.

Арчер глубоко вздохнул. Он некоторое время стоял, опустив

взгляд себе под ноги, затем поднял глаза и произнес:

— Мэтью, я скажу вам ту же самую вещь, что сказал моей Хелен: я искренне и глубоко сожалею и смиренно приношу извинения.

— Это и придется делать, я полагаю, — нахмурился Мэтью. — Вы извинялись перед своей женой… за что? За несчастный случай?

— Нет. За то, что дал ей слишком большую дозу опиума в последнюю ночь. Я не мог видеть ее страдания ни днем дольше. Врачи сказали, что неизвестно, сколько она продержится, — лицо Арчера вновь превратилось в сдержанную маску, которая была настолько тесной, что свободы в ней не было ни на дюйм. — Стивен не знает, что я… завершил ее страдания. Теперь вы понимаете, — невесело усмехнулся он. — Я *действительно* убийца.

Мэтью при этом видел перед собой не убийцу, а человека, на чью долю выпали тяжелые испытания, сделавшие его узником клетки из его собственных костей.

Словно в такт этой мысли, глаза Арчера будто бы отдалились, сев глубже в глазницах, как если бы он отчаянно пытался спрятаться хоть где-то от этой мрачной действительности. Когда он снова заговорил, в его голосе шуршал грубый гравий боли.

— Я, пожалуй, пойду. Доброй вам ночи.

— Доброй ночи, — отозвался Мэтью, но остался на своем месте, провожая взглядом удаляющегося по ночной улице Арчера с маской Альбиона в руках. Пока он не свернул влево, молодой человек не переставал смотреть ему вслед.

В своем доме на Лайонфиш-Стрит Мэтью не смог уснуть — словно Королева Фей Спенсера бросила ему в нос свою волшебную пыль и лишила сна. Он сидел в кресле в комнате и нервно перебирал пальцами, в то время как в его воспаленном сознании кочевали из стороны в сторону, скача, как дикие животные, мысли.

Возможно, миновал час? Или уже два проползло мимо? Свеча в фонаре почти догорела. Мэтью не имел возможности зажечь новый, а в оставшемся тусклом свете он не сумел бы разглядеть циферблат карманных часов. Да и слежка за тягучими, как патока, минутами, была для него пыткой. Мысли его занимала Берри, живущая в мире своих мирных фантазий, пока наркотик медленно превращал ее разум в кашу… и Хадсон… Великий человек, который был обращен в запуганного зверя, прячущегося в темноте от кошмаров, которые его преследовали ежеминутно.

Господи, это уже слишком!

Он сидел в темноте, при свете луны, что лился окна — сейчас

это был его единственный компаньон.

Ему хотелось пойти к Берри, обнять ее, поцеловать и сказать ей, что все будет в порядке, но это было бы самой наглой ложью на свете. И ведь, посмотрев на него, она снова увидит Эштона Мак-Кеггерса… или какой-то другой фантом, который нарисует ей ее *отравленное воображение.*

А в конце ее развитие деградирует до уровня младенца в колыбели, и я могу позволять вам качать эту колыбель время от времени.

Это был отвратительно. Он предпочел бы рухнуть перед Фэллом на колени, поставить голову под его топор и позволить медленными ударами тупого лезвия убивать его, лишь бы не наблюдать эту медленную смерть Берри Григсби!

Она для вас потеряна навсегда, потому что даже если ей прекратят давать это вещество тотчас же — чего не произойдет — она не сможет выздороветь без постоянного и тщательного применения противоядия.

Противоядие. Его рецепт должен быть записан в книге Джонатана Джентри, но где эта книга? Хранится в местной больнице? Здание, похоже, пустовало, когда Мэтью проходил мимо него. Но если бы он мог проникнуть в больницу… найти записи… если бы эти записи был там… и если в них есть формула противоядия… чтобы она была четко обозначена… если… если… если …

Он не был химиком. А что, если найти Риббенхоффа и заставить его сделать антидот? *Риббенхофф*. Еще один чертов пруссак?

Постоянное и тщательное применение, сказал профессор.

Что именно это значит? Один раз в день в течение недели? Четыре раза в день в течение четырех недель? Шесть раз в день в течение шести недель? Это было невозможно.

Мэтью наклонился вперед и обхватил голову руками. Он почти плакал, чувствуя, что разрывается на части, хотя никакой наркотик был здесь ни при чем. Нет, профессор хотел, чтобы его разум остался чистым, а глаза открытыми, чтобы он был свидетелем того, как медленно будут погибать люди, которые значили для него больше всех на свете.

Ему нужно было выпить.

Не теряя ни минуты, он поднялся и надел свои плащ и треуголку. Его не волновало, который сейчас час и сколько времени осталось гореть фонарю. Он просто вышел из дома и направился к площади.

Деревня совсем затихла, ни в чьих окнах не горел свет. Он видел движение фонарей на постах охраны, где солдаты

преступной армии Фэлла патрулировали территорию, бродя из стороны в сторону. Конечно, Фэлл заплатил им прекраснейшую сумму за такую пагубную работу, или же, возможно, он расплачивался другой валютой? Например, в дополнение к еде, крову и питью он позволял им развлекаться с отравленными наркотиками и ничего не понимающими жительницами Прекрасной Могилы — другой ценности местные женщины, похоже, не представляли. Мэтью потряс головой, стараясь стряхнуть с себя мысли о группе мужчин, бросающихся на глупо улыбающуюся и онемевшую от отравы Розабеллу или мадам Кандольери… в голову врывались образы негодяев, пускающих в ход свои мушкеты, уничтожающие невзрачное препятствие в виде Ди Петри. Мэтью попытался отбросить эти картины как можно дальше, потому что они пугали его до невозможности, чего Фэлл, видимо, и добивался.

Мэтью вырвался из раздумий, когда вдруг увидел фигуру с фонарем, идущую ему навстречу.

Фигура замедлилась, а после и вовсе остановилась посреди улицы.

Кто это был? Приземистая, хотя плечистая и грозная фигура. Двигался этот человек быстро, явно преследуя какую-то цель. Охранник шел на службу? Нет, в лунном свете не показался мушкет. Фигура была одета в темный плащ с капюшоном. Женщина, подумал Мэтью. Хотя и с мужской походкой? А потом ветер прокатился по улице, взметнул плащ фигуры и сбил капюшон, после Мэтью увидел ватное облако белых волос.

Матушка Диар. Явно направлялась куда-то в спешке.

Но не к дому профессора.

Скорее, к стене, которая шла вдоль морских скал.

Он стоял неподвижно. Сколько времени сейчас было на часах? Луна постепенно перемещалась. Мэтью казалось, что сейчас было около трех часов ночи.

Куда могла идти Матушка Диар в такое время? Интересно, подумал он. Впрочем, чем задавать вопросы, проще проследить за ней и найти ответы. Не было никакого толку сидеть в этой чертовой таверне, пока Хадсон живет в плену своих кошмаров, а часы Берри медленно утекают.

Быть по сему.

Он отправился на охоту, все его чувства обострились.

Мэтью последовал за женщиной, держась на безопасном расстоянии. Он заметил охранника, идущего навстречу, и пришлось пригнуться, укрывшись между домами, но предосторожность вышла лишней: охранник и так отвернулся, тем самым позволив молодому решателю проблем возобновить

слежку за Матушкой Диар.

Мэтью не пришлось идти за ней слишком далеко: уже вскоре он стал свидетелем довольно интересной сцены — эта грузная женщина встретилась с кем-то, кто ждал ее возле задних ворот, которые упомянул Арчер. Неизвестный человек — довольно внушительных габаритов — тоже держал фонарь. Они несколько минут постояли, перебросившись парой слов, а затем направились вверх по лестнице к посту охранника.

Мэтью постарался устроиться так, чтобы увидеть как можно больше их передвижений. Матушка Диар со спутником двигалась вправо. Они подошли к охраннику, с которым тоже завязали разговор. Спутник Матушки Диар попросил охранника отойти, а затем он продолжил что-то говорить, а стражник повернулся спиной морю.

А потом…

… Матушка Диар подошла к краю стены, который выходил на море, быстро подняла фонарь и сделала им определенное движение в воздухе. Это заняло всего секунду, после чего она опустила его и вновь присоединилась к беседе, которую вел с охранником ее спутник.

Мэтью прищурился. Ему показалось, или жест, который она изобразила фонарем, был похож на перевернутый крест?

Она подавала кому-то сигналы. Был этот сигнал увиден, был ли на него ответ — он не знал, но в том, какой символ увидел, был четко уверен.

Что это значит?

Матушка Диар и неизвестный человек спустились с поста тем же путем, которым пришли. У Мэтью было непреодолимое желание узнать, что это за человек. Он мог сказать, что отправился на прогулку и случайно натолкнулись на них. Да, это могло бы сработать.

Молодой человек направился к ним. Может, стоит поднять руку и поздороваться? Он подходил ближе. Уже собирался показаться у них на пути…

Чья-то ладонь зажала ему рот, другая завела ему правую руку позади за спину и, заставив согнуться, втащила прямо за угол, чему пришлось повиноваться.

— *Тихо,* — прошептал голос прямо ему в ухо.

Глава тридцать девятая

Матушка Диар и ее спутник прошли мимо. В свете фонарей Мэтью подумал, что человек мог быть Мартином — слугой из дома Фэлла, но он не был в этом уверен. Кто-то продолжал зажимать ему рот, а правая рука его все еще была заведена за спину — так, что могла вот-вот сломаться.

Через несколько секунд после того, как пара удалилась из виду, рот и руку Мэтью освободили. Он повернулся и столкнулся лицом к лицу с нападавшим.

— Какого черта ты здесь делаешь, идиот?! — прошипел Джулиан Девейн недовольным шепотом.

— Гуляю, — буркнул Мэтью себе под нос, морщась от боли в пострадавшем плече. — Это разве запрещено?

— По-моему, ты следил за Матушкой Диар и Мартином.

— Правда? И почему же тебе так показалось?

— Потому что, — нахмурился он. — *Я* следил за Матушкой Диар. И я увидел, как ты тоже пошел по ее следу.

— Я просто гулял, вот и все, — Мэтью подумал, что ему следует подтянуться в навыках слежки и быть внимательнее. Он ведь даже не заметил, что кто-то следует за ним.

— Ты глупый *пижон*! Слишком много себе думаешь! Я мог вышибить тебе мозги уже сотню раз, а ты бы и сообразить не успел, откуда прилетела пуля.

— Спасибо за наблюдение. А теперь я пойду.

— *Нет,* — Девейн ухватил Мэтью за отворот плаща и толкнул его к стене, после чего молодой человек понял, что его путь отрезан. — Что ты только что видел?

— Прости?

— Не изображай из себя слабоумного! Ты что-то видел. Что именно?

— Я не понимаю, о чем…

— Корбетт, *слушай* меня, — рука Девейна дернулась, будто собиралась вместо плаща Мэтью плотно сомкнуться на его горле. — Я собираюсь кое-что сказать тебе. У тебя хватит мозгов понять, что я тебе говорю?

— Пока что ты не сказал ничего.

— Слушай меня. Я работаю на Матушку Диар уже больше года. За последние три месяца она изменилась. Стала… я не знаю… лучшее слово, которое подходит для описания, это… *помешанной.*

— О, а до этого она была мирной здравомыслящей дамой?

— Все началось с малого, спустя некоторое время после того, как она покинула Остров Маятник, — продолжил Девейн. — Сначала она начала терять концентрацию… что-то путала в делах, забывала какие-то детали… это было *не похоже* на нее. Иногда она пропадала на несколько дней, никому не говоря, куда отправляется и где ее искать. Причем, уходила *одна*, без телохранителей. Что опять же… не в ее природе.

— Пощади меня, — качнул головой Мэтью. — Мне прискорбно слышать, что такая милая леди теряет свою концентрацию время от времени и хочет уйти от своих одиозных телохранителей… но, может, она просто хочет пройтись по Флит-Стрит и сделать покупки, как обычная, *нормальная* женщина?

— Да прекрати уже изображать из себя придурка! Ты работаешь на это чертово агентство «Герральд», значит, должен быть гребаным *умником*! Я снова спрашиваю тебя… что ты сейчас видел?

— Два вопроса в ответ на твой: зачем ты мне все это рассказываешь и почему тебя так волнует то, что я мог увидеть?

— Ты говоришь так, словно уже связал все это в узел, — сказал Девейн. — Я тебе скажу вот, что: Матушка Диар, возможно, вляпалась во что-то опасное.

— Я бы сказал, что это очень сдержанное высказывание.

— Я имею в виду, вляпалась во что-то, что может угрожать профессору.

Мэтью собирался швырнуть еще один самородок остроты в лицо Девейну, но вдруг осознал, *что* ему секунду назад сказал этот человек — особенно после увиденного перевернутого креста, показанного Матушкой Диар кому-то в море.

Мэтью вздохнул:

— Я видел, как она подняла фонарь по прямой линии, а потом провела фонарем слева направо у самого основания этой линии.

— Правильно. И я так понимаю, ты знаешь этот символ?

— Да, — ответил Мэтью.

Девейн отпустил его плащ. Он бросил взгляд в ту сторону, куда ушли Матушка Диар и Мартин, обернулся на крепостную стену и только после этого снова посмотрел на Мэтью. Его лицо было скрыто темнотой, но Мэтью заметил тревожный блеск в его глазах, сверлящих его из-под треуголки.

— Мне кажется, она теряет рассудок, — сказал он.

— В самом деле? А она не потеряла его много лет назад?

— Может, и потеряла. Может, она просто очень хорошо скрывала это, а сейчас ее безумие вырывается наружу.

Мэтью не мог ручаться за ответ, потеряла эта женщина

рассудок или нет, его волновало другое: если этот сигнал в виде перевернутого Распятия имел какое-то отношения к монстру, который приказал вырезать все Черноглазое Семейство, он поклялся честью заставить убийц ответить за это.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

Девейн колебался, словно решая, можно ли идти дальше по этому пути.

— Ты начал это, — подтолкнул Мэтью. — Так продолжай.

— У меня комната на чердаке в доме на Сьюард-Стрит. В доме Матушки Диар, — пояснил Девейн. — Еще в октябре она ушла на четыре ночи. Сказала своим людям, что охранники ей не нужны, наняла экипаж и уехала. Как я и говорю, это не в ее привычках. Но мы тогда подумали, что это ее личное дело, а нам платят не за то, чтобы мы задавали вопросы. Но… однажды ночью меня разбудил какой-то шум на крыше прямо над моей головой. Он доносился сверху, как будто кто-то танцует.

— Танцует, — повторил Мэтью.

— Топает и ходит туда-сюда, на самом деле. Я поднялся по лестнице на крышу и увидел там Матушку Диар, танцующую с бутылкой рома в руках. Она была явно пьяна, даже парик слетел.

— Парик?

— Да. Под ним у нее обожженный скальп с множеством шрамов. Я никогда не видел этого раньше, только слышал рассказы. В любом случае, я приблизился к ней и спросил, могу ли что-нибудь сделать. Она сказала нет, приказала уходить и оставить ее в покое. Но она чему-то очень счастливо… ухмылялась. Но при этом казалась… я бы сказал, она находилась в каком-то *бреду*.

— И ты оставил ее там?

— Оставил. Но перед этим я оглянулся, потому что она окликнула меня по имени. Когда я откликнулся, она сказала, что ее отец вернулся за ней.

— Ее *отец?* — Мэтью вспомнил, что о своем отце ему рассказывала эта женщина. В частности то, что ее отец был ей *неизвестен*.

— Так она сказала. Я пошел назад и оставил ее одну. После этого было еще несколько случаев, когда она пропадала на несколько дней. Последний был за неделю до того, как она отправила меня, Стоддарда и Гинесси караулить тот цирк.

Мэтью хмыкнул. Это было очень странно. Он вспомнил рассказ Матушки Диар: она говорила, что была в том цирке за неделю до его поимки.

Ее отец, что водил дочку на представление?

Отец…

— Она сказала, что понятия не имеет, кем может быть ее отец, — сказал он. — Кроме…

Он остановился, потому что остаток истории вспоминался молодому человеку не без труда.

Грязная Дороти… с изъеденным проказой и скрытой вуалью лицом… постепенное разрушение ее публичного дома… безумие, борьба с судьбой… а потом был тот самый пугающий рассказ, который пришлось выслушать маленькой девочке о своем отце.

Она сказала, что мой отец приходил к ней в течение трех ночей. На первую ночь он появился в образе черного кота с серебряными когтями. На вторую ночь — как жаба, которая потела кровью. А на третью… в комнате посреди ночи… он явился в своем истинном образе, высокий и худой, греховно красивый с длинными черными волосами и черными глазами, в центре которых горел красный огонь. Падший ангел, как он сам себя назвал…

— Кроме кого? — раздраженно спросил Девейн.

— Ничего, просто думаю, — качнул головой Мэтью.

— Ты это часто делаешь. И куда это привело тебя в жизни?

— А куда твоя жизнь привела *тебя?* — парировал Мэтью.

Девейн не ответил. Его рука взметнулась, и Мэтью подумал, что сейчас он снова схватит его за плащ, но Девейн, похоже, передумал и вновь опустил руку.

— По крайней мере, — сказал он с досадой в голосе. — Мне не приходится смотреть, как разум близкого мне человека превращают в пудинг.

— О! Так тебе не на всех наплевать?

И снова — ответа не последовало. Тяжелое молчание затягивалось.

Мэтью нарушил его.

— Итак, к сути. Ты видел тот же сигнал, что и я. Если ты подозреваешь, что матушка Диар может быть двойным агентом, почему ты не скажешь об этом профессору?

— Двойным агентом? Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду то, что имеешь в виду и ты, но я все равно скажу это, хотя ты производишь впечатление более умного человека, чем пытаешься показаться. Ты подозреваешь, что Матушка Диар имеет какие-то дела с тем, кто убивает людей Фэлла и крадет «Белый Бархат». Одержимый, как его описывает сам Фэлл. Она подала сигнал в виде перевернутого креста, направила этот сигнал в море. Зачем бы ей это делать?

— Кто-то видел этот сигнал с корабля.

— Разумеется. Она же не рыбе этот сигнал посылала. Мартин позаботился о том, чтобы отвлечь внимание охранника от ее действий, то есть, Мартин тоже в этом замешан… что бы это ни

было.

— Мне не нравится то, что ты говоришь.

— Нравится или нет, — пожал плечами Мэтью. — *Что-то* происходит. Почему ты решил следить за ней?

Девейн некоторое время не отвечал, и Мэтью понял, что он уже и так перешел все границы допустимого в вопросе разглашения информации. Но когда Девейн чуть покачнулся, он, похоже, принял решение, по какому пути идти. Он сказал:

— Я не очень хорошо сплю, поэтому…

— Интересно, почему, — перебил Мэтью.

— Ты хочешь, чтобы я рассказал тебе все, или нет? — огрызнулся Девейн.

— Сейчас я думаю, что я единственный, кому ты *можешь* это сказать, иначе ты бы не стал. Так давай. Только по какой-то причине у меня от твоего голоса челюсть болит.

Девейн продолжил, не обратив внимания на последнее замечание.

— Я пошел в таверну прошлой ночью примерно в это же время, — сказал он. — Матушка Диар и Сэм Стоддард сидели там за столом друг напротив друга и разговаривали. Они были одни, присутствовал еще только хозяин. За их столиком был пустой стул, поэтому я решил присесть к ним. Перед тем, как я вытащил стул, Матушка Диар посмотрела на меня и сказала, что у них очень важный приватный разговор. Ее глаза выглядели… странно.

— А они не всегда такие?

— Они казались… далекими. Словно она была не здесь. И еще… не знаю… острыми, что ли. Очень колкий взгляд. Стоддард ничем не лучше меня. Он работает с ней уже около двух лет, но он не лучше. По факту, он полный олух.

— Ну, разумеется.

— Так что я сел, заказал себе вина и подумал, почему меня отшили… а ведь меня отшили, и я никак не мог этого понять. Я наблюдал издали за их разговором, но ничего не слышал. Что-то во всем это было неправильно, особенно учитывая все то, что случилось. Они вышли из таверны, и я проследил за ними. Они сделали то же самое, что сегодня Матушка Диар сделала при Мартине, — рассказал Девейн. — Стоддард занял ближайшего охранника, отвлек его внимание, а Матушка Диар подала тот же сигнал кому-то в море. Дьявольский Крест. Так ведь он называется? Как тот, что вырезали на…

— Да. Я видел тела.

— Верно. Итак, сегодня я снова пошел в таверну. Я прошел мимо ее дома и увидел, что внутри движется свет. Я решил подождать и посмотреть, выйдет ли она, и она вышла, после чего

ты встал между нами.

— Понятно.

— Это не все. Несколько недель назад Стоддард и я были на сборе выплат. Принуждали нескольких идиотов-политиков заплатить еще две сотни фунтов сверху. Идиот ввязался в сексуальные игры с одной молодой шлюхой и забил ее до смерти. К несчастью для него, она не была *никем*, у нее была мать и двое маленьких детей, которые ждали ее дома.

— Избавь меня от подробностей твоей жизни, — поморщился Мэтью.

— По пути, — кивнул Девейн. — Стоддард спросил меня, доволен ли я работой на профессора. Он бросил комментарий, что профессор теряет хватку, и что недолго досталось ждать того момента, когда ему придется выйти из своего укрытия. Я помню это очень хорошо… Стоддард сказал — высказал только свое мнение — что профессор слабеет, и спросил, как долго я еще собираюсь работать на человека, чье предприятие вскоре окончательно разрушится.

— И что ты ответил?

— Я сказал, чтобы он следил за своим языком, потому что Матушка Диар отрежет ему этот язык, если услышит хоть слово из того, что он сказал.

— Он ответил на это что-то?

— Он сказал, что я могу удивиться тому, что сделает Матушка Диар, и что у нее есть свои планы, включающие в себя и профессора. Больше он ничего не сказал. Мы к этому не возвращались. Я считаю, он пытался проверить воду и понял, что она холодная.

— Согласен, — сказал Мэтью. — Ты не говорил об этом Фэллу?

— Господи, нет! С одной стороны потому, что это первый раз, когда я оказался с ним в непосредственном контакте. А во-вторых… сделать это заявление — значит пройтись по голове Матушки Диар. Здесь есть своя иерархия, ты не просто ходишь туда-сюда по улицам профессора.

— И ты думаешь, что если ты сделаешь такой запрос, она захочет знать, почему?

— Конечно, она хочет знать, почему! Она умная женщина. И хитрая, надо отметить. Она сразу поймет, если я солгу ей, и узнает сразу, если я захочу вдруг встретиться с профессором лично. В любом случае мне нужно позаботиться о порядке в нашем собственном доме.

— И, я полагаю, ты не сказал никому из своих товарищей об этом, потому что не знаешь, кому из них можешь доверять?

— Точно. И если это дойдет не до тех ушей… хоть одно слово, меня пустят на корм собакам, а остальное развеют по ветру.

Мэтью кивнул. Луна переместилась, но Мэтью все еще не мог видеть в ее свете лицо этого человека, он ловил только блеск в его глазах.

— Ты не думаешь, что это забавно, Девейн? Ты, который привез меня и Рори Кина к Матушке Диар на прицеле, теперь спрашиваешь моего мнения по поводу того, как тебе поступить?

— Кто сказал, что я спрашиваю твоего мнения?

— Именно это ты и делаешь, так или иначе. Но если не хочешь моего мнения, будь добр отступить в сторону и позволить мне отправиться в мою прекрасную… кровать.

— Я не знаю, какого черта я вообще остановил тебя, — прорычал Девейн, внутри него взметнулась злость. — Надо было позволить тебе хорошенько влипнуть.

— Возможно, надо было. Я не могу представить, чтобы мой собственный расклад ухудшился.

Девейн все еще не отходил.

— Мое мнение, — сказал Мэтью. — Состоит в том, что тебе нужно добыть книгу с записями ядов и антидотов, которая спрятана где-то здесь. Затем освободить Хадсона Грейтхауза из его клетки в подземелье профессора. После этого иди к стойлам, которые тоже должны где-то здесь быть, бери лошадь и уезжай, а когда покинешь это проклятое место, удостоверься, что ворота останутся открытыми, чтобы тот, кто захочет, также мог сбежать отсюда. Убирайся прочь — туда, где сможешь начать новую жизнь, и никогда не оглядывайся. Твоя проблема здесь уже решена, и, заметь, за свою работу я не возьму с тебя ни шиллинга.

— Ты знаешь, что я не могу сделать этого.

— Ты свободен следовать моему совету или нет.

— *Свободен,* — фыркнул Девейн. — Ну, конечно.

— Мы все сами себе роем могилу — прекрасную или нет. Так что решать тебе. А я сейчас собираюсь вернуться в окружение четырех комфортных стен и скажу тебе доброй ночи… или … даже, скорее, доброго утра.

После легкой заминки Девейн отступил в сторону с пути Мэтью и больше ничего не сказал, когда молодой человек прошел мимо него в направлении Лайонфиш-Стрит.

Голова Мэтью была переполнена. Матушка Диар подает сигнал в море в форме Дьявольского Креста? Он *действительно* это видел? И все это… о ее отце… вкупе с тем, что говорил Стоддард, проверяя верность Девейна.

Что с этим делать?

Была ли возможность, думал он по пути, что эта сцена связанна с *выскочкой* — как назвал Фэлл этого игрока — и Матушка Диар ведет с ним какие-то дела против собственного хозяина?

Если так, то…

… то Матушка Диар не просто знала о том, что произошло на складе Семейства, она несет ответственность за эти убийства. Также, похоже, она рассказала этому неизвестному человеку о том, где в городе хранится «Белый Бархат».

Возможно ли такое?

Быть может, она точит зуб на Фэлла за то, что он отстранил ее от управления борделями и передал это дело Натану Спейду… а это ведь было для нее особенно важным пунктом, ее амбицией, ее безумием… и все это, связанное с ее матерью и отцом…

Да, подумал Мэтью. Это возможно.

Если только Девейн говорил правду. Но, судя по всему, выходило именно так. Он не знал и половины истории, но подумал о том, что стоит чтить свою преданность Профессору Фэллу, чтобы ему не перерезали горло.

Но почему сигнал? О чем говорит этот сигнал? А еще важнее, *кому* он отправляется?

Внезапно его осенила мысль, что можно использовать эту тишину в своих целях. Разве сможет он снискать благословения и уснуть хотя бы на час? Не лучше ли будет повернуть на Редфин-Стрит и найти дом Берри?

Он подумал о ней, о спящей. Снится ли ей сон о нем? Она хоть помнит еще его имя?

Я верну тебя, поклялся он. *Как-нибудь, но я найду способ вернуть тебя.*

Но… не сегодня.

Мэтью вернулся на Лайонфиш-Стрит — одинокая фигура, идущая по молчаливой деревне под мерцанием звезд.

Глава сороковая

Стоило отдать должное, профессор был истинным ценителем прекрасного.

Когда Мэтью подошел к театру около восьми часов в сопровождении кажущегося ожившим трупом Харрисона Коупланда, он не смог не отметить, что зал в честь выступления мадам Кандольери существенно преобразился. Целая бригада фонарщиков поработала над украшением, поэтому диве предстояло выступать в полном блеске: по крайней мере, десяток фонарей — помимо украшения самого зала — вывесили и на улице, на кромке крыши театра. Также планировалось запускать фейерверки.

Неподалеку от здания стояли небезызвестные музыканты: два местных скрипача и аккордеонист. Пусть их музыка нисколько не подходила в качестве аккомпанемента оперной диве, она вполне годилась — подумал Мэтью — чтобы обеспечить вполне уютную и приятную атмосферу в таверне. К слову сказать, молодого трубача и девушку с бубном в составе труппы Мэтью сегодня не увидел.

В театр медленным и довольно внушительным потоком затекали горожане, большинство из которых предпочло принарядиться к этому особому случаю, об этом выступлении говорили в «Знаке Вопроса?» — Мэтью даже видел широкий транспарант с объявлением о мероприятии сегодня в таверне, когда нехотя явился туда, чтобы перекусить. Особым и *единственным* блюдом, которое сегодня предлагали на обед, был крабовый суп и печенье. Что касается транспарантов — печатник, создававший их, проделал большую и заслуживающую уважения работу с итальянским языком, перечисляя программу *Великого Вечера с Мадам Алисией Кандольери*, представляющей арии из опер «Дафна», «Орфей и Эвридика», «Трагедия» и «Фортуна» сегодня в восемь часов в Городском Театре.

Мэтью никогда не посещал оперу и не знал, чего ожидать. Он только знал, что собирается слушать отрывки из четырех опер без музыкального сопровождения, а дальше… кто знает, чем еще обернется этот вечер — в обители Фэлла можно было ожидать всего, чего угодно. Во всяком случае, он был готов к фейерверкам.

Он вошел внутрь с Коупландом, молча державшимся позади него, и повесил свой плащ и треуголку на крючки в прихожую рядом с теми вещами, что уже висели там.

Главный зал освещало множество свечей в настенных

подсвечниках, а аудитория насчитывала уже около тридцати человек. Мэтью увидел стоящего неподалеку от него Профессора Фэлла в элегантном черном костюме с золотыми пуговицами на пиджаке. Он был занят разговором с крупным седовласым господином — также элегантно одетым — в компании седовласой женщины, а между ними…

К полнейшему шоку Мэтью, сердце которого совершило огромный скачок и отдалось ударом с резким давлением где-то в горле, там стояла Берри, но это была Берри, которую никогда в жизни не узнал бы ее дед… да и сама она никогда не признала бы себя сейчас, взглянув в зеркало. Ее волосы были уложены в сложную прическу с медными *послушными* завитками, посыпанными серебряными блестками. Ее лицо было густо припудрено и нарумянено, и во всем этом… гриме она была отвратительна. На ней были длинные перчатки до локтя и темно-синее платье с множеством белых оборок и кружев.

Прежде чем дар речи вернулся к Мэтью, профессор увидел его и окликнул:

— А, а вот и мистер Корбетт! Мэтью, рад познакомить вас с мэром нашей деревни, мистером Фредериком Нэшем, его женой Памелой и их чудесной дочерью Мэри Линн.

Мэтью опустил глаза на протянутую Нэшем руку, до которой он не мог дотронуться. Жена Нэша беззаботно улыбалась. Берри смотрела на Мэтью заметно покрасневшими глазами, особенно на фоне щедро напудренного белилами лица. Она тоже одарила его рассеянной улыбкой, которая была частью этой нарисованной маски.

Я схожу с ума, мучительно подумал Мэтью. *Или так, или весь мир сходит с ума вокруг меня.*

— *Мэтью?* — послышался чуть подрагивающий голос.

Все взгляды уставились на Берри, чья рука в белой перчатке вдруг поднялась и потянулась ко рту.

— Я *знаю вас*, не так ли? — спросила она.

— Да, вы встречали его вчера, — спокойно сказал профессор, взяв ее за руку. Его голос был обманчиво мягок, но на деле в нем слышалась угроза, как от свернувшейся на камне змеи, что вот-вот бросится на свою жертву. — Этот молодой человек недавно прибыл.

— Вчера? — Берри медленно моргнула. — А что я делала вчера?

— Ты провела день со мной и свой матерью, дорогая, — Нэш оставил попытки получить ответное рукопожатие и взял под руку Памелу. — Это был ее день рождения. Мы все собрались на прекрасное празднество.

— Да, оно *было* чудесным, — сказала Памела, и Мэтью понял по рассеянности взгляда женщины и по ее затрудненной речи, что ей тоже досталась немалая доза яда.

— Вы помните торт, — обратился Фэлл к Берри, говоря почти ей на ухо. — Ванильный, с сахарным кремом и очень маленькими красными свечками сверху.

— О, — выдохнула Берри, и ее пустая улыбка стала одним из самых ужасающих зрелищ, которые Мэтью только видел в своей жизни. — Да, я помню.

От душераздирающего ужаса ситуации у Мэтью к горлу подкатил ком, и его едва не стошнило. Если б он дал себе волю, то испортил бы сейчас все эти элегантные наряды и начищенные до блеска ботинки.

— Вы забыли одну деталь, Профессор, — сказал он хрипло. — Вы разве не хотели сказать, что это был торт с кремом, похожим на *белый бархат*?

Фэлл издал короткий смешок.

— Дорогой мальчик, вам следует посетить день рождения Памелы в *следующем* году.

— В следующем году я планирую быть в Нью-Йорке, — Мэтью сосредоточил все свое внимание на Берри. — Вы когда-нибудь бывали в Нью-Йорке, мисс Григсби?

В это мгновение все, кроме Мэтью и Фэлла, застыли и стали походить на склеенных бумажных кукол.

— Я уверен, Мэри Линн никогда не бывала в этом городке, — ответил Фэлл, одарив молодого человека расслабленной улыбкой и взяв Берри за руку. Он снова демонстративно зашептал ей на ухо. — Этот молодой человек проделал долгий путь. Простите ему, что немного запутался.

— Конечно, — отозвалась Берри, и вдруг ее глаза начали смотреть *сквозь* Мэтью, словно его уже и не было в поле видимости.

— Отведи Мэри Линн на наши места, — сказал Нэш своей жене. Лицо его было напряжено. Он бросил очень недобрый взгляд на Мэтью, хотя губы его по старой привычке все еще улыбались. — Дантон, вернемся к программе. Никаких сложностей ведь не возникнет, правда?

— Абсолютно никаких. Наслаждайся выступлением.

Когда они отошли, Мэтью захотел выкрикнуть имя Берри, но осадил себя: он понятия не имел, как она отреагирует — на деле он не знал, отреагирует ли она вообще — и велика вероятность, что в этот момент от его души болезненно оторвали бы еще один кусочек надежды.

— Ей пришлось немного увеличить дозу вчера после вашего

визита, — прозвучал голос Фэлла. Он тонко улыбался, притворившись, что смахивает с жилета Мэтью случайно угодившие на него пылинки. — На свой день рождения шестнадцать лет назад Памела Нэш потеряла свою дочь Мэри Линн в несчастном случае. Она так полностью и не оправилась. Я подумал… почему бы не провести маленький эксперимент? Это было бы хорошим подарком на день рождения — подарить ей давно утерянную дочь на один день. Вы так не думаете?

— Я думаю, что ваша яма глубже Преисподней.

— Все ради науки, дорогой мальчик. Я веду медицинские записи, которые когда-нибудь обязательно будут высоко оценены теми, кто сведущ в…

— Коррупции? — перебил Мэтью.

— Манипуляции. Настанет день, и появятся компании — и даже государства — которые увидят в таких средствах большую ценность. Пройдемте к нашим местам? Джулиан отправился, чтобы привести сюда нашего героического Альбиона.

Лишь усиливая ужасное чувство Мэтью, что мир сошел со своей оси и накренился, профессор Фелл взял его за плечи и повел по центральному проходу по направлению к скамье в первом ряду, попутно собирая рассеянные приветствия принарядившихся горожан.

Весь день Мэтью занимался тем, что обходил улицы Прекрасной Могилы и изучал все, что только мог. За задними воротами показывалась взлетающая вверх пена, когда волны ударялись о скалы. Прислонившись ближе к прутьям, Мэтью разглядел дорогу, которую упомянул Арчер: она поворачивала влево и шла через скалы, и, если пройти по ней около четверти мили, как судья и сказал, можно было достичь тихой гавани, с единственным пришвартованным сейчас парусным судном — две рыбацкие лодки, вероятно, вышли в море. Мэтью полагал, что судно использовалось для морских путешествий в ближайший порт, который, если смотреть на Бристольский канал, мог располагаться на юге, в Кардиффе… что, впрочем, было сомнительно, так как, вспоминая то, что было написано в выпусках лондонской «Газетт», читать которые Мэтью доводилось в Нью-Йорке, Кардифф был не очень высоко развит, и как такового порта не имел. Скорее всего, корабль отправлялся на север в Суонси, и там загружался всеми необходимыми товарами для деревни Фэлла — начиная от овса для лошадей и заканчивая типографской краской.

Некоторое время молодой человек провел в крайней северо-восточной точке деревни, под навесом, где стояло две кареты и повозка, а рядом располагалась ремонтная мастерская. Мэтью

насчитал шесть лошадей в стойлах. Недалеко от конюшни находился курятник, свинарник и хлев с несколькими коровами. Бродя там, Мэтью заметил нескольких человек, потрошащих оленя, из чего сделал вывод, что охота, похоже, здесь процветала. Один из охотников по совместительству работал сторожем — его молодой человек заметил в свою первую ночь в Прекрасной Могиле, когда зашел в «Знак Вопроса?»

Вернувшись на Лайонфиш-Стрит, он прошел мимо больницы, двери и ставни которой вновь были заперты, а внутри было пусто. Мэтью обошел здание сзади по гравийной дорожке и увидел на заднем дворе теплицу с арочной крышей, окруженную каменной стены восемь футов высотой. Сверху на стене торчали специальные железные прутья с острыми наконечниками. Молодой человек обошел стену кругом и обнаружил, что прутья посажены очень близко, чтобы невозможно было перелезть через стену. А даже если это и удалось бы, травмы будут слишком серьезными. Стена полностью отгораживала теплицу с трех сторон, а это означало, что сад с восхитительными растениями был доступен Фэллу и Риббенхоффу только через так называемую больницу.

Он уже обдумывал решение этой загвоздки, когда охранник с мушкетом наперевес появился на его пути и всем своим видом показал любопытному молодому человеку, что ему не следует здесь задерживаться, а лучше идти своей дорогой.

Увидеть Матушку Диар, Девейна или Арчера сегодня не довелось ни разу. Мэтью все же смел надеяться, что судья не стал кончать жизнь самоубийством этой ночью, перерезав вены куском разбитого стекла или повесившись на простыни. Что касается Девейна и истории, которую он поведал в предрассветный час, Мэтью пришлось надолго погрузиться в размышления над этим вопросом, пока он прогуливался по Прекрасной Могиле. Если Матушка Диар и впрямь что-то замышляет — или даже работает на этого одержимого — то не было никакой возможности проинформировать профессора. Девейн действительно не мог, если только он не поймает Фэлла прямо здесь, в опере, но Мэтью предположил, что наемник просто не станет этого делать. Как только Коупланд привел молодого решателя проблем в театр, он тут же удалился. То же должен был сделать и Девейн, как только приведет Арчера, хотя Мэтью и отметил, что удаляются не все наемники — двое остановились рядом со скамьей, на которой сидел Мэтью в компании Фэлла и на которой должен был вскоре занять свое место Арчер.

Хороший вопрос, который стоило задать профессору, пришел сам собой:

— Где Матушка Диар? — спросил Мэтью, когда Фэлл сел. Передний ряд был весь устлан красными подушками.

— Она скоро появится, я уверен, хотя мне не кажется, что Мириам хоть малость интересуется оперой, — он жестом указал Мэтью, чтобы тот сел справа от него. Мэтью увидел семью Нэшей с одурманенной «дочерью», сидящей в первом ряду на другой стороне от прохода. Там же, в первом ряду сидел Ди Петри, правда Розабелла отсутствовала — возможно, сейчас она находилась со своей госпожой.

Мэтью сел, еще раз бегло оглядев аудиторию. Зал заполняло, возможно, сорок человек, включая двух охранников спереди и у заднего входа. Арчер появился в дверях с Девейном, держащимся в паре шагов позади него. Девейн что-то сказал ему, указал кивком, чтобы тот продолжал идти, после чего судья — выглядевший изможденным и уставшим, но все еще живым — прошел по центральному проходу, а Девейн в это время развернулся и ушел.

— А вот и наш другой особый гость! — профессор поднялся, чтобы поприветствовать Арчера. — Добрый вечер, судья. Проходите, садитесь здесь. Здесь специально положили подушки, чтобы человеку, оправляющемуся от огнестрельного ранения, было легче. Иначе высидеть на этих жестких скамьях будет настоящей пыткой.

Арчер сел слева от Фэлла. Профессор огляделся по сторонам, удостоив вниманием публику, как королевская особа удостаивает вниманием своих подданных. Некоторые зрители казались настолько одурманенными и рассеянными, что едва не пускали слюни, сидя в зале.

— Вы успели насладиться остатком вечера? — обратился Фэлл к Арчеру, когда снова сел.

— В достаточной мере, благодарю.

— Мне стоило попросить вас принести вашу маску. Вы могли подняться на эту платформу и представиться нам. Своеобразный шут в маске. Вы бы совершенно точно рассмешили публику.

Мэтью решил, что Фэлл уже достаточно поглумился над Альбионом. Он вмешался в разговор:

— Некоторых из этих людей смешить небезопасно: они запросто могут обмочить штаны от смеха, а вычищать подушки от нечистот — то еще удовольствие.

— Возможно, вы и правы. Ах, вот еще кое-кто, с кем вы были бы рады повстречаться, — Фэлл снова встал, приветствуя приближающегося лысого человека с коричневой бородой примерно тридцати пяти лет на вид. Он был в сером костюме с черно-белым полосатым жилетом. — Мэтью Корбетт,

познакомьтесь. Это Густав Риббенхофф.

Мэтью не встал, а Риббенхофф не протянул ему руку. Он стоял, глядя на молодого человека сверху вниз так, будто уловил какой-то неприятный запах. Мэтью вернул ему неприязненный взгляд, мысленно представляя, как пробивает кровавую дыру в этой лысой макушке, и все секреты зелий и антидотов против них вытекают из его рта.

— Очень приятно, — процедил Риббенхофф, явно отточив мастерство разговаривать, не размыкая губ. Его глаза, бледно-серые, как его костюм, обратились к лицу своего благодетеля. — Все здесь, кажется… в волнении.

— Вы, скорее, хотели сказать, «в предвкушении».

— Ах, йа! Я не бывал в опере уже несколько лет. А кто этот джентльмен? — теперь его взгляд обратился к Арчеру.

— Ваш следующий пациент. Уверен, у вас найдется для него что-нибудь интересное?

— Всегда.

В течение этого разговора, определяющего его неминуемое будущее, Арчер держал голову опущенной. Похоже, огонь, который он продемонстрировал Мэтью во время их первой встречи в зале суда, полностью истлел.

Мэтью, так или иначе, был еще полон углей, готовых вот-вот разгореться, но старался не позволять себе полыхнуть.

— А на чем вы специализируетесь, Риббенхофф? На лечении чесотки у собак в клетках?

— Очень близко, сэр. Я работал в имперском зверинце Его Величества Короля Леопольда Габсбургского в течение нескольких лет, — Риббенхофф позволил себе мимолетную, но невеселую улыбку.

— Что же случилось? Вас вышвырнули за сексуальное домогательство до лося?

— *Вышвырнули*? Что значит «*вышвырнули*»? — он посмотрел на Фэлла в поисках перевода.

Арчер внезапно рассмеялся.

Вся эта ситуация, похоже, казалась ему забавной до абсурда, потому что смех его был глубоким, раскатистым и искренним, и звучал он, как грохот валунов, летящих по склону горы. Возможно, в нем даже слышалась нотка паники, но Мэтью осознал, что единственный среди всех присутствующих заметил ее. Арчер запрокинул голову и продолжил заливисто хохотать. То был смех обреченного, проклятого человека, хотя Мэтью предположил, что таким образом судья пытался настроить себя перед предстоящими тяготами.

— Я, пожалуй, посажу себя сейчас, — с чуть более резким

акцентом заметил Риббенхофф, выражение лица которого сейчас отражало такую брезгливую неприязнь, будто ему на ужин подали порцию жареных яиц с нарезанными коровьими лепешками. Он прошел мимо Арчера и сел на расстоянии. Фэлл также опустился на место.

Выступление должно было начаться с минуты на минуту. Похоже, все, кто должен был явиться, уже явились. Мэтью решил, что настал решающий момент. Он повернулся к профессору.

— Какое отношение «Малый Ключ Соломона» имеет к Бразио Валериани?

Голова Фэлла повернулась. Он безучастно посмотрел на Мэтью.

— Или, — продолжил молодой человек. — Мне лучше спросить… какое отношение он имеет к тому, что создал Киро?

Единственное, что переменилось в лице Фэлла — он чуть приподнял брови.

— Я не знаю, что это, — кивнул Мэтью. — Но я знаю, что здесь есть связь.

Фэлл несколько секунд помолчал, отвлекшись на приветственные кивки в адрес кого-то из аудитории. Похоже, ему требовалось время, чтобы подобрать ответ.

— Вы разговаривали с этой девушкой. Браво, молодой человек, ваше чутье все так же остро.

— И не только оно, но у меня есть предложение, — решился Мэтью. — Приведите Берри в чувства. Освободите Хадсона из этой клетки. Посадите их на корабль в Нью-Йорк и проследите, чтобы они были в безопасности — именно в *безопасности*, я серьезно — и я найду вам Бразио Валериани, — он остановился, но реакции от профессора не последовало. Пришлось зайти несколько дальше. — Вы очень заинтересованы в его поисках. Я могу найти его. Глубоко внутри… вы *знаете*, что я это могу.

Рот Фэлла едва заметно покривился.

— Я не знаю ничего подобного.

— Он в Италии. Это большая страна, со множеством городов, селений и деревень, которые надо обыскать, — Мэтью одарил собеседника легкой полуулыбкой, полной напускной уверенности. — А я знаю, где *начать* искать.

— И где же?

— Сначала… Берри и Хадсон отправятся домой, оба здоровые физически и морально. А потом…

Кто-то в аудитории начал аплодировать. Мадам Кандольери, вместо того, чтобы выйти из гримерной комнаты, просто появилась у главного входа. Она прошагала вниз по центральному проходу, одетая и разукрашенная, как свадебный

торт. Розабелла — в более сдержанном наряде — следовала за хозяйкой, придерживая массивный шлейф. Дива была в великолепном белом платье с огромным количеством оборок из белого кружева. Этот наряд притянул к себе даже затуманенные взгляды зрителей. На ней были белые туфли и белые перчатки, а черные волосы были уложены в массивную эбеновую башню, украшенную, по крайней мере, десятком гребней из слоновой кости, вырезанных в форме бабочек.

— *Grazie! Grazie, il mio pubblico bene! [Спасибо! Спасибо, моя прекрасная публика (ит.)]* — прокричала она в толпу, ее улыбка блестела, как бриллиант, неистово сияя для столь небольшой аудитории, которая, наверное, не шла ни в какое сравнение с теми полными оперными домами, что она собирала в Риме. Лицо дивы было щедро припудрено и нарумянено, хотя и не так сильно, как лицо Берри, ее веки затемняли фиолетовые тени, а брови были ярко очерчены ровными дугами над яркими черными глазами. Она была готова показать все, на что способна, готова была продемонстрировать лучшее в себе — неважно, о музыке речь или нет.

Особенно тревожным был момент, когда Розабелла помогала мадам взобраться по ступеням платформы, что могло разрушить и сцену, и костюм. Леди разместилась в центре платформы, приняла наиболее *оперную* позу, как показалось Мэтью, и Розабелла спустилась обратно в зал, чтобы занять свое место рядом с Ди Петри.

Мадам Кандольери подготовила краткую речь, в которой рассказывала, что она не желала быть похищенной для такого выступления, но она профессионал, и будет держать себя соответственно вне зависимости от обстоятельств, даже невзирая на прискорбный факт отсутствия оркестра. Затем она немного рассказала о первой арии и приступила к «Орфею и Эвредике».

Пока мадам говорила, Фэлл наклонился чуть ближе к Мэтью и прошептал:

— С чего вы взяли, что знаете?

— Сначала соглашение, — прошептал Мэтью в ответ.

— Я мог бы попросту выудить из вас информацию.

— Разумеется, но это не поможет вам заполучить этого человека.

Мадам Кандольери начала петь. Она действительно обладала прекрасным и сильным голосом, и владела им, казалось, совершенно без усилий. Музыкальное сопровождение было ей без надобности — даже без оркестра дива производила ошеломляющий эффект. На деле Мэтью подумал, что этот вечер в любом случае будет потрясающим, каким бы ни был его исход,

однако мысли эти разбились на куски, стоило бросить взгляд на Берри и ее разукрашенное лицо с мертвой улыбкой.

Голос мадам поднялся до огромных высот.

А затем вдруг какая-то женщина в аудитории закричала… точнее сказать, издала звук, напоминающий нечто среднее между удушьем и стоном. Голос мадам Кандольери дрогнул и остановился, глаза ее округлились. Мэтью увидел, как женщина средних лет в зеленом платье начала биться в припадке и стонать, и несколько человек попытались успокоить ее. Изо рта у нее пошла пена, голова ее начала трястись из стороны в сторону. Один из охранников подоспел к ней через проход, и женщину попросту вынесли из театра. Густав Риббенхофф поспешил вслед за ней.

Профессор поднялся, пока публика начала возбужденно перешептываться — похоже, даже наркотик в крови не сумел до конца парализовать чувства людей. Фэлл был совершенно невозмутим, на лице его не отражалось и тени беспокойства.

— Мои извинения, Мадам Кандольери, — обратился профессор к диве. — Прошу, продолжайте.

— *Si,* я продолжу, конечно… — но она выглядела растерянной и сконфуженной, ее уверенность и невозмутимость дала трещину. Мэтью понял, что удар, хвативший женщину в аудитории, которая очнулась от того дурмана, в коем держал ее яд, пробудила страх множества людей в Прекрасной Могиле. И, возможно, только сейчас мадам поняла, почему жители Прекрасного Бедда были так глупо счастливы, пребывая в мире своих фантазий. Вот, почему лица этих зрителей — которые она наблюдала с платформы — были так пусты и полностью лишены выражения. Мэтью подумал, что после крика этой женщины, дива увидела саму себя в недалеком будущем — стонущую и заливающуюся пеной в страшных приступах, приходя в себя лишь на считанные минуты, после чего вновь погружаясь в кошмар.

Мадам Кандольери вновь приняла позу Персефоны, но Мэтью показалось, что она все еще выглядит потерянной. Очевидно, она пыталась начать с того места, где ее прервали, но без музыки это оказалось не так просто. Она открыла рот, чтобы начать петь, но наружу не родилось ни звука. Ее жалобные глаза нашли Ди Петри.

— Джанкарло… — прошептала она. — Помоги мне.

Он поднялся. К удивлению Мэтью, Ди Петри набрал в грудь воздуха и начал петь то, что было музыкальным сопровождением для арии мадам. В этом сильном и чистом голосе не было ничего общего с тем, как Ди Петри *говорил*, при этом он по одной лишь памяти обеспечил диве аккомпанемент.

— *Si!* — сказала она, благодарно кивнув. — *Grazie, questo e quello che mi serviva! [Да! Спасибо, это как раз то, что мне нужно! (ит.)]*

Но прежде чем дива смогла продолжить свою арию Королевы Аида, послышался другой звук — поистине адский.

Что-то взвизгнуло прямо над головами. Страшный пассаж сотряс стекла в окнах. Какую ноту ни собиралась бы взять мадам Кандольери, у нее в горле словно застряла кость.

Неподалеку отсюда раздался ужасающий грохот взрыва.

Бум!

В ту же секунду Профессор Фэлл поднялся на ноги. Один из оставшихся охранников уже выбегал на улицу. Послышался следующий звук удара над головами, и второй взрыв прогремел где-то невдалеке. Мэтью заметил отблеск пламени через окно, и оно быстро направлялось сюда.

Спокойствие Фэлла в тот же момент пошатнулось.

— Вон! — закричал он. — Все, убирайтесь…

Третий взрыв раздался справа от театра. Окно с той стороны было разбито на множество мелких осколков, смертоносным дождем влетевших в зал. Все здание сотряслось, между кирпичами родились облачка строительной пыли.

Мэтью уже был на ногах. Пыль хищно бросилась прямо ему в лицо. Несколько фонарей упало со своих креплений, превратив свет в полумрак. Несколько секунд помещение наполняла звенящая тишина… а затем послышались рыдания, за которыми последовали тяжелые стоны людей, которые серьезно пострадали. В разбитое окно был виден пожар, охвативший, как минимум, один дом. Новый визг прозвучал сверху, и следующий взрыв раздался, похоже, на площади. Мэтью увидел, как безликие в полумраке фигуры устремились к двери.

Он и сам был слегка не в себе, с той лишь разницей, что наркотики были здесь ни при чем — им завладел ужас самого момента. Он понял, что Прекрасная Могила Профессора Фэлла только что подверглась нападению, и он протиснулся мимо ошеломленного Уильяма Арчера, надеясь отыскать Берри.

Глава сорок первая

В череде движущихся теней в театре Мэтью нашел Нэша, который двигался к выходу по центральному проходу вместе со своей женой и Берри. Он потянулся и схватил девушку за руку, она повернулась к нему с выражением напудренного лица, которое можно было трактовать как жуткую смесь недоумения, растерянности и опьянения.

— Берри! — закричал он. — Это *я*! Мэтью! Пожалуйста, попробуй…

— Отпусти ее! — Нэш, у которого кровь ручьями струилась по правой щеке из довольно глубокого пореза по линии волос, оттолкнул Мэтью прочь. Его жена начала плакать — то ли от страха, то ли от боли, то ли оттого, что постепенно пробуждалась от дурманящего препарата, под влиянием которого находилась до этого момента.

Мэтью снова ухватил Берри за руку, и теперь закричала уже она сама — этот звук разорвал сердце Мэтью на части. Она дернулась прочь от него, прижалась к Нэшу, которого искренне считала отцом под влиянием страшного яда, коим накачал ее проклятый Риббенхофф.

— Пожалуйста! — он попытался снова, когда очередной снаряд взвизгнул в воздухе и взорвался, возможно, ярдах в пятидесяти отсюда, заставив все строение сотрястись крупной дрожью. Берри тем временем удалялась все дальше с четой Нэш, и глядя на кровавый след, который оставлял за собой мужчина, придерживающий рану, идущую по линии волос, Мэтью услышал его стон и понял, что врата Ада, похоже, и впрямь разверзлись, готовые проглотить их всех.

Стоило ли ему пытаться все же забрать ее у Нэша? Он не знал, что ему делать. Без антидота и времени она была потеряна для него. Но он не мог просто стоять здесь и смотреть, как она постепенно исчезает и превращается в ничто. И все же… она испугается, если он попробует забрать ее силой — какой-то механизм в ее мозгу, работающий, как карета, несущаяся на слишком большой скорости — может спровоцировать то, что вся система сломается.

Впервые в своей жизни он *хотел* найти Профессора Фэлла, но тот уже сбежал.

Несколько раненых и истекающих кровью людей потеряли сознания, безвольно упав на сидения с правой стороны театра. Новый свист и взрыв обозначили то, что бомбардировка

охватывает всю деревню. Но откуда? С земли или с моря?

А затем молодой человек вспомнил, что видел, как Матушка Диар подает сигналы в море.

Она подсказывала своим фонарем на стене траекторию и расстояние, которое рассчитывали ее партнеры, чтобы правильно провести атаку.

Теперь становилось ясно, что Матушка Диар предала Профессора Фэлла, и дело было не только в краже «Белого Бархата», но в уничтожении империи Фэлла и, возможно, в убийстве его самого.

Она сказала, что ее отец вернулся за ней, вспомнились недавние слова Девейна.

Ее *отец*? Тот же одержимый, что убил Фэллонсби и организовал резню на складе Черноглазого Семейства? Это невозможно! Если Матушке Диар шестьдесят лет, то человеку, давшему ей жизнь, должно быть, по меньшей мере, восемьдесят, а восьмидесятилетние старики нечасто организуют жестокие преступления и демонстрируют страсть к сатанизму.

Ему пришлось поскорее выбираться, пока крыша здания не развалилась, что, похоже, должно было вот-вот случиться, и обрушившийся театр похоронил бы под собой большинство горожан Прекрасной Могилы.

— Мэтью!

Он повернулся, ища глазами Ди Петри, и увидел его прямо перед собой, кровь текла по его костюму, и ужасно выглядящий порез проходил по его носу.

— Пожалуйста! — воскликнул он, голос его сорвался. — Помогите нам с Алисией!

Мэтью увидел, что мадам Кандольери потеряла сознание на сцене, где вокруг были разбросаны осколки стекла из вылетевшего окна. Розабелла стояла на коленях подле мадам и пыталась привести ее в чувства. В районе правого плеча по сложному белому платью дивы струилась кровь.

Молодой человек последовал за Ди Петри вверх по ступеням сцены. Снаружи раздалось еще два смертельных залпа, один взрыв прогремел совсем близко к зданию, а второй — чуть дальше, хотя дрожь была такой сильной, что сам каркас театра застонал, словно от боли. Пока Мэтью наклонялся, чтобы помочь, он успел подумать, что деревню, похоже, обстреливают с судна, на борту которого установлено несколько современных пушек, а сам корабль, вероятно, украден с военно-морской базы.

Розабелла заговорила с Ди Петри по-итальянски. Лицо мадам не было отмечено травмами, похоже, ее зацепило только в плечо. Большинство бабочек упорхнуло с ее волос, и эбеново-черная

масса разметалась по доскам сцены. Она начинала понемногу приходить в себя. Мэтью решил, что, вероятнее всего, она потеряла сознание не столько из-за травмы, сколько из-за шока.

— Мэтью! Вы знаете, что происходит?

Арчер стоял в шаге от ступеней. Его костюм был весь перепачкан, но, похоже, ему удалось остаться невредимым. Мэтью кивнул:

— Соперник Фэлла решил сделать свой ход.

— Его соперник? *Кто*?

Мэтью вспомнил две вещи, которые рассказал ему Лиллехорн еще в тюрьме Святого Петра.

Я вам так скажу, Мэтью… то, что я слышал… то, что я видел за эти недолгие месяцы… все это гораздо хуже, чем все то, что творил там Профессор Фэлл. А еще он сказал, что *время не стоит на месте*.

Итак, время не стояло на месте, и кто бы сейчас ни атаковал деревню в сговоре с Матушкой Диар, она полагала его своим отцом, и этот отец решил, что хочет забрать себе весь ванильный торт.

— Я не знаю его имени, но… — Мэтью почувствовал внезапный толчок. В Прекрасном Бедде было две вещи, которых он не мог позволить забрать у себя: книга ядов Джентри и Густава Риббенхоффа, который знал, как применять эти яды и противоядия.

Книга должна была быть где-то в больнице — возможно, запертая и надежно спрятанная в каком-нибудь плотном ящике. Если Матушка Диар сказала своему «отцу» об этих записях и о том, какое влияние эти яды имеют на людей, то…

… то это могло послужить мотивом для всей этой атаки, даже если б у Матушки Диар даже не было ключа от запертого ящика с этими записями.

Мадам Кандольери пришла в себя и начала лепетать что-то по-итальянски, ее голос поднимался и опускался, напоминая всадника, оседлавшего лошадь путаницы.

— Давайте выведем ее на улицу, — предложил Мэтью. У него не было времени помогать остальным раненым, что лежали здесь без сознания, и он мог лишь надеяться, что со следующим ударом это здание не разлетится в щепки.

Улица опустела, но крики — одиночные и обрывочные — слышались отовсюду. Чуть дальше по дороге виднелись два дома, превращенных в руины, соломенная крыша третьего полыхала. Дым и каменная пыль взвивались ввысь в ночи, затмевая луну и делая ее свет грязно-желтым. Вдалеке виднелось еще несколько горящих соломенных крыш на разных улицах. Неуверенная в

собственных силах и поддерживаемая Ди Петри, мадам Кандольери вдруг выкрикнула: «*Mi arrendo! [Я сдаюсь! (ит.)]*» и рухнула на землю.

Визг следующего снаряда объявил о себе. Красная черта пролетела по небу, описав дугу вдоль деревни Фэлла, преследуемая звуком взрыва и облаком дыма, взлетевшего в небо. Теперь послышался низкий гул пожара. Новые языки пламени вспыхивали на стене, пока вооруженные люди пытались отражать атаки.

— Христос Всемогущий! — воскликнул Арчер, склонив голову, когда прозвучал последний взрыв. — Это, что, *война*?

— Да, — ответил Мэтью. — Война двух зол. Я должен попасть в больницу. Вы поможете мне?

— Помогу.

Мэтью был рад видеть, что часть силы Альбиона вернулась к судье Арчеру. Они оставили мадам Кандольери с Ди Петри и Розабеллой, после чего поспешили к Лайонфиш-Стрит. Пушки все еще палили со стены, дым их залпов миазмами поднимался от скал, но Мэтью заметил, что артиллерийский огонь прекратился. Возможно, цель была достигнута, и новых взрывов не будет?

Мэтью и Арчер увидели целый ряд разрушенных домов, как будто на них наступил гигант своим огромным сапогом. Пламя горящих соломенных крыш выстреливало все выше. Из дыма от пожарищ, сплетающегося в узлы, показался человек в оборванных одеждах. Он нес в руках кровавую массу, которая когда-то могла быть ребенком, и Мэтью понадеялся, что это не то, что осталось от маленького трубача…

И в самом деле, война, подумал он. Как всегда, он был заточен на нейтральной стороне, которая страдала больше всего.

Человек молча прошел мимо, направляясь к месту назначения, известному лишь ему одному.

Мэтью и Арчер приближались к площади, где лежало в руинах множество домов, где полыхали пожары и где очередным взрывом были полностью разрушены входные ворота. Охранник с мушкетом пронесся мимо к месту взрыва, но новый залп последовал уже через несколько секунд. Мэтью понял, что этот смертельный огонь был лишь началом натиска, чтобы взорвать ворота. А вторая волна атаки должна была начаться с минуты на минуту.

— Скорее! — крикнул он Арчеру, бросаясь бежать. Судья старался не отставать от него, насколько мог, но его ранение все еще причиняло ему сильную боль и не позволяло двигаться достаточно быстро.

Они миновали группу из трех мужчин и одной женщины,

прижимающихся друг к другу у стены дома на манер перепуганных детей, пытающихся укрыться от сильной грозы. Прежде чем свернуть на Лайонфиш стрит, Мэтью услышал отчетливые высокие выстрелы мушкетов, и, обернувшись назад, они с Арчером увидели, что пара охранников Фэлла уже разрядили свои ружья в ту самую группу перепуганных людей. Синеватый дымок все еще вился вокруг тел, а тех, кто еще не умер, они принялись добивать штыками.

Было ясно, что Матушка Диар переманила на свою сторону не только Мартина и Стоддарда. Не все охранники деревни Фэлла полагали его своим хозяином, поэтому Мэтью понимал, что им с Арчером следует остерегаться любого человека с оружием.

Они, наконец, добрались до госпиталя. Арчер старался не подавать виду, как тяжело ему дался этот бег, хотя было видно, как болезненно он хватает ртом воздух. Пушки прекратили стрельбу. Теперь множество мушкетных выстрелов слышалось у самых ворот. Как минимум, небольшая горстка охранников была все еще верна профессору, но, похоже, перед врагом они проигрывали количественно, к тому же противник решил атаковать с разных сторон.

Мэтью вгляделся в окна больницы и в одном из них увидел свет. Свет распространялся — похоже, зажгли второй фонарь, а за ним и третий. Он подошел к двери и обнаружил, что она закрыта. Со всей силой своего отчаяния он постарался вышибить дверь ногой, ударив прямо под ручкой. Она не поддалась. Следующее усилие заставила дверь треснуть, но замок все еще держался.

— Погодите! — сказал Арчер. — Вместе, на счет три!

Совместными усилиями им почти удалось сорвать дверь с петель. Мэтью кинулся в больницу, следуя мерцанию фонарей в задней части здания.

Свет вдруг мелькнул в дверном проеме, что-то вылетело из комнаты, с силой врезалось в правое плечо молодого человека и разбилось о стену. Горячее масло принялось капать на пол и стекать по штукатурке, огненной змеей проползая по половицам. Густав Риббенхофф показался в дверном проеме, держа в левой руке небольшую тетрадь — в ней было страниц сорок, не больше — в обложке из красной кожи. Его правая рука сжимала рукоять рапиры.

— Вы, пруссаки, с вашими чертовыми клинками! — воскликнул Мэтью, увернувшись от взмаха Риббенхоффа.

— Я собираюсь пройти и выбраться наружу, — сказал химик. — Нет нужды проливать кровь, — он заметил Арчера, блокирующего выход. — *Ты!* Отойди!

— Это книга ядов Джентри? — требовательно спросил Мэтью,

но ответа не получил. Вопрос, по сути, был риторическим. — Куда ты ее уносишь?

— У меня есть приказ вложить ее в руку профессора, если я хочу быть нужным. Сейчас — это необходимо сделать. Убирайтесь с моего пути оба, прошу!

— Я думаю, кое-кто еще придет, чтобы забрать ее.

— Моя мысль такая же. Это стоит дороже золота и камней для любого, кто сможет разобрать эти формулы. Я знаю большинство их наизусть, но книга сама по себе должна быть у профессора.

Мэтью старался сделать выводы поскорее. Ему необходимо было выбрать из двух зол, и в центре этого выбора стояла Берри, потому что сейчас она была всем, о чем он только мог думать.

Он вздохнул.

— Хорошо. Некоторые стражи предали его, и это будет опасное путешествие отсюда туда. У тебя есть еще какое-нибудь оружие?

— *Найн*. Это я взял из своего дома.

— Мы пойдем с тобой.

— *Что*? Почему бы вам двоим помогать *мне*?

— Не трать время! Пошли.

Держась все еще настороженно, Риббенхофф не стал убирать клинок. Он прошел мимо Мэтью и Арчера. Они пошли к выбитой двери, но прежде чем они достигли ее, черная карета, в которую была запряжена четверка вороных лошадей, подоспела к дверям больницы.

Сердце Мэтью пустилось вскачь.

— Отсюда есть еще выход? — спросил он Риббенхоффа, когда двое вооруженных рапирами человек, выскочивших из кареты, заспешили в больницу.

На несколько секунд Мэтью парализовало. Один человек держал фонарь — то был мужчина в коричневой тюбетейке, которого видели Мэтью и Рори в камере пыток Матушки Диар курившим трубку. Второй наемник был ему неизвестен. Следом из кареты в больницу направились еще две фигуры, двигаясь в более величественном темпе. Одна из фигур была приземистой, плотного телосложения. У нее также был фонарь. Второй был анатомическим уродом — худой мужчина почти шесть с половиной футов ростом. Ему пришлось пригнуться на несколько дюймов, чтобы не удариться головой о проход.

— Как чудесно, что все вы здесь! — воскликнула Матушка Диар, после того, как заняла главенствующее положение на сцене. Она соединила свои огромные руки, сплетя пальцы, скрытые розовыми перчатками. Глаза ее горели от восхищения, а

одета она была вся в розовых тонах в тон предательству, поверх платья с рюшами на ней была темно-фиолетовая накидка с капюшоном. Ее ухмылка выглядела, если и не одержимой, то совершенно точно полубезумной. Женщина говорила именно с Мэтью, но взгляд ее был рассеянным, когда она произнесла:

— Я хочу представить вас. Мэтью, это мой отец, Кардинал Блэк.

Перед тем, как слегка поклониться, мужчина осклабился, и зубы его выглядели заостренными, как клыки.

Настоящий Черный Кардинал, подумал Мэтью, *падший ангел в самом уродливом смысле этих слов.*

Тогда он осознал истинную глубину безумия Матушки Диар.

Ее отец, да.

Ее отец, если верить полоумной истории Грязной Дороти, которую та рассказала перепуганной девочке в разлагающемся борделе.

Человек, которого назвали Кардиналом Блэком, полностью подходил под то описание, что Матушка Диар дала Мэтью. Вопрос о том, правду ли говорила Грязная Дороти своей дочери, пока оставался открытым — впрочем, в здравомыслии Матушки Диар также приходилось сомневаться.

Черный Кардинал был одет в костюм цвета угля и глянцевый плащ, развевавшийся вокруг его тела, как пара чернильно-темных крыльев. *В комнате посреди ночи…* говорила тогда Матушка Диар *— он явился в своем истинном образе, высокий и худой, греховно красивый с длинными черными волосами и черными глазами, в центре которых горел красный огонь.* И это тоже был Кардинал Блэк, который выглядел лет на пятьдесят моложе восьмидесяти. Аномалия при рождении сделала его руки с тонкими пальцами и заостренными ногтями несоразмерно длинными. На пальцах он носил множество серебряных колец с изображениями черепов и каких-то сатанинских ликов. Его собственное лицо, обрамленное густой гривой черных волос, было напряжено и, казалось, выражало некую тревогу. Бледная плоть была похожа на тонкую кожаную пленку, натянутую поверх корпуса барабана, и словно бы держалась за костяные выступы скул и подбородка. Возможно, злую шутку здесь играло лишь пламя фонаря Матушки Диар, но в глазах Черного Кардинала и впрямь плясал красный огонек, словно этому человеку… нет, *существу* были известны все секреты ночи.

— Мистер Корбетт, — произнес он тихим голосом воспитанного человека. — Я наслышан о вас.

Мэтью боялся, что собственный голос не повинуется ему, и в течение нескольких секунд медлил.

— Я должен быть польщен?

— Я уверен, вы слышали выражение: любое внимание лучше, чем ничего, — глаза сузились и обратились к Арчеру. — И я понимаю, что *здесь,* — Кардинал Блэк кивком указал на судью. — У нас знаменитый Альбион, также известный как высокопоставленный судья Уильям Атертон Арчер. Я знаком с одним дельцом вашего типа. С судьей Фэллонсби.

— Он был *не* моего типа, — ответил Арчер.

— Люди все одного типа, сэр. Они ведь все произошли от греха Адама. Так легко отделить одно от другого той ценой, в которую они оценивают свои души, — глаза нашли книгу с обложкой из красной кожи в руке Риббенхоффа. — Это та самая тетрадь? — спросил он Матушку Диар.

— Да, Отец.

— Я возьму ее, — сказал Кардинал Блэк. Он сделал резкое движение указательным пальцем, украшенным серебряным кольцом в виде змеи. Человек, которого Мэтью помнил из обители Матушки Диар, шагнул вперед. Клинок проткнул Риббенхоффа в живот, прежде чем тот успел сделать что-либо, чтобы защитить себя. Риббенхофф вскрикнул и отшатнулся, уронив книгу и свою рапиру, колени его подогнулись. Размашистым ударом наемник полоснул по горлу пруссака, и жизненная сила начала толчками выходить из его тела сквозь рассеченную артерию.

Мэтью и Арчер отступили на несколько шагов от места этого показного и свирепого убийства. Кардинал Блэк извлек небольшой нож с загнутым лезвием из своего плаща. Мэтью заметил, что на стали выгравированы загадочные надписи и рисунки. Черный Кардинал склонил свое вытянутое тело, поместил когтистую руку на макушку мертвеца и лезвием вырезал дьявольский крест у него на лбу.

— Мой Хозяин высоко оценит твою душу, — сказал он. Затем он отер лезвие о рубашку Риббенхоффа и забрал книгу ядов Джентри. Он распрямился и спрятал нож. — Это дело завершено, — сказал он с легкой улыбкой, адресованной Мэтью и Арчеру.

— Я возьму вторую книгу, — сказала Матушка Диар. — Мартин к этому времени должен будет уже загнать профессора в угол. Я хочу, чтобы честь прикончить его выпала мне.

— Безусловно. А эти двое?

— Убьем их, разумеется.

— Украсьте их, как подобает, — обратился Кардинал Блэк к наемникам. Затем посмотрел на Матушку Диар. — Я встречу тебя в башне, — он повернулся, чтобы уйти, но Матушка Диар

ухватила одну из его рук, притянула к своему лицу и поцеловала кольца. Они вышли вместе, Кардинал Блэк забрался в карету с книгой формул в своей одержимой руке, и Матушка Диар повернула налево, чтобы…

Забрать вторую книгу? — встрепенулся Мэтью. — *Что* за вторая книга?

Карета тронулась с ударом плети возницы. Пара лошадей фыркнула, и экипаж двинулся, в то время как двое наемников остались разбираться с жертвами.

«*Малый Ключ Соломона*», понял Мэтью. Это должна быть она. С ее заклинаниями и обрядами… разумеется, это был бы прекрасный подарок бесноватой дочери своему одержимому отцу.

Человек, которого Мэтью узнал, поднял свой фонарь, чтобы лучше видеть цель для удара.

Арчер поднял рапиру Риббенхоффа и встал между Мэтью и двумя убийцами.

— Дайте мне пространство, — скомандовал он.

Это говорил *Альбион*.

Фехтовальщики выступили вперед — по одному с каждой стороны от Арчера.

Он парировал первый удар, а затем — мгновение спустя — отразил и второй. Свет лампы отражался от смертельной стали, когда клинки сталкивались, размахивались для удара и опускались в обманном маневре. Мэтью сделал шаг назад. Он отчаянно искал что-то, что можно было использовать в качестве оружия, потому что каким бы отменным фехтовальщиком Арчер ни был, он все еще был ранен, двигался медленнее обычного и против двоих противников сильно рисковал — острие клинка вот-вот могло найти его плоть. Тем не менее, Арчер держал врагов на расстоянии, его уверенность в обращении с оружием явно сдерживала энтузиазм наемников, но вдруг клинок одного из них сделал свое победное шествие, и линия крови пересекла правую щеку судьи. Он сделал финт, проворно уклонился в сторону, чтобы избежать другого клинка, и теперь кровавое пятно начало растекаться на плече человека из подвала Матушки Диар. Второй наемник отстранился на более безопасную дистанцию, вычисляя возможные углы атаки.

Мэтью подергал плечами, выскальзывая из плаща. Он несколько раз свернул его и нанес этой тяжелой плетью удар прямо в лицо раненого, попав ему между глаз. Убийца взвыл и отступил, лишившись зрения, и в ответ бросил свой фонарь в Мэтью, едва не угодив ему в челюсть

Арчер сделал выпад вперед, и его рапира размытым росчерком стали вошла в грудь мужчины чуть ниже сердца.

Свободная рука наемника обхватила лезвие, зажав его, и с криком боли он нанес отчаянный удар, который расщепил левое плечо Арчера у основания шеи. Альбион сумел выдернуть рапиру из тела смертельно раненого врага, который рухнул, как мертвое дерево. Несмотря на ужасную рану, Уильям Арчер — Альбион, в порыве звериного гнева на все зло мира — бросился атаковать, и ничто не могло сдержать его натиск.

Мэтью поднял второй клинок.

В отчаянии, обусловленном, возможно, осознанием смертельности собственной раны, Арчер отбросил всякую осторожность и начал бороться, как истинный одержимый, словно не чувствовал никакой боли. В тот же момент Мэтью, вспоминая свои собственные уроки смертельного искусства, атаковал фехтовальщика с его слабой, левой стороны — наемник был правшой. Он нанес глубокий порез противнику, и сквозь страшную рану сразу стал виден блеск кости, которую тут же залила кровь.

Внезапно наемник понял, что больше не сможет сражаться. Он отступил к стене, прижался к ней спиной, бросил клинок и поднял обе руки.

— *Пощады!* — выкрикнул он.

Арчер, вся грудь которого уже была залита кровью из страшной раны у самого основания шеи, лишь холодно ответил:

— *Нет.*

Он вогнал свою рапиру прямиком в незащищенное горло безоружного наемника.

Когда клинок был брошен, судья издал страшный булькающий, удушливый звук, глаза его блеснули, как монеты, предлагаемые Харону за переправу через Стикс. Убитый наемник съехал по стене на пол, замер в сидячем положении и больше не двигался.

— Я высоко оцениваю вашу душу, — прохрипел Арчер. — Куда бы она, черт возьми, ни направилась…

Затем он посмотрел на Мэтью. Его лицо — кроме красной кровавой линии на щеке — было белым, как известка, контрастируя с пропитавшимися кровью половицами. Он бросил свой клинок, сделал шаг назад, и лишь тогда колени его подогнулись.

Мэтью опустился на колени рядом с ним. Боже, сколько же было крови! Рана была слишком глубокой, она задела жизненно важные связи нервов и артерий. Даже если бы доктор оказался поблизости, Мэтью понимал, что спасти Арчера не удалось бы. В считанные секунды он умрет.

Судья приподнял руки и уставился на свои ладони. Они

начали сильно дрожать. Он сжал их в кулаки и обессиленно опустил.

— Мне жаль… — только и сумел сказать Мэтью.

— Как и мне, — Арчер потянулся, чтобы взять молодого человека за руку, но, казалось, на полпути он забыл, что собирался сделать, и рука его вновь безвольно опустилась вниз. Он моргнул — медленно и тяжело. — Я действительно… был злым, Мэтью?

— Вы были *человеком,* — последовал ответ.

— Ах… это. Кем бы или… чем бы ни было *это существо*, он был… прав. Все люди произошли от греха Адама. Наш вызов… состоит в том… что мы ищем способ… излечиться от этого… по-своему, — на лице его появилась призрачная улыбка, которая почти разорвала сердце Мэтью на части. — Я очень люблю Англию… — пробормотал Альбион. — Что же будет с моей страной?

— Я полагаю, она переживет «Белый Бархат» *и* Профессора Фэлла, — утешающе произнес Мэтью. — Она переживет даже «Булавку» Лорда Паффери.

— В этом… я не уверен. Ты поможешь мне… лечь?

— Да.

Мэтью свернул свой плащ, положив его подушкой под голову судьи, и помог ему принять положение, которое причиняло чуть меньше боли.

Арчер несколько раз прерывисто вздохнул, затем прошептал:

— Спасибо. Если сможешь… передай Стивену…

И на этой неоконченной просьбе Альбион покинул мир живых, который обошелся так жестоко с ним самим и с его любимой Хелен.

Мэтью поднялся. Он не имел права терять времени.

С окровавленной рапирой в руке он покинул больницу и помчался к дому на Конгер-Стрит, зная, что каждое движение в дыму и пыли, что до сих пор дрейфовали в Прекрасной Могиле, может таиться опасность.

Глава сорок вторая

Железные ворота были широко открыты, как и дверь особняка Фэлла. В окнах на верхнем этаже горел свет. Разбитый фонарь лежал на полу прямо перед входом, и стекло затрещало под подошвами ботинок, когда Мэтью вошел внутрь. С рапирой, которую он выставил перед собой наизготовку, он начал осторожно подниматься по лестнице обители профессора.

Он слышал выстрелы, доносящиеся снаружи, но, кажется, стреляли далеко. На своем пути сюда он увидел, как один наемник Фэлла застрелил другого, и понадеялся, что счет был не в пользу людей Черного Кардинала. Молодой человек понятия не имел, какова сейчас расстановка сил.

В доме было тихо, пугающую тишину нарушало лишь тиканье дедушкиных часов. Удалось ли Мэтью добраться сюда и опередить Матушку Диар? Он бежал так быстро, как только мог, поэтому все еще не мог восстановить дыхание.

Тишина была зловещей.

Он поморщился, когда половицы предательски скрипнули под его ногами, и в этом хранящем звенящее молчание особняке этот скрип разнесся криком повсюду.

На вершине лестницы Мэтью увидел открытую дверь в конце коридора, ведущую в комнату исследований Фэлла, и внутри горел свет. Со своей позиции молодой человек не видел ни письменного стола, ни самого профессора. Его внимание привлекло тело, лежащее на полу в дверном проеме и, судя по луже крови, растекшейся вокруг черноволосой головы, ему пустил пулю кто-то, стоящий у противоположной стены.

Мартин загнал Профессора Фэлла в угол? В самом деле.

Мэтью с трудом перебрался через массивный труп и едва не поскользнулся на крови. Его правый локоть врезался в стену, и удар отдался во всей руке неприятным покалыванием. Он миновал дверной проем, и там, в свете двойного канделябра, на котором горели свечи, стоял профессор. Однозарядный пистолет, принесший смерть Мартину, лежал на столе. Опустошенное лицо профессора казалось очень бледным. Его рука потянулась к книге, что стояла на настенной полке.

Взгляд Фэлла изредка срывался на что-то, находящееся по правую руку от Мэтью.

Если бы Мэтью сразу не распознал этот сигнал, резко открытая дверь справа от него могла запросто сломать ему ребра. Когда это случилось, его плечо вывернулось так сильно, что едва

не вылетело из плечевой сумки, когда он вскинул руку, чтобы отвести удар.

Молодой человек отшатнулся, сделав несколько шагов по комнате, рука его пульсировала болью, а Матушка Диар наступала, появившись из задней двери. Ее зубы были плотно стиснуты, мышцы лица напряглись, а ее лицо с лягушачьими глазами исказилось в немом злобном крике.

Без промедления она бросилась на Мэтью. Ее кинжал с резной ручкой из слоновой кости нацелился на горло молодого человека. Он перехватил запястье и нанес ей удар по ребрам рукоятью рапиры, пока она заставляла его пятиться назад по комнате. Кулак в розовой перчатке врезался Мэтью в челюсть, заставив разноцветные звездочки заплясать в его мозгу. Он отчаянно вцепился в запястье женщины, и они принялись бороться за кинжал, дергая его из стороны в сторону. Внезапно она нанесла удар головой ему в лоб с нечеловеческой силой, и Мэтью свалился на пол, в глазах у него потемнело.

Она вновь двинулась на него — женщина невиданной мощи.

Даже находясь на грани потери сознания, Мэтью понял, что, если не действовать быстро, смерть не заставит себя ждать. Он полоснул рапирой в районе ее щиколоток, но грузная женщина перепрыгнула через клинок, приземлившись всем своим весом на его предплечье. Мэтью услышал собственный стон, его пальцы дернулись и раскрылись.

Болевой шок, как ни странно, придал сил, поэтому, когда Матушка Диар наклонилась за рапирой, Мэтью оттолкнулся от пола и нанес удар правой ногой прямо в лицо сумасшедшей женщине. Она потеряла ориентацию в пространстве, закружилась и врезалась в книжные полки, профессор Фэлл бросился прочь с ее пути, остановившись у полок, на которых стояли его представители морской жизни в стеклянных банках.

Мэтью сумел подняться на ноги. Его правая рука болела зверски и опускалась бесполезной плетью. Матушка Диар оттолкнулась от книжных полок. Ее рот был полон крови, хлопковое облако ее парика наполовину съехало с ее головы. Мэтью открылась ужасающая мозаика темно-красной и коричневой рубцовой ткани на коже ее головы, и даже в этой борьбе за свою жизнь он почувствовал укол жалости к маленькой девочке, у которой никогда не было шанса на нормальную жизнь после того, что с нею произошло. Но теперь, в апогее безумия *ее отец* пришел к ней, и, повинуясь ему, эта помешавшаяся бестия готова была даже предать Фэлла, которому всегда была так безоговорочно верна.

Часть парика съехала на лицо, и озверевшая женщина

сорвала его с креплений и бросила на пол. Ватное облако приземлилось между противниками, как шкурка маленькой собачки. Матушка Диар отерла кровь со рта и двинулась на Мэтью с кинжалом, описывая им небольшие угрожающие круги в воздухе.

Мэтью заметил, что Фэлл потянулся за банкой с какой-то морской тварью, что стояла на полке. Стараясь отвлечь внимание Матушки Диар на себя, молодой человек сделал единственное, что пришло на ум: перехватил рапиру в левую руку, поддел парик кончиком клинка и поднял его с пола.

Матушка Диар остановилась, ее лягушачьи глаза округлились, а рот исказился от гнева.

Мэтью на кончике рапиры поднес парик к свечам, горящим на столе Фэлла, и волосы мгновенно вспыхнули, начав чадить и источать неприятный запах.

Женщина закричала, ее огромная рука полетела к собственному горлу, словно в попытке остановить крик, прежде чем тот прорвется наружу… но слишком поздно.

Возможно, это произрастало из того места, где прошло ее детство, и воспоминания о том, как сгорели ее собственные волосы, оказалось слишком живыми. Быть может, чересчур страшными были воспоминания об ожогах… или о ее безумной матери… или ее пугала мысль о том, что ее парик, которым она скрывала позор, шествовавший с нею из Уайтчепела, сгорел, и теперь боль и стыд сорвутся с места, как голодные звери, чтобы сожрать ее живьем.

Как знать, о чем она думала! Так или иначе, это был самый страшный крик, который Мэтью когда-либо слышал.

— Мириам, — позвал Профессор Фэлл, и когда ее голова повернулась к нему, он выплеснул раствор вместе с обитателем банки прямо ей в глаза.

Был ли внутри алкоголь или насыщенный соляной раствор… или какая-то неизвестная Мэтью смесь — но внутри содержался скрученный белый кальмар, который на несколько секунд задержался на лбу Матушки Диар. Ее крик изменился с того ужасающего безумного вопля на крик боли. Ее свободная рука метнулась к глазам, но та, что держала кинжал, вдруг начала выписывать в воздухе жуткие вихревые движение, нанося беспорядочные рубящие удары во всех направлениях. Ослепленная или нет, она намеревалась достать Профессора Фэлла и решительно двинулась в его направлении. Он был

достаточно ловок, чтобы увернуться от первых атак кинжала, но затем ее рука нашла и поймала его за ворот плаща. С животным рыком она подняла кинжал, собираясь вонзить его в грудь профессора по самую рукоять.

Прежде чем Мэтью сумел пошевелиться, мимо него пронеслась фигура. Расплывающимся зрением он заметил ствол пистолета, нацеленного прямо в голову Матушки Диар. Раздался резкий звук выстрела, после чего мозг обезумевшей женщины окрасил полки красной кашей.

Нож замер в зените. Колени Матушки Диар подогнулись, и ее мощное тело начало падать. Джулиан Девейн успел отвести нож так, чтобы профессор не пострадал.

Женщина упала на пол. Невероятно, но даже после того, как выстрел выбил ее мозги, она напрягла колени и попыталась снова подняться. Профессор Фэлл и Девейн отшатнулись назад сквозь синий дымок, круживший в помещении, и Мэтью увидел на их лицах замершую печать страха перед жизненной силой этой женщины, которая была настолько мощна, что она позволяла ей двигаться даже при ране, несовместимой с жизнью. Еще никогда Мэтью не видел, чтобы кто-то с пробитым черепом пытался встать на ноги.

А она практически поднялась! Ее налитые кровью глаза почти вывалились из глазниц. Изо рта ее полился поток запутанных неясных слов, а голос напоминал капризничающего ребенка.

А затем она снова упала перед Фэллом и Девейном, ее подбородок гулко стукнулся о пол, она несколько раз дернулась и замерла.

Никто не мог пошевелиться.

Мэтью понял, что дрожит, он вполне ожидал, что Матушка Диар просто взяла перерыв и вот-вот снова начнет подниматься, словно феникс, воскресающий из пепла собственных амбиций и горящий странной любовью к Кардиналу Блэку.

Но… она была мертва.

Фэлл покачнулся. Он ухватился рукой за ближайшую стену, чтобы сохранить равновесие, затем огляделся вокруг, изучив все отсутствующим, ленивым взглядом и пробормотал:

— Только взгляните на этот ужасный беспорядок.

— Можешь бросить рапиру, — сказал Девейн, обращаясь к Мэтью.

Мэтью все еще пребывал в состоянии оцепенения. Он посмотрел на клинок, на котором все еще догорал парик.

— Я предлагаю, — сказал Девейн. — Тебе *немедленно* бросить ее.

Мэтью слышал его голос словно вдалеке. Он осознал, что

пистолет Девейна тоже был однозарядным оружием, и его нельзя было перезарядить достаточно быстро, чтобы использовать против клинка. У Девейна было множество ушибов — заметная шишка синела на лбу — а также была разбита губа, а на левой скуле темнел след от удара. Похоже, со своими мучениями этот человек столкнулся в другой части деревни.

Мог ли он тоже быть завербован?

Мэтью решил, что он сам, так или иначе, не в форме для следующей битвы. Да и какой смысл?

Он бросил рапиру.

— Риббенхофф мертв. Не я убил его, — сказал он, покачав головой. — Человек Матушки Диар работал на… он называет себя *Кардинал Блэк*. Он явился в больницу…

— В *больницу?* — похоже, Фэлл пришел в чувства.

— Он забрал книгу Джентри, — продолжил Мэтью. Ему пришлось опуститься в один из стульев, потому что он чувствовал, что вот-вот потеряет равновесие. — Именно ради этого все и затевалось. Каким-то образом Кардинал Блэк убедил Матушку Диар помочь ему вломиться сюда, чтобы достать книгу. И это она рассказала ему, где хранился «Белый Бархат».

— Формулы… — пробормотал профессор. — С ними и с нужными растениями… он не сможет, конечно, воссоздать самые экзотические виды наркотиков, но… — он уставился на тело покойницы. — Моя самая давняя соратница. Почему *я не заметил* этого?

Мэтью отметил, что Девейн плотно сжал губы, когда этот вопрос прозвучал.

— Время не стоит на месте, — сказал Мэтью, вспоминая свой разговор с Гарднером Лиллехорном, который сказал ему то же самое, когда рассказывал о том, сколько криминальных элементов сейчас можно найти в Лондоне *кроме* Профессора Фэлла.

Профессор ухватил Девейна за плечо.

— Спасибо тебе, Джулиан. Какова ситуация?

— Они все вычистили. Мы поймали троих всадников, которые взорвали ворота, и у нас в плену двое перебежчиков. Но и с нашей стороны много жертв. Среди них Коупланд, Фенна, Лейтон и Мак-Гован.

— Зато у нас пять языков, которые можно заставить говорить.

— Да, сэр.

— Начнем с этого. Привяжите их к столбам на площади. У нас достаточно людей, чтобы сделать это и при этом выставить дозорных?

— У Гинесси есть вагон, которым можно заблокировать

дорогу, если кто-то решит сюда вернуться. Я думаю, у нас есть девять человек, способных держать мушкеты.

— Не очень много…

— Кардинал Блэк получил то, за чем приходил, — вмешался в разговор Мэтью, борясь с чудовищной слабостью. — По крайней мере, *одну* из нужных ему вещей он забрал.

— Что вы имеете в виду? — резко спросил Фэлл, прищуриваясь.

— Матушка Диар пришла сюда по двум причинам. Чтобы убить вас и чтобы забрать вторую книгу. Ту, к которой вы тянулись, когда я пришел. Она пришла минутой раньше, верно? Я так понимаю, я произвел много шума, стараясь перебраться через тело Мартина.

— Мы оба услышали вас еще с лестницы. Она, похоже, подумала, что это может быть Джулиан… я подумал то же самое.

Мэтью кивнул.

— Одержимый, — сказал он. — Хотел второй приз: книгу с описаниями демонов и заклятиями, с помощью которых можно призвать их. Скажите мне, Профессор… какое отношение «Малый Ключ Соломона» имеет к Киро Валериани?

Когда пауза Фэлла растянулась чересчур надолго, Мэтью вздохнул:

— Он что-то создал в своей лаборатории. Нечто, что — Розабелла мне сказала — он хотел уничтожить, но *оно* не позволило ему. Что это было?

Фэлл сохранял молчание еще некоторое время, а затем сказал:

— Девушка ошибается. Киро Валериани ничего не создавал в своей лаборатории. Насколько я знаю, он создал это в своей *мастерской*. Это не объект науки.

— Хорошо. Так что же это?

— Это предмет… — профессор помедлил. — *Мебели*.

— Что? Стул, который предсказывает будущее? И он, что, убежал, когда над ним занесли топор?

— Отрадно видеть, что во всем этом хаосе ваше воображение не пострадало. Этот предмет — о котором вам не нужно знать много, потому что я хотел бы еще некоторое время подержать вас в живых — не просто не позволил уничтожить себя, он убил *своего создателя*. Вот, какой он обладал силой. Какое отношение это имеет к «Малому Ключу Соломона», вам знать без надобности. Это для вашей же защиты.

— Защиты? От чего? От дьявольских книжных червей?

— Нет, — серьезно ответил Фэлл. — Защиты от *меня*. Джулиан, я назначаю тебя главным по зачистке, раз Фенна

больше с нами нет. После того, как заключенные будут связаны, пошли наибольшее возможное количество людей, чтобы прочесали каждый дом — комнату за комнатой. Мы не хотим, чтобы их раненые могли укрыться здесь, — глаза Профессора сфокусировались сильнее, его губы сомкнулись в тонкую линию. — Что до узников… найдите хорошую пилу или две. Соорудите костер в центре площади. Я подойду чуть позже.

— Что насчет него? — Девейн кивнул в сторону Мэтью.

— Что насчет вас, Мэтью? Почему вы пришли сюда, зная, что Мириам планирует меня убить? Вы намеревались *остановить* ее?

— Это верно.

— И с чего бы вам так поступать? Я подумал, что Альбион еще поборолся бы с вами за удовольствие убить меня. А где этот джентльмен? Прячется под своей кроватью?

— Он был убит в больнице людьми Кардинала Блэка, — ответил Мэтью. — Вы, верно, не знаете, что ваш «Белый Бархат» послужил причиной смерти его жены, которая погибла в жутком несчастном случае, коего никогда бы не было, если бы вы не травили общество своими ядами! Он видел и другие ваши дела и считал вас разрушителем общества.

— Я бы назвал это иначе, — хмыкнул Девейн с ноткой гордости. — Мы состоим в эксклюзивном клубе, где членские взносы выше, чем готово заплатить большинство.

— В самом деле, — лицо Фэлла осветила быстрая самодовольная улыбка. — Мое сердце обливается кровью за судью Арчера. Я скажу пару добрых слов, когда мы сбросим его тело акулам. А теперь… какова ваша причина спасти мою жизнь? Послушай внимательно, Джулиан, уверен, сейчас будет интересно.

Мэтью вздохнул.

— Вы сказали, что Хадсон придет в себя в течение нескольких дней, если просто перестать давать ему наркотик. Он сильный человек — и физически и морально. Он выкарабкается. Но Берри… — ему пришлось остановиться на мгновение, потому что все его воображение было занято страшной полумертвой маской, в которую превратилось лицо его возлюбленной. — Но… как вы сказали, Берри на пути к тому, чтобы превратиться в инфантильную и слабоумную куклу, если не давать ей антидот. Учитывая, что Риббенхофф мертв, а книга ядов украдена, у меня осталась одна возможность получить антидот — его можете сделать вы.

— О, — протянул профессор с долгим кивком. — Понятно.

— Я ожидаю, что вы вернете ее в нормальное состояние и не убьете ее в процессе. Мое предложение все еще в силе. Вы

безопасно доставите Хадсона и Берри на корабль в Нью-Йорк, а я найду для вас Бразио Валериани. Даю слово.

Фэлл, похоже, всерьез задумался. А затем… внезапно он рассмеялся.

Мэтью не было никакого дела до этого звука.

— Что смешного?

— *Вы,* — ответил Фэлл. — Что заставляет вас думать, что формула антидота мне известна?

Мэтью показалось, что половицы с огромной скоростью полетели ему в лицо, а земля ушла из-под ног.

— Это была формула Риббенхоффа, и она отличалась от того, что создал Джентри. Я уверен, что он добавил ее в эту книгу, потому что он был педантом и все держал в порядке… но он мертв, а книга украдена… и единственный, кто может вернуть вашу Берри в нормальное состояние, это Кардинал Блэк, а я уверен, что доступа к нужным растениям у него нет.

Мэтью потерял дар речи.

— Я восхищаюсь им в какой-то степени, — продолжил Фэлл. — Смелый ублюдок ворвался сюда и устроил мне хорошую встряску. Но моя симпатия означает лишь то, что я буду улыбаться, разрывая его на кусочки. Я хочу знать, как он взял под контроль сознание Мириам и откуда достал свое оружие. Здесь попахивает вмешательством военно-морских государственных сил…

— К черту это! — взорвался Мэтью. — У вас есть где-то запас этого антидота! Я *знаю*, он у вас есть!

— Нет, у меня его нет. Мы держим запасы лишь тех веществ, которые находят широкое применение. Например, того, что мы добавляем в «Бархат» с некоторыми вариациями содержащихся веществ. А насчет девушки… как я уже говорил, у меня не было намерения когда-либо давать ей противоядие.

Мэтью поднялся со своего стула. Мгновенно Девейн вышел вперед и поднял рапиру, которую бросил Мэтью. Молодой человек в этот момент осознал, что рука его, как ни странно, не сломана, однако работала бы она все еще плохо против Джулиана, да и реакции столь быстрой у него не было. Мэтью дрожал от злости, понимая, что без антидота женщина, которую он любит и с которой готов был разделить остаток жизни, обречена.

— *Будьте вы прокляты!* — процедил он сквозь плотно стиснутые челюсти. — Будьте прокляты всеми демонами Ада по сто раз!

— Примерно столько и был, — хмыкнул профессор. Он бросил тяжелый взгляд на труп обезумевшей женщины, словно

боялся, что она все еще может подняться и атаковать его. — Джулиан, займись делом, — сказал он. — Наш доблестный Мэтью пока не в форме — он превратился в ноющую оболочку.

— Вы не хотите, чтобы я его убрал?

— Нет, позволь ему остаться, где он хочет. Пока что свяжите узников, приготовьте пилы, соорудите костер и ждите меня. Но рапиру и кинжал я оставлю, спасибо.

Девейн отдал ему оружие. Он вытащил кинжал из цепкой хватки толстых пальцев в розовых перчатках, отдал его Фэллу а затем напряженно вышел из комнаты, перешагнув через грузное тело Мартина.

— *Подожди,* — окликнул Мэтью. Что-то в голосе молодого человека заставило Девейна остановиться.

— Вам есть, что еще добавить? — осклабился Фэлл. Он пнул тело Матушки Диар мыском своего ботинка, словно проверяя, не подаст ли она признаков жизни. На всякий случай.

Последняя мысль родилась на волне полностью овладевшего им отчаяния. И он сокрушенно произнес:

— Отпустите меня. И я верну книгу назад.

— О, разумеется, вы вернете! Решатель проблем выходит на охоту! Конечно!

— *Послушайте меня,* — с жаром выкрикнул Мэтью. — У нас с вами одинаково сильное желание вернуть ее назад, но вы то ли в шоке, то ли притворяетесь, будто не понимаете, что все эти формулы в руках одержимого человека могут разрушить остатки вашей так называемой империи. Он, наверняка, уже нанял химика, и тот лишь ждет начала работы. Кардинал Блэк может и не иметь всех нужных ингредиентов, но со временем он их получит. Если у него *будет возможность*. А теперь скажите мне правду: сколько времени осталось у Берри? Я хочу сказать… где ее точка невозврата?

Лицо Фэлла превратилось в усмешку. Он пожал плечами.

— Риббенхофф сказал мне, что у нее от тридцати до сорока дней, после которых даже антидот уже будет бесполезен.

— И как давно он это сказал?

— Шесть дней назад. Давать ей это вещество мы начали в ту самую ночь, когда привезли ее сюда.

— Я умоляю вас, — скрипнул зубами Мэтью. — Позвольте мне *попытаться*.

— У нас больше нет химика здесь.

— Я найду и книгу, *и химика*. Или умру, пытаясь.

— Сильное заявление. Можно будет высечь его на вашем могильном камне.

— У вас не так много людей, чтобы охранять территорию и

одновременно высылать поисковые группы, — сказал Мэтью, чуть приподняв голову. — Но у вас есть *я*. Я слышал, как Блэк говорил Матушке Диар встречать его в «башне». У вас есть идеи, где это может быть?

— Никаких. Мы примерно в двадцати милях от Суонси. Ближайшее поселение отсюда — Аддерлейн, это в шести или семи милях к северо-востоку, также на побережье.

— Хорошо. С этого и начну, — Мэтью все еще читал нерешительность на лице профессора. — Я должен выйти как можно скорее. Надеюсь, мне удастся позаимствовать лошадь, если налетчики не выжгли стойла, — ему пришло в голову еще одно одиозное предложение, и он поспешил его озвучить. — У меня нет времени ждать, пока Хадсон придет в себя. Пошлите кого-нибудь со мной. Один человек — это все, что мне нужно.

— А вы высокого о себе мнения.

— Да. Как и *он,* — Мэтью движением подбородка указал на третьего человека в этой комнате.

Девейн нахмурился.

— *Я*? Ты спятил?

— Это шанс исправить ошибки прошлого, — сказал ему Мэтью, и сообщение, которые могли понять только они двое, было ясным.

— Что вы хотите сказать? — прищурился Фэлл.

— Я уверен, это значит, — сказал Девейн нарочито вкрадчиво. — Что он винит меня за то, что потерял два зуба и одного хулигана, которого называл братом, судя по метке на его руке. Это ты хотел сказать, Корбетт?

— Именно так.

Фэлл отвернулся от тела Матушки Диар и обошел его кругом. Он приблизился к Мэтью и Девейну и перевел взгляд с одного молодого человека на другого. Его глаза блестели искорками возобновленного интереса. Он обратился к Мэтью:

— Вы пойдете с Джулианом, чтобы вернуть книгу?

— Да.

— Джулиан? Что скажешь ты?

Девейн вздохнул:

— Как и всегда, я рад услужить.

— Хм, — Фэлл подошел ближе к Мэтью, и теперь их разделяло всего несколько дюймов. — Вы правы, времени очень мало. Я не знаю, о какой башне говорил Блэк, но, возможно, один из наших гостей знает. Мы можем добыть ценную информацию из них в течение нескольких часов, так что давайте не будем уж слишком торопиться отправить вас в дорогу, пока нужные сведения нам не известны. В это время, Джулиан, иди и займись

тем, что я попросил.

Девейн кивнул. Он бросил быстрый взгляд на Мэтью, в котором одновременно была и вспышка досады, и насмешка, после чего он ушел.

— Я хочу выйти из этой комнаты, — профессор смотрел вниз на остатки сгоревшего парика, брошенного на пол. — Спуститесь со мной вниз. У меня есть бутылка виски, можем разделить ее.

— Мне нужно найти Берри, — сказал Мэтью. — Я хочу убедиться, что она все еще *жива*, прежде чем отправлюсь на охоту за книгой.

— Я так понимаю, Нэш забрал ее в свой дом. Это вверх по Конгер-Стрит, в начале улицы, по левой стороне. У него есть подвал, и двери могут быть заперты.

— Спасибо.

— Вам не стоит пропускать зрелище на площади, — сказал Фэлл. — Но я бы посоветовал вам найти и пару часов на сон. Могу кое-что дать вам, чтобы хорошо спалось, если хотите.

— Не стоит. А то еще привыкну.

— К чему? Ко сну? — Фэлл лучезарно улыбнулся. — Лучше бы вам отдохнуть, пока можете.

— Со мной все будет в порядке.

— Не сомневаюсь в этом. Я вот вам, что скажу, Мэтью: если принесете мне книгу назад, я соглашусь на ваше предложение и приму ваши условия. Так что можете отыскать девушку и убедиться, что она в порядке, — он ухмыльнулся, понимая, сколь печальна ирония этого момента. — Если принесете мне книгу — и приведете химика, который сможет сделать антидот — то, когда девушка поправится, я отправлю ее и Грейтхауза обратно в Нью-Йорк. Они оба будут в безопасности. Вам понятно?

— Да.

— Тогда, — кивнул профессор. — Я верю, что соглашение заключено.

— Только не предлагайте пожать вам руку, — сказал Мэтью, бросив последний взгляд на мертвое тело Матушки Диар, лежащее на полу Фэлла, затем отвернулся, перебрался через труп Мартина, покинул комнату, а затем и дом, чтобы найти фальшивую дочь Нэша.

Глава сорок третья

Рассвет красным росчерком озарил восток, когда двух человек, которые *заговорили,* привязали к стволам пушек на стене и пропустили через их тела десятифунтовые ядра, после чего внутренности этих шпионов кровавыми брызгами высыпались в море.

Остальные три смерти не были таким легким — казнь с помощью пушек была своеобразным проявлением милосердия от Профессора Фэлла. Быстрая смерть.

Покинув дом профессора, Мэтью долго колотил в запертую дверь дома Нэша и, наконец, получил отклик. Он вошел в комнату мужчины, голову которого обхватывали пропитавшиеся кровью повязки. Нэш встретил молодого человека в своих покоях, где он тихо напивался при свете одинокой свечи.

Мэтью нашел Берри спящей и невредимой, рядом с нею мирно спала миссис Нэш. Несмотря на спокойствие спящих и на то, что Берри не получила никаких травм, внутри у Мэтью все закипело от злости. Поймав Нэша за шиворот, он грозно прорычал ему, что если он или его жена забудут, что Берри Григсби находится сейчас под их защитой, и ответственность за ее благополучие всецело лежит на их плечах, он убьет их без колебаний.

Лишь выйдя из дома, Мэтью понял, что за последние сутки его жизнь и его характер претерпели крутые перемены: он не только заключил добровольное соглашение с Профессором Фэллом — он с искренней и холодной беспощадностью угрожал почти незнакомому человеку жестокой расправой…

Резко накатила усталость. Мэтью подумал, что сейчас ему и впрямь могут понадобиться зелья профессора, потому что нервы его были настолько взвинчены, что уснуть самостоятельно он бы точно сейчас не смог. После одной только схватки с Матушкой Диар кошмары начинали атаковать его наяву, а голова нешуточно раскалывалась.

Но отдыхать не было времени. Мэтью понял, что отдохнет, только если упадет в обморок от усталости, не иначе.

Мероприятие на площади можно было назвать довольно веселой сценой, если кто-то и впрямь мог наслаждаться, видя, как от вопящих, стонущих и бьющихся в агонии людей живьем отпиливают конечности.

Держась в стороне от этого жуткого действа, Мэтью издали наблюдал, как сжигали обезображенные торсы троих шпионов, и

в малиновом свете костра слышались их жуткие вопли. Зрителей было немного. Два скрипача, аккордеонист девочка с бубном играли какие-то нелепые веселые песенки — видимо, профессор приказал своим музыкантом подбодрить экзекуторов во время этой нелегкой работы. Строгий и торжественный в своем черном костюме, Фэлл стоял здесь же, занятый разговором со своими людьми, которые держали окровавленные ножовки. У одного из палачей был топор.

Никаких вопросов своим пленникам Фэлл во время действа уже не задавал. Он просто раздавал команды, и руки и ноги отпиливал один из его наемников, нанося удары в такт музыке. Раны тут же прижигали каленым железом, чтобы приговоренные к казни враги дожили до конца празднества. Отрубленные конечности складывали в большой кожаный мешок. Фэлл объявил, что куски его дорогих гостей отправятся в море, чтобы устроить пиршество акулам, и лица его беспомощных врагов — и без того обескровленные — становились белее известки. Те, кто отказался говорить, были приговорены стать подкормкой для рыб по частям, однако профессор заверил, что если в последнюю минуту они дадут ему какие-то ценные сведения, смерть может быть заменена на более милосердную.

— Теперь, — обратился Фэлл к пленникам со скрещенными на груди руками, когда казнь должна была только начаться. — Кому-нибудь есть, что сказать?

Первый человек — один из тех, кто заговорил — рассказал, что он был узником в Кардиффе, в тюрьме, и его освободили вместе с шестью другими специально для этого рейда две недели назад. Он ничего не знал, кроме уже известного имени — Кардинал Блэк. В его задачу входило лишь выполнять приказы в обмен на еду и выпивку.

— Подготовьте этого человека, — сказал Фэлл и пила начала работу. — Мне нужна более ценная информация, — пояснил он остальным двум, перекрикивая вопли и музыку. — Дайте мне что-то ценное или повторите судьбу остальных.

Удивительно, что могла сделать пила и осознание того, что части твоего тела скормят акулам.

Пока солнце медленно поднималось на горизонт, Мэтью стоял напротив дома Берри. Он не имел ни малейшего понятия, сколько она проспит в доме Нэша. Он не мог снова увидеть ее такой, да и понимал, что встреча с ней, пока дурман наркотика владеет ее разумом, будет попросту бессмысленной. Он знал, что ему нужно сделать, и понимал, что в самом лучшем случае у него есть тридцать четыре дня, чтобы успеть.

Но он все же задержался у дома Берри на некоторое время.

Зашел внутрь, сел в кресло и устало уставился в окно, наблюдая за тем, как солнечные лучи становятся ярче, и ожидая, что Берри, быть может, вернется сюда. У него было достаточно времени, так как люди профессора еще занимались подготовкой к поездке: седлали лошадей и собирали необходимые запасы в дорожные сумки.

Один из пойманных шпионов рассказал, что Кардинал Блэк и его люди — по его словам, их насчитывалось восемнадцать, учитывая нынешние потери — направились в поседение Аддерлейн. Гавань была недостаточно глубокой, чтобы военный корабль мог там причалить, поэтому он встал на якоре в бухте. Пленник также поведал, что по всему городку Аддерлейн сейчас дежурят наблюдатели, ожидая ответного удара, но вскоре они должны будут разъехаться на каретах, лошадях или кораблях. Когда именно они отправятся в путь и куда, этот человек не знал. Сам этот пленник также раньше был заключенным в Кардиффе, он признался, что посадили его за убийство сторожа во время ограбления. Он поведал, что присягать на верность Кардиналу Блэку нужно было с помощью особого ритуала — порезать вену и позволить крови стечь в некий священный сосуд во время церемонии, на которой на внутренней стороне руки выжигали перевернутый крест. Саму эту метку во всей красе люди Фэлла разглядели уже не раз, когда обыскивали раздетого догола пленника. Разговорившись, этот человек рассказал, что на церемонии повторял какую-то странную тарабарщину за Черным Кардиналом, и слова эти значили, что обращенный принадлежит только Блэку и Дьяволу, и лишь их воле должен ныне следовать. Нарушение этой клятвы влекло за собой смертельные последствия — изменников обещали убить на месте. Мужчина утверждал, что он не имеет никакого отношения к сатанинским культам, но слышал, как в ночи Кардинал Блэк ведет переговоры со своим Хозяином. Услышав это, освобожденный преступник решил, что проще будет повиноваться, чтобы остаться в живых, чем противиться воле человека, который пообещал предоставить работу, еду и питье.

О происхождении или истории Кардинала Блэка шпион никаких сведений не имел. Зачем было организовано это нападение на деревню Фэлла, он тоже не знал, но из разговоров понял, что его нанимателю требовалось заполучить нечто, хранившееся здесь. На подготовку этой атаки ушло много средств и времени.

Шпион предположил, что башня, которую упоминал Блэк, возможно, ему известна — то было полуразрушенное строение в лесу близ Аддерлейна, средневековая сторожевая башня —

возможно, единственный уцелевший элемент древнего замка. Мужчина сказал, что сам никогда там не бывал, но слышал, что в этой «башне» Блэк общался со своим Хозяином. Похоже, на этих руинах было организовано нечто, вроде Церкви Дьявола.

Другой человек — один из перебежчиков — сказал, что Мартин подошел к нему в чуть больше месяца назад, втерся к нему в доверие и рассказал, что Мириам Диар планирует прибрать империю к рукам и что профессор уже слишком стар, обессилен и слаб, чтобы управлять организацией такой силы.

— Простите, сэр, прошу, простите, я просто повторяю то, что мне сказали, — лепетал бедный предатель.

— Продолжай, — ответил Фэлл, лицо его не отразило никакой реакции на жалобное блеяние пленника.

Перебежчик, запинаясь, продолжил свой пассаж о преданности Фэллу и о том, как бесы попутали его падшую душу. Но Мэтью и профессор одновременно осознали лишь одно: любых, даже самых преданных людей оказалось слишком легко опьянить властью и купить за деньги. Те, кто помогал Мириам Диар в ее — как они выражались — правом деле по спасению разрушающейся империи, ожидали своего вознаграждения в виде баснословного количества золота и высоких постов в будущей организации.

Мэтью подумал, что этой истории вполне можно верить — это имело смысл для тех, кто решился переметнуться. Таким образом, двух человек приговорили к более быстрой и милосердной смерти через выстрел из пушки. Так их сказка закончилась, но новая еще только собиралась начаться.

Пора было отправляться. Мэтью сказал профессору то, что Фэлл уже знал: что Блэк явился сюда только за своими желанными книгами. К нынешнему моменту — так как Матушка Диар не взяла лошадь и не прибыла на встречу в башне — Блэк осознавал, что «Малый Ключ» он не получит. Возможно, он мог найти копию этой книги у какого-нибудь книготорговца. Профессор проинформировал Мэтью, что эта книга очень редкая, а теперь ее и вовсе непросто найти после того, как Фэлл скупил каждую копию в Лондоне по завышенным ценам. Существовала возможность, что Блэк со своими людьми нанесут удар по Прекрасной Могиле снова — сегодня или завтра ночью — чтобы добыть «Малый Ключ»… или же одержимый предпочтет игру на выжидание.

Мэтью считал, что Кардинал Блэк жаждет заполучить книгу, детально описывающую демонов и заклинания их вызова, это вполне имело смысл для помешанного сатаниста. Но почему эта книга так важна для Профессора? На этот вопрос Фэлл ответа не

дал.

Что до книги ядов, Мэтью подумал, что если отряд людей Фэлла — та жалкая часть, что от них осталась — попытается нанести удар по Аддерлейну, их, скорее всего, просто покромсают на куски. Хуже того будет, если они преуспеют, и беззащитный Блэк решит попросту уничтожить книгу, чтобы она не досталась никому.

Мэтью не мог так рисковать, и профессор разделял его стремление к осторожности, соглашаясь, что лучше послать только двух человек, которые могли бы проникнуть в Аддерлейн незамеченными. И все же… двое против восемнадцати?

Но другого выхода не было.

Мэтью в последний раз нанес визит в спальню Берри, чтобы посмотреть на смятую постель, в которой она спала. Он сел и провел рукой по ее подушке, представляя, как убирает разметавшиеся рыжие волосы с ее щеки, и под наволочкой он ощутил что-то твердое.

Подняв и вытряхнув подушку, он нашел тонкую коробочку размером с лист бумаги. Он открыл ее и увидел то, что дало ему надежду: пусть Берри постепенно теряла рассудок, часть ее продолжала бороться. Хотя одновременно с надеждой молодой человек испытал и ужас, осознав, как далеко продвинулась отрава Риббенхоффа, разрушая мозг Берри.

В коробке было три карандаша и несколько рисунков. Он подробно рассмотрел их один за другим.

Это были грубые, почти детские наброски разных сцен. На первом рисунке был изображен корабль, бороздящий море, люди на борту, похоже, тянули из воды рыболовные сети. На втором Берри изобразила город. Пропорции людей и зданий были сильно нарушены, но очертания карет, повозок и кораблей в гавани отчетливо угадывались. Казалось, что это нарисовал ребенок лет восьми. Мэтью не думал, что Берри пыталась нарисовать Лондон, улицы были слишком непохожими…

Нью-Йорк, понял он. Она пыталась изобразить Бродвей.

В центре рисунка возвышалось одно здание, на вершине которого стояла чья-то маленькая щуплая фигурка. Берри старалась нарисовать слезы, текущие по овальному лицу…

Эштон Мак-Кеггерс? — предположил он. Печальный, потому что она уехала из Нью-Йорка и покинула его?

Третий рисунок перехватил его дыхание и заставил вздрогнуть.

На нем были изображены какие-то доски, в которых смутно угадывались очертания причала. На них, обращенные лицом к зрителю, стояли две фигуры, у одной из них были схематично

нарисованы вьющиеся волосы. Оба человечка улыбались и держали друг друга за трехпалые руки. Высоко в небе по-детски были нарисованы солнце и птички.

Внизу листа — прямо под тем местом, где стояла счастливая пара — корявым почерком было написано: Я ЛЮБЛЮ ТИБЯ.

Несколько секунд Мэтью не мог оторвать взгляд от этого листа. Глаза его наполнились слезами, бессильные рыдания сдавили горло. В сознании его стучали те же самые слова, которые он сказал профессору:

Я найду и книгу, и химика. Или умру, пытаясь.

Мэтью осторожно вернул рисунки обратно в коробку, закрыл ее и положил на то место, где она лежала. Затем он надел плащ, треуголку и пару кожаных перчаток, которые ему выдал профессор чуть ранее, а также преподнес в подарок пистолет — ныне закрепленный в кобуре на поясе молодого человека. Вторым оружием Мэтью был кинжал с рукоятью из слоновой кости, который отдал ему Альбион в Лондоне.

Похоже, в каком-то смысле мистический страж Англии все еще был здесь, рядом.

Снаружи был холодно, несмотря на яркое солнце. И должно было похолодать еще сильнее. Железное полотно серых облаков приближалось с северо-запада. Декабрь закрывал двери, но зима была еще впереди. По пути к стойлам Мэтью думал о жизни и смерти Уильяма Атертона Арчера. Возможно, вскоре в «Булавке» появятся новые истории об Альбионе, призраке в золотой маске, и этот персонаж войдет в лондонский фольклор. Будут впереди еще мрачные времена, и «Булавка» не преминет создать новых героев и злодеев по этому случаю… а, возможно кто-то из новых персонажей будет олицетворять и добро, и зло одновременно.

Возможно также более весомое и респектабельное издание — «Газетт» — уже выпустило статью об исчезновении известного вершителя правосудия судьи Арчера, и доложила констеблям Лондона, которые бросили силы на его поиски, что по некоторым данным выяснено, что сэр Арчер был силой похищен из больницы на Кейбл-Стрит в Уайтчепеле. Загадкой оставалось, почему сэр Арчер оказался именно в *этом* госпитале, в столь неблагополучном районе. Согласно показаниям молодого клерка Стивена Джессли, который посещал судью Арчера в больнице, не было никаких гипотез, кем и с какой целью мог быть похищен этот достопочтенный господин.

И, возможно, «Газетт» проявит интерес и к тому, чем интересуется аудитория «Булавки», и отметит свои надежды на то, что Альбион не оставит это дело без внимания, так как сэр Арчер был единственным, кто принципиально не выпускал

закоренелых преступников обратно на улицы Лондона и, таким образом, способствовал делу Альбиона — мистического борца за справедливость, которого считали призраком.

Мэтью сегодня утром встретился с Ди Петри после пушечных выстрелов, когда заставил себя дойти до таверны и взять что-нибудь поесть. Ему досталась тарелка холодных бобов и два куска кукурузного хлеба, вымоченного во вчерашнем кофе, но Мэтью бездумно проглотил это все, понимая, что ни в одном куске этой еды нет яда, ведь теперь каждый человек, который в этой деревне мог держать оружие, был нужен профессору в качестве элиты его войска и, соответственно, должен был пребывать в здравом уме. Но на всякий случай, Мэтью сказал хозяину таверны, что если хоть что-то из еды будет отравлено и затуманит его разум, Профессор Фэлл зарядит третью пушку. Это существенно подняло уровень уважения, который испытывал к молодому человеку трактирщик.

Ди Петри — с перевязанным после полученной прошлой ночью травмы носом — сел с Мэтью за один стол, но от еды отказался: аппетита после жуткого зрелища на площади у него не было, однако он хотел поблагодарить Мэтью за то, что он помог вытащить мадам Кандольери из театра. У нее была тяжелая ночь, но уснуть она все же сумела. Ее раной занялся человек, имеющий некоторые познания в медицине. Освободившись от наркотического дурмана, связывающего язык, этот молодой человек рассказал, что когда-то был студентом, но учебу пришлось бросить, когда открылись подробности того, чем он занимался: выкупал трупы и продавал их для опытов другим студентам-медикам Лондона. Так или иначе, зашивать раны он умел и мог адекватно оценить состояние повреждения: сказать о наличии или отсутствии инфекции, дать рекомендации, наложить повязку. Сейчас его повысили до должности городского врача.

— Розабелла сказала, вы спрашивали о ее кузене и дяде, — сказал Ди Петри. — Можете объяснить, за чем охотится профессор?

— Нет, не могу, — покачал головой Мэтью. — Розабелла может рассказать вам о чем-то, что было создано ее дядей, и это привлекло внимание Фэлла, но она не знает, что это, и профессор не спешит делиться информацией. Впрочем, так или иначе, у нас вышел отличный разговор.

— Интересно. То есть, вы говорите, это что-то, *созданное* ее дядей?

— Да.

— Я полагаю, Розабелла рассказала вам в таком случае о своей коллекции?

— Ее коллекции? — Мэтью поставил свою чашку на стол, в которой плавал совершенно невыносимый на вкус кофе. — Коллекции чего?

— Зеркал, — пожал плечами Ди Петри. — Она не говорила Вам? Каждый год на ее день рождения с шестилетнего возраста ее дядя посылал ей зеркало собственного авторства. У нее два из них с собой прямо сейчас, она использует их, когда делает макияж для мадам. Я думаю, в каком-то смысле зеркала и заставили ее интересоваться человеческим лицом и… собственной женской природой… так она научилась делать театральный макияж.

Мэтью выдержал паузу, осмысливая полученную информацию. Затем спросил:

— Как высчитаете, можно считать зеркала предметами *мебели*?

— Не уверен… а что?

— Просто интересуюсь. Я тоже не уверен.

Ди Петри какое-то время, похоже, готов был поразмыслить над этим вопросом, но быстро потерял к нему интерес: его волновал более важный аспект.

— Профессор когда-нибудь отпустит нас?

Когда Мэтью сохранил молчание, отвлекшись на то, чтобы сделать глоток отвратительной мутной жидкости из своей чашки, Ди Петри тяжело вздохнул.

— Я не понимаю, как он так может. Он ведь не позволит законникам узнать об этом месте, верно? Наверное, он, скорее, убьет нас, чем отпустит…

— Я не знаю, — ответил, наконец, Мэтью. А он и в самом деле не знал.

— Мы утратим свой разум здесь, да? — сокрушенно спросил Ди Петри. — Розабелла передала мне то, что вы рассказали ей о наркотиках. Конечно, мы все заметили, какие странные здесь люди и подумали, что с ними всеми что-то не так. Как мы могли не заметить? Даже прошлой ночью, когда начало твориться это безумие, некоторые жители продолжали вести себя так, будто спали наяву. И та женщина, что закричала в зале… Алисия сказала, что когда она посмотрела на аудиторию и увидела столько пустых лиц, у нее буквально пропал голос. Я полагаю, нас еще ничем не пытались травить — потому что предстояло дать представление. Но скоро, наверное, нам в еду начнут что-то добавлять?

Бесполезно было отрицать правду.

— Да, — тихо произнес Мэтью.

— А что насчет *вас*? Вы разве не в той же лодке?

— Мне тоже предстоит устроить кое-какое представление вдалеке отсюда. А когда я вернусь, я…

Что? — спросил он сам себя. Какая у него была возможность помочь Ди Петри, мадам Кандольери и Розабелле? Как он мог *хоть кому-то* помочь выбраться, кроме Берри и Хадсона?

— Вы и в самом деле собираетесь вернуться сюда без принуждения? *Почему*?

— У меня есть ответственность. Это все, что я могу сказать.

— *Dio del cielo! [Боже Всевышний! (ит.)]* — воскликнул Ди Петри. — Вы можете помочь нам, пока будете за пределами этого места! Найдите законников! Найдите кого-то, кто может вытащить нас отсюда! Вы же сделаете это? Прошу вас! Не ради меня, но… Алисия не так сильна, какой хочет казаться. У нее очень нестабильная жизнь. Да, разумеется, с этими ядами, которые всех здесь делают счастливыми и отправляют жить в мир своих фантазий, мы все будем жить здесь так хорошо, как нигде больше. Но это же пародия, Мэтью! Это *зло*! Пожалуйста… если можете помочь, но не сделаете этого… тогда вы станете частью зла, вы понимаете?

Мэтью содрогнулся от мысли об этом, потому что не было способа избежать суровой правды. И все же, все, о чем он мог думать сейчас, это книга, которую необходимо было в кратчайшие сроки вернуть, чтобы по формуле Джентри смогли восстановить противоядие для Берри, а противник, у которого эта книга находится, смертельно опасен.

— Мне нужно идти, — только и выдавил он, поднявшись со своего места.

— Пожалуйста, Мэтью! *Пожалуйста!* — с мольбой закричал Ди Петри, когда молодой человек понуро побрел в сторону двери. — Не отворачивайтесь от нас!

С воспоминаниями о последних рисунках Берри в сознании, Мэтью направился к стойлам. Он нашел себе коня, которого уже подготовили для него. Седельные сумки, в которых содержалось все необходимое для путешествия: порох, пистолеты, дополнительные кремни, еда — также были подготовлены. Джулиан Девейн с рапирой, закрепленной в ножнах на боку, облаченный в кожаный плащ и темно-зеленую треуголку, наклоненную под небольшим углом, ждал своего партнера, готовясь оседлать свою лошадь. Он проворно вскочил в седло, поставил сапоги в стремена и, не говоря ни слова, направился к воротам. Мэтью последовал за ним.

По пути молодой решатель проблем оглянулся на дом Фэлла и заметил фигуру профессора на балконе, наблюдающую за тем, как его всадник авангарда отправился на миссию. Мэтью подумал

о Хадсоне, запертом в камере в подземелье, и предположил, что вскоре там будет больше света, потому что наркотик, порождающий страх, ему больше не давали. Больше ни Мэтью, ни Девейн не оглядывались назад.

У самых ворот, уничтоженных прошлой ночью атакой Кардинала Блэка, разместился в качестве баррикады упомянутый Джулианом вагон. Он загораживал путь, поэтому Мэтью последовал за Девейном, который знал дорогу, проходящую мимо стены Прекрасной Могилы.

Вдалеке, на расстоянии многих миль, возвышались голубоватые силуэты гор. На несколько сотен ярдов вокруг деревни Фэлла земля представляла собой неприглядное серое болото с темно-серыми, коричневыми и желтыми прожилками тропинок, заросших высокой травой, в которой, вероятнее всего, скрывалась трясина. По пути встречались потрепанные ветром деревья, словно вымаливающие милосердия у этого сурового края. Дорога тянулась с юго-востока на северо-запад, и распознать ее временами было непросто. Впереди на пути двух всадников возвышался лес.

Они прошли совсем небольшое расстояние, когда Девейн пришпорил свою лошадь и заставил ее встать на пути у коня Мэтью, преградив ему путь.

Фиолетовый синяк над правым глазом Джулиана несколько побледнел, но на левой скуле несколько ушибов сплавились в один уродливый кровоподтек. Рот его неприязненно искривился, и он заговорил.

— Ты понимаешь, что это самоубийственная миссия, да?

— Я понимаю, что это *миссия,* — ответил Мэтью. — И я не считаю ее самоубийственной.

— Тогда ты куда больший идиот, чем я предполагал. И вот ты втянул в это *меня!* — он потянулся своей рукой в черной перчатке под плащ, вытащил четырехзарядный пистолет. — Стоит мне убить тебя прямо сейчас или чуть позже, а профессору сказать, что это было пустяковым делом?

— Лучше чуть позже, — спокойно отозвался Мэтью. — Охранники на стене могут запросто услышать звук выстрела с этого расстояния.

Девейн направил свою лошадь вперед, но подождал, пока Мэтью поравняется с ним и поедет рядом. Железный лист облаков надвигался на них.

— Слушай сюда, Корбетт, — процедил Девейн. — Ты мне не нравишься, мне не нравится эта чертова ситуация, в которую ты меня втянул, и если каким-то образом мне удастся выжить, я заставлю тебя заплатить. Но пока что я буду делать все

возможное, чтобы выполнить задание, потому что таков мой принцип, и от него я не отступаю. А потом… — он помедлил. — Я убивал множество раз и большинством смертей я наслаждался. Если мне придется убить тебя, я это сделаю. И это тоже будет делом принципа. Ты понял?

— Без сомнения, — кивнул Мэтью.

— Я плохой человек, — сказал Девейн. — Просто, чтобы ты знал.

И снова — без сомнения, подумал Мэтью, но предпочел сохранить молчание.

Затем Девейн убрал пистолет и рысью направил свою лошадь на северо-запад. Мэтью последовал за ним, щелкнув поводьями, понимая, что пойдет на все, чтобы спасти женщину, которую любит и заставить убийцу, который устроил расправу над Черноглазым Семейством, заплатить за это злодеяние, потому что своему погибшему другу он это *пообещал*.

Они продолжали двигаться вперед — хороший человек и плохой человек — без оглядки и без сомнения сквозь этот уродливый пейзаж.

От переводчика

Дорогие читатели!

Знаю, что далеко не всем будет интересно послание переводчика, но все же (как и в прошлый раз) считаю себя обязанной оставить это здесь и рассказать немного о длительном и непростом процессе работы над «Свободой Маски».

Не буду вновь пересказывать историю о том, как именно я взялась за работу по переводу серии «Мэтью Корбетт» — это можно найти в заметке «от переводчика» в предыдущей книге. Скажу лишь, что, несмотря на всю сложность этой задачи — за счет событийности, детальности и размера шестой книги в сравнении с пятой — я ни разу не пожалела, что бросила себе этот вызов и не отказалась от этой затеи.

Опыт оказался новым и незабываемым — еще никогда прежде я не погружалась в мир героев какой-либо серии настолько глубоко! Ведь теперь, когда две книги подряд я работала над тем, чтобы у читателя от перемены стиля переводчика не начало резать глаза, приходилось очень детально изучать и сверять правильность написания имен, названий, формулировок… вследствие чего вся эта история стала мне родной и помню я ее почти наизусть. Разумеется, *было* осознание, что это не моя книга, что я лишь перекладываю текст с английского языка на русский, но избежать трепетного отношения и сильнейшей привязки к «Мэтью» не удалось. Что ж, пожалуй, это даже хорошо, иначе бы я, наверное, не так много моральных и физических сил потратила на перевод, и качество его вышло бы хуже. Сейчас могу с ответственностью заявить, что постаралась все сделать наилучшим образом. (Быть может, замыленный глаз, читающий эту книгу уже в третий раз, пропустил какие-то мелкие огрехи… что ж, если так, прошу простить и сделать скидку на то, что вы наблюдаете перед собой перевод, сделанный одним человеком без корректора и на чистом энтузиазме).

Правда, подстроиться под стиль и верно почувствовать настроение на этот раз было гораздо сложнее, чем в «Реке духов». «Свобода Маски» очень динамична, она сильно меняется по ходу повествования, и иногда действительно трудно было уловить, какое настроение стремился передать МакКаммон в той или иной сцене и какие оттенки речи или обороты следует приписать в переводе тем или иным персонажам.

Также шестая книга полнится кучей примеров игры слов, которую затруднительно было интерпретировать на русский язык.

Взять хотя бы момент, когда Мэтью вспоминал фамилию Хадсона Грейтхауза, находясь на борту «Странницы» в третьей главе.

The great house of the Lord…
The great house…
The greathouse…
Greathouse.

Вроде бы, тут все просто! И поначалу действительно просто — с «The great house of the Lord» и дальнейшим с «The great house» проблем никаких не возникло, а вот когда в голове Мэтью два слова начали складываться в фамилию Хадсона — «The greathouse…Greathouse», вот тут уже появилась загвоздка: как эту логическую цепочку превратить в… логическую цепочку! Поэтому пришлось воспользоваться тем самым прозвищем «Великий», которое закрепилось за Хадсоном в течение серии и притянуть эти размышления, чтобы получить хотя бы отдаленно то же самое:

Великий Дом Господень,
Великий Дом…
Великий… (вот тут уже переводческая отсебятина пошла) *человек*…
Великий…
Грейтхауз…

И так — сплошь и рядом в «Свободе Маски».

Были и другие сложности. Для начала, там появились реплики на итальянском языке! И, надо сказать, не только реплики вида «да», «нет» или «о, боже!» — встречалось там нечто и посложнее, а итальянский я знаю ну очень посредственно. Можно сказать, почти не знаю. На большинство из присутствующих изречений моих скромных навыков, правда, хватило, но, к примеру, нормально перевести вот это: «Questo deve avere le palle di ottone per andare con la sue orecchie in ottone!» я так и не смогла. И даже пара моих друзей-знакомых, которые знали итальянский, развели руками, сказав, что это, наверное, какой-то неясный фразеологизм про железные яйца… Стоит ли говорить, что пресловутые онлайн-переводчики и даже поиск общего контекста фразы через перевод отдельных слов практической пользы не дал?.. Сносок с переводом у МакКаммона не наличествовало, поэтому пришлось оставить эту фразу, как есть. К слову сказать, дальнейшие слова: «Мэтью разобрал что-то о железных яйцах и железных ушах», действительно

наличествовали в оригинальном тексте, а не были попыткой переводчика ухватить хотя бы элементы этой конструкции.

Ну, да Бог с ним, с итальянским!

На страницах этой книги встречаются говорящие имена, которые тоже так просто не переведешь… к примеру, тот же Рори Кин (от англ. keen — плач по покойнику) или Лорд Паффери (от англ. puffery — рекламирование, дутая реклама). Они говорящие, да. Но… в общем-то я сочла, что переводить его с учетом этой тонкости и плодить «Злодеусов Злеев» не стоит.

Так же вышло с Пай Пудинг. Нет, в целом даже есть такое имя, как Пай, да и слово такое в современной русской кулинарии тоже имеется, так что все понятно. Но вот, если не переводить, игра слов, о которой Пай рассказывает, упоминая свою записку («Take care of my puddin' and pie, 'cause I cannot»), пропадает или улавливается лишь отдаленно. И подобных примеров было великое множество.

Особенно попотеть пришлось с запиской от Альбиона Профессору Фэллу.

Каюсь, здесь вышла пусть небольшая, но отсебятина, потому что никакой строки «Д.И.Ф_ирамбу к_Э_го спел мета_ЛЛ» там не было. Про металл, дифирамбу или эго речи не шло. И вообще весь этот нехитрый стих выглядел вот так:

A gauntlet thrown,
and D.own I.t fell…
Seek Clotho, Lachesis, Atropos
at the midnight bell.
Come test your fate and dare to ask
what lies beneath the gilded mask

Простой, да? Я тоже так думаю.

Но, чтобы сохранить вот те самые элементы про Д.И. Фэлла в более-менее стихотворной форме, пришлось извращаться таким вот образом. Поэтому… получилось то, что получилось. Честно, я очень долго над этим думала, несколько дней ломала голову, но ничего лучше просто не смогла состряпать:

Перчатка брошена…
Д.И.Ф_ирамбу к_Э_го спел мета_ЛЛ
Клото́, А́тропу, Ла́хесис
В полночном звоне ты искал
Судьбу ты рискнешь ли свою испытать
Секрет позолоченной маски узнать…

Не сказать, что я сильно довольна этим результатом. Во-первых, я не поэт. Во-вторых, меня не покидает ощущение, что предыдущий переводчик серии «Мэтью Корбетт» придумал бы что-то менее корявое или и вовсе сослался бы на непереводимую игру слов, чтобы описать это «Д.И. Фэлл». Но, так или иначе, М.Б. Левин книги на общественных началах не переводит, поэтому пришлось выкручиваться, как умею. Обратиться к читателям с этим вопросом я не очень могла, потому что вышел бы все-таки спойлер, а я этого допускать не хотела, хотя некоторые читатели и говорили, что с радостью окажут мне посильную поддержку.

К слову, некоторым таким читателям прямо здесь хотела бы выразить чистосердечную благодарность!

Спасибо ***Кайрату Садыкову*** — за помощь в некоторых моментах перевода и за предложения поддержки! К сожалению, не успела доделать перевод к его дню рождения, но… с запозданием поздравляю и, складывая ручки, говорю, что лучше поздно, чем никогда.

Спасибо ***Андрею Волошину*** — за поддержку творческих начинаний, за предложение помощи и за читательскую денежную благодарность. Сюда же хочу приписать большое спасибо ***Юлии Рысиной*** за финансовую поддержку! К сожалению, у меня не сохранились все имена читателей, которые также отблагодарили денежкой (они не все мне написали что-то в сети), но… дорогие друзья, это было очень неожиданно и приятно! Правда, огромное-преогромное вам всем спасибо!!!

Спасибо ***Анне Широковой*** — за огромную идейную поддержку и помощь в распространении перевода по сети Instagram, Vk.com, FaceBook!

Спасибо ***Надежде Поповой*** (талантливейшему автору, книги которого я рекомендовала, рекомендую и буду продолжать рекомендовать!) за то, что поделилась контактами Бориса Ж, который помог выложить текст этой книги на Флибусту. И ***Борису Ж*** — собственно за помощь с созданием fb2-файлов и уже упомянутой выкладкой шестой книги на Флибусту и в другие сетевые библиотеки.

Спасибо ***Андрею Аггире-Кордова*** за помощь в заказе оригинальных версий бумажных книг Р.Р. МакКаммона серии «Мэтью Корбетт» из США с пересылкой. Я не могла после всей этой работы не заиметь оригиналы текстов в бумаге, и мой добрый друг подсобил мне с заказом, а также с поиском редкой четвертой книги («The Providence Rider»), которая досталась даже с автографом Р.Р. МакКаммона!

Спасибо ***Андрею Зорину*** за помощь и совместную работу по поиску электронного адреса самого Роберта МакКаммона и,

собственно за размышлением над тем, как представить автору серии «Мэтью Корбетт» и других полюбившихся мне книг историю с моей инициативой перевода.

Ну, и спасибо большое ***Людмиле Земцовой***! Вот, без кого этого перевода никогда не бы случилось, потому что именно эта девушка познакомила меня с творчеством Роберта МакКаммона и конкретно с серией «Мэтью Корбетт», в которую я окончательно и бесповоротно влюбилась!

Часть людей, которых я здесь благодарю, даже не знакомы мне лично. Общение с ними состоялось в сети непосредственно после перевода, что лишний раз доказало мне пользу и важность этой работы. Выражаю также искреннюю благодарность каждому читателю (коих, как оказалось, очень много), который предпочел написать отзыв на перевод, написать в комментариях или обратиться лично! Мне очень ценен каждый из этих откликов, такие вещи заставляют двигаться вперед и мотивируют еще усерднее, еще качественнее выполнять работу. Уже говорила ранее в статьях и повторюсь: в серии «Мэтью Корбетт» планируется восемь книг, и я клятвенно обещаю, что переведу эту историю до конца, раз уж взялась за это! В этом случае читатели МакКаммона могут быть спокойны.

Благодарю за внимание каждого, кто осилил эти откровения переводчика до конца!

До новых встреч с Мэтью в книге «Colonial Gothic».

P.S. а в скором времени обещаюсь выпустить в свет еще один перевод уже другой серии МакКаммона — «Тревор Лоусон» (или «Я путешествую по ночам»). Так что, можно сказать, я не прощаюсь!

Искренне ваша,
Наталия Московских.

notes

1

Здесь имеет место определенная игра слов: город называется Ротботтом (Rotbottom), и Хадсон называет его «городишком с гнилым дном» — «rotten bottom town» (прим. перев.)

2

Петер Минёйт — голландский политический деятель, губернатор Новых Нидерландов, губернатор Новой Швеции. В 1626 году выкупил остров Манхэттен у индейского племени Манахатта за вещи, оцененные тогда в 60 гульденов (24 доллара в то время — сумма, эквивалентная сегодня 500–700 современным американским долларам).

3

Lionfish-Street дословно переводится как «Улица Крылатки».